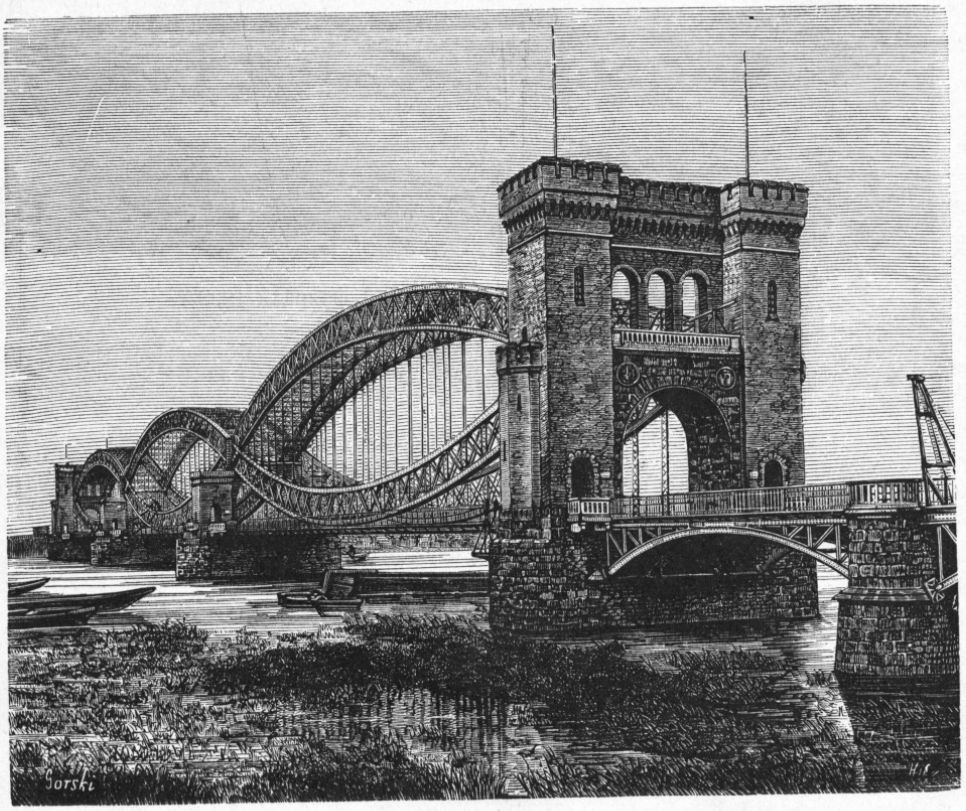
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ВТОРАЯ

Томъ 3 и 4.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей С. П. Зыкова,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» и К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ
Элизе Реклю.
Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
С.-ПЕТЕРБУРГ.
Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подьяческая, 39.

Том III. Германия и Швейцария

Глава I Общий обзор

Германия (Deutschland) есть центральная страна Европы. Диагонали, проведенные из одной оконечности европейского континента до другой, проходят через её территорию. Будут ли эти идеальные линии проведены от Гебридских островов к Константинополю, от Уральского хребта к Гибралтарскому проливу, от северной стороны Скандинавии к южной оконечности Сицилии, от берегов Бретани к берегам Каспийского моря, все они пересекают самое сердце Германии. Следовательно, географически Германии предназначено исполнять, по отношению ко всей Европе, ту роль посредника, которая принадлежала более специально Франции в продолжение слишком десяти столетий по отношению к Западной Европе, и которая ныне принадлежит Англии по отношению к Старому и Новому Свету.

Пространство Германской империи: 540.419 кв. килом.; народонаселение (по переписи 1-го декабря 1890 г.): 49.428.470 душ: в среднем, на 1 кв. километр—91 жит. Пока не существовало искусственных дорог, и пока естественные пути сохраняли всю свою важность, Германия, столь выгодно расположенная для перехода народов между Востоком и Западом, оставалась далеко позади своей соседки, Франции, в отношении выгод исторического движения между югом и севером. Она не соприкасается с Средиземным морем, от которого ее отделяет стена Альп. Даже если причислять к Германии и немецкия населения Австрии, граница первой все-таки находится далеко от побережья Средиземного моря; северные люди, германцы, не могли завоевать себе путь к Венецианскому заливу иначе, как пройдя через славянскую территорию и овладев итальянским городом Триестом: эта земля не принадлежит им ни по географическому положению, так как она находится на противоположном склоне Альп, ни даже по праву оккупации, так как немцы живут там в весьма незначительном меньшинстве. Германия, ограниченная в своей естественной области одним северным склоном Альпийской цепи и принужденная заимствовать чужую территорию для того, чтобы иметь сообщение с Средиземным бассейном, может, следовательно, лишь в очень неполной мере способствовать слиянию контрастов, существующих между севером и югом Европы. Между тем как Франция, занимающая гораздо меньшее пространство, принадлежит в одно и то же время к двум бассейнам—к бассейну Атлантического океана и к бассейну Средиземного моря, Германия всею своею массою обращена к северной стороне мира. Франция, пересекаемая 45 градусом широты и водораздельным хребтом Севеннских гор, представляет истинную середину умеренного пояса между полюсом и экватором; Германия же вся лежит уже в полярной половине, на океаническом склоне.

Притом морские окраины Германии омываются не широким, открытым океаном. Моря, окаймляющие немецкие берега, не глубоки и не богаты портами, как моря Франции и Англии. Балтика, на которой Германия имеет более двух третей своего морского прибрежья, представляет почти замкнутое море, из которого корабли могут выходить только через проливы Датских островов[1]; к тому же это море, хотя и маленькое, очень опасно своими песча-

1 Теперь устроено прямое сообщение между морями Балтийским и Северным—посредством канала импе-

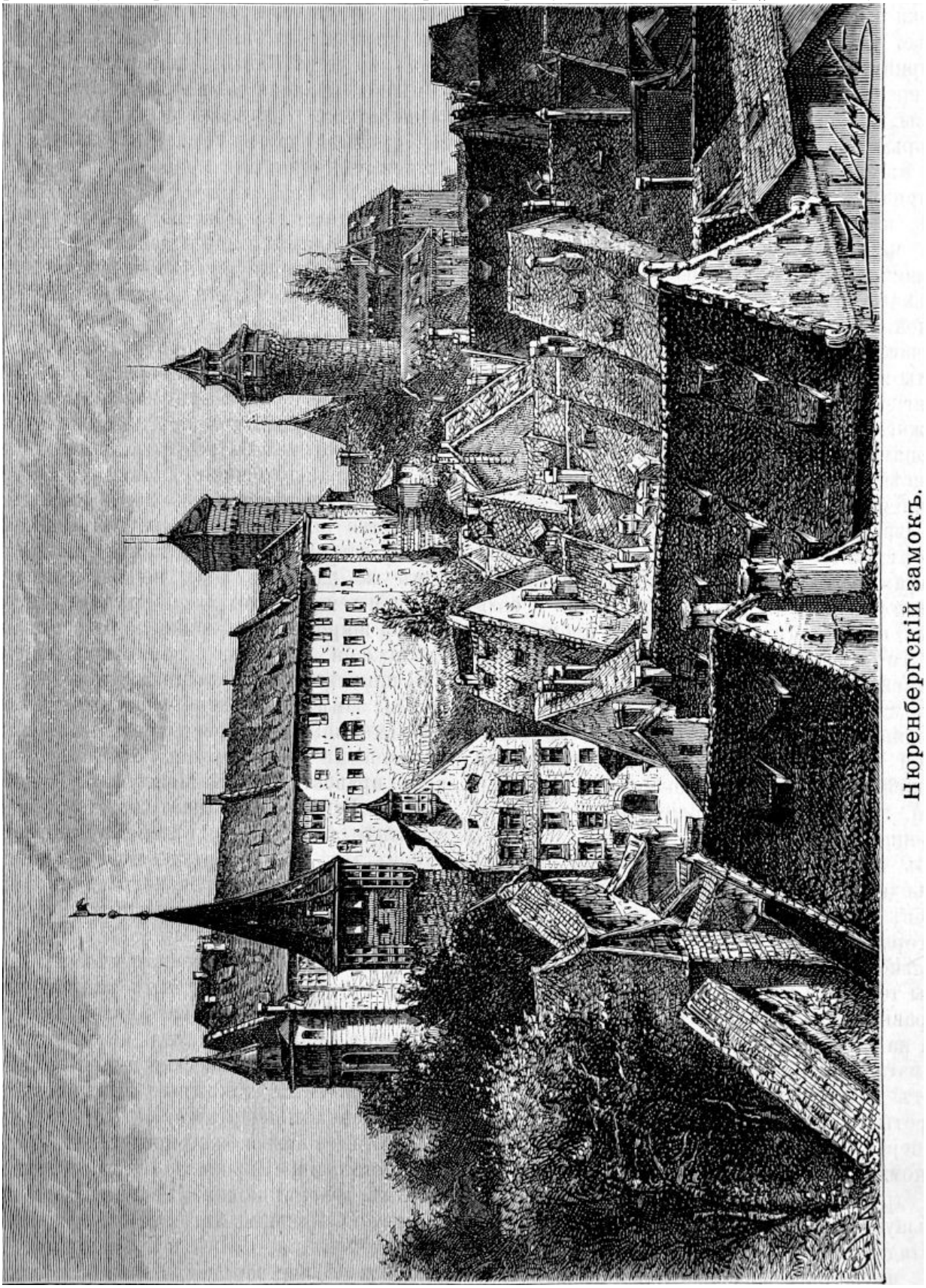
ными банками, своими короткими волнами, своими туманами и своими ветрами, порывистыми и переменчивыми; зимою вход в его гавани заперт льдами, да и само море совершенно замерзает во многих местах своей поверхности. Наконец, около половины этого морского бассейна почти бесполезно для торговли по той причине, что к северу от Аландских островов берега его очень мало населены. Другое море, прилегающее к Германии, Северное, называемое также Немецким, представляет, по крайней мере, ту выгоду, что оно свободно сообщается с Атлантическим океаном; но главными его воротами для сношений с остальным миром служит узкий пролив Па-де-Кале, проход через который легко может быть заперт для германских судов флотами Англии и Франции. Кроме того, Северное море тоже опасно по причине его мелководья: «Nord-See, Mord-See» (Северное море—убийственное море), говорит немецкая пословица; его неопределившиеся плоские берега, по временам внезапно затопляемые морскими водами, продолжаются далеко под волнами в виде длинных песчаных банок. Во многих местах суда находятся уже на береговых отмелях, прежде чем с них сделается видимым самое побережье. Германский купеческий флот, правда, получил большую относительную важность между торговыми флотами земного шара, но причину этого нужно искать отнюдь не в приморских выгодах географического положения страны.

Таким образом Германия, хотя обращенная общею своею покатостью к морю и ограниченная морем на всем протяжении своей северной окраины, есть в сущности страна гораздо более континентальная, чем морская. Исключая нашествия англов и саксов на Великобританию, все исторические движения, в которых собственно так называемые немцы играли важную роль, совершались через сухопутные границы: в областях Альп, Рейна, Одера, Вислы, Дуная происходили все те превратности войн, завоеваний, переселений, которые были следствием непрерывной борьбы, то мирной, то кровавой, немцев и их соседей: славян, итальянцев, латинизованных галлов. Эти постоянные перемещения германских населений были тем легче, что Германия не имеет географических границ, кроме как со стороны Италии. На востоке равнины её сливаются с громадными ровными пространствами Польши и России; на западе различные небольшие массы гор и затопляемые морем земли в соседстве с Голландией составляют, так сказать, отрывки естественных границ; но во все времена легко было обходить эти препятствия, и действительно, многочисленные населения германского племени перешли через них. Так, фламандцы, германское происхождение которых бесспорно чище, чем происхождение венских австрийцев и берлинских пруссаков, подвинулись вдоль берегов Северного моря даже внутрь Франции, до холмов области Булоне. В восточном направлении другие германцы, следуя вдоль берегов Балтийского моря, проникли далеко вглубь страны, составляющей ныне часть Российской империи, тогда как на юго-востоке другие немецкия колонии занимают, среди румын и мадьяр, часть трансильванских плоскогорий. История рассказывает, что в восточной части Европы славянские и немецкия народности вели между собою непрерывную борьбу, перемещая из века в век свою общую границу, сообразно результатам войн и взаимному давлению. Только сплошной вал гор Богемии, одна из редких естественных границ центральной Европы, предохранила чешский народ от этнографического преобразования: без Шумавы, Рудных гор и Судетов чехи называли бы и считали бы себя немцами, подобно миллионам их соплеменников славян в Пруссии и в Австрии.

Таким образом, область германской расы, на большой части её окружности, лишена точных пределов и каковы бы ни были политические границы, определенные трактатами, во многих местах трудно сказать, где именно начинается настоящая Германия: вооруженные переселения, нашествия извне, внезапные войны, медленное оттеснение одного народа другим сделали раздельную линию неопределенною и изменчивою. Но, по странному контрасту, внутренность страны разделена небольшими массами или группами гор на частные бассейны, довольно обособленные и как бы предопределенные к восприятию отдельных населений.

ратора Вильгельма, проведенного по территории Шлезвиг-Голштейна, от Кильской бухты до устья Эльбы. *Ред*

Преимущественно на севере долины Майна, от западного угла Богемии до Арденского плоскогорья, страна имеет наиболее неровный рельеф почвы, представляет местность, наиболее пересеченную горами и лесами, наиболее разнообразную по своим географическим услови-



Нюренбергскій замокъ.

ям; это, вместе с тем, есть та часть Германии, где феодальный порядок достиг наибольшего развития и держался наидолее, оставив после себя множество мелких государств, которые еще недавно сохраняли некоторые остатки своей независимости. На юге от этого лабиринта

холмов и долин, в большой равнине верхнего Дуная, образовалось значительное государство, Бавария, тогда как на севере обширные пространства приморской Германии, представляющие довольно узкую полосу в сравнении с протяжением их с востока на запад, разделились на несколько больших политических владений; то из этих владений, которое занимало самую значительную и наиболее однообразную по характеру местности часть германской низменности, королевство Пруссия, приобрело перевес над соседними государствами, более раздробленными; оно увеличилось мало-по-малу сопредельными областями и, сделавшись обладателем всех стратегических позиций центральной Германии, было уже de facto господином всей Германии в то время, когда формальные договоры создали нынешнюю немецкую империю.

Различные группы гор, разделяющие страну географически, то-есть на отдельные внутренние бассейны, настолько высоки и покрывают настолько значительную ширину территории, что могли надолго замедлить политическое объединение Германии; но они не были достаточным препятствием для того, чтобы остановить переселения самого народа и чтобы разъединить жителей севера и жителей юга на две подрасы или племенные разновидности, существенно отличные одна от другой. В характере местности несомненно существуют большие противоположности между севером и югом Германии: с одной стороны, мы видим необозримые равнины, луга, степи и болота: с другой—высокие горы, плоскогорья, горные потоки и озера; но северный немец, тем не менее, удивительно похож на южного. Если не принимать во внимание мелкие черты и второстепенные отличия, то нужно признать, что фризы, мекленбургцы, помераны (поморяне или поморы) представляют замечательное сходство в нравах, истории, социальном быте с баварцами, тирольцами и штирийцами. На севере, как и на юге Германии, существуют еще населения, сохранившие остаток своей древней группировки по расам и родам или коленам; в той и другой полосе, северной и южной, уцелели старые наречия и старинные обычаи; традиционное деление на обособленные касты или сословия не изгладилось, и местами религиозный фанатизм проявляется еще с прежнею силою. Средняя Германия, особенно Тюрингия, страна холмов и лесов, взаимно пересекающихся горных цепей и групп, уединенных или расходящихся лучеобразно в разные стороны, волнистый и пересеченный пояс с многочисленными естественными контрастами, представляет переходную область между обширными равнинами севера и большими горами юга. Пульс жизни, промышленной, социальной и политической, бьет в этой средней полосе усиленно; перемены происходят здесь особенно быстро; классы и касты смешиваются, наречия сливаются в один общий язык. Из этой-то срединной линии, идущей от Франкфурта до Лейпцига и до Берлина, исходят все великие толчки в ходе немецкой истории.

В целом, Германия представляет правильную покатость от подножия Альп до берегов Северного и Балтийского морей. Плоскогорья Баварии лежат выше долин центральной Германии, а из этих последних воды текут к великой Северной низменности. Неравными уступами страна понижается с юга на север таким образом, что различия климата почти сглаживаются: влияние высоты мест компенсирует влияние географической широты, и, вследствие того, поясы неравной температуры, столь близкие между собою на южном склоне Альп, очень удалены друг от друга на длинной северной покатости, большую часть которой занимает Германия. Взгляд на карты, называемые «изотермическими», не дает возможности составить понятие об этой равномерности климата Германии, ибо эти карты изображают не действительные температуры мест в продолжение среднего года, но температуры чисто идеальные, которые мы наблюдали бы, если бы всякая страна была понижена до уровня моря. Вообще говоря, какой-нибудь дунайский город, например Регенсбург, и какой-нибудь приморский пункт, например Гамбург, имеют совершенно одинаковую среднюю температуру ($8,^{\circ}6$): если бы все неровности почвы между этими двумя городами исчезли, и если бы вся страна, от высоких плоскогорий Баварии до устья Эльбы, превратилась в равномерно наклонную плоскость, то средняя температура года везде была бы одна и та же; для всей части

Германии, заключающейся между Рейном и Одером, она держится между 8 и 9 градусами[1]. Колебания температуры разнятся, смотря по свойству рельефа почвы, по близости или отдаленности гор или моря, и по тысяче других особенностей среды; в гористой области дожди обильнее, чем в равнинах севера; но с общей точки зрения можно сказать, что от одного края страны до другого местные вариации в общем ходе метеорологических явлений мало разнятся на пространстве между Альпами и Северным морем. В этом отношении особенно замечательно течение Рейна: от Базеля до Эммериха эта река, хотя она проходит пространство около 500 километров по прямой линии, остается, тем не менее, в одном и том же климате, под небом одинаковой средней температуры, как будто бы географическая широта не изменялась на всем этом протяжении. В этом заключается еще одна из причин, объясняющих сходство, которое мы замечаем между северными и южными немцами: одинаковость среды в значительной степени способствует сближению привычек, нравов, мыслей. Между востоком и западом Германии различие климатов гораздо заметнее, чем между севером и югом; в самом деле, со стороны востока средняя температура ниже и дожди несравненно менее обильны. Климат там походит уже на климат России.

Если Германия, в географическом организме Европы, должна быть рассматриваема только как часть северного склона Альп, не имеющая точных границ на востоке и западе, то и с геологической точки зрения эта страна является каким-то отрывком, без определенных очертаний; она не составляет целого, и ее невозможно представить отдельно от остальной Европы: «В геологическом смысле, говорит один немецкий геолог, существует Испания, Англия, Норвегия, Швеция, Россия, Франция, но нет Германии»[2]. Известковые Альпы верхней Баварии составляют восточное продолжение гор Форарльберга и Аппенцеля; большой пояс формаций, отложившихся в древнем миоценовом море, из которого образовалась нынешняя Швейцарская равнина, продолжается до южной Баварии, где он, на значительной части своего протяжения, покрыт глетчерными обломками, скатившимися с гор. Юра, очень съуженная в том месте, где ее пробивают воды Рейна, снова сильно расширяется в Швабии и пересекает всю южную Германию до западного угла Богемии. Горы Шварцвальда, с их гранитами, красными песчаниками, третичными формациями, представляют группу, соответствующую Вогезам, которые расположены против них, по другую сторону долины Рейна; но фундамент, на котором стоят эти горы, продолжается, на запад от Богемии до равнин Ганновера. К северу от Майнцской равнины древние формации по обе стороны Рейна одни и те же: девонские породы, начинаясь в Арденнах и в валлонской области, продолжаются в северо-восточном направлении, к Нассау и Вестфалии, и окаймлены на севере одним и тем же поясом каменноугольных образований, среди которых Кёльнская равнина открывается как большая бухта. В Бельгии и в Германии обрывки меловой формации и более новых образований тоже опираются на самую переднюю область холмов; наконец, равнина новейшего образования, пространством около 400.000 квадратных километров, которая тянется по всему северу Германии, есть лишь часть древнего морского берега, обнимавшего также Голландию, Польшу и обширные территории центральной России. Таким образом, геологически Германия делится на две половины: южную, которая примыкает к Швейцарии, Франции, Бельгии, и северную, которая составляет продолжение сарматской равнины по направлению к западу.

Между массами гор различного образования, которые возвышаются в средней полосе Германии, находятся многочисленные вулканические группы, замечательные то своими кратерами, превратившимися в озеро, то своими базальтовыми колоннами или длинными потоками застывшей лавы. Это бывшие отдушины очага расплавленных веществ, который клокотал под поверхностью нынешнего прибрежья, когда вся северная часть Германии была еще покрыта водами моря. В соседстве с этими потухшими вулканами разнообразие горных пород очень велико, также как во всей холмистой стране, где берут начало, с одной стороны,

1 Пуцгер, „Atlas des deutchen Reiches", von Richard Andree und Oscar Peschel.

2 Бернгард Котта, „Deutschlands Boden".

притоки Майна, с другой—притоки Везера. Таким образом, в глубинах земли богатство геологических формаций соответствует разнообразию видов во внешней или поверхностной природе; следствием этого является разнообразие культур и промышленностей, которое, в свою очередь, ведет к тому, что населения представляют больше оригинальности в нравах и в учреждениях[1].

На самом западе южная Германия непосредственно соединена с северною течением Рейна. Эта река, берущая начало в Альпах, перерезывает цепь Юры, проходит через широкую борозду, открывшуюся в геологические времена между Вогезами и Шварцвальдом, затем пересекает последовательно все каменистые пласты гор, которые заграждали её долину на протяжении около 200 километров. Следовательно, посредством течения Рейна общий скат страны, так сказать, стал видимым; но далее, на востоке, воды не могли изливаться в том же направлении, по причине препятствия, представляемого горами Тюрингии; реки должны были искать себе выхода параллельно Альпам, и таким-то способом образовался Дунай, который проложил себе дорогу по боковому скату, ведущему к внутреннему морю. Замечательно, однако, что Рейн и Дунай во многих местах переплетаются своими бассейнами. Весь верхний Дунай, от истоков до Регенсбурга, составляет точное продолжение, у основания Швабской Юры, линии, образуемой у подошвы Швейцарской Юры Ааром, главною рекою верхне-рейнского бассейна. В Шварцвальде, в холмах Вюртемберга, многие притоки двух названных главных рек имеют не вполне определившееся течение и как будто колеблются на счет пути, по которому им нужно следовать, так что порог в несколько метров вышиною заставил бы их переменить направление. Наконец, река Альтмюль, впадающая в Дунай выше Регенсбурга, и река Регниц, изливающаяся в Майн ниже Нюренберга, так близко подходят одна к другой и разделены до того низменными землями, что уже более тысячи лет тому назад явилась мысль соединить эти два речные бассейна судоходным каналом. Следовательно, равнины северной Баварии образуют для ската почвы переходный пояс между Рейном и Дунаем.

Все реки северной Германии текут в море по направлению, замечательно аналогичному в общем очертании описываемых ими кривых. Подобно Рейну, в нижней части его течения, начиная от Майнца, Везер, Эльба, Одер и Висла бегут по долинам, наклоненным от юго-востока к северо-западу, и многие большие изгибы или колена этих рек воспроизводятся почти точно в той же форме через промежутки в двести или триста километров. Правильный ход этих потоков свидетельствует о большом однообразии в геологических движениях, которым подвергалась почва: колебания земной поверхности заставляли воду рек извиваться по одинаковым излучинам, подобно тому, как дуновение ветра производит одинаковые складки на развевающихся вымпелах кораблей. Большие реки северной Германии не только образуют параллельные извилины в их нынешнем течении, но, как кажется, они были параллельны между собою и в предшествовавшие геологические эпохи, когда они текли в других, отличных от теперешних, ложах. Было, может быть, время, когда Эльба, достигнув места, где ныне находится Магдебург, продолжала свое нормальное течение на северо-запад и спускалась к морю по долине, в которой теперь бежит Адлер, приток Везера. Точно также Одер, дойдя до Франкфуртского колена, не поворачивал на север, к Балтийскому морю, в которое он ныне изливается, но продолжал следовать своему первоначальному направлению на северо-запад и соединялся с Эльбою, становясь, таким образом, притоком Северного моря. Маленькая речка Шпре, которую один писатель сравнивает с «карликом, спрятавшимся в ратные доспехи великана», блуждает в обширном ложе, усеянном озерами, где прежде извивалась река[2]. Также точно Висла, которая в наши дни поворачивает на северо-восток ниже Бромберга и впадает в залив Фриш-Гаф, изливалась прежде на запад, через широкую долину, покрывшуюся впоследствии болотами, где теперь проходят реки Нетце и Варта, притоки Одера. Наконец, Неман, который ныне изливается в Куриш-Гаф, откуда он выходит через

1 Бернгард Котта, „Deutschlands Boden".

2 Girard, „Norddeusches Tiefland".

Мемельский проток, некогда задерживался цепью холмов, высотою от 60 до 90 метров, на востоке от Тильзита; прежде он спускался южнее, наполнял большую долину, где теперь извивается речка Прегель,—слишком маленькая для того огромного ложа, которое она унаследовала,—и впадал в Фриш-Гаф, который и сам в ту эпоху был гораздо обширнее, чем в наши дни[1]. Можно сказать, что наклонная плоскость, образуемая северною Германиею, на всем своем протяжении нагнулась к стороне востока, вследствие чего изменилось и направление вод, текущих по её поверхности: по крайней мере три главные реки Северо-Германской низменности: Одер, Висла, Неман,—может быть, также и Эльба,—все одинаково отодвинулись вправо. Общее понижение уровня твердой поверхности, обнаруженное на всем прусском берегу Балтийского моря, служит доказательством больших колебаний почвы, которые имели место во всей немецкой равнине, словно волны, образующиеся на поверхности моря.

Очень равномерно орошаемая, обладающая плодородными землями в довольно большом количестве, украшенная в своих средних областях разнообразием холмов и долин, лесов и лугов, пользующаяся умеренным климатом, без суровых и слишком продолжительных зим, территория, известная ныне под именем Германии, была одной из тех стран, где народы, в эпоху великого переселения, должны были останавливаться особенно охотно, тем более, что она легко доступна с востока и с запада, то-есть в направлении, по которому следуют почти все движущиеся нации, сообразно пути, который само солнце указывает им ежедневно в своем течении по небесному своду. Но естественно рождается вопрос: какие народы населяли нынешнюю Германию на заре истории человечества? В этом отношении мы должны довольствоваться одними догадками, более или менее правдоподобными гипотезами, потому что непосредственные исследования могут восходить вглубь минувших веков никак не далее как за две тысячи лет. Для стран, лежащих к востоку от Эльбы (Лабы), достоверные исторические памятники еще гораздо менее многочисленны. Предполагают только, вообще, что край был населен по большей части племенами германской расы, и что после переселения этих племен на запад и на юг они были заменены народами славянского происхождения[2].

Существуют, однако, следы населений, которые жили в Германии задолго до тевтонов, современников Мария, и славян, упоминаемых у Тацита под различными наименованиями племен или родов. Так, например, в одном гроте долины Неандерталь, в окрестностях Дюссельдорфа, нашли человеческий череп, чрезвычайно замечательный сильным развитием бровных дуг: некоторые писатели признали его, просто, патологическою формою, тогда как большинство антропологов, напротив, видят в нем нормальный черепной тип расы, которая не совсем угасла, но смешалась посредством скрещиваний с обитателями современной нам Европы; и теперь еще встречаются там и сям отдельные представители этой расы, которые, впрочем, несмотря на свой склад лица, напоминающий несколько облик гориллы, обладают часто замечательным умом. Нужно сказать, что неандертальский череп—не единственная находка этого рода: подобные же остатки человеческого скелета были открыты уже в 1700 году близ города Канштадта, в Вюртембергском королевстве; но только сто тридцать пять лет спустя поняли всю научную важность этого черепа, когда исследования антропологов доказали древность человека. Теперь между учеными принято называть «канштадтскою расою» этих древних обитателей Германии, отличительные черты которых составляли: выпуклые орбиты бровей, узкий и подавшийся назад лоб, плоский череп, длинная голова, закинутая назад, и очень развитая в затылочной области толщина костей[3]. Шафгаузен полагает, что «канштадтские люди» жили в третичную эпоху, но остатки этой расы, без сомнения, существовали и в первые времена четвертичного или новейшего геологического периода, и они принуждены были вести борьбу за существование против пещерных медведей и гиен.

Какая бы ни была нынешняя раса, к которой следует причислить древнюю канштадт-

1 Г. Берендт, „Geognostische Blicke in Alt-Preussens Urzeit“.

2 Руд. Вирхов, „Ueber Hunengraber und Pfahlbauten“.

3 Катрфаж и Гами, „Crania Ethnica“;—Катрфаж, l'Espece humaine“.

скую разновидность человеческого рода, во всяком случае финны, народы, которые и теперь занимают большую часть восточной Европы, и соплеменники которых, под именем мадьяров, подвинулись на запад до самых ворот Вены, были, вероятно, в числе переселенцев, заселивших берега Балтики в отдаленные века, предшествовавшие истории. Эта теория вызвала оживленные споры, которым не была чужда и политика, так как тут дело шло о том, чтобы решить, в какой мере пруссаки имеют право называть себя немцами по племенному происхождению; но вопрос этот остается пока открытым по недостатку достоверных свидетельств или доказательств: произведенные до сих пор раскопки антропологов не дали еще ответа по этому предмету. Могильные курганы, находимые в разных частях Германии и известные там под общим именем «могил великанов» или «могил гуннов» (Hunengraber), приписывают разным народностям—славянским, кельтским, германским. Эти могилы, некогда многочисленные и часто упоминаемые в средневековых грамотах, как межевые знаки между владениями соседних помещиков[1], были по большей части сравнены с землею хлебопашцами или разрушены искателями кладов, и потому едва-ли можно надеяться сделать в них еще много открытий. Допускают вообще, что скелеты с удлиняемыми головами, встречающиеся на большом пространстве, от Швейцарии до Пруссии, под долменами, расположенными в виде правильных рядов (Reihengraber), принадлежали людям германской расы[2]. Скелеты, находимые под округленными курганами, как кажется, принадлежали другим расам, вероятно, галлам.

Различные находки, сделанные в пещерах, в торфяных болотах, в могильных курганах, не могли дать решающих результатов относительно расы древних обитателей Германии, пока не были известны в точности отличительные расовые признаки немца. Еще недавно допускали, без всяких доказательств, что немцы народ «длинноголовый» (долихоцефалы); но точные измерения черепов показали, что пропорция людей с широкою и короткою головою весьма значительна в Германии и даже составляет преобладающее большинство во многих округах. Фризы, которых профессор Вирхов считает самыми чистокровными из немцев, по причине изолированного положения их области на морском берегу, защищенном со стороны суши поясом болот, имеют голову широкую и высокую, но относительно мало удлиненную[3]. В виде общего правила можно сказать, что долихоцефалы господствуют в северной Германии, тогда как брахицефалы гораздо более многочисленны в южной Германии, где происходили великия переселения галлов или кельтов, через долину Дуная.

Интересно, что еще недавно физическое описание немцев искали больше в сочинениях древне-римских писателей, чем в сравнительном изучении самих немцев. По общепринятому мнению, считалось, что голубые глаза и белокурые или рыжие волосы составляют непременный их признак. Одновременныя наблюдения, сделанные во всех учебных заведениях Германии, позволяют теперь судить об этом предмете с более основательным знанием дела. Если принять блондинов с голубыми глазами и белым цветом лица за представителей истинного германского типа, то оказывается, что только около трети детей (именно 32,20 процента) могут быть признаны чистокровными немцами: при этом нужно еще принять в соображение то обстоятельство, что если бы сравнивали взрослых людей, а не детей и юношей, то процент брюнетов вышел бы еще значительнее, по меньшей мере на одну десятую. Кроме того, между севером и югом Германии в этом отношении замечается большая разница; так, если в Пруссии число детей немецкого типа превышает 35 процентов, то в Баварии оно составляет только 20 с небольшим процентов; в Эльзас-Лотарингии, относительно которой, по политическим причинам, утверждали, что это совершенно немецкая земля, пропорция блондинов еще меньше: здесь, вообще говоря, тип жителей наиболее удаляется от типа белокурого тевтона. В другой провинции, недавно присоединенной к Пруссии, в Шлезвиг-Голштейне, откуда вышло столько завоевателей в эпоху великого переселения народов, блондины

1 Руд. Вирхов, „Ueber Hunengraber und Pfahlbauten“.

2 Гольдер, Эккер, Кольман, Ранье и др.

3 Cacc, „Granes des Frisons“ („Revne d'anthropologie“).

имеют сравнительно наибольшее число представителей. Горные цепи, которые, продолжаясь от Богемии до Рейна, делят Германию на две половины, составляют вместе с тем приблизительную границу между немцами белолицыми и немцами с смуглым цветом кожи. Замечено, что вдоль больших рек, Дуная, Рейна, Одера, оттенки цвета лица, вообще говоря, менее явственны, из чего можно заключить, что долины этих рек были великими путями переселения для народов не-германских, то-есть для народов славянской, кельтской или другой расы[1].

Как бы то ни было, современные нам немцы, взятые в целом, представляют существенно смешанную расу. Так же, как галлы, нынешние германцы не имеют более тех физических черт, какими они охарактеризованы у римских писателей; тип, описанный Тацитом, можно встретить теперь только в Скандинавии, а не на берегах Рейна, Везера и Эльбы. Даже принимая в рассчет своего рода оптический обман, произведенный на римлян контрастом рас, нельзя не придти к убеждению, что в общем характере типа произошла значительная перемена. Очень белокурые волосы, голубые глаза, белая кожа сделались редки в одной части Германии; большинство населения все еще состоит из индивидуумов с русыми волосами и с светлым цветом лица, но голубые глаза, цвет которых поэты сравнивают с цветом незабудки, составляют уже большое меньшинство. Где искать причину этого изменения расовых признаков? Не было ли преувеличено древними авторами преобладание скандинавского типа между германцами? Успехи цивилизации, постоянно увеличивавшееся скучение жителей в городах не имели ли косвенным последствием видоизменение племенного типа? Или, может быть, в борьбе за существование, брюнеты оказались более крепкими и выносливыми, чем блондины[2]? Наконец, «половой подбор» способствовал ли с своей стороны указанному видоизменению, как то утверждает антрополог Джонн Беддо? Каждая из этих гипотез, которые все, может быть, имеют известную долю истины, находит своих защитников. Немецкие евреи представляют пример обратного физиологического явления: более половины между ними имеют темнорусые или даже белокурые волосы.

Главное орудие национального единства составляет немецкая речь,—прекрасный язык, звучный и сильный, который кажется грубым и слишком гортанным французам и южно-романским народам, но который, однако, имеет необыкновенную прелесть в устах поэтов, и передает вместе с звуками трогательной гармонии нежнейшие оттенки чувства: насколько этот язык резок и жесток в выражении гнева, настолько же он может делаться гибким и ласкающим, чтобы передавать все движения души. Одна из главных его выгод заключается в том, что говорящие им могут сами создавать сколько угодно новых слов посредством сочетания терминов уже употребительных; но эта выгода покупается дорогою ценою, ибо сочиняемые таким образом новые выражения, очень многочисленные и очень богатые синонимами, никогда не обладают точностью, свойственною словам, которые служат для одной определенной цели: эти неологизмы похожи на медали дурно отчеканенные, надпись которых трудно разобрать. Они часто сообщают речи неопределенность и недоконченность; плохие писатели особенно любят такия самодельные составные выражения, что, вместе с длинными запутанными периодами, сообщает их слогу ту бесцветность и туманность, которые часто принимали за признак глубокомыслия. Даже в обыкновенной устной речи употребляются, в провинциях отдаленных, одна от другой, разные сложные слова, так что вновь прибывший должен изучить все особенности местной речи, чтобы быть в состоянии понимать разговор своих соотечественников. Вена и Берлин, гордые своим рангом столиц, соперничают между собой усердием в сочинении различных слов, имеющих тождественный смысл.

Что касается первоначальных разновидностей немецких диалектов, то они мало-по-малу исчезают, благодаря школам, книгам и журналам, и только с исторической точки зрения интересно припомнить главные деления Германии на глоссологические области: на юге австрийцы, баварцы, швабы Вюртемберга, баденцы говорят своими особыми наречиями, точно

1 Руд. Вирхов. „Versammlung der deutschen anthropologischen Gesellsohaft in Jena“ 1876.

2 Руд. Вирхов, „Versammlung der deutschen anthropologischen Gesellsehaft in Munchen“, 1875.

так же, как в средней Германии франконцы и гессенцы, тюрингенцы и саксонцы; но все они в письменной речи употребляют «верхне-немецкий» язык. Населения нижней Германии, диалекты которых, вестфальский, голштинский, мекленбургский, бранденбургский, прусский ближе подходят к голландскому и фламандскому, чем к литературному немецкому языку, приняли, тем не менее, этот последний, как образец хорошего языка, и наречие их постепенно преобразовывается, так что от него скоро останется только акцент, который тоже мало-по-малу изглаживается. Все эти северо-германские диалекты, известные под общим именем «нижне-немецкого языка», platt-deutsch, отличаются от верхне-немецкого выкидыванием всех немых конечных слогов и правильною перестановкою некоторых согласных, сообразно так называемому «закону Гримма»; но гласные существенно разнятся во всех этих областных наречиях[1]. Нижне-немецкий диалект, очень богатый древними поэмами, народными песнями, превосходит немецкий литературный язык силою выражения и обилием слов; но с той поры, как саксонизированное тюрингенское наречие, сделавшееся верхне-немецким языком, одержало верх, как письменный язык, platt-deutsch был осужден безвозвратно: соединенная с десятого столетия в один народ, под именем Deut-ch, нация, естественно, стремилась к тому, чтобы иметь только один язык, чтобы слить все областные диалекты в одну общую речь. С половины семнадцатого века литераторы, кроме поэтов и сатириков, перестали употреблять нижне-немецкое наречие; теперь на нем больше не говорят даже в городах, исключая старинных вольных городов Ганзы: людей, знающих еще это наречие, наберется, вероятно, миллионов десять; впрочем, все они употребляют также и верхне-немецкое наречие.

В настоящее время число людей германской, славянской или мадьярской расы, говорящих или понимающих по-немецки, в центральной Европе можно считать слишком в 55 миллионов; если же прибавить сюда евреев Польши и России, образованных иностранцев, которые изучают язык Гете и Шиллера, и семейства немецких колонистов, поселившихся в обеих Америках и в Австралии, то можно смело утверждать, что область немецкого языка распространяется приблизительно на 65 миллионов жителей земного шара. Таким образом, по числу говорящих им людей, равно как по роли германской нации в истории и по её нынешнему влиянию на судьбы мира, немецкий язык сделался одним из руководящих языков человеческой мысли.

Благодаря этой общей речи, которая давала одинаковую духовную и национальную жизнь всем обитателям стран, от подножия Альп до берегов Балтики, объединение Германии произошло в умах населения уже задолго до того времени, когда оно облеклось в форму политического устройства. Это объединение совершилось в гораздо большей мере под давлением самого народа, чем по воле его правителей: действие централизации имело здесь несравненно меньшую долю участия, чем, например, во Франции. Между фризами и баварцами, между пруссаками и швабами, несомненно существует более сходства в отношении нравов и образа мыслей, чем между бретонцами и провансальцами, или между басками и нормандцами. Тем не менее, и в Германии различия народных характеров по областям еще велики, и этнологи стараются уловить эти различия, пока еще уравнивающий пресс современной цивилизации не изгладил их совершенно. Добродушный и сговорчивый австриец, наивный и упрямый шваб, хитрый гессенец, умный саксонец, серьезный пруссак, фриз, гордящийся своею древнею независимостью, представляют еще много различия в нравах и духе, которые напоминают давния провинциальные индивидуальности.

Между всеми этими населениями германской расы, более или менее чистой, которая именно может быть рассматриваема как указывающая в своей средней величине истинный центр тяжести немецкой нации? Пруссаки, правда, приобрели преобладающее значение в политике, благодаря географическому положению их государства и силе сцепления, которую им давали солидные армии чиновников и солдат; несмотря на то, их нельзя признать лучшими представителями германской расы: этих представителей нужно искать в средней Гер-

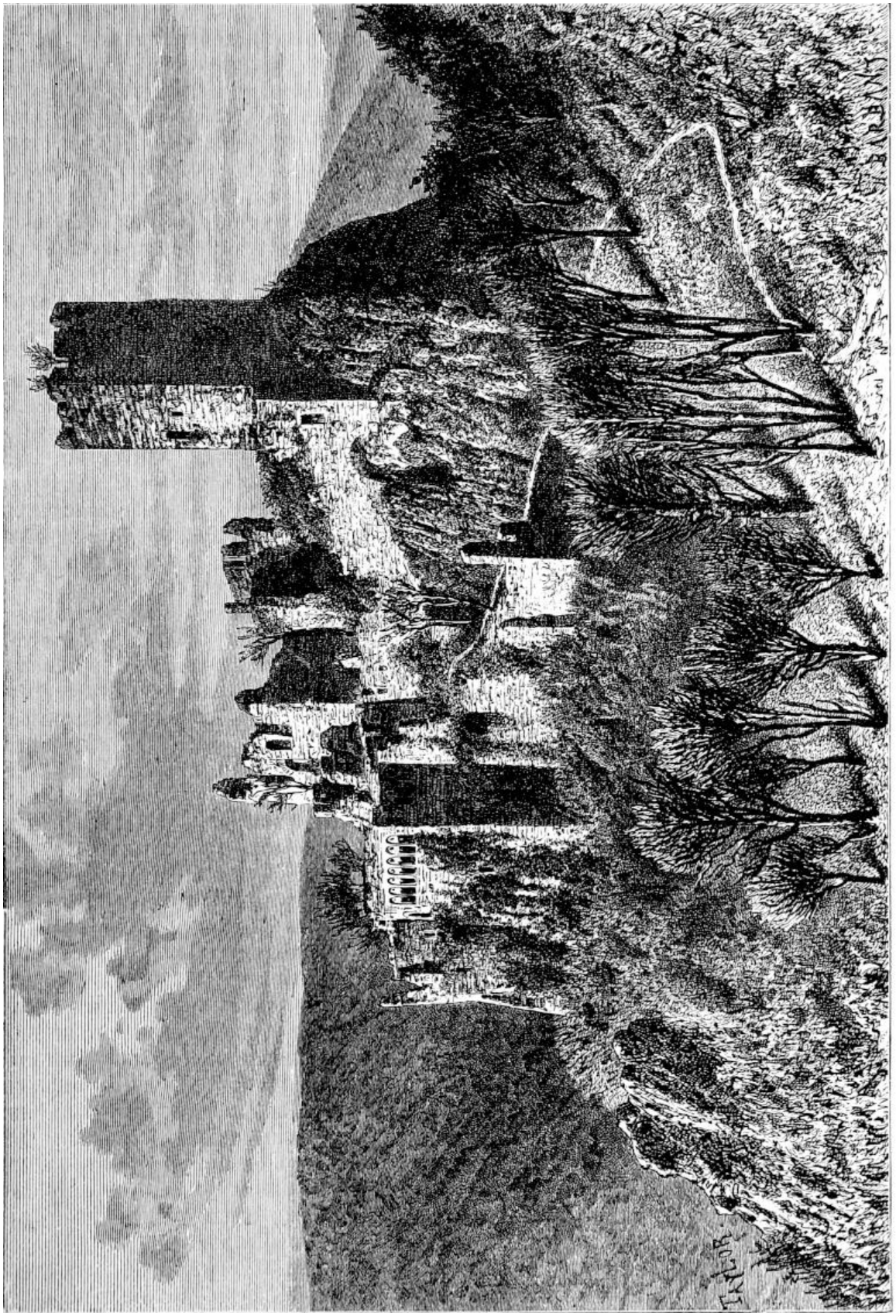
1 Густав Даннель, „Ueber niederdeutsche Sprache und Literatur“.

мании, в Тюрингии, во Франконии, на берегах Рейна, в Швабии,—стране, замечательной обилием вышедших из неё гениальных людей. Как для французов имя аламанов или алеманов, потомки которых живут в таком большом числе на юго-западе Германии, сделалось названием всех немцев (Allemands), так точно в части славянского Востока немцы, каково бы ни было их происхождение, смешиваются под общим именем швабов (Schwaben). Но швабы и немцы, более или менее смешанные с соседними народами, совершенно одинакового происхождения. На Востоке, как и на Западе, в них видели представителей всех их соотечественников.

Мы не намерены разбирать здесь те противоречащие одна другой оценки, которые высказывались различными писателями относительно духа и нравственного достоинства немецкой нации. Нет народа, который бы так превозносили, и, с другой стороны, нет народа, который бы собственные его сыны ставили так низко, как немецкий народ. Те самые люди, которые поднимают на смех тщеславие «великой нации», провозглашают свою собственную расу чем-то в роде высшего человечества, обладательницею всевозможных добродетелей, представительницею всего, что есть великого и благородного в мире; она одна, по выражению Каруса, способна мыслить и «следовать по пути света, от идеи к идее». По бессознательному тщеславию, некоторые писатели даже распространили привычку противополагать слово Deutsch (немецкий), как синоним всего чистого и истинного, слову Welsch (романский) или «французский», которое, по их понятиям, резюмирует все порочное и ложное. С другой стороны, в немецкой литературе нет недостатка в резких нападках и обвинениях, направленных против германской нации в её совокупности, и врагам, движимым чувством ненависти, остается только брать готовое оружие в этом арсенале немецкого самобичевания. Ничего нет легче, конечно, как произнести строгий приговор о народе, каков бы он ни был, когда изучаешь его в его отношениях, основанных на интересах, в его страстях и удовольствиях, но гораздо справедливее судить о нем, взяв за типы национального характера людей, умеющих возвыситься над посредственностью окружающей среды, способных развить свои врожденные силы и проявить в себе благородные качества и добродетели, остающиеся скрытыми у их соседей. Если мы станем на эту точку зрения, то должны будем признать за немецким народом глубокое чутье природы, редкий поэтический инстинкт, большую силу воли, необыкновенную настойчивость, искреннюю преданность взятому на себя делу. Но он легко впадает в крайности: любовь его может измениться в мистицизм; чувство нередко переходит у него в сантиментальность или аффектированную чувствительность; вежливость превращается в сухия правила этикета; довольство жизнью вырождается в надменность; гнев разростается в бешенство; неудовольствие против кого-нибудь развивается в продолжительное злопамятство. Со всею своею волею, стойкостью, силою немец имеет менее определившуюся личность, нежели француз, итальянец или англичанин; он легче поддается влиянию изменившагося настроения общественного мнения и превратностей событий; он любит двигаться большими массами; он соблюдает во всем систему, даже в глупостях, и дисциплина для него вещь нетрудная. Ни в одной стране земного шара долг не смешивается так часто с повиновением приказу начальства, как у немцев.

Во всемирной истории Германии принадлежит одна из самых видных ролей. Вступив варварами в среду образованных народов, германцы стали по-варварски разрушать все огнем и мечем, и покрыли развалинами запад и юг Европы; но с той поры, как цивилизация опять пошла своим прогрессивным ходом, они принимали широкое участие в её успехах и завоеваниях. Благодаря постоянным сношениям с Италиею, благодаря также приобретенной ими автономии, очень многие из немецких городов сделались весьма важными центрами труда и знания. Накануне возрождения наук и искусств, города мещан и ремесленников составляли нечто в роде самостоятельных республик среди великой феодальной империи, и узы торговли соединяли их в одну могущественную федерацию: то была эпоха их наибольшего процветания. Вольные имперские города, где до сих пор сохранились многочисленные памятники и частные здания, свидетельствующие о прежнем богатстве, соперничали значением и влиянием с городами Италии и Фландрии: каждый из них имел специальную

промышленность, которая составляла его славу и гордость. Аугсбург славился своими драгоценными тканями; Нюренберг обработывал металлы и фабриковал все предметы, требующие искусства и вкуса; Ульм был большим рынком, где производился обмен продуктов севера на



Развалины замка св. Ульриха

произведения юга. Одна поговорка того времени прославляла «великолепие Аугсбурга, остроумие Нюренберга, богатство Ульма и пушки Страсбурга» наравне с «могуществом Ве-

неции», и давала всем этим соединенным силам господство над миром[1]. Нельзя не признать, что жизнь современного мира, со всеми её перипетиями кровавых войн и мирного прогресса, была в значительной степени ускорена изобретениями больших вольных городов Германии, открытием пороха и искусства книгопечатания. Между всеми славами наций едва-ли найдется такая, которая могла бы быть поставлена выше славы дарования миру первой печатной книги!

Те же самые причины, которые нанесли роковой удар Венеции и другим итальянским республикам, должны были разорить и торговые города южной Германии. Между тем как победоносные магометане запирали со стороны Востока все дороги в Индию, для Запада открывались новые пути к Индостану и к Новому Свету, совершенно изменившие торговое равновесие мира. Южно-германские города: Аугсбург, Нюренберг, Ульм, сначала пытались бороться с новым течением всемирной торговли; богатые капиталами, они завели свои конторы в городах океанического прибрежья, в Лиссабоне, Антверпене и Лондоне; аугсбургское купечество ссужало фонды для осуществления плана всемирного завоевания, предпринятого Карлом V. Но настала минута, когда негоцианты Швабии увидели порты океана запертыми для их кораблей: Пиренейский полуостров перестал принадлежать императору Германии, а голландцы, сделавшиеся, в свою очередь, могущественною торговою нациею, преградили немцам, посредством таможенных тарифов, доступ к воротам Рейна и Мааса.

Затем следовали страшные религиозные войны, которые вернули Германию к векам грубого варварства. Трудно составить себе понятие о том ужасающем истреблении людей и бедствиях всякого рода, которые причинила кровавая религиозная борьба, известная в истории под именем Тридцатилетней войны. Некоторые местности Гессена и Вюртемберга обратились в безлюдные пустыни: целые селения были покинуты бежавшими жителями среди кустарников и так хорошо забыты, что впоследствии охотники с удивлением находили в лесах остатки этих никому не известных деревень. В городах исчезла всякая промышленность, а в деревнях целые населения разучились пахать землю и сеять хлеб. По самому умеренному рассчету, массы народа, похищенные войною, чумою и голодом, превышали 6 миллионов душ, что составляло треть тогдашнего народонаселения Германии; в Вюртемберге число жителей в 1641 году оказалось в семь раз меньше того, которое он имел за семь лет перед тем, в 1634 году: с 345.000 оно уменьшилось до 48.000 душ. Страна снова приняла тот вид, какой она должна была представлять во времена существования великого Герцинского леса, о котором рассказывают римские писатели. Нравы страшно одичали: человеческая жизнь не имела никакой цены, самая безжалостная резня, самые чудовищные побоища сделались обычным времяпрепровождением.

После этих жестоких религиозных войн, страна, обедневшая во всех отношениях, насчитывала в своей среде очень мало людей великих умом: она была, так сказать, обезглавлена. Жизнь, казалось, удалилась из громадного тела. Когда Германия избавилась, Вестфальским миром, от раздиравших ее междоусобных войн, она уже не имела почти никакого весу в Европе. Мелкие государи, разделившие ее между собою, из которых каждый взял себе за девиз известные слова Людовика XIV: «l'Etat, c'est moi», третировали свой народ как стадо баранов. Большинство их кончили тем, что нанялись в услужение к Франции и Англии; они получали от этих держав постоянные субсидии за свои низкие услуги, состоявшие в интригах и предательстве. Некоторые из немецких государей, соревнователи швейцарских кантонов, напали на счастливую мысль открыть торговлю своими подданными. Когда американские колонии отделились от метрополии, Англия адресовалась к германским князьям с

1 Venedigs Macht,
Augsburger Pracht,
Nurnberger Witz,
Strassburger Geschutz,
Ulmer Geld
Geht durch alle Welt.

предложением продать ей солдат, и эти владетельные князья с радостью ухватились за такой прекрасный случай увеличить свои доходы. Особенно прославился и обогатился этою торговлею людьми курфюрст Гессен-Кассельский; но государи Брауншвейга, Ганновера и многие другие тоже заработали порядочные барыши посредством отпуска за границу человеческого товара. В период с 1775 по 1783 г. было продано немцев Англии: из Гессен-Касселя на 65.000.000 франков, из других немецких государств на 63.165.000 франков, всего на сумму 128.165.600 франков. Именно в ту эпоху, когда Германия начинала снова приобретать свою роль в мире науки и искусства, она находилась в самом беспорядочном и бессильном политическом состоянии.

Такое положение дел не могло долго продолжаться: все эти мелкие государства были осуждены на неизбежную гибель, и подле них развивалось военное могущество Пруссии, которая со временем должна была забрать в свои руки их наследство. Когда громовой удар французской революции потряс до основания старый мир, вся ветхая и грузная машина священной Римско-Германской империи, с её многочисленным механизмом, составленным из бесчисленного множества курфюршеств, княжеств, графств, аббатств и т.д., испортилась навсегда; тщетно потом хотели опять пустить ее в ход: различные государства учрежденного в 1815 г., вместо прежней империи, Германского Союза имели только вид самостоятельного политического существования, в действительности же составляли территорию, оспариваемую друг у друга двумя главными членами этого союза, Австриею и Пруссиею, и нация, проснувшаяся от своего продолжительного оцепенения, наперед сделала из них простые провинции великой объединенной Германии: в этом случае, как всегда, идея задолго опередила факты. Мелкие государства имели лишь фиктивное существование; река Везер, с её двумя притоками, Веррою, и Фульдою, не орошает уже, как прежде, тридцать пять различных политических территорий[1]; она омывает теперь обще-немецкия земли, имеющие одинаковые законы и одинаковую национальную жизнь.

Все эти мелкие немецкия государства, дававшие богатую пищу сатире и насмешкам, отнимали у Германии почти всякую политическую силу. В дипломатическом и военном отношениях страна была почти бессильна для нападения и очень слаба для сопротивления; владетельные князьки, из которых каждому хотелось командовать, и которые предательски подставляли друг друг ногу, служили столкновением их честолюбий и личных выгод лучшею опорою для политики иностранных держав. Их крохотные дворики, где изо всех сил старались подражать роскоши и блеску богатейших столиц Европы, были школами тщеславия и пороков. Но не вся Германия была порабощена этим маленьким тиранам. В среде её все еще существовали вольные города, сохранившие некоторую долю того духа, которому они некогда были обязаны своим величием. Новые центры, научные, литературные, промышленные, возникали там и сям, тогда как сама нация, быстро возрастая в числе, восстановляла мало-по-малу свои силы, истощенные жестокими и опустошительными религиозными войнами.

Какою мощною струею потекла духовная жизнь Германии, когда наступил период обновления, в конце прошлого и в первой половине нынешнего столетия! На всех поприщах умственной деятельности немцы ознаменовали себя великими произведениями, которые составляют богатый вклад в сокровищницу человечества, и из которых многие послужили исходною точкою новых исследований в области наук. К бессмертным творениям великих гениев прибавились творения Гёте, Шиллера, Гейне; знаменитые композиторы, Вебер, Бетховен, Мендельсон, Шуберт, явились достойными преемниками Моцарта, Гайдна, Генделя; Кант произвел свою революцию в философии, в то время, как другая революция совершалась на западе Европы в политических учреждениях; история и все относящиеся к ней вспомогательные науки, археология, нумизматика, нашли у немцев великих истолкователей; наука филологии имела у них своих учителей; математика, геология, естественная история тоже приковали к себе там немало великих умов, обогативших их своими открытиями и ис-

1 Генрих Мейдингер, „Die deutschen Strome“.

следованиями; наконец, одна из важнейших заслуг немецкого гения в коллективной умственной деятельности человечества состоит в том, что им очень много сделано, в течение нынешнего столетия, для приведения в систему и увеличения знаний, относящихся к земному шару и его обитателям. Имена Александра Гумбольдта, Карла Риттера, Оскара Пешеля принадлежат к числу имен, которые каждый географ должен произносить с глубоким уважением.

С половины текущего столетия Германия устроилась политически; теперь ей недостает только некоторых провинций Австрии; но в то же время централизация начала свою работу. Прежде вредные последствия политического раздробления Германии вознаграждались одною весьма важною выгодою: разделенная на множество самостоятельных государств, которые, в свою очередь, состояли из многочисленных чересполосных владений (энклав), страна не могла быть управляема и угнетаема в пользу какого-нибудь одного центра. Бюрократическая централизация в то время не пыталась переделать всех немцев в автоматов, приводимых в движение посредством одной и той же нитки. Каждая провинция лучше сохраняла свойственные ей нравы и обычаи; местная жизнь развивалась свободнее, центры умственного движения могли возникать в большем числе на различных пунктах территории. Если бы Германия была большим централизованным государством, каким сделалась, например, Франция со времен кардинала Ришелье, она. конечно, не имела бы всех этих университетов, которые, без сомнения, составляли значительную долю её силы. Теперь, когда императорская Германия стремится все больше и больше централизоваться, и когда отдельные провинции видят, как с каждым днем уменьшаются последние остатки их автономии в пользу государства, политическая связь, такая, как ее создает центральная власть посредством отмены местных вольностей, может быть достигаема не иначе, как в ущерб самой нации и её самодеятельности.

Но есть и другая опасность для Германии. Германская империя, как известно, присвоила себе, по праву раздела и по праву завоевания, на востоке, на западе, на севере, земли не немецкия, присоединила населения, которые твердо хотели оставаться составною частью других наций. «Высшие политические соображения» или так называемый raison d'etat, «историческое право», «необходимости» стратегические и военные и разные другие предлоги были выставлены для того, чтобы оправдать насилия, совершенные над национальною свободою соседей. Но нарушения права рано или поздно наказуются неминуемыми несчастиями. Европа в настоящее время находится не в нормальном состоянии. Но не в праве ли мы надеяться, что её народы когда-нибудь обретут мир путем взаимного уважения своих интересов и соблюдения справедливости?

Глава II Область Вогезов

Эльзас-Лотарингия

(Alsace-Lorraine, Elsass-Lothringen)

По «праву силы», которая, по выражению недавнего руководителя немецкой политики, «первенствует» над самым правом («Macht geht vor Recht», говорил кн. Бисмарк), Эльзас-Лотарингия сделалась немецкою землею: её населения, по большой части желающие быть французскими, удерживаются насильно в пределах границ, начертанных мечем. Отныне, правда, Франция не может требовать возвращения ей этих провинций, которые она отдала по формальному трактату; но хотя объявленная «имперскою областью» (Reichsland), хотя превращенная в территорию, принадлежащую сообща всем государствам Германии и в осо-

бенности их главе, императору, Эльзас-Лотарингия, тем не менее, не утратила виртуального самообладания; если она когда-нибудь может вновь приобрести не призрачную или фиктивную автономию, но действительную независимость, если она когда-нибудь получит возможность жить вольною рядом с свободными странами, то она сама произнесет окончательное решение, она одна в состоянии будет примирить две нации, виновные: одна в том, что ставила ее на карту, не будучи в силах защитить её, другая в том, что завладела ею, как военною добычею.

Эльзас (Alsace) представляет область с совершенно определенными границами: он обнимает восточный склон Вогезских гор и равнину, идущую вдоль левого берега Рейна, между базельским коленом главной реки и её притоков Лаутером. Очень вытянутая по направлению с юга на север сравнительно с её шириною, эта область естественно делится на Верхний и Нижний Эльзас, или, как они назывались прежде, на Сундгау (то-есть Sudgau, южная территория) и Нортгау (то-есть Nordgau, северная территория[1]). Что касается части Лотарингии (Lorraine), отошедшей к Германии, то эта часть не может быть названа областью в географическом смысле слова; она состоит из западного склона горных групп, составляющих продолжение Вогезов на севере от Савернского порога, и из неровной, холмистой страны, которая тянется на запад, к Арденским горам; она пересекается с юга на север долинами рек Саар, Нид и Мозель, которые делят ее на отдельные куски, и воды которых соединяются в общем ложе уже за пределами её территории. Лотарингия отличается от Эльзаса не только общею покатостью почвы, но также своею историею и происхождением большей части её населения; несмотря на то, крепости и военные дороги сделали из этих двух провинций один укрепленный лагерь, и франко-прусская война дала им одинаковую политическую судьбу, а потому мы будем рассматривать их как одно целое.

Пространство и население имперской области Эльзас-Лотарингии (по переписи 31 дек. 1890 года):

		кв. клм.	жит.	ж. на кв. клм.
Эльзас 8.288	Верхний Эльзас	3.509	471.609	134,41
	Нижний Эльзас	4.779	621.505	130,06
Немецкая Лотарингия		6.222	510.392	82,02
Вся Имперская область		14.510	1.603.506	110,51

Вогезские горы на своем рейнском склоне имеют более величественный вид, чем на западных скатах, которые постепенно понижаются длинными хребтами, или даже сливаются с плоскогорьем Фосиль (plateau des Faucilles). Равнина Рейна, гладкая, как озеро, или слегка волнистая, составляет резкий контраст с господствующими над нею холмами и еще более с горами, которые высятся вдали, зеленеющие нивами, лесами, пажитями, и усеянные старинными башнями, стоящими на обрывистых скалах; с равнины, поверхность которой возвышается на 150-200 метров над уровнем океана, можно обозревать Вогезскую цепь во всей её высоте от основания, которое некогда омывали воды миоценового моря, до вершин, с которых спускались ледники в относительно недавнюю геологическую эпоху. Все богатства Эльзаса видны отсюда разом—луга, поля, засеянные хлебами, хмельники равнины, виноградники холмов, леса и пастбища горы.

Главный хребет Вогезов образует границу между Франциею и Германиею на прямолинейном протяжении около 60 километров, от Баллон д'Альзас (Ballon d'Alsace) до Гран-Донона (Grand-Donon). Далее оба склона понизившихся Вогезов принадлежат Германской империи, так что эта последняя владеет всеми подступами к Савернскому порогу, большой впадине или низменности, которая заканчивает на севере цепь собственно так называемых Вогезов, и которая во все времена была главными воротами для военного и торгового сообщения между северною Франциею и Эльзасскою равниною. На северной стороне Савернского порога проходит колесный путь, заменивший древние дороги галлов и римлян, тогда как далее, на западе, канал из Марны в Рейн и железная дорога из Парижа в Страсбург, продол-

1 И. Г. Коль, „Der Rhein", I т., стр. 181

жающие подниматься вверх по долине реки Цорн, скоро пробьют скалы и соединят оба склона. На севере от этого горного прохода, соответствующего Бельфорскому пролому (trouee de Belfort), открывающемуся на южной стороне Вогезов, группы холмов, которые можно бы было назвать Малыми Вогезами, и которые продолжаются в Палатинате, или Пфальце, под именем Гардта, имеют не более 400 метров средней высоты; но, по причине больших лесов и взаимно пересекающихся извилистых долин, эти возвышенности представляют серьезное препятствие; в прежнее время, когда этот край имел редкое население, когда деревень было мало, а по горам гнездились мелкопоместные дворяне в своих разбойничьих замках, развалины которых и теперь видны на всех вершинах, не было возможности пролагать пути сообщения или хотя бы даже исправлять многочисленные дороги, открытые, восемнадцать веков тому назад, римскими легатами-пропреторами: только долина Лаутер, служившая границею между Францией и Германией, составляла второстепенный стратегический пункт по направлению к Рейну. На западе долины Лотарингии открываются с юга на север, и потому там переселения народов и военные экспедиции совершались обыкновенно по направлению меридиана.

Различные высоты Эльзас-Лотарингии: Гран-Баллон 1.426 метр.; ущелье Шлюхт 1.150 метр.; Гран-Донон 1.010 метр.; Савернский проход 380 метр.; Альткирх 373 метр.; Мюльгаузен 240 метр.; Кольмар 195 метр.; Страсбург 144 метр.; Саверн 185 метр.; Мец 177 метров.

Вогезы по справедливости славятся во всей Европе грандиозною красою своих высокоствольных лесов; невольно испытываешь волнение, проходя по мрачным аллеям громадных еловых лесов Гохвальда и Гран-Донона. Правда, что здесь леса заботливо охраняются лесничими, и лесное хозяйство ведется рациональным способом; здесь каждое дерево на счету, имеет свою определенную цену, и день его падения заранее отмечен дровосеком; путешественник, правда, вступает не в первобытную, девственную природу, но исполинские прямые стволы поднимаются своими верхушками на такую высоту, ветви их качаются так величественно, шум от трения ветвей друг о друга разносится таким могучим гулом, что наблюдатель находится всецело под чарующим впечатлением леса, который кажется ему живым существом. Пихтовые насаждения почти так же прекрасны, как и высокие еловые леса. Сосна, которая, как и пихта, разведена в Вогезских лесах рукою человека, встречается реже, исключая крутых скатов, обращенных к полуденному солнцу, но и она достигает в Эльзасе огромных размеров. Что касается лиственницы, то прекрасные леса её рассеяны по разным местам Вогезов. На севере от Савернского прохода и в Лотарингии тоже тянутся, на большом пространстве, великолепные леса, буковые, пихтовые и сосновые; особенно славятся высокоствольные леса в окрестностях Бича и Шато-Салена, откуда французское правительство получало строевой лес для флота; но, вообще говоря, в Лотарингии леса не так обширны и не так хороши, как в Эльзасе; в первой из этих провинций они покрывают только четвертую часть территории, тогда как на склоне, обращенном к Рейну, еще треть страны одета большими деревьями, как видно из следующей таблицы, показывающей величину площади лесов в Эльзас-Лотарингии:

	Гектар		Гектар		
Верхний Эльзас	144.850	на	350.469	т. е.	41%
Нижний Эльзас	148.302	„	477.436	„	31%
Лотарингия	155.056	„	623.268	„	25%
	448.208		1.451.173		31%

Около половины этих обширных лесных пространств принадлежит еще общинам; другая половина разделена между государством, частными лицами и общественными учреждениями[1]. По мере того, как увеличивалось, с течением времени, пользование этими лесами, населявшие их дикия животные, гонимые человеком, все более и более исчезали. Жерар насчи-

1 Шарль Град, „Les Forets d'Alsace".

тывает девять или десять видов, ныне истребленных или не встречающихся, в Вогезских горах, которые некогда, по свидетельству исторических письменных памятников, водились в Эльзасе: это лось, бизон, зубр, северный олень, дикая лошадь, бобр, рысь, медведь, каменный баран и, может быть, серна[1]. Последний медведь был убит в этих лесах более ста лет тому назад, в 1760 году; с 1798 года ни один охотник не встречал каменных баранов, а олень исчез в восточных Вогезах с начала нынешнего столетия, но он все еще водится в Лотарингии; лань, недавно истребленная в Эльзасе, была снова разведена в Шлештадском лесу[2]. В эльзасских лесах попадаются еще иногда волки, заходящие с Юры и из Лотарингии, дикия кошки и лисицы. Дикие кабаны живут там стадами, и охотники ежегодно убивают их около тысячи штук.

Как ни значительны леса, покрывающие горы Эльзаса, они уже не так обширны, как были прежде, и как должны бы быть для равномерности климата и регулирования проточных вод. Впрочем, в последние два столетия предприняты были серьезные работы по облесению опустошенных областей на Вогезах, и уже тысячи гектаров опять покрылись новыми лесами. Течение рек и ручьев сделалось равномернее во всех долинах, где увеличилась поверхность лесистых скатов, но, кроме того, устроено большое число резервуаров в нижних бассейнах, для того, чтобы иметь возможность пользоваться излишком вод разлива для приведения в действие фабрик и заводов, и для искусственного орошения лугов. Так, маленькия озера долины д'Орбей: Белое (Blanc) и Черное (Noir), регулированы у их истока запрудами, которые удерживают в этих двух цирках запас воды объемом около трех миллионов кубических метров. В долине Массево (Masseveax) некоторые озера тоже были превращены в питательные резервуары, регулируемые для приведения в действие фабрик и заводов в Обербруке, и этот пример нашел подражателей во многих других частях Эльзаса. Впрочем, регулирование течения рек при помощи последовательных, расположенных ярусами один над другим, резервуаров, практиковалось в крае еще до войн шестнадцатого столетия, и благодаря этим запрудам, река Илль была в то время судоходна на всем её течении ниже Альткирха[3]. Точно также некоторые из многочисленных озер и прудов, рассеянных по разным местам возвышенной части Лотарингии, к западу от Вогезских гор, были уже в средние века регулированы, для приведения в действие водяных мельниц: многие из встречающихся в этой области прудов, очевидно, искусственного происхождения; но гораздо большее число их были в разные времена осушены и превращены в культурные земли; другие существуют еще в виде болот и делают затруднительным сообщение между окружающими их местностями. Так, например, топкий грунт берегов реки Селль, у города Марсаля, укреплен посредством кирпичной настилки, толщиною около 2 метров, положенной на пространстве более 37 гектаров: устройство этой настилки приписывают римлянам, которые, может быть, стояли здесь лагерем.

Эльзас имеет только одну важную реку, принадлежащую ему вполне, и от которой он получил свое название (Ellsass или Illsass, т.е. страна по течению Элля или Илля[4]): бассейн её занимает пространство в 4.584 квадратных километра. Она берет начало на западном склоне Базельской Юры, затем вниз от Альткирха течет на северо-восток. Казалось бы, что, по выходе из области холмов Сундгау, эта река, вступив в Мюльгаузенскую равнину, должна бы была спуститься к Рейну кратчайшим путем, и не смешиваясь с горными ручьями, вытекающими из Вогезов; а между тем она следует направлению, почти параллельному Рейну до Шлештадта, затем очень медленно приближается к главной реке и впадает в нее уже за Страсбургом, усилившись перед тем всеми водами восточного склона высоких Вогезов. Это странное явление объясняется тем, что нижнее течение Илля есть, так сказать, создание

1 Шарль Жерар, „Essai d'une faune historique des mammiferes sauvages de l'Alsace";—Ш. Град, „La faune historique de l'Alsace". „Revue Scientifique", 24 fevrier 1872.

2 Шарль Град, „Рукописные заметки".

3 Шарль Град, „Etudes sur les cours d'eau de l'Alsace, leurs debordements et leur regularisation".

4 Этимология, предлагаемая на востоке от Рейна, по которой „Эльзас" будто бы означает „страну алеманов", более чем невероятна.

Рейна: могучая река сама начертала своему притоку ложе в равнинах Эльзаса. Когда воды расстилавшагося у подножия Вогезов древнего моря утекли, и когда Рейн, в то время гораздо более многоводный, чем ныне, начал пролагать себе дорогу по валунам, покрывавшим дно этого моря, он тотчас же принялся за перемещение вниз по течению полуостровов, образовавшихся из каменных обломков и отделявших его от его притоков. Каждый его разлив имел следствием увеличение в длину и ширину прибрежных бугров из гальки и песку. Таким образом, мыс Илля отодвигался все далее и далее к северу, так же, как и косы других рек, текущих по дну древнего рейнского озера; но между всеми этими притоками Илль отличается большою длиною своего течения, параллельного Рейну: по прямой линии это удлинение ложа Илля превышает 100 километров, так что его можно сравнить с замечательными боковыми рвами, наполненными проточною водою, которые сопровождают по обе стороны русло Луары. Различные признаки заставляют думать, что во времена римлян место слияния Илля и Рейна, находящееся теперь в 12 километрах к северо-западу от Страсбурга, было еще выше этого города[1]. Среди аллювиальной равнины, через которую он протекает, Илль может часто менять место, тем более, что его годовые колебания высокой и низкой воды, или половодья и мелководья, весьма значительны и разнятся от единицы до ста двадцати. В верхнем Эльзасе существует следующая народная поговорка об этой блуждающей реке, приводимая у Шарля Града: «Die Ell geht wo sie well» («Илль идет, куда хочет»). Средним числом, Илль несет в Рейн от 28 до 30 процентов воды, выпадающей в его бассейне. У Страсбурга среднее количество воды, протекающей в этой реке, составляет 45, наименьшее 2, а наибольшее 240 кубических метров в секунду[2]. В видах устранения частых наводнений, опустошающих Страсбургскую равнину, предлагают вырыть отводный канал из Илля в Рейн, верстах в двадцати выше Страсбурга; этим способом можно бы было уменьшить весенние и осенние разливы реки.

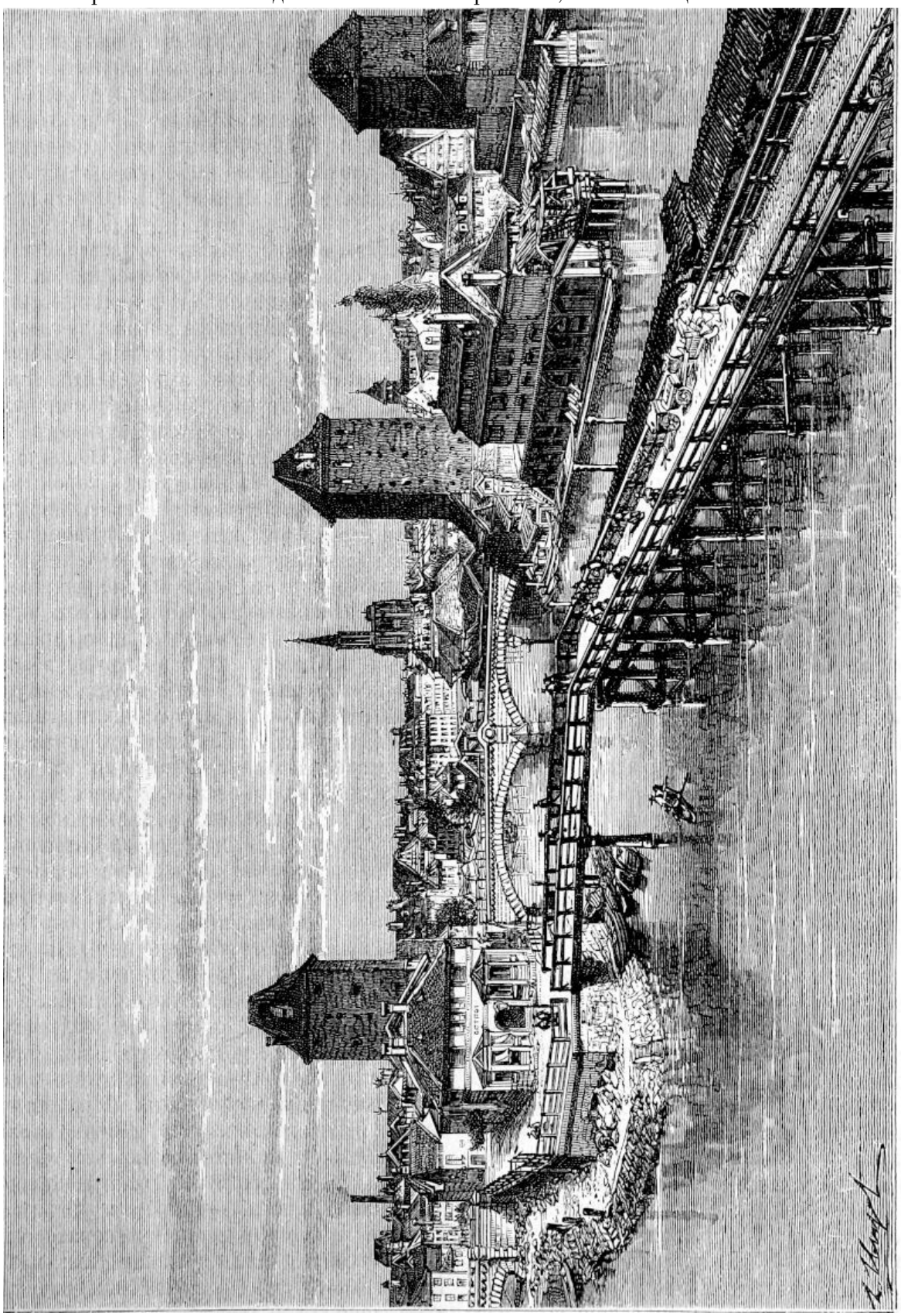
Земли, принесенные из Швейцарии глетчерными водами и Рейном, существенно разнятся между собою по степени плодородия. В то время, как речной ил очень плодороден и дает великолепные урожаи, песок и галька, разумеется, бесплодны и не годятся ни для какой растительности, кроме древесной. Такова на востоке от Мюльгаузена большая равнина Гарт, окаймляющая аллювиальные земли Рейна на протяжении 32 километров в длину, при средней ширине от 2 до 12 километров; её дубовые и грабиновые рощи довольно дурно содержатся, потому что богатая булыжником почва не может доставлять деревьям достаточно обильного сока; во многих местах так называемый лес есть в действительности не что иное, как тощий лесок или даже частый кустарник. Что же касается той части Гарта, где леса вырублены, то она представляет теперь голую высохшую почву, так что местное население называет ее «безплодным Гартом», «durre Hart». Эта сухость растительной почвы происходит, без сомнения, от каменистого свойства земель, по причине которого вся влага уходит с поверхности в глубь земли, с тех пор, как почва не покрывается более слоем падающих с деревьев листьев, задерживавшим прежде воду. Другие песчаные пространства, более удаленные от Базельских ворот, через которые воды некогда катили каменные обломки с Альп, покрыты прекрасными лесами, между которыми особенно замечателен Гагенауский лес, в бывшем Нижне-Рейнском департаменте. Лет полтораста тому назад, это был огромный дубовый лес; теперь он состоит почти исключительно из сосен.

В сравнении с климатом Франции, климат Эльзаса очень неровный, отличающийся крайностями тепла и холода. Высокий вал Вогезов, задерживающий теплые ветры западных морей, и широкая долина Рейна, которая тянется на пространстве около 300 километров по направлению движения полярных ветров, сообщают стране совершенно особенные метеорологические условия. Лета здесь, относительно говоря, жаркия, зимы холодные, перемены температуры внезапны и значительны. Правильные ветры в этой стране—те, которые дуют из жаркого и холодного пояса, или экваториальные и полярные; это главные атмосферные

1 Daubree, „Description geologique et mineralogique du Bas-Rhin“, p. 225.

2 Шарль Град, „Hydrologie de l'Ill“

течения нашего полушария, северо-восточное и юго-западное, которые впадина, образуемая Вогезами и Шварцвальдом, поддерживает в их нормальном направлении; но в горах попеременное нагревание и охлаждение земной поверхности, вызывающее так называемые бризы



Страсбургъ.

или поочередные движения воздуха то с равнины к горе, то с горы к равнине, заставляет общие ветры уклоняться от нормального направления и переходить в частные воздушные токи, следующие по направлению долин, перпендикулярно к оси горной цепи. Подобно си-

стеме ветров, порядок выпадения атмосферных осадков существенно разнится на равнине и в горах. Правда, что, за исключением Кольмарской области, число дождливых дней в Нижнем Эльзасе и на Вогезах почти одинаково; но общее количество выпадающей в продолжение года дождевой воды в Нижнем Эльзасе гораздо меньше; во многие годы оно не достигает даже половины количества, выпадающего на Вогезах; град часто выпадает на верхних скатах гор, однако, благодаря защите, представляемой лесами, он здесь менее опустошителен, нежели в равнине[1]. Что касается немецкой Лотарингии, то и в этой провинции местные климаты не менее разнообразны, чем в Эльзасе, по причине неровностей её рельефа. Дождливые дни там многочисленнее и атмосферные пары чаще сгущаются в облака, ползающие по почве. Особенно в гористой области, которая простирается от Бича до Форбаха, туманы очень обыкновенны и очень неприятны лицам, недостаточно акклиматизовавшимся, по причине тяжелого запаха, который они приобретают от испарений, поднимающихся с болот и торфяников[2]; но туманы эти не считают, однако, опасными для народного здравия; они полезны растительности, поддерживая влажность в песчаной почве, которая быстро высыхает под лучами солнца.

Средние температуры и годовые количества дождевой воды в Эльзас-Лотарингии: Вессерлинг (наблюдения за 19 лет) 8°,4 Ц., 1,157 миллиметр. дождя; Кольмар (наблюдения за 5 лет) 10°,7 Ц., 0,479 миллиметр. дождя; Страсбург (наблюдения за 69 лет) 10°,4 Ц., 0,672 миллиметр. дождя; Мец 9°,7 Ц., 0,660 миллиметр. дождя.

Эльзас очень богат памятниками народов, не оставивших после себя писаной истории. На горах встречаются во множестве грубо иссеченные каменные глыбы, могилы, сложенные рукою человека камни, укрепления. Самое знаменитое из этих укреплений и вместе с тем одно из наиболее обширных по занимаемому им пространству—так называемая «Стена язычников» (Heidenmauer), господствующая, с западной стороны, над равнинами Страсбурга. В своей тройной извилистой ограде это древнее укрепление заключает несколько горных вершин, имеющих в совокупности не менее 10 километров протяжения, и общая форма которых напоминает летучую мышь с распростертыми крыльями. Однако, археологи не без труда восстановляют мысленно этот памятник глубокой старины; во многих местах камни, отвалившиеся от стены, смешались с рассеянными по земле естественными камнями; в других местах откосы поросли мелким кустарником или покрылись землею, нанесенною дождевыми водами; в иных местах большие обвалы и продолжительное действие воды совершенно разрушили ограду. Почти везде корни буков и елей обвились змеями вокруг расклеившихся камней. Нужно полагать, что эта древняя крепость, единственная в своем роде, неоднократно была увеличиваема и починяема, потому что стены её представляют разнообразнейшие роды архитектуры, от простой накладки плит одной на другую до почти правильной каменной работы. Первыми строителями были, может быть, древние галлы, но затем крепостью пользовались римляне, как о том свидетельствуют сооруженные ими шоссейные дороги, ведущие к «Стене язычников», и многочисленные императорские монеты третьего века, которые там найдены. Близ одного угла древней стены виден долмен, еще более древний, который на половину скрыт под ветвями исполинских елей. На другом мысе или выступе гор, окруженном пропастями, стоит древний монастырь св. Одилии, построенный на месте бывшего тут некогда укрепленного замка; жители равнины ходят сюда на богомолье и просто для прогулки.

Кто бы ни были эти «язычники», строители высоких крепостных стен на Вогезах, не подлежит сомнению, что во времена, предшествовавшие римской эпохе, Эльзас был разделен между кельтскими и германскими племенами; достоверно также, что и теперь еще его население, более или менее смешанное, смотря по округам, состоит из этих двух этнографических элементов, так как всякому сразу бросается в глаза контраст, представляемый существующими здесь двумя типами: брюнетами и блондинами, людьми с короткой и широкой

1 Шарль Град, „Essais sur le climat de l'Alsace et de Vosges".

2 Т. Гун, „Deutsch-Lothringen".

головой, и людьми, у которых голова уже и длиннее. Но в целом—эльзасцы равнины и отчасти жители восточных долин Вогезов совершенно германизовались: тип аллеманов преобладает между ними также, как и в соседней Швейцарии, и если некогда многие города Верхнего Эльзаса вступали в союз с гельветическими кантонами, то причину этого нужно искать, без сомнения, не в одной только общности интересов, но и в этническом сродстве населения обеих стран. Жители западной равнины Рейна также похожи на баденцев, но они более подвижны, более деятельны, и история чаще показывает их замешанными в революциях и войнах. Водораздельная линия, образуемая на востоке от Бельфора между бассейнами Роны и Рейна, и далее на севере хребтов Вогезских гор, служит вообще границей между населениями различных национальностей. Однако, долина Ларги (Largue) и долины других небольших рек, текущих в Илль и Рейн, принадлежат по меньшей мере уже лет сто, а по всей вероятности со времени гораздо более ранней эпохи, к области французского языка. Точно также гребень Вогезов был перейден во многих местах поселенцами, говорящими наречиями латинского происхождения, особенно между Сень-Дье (Saint-Die) и Кольмаром, и многие «романския» (welsch) деревни, легко узнаваемые с первого взгляда, Орбе, Путруа, Барош, находятся на восточном склоне Вогезов, среди германизованной территории. Даже город Сент-Мари-о-Мин (Sainte-Marie aux Mines, по-немецки Маркирх) еще недавно был гораздо более французский, чем немецкий, по языку его жителей. В этой области Вогезов эльзасский язык несомненно отступил в течение последних столетий, ибо многие селения в окрестностях Сент-Дье и в верхнем бассейне Мерты носят имена немецкого происхождения, и действительно различные письменные памятники свидетельствуют, что на обоих склонах жили поселяне немецкого происхождения[1].

На западе от Страсбурга, обе стороны Вогезов населены крестьянами, говорящими аллеманским наречием Эльзаса: граница языков направляется к северо-западу, образуя многочисленные извилины и пересекая реку Мозель между Мецом и Тионвилем; близ Лонгви она совпадает с пограничною чертой Франции, затем поворачивает на север и захватывает половину бельгийской территории. Но Лотарингия, называемая немецкою, заключает в себе не одни только германские общины; занимая ныне гораздо более обширное пространство, чем прежний округ, известный до 1751 г. оффициально под именем «bailliage d'Allemagne», она везде вдается в пределы области французского языка. По статистическим сведениям, собранным по распоряжению германского правительства, в этой провинции оказалось 381 община, содержащая вместе более 175.000 жителей, которые должны быть признаны совершенно французскими по национальности их населения: в Тионвильском округе немецким языком говорили только в трех общинах[2]. Мец, главный город Лотарингии, принадлежит к числу чисто-французских городов, ибо хотя в средние века он был частью населен немцами, но постепенное давление французского языка совершенно романизовало его с половины тринадцатого столетия: его муниципальная республика всегда оставалась «вельшскою», тоесть французскою, как по духу, так и по языку[3]. Теперь немецкое правительство обдуманно, систематически принялось за «германизацию» присоединенных после франко-прусской войны французских общин: обратная задача никогда не была предпринимаема с такою энергиею французскою администрациею; а между тем эту администрацию называли врагом «нравственности и цивилизации»[4] за то, что она сделала французский язык оффициальным языком в Страсбурге. Разве Мец не имеет такого же права сохранить свой язык? Оффициальный циркуляр 1876 г. объявляет подлежащими уголовной ответственности родителей и опекунов, которые бы стали воспитывать своих детей или питомцев вне Эльзаса, и устанавливает против них штраф и тюремное заключение. Что касается детей, даже французских, воспитываемых заграницею, то позволение вернуться в край может быть даровано им не иначе,

1 Рихард Бек (Boekh), „Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet“; Шарль Град, „Considerations sur l'administration et les finances de l'Alsace Lorraine sons le regime allemand“.

2 Г. Киперт, „Zeitbchrifi fur Erdkunde“, № 37, 1872.

3 Henri Martin, „Souvenirs d'Alsace et de Lorraine Notes de voyage“.

4 Richard Boekh, „Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet“.

как в виде «исключительной милости».

Число жителей, уроженцев Эльзас-Лотарингии, говорящих французским языком, не считая городских рабочих, по Киперту (1874 г.): Верхний Эльзас:—31.500; Нижний Эльзас —26.500; Лотарингия—192.000; всего—250.000[1].

Но тот же автор исчислял в «Zeitschriff fur Erdkunde» за 1872 г. (№ 37) число французских жителей Эльзаса Лотарингии в 310.000 или 312.000.

Вероятное число эльзасцев и лотарингцев, говорящих обыкновенно французским языком —350.000[2].

Население Эльзаса-Лотарингии представляет сильную породу людей; большая часть мужчин в этой стране имеет рост выше среднего, и число слабосильных здесь меньше, чем во Франции, как о том свидетельствуют списки призываемых на военную службу. Средний рост эльзасцев 20-ти-летнего возраста: в бывшем департаменте Верхнего Рейна—1.658, в департаменте Нижнего Рейна—1.664 миллиметров. Число освобожденных от военной службы по причине малого роста или телесных недостатков составляло в Эльзасе, в среднем выводе за десятилетний период, с 1860 по 1870 г.,—27% (в остальной Франции 37 процентов). Оттого эльзасцы и лотарингцы очень ценятся в армиях, впрочем, не только за их физическую крепость и силу, но также по причине их мужества и легкости, с которою они приучаются к дисциплине. Во Франции они всегда были под знаменами в большем пропорциональном числе сравнительно с жителями других провинций. Они дали армиям республики и первой империи несколько из их знаменитейших генералов, и старых солдат из эльзасцев и лотарингцев до сих пор можно встретить по всей Франции служащими в качестве таможенных стражников или жандармов. Но жители Эльзаса-Лотарингии отличаются равным образом в мирных искусствах и деятельности: это естественные посредники в торговле, промышленности и науках между Францией и Германией. Мец и Страсбург, особенно последний, во все времена были главными местами прохода или транзита, важными посредничествующими пунктами, еще более полезными для обмена идей, чем для обмена товаров. Эльзас тем лучше пригоден для этой роли посредника и истолкователя между двумя соседними нациями, что весьма значительная пропорция его жителей, а в городах огромное большинство, знают и говорят обоими языками. Средний уровень образования в этом крае относительно очень высокий. Грамотные новобранцы из Эльзаса и Лотарингии составляли в 1875 г., по Гассе, 96.55 процентов.

Эльзасцы и лотарингцы должны много трудиться, чтобы добывать себе пропитание, потому что население в их крае очень густое, особенно в равнинах и в области виноградников. Низменные равнины обрабатываются почти на всем их протяжении: земель, лежащих под паром, здесь совсем нет; большая часть ланд, некогда затопляемых водою пространств, которые тянутся по берегам Илля и Рейна, завоевана крестьянами для целей земледелия. Из хлебных злаков здесь возделываются так называемые «благородные» виды, пшеница и ячмень; везде, около деревень, путешественник видит, в перемежку с зеленеющими лугами, желтые полосы полевой репы (кользы), как будто всегда освещенные солнцем; далее, поля, засеянные красным маком; лен, с нежно-голубыми цветками; коноплю с темно-зеленою листвою, качающеюся высоко над стеблями других растений; табак, с его широкими листьями и розовыми цветами; хмель, ползущий по длинным жердям. Крестьянские дома, по большей части стоящие отдельно и окруженные фруктовыми деревьями и садами, имеют очень угрюмый вид; житницы полны хлеба; погреба наполнены вином и превосходною вишневкою (киршвассер). Хотя земельная собственность сильно раздроблена (средняя величина земельных участков в Эльзасе составляла в 1870 году 3 гектара 20 аров[3]), и хотя ростовщичество, представителями которого являются обыкновенно сыны Израиля, разоряет заемщиков, однако, между населением заметно общее материальное довольство в большом числе

1 Sprachgrenze in Ellsass-Lothringen, Zeitschrift des Gesell. fur Erdkunde, 1847, IX, 4-er heft

2 H. Caidoz, „рукописные заметки".

3 Lefebure et Tisserand, „Etude sur l'economie rurale de l'Alsace"

округов. Эльзас есть одна из тех областей Европы, которые оспаривают у низменной Шотландии, восточной Англии, Нормандии, Фландрии, Саксонии, Ломбардии честь ведения сельского хозяйства наиболее рациональным способом. По словам Шарля Града, среднюю прибыль с капиталов, употребляемых в Эльзасе на возделывание промышленных растений, хмельников и виноградников, можно считать равною 8 или 10 процентам. Главная область виноделия, самая богатая во всем Эльзасе и содержащая наиболее густое население, находится на предгорьях Вогезов, между Танном и Мутцигом. В этой области вина отличаются наибольшею крепостью и наилучшим вкусом: некоторые сорты, очень ценимые в крае, и в Германии пользуются даже настоящею славою; Эльзас-Лотарингия поставляет более четверти винограда, собираемого во всей Германии. Выше виноградников на Вогезах идут леса, которые, как известно, принадлежат к наилучше сберегаемым во всем свете: приносимый ими годовой доход в два раза превышает доход, получаемый от лесов в Пруссии, как видно из следующей сравнительной таблицы:

Доход от государственных лесов (145.905 гектаров) Эльзаса в 1874 году составлял 8.003.432 франка. С гектара:

	Эльзас-Лотарингия		Пруссия		Франция	
	фр.	сант.	фр.	сант.	фр.	сант.
Валовой доход	54	0	24	30	35	77
Издержки эксплоатации	27	70	14	45	9	77
Чистая прибыль	26	30	9	85	26	-[1])

Что касается пастбищ, то они недостаточны для прокормления скота, и потому значительная часть последнего содержится в скотных дворах на равнине. Туземная порода рогатого скота, употребляемая для извоза в холмах и горах, не может сравниться с животными Швейцарии и Франш-Конте; но ее заменяют мало-по-малу скотом, происходящим из этих стран. Из молока горных коров делают сыр «мюнстерский» или «gerome» в роде того, который приготовляют пастухи в Жерардмере, на западном склоне Вогезов.

Лотарингия—также земледельческая страна, но она стоит значительно ниже Эльзаса по относительной важности своей сельско-хозяйственной производительности. Почва и климат в этой провинции гораздо менее благоприятны, нежели в Эльзасе. В Лотарингии нет широкой аллювиальной долины, похожей на долину Рейна;—её косогоры, вместо того, чтобы быть выставленными на юго-восток, обращены преимущественно к северу, и вся восточная часть края, особенно в соседстве с городом Бичем, имеет на своих холмах лишь весьма тонкий слой растительной земли. Кое-где встречаются еще необработанные пространства ланд, в совокупности более 7.000 гектаров, не считая болот. Что касается виноградников, то в 450 общинах их совсем нет; но на некоторых косогорах, хорошо расположенных в отношении действия солнца и защиты от холодных ветров, в долинах рек Мозель, Селль и Нид, особенно в окрестностях Меца и Шато-Салена (Chateau-Salins), виноградная лоза дает превосходный плод. Земельная собственность здесь очень раздроблена, как и в Эльзасе; но среднее производство на половину меньше, нежели в последней провинции; для одинакового числа жителей здесь нужна двойная площадь производительных земель. Одну из особенностей земледельческой промышленности Лотарингии составляет так называемое прудовое хозяйство; подобно тому, как в Домбе, здесь существует множество резервуаров со шлюзами, или прудов, которые попеременно наполняются и опоражниваются, и служат то рыбными садками, то культурными полями. Когда поднимут затворы шлюзов и выпустят из пруда около двух-третей воды, то прежде всего вылавливают живущую в нем в большом количестве рыбу, затем распахивают выступившее дно и засевают полученные таким образом нивы пшеницею, другими хлебами и разными растениями; на следующий год, после уборки хлеба, шлюзы запираются, и снова приступают к разведению рыбы. Большой пруд Линдр, в долине р. Селль, иногда в продолжение года дает более 100.000 килограммов рыбы. В жарком климате такой оригинальный севооборот имел бы неминуемым следствием страшную смерт-

1 Ch. Grad. „Les forets d'Alsace et leur exploitation".

ность между окрестным населением, по причине вызываемого ими разложения органических веществ; на севере от 49 градуса географической широты он, конечно менее опасен, но он невыгоден с экономической точки зрения, и потому сельские хозяева Лотарингии все более и более покидают этот способ хозяйства, унаследованный ими от древних времен.

По угодьям, культурные земли Эльзас-Лотарингии распределяются следующим образом:

	Пашни гект.	Луга гект.	Виноградники гект.	Сады гект.	Всего гект.
Верхний-Эльзас	138.634	44.051	11.120	3.914	197.719
Нижний-Эльзас	193.677	61.139	13.252	6.673	274.741
Лотарингия	337.104	64.460	5.971	7.082	414.617
	669.415	169.650	30.343	17.669	887.077

Эльзас и немецкая Лотарингия вместе с тем суть страны крупной фабричной и заводской промышленности, так как земледелие давно уже оказалось недостаточным для прокормления постоянно возраставшего населения. В 1746 году была основана первая ситцевая фабрика, от которой ведет свое начало мануфактурная промышленность Мюльгаузена, достигшая такого изумительного развития. Первая паровая машина Эльзаса была построена в 1812 году; но какие поразительные успехи сделаны в промышленности края с той эпохи! Когда в начале нынешнего столетия воздвигли большие бумагопрядильни в бывшем Верхне-Рейнском департаменте, фабриканты, старавшиеся, главным образом, утилизировать якобы даровую силу горных потоков, стали устраивать свои заведения в долинах Вогезских гор; но жидкая масса, дающая двигательную силу, как известно, значительно уменьшается в летнее время, особенно при засухах, и пар должен восполнять неправильную работу, производимую течением бегущей воды. Вследствие этого, мануфактуристы кончили тем, что огромное большинство их перенесло свои фабрики в города равнины, где они могут получать топливо по более дешевой цене, где работа может идти правильнее, и где, наконец, удобнее может быть производима отправка произведений с фабрики; тем не менее, разветвления железнодорожных линий, проникающие во все промышленные долины Вогезов, дают и горным фабрикам возможность успешно выдерживать борьбу с фабричными заведениями равнины.

Если Нижний Эльзас обязан своим благосостоянием преимущественно земледелию, то Верхний Эльзас значительно превосходит его своею промышленностью: в этой последней области находится важный мануфактурный центр, Мюльгаузен, с целым кортежем второстепенных городов, которые тоже представляют группы фабричных заведений и домов рабочих. Главную отрасль мануфактурной промышленности бывшего Верхне-Рейнского департамента составляет бумагопрядильное, ткацкое и ситценабойное производство. По словам Ш. Града, в этом департаменте в 1870 году было выделано:

Бумажной пряжи на 90.000.000 франков, бумажных тканей на 120.000.000 франков, ситцев и проч. на 50.000.000 франков.

На первый взгляд кажется странным, что этот род фабричного производства мог сделаться источником богатства для края, удаленного от моря, и который прежде не располагал удобными средствами сообщения с портами океана; но это объясняется тем, что граждане Мюльгаузена, пользуясь свободою торговли и промышленности и живя рядом с государством, в котором господствовала система монополии, имели ту огромную выгоду, что владели, благодаря контрабанде, обширным рынком Франции. Эта главная промышленность породила множество других отраслей, как например, производство сукон и смешанных тканей, фабрикацию машин, химических продуктов и проч. В бывшем Нижне-Рейнском департаменте, Страсбург имеет, за городскою чертою, большие фабрики, механические заводы, пивоваренные заводы и различные мануфактуры; в Графенштадене находятся фабрики машин; в Мольсгейме оружейные мастерские, в Васселоне бумагопрядильни; на севере страны, Нидербронн и соседние городки имеют в своих долинах, у подошвы лесистых холмов, чугунно-литейные заводы, фабрики вагонов и эмальированных железных изделий. В Лотарингии промышленность тоже достигла довольно значительного развития, благодаря естественным богатствам, содержащимся в недрах земли. Месторождения железа весьма многочисленны,

особенно на западе от Мозеля, в узкой полосе, заключенной между нынешнею границею Франции и течением реки: толщина слоя железной руды в некоторых местах доходит до тридцати метров. В этой-то области, преимущественно в долине реки Орны, сосредоточены

Эльзасскіе типы.

самые большие заводы, плавильные, чугунно-литейные, железоделательные; здесь же находят остатки древних плавильных заводов, существовавших в средние века и даже в галльскую эпоху. Добыча железной руды в немецкой Лотарингии, к западу от Мозеля (1892 г.):

3.571.427 тонн. Залежи каменного угля встречаются в бассейне реки Сарр (Sarre), где они образуют южную оконечность сарбрюкенских каменно-угольных пластов; но эти залежи покрыты вогезским песчаником, так что приходится копать землю до глубины 45-280 метров, прежде чем достигнешь жилы угля; одна шахта имеет 468 метров глубины. Добыча каменного угля в Эльзас-Лотарингии в 1892 году—792.510 тонн. Каменноугольные копи бассейна Сарры дают минеральное топливо для многочисленных фабрик и заводов, устроенных в окрестной местности, из которых особенно замечательны стеклянные заводы в Форбахе и большие фабричные заведения в Саргемине (Sarreguemines) для выделки эмальированного фарфора и фаянса (годовое производство эмальированного фаянса простирается на сумму около 5.000.000 франков), для фабрикации табакерок, для постройки машин и приготовления точных механизмов. Другое важное минеральное богатство страны составляют залежи каменной соли в триасовых скалах, возвышающихся между реками Сарр и Селл, и в особенности салины Дьеза, Шамбре, Сарральбы: разрабатываемые с очень древних, даже до-исторических времен, они упоминаются в летописях уже под 633 годом. Теперь каменная соль в этой области добывается только при помощи буровых колодцев, так как копи были затоплены в 1864 году, вследствие прорыва стен напором воды. Добыча соли из восьми салин бассейнов Сарры и Селли в 1892 г.: 50.009 тонн. Добываемая соль вывозится в больших количествах, но по причине конкурренции других салин, очень многочисленных в Германии, теперь её все больше и больше стали употреблять для фабрикации химических продуктов. Из этого видно, что Франция, одна из наименее богатых рудниками стран Европы, много потеряла, уступив части департаментов Мертского и Мозельского, которые теперь сделались немецкою Лотарингиею. Она лишилась также одной из лучших своих хрустальных фабрик, замечательной по чистоте и изяществу её произведений: это фабрика Сен-Луи, называемая немцами «Мюнцталь»; на ней постоянно заняты около 2.000 рабочих, и годовая ценность хрусталя, поставляемого ею на рынок, преимущественно на рынок Франции, простирается до 8 миллионов франков.

Эльзас—одна из тех стран континентальной Европы, которые с самого начала приняли участие в великом перевороте, совершившемся в области торговли и промышленности вследствие сооружения рельсовых путей. Одною из первых железных дорог во Франции была линия из Страсбурга в Базель. Эта артериальная линия соединилась впоследствии со всею железно-дорожною сетью Европы: с Парижем посредством дорог, идущих через Бельфорский проход и Савернский порог; с великим герцогством Баденским через Кельский мост, который долгое время считался одним из чудес человеческого искусства; с нижнею Германиею посредством Ландаусской железной дороги. Кроме того, поперечная линия, касающаяся на юге старой границы, соединяет непосредственно Эльзасскую железно-дорожную сеть с Лотарингскою, и в это последнее время она получила исключительную важность, как великий путь международного сообщения; ибо, несмотря на свои извилины и многочисленные подъемы, она составляет часть прямой железно-дорожной линии, соединяющей Остенде с Швейцариею: ею пользуются многие английские путешественники. К магистральной линии, идущей из Страсбурга в Базель, примыкают многие второстепенные рельсовые пути, проникающие в долины Вогезов, и которые, до войны 1870 года, предполагалось продолжить через горы, чтобы соединить французские города противоположного склона: Сен-Дье, Эпиналь, Ремирмон; но с тех пор, как восточный скат Вогезов перешел в руки немцев, взяли верх другие идеи, и новые железные дороги, которые теперь сооружаются, имеют преимущественно стратегическую цель: они строются не столько для того, чтобы облегчать торговые сношения, сколько для того, чтобы связать одну с другою грозные крепости, которые превратили Эльзас-Лотарингию в обширный укрепленный лагерь. Однако, если естественный вал, образуемый Вогезами, составляет еще значительное препятствие для прямых торговых сношений Эльзаса с Франциею, то сеть железных дорог, существующая в равнине, достаточна для удовлетворения нужд внутренней торговли края. В деревнях Эльзаса, подобно тому, как в селениях Венгрии, Галиции, Польши, главными посредниками торговли являются еврейские купцы, относительно очень многочисленные. Во всей Эльзас-Лотарингии,

по переписи 1890 г., насчитывалось около 36.000 евреев.

Спускаясь вниз по течению Рейна, по выходе из пределов швейцарской территории, прежде всего встречаем из городов—маленький Гунинген или Гунинг (Huningue), некогда приобревший известность своими укреплениями, которые, вместе с тет-де-поном, расположенным на одном из островов правого берега реки, командовали проходом по Рейну; эти укрепления были срыты в 1815 г.; здесь находится первый на немецкой территории постоянный мост через Рейн. Заведение для рыбоводства, основанное в Гунинге во времена французской администрации, оказывает теперь весьма важные услуги Германии, снабжая мальками другие менее значительные рыбоводные станции страны. Посредством канала из Роны в Рейн рыба прежде посылалась отсюда во все концы Франции; подобным же образом ее отправляют по рекам и каналам во все места центральной Европы.

Мюльгаузен (Mulhausen, по-французски Mulhouse), промышленная столица и самый многолюдный город южного Эльзаса, выросший из простой деревни или группы мельниц («village des Moulins», откуда и произошло его название), занимает чрезвычайно выгодное положение, у подножия холмов Сундгау, в том месте, где Илль, уже судоходная река, выходит из гористой области и вступает в Эльзасскую равнину, пересекая естественный путь от Рейна к Роне Бельфорским порогом или проломом (trouee de Belfort). Соединенный политически с швейцарскими кантонами в продолжение трех столетий, с 1506 по 1798 год, этот город мог свободно развить свою промышленность и подняться на степень одного из главных мануфактурных центров Европы. Главные его фабриканты принадлежат к старинным фамилиям, связанным между собою, через браки, узами родства, и образующим как бы один клан или обширный род, многочисленные дети которого, тотчас же по окончании своего образования, определяются на фабрики и в банки, в качестве инженеров, химиков, конторщиков или кассиров: эта крепкая солидарность дает мюльгаузенским фабрикантам громадную финансовую силу на всех рынках Европы, Америки и Индии; одна из этих фамилий взяла на себя, в 1853 году, почин в деле основания знаменитых городов для фабричного рабочего люда, принятых за образец филантропическими обществами. Мюльгаузенский «город рабочих» состоит слишком из тысячи домов, удобных, правильных, устроенных согласно требованиям гигиены и окруженных бульварами и садами; аннюитет или процент погашения, заключается в наемной плате, и, по прошествии четырнадцати лет, семейство, нанявшее дом, становится полным его владельцем. Мюльгаузен из всех городов Эльзаса наиболее энергически противился присоединению к германской империи: многие тысячи его жителей предпочли остаться французскими гражданами, вследствие чего население временно убавилось. С той поры оно опять увеличилось и, как все большие промышленные центры, Мюльгаузен привлекает к своим фабричным заведениям часть жителей окрестных деревень.

За исключением Альткирха, маленького городка, лежащего на бельфорской дороге, среди холмов Сундгау и хорошо известного своими фабриками глиняной посуды и глазированной черепицы, все сколько-нибудь значительные группы населения представляют мануфактурные пункты, истинным центром которых служит город Мюльгаузен. На западе открывается долина реки Доллер, где лежат фабричные города Массево (Masseveaux) и Зенгейм; на северо-западе река Тур, вытекающая с высот Дрюмона и Гран-Вантрона, проходит под фабриками и заводами Вессерлинга (Wesserling), Сент-Амарена (Saint-Amarin), Танна (Thann), Серне (Cernay, по-немецки Зенгейм); далее на севере другой горный поток, Лаух, питаемый искусственным озером Баллон, приводит в движение колеса прядильных заведений городов Гебвиллера, Зульца, Больвиллера. Из всех этих мануфактурных центров самый многолюдный—Гебвиллер; самый же интересный из них—старинный город Танн, между достопримечательностями которого особенно заслуживают внимания готическая церковь, построенная в тринадцатом и четырнадцатом столетиях, и возвышающиеся на горе развалины древнего замка Энгельбург. На. холмах, окружающих Танн, растет виноград, называемый «vin de Range», который дает самое хмельное вино в крае, так что даже существует местная

побранка: «que le Range te pousse!» (чтоб тебя ранж свалил с ног!), свидетельствующая о крепости этого вина.

Кольмар, менее многолюдный и гораздо менее богатый; чем Мюльгаузен, есть главный административный пункт Верхнего Эльзаса, благодаря своему центральному положению, в соседстве с рекою Илль. Это средневековой город, с прекрасною готическою церковью и многими старинными домами, построенными в стиле эпохи Возрождения; в музее его хранятся, между прочим, картины известного швабского живописца Шонгауэра, жившего в Кольмаре в конце пятнадцатого века. На площади красуются статуи знаменитых полководцев Раппа и Брюа, уроженцев этого города. Фабричные заведения Кольмара расположены большею частью на западе, по берегам канала Ложельбах, проведенного из реки Фехт, которая протекает через Тюркгейм, старинный, обнесенный стеною городок, славящийся своим превосходным вином, которое принадлежит к числу лучших вин, производимых в крае. Выше в той же долине находится другая важная группа прядильных фабрик, принадлежащая к городу Мюнстеру, который расположен в одной из очаровательнейших местностей Эльзаса. На юге от Тюркгейма, стоящего над рекою Фехт, при входе её в равнину, находится Эгисгеймская терраса, на которой высятся три полуразвалившиеся древние башни. Эта терраса приобрела громкую известность в ученом мире, благодаря человеческим останкам, которые были там найдены в глетчерном иле, вместе с костями больших млекопитающих, принадлежащих к вымершим уже видам. Жившие здесь тогда люди видели древние ледники Вогезов и Шварцвальда; они принадлежат к одному из древнейших периодов доисторических времен.

Кольмар—открытый город: его древние стены заменены теперь поясом бульваров; но на востоке от него стоит крепость Новый Брейзах (Neue Breisach, Neuf-Brisach),—одна из замечательнейших в Европе по правильности её конструкции,—которая и защищает переправу через Рейн. Положение Нового Брейзаха весьма важно в стратегическом отношении, так как здесь находится первый естественный пункт перехода через Рейн ниже Гунингена; длинный ряд островов, заграждающих реку, в этом месте представляет небольшой перерыв, и болотистые берега становятся более доступными. Кроме того, Новый Брейзах, куда спускаются вогезские дороги, идущие через долины Мюнстерскую и Кайзерсбергскую, лежит как-раз против важного города Фрейбурга в Брейсгау и главных горных проходов Шварцвальда[1]. Железная дорога, проведенная через горы до дунайского склона, приводит Новый Брейзах в сообщение со всею южною Германиею и в значительной степени увеличивает торговое и военное значение этого города. Все станции на этой дороге устроены с широкими платформами, которые дают возможность сразу построить в колонны привезенные войска.

На север от Кольмара, в богатой равнине Илля и в долинах Вогезских гор, города и многолюдные местечки следуют друг за другом через небольшие промежутки. Так, здесь мы встречаем последовательно: Кайзерсберг, похожий по виду на средневековой бург; Рибовилье или Раппольтсвейлер (Ribeauville, Rappoltsweiler, Rappschweier), славящийся своими виноградниками; Шлештадт или Шлетштадт, где церкви с живописными башнями поднимаются высоко над бывшим городским валом, и откуда виден вдали, на выступе горы, древний укрепленный замок Гогенкенигсбург, знаменитый во всем Эльзасе. В долине реки Льеврет или Лебер, защищаемой при выходе её из гор городом Шлештадтом, находится промышленная община Сент-Мари-о-Мин или Маркирх (Mariakirch), которая ведет обширную торговлю с своею соседкою Сен-Дье, лежащей на французском склоне Вогезов. Несмотря на свое название, указывающее на горнозаводский промысел, этот городок не занимается более разработкою рудников; теперешняя его промышленность, конкуррирующая с промышленною деятельностью Эльберфельда и Бармена, сосредоточена главным образом на выделке разноцветных тканей и красильном производстве; ткачи, рассеянные вокруг города в долинах между горами, работают по большей части на дому, и когда погода хорошая, занимаются возделыванием своих садов и полей. Средняя ценность тканей, фабрикуемых в Сент-Мари,

1 A. Пиша, „Geographie militaire du bassin du Rhin“.

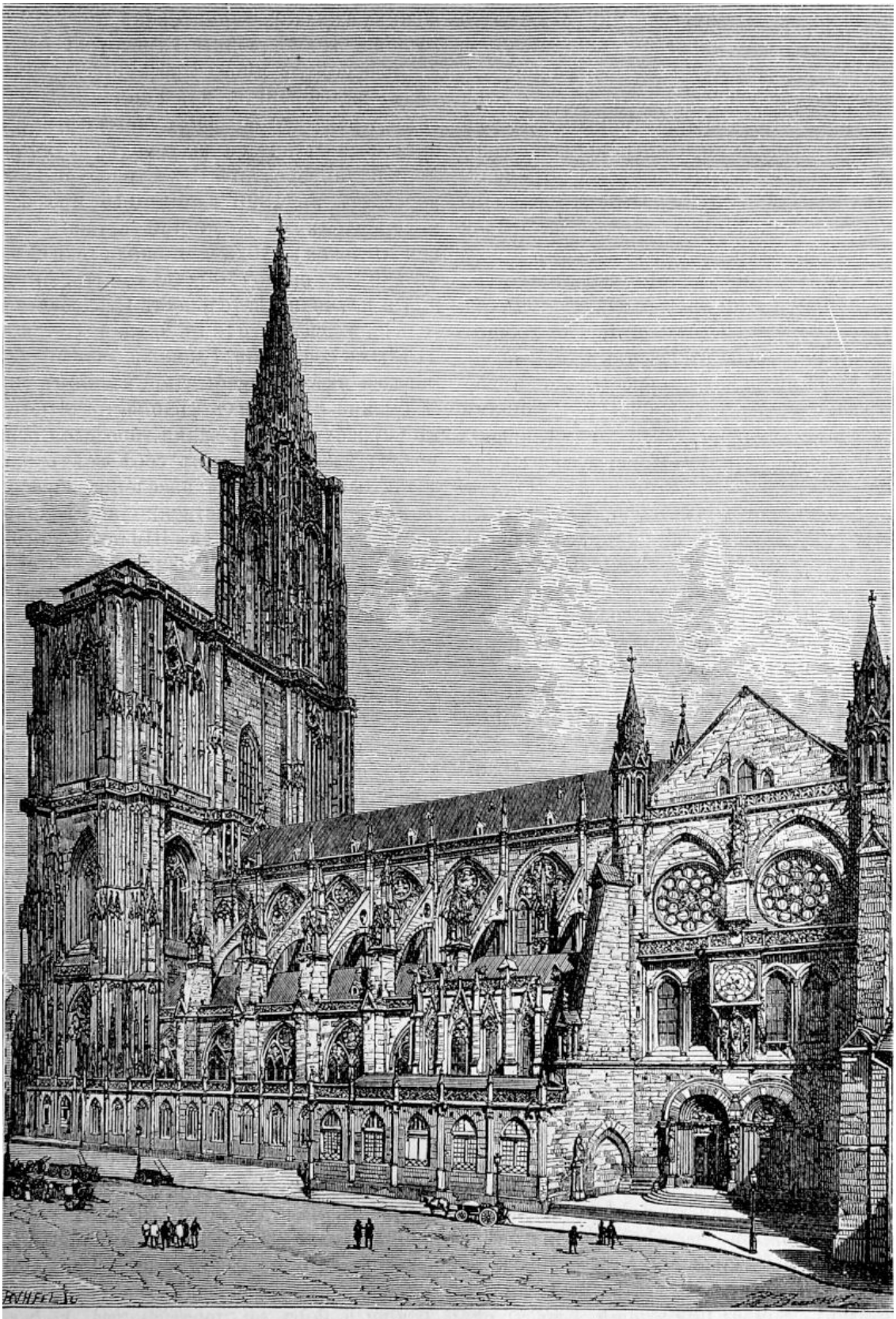
составляет около 15.000.000 франков в год. Андлау, Барр, Мольсгейм, Васселон, Ширмек тоже принадлежат к числу важных населенных мест области Вогезов и их предгорий. Каменоломни Ширмека, вместе со срытыми крепостными стенами и валами Шлештадта и других упраздненных крепостей, доставили огромные количества камня, в котором немецкие инженеры нуждались для сооружения новых фортов Страсбурга.

Столица Эльзаса замечательна, как один из исторических городов европейского континента: это один из тех пунктов, вокруг которых центральная Европа часто тяготела в своей политической жизни. Расположенный при слиянии трех рек: Брюша, Илля и Рейна, Страсбург представляет собою естественный центр Эльзаса, ибо в этом месте основания Вогезского хребта и Шварцвальда сближаются и делят долину на две различные части. В ниже лежащей области своего течения Рейн, который принимает в себя с одной стороны Илль, с другой—Кинциг, две самые многоводные реки Вогезов и Шварцвальда, катит большую массу воды и движется более спокойным потоком, вследствие чего судоходство получило здесь более важное значение и развитие[1]; в непосредственном соседстве с местоположением эльзасской столицы, главная река, которая некогда на большей части своего течения была окружена труднодоступными болотами, соединяет свои воды в одном русле, заключенном между берегов, возвышающихся над средним уровнем наводнений; в этом месте переход через реку был, как у Нового Брейзаха, сравнительно легок. Поэтому уже с древнейших времен, с самого начала истории Галлии, стоял город на том месте, которое ныне занимает Страсбург (Strasbourg, Strassburg—буквально значит: «замок при дороге»). Здесь был Аргенторатум (Argentoratum) трибоков (Triboces или Triboci) и римлян, и, неоднократно разрушаемый, город каждый раз возрождался на том же самом месте. Это была резиденция франкских королей и один из самых оживленных рынков на берегах Рейна: начиная с четырнадцатого столетия, промышленная деятельность приняла в нем столь обширные размеры, достигла такого преобладающего значения, что город получил возможность ввести у себя чисто-демократическое устройство, и в муниципальном его совете ремесленники постоянно составляли большинство. К несчастью, его первостепенная стратегическая важность наносила немалый ущерб его роли посредника в области экономического обмена и торговых сношений: он часто подвергался бомбардированию, осаждавшие войска не раз брали его и отчасти разрушали; известно, как много пострадал он во время осады 1870 года. Уже двести лет тому назад, Страсбург был сильною крепостью и «оплотом империи»; затем, в царствование Людовика XIV, он сделался одним из главных укрепленных мест Франции; со времени перехода его под власть Германии возведены новые укрепления, которые превратили его в первоклассный военный город. Двенадцать больших фортов, не считая второстепенных укреплений, окружают теперь Страсбург на расстоянии 6 и 8 километров от города, обнимая в своей обширной окружности не только предместья, но, сверх того, многочисленные подгородные деревни, с общим населением около 30.000 душ, леса, сады, поля и самый Рейн на протяжении около 8 километров, так как три форта построены на баденской территории, вокруг Келя; кроме того, тринадцатый форт будет сооружен на правом берегу реки, в Дирсгейме, для того, чтобы соединить Страсбург, в военном отношении, с Раштадскою крепостью. При помощи окружной железной дороги и многочисленных поперечных путей, рельсы для которых сложены в казематах, все форты будут соединены в один укрепленный лагерь, рассчитанный на армию в 250.000 человек; в центре построена железно-дорожная станция, предназначенная специально для военных целей, а близ города, место расположения прежней цитадели, рядом с каналом, называемым Малым Рейном, обращено в бассейн для флота. Понятно, что этот страшный военный аппарат, эта грозная система укреплений не благоприятствует мирному движению торговли и промышленности, и что Страсбург, как город экономического труда, не может иметь в настоящую минуту того важного значения, каким должна бы была пользоваться главная промежуточная станция между Парижем и Веною, и какое он, может быть, приобретет со временем, когда дело взаимного истребления перестанет

1 И. Г. Коль, „Der Rhein“, I Band.

быть одною из первых забот в семье европейских народов.

Долго стесненный в своих валах, Страсбург мало изменился внутри. Большая часть центрального квартала, который окружен двумя рукавами реки Илль, состоит из кривых, изви-



Страсбургскій соборъ.

листых улиц, неравной ширины, то раздвигающихся в виде площадей, то съуживающихся в переулки. Старинные дома, с длинными крышами, изрезанными несколькими рядами слу-

ховых окон, фасады с башенками, резные украшения из дерева, напоминают Страсбург времен Возрождения, тогда как представителем средне-вековой эпохи является одно из лучших произведений её строительного искусства—знаменитый собор, сквозной шпиц которого поднимается высоко над всеми зданиями города. Страсбургский «Munster», построенный из песчаника ярко-красного цвета, который от времени сделался еще красивее, есть один из замечательнейших храмов в свете, а по некоторым из своих деталей он, бесспорно, занимает первое место между религиозными памятниками христианства: хоры его, в романском стиле, освещенные одним окном и поддерживаемые массивными колоннами, прекрасно заканчивают величественную перспективу готического ковчега или среднего пространства храма, где исполинское круглое окно в форме росетки распространяет свой разноцветный свет; три паперти, украшенные великолепною резьбою и статуями, прославили на вечные времена одного из архитекторов храма, «мастера Эрвина», которому предание приписывает фамилию Штейнбаха[1]; шпиц, воздвигнутый на правой стороне фасада, необыкновенно красив и поднимается на 142 метра, так что только три здания равняются или превосходят по высоте страсбургскую колокольню—руанский собор, две большие пирамиды в Египте и церковь св. Николая в Гамбурге. С террасы «мюнстера» виден весь город с его площадями, улицами и внутренними дворами, с его домами, крыши которых усеяны аистами; вдали за городскими стенами и садами тянутся равнины Илля и Рейна, с одной стороны по направлению к Вогезам, с другой—по направлению к Шварцвальду. Недавно предприняты были обширные работы с целью пополнить некоторые недоконченные части здания собора. На одном из боковых приделов храма помещаются знаменитые астрономические часы, в которых во время боя выходят процессиею человеческие фигуры, составляющие предмет удивления для жителей Страсбурга.

Церковь св. Фомы, стоящая на берегу Илля, заключает в себе один замечательный памятник искусства—аллегорическую группу, изваянную известным скульптором Пигалем в честь маршала Морица Саксонского; два другие монумента—статуя Клебера, славнейшего воина из страсбургских уроженцев, и статуя Гуттенберга, произносящего «Fiat Lux!» (да будет свет!)—украшают городские площади. Здесь, в самом деле, производились, начиная с 1436 или 1438 года, первые опыты печатания с помощью подвижных литер. Как подобает городу, где совершилось это великое событие—изобретение книгопечатания, Страсбург до франко-прусской войны имел одно из богатейших в мире книгохранилищ, содержавшее около 300.000 томов, между которыми было много единственных в своем роде экземпляров и чрезвычайно драгоценных рукописей, относившихся к эпохе с восьмого по двенадцатое столетие; но генерал фон-Вердер, бомбардировавший Страсбург в 1870 году, имел мужество, которому едва-ли кто позавидует,—осыпать градом бомб здание, где помещались библиотека, собрание древностей, музей изящных искусств, и превратить его в пепел; специальная протестантская библиотека, содержавшая около 100.000 томов и важнейшую переписку немецких и французских реформаторов, тоже была разрушена. После войны Страсбургу было прислано огромное множество книг со всех сторон, из Франции, из Германии и из других стран; но большею частью этих подарков воспользовался не город, а новый немецкий университет. В Страсбургском университете в 1893 г. было 116 профессоров и доцентов и около 950 студентов. Университетская и публичная библиотеки содержали в 1893 г. около 700.000 томов. Литературная и научная деятельность Страсбурга значительна, и каждый год в нем издается немало ценных сочинений. Главные ученые общества Эльзаса имеют пребывание в этом городе.

Тысячи немецких колонистов поселились в Страсбурге, и прежняя городская ограда не может уже вмещать в себе всех жителей; значительные группы населения образовались за валами, преимущественно на северной стороне: здесь находятся Шильтиггейм, Гёнгейм, Рупрехтсау (Робертсау), которые с расширением городской ограды соединяются с собственно городом, также как и прекрасное гульбище Оранжереи. Главные промышленные заведения

1 Франц Краус, „Kunst und Alterthum in Elsas-Lothringen".

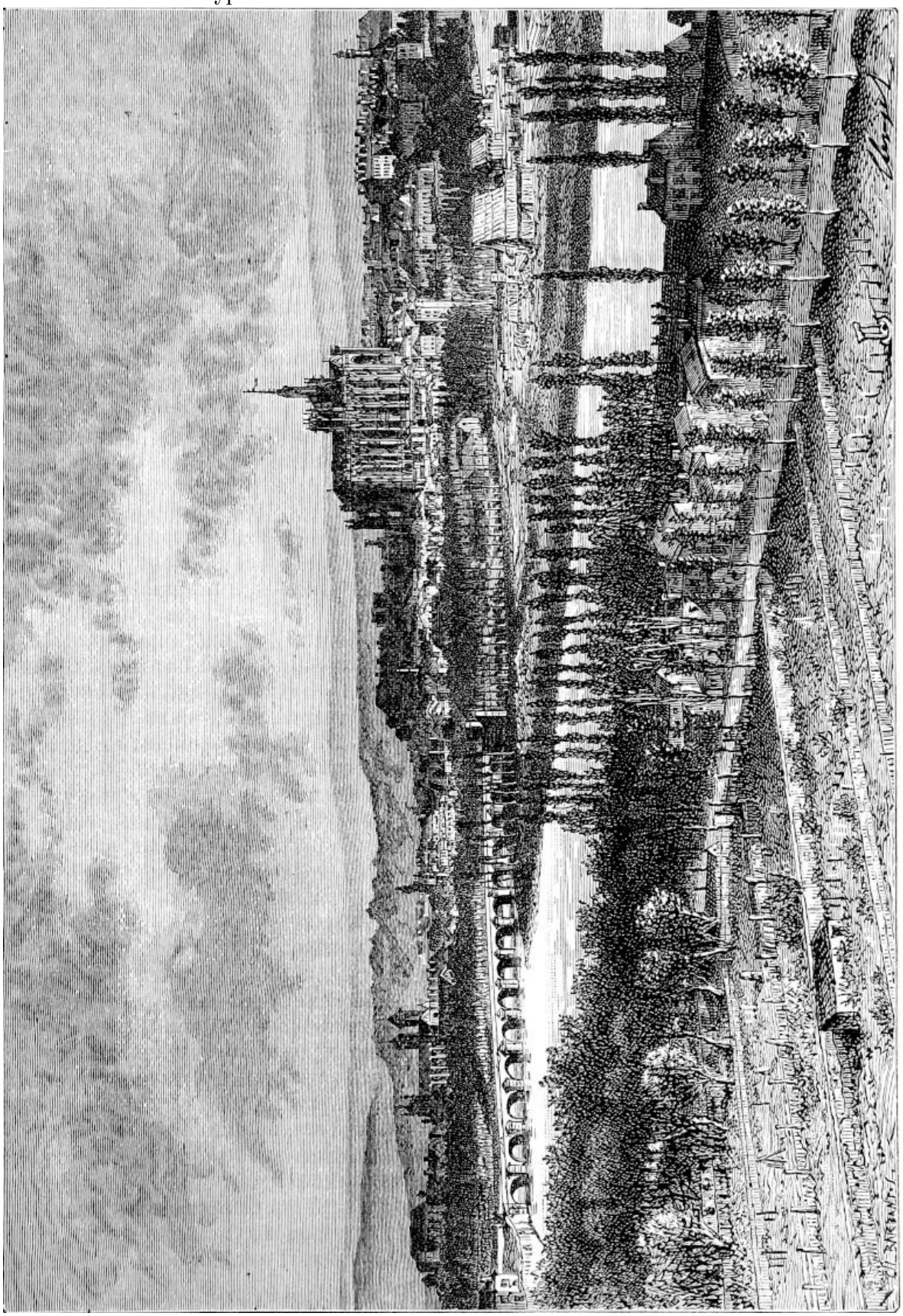
Страсбурга находятся во внешних предместьях. Из съестных продуктов, приготовляемых в этом городе, заграницею особенно славятся кислая капуста, пиво и паштеты с начинкою из гусиной печенки. На железно-дорожных станциях в самом городе и его предместьях, также как и на каналах, соединяющихся в этом месте, происходит очень деятельное торговое движение. Движение грузов по каналам Страсбурга в 1869 году: 650.000 тонн. Движение товаров во всей Эльзас-Лотарингии в 1876 г.: 190.000.000 тонн-километров.

Гагенау, значительнейший город Эльзаса на севере от Страсбурга, важная железно-дорожная станция, где от магистральной линии Рейнской долины отделяется ветвь, идущая на Мец и на Люксембург, замечателен, как один из старинных эльзасских городов, бывший любимою резиденциею императора Фридриха Барбароссы, который перенес сюда и клейноды империи; от прежних его укреплений до сих пор сохранились кое-какие остатки. Это одна из богатейших общин Эльзаса; в окрестностях города тянется сосновый бор на пространстве 15.000 гектаров (около 13.500 десятин), состоящий в нераздельном владении городского общества и государства на праве равного пользования; однако, недавно от этого леса администрациею отделен порядочный кусок, слишком 700 гектаров (около 630 десятин), для устройства артиллерийского стрельбища. Вместе с тем Гагенау важен как промышленный пункт; впрочем, большая часть фабрик и заводов равнины сгруппировались вокруг Бишвиллера, лежащего в 5 километрах к юго-востоку от Гагенау, в том месте, где река Модер вступает в аллювиальную равнину Рейна.

На северо-западе встречаем другой мануфактурный пункт, Нидербронн, прелестный городок, окруженный рощами и привлекающий многочисленных посетителей, благодаря своим минеральным водам; недалеко оттуда находятся деревни Верт, Рейхсгофен, Фрешвиллер, приобревшие известность в последнюю франко-прусскую войну, а также и те, обильно обагренные кровью, плато, которые французская армия принуждена была в 1870 г. покинуть, после отчаянной обороны. Прежде эта северная часть Эльзаса была защищена так называемыми Виссамбургскими «линиями» (Lignes de Wissembourg), то-есть непрерывным рядом ретраншаментов, тянувшимся на пространстве около тридцати километров, которые были возведены маршалом Вилларом в начале восемнадцатого столетия, на правом берегу реки Лаутер, составлявшей в ту эпоху границу Франции со стороны Германии. Эти окопы, уже не принадлежащие тем, кто их строил, были покинуты, и крепости Виссамбург и Лаутербург, на Лаутере, ныне упразднены.

Область гор, командующих северным Эльзасом, тоже приобрела большую известность в летописях военной истории Западной Европы. Город Саверн (Saverne), занимающий прекрасное местоположение на пороге Вогезов, между лесистыми горами и равниною, покрытый обработанными полями и садами, был в древности сторожевым постом, который назывался Tres Tabernae, и откуда римляне сторожили проход; со времен этих завоевателей обладание этим городом с проходящею через него дорогою не переставало быть предметом спора между враждовавшими народами: дворец или замок, который имели там страсбургские епископы, был в то же время и крепостью. В Саверне же, после усмирения бунта крестьян, шестнадцать тысяч этих несчастных, которым обещали даровать жизнь, были беспощадно перебиты солдатами Антона Лотарингского. Далее, на западе, при дороге, ведущей в Париж, стоит бывшая цитадель Фальсбург (Phalsbourg), или Пфальцбург (Pfalzburg), прославившаяся геройским сопротивлением во время войны 1870 года: защитники этой крепостцы, малые числом, но сильные духом, съумели остаться верны своему долгу и сопротивлялись до последнего куска хлеба; после войны, укрепления её были срыты, а камень, из которого они были построены, употреблен на сооружение новых фортов в Страсбурге. Другой укрепленный пункт, Петит-Пьерр (Petite-Pierre), называемый немцами Лютцельштейн (Lutzelstein), не был даже защищаем, тогда как крепость Бич (Bitche), действительно неодолимая, кроме как голодом,—ибо казематы её иссечены в скале,—оставалась во власти французов до заключения мира. Население в этой части прежней Франции еще более чем в других областях Эльзаса и Лотарингии, проникнуто воинственным духом: можно сказать, что люди родятся

там со страстью к битвам, к военным почестям и к бранной славе. Ни один город не может похвалиться таким значительным числом генералов, вышедших из среды его уроженцев, как маленький Фальсбург.



Мецъ.

Долина реки Сарр, на западе от продолжения Вогезских гор, не имеет значительных городов в пределах Лотарингии. Сарргемин (Sarreguemines), или Саргемюнд (Saargemund), есть единственный населенный пункт, который, по числу жителей, а также по размерам тор-

говли и промышленности, мог бы претендовать на название города; но, подобно Форбаху, Сент-Авольду и другим большим местечкам этой области, он уступает по важности главному её промышленному центру, Сарбрюккену, который лежит по средине своего богатого каменноугольного бассейна, вне прежней границы. В долинах рек Селль и Малой Селль, важнейшие местечки, Дьез (Dieuse), Мойенвик (Moyenvic), Вик (Vic), Шато-Сален (Chateau Salins), замечательны только своими салютами; Марсаль (Marsal)—старинная крепость, которая в 1870 году сдалась после одно часового бомбардирования. Что касается долины реки Нид, то она содержит только одну группу жителей, заслуживающую названия города: это большое промышленное местечко Буле (Bouley, по-немецки Bolchen), лежащее ниже слияния французского Нида с немецкою рекою того же имени, возле прежней границы.

Мец (Metz), столица присоединенной к Германии провинции и бывший главный пункт Мозельского департамента, есть очень древний город, сохранивший до сих пор то имя, которое он носил во времена, предшествовавшие римской эпохе, когда он был еще городом племени медиаматриков. Он занимает прекрасное местоположение, в очень плодородной равнине, при слиянии рек Мозель и Селль, соединенные воды которых поднимают уже торговые суда. Построенный на полуострове, между двумя реками, окаймленными по берегам низменными лугами, Мец мог легко защищаться против нападений извне. А эти нападения неминуемо должны были случаться, как естественное следствие географического положения города, который находится на границе, оспариваемой друг у друга двумя народами, различными по расе и языку. Известно, с каким геройством и с каким успехом защищал его Франциск Гиз в 1552 г.; известно также, как он был сдан в 1870 году с ста семидесятитысячною армиею, которая удалилась туда после кровавых битв при Марс-ла-Туре, Резонвиле, Гравелоте и Сен-Прива.

Мец еще в то время, когда принадлежал Франции, был уже первоклассною крепостью, а с тех пор, как он перешел во власть немцев, целая армия рабочих, исчисляемая средним числом в 4.000 человек, в течение 12 лет не переставала трудиться над увеличением и усилением системы укреплений этого важного стратегического пункта. Обширный укрепленный лагерь, образуемый рядом внешних фортов, имеет 24 километра в окружности; кроме того, другие верки, находящиеся за чертою этого пояса фортов, еще более увеличивают оборонительную силу крепости; некоторые батареи защищены железными куполами, в роде башен блиндированных кораблей; сеть внутренних железных дорог, связанных с торговыми рельсовыми путями и построенных гораздо более для передвижения войск, чем для облегчения коммерческих сношений, соединяет все форты и дает возможность многочисленному гарнизону быть, так сказать, одновременно на всех угрожаемых пунктах. Что касается самого города, замкнутого в своих стенах и бастионах, то он сохранил только свою прежнюю физиономию, но не имеет уже того оживленного вида, каким некогда отличался; улицы в нем узкия и кривые; через реки ведут неровные мосты; многие дома почернели и покривились от времени; но Мец, как и Страсбург, имеет прекрасный готический собор, построенный в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях, который, по выражению одного писателя, «весь открыт для дневного света», и где и камень, так сказать, составляет не более, как аксесуар стекол, облекающих главный ковчег, окна и хоры словно прозрачною стеной (A. Joanne, «Vosges et Ardennes»). На месте прежней цитадели устроено тенистое гульбище, называемое «эспланадою»; на площадях красуются статуи маршала Нея, Фабера, немецких уроженцев, чем-либо прославившихся, как например, Кюстина, Пексгана, Бушота, Пилатра-де-Розье. С 1865 года город пользуется превосходною системою орошения: чистая вода в обилии струится из его фонтанов, благодаря питающему их подземному водопроводу, который идет от источников, находящихся в расстоянии 20 километров к юго-западу от города, на холмах Горз (Gorze), в том месте, откуда начинался и древний римский акведук. Количество воды, доставляемой водопроводом в Меце: 20.000 кубических метров в сутки, или 231 литр в секунду. Главные военные учреждения Меца: арсенал и военное училище, бывшая «Ecole d'application», которая существовала во времена французского господства.

Гораздо более военный, чем промышленный и торговый город, Мец имеет только те отрасли промышленности, которые специально относятся к содержанию армии; что же касается собственно фабричной деятельности, то в этом отношении он менее важен, чем город Арс-сюр-Мозель (Ars-sur-Moselle), лежащий выше, близ французской границы. Население Меца после войны значительно убавилось, по причине большего числа жителей, предпочевших избрать французское гражданство (в 1866 году население его состояло из 54.820 душ, а в 1875 году оно не достигало 46.000 душ); и хотя громадные военные сооружения и работы внесли в город много миллионов, почерпнутых из немецкой государственной казны, однако Мец все-таки обеднел сравнительно с прежним временем. Несмотря на увеличение гарнизона, в 1877 г. в городе было слишком три тысячи пустых квартир, и ценность домов уменьшилась более, чем на половину: с 110 миллионов фр. она упала до 50 миллионов. Ниже Меца встречаем Тионвиль (Thionville), который немцы называют «Диденгофен» или «Дитенгофен», и который был одним из любимых городов Карла Великого; теперь это тоже весьма важный укрепленный пункт, где все интересы подчинены интересам военной обороны. Вместе с Мецом и территорией, взятою пруссаками взамен Бельфора, эта крепость составляет один громадный лагерь, откуда могли бы ринуться сотни тысяч солдат, в случае новой войны с Францией.

Число жителей важнейших городов Эльзаса-Лотарингии, по переписи 1 декабря 1890 г., в тысячах:

Верхний Эльзас: Мюльгаузен 70; Мюльгаузен с Дорнахом в 1895 г. 83; Кольмар 30 (34 в 95 г.); Гебвиллер (Гебвейлер) 12; Сент-Мари-о-Мин (Маркирх) 12; Рибовилье (Раппольсвейлер) 6 (95 г.); Мюнстер 6.

Нижний Эльзас: Страсбург 124 (134 в 95 г.); Гагену 15 (16 в 95 г.); Шлештадт (Шлетштадт) 9 (95 г.); Бишвиллер (Бишвейлер) 7; Барр 6.

Лотарингия: Метц 60 (66 в 95 г.); Сарргемин (Саргемюнд) 13; Тионвиль (Диденгофен) 9; Форбах 10; Арс-сюр-Мозель 3.

Глава III Рейн и Мозель

Баден, Гессен-Дармштадт, Франкфурт, Нассау, Баварский Пфальц, Прирейнская Пруссия

Рейн, по выходе из пределов Швейцарии, где таяние снега и льда на высоких горах доставляет ему огромные массы воды, является уже одним из величайших потоков Европы. Эта прекрасная река в своем среднем течении орошает многочисленные области, резко различающиеся между собою внешним видом, свойством почвы, характером жителей, промышленностью и историею, и которым она одна придала некоторое географическое единство. Несмотря на путаницу политических границ, каждая из этих областей: Баден, Гессен, долины рек Наге, Лана, Мозеля, Зига, Рура, заслуживала бы отдельного изучения, если бы Рейн, текущий с юга на север, не сделал из них совокупность стран, имеющих в Германии и в Европе свой особенный специальный характер и значение как в истории, так и в климате. Судьбы прибрежных жителей Рейна, относительно гораздо более многочисленных, чем обитатели остальной Германии и Европы вообще, зависели в значительной степени от направления, принятого этим могучим речным потоком, спускающимся с Альп.

Пространство и население различных областей Прирейнской Германии (за исключением Эльзас-Лотарингии и верхних бассейнов Неккара, Майна и Липпе), по переписи 1 декабря 1890 г.

	Площадь	Население	Километрич. население
Баден	15.081 кв. клм.	657.867 ж.	110 ж.
Гессен-Дармштадт	7.682 »	992.129 »	129 »
Висбаденск. округ, част. Гессена-Нассау	5.608 »	843.438 »	150 »
Баварский Пфальц или Палатинат	5.928 »	728.339 »	123 »
Княжество Биркенфел. Ольденбург	503 »	41.242 »	82 »
Прирейпск. Пруссия или Реинланд	26.991 »	4.710.391 »	175 »
Арнсбергск. округ, часть Вестфалии	7.695 »	1.342.711 »	174 »

Нет сомнения, что уже во времена до-исторические, то-есть в эпоху, предшествовавшую началу писаной истории Западной Европы, народы в своих переселениях часто следовали по готовому пути, который представлял им Рейн: большое число галльских или кельтских названий, встречающихся между древними именами городов и рек, равно как сходство, замечаемое антропологами вдоль по течению Рейна, на севере и на юге, в типах лица и в форме черепов, служат доказательством этого перемещения древнейших населений. Однако, движение народов происходило гораздо чаще в направлении от востока к западу, чем от юга к северу. Из линий переселения, проходящих через рейнский бассейн, самые важные параллельны оси континента, то-есть главной цепи Альп: это естественные пути, представляемые Восточными притоками Рейна, Неккаром, Майном и другими, менее обильными реками, которые впадают в главную реку в нижней части её течения. Для народов, шедших с востока, Рейн был препятствием, тем более серьезным, что на левом его берегу, очень бедном притоками, цепи гор, или, по крайней мере, плоских возвышенностей и холмистых равнин образуют другую преграду за рекою. Отсюда беспрестанные войны, происходившие вследствие того, что один народ стремился оттеснить другой и занять его место. Не будучи естественным рубежом, так как с востока и с запада движение народов направляется перпендикулярно к его течению, Рейн есть одна из границ, которые особенно часто энергично оспаривались во все времена исторической жизни Европы. Такова причина, почему этот могучий поток приобрел такую великую славу, почему прибрежные жители олицетворяли, чуть не боготворили его. Припоминая все события, совершившиеся на его берегах, все битвы, происходившие из-за обладания его городами, невольно согласишься с поэтами, когда они говорят, что река сама понимает все войны, которые она вызывала, все великия дела, которых она была свидетельницею, и что она составляет одно неразрывное целое с памятниками седой старины, отражающимися в её водах. Ни одна река не воспевалась так часто, как Рейн: ее любят, как будто она живое существо, это «отец», Vater Rhein, и в самом деле—разве она, хотя и бессознательно, не вызвала к жизни многих цветущих городов, возникших на её берегах?

Рейн не только должен был иметь капитальную важность как пограничная черта, оспариваемая друг у друга Германиею и Галлиею,—ему суждено было, кроме того, играть непосредственную роль в торговой и политической истории всей Западной Европы, благодаря легкости его сообщений с другими бассейнами. В то время, как реки северной и северо-восточной Германии спускаются с второстепенных гор, очень удаленных от южной покатости, обращенной к Средиземному морю, Рейн берет начало в высоких Альпах, и через его верхние долины проходят самые удобные перевалы этой горной цепи: посредством Швейцарской равнины, бассейн Рейна соединяется на юге с бассейном Роны, и эти две реки образуют как бы большую борозду или впадину, идущую поперек континента, от Средиземного моря до Северного. На западе низменность, открывающаяся к югу от Вогезов, тоже соединяет Рону и Рейн посредством долины Соны, тогда как на востоке Майн и равнины Баварии, Неккар и проходы Швабских гор связывают великие естественные пути Дуная и Рейна. Притоки различных рек, впадающих в Рейн, переплетаются своими истоками и тем облегчают проезд путешественников и провоз товаров по окружности рейнского бассейна.

Замечательно, что почти все большие прибрежные города Рейна построены на левом берегу: Базель, Страсбург, Шпейер, Вормс, Майнц, Кобленц, Кёльн стоят на западной стороне реки, а между тем на первый взгляд казалось бы, что большие города должны были возникать преимущественно в местах впадения притоков, более многочисленных на восточной

стороне. Этот странный факт объясняется тем, что левый берег был некогда римским берегом. Друз и другие римские полководцы устраивали на этом берегу свои лагери, которые впоследствии превратились в города, а затем сделались важными торговыми станциями; здесь оканчивались, в Страсбурге, в Майнце, в Кёльне три главные тракта, шедшие из Галлии; вдоль западного берега пролегала большая дорога, проведенная последовательно от одной станции до другой, тогда как правый берег оставался почти пустынным, мало известным, и римляне переходили на этот берег не иначе, как для военных экспедиций. В ту эпоху течение Рейна было действительною границею между народами[1]. Следовательно, в отношении цивилизации прибрежных жителей западный берег на многие века опередил противуположный берег, и в продолжение всей средневековой эпохи сохранял за собою это преимущество, по причине силы притяжения, которое оказывали на его население образованные и торговые народы Западной Европы. Но мало-по-малу между обоими берегами установилось равенство, благодаря разработке почвы, развитию промышленности и устройству дорог; даже более: в настоящее время из двух железно-дорожных линий, проведенных вдоль Рейна, одна на востоке, другая на западе, самая важная, перевозящая сравнительно большее количество пассажиров и товаров, не та, которая заменила древний римский путь, а та, которая идет по правому берегу и соединяется во Франкфурте-на-Майне с линиями, направляющимися в Гамбург и Берлин.

Верхнее течение Рейна оканчивается при впадении его в Боденское или Констанцкое озеро, где речные наносы образовали полуостров, вдающийся в озеро. Этот обширный озерный резервуар принадлежит большею частью своей окружности Германии: это древнее «Швабское море», естественный раздельный бассейн между швейцарскими кантонами и немецкими государствами, и воды его во все времена служили средством сообщения для торговых судов, плавающих от одного берега к другому. По выходе из немецкого озера, Рейн, так сказать, опять вступает в Швейцарию; ему нужно еще перерезать скалы Юры, затем повернуть на север, к большому изгибу у Базеля, где он уже окончательно выходит из области Альп.

Ниже этого поворота Рейн делится на три существенно различные части: на пространстве от Базеля до Майнца он извивается в ложе древнего внутреннего моря; ниже Майнца,у Бингена, он вступает в ущелье или узкий проход между гор, который продолжается до Бонна; затем, пересекая большую аллювиальную равнину, которые в предшествовавшие геологические эпохи была заливом океана, он спускается к морю по очень отлогому, едва заметному скату почвы, разветвляясь в нижнем течении на множество рукавов, из которых главный принимает в себя реку Маас (Maas, по-французски Meuse). Разделенный таким образом на несколько частей, резко различающихся между собою течением и общим характером прибрежной страны, Рейн представляет оригинальное явление между реками: между тем, как всякий нормальный поток пресной воды, доведя до конца свою геологическую работу, описывает, от места своего рождения или истока до точки исчезновения или впадения в море, правильную кривую, Рейн, напротив того, спускается последовательными уступами, имеющими различную покатость или величину угла падении; он состоит, так сказать, из многих рек, которые теперь, правда, соединились в одну, но тем не менее сохраняют следы своей прежней независимости. Немецкие географы, и во главе их великий Карл Риттер, видят нечто «героическое» в этом неровном, но торжествующем шествии Рейна через горы и равнины, от исполинских ледников Швейцарии до сыпучих песков Голландии.

Мы не имеем доказательств того, что большая озерная равнина среднего Рейна, простирающаяся между Базелем и Бингеном, была когда-либо занята ледником: до сих пор там не открыли следов огромной ледяной реки, тянувшейся на север от швейцарских Альп, по плоскогорьям Швабии, и на высотах Нидервальда и Таунуса нигде не встречаются эрратические камни или остатки морен[2]. Но если эта громадная впадина, простирающаяся на 270 ки-

1 К. Мелис, „Der Rhein und der Strom der Cultur“.

2 Ramsay, „Physical history of the Rhine“, Royal Instution, 27 march 1874.

лометров в длину и средним числом на 30 километров в ширину, и не была наполнена льдами, то тем не менее все каменные обломки, гравий и галька, которыми было засыпано дно древнего озера, обязаны своим происхождением косвенной работе швейцарских ледников. Все эти отложения, покрывающие пространство в 800.000 гектаров слоем неизмеренной, но весьма значительной глубины, были принесены глетчерными потоками. Главная масса этой наносной земли состоит из материалов, происхождение которых нужно искать на Альпах и на Швейцарской Юре; с правой и с левой стороны эта масса покрыта отчасти полосами гальки, принесенной водами с Вогезов и Шварцвальда; наконец, слой древнего ила, называемого Lehm или Loess и состоящего из переменной смеси очень мелкого песку, глины и углекислой извести, покрывает во многих местах боковые террасы речной долины, до высоты 100 и даже 170 метров над нынешним уровнем Рейна. Толщина слоя этого лесса на некоторых пунктах достигает 60 и 80 метров, и в глубинах его находят там и сям кости различных млекопитающих, преимущественно слонов, носорогов, быков, лошадей, оленей, которые некогда были отложены водоворотами реки на отмелях, образовавшихся вследствие отложения гравия. В иле лесса рассеяно бесчисленно множество земных раковин, тождественных с видами, живущими ныне в холодных и сырых областях северных стран[1]. Нынешняя река не в состоянии уже переносить такия массы камней, но она и теперь, как всегда, катит гальки по дну своего ложа и несет песок в своих водах. Вычислено, что русло Рейна, у Гермерсгейма, содержит 1.000 кубических метров гальки на каждый метр длины, и что в продолжение года она увлекает все эти каменные обломки на расстояние около 275 метров; кроме того, количество ила, уносимого потоком в этом месте, по тому же исчислению, равняется 1.944.000 кубическим метрам в год[2]. По вычислению же Добре, пропорция ила, содержащаяся в Рейне, не превышает двух-третей цифры, определенной немецкими инженерами: эта пропорция, по его словам, изменяется, средним числом, от пяти миллионных до одной тысячной; в продолжение года эта масса мелких осадков, переносимых водами реки, составит куб, каждая сторона которого равна 104 метрам, так что для верхнего бассейна Рейна, ниже швейцарских озер, средняя толщина слоя мелкого аллювия равняется шести-сотым миллиметра. Между этими обломками находятся, как известно, маленькия частички золота, отыскиванием которых еще недавно занимались сотни золотопромывальщиков, но которые теперь попадаются уже в таком незначительном количестве, что добыча не вознаграждает труд рабочего. Среднее содержание золота в рейнском песке, между Келем и Филипсбургом, исчисляется всего только в 8 биллионных,—пропорция чрезвычайно малая, которая, тем не менее, представляет общую ценность в несколько сот миллионов. В пятидесятых годах нынешнего столетия, посредством промывки рейнского песка, добывали еще золота на сумму от 40.000 до 45.000 франков в год, которая зарабатывалась главным образом баденскими золотоискателями[3].

На выходе из области Альп и Юры, Рейн, хотя и является уже значительною рекою, несущею около 1.000 кубических метров воды в секунду, но все еще сохраняет характер горного потока у большого базельского изгиба или поворота, и на всем протяжении эльзасской и баденской равнины.

Количество протекающей воды в Рейне по Дефонтену (Desfontaines):

	У Келя	У Лаутербурга
Во время низкаго стояния воды	350 куб. м.	465 куб. м. в сек.
При среднем уровне	956 „	1.106 „
При наибольших разливах	4.685 „	5.010 „

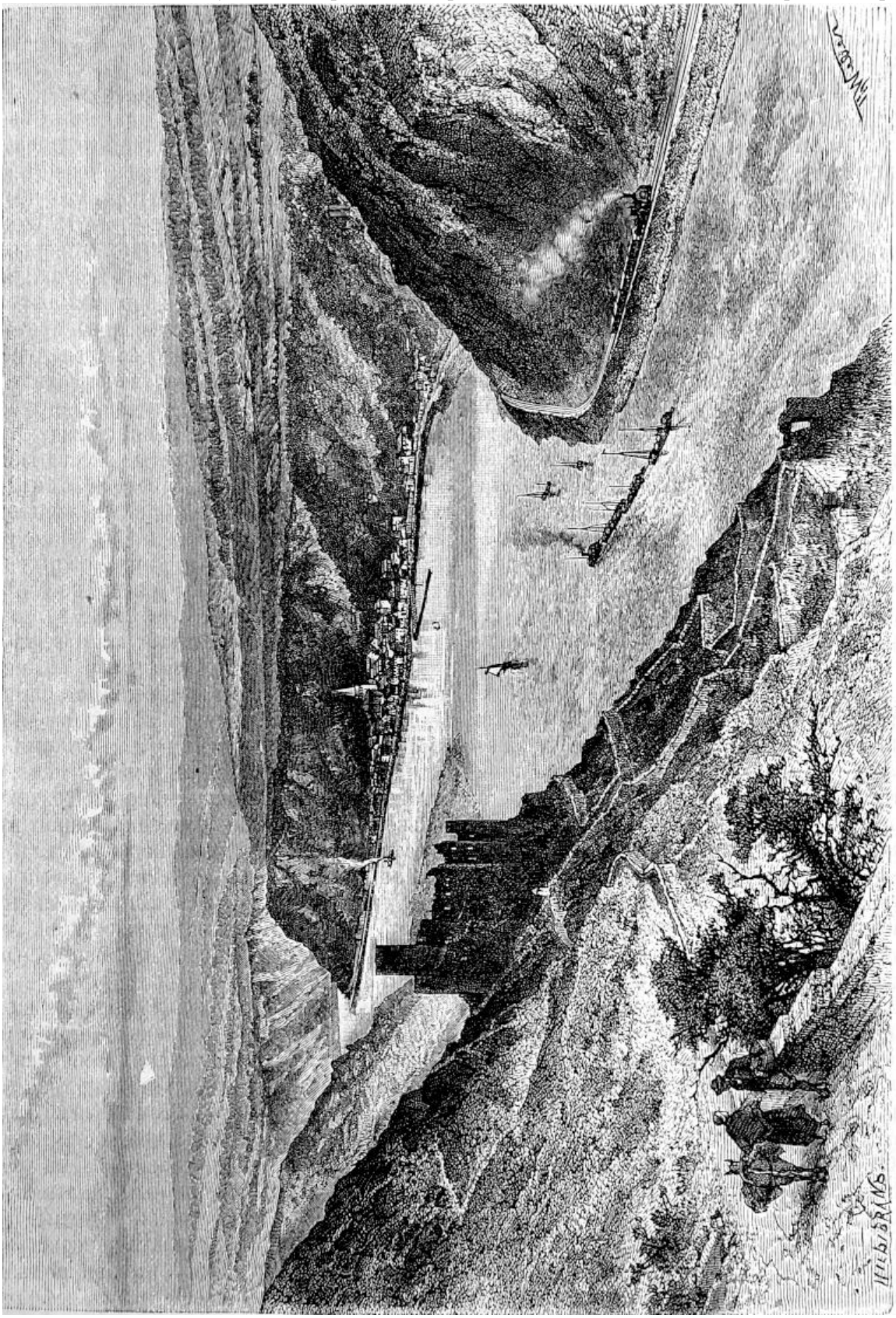
Его стремительные воды ударяются попеременно то об один, то о другой берег, разъедая крутые береговые утесы на одной стороне, и отлагая наносы и осадки на другой; речное ложе перемещается из одной излучины в другую и делится на второстепенные рукава, которые расходятся, затем снова сближаются и взаимно пересекаются, оставляя между собою острова, очертания которых меняются, смотря по направлению потока и высоте разливов.

1 Daubree, „Description geologique et inineralogique da Bas-Rhin“.

2 Гребенау, „Der Rhein vor und nach Seiner Regulirung“;—Гохштеттер, „Allgemeine Erdkunde“.

3 Добре. „Description geologique et mineralogique du Bas-Rhin“.

Болота, временные русла, старые затоки, отчасти занесенные илом, окаймляют реку справа и слева, и отделяют ее от земель, совершенно обсохших. Это блуждание Рейна до такой степени значительно, что уже в исторические времена местоположение некоторых построенных



Бургъ Маусъ и Санктъ-Гоаръ на Рейнѣ.

на нем городов перешло с одного берега на другой[1]: так, например, Нейбург, близ Гермерсгейма, стоявший в 1570 году на правом берегу реки, занимает теперь левый берег. Даже в

1 Адальберт Даниель, „Deutschland“ стр. 686.

нынешнем столетии, река Модер, протекающая через города Гагенау и Бишвиллер, увеличилась в длину почти на 19 километров, вследствие изменения течения Рейна; она принуждена была искать себе выхода в северном направлении, и, найдя старое ложе Рейна, потекла длинными извилинами к главной реке, с которой она соединится ниже города Форт-Луи[1]. Понятно, как затруднителен был доступ к Рейну в древности, во времена римского господства и позднее, в продолжение всего средневекового периода, затруднителен не вследствие собственного течения реки, но по причине болот и топей, которые по обе стороны тянулись на много верст от берега. Этим объясняется та огромная стратегическая важность, которую придавали удобным местам переправы, то-есть тем местам, где воды Рейна заключены в один канал, идущий между сухих берегов. В верхней части равнины, эти благоприятные для перехода места менее многочисленны, нежели на севере от Страсбурга, где река, правда, шире и многоводнее, но где зато течение её медленнее и правильнее, чем на юг от этого города. Впрочем, с помощью плотин, постепенно сооружаемых на берегах, река рано или поздно будет превращена в однообразный канал, которого ширина, извилины, колебания уровня будут вычислены наперед. И теперь уже на большей части своего течения Рейн, приведенный к одинаковой ширине в 250 метров, не имеет более того вида, какой имел еще недавно, когда он блуждал свободно по полям, и когда воды его текли в извилистых каналах, общая ширина которых местами доходила до 3 километров[2]; его длинные излучины, почти кругообразные, по которым суда должны были спускаться или подниматься, заменены ныне прорезами, слегка изогнутыми; болота, оставленные там и сям прежними руслами, превратились в луга и нивы; почва в прибрежных местностях была ассенизирована, и, благодаря береговым плотинам, по которым проложены обыкновенные дороги и рельсовые пути, страна, некогда мало доступная, сделалась одною из областей, имеющей самое удобное сообщение во всех направлениях.

Длина Рейна на границе Нижне-Рейнского департамента, по Добре: в 1838 году 147.610 метр.; в 1850 г. 128.590 метр.; в 1860 г. 116.000 метр.

После соединения с Майном, Рейн ударяется о предгорья Таунуса и, не имея возможности продолжать свое течение на север, изгибается сначала к западу, потом к юго-западу, пока не находит, в Бинкер-Лохе (Binger Loch, Бингенская дыра), слабую точку горной цепи: можно сказать, что в этой точке помещаются ворота речного сообщения между южною и северною Германиею. Здесь поднимаются южные откосы высот, соединяющих горные массы Богемии с группами Арденских гор, и которые, по направлению с юга на север, имеют не менее 100 километров протяжения по прямой линии. Не следует, однако, думать, что река не находила себе дороги к Северному морю до прорытия извилистого ущелья, в котором она течет теперь. Геологическое исследование речной долины показало, что ложе Рейна прежде лежало на 140-150 метров выше, чем в наши дни. По обе стороны реки, в обширной равнине Эльзаса и Бадена, видны террасы, с извилистыми, изрытыми откосами, края которых некогда омывались проточною водою, и эти террасы продолжаются точно такими же уступами по скатам высоких холмов, которые, сближаясь с той и другой стороны, образуют ущелье Рейна между Бингеном и Бонном. Эти террасы, очевидно, представляют древние плоские берега реки. Полагают, что некогда вся страна медленно поднималась, подобно тому, как в наше время повышается Скандинавия, и что речные воды, стремясь сохранить свой уровень, по мере поднятия почвы, вырывали себе ложе в различных пластах гор, также как и в грудах раздробленных каменных обломков, нанесенных потоком из верхнего бассейна. Но вследствие различного характера местностей, проходимых этими водами, Рейн принял разнообразный вид, и между тем, как в аллювиальной равнине, покрытой песком и галькою, река могла беспрепятственно прогуливаться вправо и влево, перемещая свои излучены, далее, на севере, она должна была идти, как пленник, в своем тесном ущелье между гор, не имея возможности видоизменять последовательные кривые первоначально начертанного ею

1 Добре, „Description geologique et mineralogique du Bas-Rhin“, p. 255.

2 Добре, „Description geologique et mineralogique du Bas-Rhin“.

пути[1].

Порог, через который Рейн вступает в свою аллею из холмов, еще недавно был обозначен опасными стремнинами или катарактами. Говорят даже, что, лет триста тому назад, падение реки в этом месте составляло не менее 2 метров; но работы по углублению русла, предпринимавшиеся в разные времена, были в течение нынешнего столетия успешно доведены до конца, и отныне судоходство не будет испытывать перерыва у Бингер-Лоха, ни при спуске, ни при подъеме по реке. Но если ворота, ведущие в дефиле Рейна, не отмечены больше рядами торчащих из воды камней, или так называемыми порогами, то и теперь, как и прежде, вход в это ущелье бросается в глаза поразительною красотою окружающего пейзажа. Влево город Бинген, окруженный группами деревьев, тянется вдоль берега реки и даже переходит за выступ горы, как будто для того, чтобы посмотреть на слияние Рейна с его притоком Наге; по средине главной реки высится на островке башня, про которую народное предание рассказывает, что она была когда-то взята штурмом полчищами мышей, откуда и произошло её название «Mausethurm» (Мышиная башня); вправо, на половине высоты крутого склона горы Нидервальд, приютился замок Эренфельс, тогда как вдали воды, постепенно съуживающиеся от действия перспективы, скрываются за мысами или выступами гор. На плато Нидервальда, которое господствует над руиной Эренфельс, стоит колоссальная статуя (работы скульптора Шиллинга), в 12 метр. вышиной, изображающая «Торжествующую Германию».

Развалинами Эренфельса начинается замечательный ряд средневековых замков, то полуразрушенных, то реставрированных, которыми усеяны все верхушки скал по обоим бокам Рейнского ущелья и которые во многих местах соединены посредством стен с старинными башнями городков и местечек, выстроившихся по берегам могучей реки. Рейнштейн, Фалькенбург, Зонек, Фюрстенберг, Шталек следует один за другим на выступах гор левого берега; Пфальцграфенштейн, более известный под именем Пфальца, высится на скале, выдвинувшейся из Рейна, тогда как на востоке замок Гутенфельс господствует над городом Кауб с высоты своего шиферного утеса. Затем, на левой стороне реки виднеются замки Шенберг или Шенбург (Шомберг) и Рейнфельс, а с двух косогоров правого берега сердито смотрят друг на друга два враждебные бурга—«Кошка» (Katzenelnbogen или Katz) и «Мышь» (Maus). Далее, на том же берегу встречаем на вершинах многие другие старые башни, Лобенштейн, Штернфельс, Марксбург, а на левой стороне, против устья реки Лан, охранявшейся некогда замком Ланек, горделиво возвышается замок Штольценфельс, который, после реставрирования, сделался еще красивее и величественнее, чем был в своем первоначальном виде.

Внутри прибрежной страны боковые долины, спускающиеся к Рейну, тоже усеяны на вершинах высокими башнями и древними стенами, так что невольно задаешь себе вопрос: как могли существовать владельцы всех этих рыцарских замков, «эти средневековые хищники, по выражению Теофиля Готье, имея вокруг себя такой ограниченный район для своего разбойничьего промысла?». Впрочем, эти развалины вызывают не одни только воспоминания битв и грабежей; народная фантазия украсила их поэтическими сказаниями: каждый замок, каждая башня имеет свою легенду, даже каждая шиферная скала, которую огибают судовщики, поднимаясь, с помощью весел, вверх по реке, или пуская свое судно вниз по течению. Великие факты истории, передаваемые из уст в уста, обыденные события из жизни лодочника, различные случаи и приключения из его плаваний, оптический обман и галлюцинации, произведенные игрою света, внезапно набежавшие тени, ужас, порождаемый мраком ночи,—все это смешалось в течение веков в легенды и предания, грациозные или страшные, которые впоследствии были собраны поэтами и переложены в прекрасные стихи. Между этими выступами гор или мысами самым знаменитым считается Лоре-Лей или «Скала скорби»[2]. Вид этого мыса не представляет ничего особенно замечательного: это, просто, большой выступ шиферной массы, изборожденный и изрезанный рукою времени; но у подо-

1 Ramsay, „Physical history of the Rhine".

2 К. Мелис, „Studien zur deutschen Mythologie", Ausland, № 33, 1876.

швы этого утеса течение очень быстро, ложе реки прежде было усеяно в этом месте подводными камнями, вследствие чего суда нередко разбивались, и несчастные лодочники, поглощаемые волнами, испускали свой предсмертный крик, который повторялся пятнадцать раз, передаваемый от одного берега до другого ироническим голосом громкого эхо. Таково происхождение легенды, которую чудные стихи Гейне сохранят навсегда в памяти людей.

Старинные замки, живописные города, приютившиеся на берегах реки, многочисленные исторические воспоминания, прелесть поэзии—не единственные причины, привлекающие сюда такое множество иностранцев и делающие поездку по Рейну одною из священнейших обязанностей в глазах всякого туриста, всякого досужего человека, путешествующего по Европе для собственного удовольствия, будь то немец или француз, русский, англичанин или американец. Крутые сланцевые берега рейнского ущелья славятся, кроме того, своими виноградниками, которые, впрочем, если и способствовали прославлению Рейна, то ни мало не увеличили красоты его пейзажей. Распаханные обломки шифера неизбежно скатывались бы вниз, по крутизнам склонов, увлекая за собою и тот тонкий слой растительной земли, которым они покрыты, если бы деревья или кустарник не удерживали их от падения, или если бы человек не останавливал их на месте сооружением ограды из сухого камня. Расчищая скаты для того, чтобы насадить виноград, земледелец должен был прежде всего заботиться об удержании почвы с помощью террас, расположенных в форме уступов или ступеней, на подобие rancos, употребляемых в итальянских Альпах. Таким образом, холм является украшенным гирляндами виноградных ветвей, зеленых летом, желтых осенью, которые разделены параллельными заборами из камня ржавого цвета. Камни часто обваливаются; дожди вырывают рытвины на склонах холма; тогда нужно собирать свалившуюся землю, опять переносить ее на прежнее место, к подножию обнажившихся виноградных лоз. В урожайные годы этот тяжелый труд виноградаря с лихвою оплачивается, ибо хорошие вина из этих виноградников принадлежат к числу наиболее ценимых сортов виноградного вина в Европе, по причине их букета и тонкого вкуса. Рейнское вино, какова бы впрочем ни была его действительная ценность между знаменитыми винами, воспевалось гораздо больше всяких других вин: поэмам, прославляющим его, нет счета. Это один из главных мотивов германской поэзии, и, в сравнении с этим обильным потоком виршей, как скромны немногие прекрасные песни, внушенные отборными винами Бургони, Руссильона и Бордосской области. Немецкие писатели, трактующие в прозе о винах своего отечества, часто приходят в такой энтузиазм, что иностранному читателю остается только подивиться глубине их чувства. «Вина французские, итальянские, испанские—все это напитки без мысли, говорит Вильгельм Бухнер; их пьют, потому что они приятны на вкус, но рейнское вино возбуждает ум, вызывает мысль». Впрочем, «один только немец и умеет пить вино как следует»[1].

На пространстве между Бингеном и Ланштейном, в самой узкой и наиболее правильной части рейнского ущелья, река получает только один значительный приток, речку Виспер, замечательную своими чередующимися бризами, которые следуют одна за другою с поразительною правильностью, спускаясь утром из боковой долины к Рейну и снова поднимаясь вечером к высотам. На небольшом расстоянии вниз от впадения реки Лан, которая берет начало в горах Гессена, главная долина расширяется, и Рейн принимает в себя Мозель, извилины которого огибают прибрежные холмы, славящиеся своими виноградниками. Изгибы и повороты этого притока так многочисленны, они до такой степени удлиняют плавание судов, что Мозель не мог служить торговым путем; так что, до открытия железной дороги, большая часть товарного движения производилась по горным дорогам, а не по береговым. Эта река разрезывает страну на такое множество поперечных поясов, что контраст климатов и культур между обоими берегами здесь почти исчезает; большая часть имений, находящихся в долине, лежит на обоих противоположных склонах[2].

1 Der Rhein, Deutschen Lieblingsstrom, Wissenschaftliche Vortrage herausgegeben von Rud. Virchow und Fr. von Holtzendorf.

2 J. G. Kohl, „Der Rhein", I Band, 87.

Хотя устья Лана и Мозеля открываются не против одно другого, однако, эти две реки могут быть рассматриваемы, как пробегающие каждая половину впадины или низменности поперечной к Рейну и параллельной главной оси гор. Также точно выше рейнского ущелья ложе реки Наге составляет на юго-западе продолжение углубления, образуемого на востоке и северо-востоке течением Рейна и нижней части Майна, его притока. С легкой руки Карла Риттера часто указывали на это слияние Рейна и его притоков под прямым углом, как на нечто в роде мистического доказательства в пользу аристократического превосходства этой реки над другими потоками Европы. «Если мы мысленно представим себе, говорит Виктор Гюго, поставленным вертикально на поверхности земли исполинский геометрический силуэт реки, то Рейн и его вытянутые прямолинейно притоки будут иметь фигуру громадного дуба, с горизонтально расходящимися ветвями»[1]. На самом деле эта форма долин великой реки, равно как и форма ущелья, в котором она протекает, доказывают только то, что Рейн и его притоки не могли, при переходе через горы, видоизменять свои бассейны; выше же, в аллювиальной равнине Эльзаса и Бадена, Рейн, перемещая по произволу пески и мелкие камни, покрывающие его берега, имел возможность увлечь к низовью весь кортеж впадающих в него рек и речек.

На севере от Кобленцского бассейна, где другие, менее значительные потоки присоединяются к Рейну, уже усиленному водами Лана и Мозеля, река вступает в новое ущелье, известное под именем Андернахского; но этот горный проход имеет менее дикий вид, нежели Бингенские ворота, скаты окаймляющих реку холмов здесь не так круты и местами оставляют у своего основания более широкие поясы лугов и полей; высоты постепенно раздвигаются, и вскоре Рейн входит в древний морской залив, сделавшийся его низменною равниною: на этом пространстве в него впадают еще несколько притоков: Зиг (Sieg), Рур (Ruhr), Липпе (Lippe), и когда он поворачивает на запад, выше вступления его в пределы нидерландской территории и бифуркации его дельты, русло его содержит уже всю массу воды, которую он изливает в море. Длина Рейна 1.125 километр., площадь его бассейна 251.790 кв. километр., среднее количество протекающей в секунду воды у Эммериха 2.210 куб. метров.

В нижней части своего течения Рейн является не менее блуждающею рекою, как и в равнине Эльзаса и Палатината: его прежния излучины везде оставили после себя следы в прибрежных равнинах, а между Дюссельдорфом и Крефельдом даже видно старое ложе Рейна, которое направляется на северо-запад, продолжаясь до соединения с Маасом на юге от города Клева. Точные измерения, производимые уже более ста лет над средним уровнем Рейна, обнаружили, что количество воды в реке чувствительно уменьшилось. В период с 1770 по 1835 год это уменьшение составляло у Эммериха около 40 сантиметров, на общую глубину не многим более 3 метров[2]. В Гермерсгейме среднее количество протекающей в секунду жидкой массы равнялось в период с 1840 по 1853 г,—1.292 кубическим метрам, а в следующий затем четырнадцати-летний период с 1854 по 1867 г., оно уже не превышало 1.067 кубических метров[3].

В южной Германии горы Шварцвальда (Scharzwald, т.е. «Черный лес») представляют первую цепь, ограничивающую Рейнский бассейн с восточной стороны. Это геологический отрывок древней системы гор, другую половину которой составляют Вогезы, и которая, по причине расселин, открывшихся по направлению с севера на юг, была постепенно размыта водами во всей её средней части. Горы из слепившагося мелкого камня, занимающие весьма значительный пояс Швейцарии, сплошь состоят из обломков, между которыми преобладают камни, принесенные с вершин Шварцвальда[4]. В миоценовую эпоху большие потоки перене-

1 Victor Hugo, „Le Rhin", lettre XXV.

2 Генрих Верхауз, „Umrisse der Hydrographie, Allgemeine Lander-und Volkerkunde";-Густав Веке, „Ueber die Wasserabnahme in den Que lien, Fliisseu und Striime1*.

3 Гребенау;—Векс, idem.

4 Освальд Гер, „Urwelt der Schweiz".

сли все эти обломки в южном направлении, затем, по окончании ледяного периода, воды, образовавшиеся вследствие таяния льдов, потекли в обратную сторону и наполнили валунами и песком широкую равнину, в которой ныне извивается Рейн. Несмотря на эти великие геологические перевороты, два остатка древней системы гор, Шварцвальд и Вогезы, сохранили поразительное сходство в строении массы и расположении формаций[1]. Каменные породы расположены симметрично по обе стороны равнины Рейна: и тут, и там гранит занимает южную часть горной группы и поднимается в виде пирамид и куполов, возвышающихся на многие сотни метров над красноватыми пластами вогезского песчаника; как в восточных, так и в западных горах эти песчаники тянутся громадными слоями, на которых снаружи лежат пласты, принадлежащие к триасовой и юрской формациям; наконец, в Шварцвальде так же, как и в Вогезах, там и сям выступили маленькия группы эруптивных порфиров, настоящие вулканы, которые, однако, не имеют кратеров. Соответствие между этими горами так велико, что в южной части обеих цепей переходные образования, содержащие следы антрацита, встречаются с симметрически расположенными жилами[2].

На юге и на западе границы Шварцвальда ясно очерчены течением Рейна и аллювиальными равнинами, идущими вдоль основания гор; но на швабском склоне довольно трудно обозначить демаркационную линию, по причине неровностей плоскогорья: самою естественною границею с этой стороны, повидимому, следует признать границу, образуемую на востоке пластами раковистых известняков; здесь же прекращаются большие хвойные леса, которым эта горная цепь обязана своим названием. На севере главная масса Шварцвальда отделена от второстепенной массы долиною реки Кинциг, которая собирает свои первые воды на востоке горной цепи и перерезывает ее из конца в конец. Железная дорога идущая вдоль Кинцига, затем вдоль её притока Гутах, постепенно поднимается из Рейнской равнины к Швабскому плоскогорью; замечательно, что этот рельсовый путь именно там, где он покидает гористую область, должен делать самые крутые подъемы, чтобы достигнуть возвышенностей, слегка волнистых, которые тянутся вдоль Неккара. Далее, на севере, долина реки Мург, один из верхних притоков которой течет в начале прямо на восток, начинается тоже на восточном склоне цепи, и таким образом ограничивает другую горную группу, совершенно отделенную от высот, которые постепенно понижаются по направлению к Пфорцгеймскому проходу, где прекращается собственно Шварцвальд.

Только с западной стороны, вершины Шварцвальда, наблюдаемые с гладкой равнины Эльзаса или Брейзгау, имеют вид гор; с восточной же стороны их длинный скат незаметно сливается с плоскогорьем. Впрочем, эта цепь нигде не представляет правильного гребня: высокие вершины, голые хребты, поднимающиеся выше пояса лесов, расположены извилистыми рядами, которые не совпадают даже с общею осью системы; но самая высокая вершина, Фельдберг, окруженная маленькими озерами и глубокими долинами, находится почти в геометрическом центре южного массива, между Фрейбургом и Вальдсгутом. На высших хребтах Шварцвальда, которые походят на центральные Альпы по свойству скал, ботаники открыли более 80 видов альпийских растений, удалившихся на холодные вершины со времени последнего ледяного периода.

Западный склон Шварцвальда, обращенный к Рейну, круче, имеет более определенные контуры, чем соответствующий ему восточный скат Вогезов, но он менее правилен, и линия его основания не развертывается с юга на север, параллельно направлению ложа реки. Главная южная масса или цепь Шварцвальда, около середины её длины, перерезана широкою впадиною, тою, в которой построен город Фрейбург, и две островные группы высот поднимаются среди низменных равнин: на юге—Туниберг, на севере—Кайзерштуль, отделенные одна от другой впадиною, через которую проходит железная дорога из Кольмара в Фрейбург. Эти холмы состоят из базальтовых и долеритовых конусов, которые, выдвинувшись в ту эпоху, когда окружающая равнина была еще рукавом моря, приподняли вместе с

1 См. Францию, II т. Всеобщей географии.

2 Зандбергер, „Zur Urgeschichte des Schwarwalds“, Ausland, № 47, 1876.

тем пласты юрской формации. С самого высокого конуса Кайзерштуля, или «Императорского престола», на котором, по преданию, Рудольф Габсбургский творил суд, открывается обширный и великолепный вид: внизу кругом тянутся леса, прерываемые кое-где зеленеющими лугами; прозрачные воды орошают все боковые долины; вдали виднеется широкая река, отделяющая богатый Эльзас от полей, не менее плодородных, области Брейзгау, и отроги лесистых гор, возвышающихся друг против друга по обе стороны Рейнской равнины. Вообще Шварцвальд есть одна из тех местностей Германии, где путешественник встречает рядом с самыми суровыми картинами природы прелестнейшие ландшафты и виды; но многие из этих живописных мест остаются еще неизвестными туристам: толпа иностранцев устремляется к Бадену и другим городам с модными минеральными водами; она обыкновенно гуляет по аллеям парков, бродит в соседних лесах и не заглядывает дальше развалин средневековых замков, которые виднеются там и сям на вершинах и выступах окружающих гор.

Главный промысел на Шварцвальде и теперь еще составляет эксплоатация лесов, хотя во многих местах скаты гор уже опустошены, или лесная растительность заменена пашнями, для которых почва не всегда оказывается пригодною. Так, например, гора Книбис, близ истоков реки Мург, была частью расчищена, и крестьяне ревностно принялись за возделывание почвы; но пестрый песчаник, покрытый сверху тонким слоем растительной земли, отказался приносить какие-нибудь плоды или урожаи, деревня Книбис перестала существовать, и пришлось вновь разводить деревья вокруг покинутых домов. Ни леса, ни пастбища горных вершин, ни поля и сады долин недостаточны для прокормления местного населения, слишком многочисленного сравнительно с источниками пропитания, даваемыми земледельческою промышленностью. Рудники, некогда очень производительные, ныне большею частью оставлены. Вследствие этого, жители внутренних деревень недавно переселялись в большом числе за океан, в Америку, да и теперь зимою ходят массами заграницу искать заработков; те, которые остаются дома, занимаются мелкими промыслами или ремеслами, например, плетеньем разных изделий из соломы; многие шварцвальские работницы могли бы конкуррировать произведениями своего искусства с превосходными соломенными плетеньями флорентинских поселянок. Но самый любимый и прибыльный труд горных жителей Шварцвальда, особенно в местностях около истоков реки Кинциг, составляет фабрикация часов из дерева и даже из металла: эта промышленность здесь совершенно самобытная, возникшая в самом крае; но в течение нынешнего столетия она постепенно усовершенствовалась и развилась до значительных размеров, благодаря урокам искусных мастеров, пришедших из других мест. Наконец, в горах Шварцвальда, также как и в области Вогезов, хотя и в меньшей степени, там и сям на окружности цепи можно наблюдать контраст первобытной природы и самой деятельной мануфактурной промышленности нашего времени. Часто случается, что путешественник, выйдя из дремучего леса или из скалистого ущелья, вдруг видит перед собою обширную фабрику, с её муравейниками рабочих, с грудами шлака, испо-линскими колесами и длинными, постоянно дымящимися трубами.

На севере от Пфорцгеймского горного прохода, холмы, составляющие продолжение Шварцвальда, образуют невысокую цепь, которая тоже покрыта лесами. Эта гряда оканчивается, на юге от Гейдельберга, знаменитою горою Кенигсштуль (Konigsstuhl, королевский престол), на которую постоянно взбираются массы гуляющих; но далее, по ту сторону реки Неккара, скалы опять поднимаются и образуют цепь Оденвальд, которая тоже лежит на главной оси Шварцвальда. Оденвальд (Odenwald), в названии которого некоторые этимологи усмотрели было «лес Одина», хотя в старинных хрониках он упоминается под именем Ottonewald, то-есть «леса Оттона»[1], состоит из двух, резко отличающихся между собою, частей: на западе—из кристаллических вершин, гранитных или сланцевых, круто обрывающихся со стороны равнин Рейна и Майна; на востоке—из пластов песчаника, пробитых кое-где буграми вулканических пород, между прочим горой Катценбуккель, и которые постепенно сливаются с Франконским плоскогорьем. Одна из гор центральной части Оденвальда, ле-

1 Адальберт Даниель, „Deutschland nach seinen politischen and physischen Verhaltnissen".

жащая еще в гранитной области, Фельсберг, покрыта разбросанными в хаотическом беспорядке каменными глыбами, которые известны под именем «каменного моря», и среди которых встречаются камни, иссеченные рукою человека, принадлежащие к неизвестной эпохе. В целом, западная часть Оденвальда, с главною вершиною Малхен (Malchen или Melibocus), откуда можно обозревать обширный горизонт городов и деревень, представляет самые разнообразные виды; это область живописных холмов и хорошо обработанных долин, среди которых рассеяны села и группы домов, тогда как восточная область, более возвышенная, более дикая, менее плодородная, покрыта преимущественно лесами и не имеет селений, кроме тех, которые приютились в её узких продольных долинах; но некоторые из этих селений, состоящие из отдельных домов, окруженных садами и обнесенных оградою, тянутся по берегам ручьев в виде одной непрерывной улицы, на пространстве трех, пяти, даже семи верст[1]. Оденвальд замечателен, между прочим, обширною эмиграцией его жителей: лет тридцать тому назад, когда горячка переселения охватила различные местности Германии, бывали случаи, что из Оденвальда целые деревни поголовно уходили в Новый Свет, с сельскими властями во главе.

Приводим высоту некоторых пунктов Шварцвальда и его северного продолжения.

Фельдберг 1.494 метра; Пфорцгеймский проход 251 метр; Книбис 972 метра; Кайзерштуль 572 метра; Кёнигсштуль 579 метров; Малхен или Мелибокус 519 метров; Фельсберг 517 метров; Катценбуккель 628 метр.

На востоке от Майна тянутся горы Шпессарт (Spessart), рассматриваемые геологически как продолжение системы Шварцвальда; но эта цепь, уже очень удаленная от Рейнской долины, соединяется в то же время и с горными группами центральной Германии, где берут начало воды Везера. На северной стороне Оденвальда ряды высот совершенно прерываются Дармштадскою равниною и полями, окаймляющими нижнее течение Майна. Горы появляются снова только на севере от Франкфурта, Висбадена и Майнца, в виде лесистых скатов Таунуса, южного склона сланцеватой горной массы, через которую прорыто ущелье Рейна. Таунус имеет вид цепи гор только со стороны равнины: его длинный северный скат представляет слегка волнистую страну, пробитую там и сям базальтовыми породами, которым, вероятно, и обязаны своим происхождением многочисленные минеральные источники, встречающиеся в этой стране.

По другую сторону Рейна, Таунус продолжается, между реками Наге и Мозелем, большим гористым и лесистым плоскогорьем, породы которого тоже состоят из глинистых сланцев, и которое вообще известно под именем Гундсрюка (Hundsruck, собачья спина); но настоящее название его, как кажется, Гунсрюккен (Hunsrucken) и означало первоначально «возвышенный хребет»[2]. Однако, ни одна из вершин этой горной массы не достигает высоты 800 метров. На западной стороне плоскогорье Гунсрюккен очень мало понижается по направлению к Мозелю; оно везде выдается мысами, которые эта река должна обходить длинными извилинами, не оставляя на берегу даже места, необходимого для узкой тропинки. На востоке, река Наге, приток Рейна, тоже течет в очень глубокой долине, с крутыми берегами, и плоскогорье Гунсрюккен, обойдя вокруг её истоков, соединяется с высотами Баварского Палатината или Пфальца, составляющими северное продолжение системы Вогезов. Эти холмы, известные вообще под именем Гардта (Hardt), имеют вид гор только там, где они довольно круто поднимаются над равниною, то-есть с восточной стороны, выше полей Ландау; средняя высота их не более 320 метров[3]. Они постепенно понижаются к северу и даже прерываются, на западе от Кайзерслаутерна, широкою впадиною, которая прежде была наполнена водами озера, и которую ныне занимает торфяное болото, называемое Ландштулер-Брух (Landstuhler Bruch). Горы Гардта представляют уже не более, как холмистое плоскогорье в том месте, где возвышается уединенная порфировая масса Доннерсберг, которая

1 Бернгард Котта, «Deutschlands Boden“.

2 Адальберт Даниель, „Deutschland nach seinen politischen und physischen Verhaltnissen“.

3 Гюмбель, „Bavaria“, 4 Band.

некогда сообщила свое название (Mont Tonnere, гора грома) одному французскому департаменту. На вершине этой длинной горы, по виду несколько похожей на саркофаг и усаженной по краям остроконечными выступами скалы в форме зубцов, существуют остатки древнего вала, около 4 километров в окружности, который, очевидно, служил крепостью каким-то неведомым народам; внутри этой ограды найдено много кельтских золотых монет. На Доннерсберге, как и на многих других горных вершинах Рейнского бассейна, показывают каменное седалище, с которого, если верить преданию, короли всенародно творили суд.

Холмы Гардта, состоящие большею частью из пестрого песчаника и третичного мела, почти совершенно бесплодны на обширных пространствах, и попытки расчистки земли под пашни в большинстве случаев не увенчались успехом; к тому же и климат там очень суровый, особенно в западной части, известной под именем Вестрих; картофель составляет почти единственное культурное растение, которое может быть возделываемо в этой неблагоприятной для земледелия области; поэтому во многих местах принялись вновь разводить леса, безразсудно вырубленные в видах расчистки земли под поля. Население эмигрирует в большом числе, и жители Пфальца, бежавшие из своего отечества, разоренного войною, первые подали, в начале прошлого столетия (в 1708 и 1709 годах), пример переселения массами в Новый Свет. Кроме того, выходцы из Палатината всегда были очень многочисленны во Франции, особенно между подметальщиками улиц в Париже и между солдатами иностранного легиона. Но в эти последние годы жители нашли в самом крае средство употреблять с пользою излишек рабочих рук, благодаря открытию источников народного труда и богатства, прежде неизвестных. В самом деле, если эта страна местами очень бедна на поверхности почвы, то она обладает большими богатствами в недрах земли. Здесь находится один из значительнейших каменноугольных бассейнов Европы, Сарбрюкенский, получивший это название от города Сарбрюкена. Область минерального топлива тянется здесь на пространстве около 3.000 квадратных километров, и обнимает более 160 пластов каменного угля, из которых, приблизительно, сотня пластов разной толщины, от нескольких дециметров до четырех с половиною метров, совершенно годны к разработке. Инженер фон Дехен вычислил, что самый нижний слой этих каменноугольных залежей находится на глубине около семи с половиною километров ниже уровня моря. Каменноугольные копи, большие заводы и фабрики, пользующиеся добываемым из них минеральным топливом, и железные дороги, которые пришлось построить для перевозки угля, сделали этот край весьма важным местом транзита между Мозелем и Рейном. Впрочем, уже со времен глубокой древности в маленькой долине Квейх, открывающейся у Ландау в толще горной массы, пролегал очень оживленный международный путь. Франки и алеманы встречались здесь в виде враждебных друг другу поселений; впоследствии французы и немцы не раз сходились в этой местности на поле битвы.

На западе от Мозеля и до самого Мааса вся страна имеет неровный, гористый характер и перерезана узкими ущельями, на дне которых бежит прозрачная вода по каменистому ложу. Горы, известные во Франции и Бельгии под именем Арденнов, название которых есть синоним названия Гардта, продолжаются и на немецкой территории своими неприветливыми плато, холодными и покрытыми скудною лесною растительностью, хотя предание и гласит, что будто охотники или звероловы помещали резиденцию своего патрона в арденских лесах, которые, впрочем, были несравненно обширнее в ту эпоху, когда возникла эта легенда[1]; далее, на севере, горная масса или цепь Гоге-Фенн (Hohe Venn, по-французскп Hautes Fanges, то-есть «возвышенное болото»), названная так по причине её обширных торфяных болот, совершенно лишена лесного покрова, и её однообразные кряжи, летом серые от вереска или черные от торфа, зимою белые от снега, тянутся на большом пространстве; в очень сухие годы, например в 1684, в 1825, высохшие торфяники воспламенялись сами собою и производили пожары, продолжавшиеся по нескольку месяцев, даже до глубокой зимы, и во время которых растения обугливались до глубины трех и четырех метров[2]. Цепь Эйфель (Eifel

1 Эрнест Дежарден, „Geographia de la Gaule romaine“, t.1, p. 435-437.

2 Яков Нёггерат, „Der Torf“.

Gebirge), которая тянется к востоку от Арденн и Гоге-Фенна до долины Рейна, представляет, как и Фенн, страну холодную, вообще бесплодную и мало населенную. Название её, происходящее от слова eiv, есть синоним «страны снегов». Обширные пространства на этой возвышенности усеяны камнем, который нужно подбирать и складывать в кучи, чтобы получить клочек земли, годной для обработки; во многих местах поля употребляются для посева только тогда, когда они пролежали пятнадцать или двадцать лет под паром: для этой цели предварительно выжигают верхний слой дерна и затем сеют овес прямо на золу, оставшуюся от сгоревшей травы; после двух или трех лет запашки, поле опять покидается на многие годы.

Плоскогорье Эйфель замечательно своими многочисленными вулканами, которые в отдаленную геологическую эпоху провалились сквозь пласты сланцев, известняков и песчаников, и которые горели на берегу древнего моря, замененного ныне аллювиальными или наносными формациями низменной Германии. Эти потухшие вулканы, большие и маленькие, в некоторых округах лежат так же близко друг от друга, как эруптивные скалы на Флегрейских полях в Италии. Между ними встречаются совершенно правильные конусы, с цельными кратерами; у других верхнее отверстие зазубрено, у иных на боках сидят придаточные конусы; от трещин в скатах идут длинные потоки застывшей лавы. Кроме кратеров, на этой плоской возвышенности есть множество глубоких круглых пропастей, глубиною до ста и более метров, известных в крае под именем Maare. Это не вулканические жерла, так как они находятся в глинистых сланцам и других слоистых горных породах; некоторые из них, однако, служили временно кратерами, но уже после образования их в более древних пластах. Как объяснить происхождение этих воронкообразных углублений? Геологи полагают, что они произошли или вследствие разрыва громадных пузырей, выступивших на поверхность земной коры[1], или вследствие провала потолка подземных пещер. Дно большей части воронок занято маленькими озерами или прудами; другие, в которых прежде тоже была вода, теперь наполнены торфом или содержат в своей впадине только аллювиальные (наносные) земли; в некоторых воронках приютились целые деревни, найдя себе таким образом защиту от ветра. Замечено, что эти жерла расположены большею частью по прямым линиям, указывающим, вероятно, направление подземных трещин. Землетрясения, которым, как известно, приписывается вулканическое происхождение, довольно часты в этой стране.

Недалеко от Рейна, на западе от небольшого городка Андернах, находится самая обширная из этих кольцеобразных пропастей, в цирке или котловине, образуемой большею частью потухшими вулканами; это так называемое Лахерское озеро (Laacher-See)[2], маленькое внутреннее море, глубина которого доходит до 60 метров, и которое занимает площадь в 338 гектаров. В районе 7 или 8 километров вокруг озера возвышаются тридцать один вулкан, все с явственными кратерами; но воронка, в которой заключены синеватые воды озера, не есть вулканическое жерло в собственном смысле, как прежде полагали, потому что многие из окружающих ее каменных пород оказались слоистыми формациями, никогда даже не подвергавшимися действию подземного огня; не подлежит, однако, сомнению, что во время взрыва или извержения, бывшего причиною образования этой воронки, из недр земли вылетали вулканические вещества, пепел и камни: эти вещества встречаются во множестве на окрестных скатах. Многочисленные углекислые ключи, бьющие на дне озера и в окружающих его долинах, свидетельствуют о существовании в этой области доныне некоторой вулканической деятельности, а в одном из соседних торфяных болот выделяется струя угольной кислоты; другой источник этого смертоносного газа иссяк с тех пор, как уровень озера, уже урегулированный посредством водостока в двенадцатом столетии, был понижен. Подземный канал, длиною около километра, уносит излишек вод на южный склон одного горного прохода, где он теряется между грудами пемзы. Эти вулканические обломки находят не только в

1 А. Гумбольд, Гартунг, Нёггерат.

2 Буквально: „озеро озера“. Подобно тому, на французских Альпах встречаем озеро Lau-la-nier, то-есть „озеро-озеро-черное“.

соседстве с Лахерским озером, на левом берегу Рейна, но также в равнинах, расстилающихся на восток от этой реки, и даже до города Марбурга, на пространстве более 100 километров по прямой линии[1]. Впрочем, такие обломки встречаются толстыми и удобными к разработке слоями только на окружности места взрыва. В настоящее время разрабатывают преимущественно месторождения туфа, который залегает мощными пластами в Брольтале, маленькой долине, впадающей в долину Рейна; получаемые из этой местности мельничные жернова отправляются даже в Америку, и полагают, что камни, употреблявшиеся римлянами в Швейцарии, были того же происхождения. Большой поток лавы, находящийся в южной части группы Лахерского озера, близ Нидер-Мендига, тоже очень деятельно разрабатывается с древнейших времен, и выламываемые из этого потока камни употребляются во всей Германии для построек, которые должны выдерживать сильные удары; так, например, обшивка быков моста в Диршау, на Висле, о которые весною ударяются массы плывущего по реке льда, сделана из нидермендигской лавы. Многие из каменоломен разрабатываются подземными галлереями, которые служат погребами для пивоваров окрестных городов.

Если не считать базальтовой горы Аспенкиппель, в окрестностях Гиссена, потухшие вулканы Эйфеля едва-ли не единственные в Германии горы этого рода, где еще видны явственные кратеры. Конусообразная гора Родерберг, недалеко от Бонна, есть последний, в северном направлении, вулкан, сохранивший жерло или отверстие, через которое выходили продукты извержения. Напротив, по другую сторону Рейна возвышаются другие горы, тоже огненного происхождения, но вышедшие из земли в состоянии мягкой массы или теста, без жерла, свойственного настоящим вулканам: это трахитовые конусы Зибенгебирге или «Семигорья», между которыми кое-где встречаются также базальтовые скалы. Эти горы, хотя не высокие, пользуются большою известностью, благодаря изяществу их профиля и контуров, красоте могучей реки, омывающей их подножие, живописным развалинам, венчающим их вершины, благодаря, наконец, прелести, которою окружила их народная легенда, воспроизведенная в творениях поэтов: одна из главных вершин, Драхенфельс (Драконова гора), есть та самая скала, на которой Зигфрид убил чудовищного дракона, сторожившего сокровище Нибелунгов. Трахит Семигорья, также, как открытые недавно колончатые базальты, разрабатываются правильными ломками.

К востоку и к северу от этой вулканической группы, тянутся на большом пространстве, по направлению к горам Гессена, сланцеватые плоскогорья, подобные плоским возвышенностям Таунуса и Гунсрюккена, и разрезанные долинами притоков Рейна на множество отдельных горных масс. Между течением Лана и течением Зига высоты, местами безлесные и даже покрытые торфом, носят общее название Вестервальда; на севере от реки Зиг, скалы, пробитые во многих местах базальтовыми конусами, соединяются в Вестфалии с различными группами Зауерланда (Sauerland, т.е. Suderland, южная область), получившего такое название по причине его положения на юг от обширных равнин низменной Вестфалии и Ганновера. На востоке горы Ротгар (Rot-haar) и плоскогорье Винтерберг примыкают к холмам Гессена и берегов Везера, тогда как на севере плоскогорье Гарштранг (Haarstrang), круто обрывающееся на южном своем склоне, обращенном к долине реки Рур, спускается на северной стороне пологим, почти незаметным скатом к равнинам области Липпе.

Различные высоты рейнских массивов на севере от Вогезов и Шварцвальда: Гроссер-Фельдберг (Таунус) 881 метр, Эрбескопф (Гунсрюккен) 811 метр., Кальмитт (Гардт) 680 метр., Доннерсбер 689 метр., Ботранхе (Гоге-Фенн) 695 метр., Гоге-Ахт (Эйфель) 760 метр., Лахерское озеро 299 метр., Эльберг (Семигорье) 464 метр., Бримвальдерштейн (Вестервальд) 657 метр., Кальтер-Астенберг (Винтерберг) 842 метр.

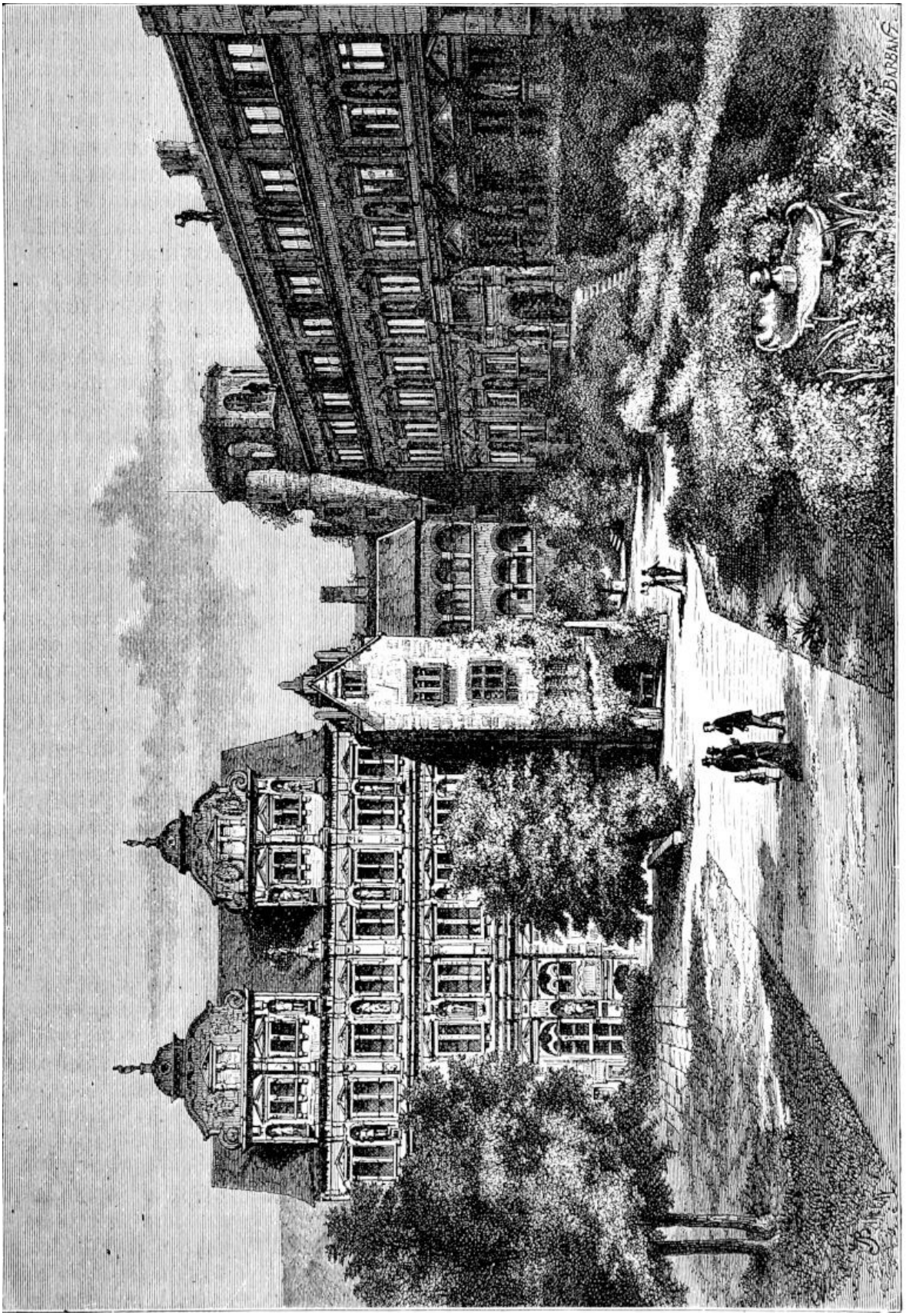
Все цепи и группы гор, окружающие долину Рейна с правой и с левой стороны, составляют разительный контраст с равнинами и полями, расстилающимися у их подножия, как по истории живущих там населений, так по виду и характеру местности, по климату и произведениям. Свевы и аллеманы Шварцвальда и Палатината или Пфальца, франки вы-

1 Нёггерат, „Der Laacher-See und seine vulkanischen Umgebugen".

сот, лежащих на севере, катты Гессена удержались в относительном покое и до ныне еще представляют собою, в известной степени, старинную Германию, тогда как обитатели равнины, беспрестанно перемещаясь, вследствие войн и торговых сношений, смешались различным образом в народности или группы населения, происхождение которых теперь уже невозможно определить. В рейнском бассейне жители гор во многих местах являются еще одним из наименее цивилизованных элементов населения Германии, тогда как горожане, населяющие равнину, принадлежат, по своей промышленности и торговле, к числу самых передовых её жителей. Но все эти города, даже окруженные плодороднейшими полями, зависят от гористой области: густота населения в возвышенных долинах, продукты гор, пороги или проходы, открывающиеся между горными группами,—все это оказывает большое влияние на города равнины и способствует в значительной степени увеличению их исторической важности.

Первый город, принадлежащий Германии, который мы встречаем, спускаясь вниз по долине Рейна, должен бы был, в силу своего географического положения, составлять скорее швейцарскую общину, чем немецкую: это старая римская станция, сохранившая доныне название Констанца, которое она носила в древности. Констанц лежит на левом берегу Рейна, в том месте, где река, по выходе из Констанцского или Боденского озера, опять расширяется и образует так называемое Нижнее озеро (Unter-See); одно из предместий находится уже на гельветической территории. В средние века это был значительный торговый и промышленный город, с весьма важными ярмарками, на которые съезжались купцы из центральной Германии и Италии; констанцские полотна славились в то время по всей Европе. В начале пятнадцатого столетия, в эпоху знаменитого собора, постоянное население города исчислялось в 40.000 душ и, кроме того, в нем насчитывали до 100.000 иностранцев, временных жителей, когда по улицам его сновала пестрая толпа владетельных князей и сановников церкви, придворных и священников, рыцарей и депутатов от городов, съехавшихся сюда из всех стран католического мира. Затем следовали осады, порабощение и постепенный упадок. Констанц утратил свою промышленность, которая перешла к его сопернику, Санкт-Галлену; в конце прошлого столетия он имел уже только 4.000 жителей; сады и даже поля доходили до самого центра города. С той поры он опять поднялся мало-по-малу, не столько торговлею и промышленностью, сколько благодаря наплыву путешественников, которых привлекают его исторические памятники: зала собора, где происходили с 1414 по 1418 год обыкновенные заседания духовного собрания и которая недавно украшена фресками; кафедральный собор, в котором Ян Гус был осужден на смерть сожжением; огромный камень, положенный на том месте, где были воздвигнуты костры, на которых сгорели Гус и его друг и последователь Иероним Пражский. В летнее время Констанц, кроме того, привлекает иностранцев прелестью и разнообразием своих пейзажей, обилием и прозрачностью своих вод, грандиозною панорамою своего озера и величественных Альп: толпа туристов беспрестанно обновляется в этом городе, также как в городках Меерсбурге и Иберлингене, живописно расположенных у подошвы холмов на северном берегу Боденского озера и на очаровательном, поросшем лесами, острове Майнау, который теперь соединен посредством моста с твердою землею. Но если Констанц все более и более входит в моду, как место летнего пребывания, то мало вероятия, чтобы он снова приобрел важное значение как город экономического обмена, как торговый и промышленный пункт. Правда, он имеет хорошую гавань на Боденском озере и занимает на нижней оконечности этого бассейна положение, сходное с положением Женевы на Лемане; но причудливые разветвления Констанцского озера дают те же выгоды портам Лудвигсгефену на Иберлингенском озере (Ueberlingen-See), Радольфцеллю на Нижнем озере, Штейну на Рейне; кроме того, почти все торговое движение из Германии в Швейцарию идет поперек озера, между двумя его берегами, северным и южным; главный торговый тракт из Вены и из Мюнхена в Цюрих и в Женеву пересекает Констанцское озеро, оставляя в стороне древнюю метрополию страны. На западе, центр пересечения железнодо-

рожных линий, лежит в деревне Зинген. Недалеко от этого селения находятся знаменитые Энингенские пласты, чрезвычайно богатые ископаемыми остатками органического мира. В 1865 году в этих пластах уже было открыто 477 видов растений и 924 вида животных, между



Гдельбергскій замокъ.

которыми 826 видов насекомых. Чтобы объяснить это огромное скопление ископаемых остатков, ученые предполагают, что насекомые были убиты внезапно мефитическими испарениями, выходившими из Энингенского озера; и действительно, в отдаленную эпоху в со-

седстве с этою местностью горел маленький вулкан, и продукты его извержений смешались с миоценовым молассом, который составляет главную формацию рассматриваемой нами страны[1].

В верхнем бассейне Дуная великое герцогство Баденское имеет несколько важных групп населения, из которых назовем Филлинген (Villingen), лежащий на высоте 760 метров над уровнем моря; но ниже Шафгаузена и на принадлежащей к нему территории правого берега Рейна, на южном склоне Шварцвальда, нет ни одного населенного пункта, заслуживающего имени города; это объясняется тем, что узкий пояс обработанных земель, отделяющий реку от лесистых предгорий сейчас названной цепи, очевидно, не был бы в состоянии прокормить значительное население. Важнейшее местечко в этой полосе—Вальдсгут (Waldshut), лежащий на Рейне, как раз против устья его притока, реки Аар. Следующий затем городок Лерах (Lorrach), занимающий юго-западный угол Шварцвальда, обязан своею оживленною деятельностью преимущественно близкому соседству Базеля, территория которого начинается в расстоянии менее чем двух километров; но положение его выгодно еще и потому, что он находится при выходе из густо населенной долины Визе, которая поднимается прямо на северо-восток к горе Фельдберг, и в которой базельские капиталисты понастроили много прядилен, ткацких фабрик и других мануфактурных заведений. Железная дорога, следующая вдоль горного ручья Визе, поднимается к промышленным местечкам Шепфгейм (Schopfheim), Гаузен (Hausen) и Целль (Zell). Гаузен замечателен также как родина известного писателя Гебеля, рассказы которого на швабском наречии заняли высокое место в классической литературе Германии.

На севере от Базеля, важнейшие города большой Баденской равнины расположились не на болотистом и изменчивом берегу Рейна, но у самого подножия гор, при выходе внутренних долин: тут со времен глубокой древности проходил естественный путь страны, и всего удобнее производился обмен произведений равнины на продукты Шварцвальда. На этой дороге, идущей вдоль основания гор, первою станциею является город Мюльгейм (Mullheim), где высаживаются путешественники, отправляющиеся на термы Баденвейлера, известные уже римлянам и сделавшиеся в наши дни одним из главных центров экскурсий по Шварцвальду. Затем следует знаменитый Фрейбург (Freiburg, Fribourg), главный город области Брейзгау, названной так по имени Старого Брейзаха (Alt-Breisach), древнего пригорода, который построен против Нового Брейзаха, на вулканической скале правого берега Рейна, но прежде был окружен двумя рукавами реки. Это местечко, некогда укрепленное, носило титул «ключа Германии».

Географическое положение Фрейбурга одно из самых благоприятных, и не менее, чем местные привилегии или вольности, способствовало тому, что город сделался весьма важным торговым центром. Между тем, как соседний большой город, Базель, лежит у самого изгиба или колена, образуемого Рейном, Фрейбург имеет ту выгоду, что он находится в точке встречи двух великих исторических дорог, из которых одна идет по долине Рейна, а другая по долине Дуная, продолжаясь через Шварцвальд долиною реки Дрейзам. Уже римляне воспользовались этим выгодным положением, утвердившись в галльском городе Тародунуме (Tarodunum), имя которого сохранилось доныне в названии деревни Цартен, одного из подгородных селений Фрейбурга; с тою же самою целию, т.е. господствовать над этим местом пересечения двух важных дорог, могущественные Церингенские графы воздвигли свою крепость на одном из выступов окрестных гор. В шестнадцатом столетии, в ту эпоху, когда движение по Дунайской дороге достигло наибольшего развития, Фрейбург насчитывал в своих стенах до 40.000 жителей; здесь жил, в начале четырнадцатого века, монах Бартольд Шварц, которому обыкновенно приписывается изобретение пороха. В настоящее время город обязан своею славою, которою он пользуется во всей Германии, не столько своей торговле или промышленности, сколько своим живописным окрестностям и своему знаменитому собору, одному из замечательнейших памятников средневековой архитектуры. Фрейбургский мюн-

1 Освальд Геер, „Le monde primitif de la Suisse“, перев. И. Демоля.

стер, построенный из розового песчаника, который вообще придает необыкновенно красивый вид зданиям, представляет, как и большая часть храмов готического стиля, произведение многих веков; но он имеет в этом отношении то редкое преимущество, что постройка его была совершенно окончена по первоначальному проекту; можно подумать, что храм был сооружен в один прием—так хорошо сохранена чистота плана во всех частях и деталях здания, от паперти до изящного сквозного шпица. Фрейбург, вместе с тем, принадлежит к числу университетских городов Германии. Его высшая школа, основанная в половине пятнадцатого столетия эрцгерцогом Альбертом,—откуда и название её (Albertina)—должна была, по мысли основателя, быть «источником жизни, к которому будут стекаться люди со всех концов света пить воду мудрости». В 1893 году в этом университете было 100 профессоров и доцентов, в 1894 году 1.477 студентов; библиотека его состояла из 250.000 томов и 600 рукописей. Вальцемюллер (Hylacomilus), который дал имя Америки континенту, открытому Колумбом, был уроженец Фрейбурга.

Промышленный город Лар (Lahr), следующий за местечком Эттенгейм, откуда был похищен, по приказанию Наполеона I, герцог Энгиенский в 1804 году, лежит не в самой равнине, у основания гор, как Фрейбург, а в небольшой боковой долине, на ветви железной дороги, идущей из Базеля во Франкфурт. Следуя далее в северном направлении, встречаем Оффенбург, который занимает очень выгодное торговое положение на реке Кинциг, при выходе бреши, перерезывающей Шварцвальд, от Рейнской равнины до истоков Дуная. Несмотря, однако, на это счастливое положение, Оффенбург не сделался значительным городом, без сомнения, потому, что Страсбург, находящийся всего в 15 километрах к северо-западу от этого города, по другую сторону Рейна, всегда был главным центром притяжения в этой местности и не позволял возникать соперникам в своем близком соседстве. Когда едешь по баденской железной дороге, то вдали ясно виден изящный шпиц Страсбургского собора, мелькающий между деревьями, которые бегут по краю горизонта.

Самый многолюдный и наиболее посещаемый иностранцами город в этой части Шварцвальда, Баден-Баден (Baden-Baden), обязан своим происхождением и процветанием не торговле или промышленности, но своим знаменитым минеральным водам, своим гульбищам и всяческим увеселениям. В самом деле, этот очаровательный пункт, имя которого, удвоенное для большей выразительности, отличает его от других Баденов, швейцарских и австрийских, занимает, по красоте местоположения и удовольствиям жизни, одно из первых мест в ряду городов, приобревших всемирную известность своими минеральными водами. От этого города получило название и все государство, к которому он принадлежит, то-есть великое герцогство Баденское, так как герцоги имели здесь местопребывание в продолжение шести столетий и переменили резиденцию только в 1689 году, когда французская армия заставила княжеский двор удалиться в другое, более безопасное, место. Баден-Баден расположен не на прибрежной равнине Рейна, а в небольшой боковой долине, орошаемой речкою Оос, у подножия отлогих холмов, которые некогда были сплошь покрыты хвойным лесом, а теперь украшены не только туземными деревьями, но, кроме того, всевозможными экзотическими растениями, разведенными в парках и садах бесчисленных вилл. Истинный центр Баден-Бадена составляет не великогерцогский замок, не театр, не одна из церквей, а заведение минеральных вод, обширное здание с колоннами; сюда-то съезжаются ежегодно со всех концов света до 50.000 гостей, ищущих в Бадене отдыха или развлечения; здесь царствовала так долго знаменитая «рулетка», с своим страшным кортежем разорения, отчаяния и самоубийств. До войны 1870 года французы составляли, после немцев, самую многочисленную национальность между разноплеменными посетителями баденских вод: явление редкое на водах, находящихся вне Франции,—число французских гостей в Баден-Бадене, во время сезона, было вдвое более числа англичан. Теплые минеральные источники (термы), которые со времен римлян, основателей Аврелии (Aurelia Aquensis), доставили благосостояние городу, бьют из земли с различною температурою; всех источников тринадцать, и один из них—самый горячий (температура его 68° Ц.) между ключами, вытекающими на Шварцвальде, в местах соприкосновения гранита и налегающих слоев. Было время, когда воды Баден-Баде-

на гораздо более, чем ныне, приближались к точке кипения, доказательством чего служит тот факт, что они некогда приносили на поверхность земли большие количества кремнезема; в некоторых местах найдены мощные отложения этого минерала, толщиною до 10 метров. В наши дни баденские источники слишком студены для того, чтобы могли растворять во своей воде кремнезем[1].

Вся эта часть великого-герцогства Баденского, которая тянется от Баден-Бадена до Гейдельберга, полна историческими воспоминаниями, особенно воспоминаниями битв и сражений. В равнине близ деревни Засбах стоит гранитный обелиск, указывающий место, где пал в 1675 году знаменитый французский полководец Тюрень в битве с австрийцами. На севере от Баден-Бадена, укрепленный город Раштадт, защищающий долину Мург при выходе её в равнину, напоминает мир 1714 года, подписанный маршалом Виллардом и принцем Евгением Савойским, и конгресс, происходивший здесь во время войн французской революции, с 1797 по 1799 год. Перед воротами этого города были умерщвлены французские уполномоченные. В 1849 году раштадская крепость попала во власть баденских инсургентов; но после нескольких битв и осады, продолжавшейся три недели, она принуждена была сдаться пруссакам.

Нынешняя столица великого герцогства, Карлсруэ, сменившая прежния резиденции двора, Баден-Баден и Раштадт, занимает географическое положение, которое далеко не может быть названо благоприятным или даже естественным: основанный в начале семнадцатого столетия государем, искавшим уединения и тихой жизни, этот город, имя которого означает «покой Карла», находится вне исторического пути долины, проходящего через городки Эттинген и Дурлах; он построен в такой местности, которую население страны, по собственной воле, никогда бы не выбрало для основания шумного центра торговли и промышленности.

В Карлсруэ нет проточной воды, и кроме того, он удален от обоих естественных торговых путей, представляемых рекою и подошвой гор. Созданный прихотью, затем разросшийся, как резиденция двора и местопребывание баденского правительства, наконец, оживленный искусственно сведенными к нему железными дорогами, Карлсруэ достиг значения, всегда придаваемого городу удобством легкого сообщения по скрещивающимся дорогам. Но никакие удобства не сделают его тем, чем сделался бы Мангейм или другой выгодно расположенный город, будучи избран столицей великого герцогства[2]. По первоначальному плану, Карлсруэ должен был состоять лишь из дворцовых служб. Дворец возвышается в центре круга, 32 радиуса которого представляют садовые аллеи, продолжающиеся к северу в большом парке; двенадцать таких аллей обращены в городские улицы. Но разростание Карлсруэ заставило архитекторов отступить от такого геометрического расположения и проводить поперечные улицы и застраивать даже квартал вокзала железной дороги кучею домов, разделенных улицами, перекрещивающимися под прямым углом, как в большей части новых городов. Карлсруэ—город чистый и изящный, украшенный несколькими пышными зданиями и статуями, а также многими садами и огромным парком. Его художественный музей (Kunst-halle) обладает замечательными картинами, а дворец Соединенных Коллекций (Vereiningte Sammlungen), заключающий в себе собрание предметов естественной истории, а также древности, римские и национальные, и библиотеку, представляет здание в новом стиле и есть один из наилучше устроенных музеев Германии, очень богатый, между прочим, географическими документами. В Карлсруэ нет университета, но его политехническая школа славится по всей Германии серьезным изучением прикладных наук. Карлсруэ—также важный промышленный центр; он имеет мастерские для гальванопластики, литейные заводы, мануфактуры ковров и материй и большую фабрику локомотивов.

Пфорцгейм, к юго-востоку от Карлсруэ, занимает, при слиянии трех рек, широкия естественные ворота, открывающиеся на северном конце Шварцвальда и соединяющие непосредственно долины Рейна с долиною верхнего Неккара; самое имя города напоминает про-

1 Ф. Зандбергер, „Zur Urgeschichte des Schwarzwalds“, Ausland 1876, 47.

2 Bernard Cottha, „Deutschlands Boden“.

звище, данное этому проходу римлянами (Portae Hercyniae, Герцинские Ворота). Во все времена торговля пользовалась выгодным положением этого места; но с половины нынешнего века Пфорцгейм стал еще большим промышленным центром. Обязанный французским выходцам искусством производства драгоценных украшений, город этот в настоящее время более всех других городов мира изготовляет изделий из золота низкой пробы и имитаций металлов, не считая драгоценных камней, вещиц из коралла и камей. Количество таких украшений, поддельных и настоящих, выходящих из мастерских Пфорцгейма, исчисляется таможнею тоннами. Ювелирные изделия этого города не отличаются ни вкусом, ни чистотою отделки, ни оригинальностью, но они берут дешевизной, являющейся следствием германского законодательства относительно пробы изделий из золота: в Пфорцгейме проба может понижаться до 0,560; кроме того, этот промысел избавлен от всякого фискального налога и всякого правительственного контроля: за фабрикациею наблюдают лишь сами ювелиры. В хорошие годы в Пфорцгейме работает 8.000 ювелиров, приблизительно в 600 мастерских; кроме того, в окрестных сельских общинах, а также в городах Бадена и Вюртемберга, многие мастерские работают на мастеров-заказчиков в Пфорцгейме.

К северо-востоку от Карлсруэ, Брухзаль, подобно Дурлаху, стоит на большом историческом пути, идущем вдоль подошвы гор. Портом на Рейне служит Брухзалю Филиппсбург, укрепления которого имели некогда очень важное значение: во вторую половину XVII века французы держали там гарнизон. Повыше Брухзаля, в долине, замыкаемой этим городом, находится местечко Бреттен, где в 1497 году родился Шварцэрде, прославившийся под именем Меланхтона, составляющим греческий перевод его фамилии.

Гейдельберг и Маннгейм, по своему географическому положению, города-братья; первый из них стоит при выходе Неккара в долину, а второй при впадении этой реки в Рейн; первый служит местом проезда и склада на сухопутной дороге; второй—большой пристанью на Рейне. Но Гейдельберг замечателен не только как торговый пункт: он претендует на звание красивейшего города всей Германии. И действительно, с ним могут сравниться в этом отношении лишь немногие места, вне альпийских долин. Построенный на левом берегу Неккара, в узком поясе, идущем вдоль лесистых холмов, он постепенно расширяется в сторону равнины, куда выдвинулись лучшие его кварталы, окруженные садами и массивами зелени, а с другой стороны пытается взобраться на крутые скаты выступа горы, увенчанного древним замком, «красивейшею развалиною Германии». Этот великолепный памятник, стены и скульптуры которого обвиты плющем, был частию разрушен французами, в 1692 году, и среди его садов видна еще большая башня, целиком свалившаяся от взрыва. Окружающая развалины зелень, прелестные виды с террасы замка и со всех соседних выступов горы, вьющиеся в тени больших дерев аллеи делают Гейдельберг действительно очаровательным. Но не один замок придает столько прелести пребыванию в городе на Неккаре: отсюда можно делать приятнейшие прогулки по всем окрестностям:—к возвышающемуся над городом с юга «Королевскому Стулу» (Konigsstuhl), к поднимающейся на севере Горе Святых (Heiligenberg), в красивые сады Швецингена, посреди равнины, и вдоль извилистых берегов Неккара, в Неккаргемюнд и в Неккарштейнах. Кроме того, Гейдельберг—город науки; из посещающих его иностранцев многие поселяются в нем ради его научных рессурсов. Университет, носящий название Ruperto Carolina, в память государя, основавшего его в 1386 году, есть один из наиболее посещаемых в Германии, особенно ради его юридического факультета, и привлекающий сравнительно наибольшее число иностранных студентов; он обладает большими лабораториями, равно как различными замечательными коллекциями, а также очень богатою библиотекою. Старая знаменитая библиотека Гейдельберга, содержавшая слишком 3.500 рукописей, была полководцем Тилли, по завоевании города, в 1623 г. отослана в Рим и там выставлена в Ватикане, как Bibliotheca palatina; но теперь папой выданы Гейдельбергу все древне-германские рукописи, числом 852. В гейдельбергской университетской библиотеке, между прочим, хранятся: полный экземпляр газеты, издававшейся с 1609 года, несколько инкунабул и любопытные надписи, найденные к западу от теперешнего города, на месте прежней деревни Берггейм, потом вошедшей в городскую общину.

В Гейдельбергском университете в 1894-1895 г. было 130 профессоров и доцентов, и 1.028 имматрикулованных студентов. Библиотека его содержит около полумиллиона томов, 2.000 рукописей, 70.000 диссертаций и проч.

Маннгейм, напротив, город новый. Пока наносные земли, между которыми сливались Неккар и Рейн, не были укреплены, на них строились лишь отдельные дома и незначительные деревни. Первыми строителями нового города, в начале 17-го века, были нидерландцы, искусные в ограждении полей и жилищ от вторжения рек и моря. Несмотря на окружающие его болота, Маннгейм, своею образцовой опрятностью, походит на голландский город, а однообразною правильностью распланировки—на американский. Он состоит из сотни квадратов равной величины, отделяемых однообразно перекрещивающимися под прямым углом улицами, которые все представляют свободную перспективу к окрестностям, за исключением со стороны Рейна, заслоненного большим правильно-построенным замком, с решетками, перистилем и статуями. Город окружен поясом садов, ограничиваемых почти круговою железною дорогою, и самый этот круг вписан в угле, который образуют Рейн и Неккар, заключенные между прямолинейными плотинами.

Тем не менее, жители теснятся в большом числе в этом городе, где, казалось бы, должна царить скука. Маннгейм самый многолюдный город великого герцогства Баденского, самый живой в политическом отношении, хотя не пользуется выгодами столицы и расположен не в центре государства; но он имеет то преимущество, что лежит в начальном пункте большого судоходства по Рейну. Гавань его очень оживлена[1], равно как и гавань стоящего на противоположном берегу, в баварском Пфальце, Людвигсгафена, соединенного с баденским городом посредством постоянного моста. Кроме того, в Маннгейме, между Неккаром и Рейном, существуют обширные бассейны, внутренние гавани и соединительный канал, для движения мелких судов, а его железно-дорожная станция, где происходит обмен грузов между дорогами сухопутными и рекою, принадлежит к самым важным в Германии. Но хотя занятый преимущественно торговлею, Маннгейм имел, однако, известное значение и в истории наук и литературы. В замке его хранятся прекрасные коллекции; в обсерватории делаются полезные наблюдения, а местный театр был первым, поставившим на сцену произведения Шиллера.

К северу от Маннгейма лишь один город рейнской равнины принадлежит к герцогству Баденскому, именно Вейнгейм, обнесенный еще своими древними стенами. Он находится на линии железной дороги и на пути, идущем по подошве горы (Bergstrasse), у выхода из долины, орошаемой Вешницею,—рекою со славянским названием, которым она, быть может, обязана вендам, приведенным некогда, в качестве рабов, в эту область.

В нагорных долинах Оденвальда, к востоку от Вейнгейма, еще удержалось в некоторой степени общинное владение землею; но всего лучше древние общинные обычаи сохранились в некотором расстоянии к северу от Маннгейма. Земля общины Вирнгейм, площадью около 720 гектаров, поделена на 550 участков, розданных жителям по возрасту. Большие доли даны старикам, меньшие молодым людям; жители, не доросшие до возраста собственников, должны временно работать у других, но владеют обитаемыми ими домами, имея право рубить в лесу бревна для постройки изб. А когда число рабочих оказалось чрезмерным для площади обрабатываемой земли, община должна была прибегнуть к выселению: сто семей переправились в Америку, где купили земли на счет общества. Избавившись таким образом от излишка населения, оставшиеся общинники пользуются большим материальным достатком.

Значительнейшие города великого герцогства Баденского, с числом жителей, по переписи 1890 г., в тысячах:

Маннгейм 79 (95 в 1895 г.); Карлсруэ 74 (85 в 1895 г.); Фрейбург 49 (56 в 1895 г.); Пфорцгейм 30 (33 в 1895 г.); Гейдельберг 32 (36 в 1895 г.); Ратшадт 12; Констанц 16 (18 в

1 В 1893 г. в Маннгеймский порт прибыло 13.313 судов, с грузом около 25 с половиной миллионов двойн. центнеров.

1895 г.); Баден-Баден 14; Брухзаль 12; Лаар 11; Дурлах 8; Оффенбург 9; Леррах 8; Эттлинген 7.

В баварском Пфальце, простирающемся на левом берегу Рейна, совершенно вне Баварии в собственном смысле, города разместились, как в великом герцогстве Баденском, по направлению больших путей сообщения. Наибольшее число их находится на плодоносной равнине Рейна, где может кормиться значительное население; но оно скопилось преимущественно при самом выходе из нагорных долин, где земля везде крепка, и где нуждающиеся в жилищах находят под рукою строительные материалы. На самом берегу реки торговля породила другие города, где дозволяла это плотность берега. Наконец, в горах центры населения распределялись постепенно, в течение веков, в точках соединения долин и пересечения дорог.

Главный город баварского Пфальца находится около центра страны, на скате гор Гардта, где дороги из Лотарингии скрещиваются с ведущими в Шпейер, Вормс, Майнц и Бинген: это Лаутерн, в географических сочинениях и вне страны чаще называемый Кейзерслаутерном, в честь его основателя, Фридриха Барбароссы. Это город старый, которому многочисленные фабрики более и более придают вид нового города, закопченого дымом каменного угля; одна из его церквей, заложенная в 1288 году, представляет замечательнейший в этой провинции памятник готической архитектуры.

Развалины укрепленных замков, видимые там и сям на вершинах холмов, напоминают времена разбоя и постоянных войн, которые нигде не господствовали так долго, как в Пфальце. Один из этих замков, возвышающийся в 15 километрах к западу от Кейзерслаутерна, над маленьким городком Ландштулем, принадлежал знаменитому Францу фон-Зиккингену, умершему при его защите. Этот замок Зиккингена был одним из оплотов реформации; в нем долго скрывался Ульрих фон-Гуттен, и оттуда вышли некоторые из сочинений, наиболее способствовавших перемене прежнего порядка вещей.

Цвейбрюккен, более известный во Франции под именем «Deux Ponts», есть пограничный город Пфальца, всего чаще составлявший предмет спора и с 1654 по 1719 год принадлежавший даже королю шведскому. Ему дали прозвище «маленького Парижа», которое он отчасти и заслужил, будучи центром научных занятий, потому что в нем герцог Христиан IV, в средине XVIII века, начал повторять знаменитые издания классиков, известные под названием Bipontinae (Двумостые), по имени города. В настоящее время Цвейбрюккен служит местом заседаний верховного суда Пфальца; он извлекает свое богатство из копей каменного угля и металлических заводов. К западу от Цвейбрюккена лежит промышленный город Санкт-Ингберт в одной каменноугольной котловине, с занимающим центр её Саарбрюккеном. Пирмазенс, построенный в гористой местности, на высоте 512 метров, был некогда деревнею, населенной сапожниками; теперь он обогащается изготовлением ботинок и туфель, отправляемых даже в Америку. Средняя производительность составляет около 2 миллионов пар башмаков и туфель.

В конце долины Квейх, во все времена бывшей стратегическим путем от Цвейбрюккена к равнине Пфальца, стоит город Ландау, также прославленный осадами и сражениями; в 30-летнюю войну он был семь раз осаждаем и покоряем; да и после этого он часто переходил от одного властителя к другому; в течение столетия, с 1714 до 1815 года, он принадлежал Франции. Некогда Вобан сделал его местом почти неприступным; но сила новейшей артиллерии чрезвычайно уменьшила военное значение города Ландау, потому что над ним господствуют с севера высоты Нусдорфа, а с юга Дорнберга. В 1873 году Ландау был исключен из числа укрепленных городов и заменен Гермерсгеймом, стоящим при самом устье Квейха, на левом берегу Рейна, и соединенным с правым берегом и его укреплениями железно-дорожным мостом: это древний Vicus Julii, упоминаемый впервые в конце IV века.

К северу от Ландау дорога, идущая вдоль подошвы горы, ведет к Нейштадту, важному пункту скрещивания железных дорог, затем в Дюркгейм, Грюнштадт, Франкенталь. Все эти города, стоящие у основания холмов, покрытых виноградниками, посещаются осенью

большим числом иностранцев, являющихся сюда для «лечения виноградом». Эти виноградники и плодоносные поля равнины доставили здешней местности прозвище Wonnegau. Но эта «страна наслаждений» принадлежала дворянам и монахам, замки и монастыри которых, развалившиеся или обращенные в жилища нового типа, стоят на вершинах холмов. Один из этих замков, Гартенбург, вотчина графов Лейнинген, представляет самые обширные развалины этого рода в Германии. Подле Дюркгейма, на горе, видна другая развалина средних веков, католическая церковь бенедиктинцев Лимбурга.

Старый город Шпейер, некогда Новиомагус галлов, а затем называвшийся городом немет-ов, римскою колониею Nemetum,—хотя не важнейший, но наиболее прославленный город баварского Пфальца. Он был любимым местопребыванием многих императоров, и погребальные своды его базилики долго служили могилами государям Германии. Резиденция епископов, Шпейер своими многочисленными церквами и монастырями подал повод называть Рейн «улицею священников», но вместе с тем он играл важную роль в истории реформации: здесь на соборе 1529 года впервые было произнесено слово «протестанты». Почти совершенно разрушенный в 1689 году французами, Шпейер никогда уже не возвышался до своего прежнего значения в ряду городов на Рейне; в самом Пфальце он далеко превзойден, по деятельной торговле, портовым городом Лудвигсгафеном, западным предместьем Маннгейма. В Шпейере есть кафедральный собор в византийском стиле, начатый в первой половине XI века, оконченный менее чем в сто лет и вполне возобновленный в наши дни; его склеп—большая церковь, в которой может поместиться до полуторы тысячи человек; он украшен новыми фресками и изящными памятниками.

Главные города баварского Пфальца, с числом жителей, по переписи 1890 г., в тысячах:

Кейзерслаутерн 37 (42 в 1895 г.); Шпейер 18 (19 в 1895 г.); Лудвигсгафен 33 (36 в 1895 г.); Нейштадт на Гардте 15; Пирмазенс 21 (25 в 1895 г.); Цвейбрюккен 11; Санкт-Ингберт 11; Франкенталь 13; Ландау 11; Гермерсгейм 6; Дуркгейм 6.

Ниже Лудвигсгафена, первый город великого герцогства Гессенского на Рейне—древний Вормс, по своим судьбам сходный со Шпейером. Впервые он упоминается, как город вангионов, под галльским названием Borbitomagus, затем становится римским городом, а потом, под владычеством бургундцев, является городом по преимуществу, тем городом, в местности которого возникают легенды цикла Нибелунгов. Город епископальный, подобно Шпейеру, но всегда составлявший предмет спора между гражданами и епископами, Вормс был также одним из оплотов возникшего протестантизма. Разграбленный в тридцати-летнюю войну, затем разрушенный французами в 1689 году, Вормс мало-по-малу оправился, но далеко не достиг прежнего числа жителей: в пору его наибольшего процветания в нем насчитывали от 40.000 до 70.000 жителей. Во все времена в нем было относительно очень много евреев, и прежде они утверждали, без всякого основания, что происходят от колонии, якобы поселившейся в стране до введения христианства. Главная достопримечательность Вормса—памятник Лютеру, изваянный Ритчелем: колоссальная фигура реформатора стоит среди целой толпы других лиц, с принцами во главе, и символических фигур, представляющих Шпейер, Аугсбург и Магдебург.

Дармштадт, столица великого герцогства Гессенского, лежит далеко от Рейна; он расположен даже не в соседстве живописных гор Оденвальда, а среди равнины, частью песчаной, расстилающейся к югу от большего изгиба нижнего Майна. Ни одна географическая особенность местности не давала права предсказать, какова будет впоследствии судьба Дармштадта. С VIII века существовала здесь деревенька Дармундштадт, принадлежавшая к приходу Бессунген и в настоящее время совершенно поглощенная разростающимся городом; но деревушка эта стала городом лишь в 1319 году, когда один из графов гессенских избрал ее своею резиденциею. Однако, Дармштадт рос медленно, и концу прошлого века число его жителей не достигало и 10.000. Недостававшие столице выгоды явились сами собой с увеличением территории великого герцогства и особенно с постройкою обыкновенных и железных дорог, сделавших Дармштадт местом стечения путешественников и товаров. Он стал значительным

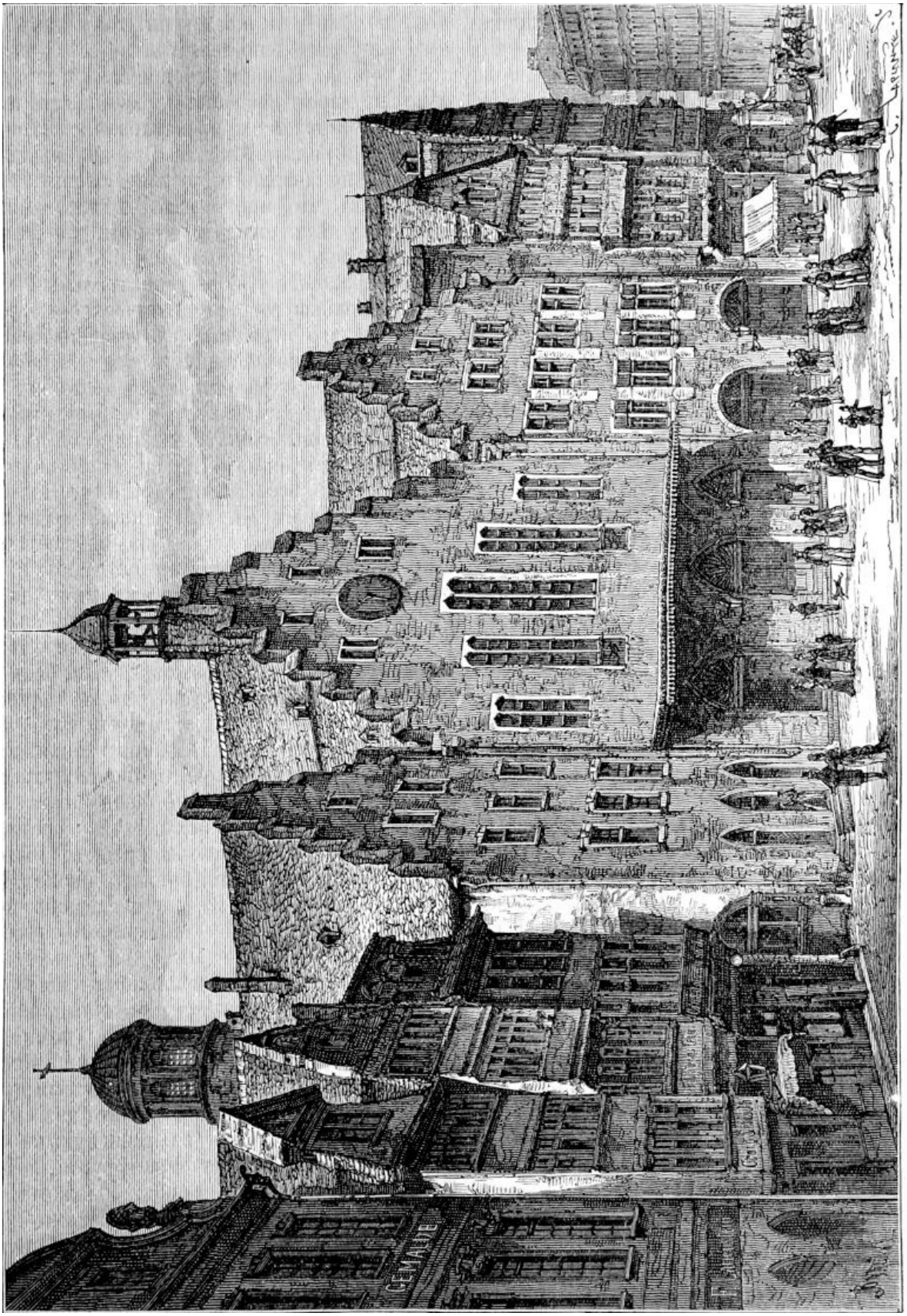
торговым городом, и его старые кварталы с извилистыми переулками совершенно стушевались перед шахматной доской новых улиц, продолжающихся к югу, параллельно железной дороге в Гейдельберг. В Дармштадте, как в городе, обязанном своим существованием капризу государя, а не географическим условиям страны, главное здание дворец: в нем собраны богатые коллекции картин, древностей, монет, предметов естественной истории; его библиотека, содержащая около 500.000 томов, одна из значительнейших в Германии; его политехническая школа обилует слушателями. Из различных ученых обществ Дармштадта одно занимается изучением географии и издает в определенные сроки бюллетени. Что касается мест прогулок, то Дармштадт представляет их гораздо менее, чем Гейдельберг и многие другие города северной Германии: за исключением дворцовых садов, в окрестностях можно видеть лишь сосновые леса, растущие на неблагодарной почве, да однообразные площади земли, служащие для разведения спаржи и других овощей. Чтобы снова встретить живописную природу, надо отправиться на юг, к холмам и горам Оденвальда. К западу, на берегу Рейна, стояла в прежнее время знаменитая резиденция Карловингов, Трибур, в котором заседали сеймы и духовные соборы, и произошли многие важные события в истории Германии; но от древнего замка не осталось и следов.

Франкфурт возник не случайно, как Дармштадт: подобно Майнцу, он занимает превосходное географическое положение. Хотя удаленный от Рейна, по прямой линии, километров на 30, Франкфурт все же город прирейнский, вследствие направления перекрещивающихся в нем естественных путей. Большая дорога, идущая вдоль гор к востоку от Рейна, через Фрейбург, Пфорцгейм, Гейдельберг, Дармштадт, при Франкфурте упирается в поперечный путь сообщения, образуемый рекою Майн, и её боковым каналом, затем идет на север к истокам Везера, брешью в горах, представляемою полями Веттерау. Майн, пересекающий в этом месте большую торговую дорогу между Швейцариею и северною Германиею, течет в том же направлении, как и Рейн, между Майнцем и Бингеном, а долина реки Наге продолжает эту складку почвы до границ Франции. На востоке, многочисленные долины, несущие воды в Майн, главный приток Рейна, привлекают к последнему другие торговые дороги, между тем как Дунай, главный путь сообщения южной Германии, связан равнинами Баварии с равниною нижнего Майна, на которой стоит Франкфурт. Следовательно, здесь соединяются самые важные пути западной Германии, и этот пункт почти совпадает с серединою судоходной части Рейна; здесь всего лучше указана естественная раздельная линия между севером и югом Германии[1].

К этой привилегии географического положения, которою равно пользовался бы и всякий другой город, построенный по соседству, присоединились еще особые выгоды, облегчившие возникновение Франкфурта на занимаемом им теперь месте. Здесь уступы основания Таунуса кончаются небольшою массою высот, обращенных к югу, и река разделилась на три облегчившие проход рукава, вокруг островов. Здесь был и «брод», которым пользовались сначала галлы, римляне, бургундцы, а затем и франки, отчего и произошло, сохраняемое городом название «Брод франков». По соседству возвышалась римская стоянка Novus Vicus, там, где в настоящее время стоит деревня Геддернгейм, в 6 километрах от реки, тогда как постоянный город германцев возник именно на месте перехода через реку. Уже Карл Великий имел там пребывание, а в царствование Лудовика Германского Франкфурт стал главным городом «восточного королевства франков». Франкфуртские ярмарки, на которых могли легко бывать торговцы всей Германии, Швейцарии и Франции, постепенно приобрели важное значение в европейской торговле. Богатства стекались со всех сторон на этот рынок, который был посещаем принцами и епископами, наравне с купцами. Франкфурт стал местом избрания немецких императоров, а затем, в середине XV столетия, и местом их коронования. Находясь в западной Германии, вдали от двух главных столиц, Вены и Берлина, он все же был избран в 1816 году местом заседаний сейма Германского союза, и в нем же заседало в 1848 году учредительное собрание, возникшее из революции. Как «вольный город», Франк-

1 J. P. Kohl, „Die geographische Lage der Haupstadte Europa's".

фурт пользовался некоторым политическим самоуправлением; но в 1866 году он утратил свои привилегии, и известны крутые меры, постигшие его за смелость противиться приказаниям, последовавшим из Берлина, новой столицы Германской империи: на Франкфурт была



„Рёмеръ" во Франкфуртѣ.

наложена пеня свыше 50 миллионов, он перестал быть «вольным городом» и был, подобно простой деревне, присоединен к округу Висбадена,—города, сильно уступающего ему и по числу населения, и по богатству.

Хотя развенчанный, Франкфурт на перестает приобретать все большее и большее значение. Правда, его ярмарки посещаются менее прежнего; но его главные улицы представляют постоянные рынки, на которых производится более оборотов в неделю, чем прежде в целый год. По операциям денежным и банковым Франкфурт играет господствующую роль на германском рынке; в этом городе возник тот могущественный банкирский дом Ротшильдов, соединенные капиталы которого достигают, пожалуй, суммы в миллиард франков. Между всеми рейнскими городами Франкфурт отличается также обширными размерами своей книжной торговли: в нем стала выходить в 1625 году первая ежедневная газета, издающаяся уже два с половиною века под именем «Frankfurter Oberpostam's Zeitung». В окрестностях Франкфурта, похожих на огромный сад, рассеяны многочисленные фабрики, и со всех сторон привозятся в него, на продажу и склад, земледельческие произведения. По местной поговорке, Веттерау (на севере) есть житница Франкфурта, Рейнгау (на западе)—винный погреб, Майнгау (на востоке)—лес и каменоломня, а Герау (на юге)—кухня. В 1800 г. во Франкфурте числилось населения около 40.000, а в 1895 г., вместе с предместьями Борнгейм, Боккенгейм и другими, число его жителей превышало 200.000; если же к округу города причислить Оффенбах, стоящий на гессенской земле, на левом берегу Майна, то оно почти достигает 250.000. Благосостояние главного города разливается и на его скромного соседа и дает пищу его фабрикам.

Франкфурт—город открытый. Его древние укрепления были срыты в 1804 году, и место из-под них было употреблено лучше, под сады и бульвары. Точно также большинство прежних кварталов, с извилистыми переулками и наклонившимися домами, разобраны, и теперь широкия улицы, открывающиеся на бульвар Цейль, позволяют экипажам свободно двигаться по всему городу. Знаменитая Жидовская улица (Judengasse), в которой были некогда поселены евреи и заставы которой были запираемы на ночь и на праздничные дни, к счастью, не представляют уже тех грязных и разваливающихся домов, которые нравились любителям живописного: дома эти снесены и уступили место улице нисколько не оригинальной, похожей на все прочия, так как евреям было дозволено селиться во всех кварталах города. Прошло то время, когда франкфуртские евреи постоянно подвергались и придиркам властей, и преследованию народа, и когда, например, число празднуемых ими браков не должно было превосходить 17 в год, так что многие пары должны были по нескольку лет ожидать очереди для вступления в брак.

Кафедральный собор—центральный монумент Франкфурта: это готическое здание четырнадцатого века, которое пришлось, вследствие пожара, возобновить почти целиком, за исключением сохраненных в прежнем виде хоров тринадцатого века, в которых короновались главы священной римской империи. Ратуша, называемая «Romer» (Римлянин)—вероятно, в воспоминание того, что в Риме был коронован Карл Великий,—содержит зало императоров, где только-что избранные государи давали первый пир. Висящие по стенам портреты—произведения новых художников. Зальгоф (Saalhof), содержащий картинную галлерею, стоит на месте прежнего дворца Карловингов; а церковь св. Павла, без всякого архитектурного достоинства, напоминает заседания германского парламента в 1848 г. Один из замечательнейших архитектурных памятников нового времени представляет биржа, это «сердце Франкфурта». Музей, или «Институт искусств», содержит, между многими картинами низшего достоинства, несколько драгоценных произведений великих мастеров. В другом здании помещаются коллекции по естествознанию и соединенная библиотека ученых обществ, отдельно от большой городской библиотеки Франкфурта. Площади украшены статуями, из которых особенно заслуживают упоминания: группа изобретателей книгопечатания, Гуттенберга, Фауста и Шеффера, и бронзовые статуи Шиллера и Гёте, знаменитейшего из сынов города. Другой монумент воздвигнут в честь Бёрне, также уроженца Франкфурта, подобно Савиньи и Фейербаху. Город обладает прелестными местами прогулок, садами—ботаническим и зоологическим, и—на другом берегу Майна, за предместьем Саксенгаузен,—обширными лесами, в которых императоры во время праздников коронации охотились на оленя.

К востоку от Франкфурта, город Ганау, стоящий при слиянии Майна и р. Кинцига, в богатой Веттерау, может быть рассматриваем как аванпост Франкфурта, потому что расположен на самом месте соединения двух больших дорог—лейпцигской и нюренбергской; дороги с севера и юга Германии входят здесь в долину Рейна. Ганау стоит на восточном конце большого торгового пути, идущего с востока на запад чрез Франкфурт и Майнц, поперек общей оси рейнской долины. Однако, город этот приобрел действительное значение, торговое и промышленное, лишь в конце 16 столетия, когда выходцы фламандские, голландские и французские принесли в него тайны своих ремесл: они сделали Ганау одним из самых приятных немецких городов, наилучшим образом обставленным садами и местами для прогулок. В наше время Ганау уступает среди немецких городов лишь Пфорцгейму, как центр фабрикации драгоценностей, настоящих и поддельных; это—единственное место в Германии, где обрабатывают платину; он изготовляет также табачные и кожаные изделия и имеет большие металлургические заводы. Ганау, родина братьев Гриммов, знаменит в истории победою, одержанною Наполеоном I в 1813 году над баварскими войсками, пытавшимися преградить ему путь: то была последняя битва, данная им на германской земле. В соседстве с Ганау находятся теплые воды Вильгельмсбада, посещаемые летом большим числом франкфуртцев.

Железная дорога, проходящая под знаменитыми виноградниками Гохгейма, идет по правому берегу Майна и соединяет Франкфурт с Майнцем—крепостью, оберегающею течение Рейна в его важнейшей части. На первый взгляд кажется, будто Майнц занимает более выгодное географическое положение, чем Франкфурт, так как он расположен при самом впадении Майна в Рейн; но он не стоит, подобно своему сопернику, на точке перекрещивания стольких сухопутных дорог и отгорожен с севера, как стеною, кручами Таунуса. При том полный недостаток свободы под правлением архиепископов и стратегическое значение Майнца сильно вредили его процветанию, как города торгового и промышленного. Уже девятнадцать веков тому назад, Друз построил здесь сильную крепость, центр римских военных постов, долженствовавших охранять линию Рейна против варваров. Во времена французской революции укрепления Майнца имели капитальное значение, и занятие их Кюстином, а также восторженный прием республиканских войск гражданами составляли одно из главных событий той эпохи. В наши дни Майнц продолжает быть большою крепостью Рейна, но уже против Франции. Он обнесен тремя рядами стен, и недавно это укрепление еще дополнено возведением фортов на окрестных высотах; острова Рейна, находящиеся ниже города по течению, также укреплены, равно как и город Кастель, древний Castrum Drusi, стоящий против Майнца, на правом берегу Рейна; укрепления заняты гарнизоном в 8.000 человек, но для защиты их понадобилось бы более 20.000. Представляя центр продовольствия всех армий, могущих быть стянутыми в долину Рейна и на границы Франции, Майнц имеет огромный завод провианта, могущий довольствовать полумиллионную армию; на нем ежедневно может быть приготовляемо 350 тонн хлеба и убиваемо по несколько сот голов скота на мясо[1].

Древний Moguntiacum, главный город провинции верхней Германии, сохранил кое-какие остатки своих римских памятников: еще видны основания полсотни столбов, развалины от 500 арок водопровода, доставлявшего в город воду из отдаленного источника и проходившего в 41 метре над уровнем местности; на одном холме виден стержень пирамиды памятника Друзу, и когда вода в Рейне спадает, в реке заметны цоколи моста, построенного в царствование Траяна 22-м легионом. Бывший дворец курфюрстов содержит богатейшую в рейнском бассейне коллекцию римских древностей, алтарей, саркофагов, надписей и медалей. Майнц обладает еще и другими интересными предметами, картинною галлереею и библиотекою около 180.000 томов, содержащею несколько экземпляров первой попытки книгопечатания, драгоценных памятников славы Гуттенберга. Но из всех памятников города самый замечательный—кафедральный собор в византийском стиле, куполы которого поднима-

1 Pichat, „Geographie militaire du bassin du Rhin".

ются высоко над массой домов. Это великолепное здание, представляющее несколько остатков древней базалики 10-го века, было окончено в своем настоящем виде в 1340 году; оно достойно первопрестольного города Германии, архиепископ которого был по праву курфюрстом и канцлером империи. На одной из площадей стоит моделированная Торвальдсеном бронзовая статуя Гуттенберга, славнейшего сына Майнца, в котором родился также Франц Бонн.

К западу от Майнца, самого населенного города великого герцогства Гессенского, Рейн, до впадения реки Наге, омывает на левом берегу лишь деревни и местечки; но одна из этих деревень—знаменитый Обер-Ингельгейм, где, если верить легенде, родился Карл Великий, и где еще видны развалины дворца Фридриха Барбароссы. Бинген, римский Bingium, занимающий треугольник, образуемый Рейном и рекою Наге, также показывает старую развалину укрепленного замка иностранцам, которые толпой останавливаются здесь, привлекаемые красотою местности. С вершины Рохусберга, господствующей над городом, видны—с одной стороны наносная равнина, орошаемая широкою рекою, усеянною островами, с другой—узкое ущелье, по которому пробирается Рейн между кручами лесистых гор.

Не далее как в восьми километрах по прямой линии к северу от Майнца стоит другой большой город, Висбаден, столица прежнего герцогства Нассауского, а теперь главный город прусского округа, в котором находится Франкфурт. Висбаден расположен очень живописно у выхода небольшой долины и на одном из южных уступов лесистых гор Таунуса; никакая местность не была бы более пригодна для основания города покоя и лечения. Здесь вытекают из почвы многочисленные и обильные теплые ключи: это Fontes Mattiaci, которыми пользовались уже римляне, и вокруг которых они построили город Mattiacum; найдены многочисленные остатки этого римского поселения. Воды эти оставались известными и даже славились и в средние века; однако, в конце прошлого столетия Висбаден был лишь незначительным местечком, с 2.000 обитателей; но в течение нынешнего века, после великих войн империи, удобства его были быстро оценены людьми досужими, и теперь Висбаден принадлежит к числу самых модных курортов: каждый год в него съезжается до 70.000 иностранцев. Прежнее местечко составляет лишь маленький квартал, затерявшийся в новом городе, с прямыми и правильными проспектами, с красивыми домами, с балконами и колоннами, с «флорентинскими» и «мавританскими» дворцами. В целом, Висбаден образует продолговатый четыреугольник, расположенный по направлению от севера к югу и оканчивающийся на севере равносторонним треугольником; к счастию, дачи, замки и сады окрестностей своим разнообразием исправляют чересчур геометрическую правильность города, и во все стороны идут от него прелестные тропинки в нагорные леса. По железной дороге можно в несколько минут доехать до дворца Бибрих (Mosbach-Biebrich), стоящего на берегу Рейна и окруженного садами, которые славятся своими коллекциями цветов. Висбаден известен в Германии еще своими хорошими школами, прекрасною химическою лабораториею и многочисленными учеными обществами. В нем существует и географическое общество, под названием «Verein fur Naturkunde».

Висбаден можно назвать столицею термальных станций, столь многочисленных на Таунусе. На западе, в ущелье гор, окруженном со всех сторон лесистыми крутизнами, лежит деревня Шлангенблад (Воды Змей), названная так по водящимся здесь безвредным ужам, подползающим иногда к купальщикам; на противуположном скате, уже в бассейне реки Лана, вьется речка Лангеншвальбах, воды которой принадлежат к наиболее ценимым в Европе. В другой долине, также впадающей в долину Лана, бьет из земли пенистый источник Нидер-Зельтерс, окруженный множеством других ключей того же рода и тоже богатых углекислотою[1]. К востоку от Висбадена, в западной части франкфуртского округа расположены, близко одна от другой, бальнеологические станции, с теплыми, соляными и железистыми водами: Гофгейм, Вейльбах, Годен, Кенигштейн; выше по склонам, над которыми господствует Фельдберг, самая возвышенная гора в группе Таунуса, бьют минеральные ис-

1 В 1879 году было вывезено 5.180.000 кувшинов и бутылок воды нассауских углекислых источников.

точники Кронберга и Кронталя, тогда как к северу от Франкфурта находятся знаменитые воды Гомбурга (Homburg vor der Hohe), куда летом франкфуртцы устремляются толпами на прогулку, и где еще не так давно, когда там процветала рулетка, состязались игроки целого света[1]. К востоку от Таунуса, в окрестностях Веттерау, бьют многие соленые ключи: в Наугейме, Виссельсгейме, Швальгейме, Зальцгаузене; наиболее посещаемые из них—наугеймские, открытые при помощи артезианского бурения, и из которых один бьет на 16 метров высоты. Близ Гомбурга находится промышленная деревня Фридрихсдорф, часто приводимая в пример того, до чего настойчиво удалившиеся из отечества французы сохраняют свою родную речь. Эта деревня основана в 1687 году выходцами-протестантами, выселившимися в здешнюю местность за несколько лет перед тем. Прошло уже двести лет, однако, французские колонисты продолжают говорить на своем языке, хотя все они знают немецкий; молодые люди приходят издалека в Фридрихсдорф научиться французскому языку.

В небольшом растоянии ниже по реке от Бибриха, порта Висбадена на Рейне, начинаются большие рейнские виноградники. После холмов Эльтвилля, вина которого пользуются большою известностью, следуют знаменитые виноградники Эбербаха, Фольрата, Иоганнисберга, Рюдесгейма, принадлежавшие прежде монастырям и церковным капитулам. В ущелье, открывающемся ниже Рюдесгейма и Бингена, получаются также хорошие вина, именно ассмансгаузенские. Почти все эти напитки из винограда, выросшего на распавшейся скале, сохраняют аспидный вкус, ценимый некоторыми любителями, но противный другим. Рюдесгейм и Ассмансгаузен, обладающий небольшим минеральным ключем, служат, подобно Бингену, местами увеселительных поездок в летнее время.

В бывшем герцогстве Нассау нет городов на правом берегу Рейна: у подошвы скал, пробитых для железной дороги киркой и порохом, есть лишь место для деревень, которые и окаймляют реку длинным рядом; но в побочной долине Лана, у входа в которую стоят живописные местечки Обер-Ланштейн и Нидер-Ланштейн, городов много. Речка Лан, берущая начало на тех же возвышенностях, что и Зиг, сначала течет на восток, потом на юг, чрез университетский город Марбург, принадлежащий к Гессен-Касселю, далее чрез университетский город Гиссен[2], во владениях великого герцогства Гессен-Дармштадтского, лежащий на дне бывшей озерной котловины, в которой некогда скоплялись воды этой местности, прежде чем нашли себе проход на западе для стока в Рейн. Гиссен, стоящий у изгиба, образуемого Даном, в месте выхода дороги из Франкфурта и из верхней долины Рейна через Веттерау, занимает местность, во все времена служившую пунктом встречи для народов; в окрестностях его рассеяно множество могильных курганов[3]. Гиссен,—родина Кирхера и Карла Фогта. Ниже по реке, Вецлар, некогда бывший многолюднейшим городом на Лане, и с 1698 г. по 1806 г. служивший местопребыванием суда имперской канцелярии, представляет город падший, еще сохранивший средневековой вид; впрочем, теперь, благодаря своим кожевенным заводам и окрестным железным рудникам, он снова приобретает некоторое значение. Истинный центр нижней долины Лана и области Нассау есть старый город Лимбург, близ которого находился лес Реккенфорст, в древности священный для местного населения[4]. Лимбургский собор, построенный в начале тринадцатого века, есть одно из величественнейших зданий, принадлежащих к переходной эпохе. Построивший его город был в средние века важным местом торгового обмена и, говорят, мог выставить до 2.000 всадников; он и в настоящее время главный рынок и самый деятельный промышленный центр в стране, очень богатой рудниками и фабриками. В окрестностях добываются сереброносный свинец, цинк, медь, железо, бурый уголь, фосфаты[5], не считая мрамора и грифельных досок, исстари

1 Записанные в 1877 г. посетители: Гомбург 21.000; Лангеншвальбах 5.350; Соден 3.560: Шлангенбад 1.950.

2 В Гиссенском университете в 1892-1893 году было 500 студентов; библиотека его состоит из 120.000 томов.

3 Wagner, „Beschreibung des Grossherzogthums Hessen-Darmstade“; Kohl, „Der Rhein“.

4 I. G. Kohl, „Der Rhein“.

5 Из рудников Лимбургского округа добыто в 1874 году на 7.552.000 франков.

местным промыслом был гончарный, благодаря существованию громадного слоя тонкой глины, в несколько метров глубиною, образующего подпочву под большим числом деревень; в этой местности ежегодно выделываются миллионы кувшинов и пивных кружек для заведений минеральных вод, пивных Баварии, водочных заводов северной Германии и Голландии. Трубки и глиняные сосуды здешнего изготовления вывозятся во все страны мира.

Спустившись по долине Лана через местечко Нассау, с древним замком, от которого получила имя вся эта страна, путешественник попадает в город Эмс, знаменитое место вод, одно из наиболее часто упоминаемых в летописях дипломатии. Еслибы не теплые ключи, которых в Эмсе более двадцати, город этот едва-ли возник бы в узкой котловине, где пришлось его построить; но окрестности прелестны, и во все стороны можно предпринимать приятные эскурсии[1]. На юго-западе, близ деревни Фрухт, стоит памятник министру Штейну, значительно помогшему возродить Пруссию после погрома при Иене.

Главные города великого герцогства Гессен-Дармштадтского и прусского Висбаденского округа, с числом жителей, по переписи 1890 г., в тысячах:

Гессен-Дармштадт: Майнц 72 (77 в 1895 г.), Дармштадт с Бессунгеном 56 (61 в 1895 г.), Оффенбах 35 (38 в 1895 году), Вормс 25 (29 в 1895 г.), Гиссен 20 (22 в 1895 г.), Бинген 8.

Пруссия: Франкфурт 180 (203 в 1895 г.), Франкфурт с Борнгеймом и Боккенгеймом 218, Висбаден 65 (73 в 1895 г.), Гомбург 9, Бибрих 11, Эмс 6, Лимбург на Лане 7.

Долина реки Наге содержит в своей верхней части маленький отрывок государства, дарованный венским конгрессом великому герцогу Ольденбургскому: это княжество Биркенфельд, приблизительно с 40.000 жителей. Местечки Оберштейн и Идар, находящиеся в этом чересполосном владении, со всех сторон окруженном рейнскою провинциею Пруссии, стали всесветным центром одного художественного промысла: полировки агатов и яшмы, производства поддельных камней и резьбы камей. Древние хартии свидетельствуют, что с половины пятнадцатого века жители этой местности собирали агаты, встречающиеся в горных пустотах разложившагося черного порфира, и умели полировать их, делать из них печати, амулеты и другие предметы роскоши. Промысел этот постепенно стал источником богатства для местных феодалов, которые, чтобы сохранить эту статью дохода для одних себя, приказывали полировщикам, своим крепостным, хранить тайну, так что мастера не могли даже пользоваться, при работе, помощью своих жен. Промысел этот стал свободным лишь со времен французской революции. Но он никогда не приобрел бы значения во всемирной торговле, еслиб рабочие полировали лишь камни, находимые в стране; к счастью, эмигранты из Оберштейна открыли в 1834 г. значительное количество агатов в руслах некоторых потоков Бразилии, которые соединяются с Уругваем, пройдя перед тем по местности с геологическим строением, подобным строению почвы в Биркенфельде. Оттуда-то биркенфельдские фабриканты и выписывают почти все камни, в которых нуждаются; покупают они также кристаллы из Швейцарии и других стран, драгоценные камни из Индии и Бразилии, малахит из Сибири, и придают этим камням четверную цену резьбою и различными оттенками, зависящими от химических примесей. В Америку они посылают преимущественно камеи, но изготовляют также амулеты для рынков Африки и божков для Индии и Китая[2].

Главный город в долине Наге-Крейцнах (Крест р. Наге). Он расположен весьма удобно для торговли, потому что у него река становится судоходною, и все важнейшие побочные долины уже соединились выше, так что он представляет естественное место склада для всего бассейна. Но известность доставлена этому городу не торговлею, а его минеральными водами, употребляемыми ежегодно тысячами больных и отличающимися от других однородных вод большим содержанием брома. Местность Крейцнаха—одна из наиболее богатых живо-

1 Среднее число посетителей в Эмсе около 10.000.

2 В 1872 году в округе Биркенфельд была 141 полировальная мастерская, с 2.265 рабочими, а в соседних прусских общинах 40 мастерских. Сырой материал: агаты местного происхождения 30 тонн, ценностью в 35.000 фр., иностранные камни 300 тонн, ценностью в 700.000 фр. Цена изделий в продаже 4.000.000 фр. (Noggerath, „Die Achat-Indusrie in Birkenfeld").

писными развалинами средних веков: на каждом высоком мысе берегов Наге стоит свой древний замок, из которого в былые времена зорко осматривал окрестность хищный глаз какого-нибудь рыцаря из рода «диких графов» (Raugrafen, Wildgrafen)[1]. Такова сторожевая башня Рейнграфенштейна, стоящая на порфировом утесе, таков замок Эбербург, дававший одно время приют Буцеру, Гюттену, Эколампадию и Маланхтону.

На левом берегу Рейна, ниже Бингена, у подошвы скал приютилось несколько городов: Бахарах, главный склад рейнских вин, группа живописных домиков при выходе из долины; напротив Кауба, протянулся, в виде длинной улицы, Обервезель, древняя Возольвия; за поворотом реки, в средине ущелья, стоит Санкт-Гоар; затем Боппард, древний галло-римский город, называвшийся Bondobriga[2], возвышает свои древние башни и свои потрескавшиеся стены у начала двойной излучины, которую описывает Рейн до принятия в себя вод Лана. В небольшом расстоянии от этого слияния вверх по Рейну, на левом его берегу, находился знаменитый Кенигсштуль (Королевский Стул), где, под тенью орешин, три раза заседали избиравшие императора курфирсты: небольшое готическое здание поддерживает террасу, на которой избиратели садились в кружок, между тем, как в середине восседал избранный император. Этот Королевский престол реставрирован по первоначальным планам.

В настоящее время в бассейне реки Мозеля нет города, который мог бы равняться большим городам по берегам Рейна, но все же есть такие, которых значение быстро растет. Таковы, уже на границах аннектированной Лотарингии, два соединенных города Саарбрюккен и Санкт-Иоганн, отделяющиеся один от другого лишь течением Саара, и к которым скоро прибавится еще одна куча фабрик и домов мастеровых, город Мальштатт-Бурбах. Эти три города почти всегда окутаны темным облаком дыма, вырывающагося из труб фабрик и заводов, чугунно-литейных, стеклянных, машиностроительных и химических. Всюду от главных линий железных дорог отделяются вправо и влево ветви, ведущие к мануфактурам и рудникам; всюду возвышаются горы окалины и мусору. Каменноугольные копи Саарбрюккена, из которых одна горит уже с конца семнадцатого столетия, дают год от году все большее и большее количество угля, и правительство, главный собственник их, извлекает из эксплоатации их большие выгоды.

Добыча угля из копей Саарбрюккена в 1815 году 50.000 тонн, добыча угля из копей в 1830 году 200.000 тонн, добыча угля в 1875 году 5.100.000 тонн. Доля правительства 4.500.000 тонн, ценность 50.000.000 франков.

Заключающееся в этих залежах количество топлива исчисляется в 40 тысяч миллионов тонн. Добываемый здесь уголь отправляется не только во всю западную Германию, но и во Францию и Швейцарию. Канал Саара, соединяющийся с каналом из Марны в Рейн, служит преимущественно для перевозки угля на заводы Эльзаса и Лотарингии[3]. Фабрики и заводы Дудвейлера, Зульцбаха, Фридрихсталя и большое металлургическое заведение в Нейнкирхене, занимающее более 3.600 рабочих (производство в 1893 году: 165.000 тонн сырого железа, 164.000 тонн фабрикатов и пр.), также получают нужный им уголь из бассейна, в центре которого стоит Саарбрюккен.

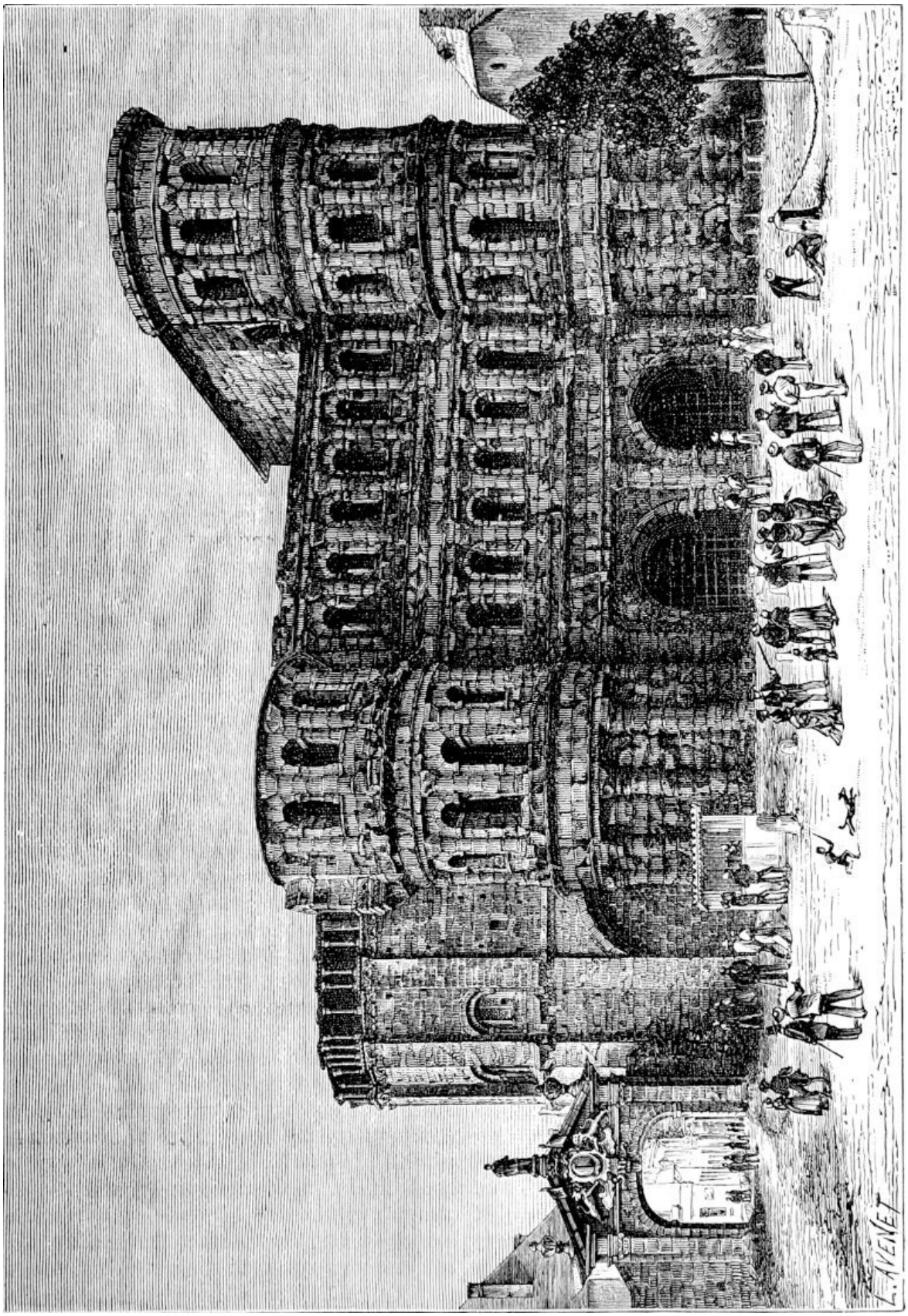
Следуя течению Саара, по которому называется большая часть городов на его берегу, путешественник минует другой промышленный город, Пюттлинген, а также Саарлуи, родину Нея, затем Мерциг и Саарбург, уже вблизи слияния Саара с Мозелем, и, несколькими километрами ниже по течению, древний город Трир. Это древнейший город Германии; он сохраняет название галльского племени треверов, которое основало его и долго сохраняло свою речь, даже под римским владычеством, так как, по свидетельству св. Иеремии, здешние жители еще в пятом столетии по Р. Х. говорили языком азиятских галатов. В то время, как Германия была страною почти неизвестною, и римляне, опасаясь проникать в нее слишком далеко, держались при входе в этот мир варваров, Трир, стоя перед двумя большими прито-

1 I. Kolh, „Der Rhein“, т. II, стр. 12.

2 Ernest Desjardins, „Notes manuscrites”.

3 По каналу Саара в 1874 году прошло 4.838 нагруженных барок.

ками Мозеля, Сааром и Суром[1], мог очень удобно служить пунктом посредничества между образованными уже галло-романами и диким населением северных лесов, степей и болот. Служа центром политической власти и деятельности военной, административной и торговой,



Порта Нигра въ Трирѣ.

Трир приобрел необыкновенное значение и почти оправдал данное ему Авзанием[2] прозвище

1 См. I. G. Kohl, „Der Rhein“, vol. II.

2 Римский поэт-переводчик.

«второй столицы римской империи». Он украсился памятниками, и скаты соседних с ним гор покрылись красивыми виллами, некоторые остатки которых сохранились и до наших дней. Великолепные развалины свидетельствуют о былом блеске города Трира. Груда великолепного строительного материала, называемая Porta Nigra, из которой, не смогши разрушить ее, взяли камни на постройку трех церквей, все еще возвышается над домами Трира. Под другою частью города лежат обширные подземные залы, своды, галлереи на протяжении километра, до самой реки; их называют «римскими банями», хотя они, несомненно, служили для иного употребления. В другом месте стоят остатки амфитеатра, который вмещал до 60.000 зрителей, и в котором Константин, по поводу одного праздника, дал диким зверям разорвать целое племя франков, вместе с их вождями. Кафедральный собор, соединенный с красивой церковью Богоматери, в некоторых частях своих—римской постройки: там помещалась курия. Многие другие здания также стоят на римских фундаментах, и большой мост через реку Мозель построен на базальтовых устоях, которым приписывают то же происхождение. Наконец, музей содержит множество галло-римских древностей, равно как и других разнородных предметов еще древнейших и найденных в окрестных могильных холмах. Не проходит года, чтобы раскопки не открывали римских древностей, оружия, монет, изваяний. В нескольких километрах от города, на юго-восток, возвышается «колонна Igel» (Еж), могильный памятник фамилии Secundinus, наилучше сохранившийся в Германии римский могильный столб.

Подобно городу, служившему ему образцом, Трир, бывший сначала столицею политическою, стал впоследствии духовной столицею. Более тысячи лет он назывался «святым» (sancta civitis Treverorum). Из трех наибольших зданий города одно было, говорят, церковью или монастырем, и весь город был населен духовенством, монахами и другими духовными лицами. Со времен первой французской революции большое число церковных зданий было обращено в казармы, магазины, пивоварни и частные дома. Железные дороги и фабрики постепенно окружают древний город новым, совсем иного вида; скоро древний Трир можно будет отыскать только в музеях, а средневековой только в рукописях местной библиотеки. В недели пилигримства богомольцы толпами приходят в Трир созерцать «Святую Тюнику», привезенную, по сказанию, императрицею Еленою. Но теперь Трир нашел себе, как место сборища пилигримов, счастливую соперницу в маленькой деревне Марпинген, лежащей на юго-восток от него, в округе Санкт-Ведель; народ десятками тысяч стекается в эту деревушку, прославившуюся священными видениями. Общины Саара и Мозеля, к югу от Трира, во всей Западной Европе дольше других сохранили общинную собственность, и лишь с начала нынешнего века кадастр мало-по-малу закрепил имущество в частных руках; тем не менее, раздел по жребию прилагается и доныне к лугам и лесам. Точно также раздаются и пустоши на высотах Эйфеля, с возвратом их, по годовом пользовании, в собственность общины.

К северу-востоку от Трира, по всему течению Мозеля до его впадения в Рейн, т.е. на протяжении 175 километров, селения очень многочисленны, но нет городов, и только в редких местах можно было бы удобно построить город у подошвы мысов, покрытых знаменитыми виноградниками, производящими мозельвейн. Только при «слиянии» двух рек, в Кобленце (римский Confluentes), население скопилось в порядочный город, хотя в этом месте, на перекрестке долин Мозеля и Лана с долиною Рейна, можно было ожидать города более многолюдного. Гораздо меньшее значение Кобленца, в сравнении с Франкфуртом и Кельном, объясняется тем, что вся нижняя половина долины Мозеля не представляет естественного торгового пути и что окрестная горная местность, возвышающаяся средним числом на 600 метров над уровнем реки, мало плодородная и слабо заселенная, высылает в Кобленц, свой центр притяжения, лишь небольшое число эмигрантов. При том же и чисто-военный характер города вредит его торговому и промышленному значению. В Кобленце есть несколько замечательных зданий, из числа которых следует обратить внимание на красивую церковь Сан-Кастор, в византийском стиле, заложенную в середине девятого века; затем на сводчатый мост железной дороги через Рейн и каменный мост чрез Мозель, строющийся уже

500 лет рядом с остатками римского моста; но всего сильнее привлекают взор окрестные с Кобленцом укрепления. Против слияния рек, на правом берегу, возвышается неприступная цитадель Эренбрейтштейн, возвышающаяся над рекою на 128 метров и скрывающая в боках скалы два или три этажа батарей. К юго-западу от города, на переднем возвышении горы Гунсрюккена, стоит большой форт Александр, между тем как форт Франца и другие укрепления защищают северный берег Мозеля; в этом огромном укрепленном лагере, образуемом поясом фортов, может разместиться армия в 200.000 человек, а между тем для защиты всей этой совокупности укреплений, говорят, достаточно 5.000 человек,—так хорошо скомбинирован план её[1]. Кобленц—обыкновенное место стоянки броненосного рейнского флота, состоящего из дюжины канонерок. С Кобленцом связаны военные воспоминания французов: в нем французские эмигранты времен первой французской революции пытались собрать войско для вторжения во Францию; тут же, к северу от Мозеля, погребен генерал Марсо, убитый в сражении при Альтенкирхене. Кобленц—родина Меттерниха.

Вниз по Рейну, на его правом берегу, стоит промышленный город Нейвид, население которого сложилось, под охраной древних эдиктов о веротерпимости, из многоразличнейших сект. Почти против Нейвида возвышается холм, на вершине которого стоит памятник, поставленный французскому генералу Гошу армиею Самбры и Мааса. У подошвы этого холма течет маленькая речка Нетта, ниже омывающая Майен, главный город местности гор Эйфеля, а далее, на берегу реки, стоит древний город Андернах, на том месте, где Рейн вновь съуживается между обрывистыми холмами. Этот город, Autumnacum римлян,—один из самых живописных в рейнском бассейне: его стены, остатки его феодального дворца, его романский храм, его толстая башня, с осьмигранною сторожкою, представляют один из классических видов на берегах Рейна; а в окрестностях его, потухшие вулканы, потоки лавы, кучи пемзы составляют настоящий клад для геологов и минералогов.

В ущелье и ниже, при подошве гор Зибенгебирге, следуют одно за другим несколько больших местечек; но первый действительно важный город этой области, Бонн, древний Bonna, находится уже в соседней с Нидерландами большой аллювиальной равнине С. Германии; он занимает положение, сходное с положением Маастрихта на Маасе: у Бонна кончается клюза Рейна, начинающаяся у Бингена. В наше время Бонн славится преимущественно своими университетом[2], библиотеками, научными коллекциями и как центр дорог в Эйфель и Зибенгебирге (Семигорье). Бонн, родина Бетховена, поставил ему на одной из своих площадей бронзовую статую. Другой из тех людей, имя которых прославляет целую эпоху, Рубенс, родился, может быть, на берегах Зига, речки в бывшей земле сикамбров, впадающей в Рейн немного ниже Бонна. Зиген, в Вестфалии, недалеко от истока речки Зиг, оспаривает у Антверпена честь быть родиною знаменитого живописца, который, впрочем, хотя бы даже был родом из Германии, тем не менее, по фамилии, происхождению и гению—чистый фламандец. Зиген растет и богатеет, благодаря находящимся в окрестности рудникам железным, свинцовым и медным, а также своим металлургическим и кожевенным заводам.

Количество руд, добытых в Зигене в 1874 г.: 283.870 тонн, ценностью на 5.665.300 франков.

Это самый значительный центр населения долины. Вторым после него является Зигбург, стоящий недалеко от впадения Зига в Рейн, близ места, где вальдбрёльская железная дорога отделяется от главной линии. К северу, на притоке, стоит другой горнопромышленный город, Линдлар. Гуммерсбах—промышленный городок на южном склоне плоской возвышенности Зауэрланда; Зилих стоит близ впадения Зига в Рейн, почти против Бонна.

Главный город страны—Кёльн. Его географическое положение—одно из самых счастливых, потому что естественная большая дорога, ведущая от северной Франции к западной

1 A. Pichat, „Geographie militaire du bassin du Rhin“.

2 В 1892 году в Бонском университете числилось: профессоров и доцентов—134, студентов—1.406, в библиотеке свыше 230.000 томов.

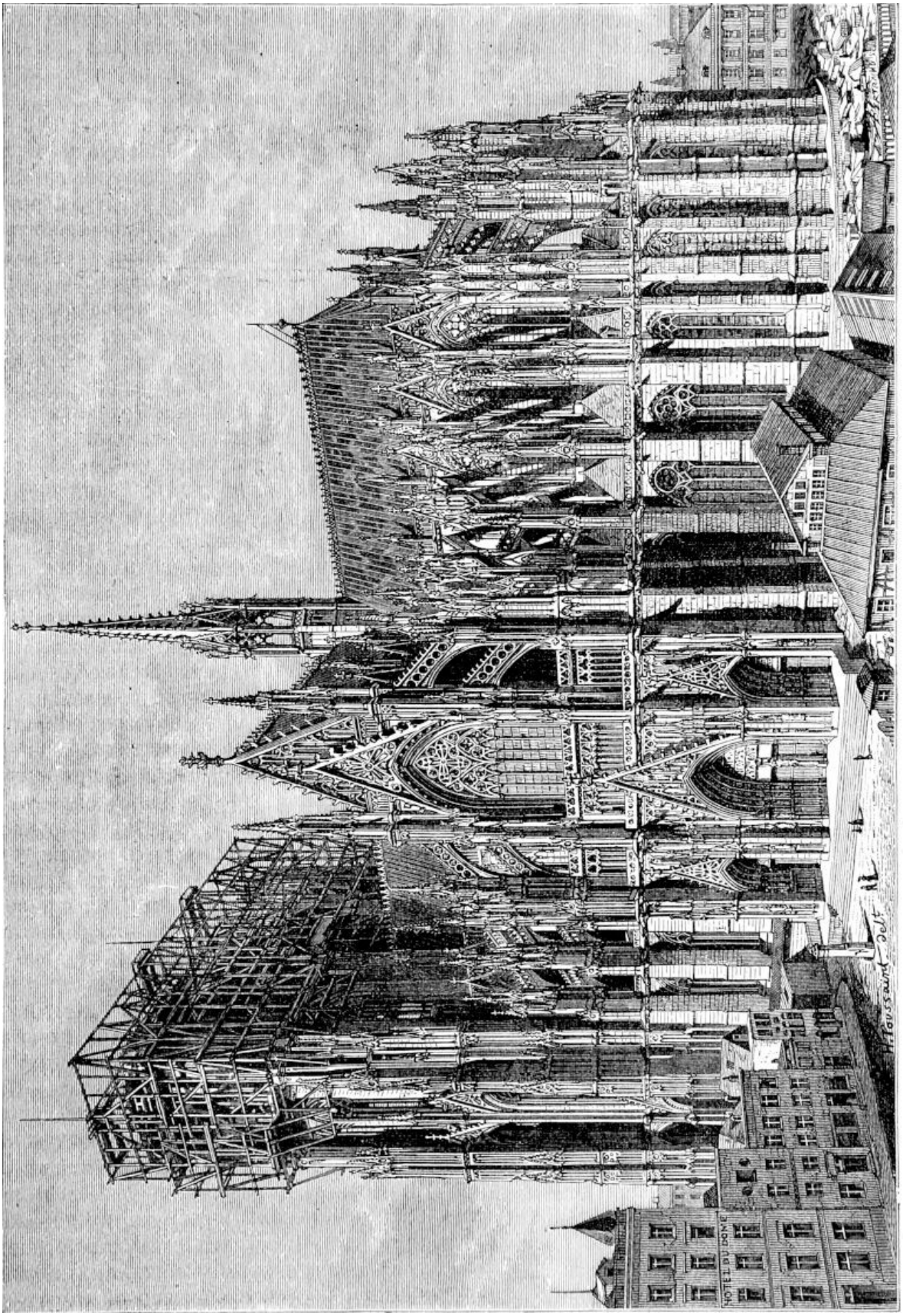
России, проходит вдоль основания области гор и холмов, и пересекает Рейн в Дейце, или «предместье немцев»[1]: это перекрестная точка двух главных дорог, к которым примыкает здесь, как в центре, несколько других. Когда рельеф почвы, еще не уравненный дорогами, сильно влиял на направление пути людей и товаров, Кёльн находил мало соперников между удаленными от моря городами северной Европы. Во времена римлян, Ara Ubiorum, древний торговый пункт племени убиенов, получил колонию «ветеранов», под именем «Colonia Claudia Augusta Agrippinensium» и скоро сделался городом, прославленным писателями. В средние века он стал главным местом всего торгового обмена между рейнским бассейном и Нидерландами, Германией, даже Англией. До образования Ганзейского союза, кёльнские купцы заключали торговые трактаты со многими иноземными правительствами; с десятого века они отправляли собственные суда в Лондон и владели там, близ «Тоуэра», своим особым складочным магазином, известным под названием «Кёльнской гильдии»; их монета ценилась высоко; их меры и весы употреблялись при продаже товаров и в дальних странах. Граждане Кёльна, после долгой борьбы со своими епископами, добились права избирать свой собственный муниципалитет и сохранять про себя нажитые богатства. Оттого они превосходили сеньоров в роскоши: в 1236 году, они, в числе 18.000 и все в пышной одежде, встретили верхом на конях невесту императора Фридриха II. Поговорка: «богат, как кёльнский суконщик» была в Германии в таком же ходу, как присловие итальянцев: «богат, как флорентийский бакалейщик». В торговле сукнами Кёльн был одним из устанавливающих цены рынков Европы; он же был первым рынком Запада по торговле благородными металлами. Почти во всех ремеслах его мастера были самые искусные. В пятнадцатом веке, перед великими преобразованиями, начавшими новую эру, Кёльн был в числе городов, оспаривавших у Франкфурта честь быть первою метрополиею Германии; но затем его постиг ряд невзгод. Открытие Америки заставило купцов покинуть привычные пути чрез Венецию и Аугсбург; вторжения опустошили страну; Соединенные Штаты Нидерландов, ставшие одною из великих держав Европы, заперли Рейн для судов Кёльна; затем, как бывает почти всегда, граждане сами довершили упадок своего города. Кёльн, гордый своим прозвищем «святого города» и «германского Рима», обогащенный бесчисленными пилигримами, приходящими в него созерцать могилы царей-волхвов, не хотел терпеть присутствия в нем протестантов, которым пришлось бежать, унося свои промыслы, которыми они обогатили окрестные города. Из богатого города Кёльн стал нищенским. Его извилистые улицы скоро обратились в вертепы, в которые иностранец не решался заглядывать, и нищие теснились тысячами у дверей храмов. В настоящее время промышленность и торговля Кёльна вновь замечательно оживились: пароходы Рейна, которым Кёльн служил местом стоянки, и сходящиеся к нему в большом числе железные дороги приносят ежегодно большее и большее число пассажиров и товаров.

В городе и его окрестностях имеются значительные заводы, фаянсовые, химических продуктов, прядильные и ткацкия мануфактуры, мастерские машин, не считая многих заведений, хозяева которых уверяют, будто они «одни» знают секрет приготовления «О-де-колона». В Кёльне сосредоточены главные банки и конторы больших предприятий, рудокопных и перевозочных, нижнего бассейна германского Рейна. С пригородами Эренфельдом, на левом берегу Рейна, Дейтцем и Кальком, на правом, население Кёльна превышает 300.000 человек. Кроме того, вокруг него теснятся большие деревни: Лонгерих, Мергейм, Рундорф, Мюнгерсдорф. Ни в одном округе континентальной Европы население не скучивается такими густыми массами.

Главный памятник Кёльна и один из знаменитейших в мире—это его кафедральный собор, Dom, стоящий одиноко, своею массою господствуя над всем городом. Это здание, одно из замечательнейших произведений готической архитектуры, одновременно свидетельствует и о минувшем блеске, и о теперешнем богатстве Кёльна, потому что постройка его была прервана более чем на три с половиною века и здание уже подвергалось опасности разрушить-

1 I. G. Kohl, „Der Rhein", B. II, S. 155.

ся, когда его стали реставрировать и доканчивать по первоначальному плану: только в 1880 году был поставлен венец стрелок, достигающий 160 мет. высоты. Кёльнский собор—один из самых великолепных храмов Европы, один из тех, которые отличаются одновременно чисто-



Кёльнскій соборъ въ 1875 году.

тою стиля, величием размеров, блеском украшений; хоры, оконченные в 1322 году, и пять нефов соединены между собой гармонически; точно так же гармонируют, осматриваемые снаружи, с площади, или с великолепного железного моста через Рейн, свод и шпицы, обра-

зуя чудный ансамбль; может быть, зданию недостает только некоторого единства плана: трансепт (поперечный ход) слишком велик для того, чтобы сливаться в одно целое с средними пространствами и оставлять в уме одно общее впечатление. Кроме собора, в Кёльне есть и другие красивые церкви: св. Марии в Капитолии, самая древняя, в византийском стиле; церковь святых Апостолов, с романскими арками изящной архитектуры; св. Гереона, в склепе с мозаичным полом; св. Петра, содержащая большую картину Рубенса. Здание городской думы, в котором смешаны постройки всех эпох, имеет некоторые части удивительные по стройности и изваяниям. Новый музей Вальраф-Рихарц, называемый так в память своих двух основателей, содержит разные древние предметы, картины, статуи и дорогия книги.

Кёльн—сильно укрепленный военный город; но прежняя крепостная стена, стеснявшая рост его, срыта, и новые укрепления, отстоящие от города, средним числом, на 5 километров, обнимают двенадцать фортов различной величины: восемь вокруг Кёльна, четыре вокруг Дейца, которые все соединены промежуточными батареями, и образуют большой укрепленный лагерь.

К западу от Кёльна, на границах Бельгии и Голландии, стоит большой город, долго главенствовавший над Кёльном в политическом отношении; это Ахен (по-французски Aix-la Chapelle), лежащий в бассейне Мааса, на речке Вурм, отчасти образуемой горячим ключом в «Долине Кабанов», звавшимся на средневековом латинском языке «Porcetum», а в наши дни Буртшейдом. Ахен не пользуется, подобно Кёльну, выгодою стоять на большой реке, на перекрестке многих естественных путей, но обладает обильными теплыми и серными ключами, и его воды понравились Карлу Великому, так что он сделал Aquisgranum столицею своей империи. Он построил тут дворец, воспеваемый в поэмах средних веков,—здание из мрамора, золота и драгоценных камней, прославляемое в легендах по поводу его стального подъезда, на котором рыцари точили свои мечи на бой с волшебниками. Настоящий дворец, обращенный народным воображением в место чудес, уже не существует и заменен городскою думою; но часовня, построенная Карлом Великим по образцу Сан-Витале в Равенне, и которой город обязан своим французским названием, еще видна в кафедральном соборе переделанною и обезображенною; это простая ротонда в два этажа, содержащая, между прочими памятниками о прошедшем, гробницу Карла Великого и беломраморное седалище, па котором восседал император с «цветущей бородой».

Впечатление, произведенное на народы Карлом Великим, было так сильно, что по его смерти Ахен стал городом священным; он был выбран местом коронования; начиная с Фридриха Барбарусы тридцать семь императоров последовательно короновались здесь; ежегодно стекались сотни тысяч пилигримов целовать реликвии капеллы, и граждане Ахена пользовались весьма значительными привилегиями в награду за свои восторженные приветствия императорам: освобожденные от всякой подати и повинности, они имели право давать приют изгнанникам, и имперская опала не могла их постигнуть.

Теплые и серные ключи, бывшие косвенно причиною возвышения Ахена, и до сих пор привлекают много иностранцев[1]; но город обладает и другими источниками обогащения: пластами каменного угля, свинцовыми и цинковыми рудниками, металлургическими заводами, фабриками булавок и суконными. Каменноугольные копи Ахена дали в 1891 г. 1.676.000 тонн минерального топлива, при чем было занято 7.457 рудокопов. Свинцу и цинку добыто в 1881 году: первого 14.000 тонн и второго 12.600 тонн. Политехническая школа Ахена готовит инженеров и мастеров в различные промышленные заведения города, предместий и всей страны. Число этих заведений с каждым годом увеличивается, и оба города—Ахен и Буртшейд—соединяются в один большой, который под своею дымною атмосферою сохраняет широкие бульвары, разбитые на месте бывшего городского вала.

В недалеком расстоянии от Ахена на северо-восток, находятся большие заводы в Вюрселене и Эшвейлере, питаемые окрестными угольными копями. В 1874 году было добыто угля из копей Эшвейлера 183.625 тонн. Еще ближе, на восток, находится город Штольберг, обла-

1 Средним числом, в Ахене бывает ежегодно свыше 20.000 посетителей, пользующихся водами.

дающий заводами маталлическими, стеклянными и различными другими. На север, в Паннесгейде, находятся литейные заводы; на юг, Эйпен обладает самыми важными суконными фабриками Пруссии, произведения которых вывозятся даже за пределы Европы, в Южную Америку и на дальний Восток; недалеко от Эйпена добывается свинцовая руда, и маленькая нейтральная территория Мореснет, лежащая на границе между Бельгиею и Пруссиею, прославилась цинковыми рудниками «Старой Горы», столь обильными, что они доставили своим хозяевам руководящую роль на рынке изделий из цинка и средства прикупать рудники в разных частях Европы и Алжирии.

Из Старой Горы было добыто в 1876 г. руды: цинковой 54.000 тонн; свинцовой 5.900 тонн; каменного угля 76.000 тонн; вывезено 40.000 тонн цинка.

Главное селение этого нейтрального клочка земли (550 гектаров) носит имя Кельмис (около 3.000 жит.), по местному названию галмея, добываемого в его окрестностях. Еще южнее, по другую сторону массива Гоге-Венн (Фенн) городок Мальмеди, стоящий в стране валлонов, хотя и на прусской территории, выделывает больше кож, чем какой-либо другой город империи. На половине пути от Ахена к Кёльну, город Дюрен принимает участие в главном производстве провинции, суконном, и, благодаря сходящимся у него пяти железным дорогам, ведет значительную торговлю. Одна из этих дорог ведет к Голландии, чрез Юлих, древнюю столицу герцогства, укрепления которой недавно снесены. Другая дорога, очень извилистая по причине встречающихся на пути препятствий, примыкает к Мозелю близ Трира, к юго-востоку от Дюрена, и ведет в Цюльпих и в промышленный город Эйскирхен. Цюльпих—древний Tolbiacum, или Tolbiac, знаменитый в истории франков победою, одержанною Клодвигом над аллеманами в 496 г.

В небольшом расстоянии от Кёльна, вниз по реке, на правом берегу её, стоит фабричный город Мюльгейм, служащий портом другим промышленным общинам: Бергиш-Гладбаху и Бенсбергу, лежащим внутри страны; но далее, до самого Дюссельдорфа, т.е. на протяжении около пятидесяти километров, на берегах реки не встречается значительного города. Дюссельдорф, бывший долгое время деревнею при устье реки, как показывает и его имя (деревня Дюссель), теперь представляет многолюдный город, благодаря выбору его великими герцогами Бергскими местом своего пребывания, а также благодаря промышленности, столь деятельной в этой части Германии. Дюссельдорф—естественный порт Эльберфельда, Бармена и всего окружающего их мануфактурного округа; здесь происходит постоянная перегрузка товаров между поездами железных дорог и буксирными судами. Но Дюссельдорф пользуется удобствами, недостающими большинству местных дымных городов: в нем есть тенистые бульвары, парки, сады, и некоторые его кварталы очень красивы; на одной площади горделиво стоит колоссальная бронзовая статуя курфюрста. В Дюссельдорфе в большой чести искусства. Его школа живописи была долго знаменитейшею в Германии, да и теперь в ней образуются многие живописцы; но они уже не могут пользоваться картинною галлереею, которою некогда славился Дюссельдорф: в начале нынешнего века она перенесена в Мюнхен. В Дюссельдорфе родились: Корнелиус и один из величайших поэтов нашего столетия, Генрих Гейне, предки которого принадлежали к еврейской семье в Гамбурге.

На другой стороне Рейна, хотя в некотором расстоянии от реки, на покинутом ею высоком берегу, древний укрепленный город Нейс, тщетно осаждавшийся Карлом Смелым в 1474 и 1475 годах, есть преемник упоминаемого Тацитом Novesium'a, бывшего некогда естественным центром местности, главным городом которой стал Дюссельдорф. Теперь, соединенный с «деревнею на Дюсселе» железно-дорожным мостом, Нейс может быть рассматриваем, вместе с Дюссельдорфом, как один пункт встречи железных дорог; кроме того, канал, соединяющий Мозель и Рейн, приносит в Нейс много сельско-хозяйственных продуктов и делает его одним из рынков Германии, установляющих цены на зерновый хлеб.

Вследствие размножившихся фабрик, местное население сгруппировалось, в окрестностях Нейса, в очень близко-отстоящие один от другого города, особенно в соседстве Крефельда. Этот город, чрезвычайною правильностью постройки напоминающий американские

города, лет полтораста тому назад был лишь деревнею с тысячью жителей, но был населен политическими и религиозными эмигрантами, людьми энергическими, съумевшими воспользоваться всеми местными источниками производительности и создать новые промыслы. Город Крефельд производством бархатных и шелковых материй и лент приобрел важное значение, которое разделяют с ним окрестные города: Фишельн, Фирзен, Мюнхен-Гладбах, Дюлькен, Брейель, Лобберих, Рейдт, Оденкирхен, Дален, Гюльс, Штрелен, Сюхтельн, Форст и Кемпен, родина Фомы Кемпийского.

Сбыт бархатных и шелковых материй в Крефельде в 1893 г. простирался на сумму около 80 миллионов марок, из которых 46 миллионов приходилось на заграничный вывоз; ткацких станков было около 20.000.

К северу от городка Гельдерна, древней столицы герцогства Гельдернского, местность между Маасом и Рейном принимает вновь сельский вид; поля не стеснены со всех сторон фабриками, и население обитает в мирных деревеньках и местечках.

Ниже Дюссельдорфа, на берегах Рейна, уже не встречается важных городов: Рейн протекает чрез Ирдинген, составляющий порт Крефельда; затем, отразив в своих мутных водах Рейнгаузенский мост, он принимает в себя речку Рур, которая стекает с гор Вестфалии, и из всех речек Германии представляет в своей судоходной части наиболее торговую. Стоящий при слиянии город Рурорт есть порт или скорее группа портов, наиболее оживленных на долине Рейна, и здесь двигаемые паром паромы перевозят с берега на берег целые нагруженные поезды. Рурорт не только служит торговым центром всей долине Рура и соседним промышленным городам, Дуйсбургу, Мюльгейму на Руре, Бееку, Штируму, Стеркрадэ, Мейдерику, Обергаузену, но вместе с тем представляет собрание верфей и заводов, потребляющих каменный уголь бассейна Рура[1].

Везель расположен, подобно Рурорту, на правом берегу Рейна и при выходе долины р. Липпе. Этот древний город, служивший Карлу Великому точкою опоры в его войнах против саксонцев, представляет уже некоторую оригинальность в сравнении со всеми этими фабричными городами каменноугольного района. Его дома, средневековой архитектуры, его городская дума, его готическая церковь св. Виллиборди ласкают взор, утомленный зрелищем бесчисленных дымящихся труб, затемняющих небо над бассейном Рура. Вокруг Везеля раскинулись огороды и плодовые сады, дающие городу один из его главных промыслов, приготовление овощей и фруктов. Везель есть крепость на Рейне, на границе Голландии, усиленная в последнее время новыми укреплениями; везельский мост длиннее всех других мостов на Рейне, так как он тянется на 1.915 метр., не только через реку, но и через аллювиальные земли её берегов. Ниже Везеля и старого города Ксантена, на левом берегу, может быть, на месте Castra vetera (Древнего Лагеря) римлян, Рейн омывает на германской почве только один значительный город, Эммерих. К западу от последнего стоит на террасе древний город Клеве, названный так, вероятно, по крутояру (Clief или Cliff), господствующему над наносною равниною. Клеве знаменит в легендах. Одна его башня, называемая башнею Лебедя, напоминает приезд таинственного рыцаря, плывшего однажды по реке в золоченой лодке, влекомой лебедем, и исчезнувшего после неблагоразумного опроса его невестой об его имени. Клеве служит дачным местом большому числу голландцев, которые с высоты холма наслаждаются здесь видом на Рейн и Маас, вьющиеся между раскинутыми но равнине многочисленными городами.

Промышленная область вокруг Крефельда, к западу от Рейна, уже одна из населеннейших в Германии, но уступает в этом отношении каменноугольному бассейну Рура; там Ланкашир Пруссии: города теснятся как в других местах деревни, и ветви железных дорог сплетаются здесь в бесчисленные узлы. Главный город местности состоит из двух общин, Эльберфельда и Бармена, которые слились в одну кучу фабрик и домов, и сами состоят из сплотившихся деревень. Этот двойной город, занимающий в долине Вуппера пространство в 8 километров и на месте которого лет за сто были только местечки, в настоящее время, после

1 Подвоз каменного угля в Рурорт и Дуйсбург в 1881 году: 4.450.000 тонн.

Кёльна-Дейцта, самый многолюдный город рейнского бассейна. Хотя некоторые его кварталы и кажутся совокупностью дворцов, однако Эльберфельд и Бармен представляют интерес лишь людям промысловым; вся жизнь населения вращается около прядилен, шелка, хлопка, льна, мастерских лентовых и басонных, красилен, красочных мастерских и других промышленных заведений. Кроме того, Бармен поставляет много фортепиано на вывоз в различные страны Европы и Северной Америки.

Все города и большие общины этой области Пруссии: Зонборн, Грефрат, Ронсдорф, Лютрингаузен, Леннеп, Вермельскирхен, Раде-фор-дем-Вальд, Хюккесваген, Кроненберг сходны видом: их можно бы назвать предместиями Эльберфельда, перенесенными далеко от города и случайно разбросанными по окрестности. Гильден, лежащий недалеко от Рейна, производит красивые шелковые ткани. Ремшейд—немецкий «Шеффильд»; в нем изготовляются разнородные изделия из железа, между тем как Золинген и соседние с ним города, Вальд, Мершейд, Гохесшейд, Дорп, Буршейд, Лейхлинген, занимаются специально производством острых стальных орудий: ножниц, ножей и сабель. Золингенские клинки в большой славе, и говорят, будто искусство закаливать клинки принесено сюда, во время крестовых походов, из Дамаска.

К северу от железной дороги, соединяющей Дюссельдорф с Эльберфельдом и Барменом, города разместились более редко: Меттман, возле которого находится пещера Неандертальская, в которой открыт знаменитый доисторический череп, Вюльфрат, Гарденберг, Ратинген, Фельберт, Штееле на Руре, Верден, аббатство которого обладало до времен Тридцатилетней войны знаменитым готфским переводом библии Улфилы,—все эти города отстоят один от другого на значительное расстояние и, повидимому, не стремятся соединиться в одну кучу, подобно окрестностям Золингена; но к северу от Рура, на границах Вестфалии, сгруппировались заводы другого промышленного города, разросшагося быстрее всех других: это Эссен. Эссенские заводы ежедневно потребляют около 2.500 тонн угля и переплавляют 1.800 тонн железной руды из собственных рудников. Простое местечко с аббатством, с домами, скромно обступившими готическую церковь, Эссен, в промежуток полустолетия, стал в ряд больших городов Пруссии и год от году разростается, подобно своим соседям Альтенэссену, Альтендорфу и Босбеку, некогда маленькой деревушке.

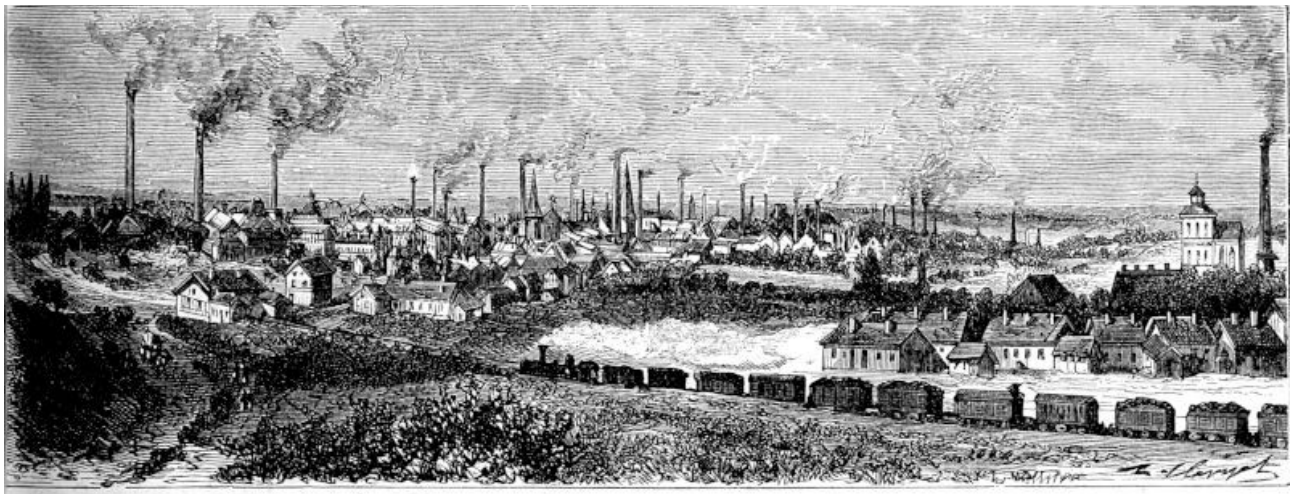
Главные города прирейнской Пруссии, с числом жителей по переписи 1890 г., в тысячах (в скобках показаны цифры населения по исчислению в 1895 г.):

Кёльн с предместьями: Дейтц, Кальк, Эренфельд и др. 282 (320); Эльберфельд 126 (141); Бармен 116 (128); Аахен 103 (111); Буртшейд 13; Дюссельдорф 145 (172); Крефельд 105 (119); Эссен (1877 г. 58.000 жит.) 79 (91); Дуйсбург 59 (70); Саарбрюккен 14 (17); Санкт-Иоган 15 (16); Мальштадт-Бурбах 18 (22); Трир 36 (39); Мюнхен-Гладбах 50 (55); Кобленц 37 (34); Бонн 40 (43); Ремшейд 40 (46); Альтендорф (близ Эссена) 32 (38); Борбек (близ Эссена) 29 (32); Фирсен 22 (22); Везель 21 (21); Мюльгейм на Рейне 31 (37); Рейдт 27 (31); Нейсс 23 (25); Эшвейлер 18 (19); Обергаузен 25 (30); Мюльгейм на Руре 28 (31); Золинген 37 (41); Эйпен 15 (15); Дюрен 22 (24); Крейцнах 18 (20); Альтенэссен (близ Эссена) 18 (23); Мейдерих 20 (24); Нейнкирхен 23 (в 95 г.); Гарденберг 12; Штольберг 13; Дудвейлер 12; Мершейд 17 (18); Гохесшейд 13; Ронсдорф 12; Бенсберг 10; Лютрингаузен 10; Нейвид 11; Клеве 10; Рурорт 12 (в 95 г.); Раде-фор-дем Вальд 10 (в 95 г.); Вермельскирхен 12; Мергейм 11; Беек 13; Кроненберг 9; Эммерих 10; Оденкирхен 12: Фельберт 14 (17); Леннеп 10.

Эссенские заводы поставляют Германии и другим странам мира знаменитые крупповские пушки из литой стали, испытанные уже на стольких полях сражений (до 1894 г. ими было поставлено 34 различным государствам свыше 25.000 пушек); тем не менее, пушки, лафеты и ядра, на которые так велик спрос со стороны держав воюющих и тех, которые «желают мира, готовясь к войне», составляют лишь малую долю произведений громадного заводского города, соперничающего с Крезо. Эссенский завод занимает около 400 гектаров, из которых 75 под постройками; в его мастерских работает около 17.000 человек, а в принадлежащих к заводу железных и каменноугольных копях около 8.400; к их силе прибавляется сила ма-

шин, равная в сложности 33.000 силам паровых лошадей, 33 локомотива объезжают железную дорогу в 85 километров общей длины, и более 420 неподвижных паровых машин облегчают труд рабочих. Но в Эссене металлическое производство не поглощает всех сил этого города и окрестных мест, как в Крезо. В Эссене было отпечатано Вильдбергом последнее и лучшее издание Птоломея.

Каменноугольный бассейн Рура продолжается на восток, в Вестфалию, и здесь вызвал к жизни много промышленных городов; однако, Дортмунд, самый населенный город округа и даже всей Вестфалии, упоминается уже в хрониках начала 10-го века. Занимая выгодное для торговли положение на естественном пути, соединяющем долину Рейна с долинами Эльбы и Одера, к северу от горных масс средней Германии, Дортмунд давно принадлежал к Ганзейскому Союзу и стал одним из главных рынков рейнского бассейна: от этой эпохи в нем сохранились еще оборонительные башни и красивые церкви, одну из которых легенды связывают с именем Рено, одного из четырех сыновей Аймона. На земле железнодорожной станции стоит почтенный памятник этих древних времен: группа лип, в тени которых заседали члены Священного Судилища (Fehmgericht), с положенными пред ними на каменном столе обнаженным мечем и ивовой веревкой. Благодаря плодородию окрестной местности и



Эссенскіе заводы.

сходящимся здесь железным дорогам, Дортмунд еще до сих пор весьма значительный хлебный рынок; но своим действительным значением он обязан многочисленным заводам, каменноугольным копям и железным рудникам.

Добыча копей в округе Дортмунда в 1874 г.: 3.227.000 тонн угля, 89.500 тонн железа. Производство заводов в 1874 году: 280.000 тонн железа и стали. Рудокопов 20.050, фабричных рабочих 8.450. В 1875 году в Бохуме добыто 6.148.000 тонн угля.

С Дортмундом и Эссеном соперничает в деятельности рудокопной и промышленной город Бохум. Точно так же и другие города Вестфалии: Гезелькирхен, Шальке, Иккендорф, Ваттеншейд, Виттен, Гаттинген, Герне, Анненвуллен, Лангендреэр, суть города фабричные. Герде обрабатывает преимущественно сталь, приготовляя из неё блиндажи; в Гаспе есть мастерские для изделий из железа и латуни; Кирхгерде эксплоатирует угольные копи; более близкие к Эльберфельду и Бармену, большим центрам прядильного дела, Геген, Швельм, Лангерфельд, Гальвер, Ферде, Гевельсберг с обработкою металлов соединяют ткацкую промышленность; Изерлон, название которого означает по старо-германски «Железную Гору», добывает из многочисленных копей железо и цинк, а также известь, и рассылает по всей Германии; подобно соседним городам: Шверте, Альтену, Люденшейду и другим, Изерлон производит изделия из железа, меди, никкеля, бронзы и разных других сплавов. Подземные ходы, выкопанные под одним из кварталов города Изерлона, грозят опасностью его домам; некоторые обрушились; другие, во избежание несчастья, были разобраны; в некоторых местах грунт опустился на десяток метров.

Между тем, как промышленность порождает в южной Вестфалии новые города или об-

ращает деревни в города, Зест, некогда один из многолюднейших городов Германии, пришел в упадок; выгоды, доставляемые железными дорогами, едва-ли поднимут его на прежний уровень, и в настоящее время внутри обнесенного древними стенами города, большое пространство занимают сады и поля. В XV столетии Зест, говорят, имел 50.000 жителей, и его юридические «обычаи» так же, как и обычаи, действовавшие в Дортмунде, служили образцом сельским общинам северной Германии до восточных берегов Балтийского моря. Во времена, когда сообщения были еще трудны, горная и мануфактурная промышленность еще не усеяла городами долины гор, Зест был главным этапным пунктом: расположенный как-раз на половине дороги от Рейна к Везеру, на хлебородной горной равнине Гельвег, представляющей удобный спуск на север—в долину р. Липпе, на юг—в долину Рура, Зест был одним из городов Ганзейского Союза, наиболее благоприятствуемых природой, и в нем скоплялись большие богатства, о которых свидетельствуют его старинные церкви. Унна, между Зестом и Дортмундом, служил второстепенным торговым этапом; на той же плоской возвышенности расположен ряд менее значительных городов и местечек, возникших благодаря плодородию почвы и отсутствию препятствий, в роде болот или скал, затрудняющих основание населенных местностей.

Арнсберг, главный город Зауэрланда и южной Вестфалии,—тоже древний город; но, расположенный в высокой нагорной долине Рура, вдали от каменноугольных копей, он остался незначительным в сравнении с разроставшимися промышленными центрами местности, богатой каменным углем. На крайнем востоке, уже в бассейне Везера, стоит Марсберг, в котором предание помещает древний идол Ирминзула, низвергнутый Карлом Великим.

Главнейшие города Вестфалии, в бассейне Зига и Рура, с числом жителей по переписи 1890 г., в тысячах (в скобках показана цифра населения в 1895 г.):

Дортмунд 90 (100); Бохум 48 (54); Гаген 35 (41); Виттен 26 (29); Изерлон 22 (24); Зест 15 (15); Зиген 18 (20); Герде 16 (18); Гельзенкирхен 28 (35); Люденшейд 19 (23); Швельм 14.

Глава IV Швабская Юра и долина Неккара

Вюртемберг, Гогенцоллерн

Бассейн Неккара, хотя и данник рейнского, составляет, однако, в верхней своей части обособленную область, ограниченную на западе тем возвышением почвы, главными массивами которого являются Шварцвальд и Оденвальд. Образование в этом бассейне отдельного государства есть, следовательно, факт географического порядка. Возвышавшийся в центре теперешнего королевства замок Виртинеберг, над местностью, на которой в настоящее время построены города Канштадт и Штутгарт, указывает начальную точку, около которой постепенно образовалось политическое государство Вюртемберг. Население сгруппировалось в этой стране как вследствие расположения почвы, так и по удобству с окрестными местностями. Контуры Вюртемберга, в том виде, в каком их установили завоевания и трактаты, обмен и подел, во многих местах очень странны; так, верхняя долина Дуная и берега Констанцского озера, часть которого принадлежит Вюртембергу, находятся в области, отдельной от долины Неккара; да и различные анклавы Бадена и Гогенцоллернской территории, врезавшиеся в пределы Вюртемберга, не оправдываются никаким географическим основанием; но, в целом, Вюртемберг все-таки образует отдельный мир, имеющий собственный центр и независимую жизнь. В этом можно убедиться сравнительными картами густоты населения: бассейн Неккара отчетливо выступает особым центром притяжения, имея лишь второстепенные отношения к Бадену, Баварии и Швейцарии. Маленькое Вюртембергское королевство, наи-

менее значительное из сохранивших в Германской империи самостоятельное существование, следует непосредственно после Саксонии по числу жителей, промышленности и торговле, относительно величины занимаемого им пространства.

	Пространство	Население по переписи 1890 г.	Число жителей на километр
Вюртемберг	19.504	2.036.522	104
Гогенцоллерн	1.142	66.085	58

На западе естественную границу области Неккара составляют хребты Шварцвальда и пороги, разделяющие реки обоих склонов. На юге ось цепи Шварцвальда пересекается под острым углом с осью Юры; но, вместо того, чтобы подниматься массивами двойной высоты в точке пересечения обеих систем, горы в этом месте, напротив, опускаются, подобно интерферирующим волнам: в этом именно месте и открываются широкия ущелья, соединяющие Неккар с Дунаем, а последний с Рейном и Констанцским озером; благодаря этому широкому пространству, политическое могущество Вюртемберга могло перейти далеко за пределы области Неккара и распространиться к югу до берегов Боденского озера.

Пояс юрских горных пород, очень узкий там, где через него протекают Аар и Рейн, оба направляющиеся на запад, постепенно расширяется с удалением от Шварцвальда. К северу от Дуная и от плоской возвышенности Баара, Швабская Юра, уже ограничиваемая со стороны запада нарождающимся Неккаром, вздымает свои самые высокие вершины, из которых иные переходят за 1.000 метров, и с которых можно окинуть взглядом занимающий половину горизонта громадный амфитеатр Альп и Шварцвальда: с одной вершины, чрез противолежащее ущелье Шварцвальда, можно видеть на западе даже цепь Вогезов.

Высота горных гребней и куполов, по которым железная дорога от Штуттгарта к Дунаю проходит на высоте 916 метров, к северо-западу постепенно понижается. Германская Юра сильно отличается от Юры швейцарской и французской не формациями, а общим видом. Тогда как собственно Юра состоит из параллельных цепей, представляющих наибольшие высоты на юго-востоке и полого опускающихся к северо-западу, германская Юра имеет вид довольно ровной плоской возвышенности, круто обрывающейся к бассейну Неккара, с высоты 300 метров, и лишь постепенно понижающейся к Дунаю; только несколько утесов круто обрываются над этой рекой или над её притоками. Высшие хребты, состоящие из белой юрской породы, покрыты камнями, между которыми растет скудная трава; из редких углублений поверхности бьют ключи; суровый климат высот препятствует возделыванию растений, свойственных более низким местностям, даже и там, где почва достаточно влажна для их питания; при том, и свободно разгуливающий по Юре холодный ветер замедляет произрастание. Поэтому-то жители швабской плоской возвышенности дали Юре, в числе других имен, прозвище Рауэ-Альп (Rauhe-Alp, Суровая гора). Но с края крутых склонов, спускающихся на западе в долину Неккара, путник видит под собою зеленые долины, орошаемые живыми водами, вытекающими в виде сильных ключей из отверстий в скалах, и усеянные фермами и деревнями, в весеннее время облитыми белым и розовым цветом яблонь и других плодовых дерев. В некоторых местах пласты были разрезаны на амфитеатры большими размывами; известковые мысы, связанные с плоскою возвышенностью тонкими остями, выдвинулись далеко в равнину, подобные белым пирамидам, обвитым по основанию гирляндами зелени; от Кирхгейма до Рейтлингена, разрезы и выступы Юры напоминают горы Лонде-Сонье, Полиньи, Арбуа. Кроме того, сквозь западные пласты там и сям пробились базальтовые и фонолитовые конусы, общая ось которых идет от юго-запада к северо-востоку, подобно направлению швабской Юры, и из расселин при их основании бьют серные ключи, без сомнения, вулканического происхождения. На этих-то крутых скалах древние феодалы строили свои многочисленные укрепленные замки. Один из этих утесов есть знаменитый Гогенцоллерн, высокая крепость которого, недавно возобновленная в блестящем виде, принадлежит германскому императорскому дому; другой, гораздо севернее, при начале цепи Шурвальда, на которой некогда стоял замок Виртинеберг, есть известный Гогенштауфен, также бывший некогда родовым владением знаменитейшего рода германских императоров; но род

этот вымер, и его замок представляет лишь бесформенные развалины.

Походя на французскую и швейцарскую Юру геологическим строением и внезапным появлением вод,—швабская Юра сходна с этими хребтами еще своими многочисленными пещерами, которые произведены древними подземными потоками, а в настоящее время частью завалены известковыми окаменелостями, под которыми были найдены кости пещерного медведя и других исчезнувших животных. Швабская Юра отличается еще своими замечательными ущельями (клюзами), прорезающими ее насквозь и делящими цепь на отдельные отрывки. Так, один из притоков Дуная, Бригах, резко ограничивает на юге всю плоскую возвышенность Баара, южную массу Суровых Альп. К северу от Ульма р. Фильз, впадающая в Неккар, течет по дну другого ущелья, отделяющего Суровыя Альпы от плоской возвышенности Альбух; далее, третья клюза служит общею границею Альбуху и Гертфельду; наконец, баварская речка Верниц составляет границу между Юрой швабской и Юрой франконской. Все эти бреши облегчали некогда армиям переход через Юру, а в наше время способствуют проведению железных дорог. Юрские горы Швабии похожи на швейцарские еще обилием ископаемых животных остатков и даже содержат их еще большее количество. Так, Болль, на юго-восток от Штутгарта, славится в геологии открытыми в нем скелетами больших пресмыкающихся миасового периода. Штейнгейм между Альбухом и Гертфельдом, еще более известен своим обширным цирком между скалами, огромным «атоллом» миоценового периода, подобным атоллам, созидаемым зоофитами Южного океана, а также славится своим центральным холмом Клостерберг, в котором встречается 19 разновидностей раковины planorbis, со всей серией промежуточных форм. Клостерберг есть одно из важнейших боевых полей для геологов[1]. Слои черного мергеля этой области заключают огромное количество минерального масла, происшедшего, по всей вероятности, из жира трупов животных, в смешении с минеральными веществами[2]. Близ Рейтлингена масло это добывается в большом количестве, служа прекрасным осветительным материалом. По исчислению геолога Квенштедта, кубический километр смолистого сланца, добытого у подошвы швабских Альп, содержит около 200.000 тонн масла, происшедшего от разложения мелких морских животных.

Различные высоты швабской Юры: Шафгаузенский порог на Рейне 390 метр., Гоге-Ранден 922 метра, Обергогенберг 1.012 м,, средняя высота Рауэ-Альпа 900 мет., Гогенцоллерн 855 метр., Виртинеберг 450 метр., Гогенштауфен 683 метра, средняя высота Альбуха 650-750 метр., Шафгальде (Гертфельд) 686 метр., порог на Вернице 450 метров.

Часть Вюртемберга, лежащая к югу от Рауэ-Альп, вся находится в бассейнах Дуная и верхнего Рейна; в географическом отношении она есть не что иное, как отрывок плоской возвышенности нагорной Баварии. На северном же склоне швабской Юры, все воды Вюртемберга, за исключением Кинцига, Мурга и Туабера, текут к Рейну долиною Неккара. Вся местность понижается, подобно этой реке, с юга к северу, и ровные пространства, отделяющие Вюртемберг от долины Майна, позволили королевству распространиться в этом направлении; только на северо-западе Рейн и Неккар разделяются высоким массивом Оденвальда. Неккар вытекает с западной части плоской возвышенности Баара, из болотистой низины, вода которой сочится на запад в направлении к притоку Дуная, Бригаху. Исток находится приблизительно на высоте 700 метр.; но ручей бежит быстро и, соединившись с другими речками со Шварцвальда и швабской Юры, скоро обращается в большой поток; он становится судоходным, благодаря помощи искусства, лишь далеко в равнине, вниз от Канштадта. В большей части своего течения Неккар заключен в высокие берега, и его прибрежные деревни стоят на значительной высоте над средним уровнем его ложа, иногда на 160 метр.; но эти ущелья перемежаются с широкими бассейнами, которые окружены покатыми холмами, разделенными красиво извивающеюся рекою; на скалах заметны следы прежних излу-

1 Hilgendorf, „Planorbis multiformis im Stenheimer Susswasser Kalk“. ein Beispiel von Gestaltveranderung im Laufe der Zeit; Sandberger, „Die Steinheimer Planorbiden“; Moritz Wagner, „Allgemeine Zeitung“, 18 Sept. 1877.

2 Quenstendt, „Jura"; Oswald Heer, „Le monde primitif de la Suisse“, trad. par J. Demole, page 126.

чин реки, вырытых в эпоху, когда уровень воды стоял выше. Много разнообразных и живописных видов чередуются в долинах притоков Неккара: с одной стороны—Энца, с другой—Фильза, Ремза и двух рек-сестер, Кохера и Ягста, в их замечательно параллельном течении; везде страна имеет живописный вид, придаваемый ей обильными извилистыми водами, мягкими ондуляциями почвы, составляющими приятный контраст с более крутыми скатами и даже со скалами. В целом бассейн Неккара очень походит на равнину Швейцарии, хотя на нем не видно ни озер, ни горизонта высоких гор. Климат и растительность тут и там почти одинаковы, потому что хотя северный Вюртемберг ниже гельветической равнины, но зато он, в среднем, на два градуса ближе к полюсу, что уравновешивает условия.

Средняя температура Штуттгарта и Базеля:

	Высота	Широта	Темпер. лета	Темпер. января	Темп. года
Базель	284	48°47'	18°,53	-0,41	9,68 (приведенная к уровню моря 11,85)
Штуттгарт	265	47°34	18°,89	+0,71	10,19 (приведенная к уровню моря 11,45)

Подобно Швейцарии, орошаемой Нижним Ааром, равнины Неккара изобилуют хлебами и плодовыми деревьями. Даже виноград, с появления своего на берегах Неккара в Тюбингене, сопровождает реку во всем её нижнем течении до выхода из Вюртемберга.

Средняя высота Вюртемберга 420 метров; падение Неккара при истоке 698 метров; падение его у Тюбингена 317 метров; падение у Канштадта 214 метров; на границах Вюртемберга и Бадена 145 метров.

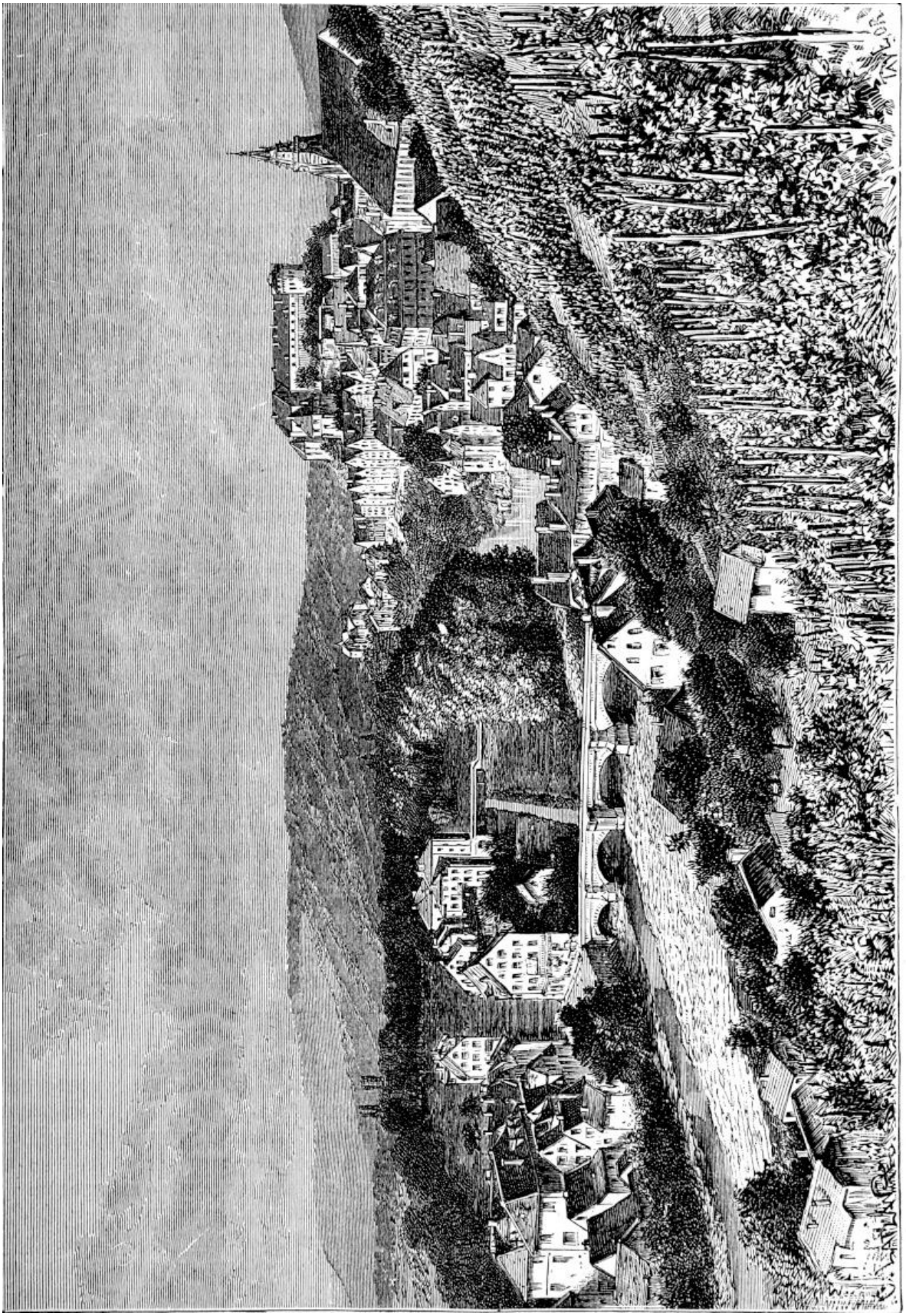
Сельские местности Вюртемберга, наиболее населенные и наилучше обработанные во всей Германии, те местности, где теперь находятся Штутгарт и Канштадт, были некогда любимым местопребыванием мамонта и косматого носорога; тамошние туфы содержат кости этих животных, перемешанные с останками лошади, быка, гиены и одного вида тигров[1]. В пещерах швабской Юры были находимы в большом числе кости северного оленя, рядом с предметами, принадлежащими к веку полированного камня, из чего ученые заключили, что северный олень мог водиться гораздо дольше в лесах Германии, чем в Галлии. Думают, что в стада, состоявшие некогда из северных оленей, постепенно входили быки, и что замена животных произошла постепенно[2].

Как бы то ни было, многочисленные изыскания доказали древнее пребывание человека в этой местности: еще до начала писаной истории, на равнинах и горах теперешнего Вюртемберга жили народы, о происхождении и смешении которых ученые спорят и доныне: думают, что название замка, ставшее названием всей страны, есть лишь германизированное галльское имя Virodunum, французское Verdun. Обыкновенно допускают, хотя без положительных доказательств, что население Вюртемберга почти сплошь состоит из потомства древних свевов. Если бы это было так, то можно бы было ожидать найти в жителях страны большую чистоту расы, постоянные признаки в строении тела, в формах лица и черепа. Но этого отнюдь нет. Раскопки могил, повидимому, доказывают, что не больше трети швабов Вюртемберга представляет тип, приписываемый свевам, людям белокурым и с длинною головою; преобладающее же большинство жителей, особенно Шварцвальда и южной части страны отличаются черными волосами и короткой головою, так что, как говорит Фраас, их скорее можно считать за потомков лигурийцев. Швабы сохранили чистым первичный тип только на высоких равнинах Рауэ-Альпа; там почти у всех детей волоса цвета пакли и глаза фаянсово-голубые. Это потому, что из всех местностей Швабии ни одна не была более пощажена нашествиями; суровые каменистые горы, без городов и с весьма редкими деревнями, не соблазняли завоевателей, и местное население, живя всегда мирно, по древним обычаям, сохранило наследственный тип. Там же сохранились и древние германские суеверия, даже при христианских обрядах; над каждою дверью в конюшне прибита лошадиная подкова,

1 Oswald Heer, „Le monde primitif de la Suisse“.

2 Oscar Fraas, „Archiv fur Antropologie“, t. V, p. 173.

долженствующая охранять животных, и в день Вознесения жители не забывают сплести венок из иммортелей, оберегающий дом от грома. Однако, периодические выселения бедных жителей плато имеют следствием быстрое изменение нравов. Подобно савоярам и овернцам,



Тюбингенъ.

жители «Суровой Горы» выселяются в большом числе, одни без надежды на возврат, другие — на время, ища заработка на стороне, в качестве разносчиков, коробейников, продавцев семян и цветов. Недалеко от Рейтлингена, при подошве крутых Альп, лежит деревня Энинген;

её выходцы, большею частью коробейники, возвращаются домой на Рождество, на происходящую тогда в Энингене ярмарку (Ehninger Congress). Обогащаемые торговлей, они сделали из своего родного селения «самую красивую деревню Вюртемберга».

Фраас пытался подвести жителей Вюртемберга под пять категорий, по природе почвы, на которой они обитают; он делит их на следующие группы: 1) швабов гранита и триасовых песчаников Шварцвальда; 2) швабов раковистого известняка нижних долин; 3) швабов радужного мергеля, еще ниже, на севере Вюртемберга; 4) швабов юрских формаций Рауэ-Альпа и, наконец, 5) швабов переносной почвы, за Дунаем. Так как разница в горных породах проявляется на различных высотах, то действительно почва и климат приведенных местностей различны, и сообразно тому видоизменяются род культуры и нравы жителей. Заметна большая разница между лесными жителями Шварцвальда, обитающими в хижинах из толстых дубовых досок, и жителями долин, возделывающими пшеницу и виноград и всякий вечер возвращающимися с поля в более удобные дома деревень. Тем не менее, подобная группировка населения по геологическим формациям не представляет, очевидно, ничего точного, особенно в применении к округу столицы и к густо населенным и промышленным местностям севера; здесь слишком много исторических событий разнообразно влияло на состав населения, чтобы можно было увлекаться мыслью характеризовать его по природе почвы или подпочвы. Конечно, почва радужного мергеля, особенно красного, дает наилучшие продукты в скоте, плодах и винах; но не следует ли видеть в этом превосходстве нижней Швабии действие климата, более мягкого, и большого числа племен, смешавшихся на этом театре вторжений и завоеваний? Во всяком случае в высшей степени интересен тот факт истории человечества, что средняя область Вюртемберга, при её небольшом протяжении, произвела таких великих людей в мире идей, как Кеплер, Шиллер, Шеллинг, Гегель, Баур, Фейербах. Многие местности Вюртемберга, особенно на севере, в окрестностях Гейльбронна, богатого легендами, известны по склонности местного населения к мистицизму. Нигде чаще не являются привидения, нигде рассказы о выходцах с того света не находят столько верующих слушателей, даже между людьми образованными[1]. Здесь долго сохранялась вера в магию, и известно, что Кеплеру, который был сам большим мистиком, лишь с большим трудом удалось спасти от сожжения свою мать, обвиненную в колдовстве. Ни в одной стране Германии новые религии не находят так легко последователей, как в Вюртемберге.

Столица и самый большой город Вюртемберга, Штутгарт, хотя стоит не на берегу Неккара, но тем не менее занимает очень счастливое географическое положение, так как находится близ естественного центра страны, где сходятся главные дороги, спускающиеся с гор; недалеко оттуда Неккар становится судоходным, и естественный путь от Дуная к Рейну по Неккару достигает этой реки, почти на полдороге между двумя главными реками. Кроме того, окружающая Штутгарт страна представляет изумительные природные богатства и вполне заслуживает название «рай» земной, которое ей дали её обитатели. Конечно, столица Вюртемберга была бы помещена еще лучше, если бы находилась в Канштадте, на правом берегу Неккара; но бывший конский завод (Stuttgarten), где каприз государя основал резиденцию, находится так близко от Канштадта, что эти два города, выдвигая свои предместья навстречу один другому, живут теперь одною жизнью; хотя они еще не слились в один город, их можно, однако, рассматривать как две половины одного целого; деревня Берг, на левом берегу Неккара, почти супротив Канштадта, уже принадлежат к городской общине Штуттгарта. Два соседние города особенно быстро разрослись в период жизни последнего поколения. Столетие тому назад, в Штутгарте было только 20.000 жителей. С 1867 года по 1880 г. население увеличилось более чем на четверть; в Германии мало найдется городов, рост которых был бы столь же значителен.

Старинный город, с его неправильными улицами, все еще занимает центр столицы, но составляет уже лишь очень малую часть её. Башни его ограды были разрушены, а рвы зава-

1 Justinus Kerner, „Die Seherin von Provorst".

лены и обращены в широкия улицы, из которых одна, Konigsstrasse (Королевская)—самая блестящая и самая оживленная. Во всех частях города находятся весьма красивые здания, и между украшающими площади и сады статуями есть превосходные: одна из них—статуя Шиллера, изваянная Торвальдсеном. Штуттгарт, хотя не университетский город, имеет, однако, высшие учебные заведения и различные богатые коллекции. Библиотека его содержит 500.000 томов, а также много медалей и рукописей; естественно-исторический кабинет особенно замечателен множеством ископаемых, найденных в горах Рауэ-Альп и в других местах; художественный музей, кроме многих драгоценных картин, содержит также специальное собрание моделей и лепных работ Торвальдсена. Штуттгарт занимает одно из первых мест между городами Германии по количеству выходящих в свет книг вообще и лучших изданий в частности. Музыка также в большой чести в столице Вюртемберга, обилующей фортепианными фабриками. Музыкальная консерватория насчитывает многие сотни учащихся.

Продолжение Штуттгарта, по направлению к Канштадту, составляют дворцовые сады,-правда, небольшие и окруженные домами, казармами и другими зданиями. И в Канштадте, предместье Штуттгарта, находятся красивые дворцы и виллы, богатые произведениями искусств. Предместье это особенно славится своими соляными и железными источниками, которых вблизи города и в окрестностях насчитывается до сорока, и которые в летнее время привлекают тысячи посетителей. Канштадт пользуется большою известностью как место лечения; в нем много терапевтических заведений, и значительная часть его населения состоит из больных и слабых здоровьем приезжих. Стоящий в северной части равнины Штуттгардта, созданный совершенно искусственно, Людвигсбург, при излучине Дуная, может быть назван Версалем королевства; он присоединен к дворцу, и его пересекающиеся под прямым углом улицы все либо тянутся параллельно дворцовому парку, либо сходятся к нему; резервуар, питающий Штуттгарт, помещен в кургане, где Фраас нашел несколько предметов греческого и этрусского стиля. Людвигсбург—родина Штрауса, автора сочинения «Das Leben Jesu». В настоящее время главное значение Людвигсбурга заключается в его военных заведениях: это плацдарм королевства. К югу от Штуттгарта находится земледельческая школа в Гогенгейме,—может быть, лучшая в Германии.

Верхним своим течением Неккар омывает стены нескольких значительных городов. В точке соприкосновения нагорных долин, где собираются первые воды этой реки, стоит теперь Ротвейль, с своими соловарнями и фабриками, сохранивший, однако, свой древний вид и окруженный еще средне-вековыми стенами и башнями. Хотя расположенный на северном склоне швабской Юры, в пятидесяти километрах к северу от теперешней Швейцарии, Ротвейль, некогда один из главных городов швабской лиги, был, однако, в течение двух веков, до Тридцатилетней войны, союзников конфедерации гельветических кантонов. На Неккаре же, к северу от Гогенцоллерна, стоят Горб, близ которого родился Ауэрбах, и живописный Роттенбург; но замечательнейшим городом на верховьях Неккара следует признать Тюбинген, построенный на крутых скатах, при впадении притока Штейнлах, берущего начало повыше Гехингена, второго местечка на гогенцоллернской территории. Тюбинген, славящийся своим университетом, основан в 1477 году и обязан всем своим значением этому высшему учебному заведению, обладающему прекраснейшими вспомогательными заведениями, госпиталями, приютами, анатомическими залами, различными коллекциями, библиотекою, обсерваториею и даже занимающему часть королевского дворца, в которой помещена химическая лаборатория университета. Наибольшую известность придал Тюбингену его богословский факультет. Между студентами много уроженцев северной Германии, привлекаемых столько же прелестью местности, сколько и репутациею профессоров. В окрестностях Тюбингена находятся солеварни и железистые источники, а на вершинах ближайших холмов высятся живописные развалины, тогда как дальше Шварцвальд и Юра манят на интересные прогулки. В числе знаменитых людей, получивших свое образование в Тюбингском университете, называют Кеплера, Гегеля, Шеллинга, Уланда, который родился и умер в Тюбингене.

В Тюбингенском университете было в 1895 году 80 профессоров и 1.260 студентов. Библиотека университета содержала 300.000 томов книг, 2.000 рукописей, 60.000 диссертаций.

Хотя Рейтлинген стоит не на Неккаре, однако все торговое движение нагорной долины идет через этот город, стоящий у подошвы Ахальма и в XII веке представлявший лишь деревню, бывшую в крепостной зависимости у владетеля нагорного замка, от которого жители, размножившись и разбогатев промышленностью, съумели освободиться. Нынешний город, далеко распространивший свои широкия улицы за прежнюю ограду, приобрел значение различными производствами, особенно кожевенным, сапожным и типографском. Рейтлингенская готическая церковь XIII и XIV века считается одною из красивейших в Вюртемберге.

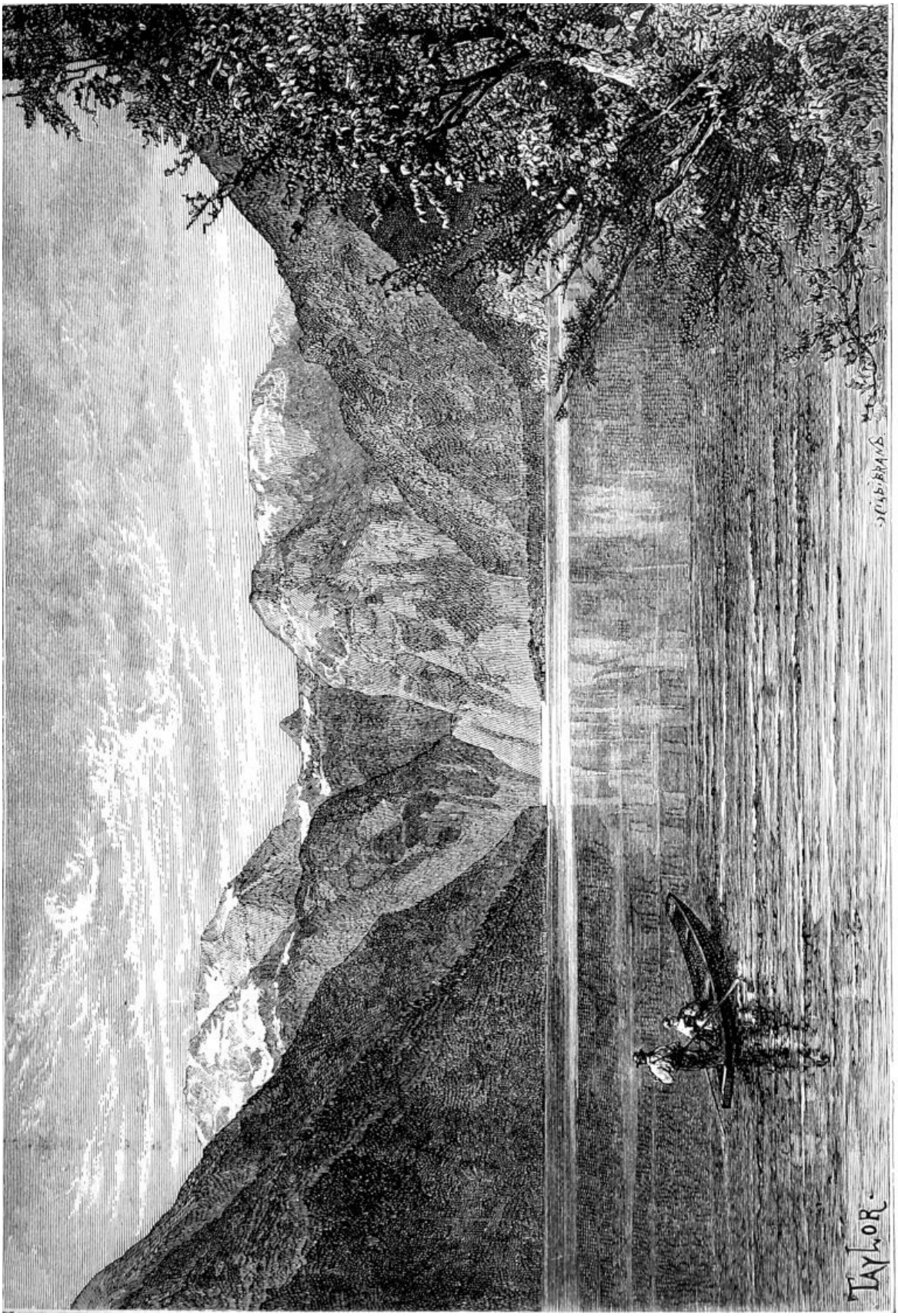
К северу от Рейтлингена, в долине Неккара, стоят Метцинген и Нюртинген, тогда как в побочных долинах, у подошвы швабских Альп, замечательны Кирхгейм, с высокими развалинами замка Текк, и Геппинген, известный в промышленном мире, также как и его сосед Гейслинген, своими кожевенными заводами и ткацкими фабриками. Стоящий на Неккаре и все еще окруженный древними стенами Эсслинген уже ощущает на себе влияние соседства Штуттгарта, проявляющееся деятельностью его фабрик, машинно-строительных мастерских и металлургических заводов. Окрестные холмы покрыты виноградниками, произведения которых идут на приготовление «Эсслингенского шампанскаго», плохого, как и все подобного рода подделки. Хмельники и плодовые сады составляют богатство этой страны, за исключением округов с преобладанием крупного землевладения.

Долина Ремса, соединяющаяся с долиною Неккара почти против Людвигсбурга, есть одна из богатейших в Вюртемберге и заключает в себе много городов, следующих один за другим на пути внутрь швабской Юры. Стоящий при входе в долину Вайблинген далеко не важнейший между ними, но имя его, в итальянской форме Ghibellieno, или Гибелин, долго раздавалось во время войн Италии и Германии, в которых императоры из дома Гогенштауфенов, называемые также Вайблингерами, заставили пролить столько крови. В настоящее время наиболее многолюдным городом долины является Гмюнд, рабочие которого, подобно пфорцгеймским, занимаются выделкою драгоценностей, настоящих и имитаций. Вверх по долине, до Юры, идет железная дорога до города Аален, который, со своими металлургическими заводами, стоит на перекрестке нескольких важных дорог.

Ниже слияния Неккара и Ремса, излучистый Неккар проходит через деревню Марбах, место рождения Шиллера, дом которого, купленный на деньги, собранные по национальной подписке, обращен, на память о поэте, в музей. Еще ниже впадает в Неккар р. Мурр, в долине которой главный город старый Бакнанг; затем следует Безинггейм, признаваемый за город римского происхождения и построенный на месте впадения в Неккар его притока Энца, питаемого снегами и ключами Шварцвальда. В главной долине этого бассейна стоит Вильдбад, с много-посещаемыми теплыми ключами, между тем как в побочных долинах находятся Леонберг, родина Шеллинга, и Вейльдерштадт, месторождение Кеплера. На горной вершине раздела вод Неккера и Рейна, к северу от Пфорцгейма, стоит местечко Маульбронн, знаменитое своим аббатством, красивейшим религиозным памятником Вюртемберга. По близости разбросано несколько колоний французских протестантов, выселившихся с юга Франции в 1698 и 1699 годах; это население сохранило свой южный тип,, но почти совершенно утратило родную речь.

При Лауфене, названном так по порогам Неккара, обходимым в настоящее время судоходным каналом, река вступает в равнину, на которой расположены дома и фабрики Гейльбронна, главного города северного Вюртемберга. Этот старый город, обязанный своим именем «Ключу Спасения», вытекающему из-под алтаря средневековой церкви, в наше время отличается деятельною промышленностью и составляет центр весьма распространенной торговли, обладая свеклосахарными заводами, бумажными фабриками и мастерскими металлических и ювелирных изделий. Подобно Эсслингеру, Гейльбронн отправляет в окрестные страны большое количество «шампанскаго», производимого из винограда собственного

или соседних городов, из которых один, весьма живописный, называется Вейнсбергом (Гора вина). В то же время Гейльбронн—«город цветов», весьма богатый деревьями, кустами и другими растениями, разведенными на местах древних укреплений. Произведения этих са-



Кёигзее у Берхтесгадена.

дов и питомников Гейльбронн отправляет в другие страны. Гейльбронн—родина Майера, знаменитого ученого, установившего принцип сохранения энергии и вычислившего механический эквивалент тепла. В окрестностях встречаются значительные каменоломни и соле-

варни; но значительнейшие и наилучшие эксплоатируемые в Вюртемберге источники соли находятся в Галле, в долине р. Кохер, к востоку от Гейльбронна; эти соленые воды происходят из пластов каменной соли, в которых вырублены галлереи и залы, подобные существующим в копях Велички.

Вне бассейна Неккара вюртембергский склон Рейна заключает лишь один город: Фрейденштадт, в Шварцвальде, при выходе из нагорной долины, впадающей в долину р. Мург, у подошвы предгорья Книбиса. Нет города более правильной постройки: дома его расположены вокруг большой площади, как массивы цветника вокруг лужайки. Фрейденштадт основан в конце XVI века протестантскими выходцами из австрийских Альп и Моравии. Немного севернее находится деревня Байерсбронн, с большим населением, чем окружной город. К северо-востоку, в бассейне р. Таубер, притоке Майна, стоит Мергенштейн, памятник былой славы Тевтонского ордена, кончившего свое существование в 1809 году, когда Наполеон лишил орден его владений.

Главные городские общины рейнского склона Вюртемберга, с числом жителей по переписи 1890 г, в тысячах (в скобках показана цифра населения по исчислению в 1895 году): Штуттгарт—140 (136); Канштадт—20(22); Гейльбронн—30 (32); Эсслинген—22 (23); Рейтлингер—19 (20); Лудвигсбург—17 (19); Гмюнд—17 (18); Тюбинген—13; Геппинген—14 (16); Галль—9; Роттенбург—7; Кирхгейм под Текком—7; Аален—7; Бакнанг—7; Роттвейль—7; Байерсбронн—6; Фрейденштадт—6; Нюртинген—6; Метцинген—5.

Глава V Верхний Дунай и Майн

Бавария, придунайский Вюртемберг

Из всех государств Германии, Бавария, без рейнского Пфальца, представляет границы, наиболее сообразные с начертанными природою. В своем общем очертании—это большой бассейн четыреугольной формы, расположенный между хребтами Альгауских известковых Альп, Тиролем, Зальцбургом, богемской Шумавой, горами Тюрингии и Юрою Швабии и Франконии. Воды, орошающие этот бассейн, окруженный гористыми странами, принадлежат, правда, противоположным скатам Дуная и Рейна; но между реками, текущими в противуположные моря, сообщение везде легко: никакое естественное препятствие не мешало населению страны, ставшей Баварией, переходить с одного края её на другой. Географическое единство значительно подготовило единство политическое: после войн, расчленений и разделов, сила сцепления разделенных элементов вновь сближала их и организовала в одно государство. В объединенной Германии баварский народ более других сохранил свой особый патриотизм. Нравы, обычаи, политические и религиозные предания долго удерживали этот народ в некотором уединении от остальной Германии, и Бавария все еще представляет главный центр сопротивления новому порядку вещей. Кучка людей некогда стремилась сделать Баварское государство третьей державою Германии и сгруппировать около него большое число второстепенных княжеств. Эта мечта о «триединой» Германии уже оставлена: теперь Бавария не более, как провинция Германской империи,—но одна из тех, которые будут всегда пользоваться наибольшим значением, благодаря географическим выгодам территории и густому населению.

	Пространство	Население в дек. 1890 г.	Жителей на километр.
Бавария (с Пфальцем)	75.865	5.594.982	74

На Венском конгрессе Австрия позаботилась не оставить Баварии ни одной внутренней долины Альп, ни одного стратегического прохода через великий хребет; даже источники рек, впадающих в баварский Дунай, не принадлежат политически к орошаемой ими стране. Не

довольствуясь всею верхнею долиною р. Инна и Форарльбергом до Констанцского озера, Австрия, кроме того, захватила верхние скаты р. Леха и р. Изара, и её территория простирается во многих местах до соседства с равниною; она заключает в себе целиком, от Фюсена до Инсбрука, ущелье Ферна, составлявшее некогда путь из Аугсбурга в Италию. Впрочем, некоторые из принадлежащих Баварии горных выступов составляют часть большого хребта известковых Альп. Некоторые вершины переходят за высоту 2.500 метров, за пределы вечных снегов; на них видны уже настоящие ледники, лавины, «моря камней», водопады, озера, различные поясы растительности, от лесов у подошвы до пастбищ на вершинах: с уединенного конуса «Высокой Пейсенберг», возвышающагося среди равнины, виден во всем его величии этот великолепный горизонт вершин. Одна из центральных гор этой области, именно Цугшпитце, круто вздымающаяся к западу от каменного вала Веттерштейна, есть самая высшая точка политической территории нынешней Германии.

Некоторые баварские долины принадлежат к наиболее известным местам Альп, благодаря своим лесам, водопадам и озерным бассейнам. Знаменитый королевский замок Гогеншвангау, к востоку от города Фюсена, господствует над обширной местностью морен, ныне засаженных лесом, между которыми рассеяны многочисленные озера и аллювиальные бассейны, орошаемые многочисленными разветвлениями р. Леха. У подошвы высот Веттерштейна лежит прелестная долина Партенкирхен; недалеко оттуда, близ берегов р. Изара, значительную горную котловину занимает озеро Вальхензее, которое, по преданию, должно когда-нибудь излиться на равнину и затопить ее. Далее, на восток, при выходе на равнину, лежит озеро Тегернзее, окруженное замками и виллами; озеро Кенигзее, находящееся уже среди Альп, в углу баварской территории, к югу от Зальцбурга, почитается красивейшим из всех озер Германии. Залегая на 2.000 метров ниже вершин Вацмана, отражающихся в его изумрудных водах, и гораздо ниже области голых скал, снегов и диких нагорных площадей, озеро это кажется каким-то волшебным миром; с береговых утесов там и сям в него ниспадают каскады, блистающие сквозь листву деревьев; местами лес спускается к самой воде; на склонах и берегах группируются виллы; живописный замок св. Варфоломея выдвинулся далеко в озеро, по которому снуют лодки, вздымая перекрещивающиеся волны, сверкающие серебром на темной поверхности вод.

Изливающийся из этого очаровательного озера поток бежит, пенясь, к речке Зальцах, орошая на пути Берхтесгаденскую долину. Во всех баварских Альпах нет более красивого бассейна, чем это место салин и минеральных вод, над которым вздымаются высокие крутизны Унтерсберга; но, по печальному контрасту, нигде человек не представляет черт лица более поблекших, вида более страдальческого. Тяготевшее над местными жителями господство монахов было столь тяжко, что окрестные горцы не решались выдавать своих дочерей замуж за бедных рабов. Поэтому в течение нескольких веков молодые люди Берхтесгадена вступали в брак исключительно между собою, отчего худосочие, причиняемое нищетою, должно было еще усиливаться. Вырождению племени содействовал и главный промысел жителей, именно: резьба статуэток и куколок из дерева, которым население занимается в течение долгих рабочих дней в горячем и сыром воздухе, насыщенном вредными испарениями. В округе Берхтесгадене один зобатый приходится на 14 человек, один кретин на 150.

Непосредственно к северу от Дуная, между городами Регенсбургом и Нассау, вздымаются холмы и горы, обрамляющие равнину с востока и служащие границею между Баварией и Богемией, и между двумя империями, Германиею и Австро-Венгриею. Первая цепь кристаллических скал, большею частью еще покрытая лесами, вздымается параллельно Дунаю широким хребтом в 900 метров высоты, над которым высятся куполы еще метров на 100 и 200. Эта цепь составляет как-бы первую ступень хребта Шумавы, от которого отделяется узкою долиною р. Регена, также совершенно параллельной оси хребта, ибо она направляется с юго-востока на северо-запад, по складке почвы, параллельной Дунаю, и затем круто поворачивает на юг, для впадения в Дунай при Регенсбурге. Низшую западную цепь обыкновенно называют «Баварским Лесом» (Bayerischer Wald), между тем как оба ската более высокого

хребта называются «Богемским Лесом» (Bohmer Wald). Но местное население привыкло называть горы по имени страны, в которой они находятся: для него весь баварский склон есть «Bayerisher Wald»; здесь высятся главные вершины этой системы, Арберх и Рахель. Известно, какие препятствия эта страна гор, ущелий, лесов противопоставляла некогда свободным сообщениям народов. Торговцам и солдатам служило воротами ущелье между городами Черковом и Озером, оберегаемое со стороны Богемии городом Домажлице (Таус), а в Баварии городом Фуртом. К северу от этого прохода горная цепь менее высока, легко доступна, и на баварской территории она не сопровождается второю цепью, которая увеличивала бы ширину хребта, только несколько невысоких отрогов выдвинулись в равнину.

На северо-востоке Баварии географическую и политическую границу территории образует горная масса Фихтельгебирге (Fichtelberge), состоящая из гранита и гнейса, местами прорезанного базальтом. Масса эта возвышается, средним числом, только на 200 или 300 метров над окрестными нагорными площадями, но, тем не менее, она представляла народам Германии большое препятствие к передвижению, по причине путаницы переплетающихся массивов, малочисленности городов, суровости климата и необработанности каменистой почвы высот. А между тем, именно возле этого массива, помещающагося на раздельной линии между северной и южной Германией, народы должны были искать наиболее удобного пути перехода из одной области в другую. Такия места перехода были наперед указаны спускающимися с Фихтельгебирге реками: притоком Рейна—Майном, притоком Дуная—Наабом, притоками Эльбы—Залою и Эльстером. Проход, самый удобный, которым теперь, как и прежде, идет главное торговое движение, находится в крайнем углу четыреугольника Богемии, между Рудными горами и Фихтельгебирге. В этом месте никакая река не соединяет Баварии с Саксониею; тем не менее, проход этот может быть рассматриваем как географическая дружка прохода между Нидервальдом и Бингеном: через эти два прохода, между северною и южною Германиею происходит постоянный обмен людьми и товарами.

Горы, служащие западным продолжением Фихтельгебирге, вздымают свои главные вершины вне политических пределов Баварии. Только одна горная группа стоит почти вся на баварской территории: это Спессарт со своею высшею вершиною Гейерсбергом. Эта масса соединяет Оденвальд, т.е. продолжение Шварцвальда, с горами, образующими, так сказать, грудобрюшную преграду Германии. Спессарт, который Майну приходится обтекать с востока, юга и запада, чтобы попасть в Рейн, представляет межевой столб королевства: на его высотах климат суров, деревни редки, состоят из нездоровых жилищ с нищенским населением. В местных буковых лесах и обширных дубовых рощах, лучших во всей Германии, водятся кабаны, козули и дикия кошки; по местным сказаниям, лесные прогалины скрывали некогда большое число разбойников. Спессарт, как и Бёмервальд, часто избирается романистами и авторами театральных произведений местом действия для разбойничьих сцен. Туристы посещают в этих горах источник «Зигфрида Рогатаго», поразвившего Дракона; там изменник Гаген умертвил героя Нибелунгов.

Между бассейнами Дуная и Майна, т.е. в средней части Баварии, раздельную возвышенность образуют не горы в собственном смысле, а широкия плоские возвышенности. Эти горные площади принадлежат к швабской Юре, и вне Вюртемберга, сначала направляются без уклонений от главной оси хребта на северо-восток, а затем, под именем франконской Юры, на север, к горам Тюрингии. Баварская Юра, шире и однообразнее вюртембергской, представляет меньшую высоту и не оканчивается на северо-западе обрывистыми пропастями и кручами, составляющими красоту Рауэ-Альпа, Но, подобно южной Юре, и баварская местами перерезана клюзами, по которым и текут реки, и где легко можно было проложить конные и железные дороги, соединяющие оба склона. Местами обширные кругообразные котловины, остатки древних атоллов, и бассейны, образовавшиеся вследствие обвала почвы от действия вулканических взрывов, разрывают окраину горной площади; так, равнина Риса, в центре которой стоит Нордлинген, окружена насильственно разрушенными скалами, и её

плодородная почва состоит из обломков огненного происхождения[1]. Общий характер цепи отражается и в баварской Юре её геологическою формациею и обилием окаменелостей. Один из верхних пластов этой Юры, в Золенгофене, близ Паппенгейма, дает знаменитые литографные камни, признаваемые лучшими в мире. К сожалению, виднеющиеся в зелени лесов и издали похожия на белый город ломки камня близки к истощению и дают хорошего камня все меньше и меньше. В среднем, Золенгофенские копи дают около 10.000 куб. метр, камня в год; стоимость добывания 5.000.000 фран.; рыночная ценность 50.000.000 франков.

Между ископаемыми, найденными в пластах Золенгофена, замечательны три экземпляра странного archaeopterix, полуптицы, полупресмыкающагося, животного переходного в ряду существ; наилучше сохранившийся экземпляр находится в берлинском музее. В массивах франконской Юры пещеры насчитываются сотнями, и большая часть их наполнена тонкою глиною, содержащею много остатков животных вымерших пород, особенно гиен и пещерных медведей, зачастую смешанных с костями человеческими. Особенно замечательна в геологическом отношении пещера Гайленрейтская. Тысячи других еще не исследованы и скрывают сокровища для науки. Пещеры эти указываются на поверхности ямами, образовавшимися вследствие провала почвы, известными под названием Schauerlocher или Wetterlocher (Страшных или Грозовых ям), по представлению народа, пробитыми молниею[2].

Хотя большие Альпы занимают лишь незначительную часть Баварии, зато их обломки рассеяны более чем на 150 километров к северу, даже по другую стороны Дуная. Медленное разрушение высоких гор образовало почву целой половины Баварии: вся область равнин, называемая в Германии баварскою плоскою возвышенностью, по причине её сравнительно высокого положения, состоит, до неизвестной глубины, из скал, валунов, песку, глины, снесенных с уменьшившихся в объеме или даже исчезнувших альпийских масс.

Различныя высоты Баварии:

Средняя высота баварской плоской возвышенности: 485 метров (Лейтпольд)

Альпы: Цугшпитце 2.957 метр.; Гроссер-Ватцман 2.740 метр.; ущелье Ферн 1.227метр

Гогенпейсенберг: 975 метр.

Баварский лес: Арбер 1.476 метр.; Рахель 1.458 метр.

Фихтельгебирге: Шнееберг 1.063 метр.; Оксенкопф 1.026 метр.

Спессарт: Гейерсберг 615 метр.

Франконская Юра: Гессельберг (Кессельберг) 714 метров.

Водораздел между Резатом и Альтмюлем 447 метр.

Низшая точка Баварии—Дунай на границе Австрии, ниже Пассау—273 метра.

Равнина начинается непосредственно у подошвы баварских Альп; переход от гор к равнине образуют высокие холмы, длинные возвышения почвы, пригорки, либо отдельные, либо сливающиеся основаниями, кучи каменных глыб под большими деревьями,—прерываемые там и сям ручьями, озерами, болотами. Эти неравные высоты, придающие некоторым частям страны вид настоящего лабиринта, с весьма небольшим числом проходов, представляют остатки морен, выдвинутых за пределы долин прежними ледниками. К северу от всех этих груд, во многих местах видны, при выходе из долин, непрерывные правильные ряды эрратических камней. Камни эти встречались раньше в гораздо значительнейшем числе, но их везде употребляют на мощение дорог и постройку домов[3]. Кажется, их никогда не находили к северу от гор Альгау, или Альгей, между тем как в долине Инна они встречаются до самого Крейбурга, на расстоянии сорока километров от нынешней подошвы Альп.

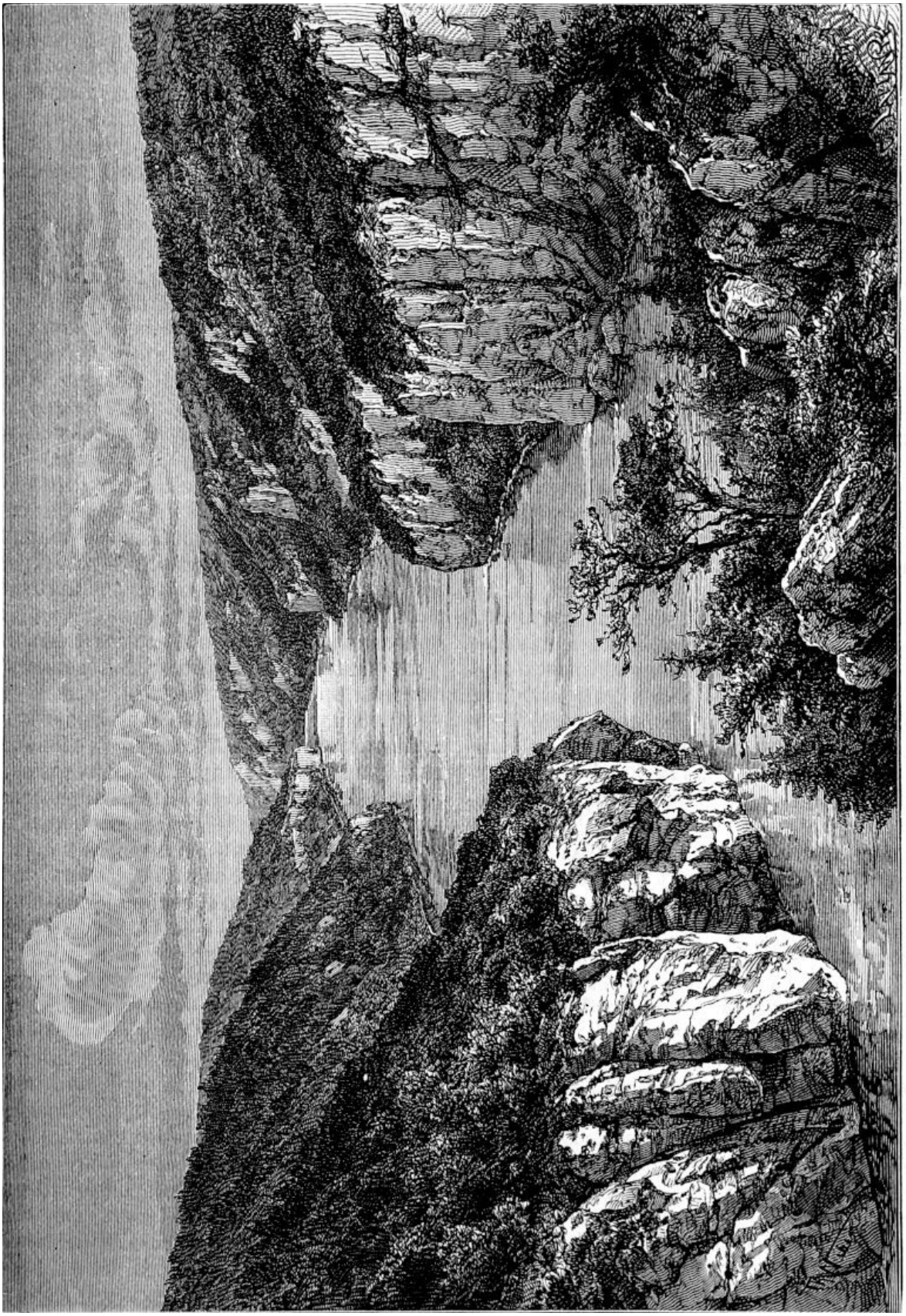
На равнине, спускающейся от гор к Дунаю, гальки, образующие тонкий слой подпочвы чернозема, постепенно уменьшаются в величине, по мере удаления от места происхождения; это большею частью известковые обломки, одной породы со скалами Форарльберга, Веттер-

1 Oscar „Fraas, Ausland", № 41,1872.

2 Gumbel, „Bavaria, Mittel-Franker", III. B. p. 823.

3 Gumbel, „Bavaria" t. 1, p. 60, 61.

штейна, Карвенделя, Мангфалля, с некоторою примесью обломков гранита, гнейса, шифера, занесенных с высоких кристаллических Альп в древнюю эпоху больших ледников и, следовательно, прошедших поверх второстепенных северных хребтов. По другую сторону Дуная к



Дунай между Вельтенбургомъ и Кельхгеймомъ.

валунам с Альп присоединяются еще и другие: это, в малом количестве, обломки швабской Юры, а чаще кварцы и другие кристаллические камни, занесенные на равнину потоками с Байеришервальда. С тех пор, как эти громадные пласты обломков всех окрестных гор распо-

ложились на пространстве по крайней мере 25.000 кв. километров, некоторые из них опять были связаны в твердые скалы углекислою известью из просаивающихся между ними вод, мало-по-малу слепившею эту массу; но почти везде такая слепка рыхла. Там, где железные дороги верхней Баварии проходят по высоким местностям, прорывать туннели в почве оказалось невозможным и пришлось копать траншеи с длинными откосами. Самые глубокие вырезки этого рода, существующие в Европе, находятся в Баварии: одна из них имеет 32 метра глубины, а насыпь превышает 52 метра.

Между тем как с удалением от гор величина камней уменьшается, все чаще встречаются утолщающиеся в направлении к Дунаю слои лесса, состоящие из более легких частиц глины, осажденных на почву тихими водами. У основания Альп встречаются местами лишь тонкие пласты, едва достаточные для питания возделываемых на них растений; на равнинах же по берегам Дуная есть рыхлые пласты, в несколько метров глубиною, в которых часто находят кости мамонтов и других слонов; наконец, к северу от реки лесс покрывает скаты до высоты 60 или даже 120 метров над равниною и составляет источник богатства страны, содержа в себе все элементы плодоносной почвы: глину, песок, известь, перегной в разных пропорциях. Житницею Баварии следует признать область, простирающуюся от Регенбурга до впадения р. Изар. Почву её обозначают названием Dunkelboden (темная земля), которое может вызвать представление о «мрачной земле», но на самом деле происходит от древнего слова Dungauboden (почва долины Дуная)[1]. Около деревень и ферм, даже среди полей, коробки, повешенные на деревьях или на шестах, дают приют птицам, которые защищают посевы, охотясь за насекомыми.

Неровная форма долин, по которым были сносимы груды обломков в бассейн Дуная, не позволила этим наносам расположиться совершенно правильными слоями с одинаковым везде наклоном. Напротив, поверхность высокой равнины верхней Баварии довольно волниста; ряды холмов, большею частью параллельные рекам, возвышаются над средним уровнем почвы, между тем как за этими высотами лежат углубления с меньшим накоплением наносов и в настоящее время занимаемые озерами или болотами. Вся страна сохраняет какой-то недоконченный вид. Хотя общий наклон почвы облегчает сток воды, и хотя сотни маленьких бассейнов, бывших прежде, конечно, озерами, постепенно или заполнены наносами, или опорожнены вытекавшими из них реками, однако, в верхней Баварии есть весьма значительные озера, из которых некоторые своею глубиною равняются соседним озерам, образовавшимся среди гор. Из этих внутренних морей три соперничают протяжением даже со второстепенными озерами Швейцарии, каковы озера Бриэнцкое и Тунское. Озеро Аммер имеет берега низкие, поросшие лесами; озеро Вюрм, или Штарнберг, все окружено красиво волнистыми, поросшими лесом холмами, и города на его берегах, благодаря соседству Мюнхена, стали в летнее время любимым местопребыванием многочисленных посетителей; один из здешних замков стоит на древнем островке, ныне соединенном с твердою землею и в эпоху доисторическую носившем на себе несколько свайных поселений. Озеро Хим, большое протяжение которого доставило ему название «Баварского моря», лежит целиком на равнине; во многих местах оно окаймлено болотистыми берегами, поросшими камышем и делающими его неприступным; кое-где в него ввалилось несколько заносных каменных глыб, и из его вод подымаются три острова. Самый большой из них, Герренворт, древний монастырь которого обращен в пышный королевский дворец, покрыт прекрасными лесами. Главные озера Баварии:

	Высота	Поверхность	Глубина
Вальхензее	800 метр.	15,50 кв. килом.	213 метр.
Тегернзее	732 „	7,80 „	93 „
Кенигсзее	604 „	5 „	191 „
Аммерзее	539 „	42 „	245 „
Штарнбергзее (Вюрмзее)	584 „	54 „	83 „
Химзее	526 „	192 „	140 „

1 Gumbel, „Bavaria“, S. 59;—Sendtner, S. 145.

Теперешния озера Верхней Баварии представляют лишь небольшие остатки водных площадей, покрывавших некогда страну: во многих местах плоскогорья встречаются еще очень большие болота, неопределенные границы которых указывают приблизительно форму прежних озерных берегов. Даже к северу от Мюнхена торфяники moser тянутся длинными полосами, параллельными течению Изара и Ампера, уносящих излишек болотных вод. Эти сырые бассейны долго препятствовали колонизации страны; редкия деревни стояли на холмах, ставших потом островами, и слабый, хилый вид жителей, равно как и скота[1], свидетельствовал об их жалкой жизни в этой болотистой стране. В наши дни выполненные в больших размерах дренажные работы превратили некоторые торфяные болота в обрабатываемые поля: на почве, некогда топкой, явились красивые деревни; но дело осушения еще далеко не закончено, и, по странному контрасту, всего реже населена непосредственная окрестность столицы, к югу от Фрейзинга. Сырость почвы увеличивает туманы, весьма неприятные в стране, которая, по своей относительной высоте и по господствующим в ней северным ветрам, имеет климат холодный и неровный.

Средние температуры в Верхней Баварии:

	Высота, метр.	Весна	Лето	Осень	Зима	Год.
Тегернзее	732	4°,87	12°,79	6°,06	-1°,32	5°,60
Мюнхен	511	7°,36	14°,06	7°,47	-0°,22	7°,28
Аугсбург	490	6°,93	13°,82	6°,78	-1, 14	6°,60
Регенсбург	308	7°,52	14°,37	6°,96	-1°,16	6°,92

О туманах в той местности Дуная, где река протекает по болотистой котловине, называемой Donau Ried (Дунайское болото), свидетельствуют многие местные поговорки. В городах, лежащих в провинциях Швабии и Нейбург, число бракуемых рекрут равняется приблизительно 52 на 100[2].

Различные реки, спускающиеся с Альп к Дунаю, все сходны между собой порядком течения и характером проходимой ими местности. Эти реки, то сильно вздувающиеся от таяния снегов или больших дождей, то обращающиеся в жалкие ручейки во время засухи, легко размывают свои, состоящие из валунов, берега, сносят их, рассеевают гальку по полям и постепенно меняют русло. Нигде не сохраняют они одинакового расстояния между обоими берегами и одинаково глубокий фарватер; река Лех со среднею шириною в 60 метров, при впадении Вертаха, ниже Аугсбурга разливается на 1.000 метров. Все эти реки сильно изменяли свое течение, особенно Изар, который прежде был притоком Инна: по выходе из горной долины, Изар тек на восток по глубокой ложбине, служащей теперь руслом речке Мангфалль, и впадал в Инн, в том месте, где теперь стоит город Розенгейм. Прежнее русло Изара на протяжении от теперешнего до Мангфаля еще легко узнать: оно называется «Чертовою канавою» (Teufelsgraben). На пространстве между озером Вюрм и рекою Лех, и между Аугсбургом и Зальцбургом рассеяны во множестве древние могилы[3].

Но постоянно бродя по устланной валунами равнине, альпийские притоки Дуная, тем не менее, представляют в гидрографическом отношении однообразие общего течения и второстепенных отклонений, свидетельствующее об общности закона, управлявшего их образованием. Иллер, первый стремительный поток, бегущий с Альп и несущий свои воды в Дунай, течет приблизительно с юга на север и даже несколько отклоняется к северо-западу; Лех отклоняется на восток, постепенно отходя от Иллера; еще более отклоняющийся на восток Изар течет прямо на северо-восток, между тем как Инн, описывая вообще одинаковые с Изаром извилины, в одной части своего течения направляется прямо на восток. Вся равнина, состоящая из обломков, вынесенных за пределы Альп, есть не что иное, как огромный конус извержения, простирающийся перед большими массивами в форме веера, пределы которого указываются на западе—Иллером, на востоке—Инном. Но постепенному отклонению вод верхней Баварии на восток способствовали также и другие причины: во-первых, общее

1 „Bavaria, Oberbayern“, p. 236.

2 Chr. Schmid, „Bavaria“, B. II, p. 875.

3 Oehlenschlager, „Prahistorische Karte Bayerns“.

всем рекам северного полушария стремление напирать на свой правый берег и, во-вторых, постоянное перемещение образуемых рекою «кос» в направлении течения; направляясь постепенно на восток, полуострова, при слиянии рек, постоянно размываемые, отклонили в том же направлении все нижнее течение рек, вследствие чего правые притоки укоротились в течении, прерывались на полупути, либо и совершенно поглощались, между тем, как левые притоки все более и более удлиннялись: вот причина той кажущейся странности, что потоки Баварии так богаты ветвями на левом берегу и так бедны на правом.

Своею массою вод баварские реки не представляют больших препятствий; но пространные поля камней, снесенных реками и расположившихся островами и островками, частые наводнения, перемены русла, многочисленные болота, по которым разливаются их воды, до последнего времени затрудняли сообщения одного ската с другим и переносили далеко на середину равнины дикий вид гор[1]: отсюда важное значение баварских рек в войнах, как стратегических линий. За исключением Изара, реки преимущественно баварской, оба берега которой населены одним племенем, другие большие потоки верхней Баварии: Иллер, Лех, Инн, стали этнологическими границами. Почти все деревни построены не по близости воды, но на водораздельных высотах между реками; да и главные дороги пролегают вдали от вод, параллельно долинам. Однако, во многих местах исключительные удобства приблизили город к рекам, и таким образом произошло, так сказать, явление интерференции между противоположными законами. Замечательным примером этого может служить Аугсбург. Этот город расположен на конце плоской возвышенности Лехфельда, отделяющей реку Лех от реки Вертах, именно при самом слиянии их долин; но окрестные деревни держатся в стороне от города на высоких откосах, господствующих над болотистою котловиною.

Жители баварской плоской возвышенности получили возможность селиться везде вблизи рек, только в недавнее время, после того, как течение их было урегулировано посредством больших выправительных работ. Что касается маленьких промежуточных речек, берущих начало в самой равнине и тихо несущих свои воды в Дунай, то они естественно издавна привлекали местное население в свои плодоносные долины, и на их берегах мы встречаем селения и обработанные поля.

Великий Дунай, который, благодаря своим притокам из Баварии и далее из Тироля, Каринтии и Штирии, становится альпийской рекой,—в своем верхнем течении есть мирная речка Шварцвальда. Реки Бригах и Бреге вытекают из Бадена одна к северу, другая к западу от горы Триберг, приобревшей известность как место паломничества; затем, спускаясь долинами с резкими контурами, они то расходятся, то сближаются и, наконец, соединяются ниже Донауэшингена, где бьет из земли неизсякаемый ключ, обнесенный стеною, подобно колодцу, и обыкновенно считаемый за источник Дуная,—вероятно, вследствие чистоты его вод. По крайней мере в этом месте исследованный впервые легионами Тиберия, Дунай принимает свое теперешнее название; но общий склон почвы здесь еще не определился, и воды соединившихся Бригаха и Бреге текут еще прямо на юго-восток, на протяжении километров двадцати, точно будто намереваясь излиться в Констанцское озеро, т.е. направиться к Рейну. Некоторая, хотя малая часть Дуная пролагает себе путь к рейнскому бассейну подземными ходами. Известковое, изобилующее трещинами, русло реки пропускает воду, и подземный поток выходит на поверхность земли южнее, уже не на склоне к Дунаю, а на склоне к Рейну, близ деревни Аах, и направляется к Констанцскому озеру. В 1876 году на пути течения Дуная открылись новые щели ниже Имминдингена, недалеко от вступления реки на территорию Вюртемберга. Воды реки ушли бы почти целиком в эти трещины, если бы хозяева заводов не поспешили замкнуть последние.

Но здесь Дунай уже направился на северо-восток, в сторону от Рейна: он покинул подошву Шварцвальда, вошел в одно ущелье швабской Юры, промеж скалистых стен, высота которых достигает 100 метров, и которые местами прерываются небольшими уединенными долинами, поросшими березою и буком. Течение Дуная усиливается впадением в него пре-

1 „Bavaria, Qberbayern“, p. 232.

красных ключей, голубых и чистых, как все ключи, бьющие из известковой почвы: один из них, Блау (голубой), вытекает при Блаубейрене из углубления, лежащего в подошве великолепной скалы и не поэтически называемого «Голубым горшком» по причине воды, «бурлящей» в нем после больших дождей. По обеим сторонам ключа Блау, на служащей ему берегом скале, видны сходные со встречающимися в бассейне Неккара следы излучин течения выше теперешнего уровня реки. Следы эти представляют изваянные в камне свидетельства о больших изменениях в уровне почвы.

Ниже Ульма, где ключ Блау впадает в Дунай, кончается территория Вюртемберга, и река, проникая в Баварию, становится, благодаря притоку Иллера, большим водным путем южной Германии. Иллер, сам носящий на себе лодки, обращает Дунай в прекрасный поток, шириною в 75 метров, и среднею глубиною в один метр, уже могущий служить торговым путем. Большие четыреугольные суда, называемые в Вене «ящиками» (Schachteln) и поднимающие до 100 тонн грузу, отправляются из Ней-Ульма, против впадения Иллера; на каждом привале, при впадении каждой альпийской или франконской реки, флотилия увеличивается несколькими более крупными судами; в Донауверте к гребным судам присоединяются пароходы; в Пассау, ниже впадения Инна, прибавляются суда еще большей вместимости. Впрочем, более $^{9}/_{10}$ гребных суденышек, спускающихся по Дунаю, делают лишь одну путину и, прибыв в Вену, разбираются на топливо и строевой материал.

Падение верхнего Дуная: Браге у Фуртвангена 773 метр., Бригах у Виллингена 706 м., слияние Бреге и Бригаха 677 метр., Туттлинген, ущелье Юры 642 метр., Зигмаринген, по выходе из Юры, 542 метр., Ульм 498 м., Регенсбург 308 метр., Пассау 292 метр.

В целом своем течении по Баварии, Дунай описывает выпуклую к северу дугу вдоль выдвигающихся холмов швабской Юры и Франконии, затем, выступив из Байервальда (горного хребта Баварии), он проходит несколько скалистых ущелий, именно выше Регенсбурга, но почти везде ограничен с юга наносною почвою. Река, впадавшая некогда во внутреннее море, наполнявшее треугольное пространство между горами, была постепенно оттеснена к подошве северных высот большим конусом обломков, нанесенных ледниковыми потоками Альп, и вследствие того должна была сделать полукруглый изгиб. От древнего озера остались только топи, Донау-Рид и Донау-Моос, постепенно уменьшающиеся в площади под усилиями земледельцев. Блуждающие рукава реки, местами засыпанные, еще перекрещиваются на равнинах; но человек мало-по-малу отделяет их от главного потока; их берега завоеваны природою: они изменяются в озера, затем в болота и кончат тем, что совсем исчезнут. Что касается притоков реки, то они далеко не одинаково важны по обе её стороны, вследствие самого перемещения средней артерии бассейна дальше на север. Притоки левого берега: Верниц, Альтмюль, Нааб, Реген, не питаемые большими снегами, могли дойти только до выхода из нагорных и междухолмных долин, тогда как альпийские притоки: Иллер, Лех, Изар, Инн, проникли в равнину, на расстояние 100 и 150 километров от породивших их Альп. Река Инн, превосходящая Дунай массою воды, но далеко уступающая ему в историческом значении, как путь движения народов, проникает до ущелья Пассау, на крайнем угле баварского бассейна. Ложа этих рек, расположенные поперек ложа Дуная, вместе с ним делят Верхнюю Баварию на длинные прямоугольники, главные оси которых совпадают с направлением больших течений воздуха. В самом деле, господствующие в стране ветры перемещаются с востока на запад и с запада на восток, параллельно цепи Альп и течению Дуная, тогда как ветры второстепенные отклоняются горами по направлению меридиана и дуют перпендикулярно к высотам Альп, следуя к югу по течению больших рек[1].

Главная река северной Баварии, более известная жителям Франконии под названием Мойна, образуется из Красного и Белого Майна, которые оба берут начало в горах Фихтельгебирге. Это самая извилистая река Германии, которая охватывает целые массы гор и холмов не малыми излучинами, а могучими дугами: по прямой линии её течение не превышало бы и 250 километров, между тем как теперь от востока до устья она протекает расстояние

1 Wettwer, „Bavaria“, t. 1, p. 18.

вдвое большее. Тихий и без порогов, Майн был бы весьма важным путем судоходства, еслиб его количество воды было достаточно для больших судов и еслиб его извилины не удлиняли слишком путь; он может служить для целей судоходства лишь при высокой и средней воде, и торговое движение на нем почти совершенно местное: всякая прямолинейная часть реки служит торговле прибрежных городов и местечек, тогда как весь длинный ряд излучин служит лишь весьма малому числу лодок[1]. Долина Майна, проходя вдоль подошвы гор средней Германии, между Рейном и углом Богемии, важна как исторический путь; однако, еще большее значение в том же отношении имела другая река его бассейна, именно река Регниц. Последняя, как это оправдывается и на многих других реках, важнее, чем река, в которую она впадает и именем которой потом обозначается,—важнее её, как путь торговли, переселений и в отношении стратегическом; поэтому может казаться странным, что она не сохранила своего имени до впадения в Рейн: причиною тому было, вероятно, то обстоятельство, что против славян, живущих по берегу Регница, всю линию Майна, на южном склоне гор Гессена, Франконии и Тюрингена, занимали народы германского племени. Это через Регниц народы Рейна легко вступали в сношения с народами Дуная, и Бавария приобрела свое политическое единство: Дунай и Майн, хотя текущие в разных направлениях, в части своего течения принадлежат к одной и той же области. По замечательному контрасту, область истоков Регница и Альтмюля низменна, высоты её были постепенно смыты водами[2], и только ниже по течению возвышаются, с той и другой стороны, горы. Уже до вмешательства человека существовало естественное сообщение между обоими бассейнами. Верхние притоки Регница: Резат Франконский и Резат Швабский, отчасти питаются—один озерком, другой—болотом, вода которых изливается на юг, в приток Дуная, Альтмюль. Карл Великий думал соединить обе реки каналом, и еще сохранился с того времени ров Fossa Carolina, близ которого находится деревня Грабен (Ров). В настоящее время судоходный канал, пользуясь главными долинами и водами Регница и Альтмюля, соединяет обе реки, переходя близ Нейкарта, на высоте 440 метров, порог франконской Юры. Канал этот один из самых важных в Германии, но не может соперничать с подавляющею монополиею железных дорог, и судоходство по нем уменьшается с каждым десятилетием. В области, прорезаемой теперь каналом, найдены остатки другого рва, выкопанного, по предположению археологов, еще населением доисторическим[3]; но этот ров предназначался, очевидно, не для судоходства, а для обороны. На восток, по окраине плоских возвышенностей, тянется построенная еще римлянами древняя стена, известная под названием Палисада (Pfahl), а также Чертовой Стены (Teufelsmauer). Этот широкий вал, местами укрепленный фортами, расположение которых еще заметно, отделял от остальной Германии всю область, простирающуюся между Дунаем и Рейном, от Регенсбурга до Майнца. Таким образом, Шварцвальд и швабская Юра оказывались присоединенными в военном отношении к Римской империи[4].

Достоверно известно, что до начала истории Германии, в Баварии обитали другие народности, чем теперь; ее населяли галлы, а также племена другой расы, о существовании которых свидетельствуют названия некоторых мест. Близ озера Штарнберга и в других частях страны найдены ряды могил с телами древних франконцев и аллеманов, длинноголовых, в противоположность нынешним обитателям верхней Баварии с черепами и длинными, и короткими. Тут, как и во всей Европе, народы сталкивались в страшных битвах, и тогда как один народ исчезал или сливался с племенем победителей, другой расширял свои владения.

Древние баварцы (бойовары или бюйовары), по которым названа Бавария, повидимому, в VI веке осели в стране, юго-восточная часть которой и доныне населена их потомками; но кто были эти баварцы и откуда пришли—неизвестно. Во всяком случае вероятно, что они не имели ничего общего с бойями; вообще, полагают, что они составляют один и тот же народ с

1 Kohl, „Der Rhein“ B. 1, S. 311.
2 Gumbel. „Bavaria“, B. 4, S. 11.
3 J. G. Kohl, „Die Donau“.
4 J. G. Kohl. „Der Rhein“. B. I.

маркоманами Богемии, имя которых исчезает из истории приблизительно одновременно с появлением имени бойоваров. Баварское племя выдержало натиск аваров, кроатов, сербов и населило вновь немецкими колонистами опустошенные места Штирии и Нижней Австрии. Но на запад оно не переходило за Лех, и этот большой поток остался этнографическою границею баварцев и швабов.

Число последних, населяющих западную часть Баварии, по обе стороны Дуная, не превышает полумиллиона; еще менее многочисленные алеманы заключены на плоской возвышенности Иллера, называющейся по их имени—Альгау; вся же северная Бавария населена франконцами, смешанными потомками древних завоевателей страны, франков. Они наиболее отличаются в южной Германии статностью и гибкостью тела, живостью и веселым характером; они же наиболее проникнуты духом независимости, и известно, с какою храбростью они сражались во время Крестьянской войны в 1524 году. Швабы степеннее и рассудительнее. Жители Нижней Баварии, между Регенсбургом и Пассау, отличаются интеллигентною физиономиею, присутствием духа, но, подобно южным народам, более склонны к страстным выходкам, к кулачной и даже ножевой расправе[1]. Из всех баварцев населяющие плоскую возвышенность наименее могут притязать как на красоту лица, так и на грацию походки или вежливость манер. Они охотно сознаются в этом сами: «Давно известно, что мы настоящая деревенщина», говорит одна местная песня, приводимая Штейбом. Статистика школ показывает, что в северных частях Баварии большая часть детей белокуры и голубоглазы, между тем как на берегах Дуная и в округах Леха и Изара преобладают типы смуглые[2].

В пределах Баварии господствующий язык—немецкий, а романское наречие, сходное с «ladin» Тироля, уже в IX веке перестало употребляться в возвышенных долинах баварских рек. Но наречие, употребляемое в большей части страны, значительно отличается от верхнегерманского, равно как и от аллеманской речи Швабии, Швейцарии, Эльзаса и Бадена. Баварское наречие, употребляемое также и населением собственной Австрии и распространившееся даже внутрь Венгрии, уступает литературному немецкому языку как в богатстве, так и в гибкости: ему недостает родительного падежа, некоторых времен глагола, местоимений, предлогов и союзов, и потому сказанная на нем фраза часто имеет оборот почти варварский. Баварское наречие отличается от верхне-германского преимущественно неясным произношением гласных, выговариваемых так, что гласная как-бы оканчивается на звук *a*: u, o, e изменяются в ua, oa, ea, ia; плавные согласные l, n, r слышатся очень невнятно, так что их приходится угадывать; наконец, большое число слогов, особенно окончания на el, en, er, совсем откидываются[3]. Главные отличия баварского наречия от верхне-германского указывают, как видно, в немце юга некоторую леность; он не произносит слов так же отчетливо, как немец севера, и даже «глотает» часть слов. На запад переход от баварского наречия к швабскому довольно резок и близко сходится с административной границею, указываемою р. Иллером; на севере же изменения постепеннее: в округе регенсбургском, затем во Франконии речь становится менее тягучею, гласные произносятся более определенно, согласные отчетливее, и к границе Саксонии наречие уже очень сходно с верхне-германским.

Впрочем, язык литературный с каждым годом понимается в Баварии все большею и большею частью населения, хотя эта страна самая невежественная в Германии, с наименьшим средним уровнем знания в школах; в Баварии существуют даже духовные заведения, преподаватели которых могут, в качестве священников, давать ученые степени, которых не имеют сами. Старые обычаи держатся в Баварии дольше, чем в Вюртемберге, Бадене и всей остальной Германии, потому что население Баварии преимущественно земледельческое, как это показывает распределение его по городам и деревням. Баварец—домосед; он мало путешествует, никогда не ездит за границу; при том же в Баварию ездит мало иностранцев; в ней

1 J. G. Kohl, „Die Donau“, S. 86.

2 Mayer, „Sechste Versammlung der deutschen Anthropologen“, 1875.

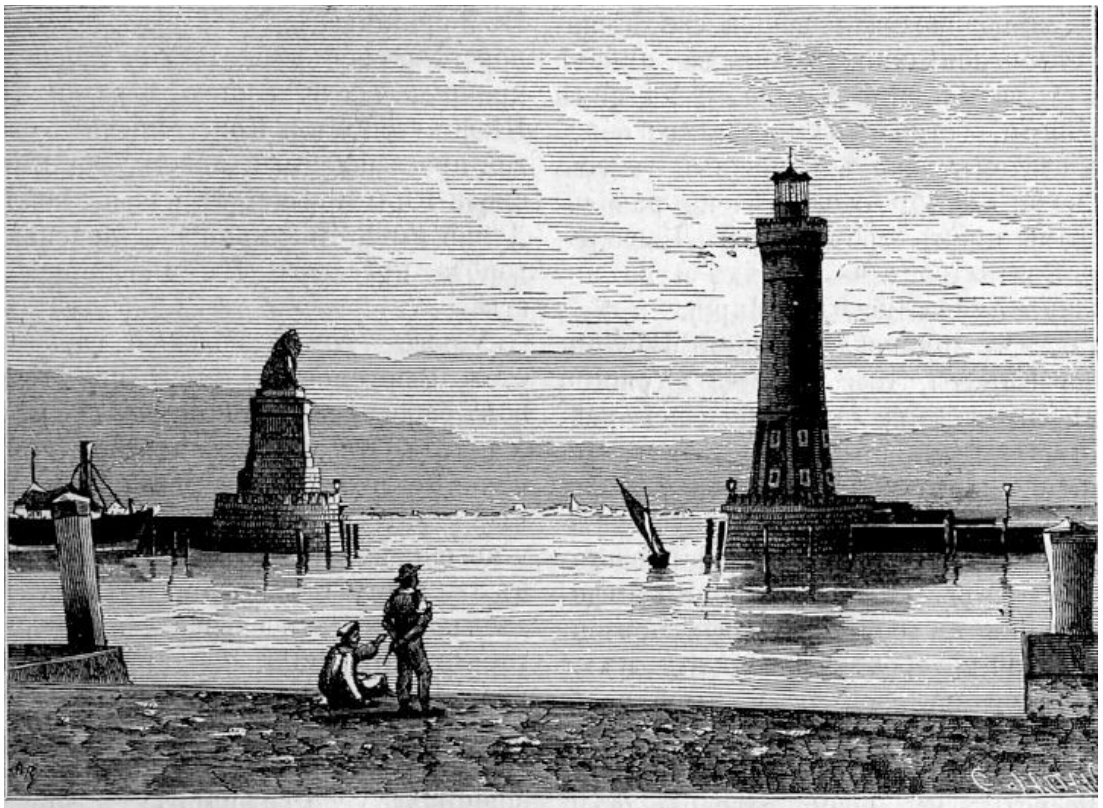
3 Seb. Mutzl, „Bayerische Mundart, Bavaria“, B. I, S. 341.

промышленность и торговля не довольно значительны, чтобы привлекать много работников и купцов; да и искателей приключений ничто не манит в здешние большие города.

Жителей в городских общинах в 1875 г. 748.400; в 1890 г.: 1.712.650.

По происхождению жители Баварии в 1875 г.: распределялись следующим образом: баварцев 4.906.000 или 97,7 на 100; немцев из других стран 63.000 или 1,3 на 100; иностранцев 53.000 или 1 на 100.

Почти три четверти баварцев католики: жители плоской возвышенности почти все без исключения сохранили старинную религию; да и большинство населения области Майна также католики; но центральная местность королевства, от Нюрнберга до плоских возвышенностей Швабии, преимущественно протестантская. В тех же местах поселились в наибольшем числе евреи.



Входъ въ Линдаускій портъ.

По переписи 1 дек. 1890 г., в Баварии насчитывалось: католиков 3.959.077; протестантов 1.571.863; других христиан. исповеданий 9.650; евреев 53.885; без религии 399.

В округах с населением, разделяющимся по двум вероисповеданиям, напр, в округе Рис в окрестностях Нёрдлингена, католики и протестанты отличаются костюмом. Вообще, первые предпочитают цвета светлые, между тем как вторые выбирают темные; шляпа католички украшена желтыми и зелеными лентами, шляпа протестантки—черными; молодые парни старой религии носят еще красные жилетки, а реформированные уже покинули этот наряд[1]. В старинных домах католиков множество символических вещей свидетельствует о вероисповедании хозяев: в комнате помещен стол в виде алтаря, и на нем стоит Распятие, обставленное цветами и образами; над столом висит бумажный голубь, символ Святого Духа; белье мечено начальными буквами имен трех царей, Каспара, Мельхиора, Валтазара, а на дверях и на мебели вырезаны имена Иисуса и Марии.

Швабская и аллеманская область Баварии есть страна Европы, где мистерия Страстей Господних справляется с наибольшей ревностью и торжественностью. В 1634 г. деревня Обер-Аммергау, на границах Тироля, дала обет, чтобы избавиться от опустошавшей ее чумы,

1 Melchior Meyr, „Zur. Ethnographie des Rieses, Bavaria“.

через каждые 10 лет представлять мистерию Страстей. В громадном амфитеатре, окруженном великолепным горизонтом гор, сотни актеров играют эту драму перед тысячами зрителей[1]. Молодой человек, предназначенный изображать Христа, освобождается от воинской повинности, дабы он мог посвятить все время изучению своей роли и придать всей своей фигуре требуемую ролью наружность. Другие актеры, распределив между собою роли, готовятся к ним в течении многих месяцев, и, поддерживаемые пылким воображением, кончают тем, что отождествляют себя с изображаемым лицом. Оттого представление производит чудный эффект истинности: для всех зрителей драма становится действительностью. Нужно заметить, что сельские жители верхней Баварии, как и Тироля, отличаются необыкновенною склонностью к театру; еще недавно они со страстью разъигрывали не только мистерии, но и средневековые легенды, пантомимы, символические пляски, даже пьесы нового репертуара, прилаженные к их вкусам каким-либо местным поэтом, между прочим, переделку «Антигоны» Софокла. Эта страсть к сценическим представлениям есть, очевидно, племенной инстинкт, руководясь которым баварские крестьяне, предоставленные самим себе, могли бы внести в искусство немало оригинальных приемов. К сожалению, в это дело вмешалась цензура; чтобы не читать деревенских пьес, опа просто запретила их; в некоторых местах подмостки, занавесы и другие театральные принадлежности были скуплены сельским духовенством и сожжены, как вещи проклятые[2].

Верхняя долина Дуная заключает в себе несколько городов, лежащих вне Баварии. В Туттлингене Дунай еще только речка, но пересекаемая несколькими дорогами, между прочим соединяющею верхний Неккар с Шафгаузеном и Констанцским озером. Другой промышленный город, Эбинген, лежит среди Юры при истоке ручья, впадающего в Дунай выше Зигмарингена, красивого главного города прусского Гогенцоллернского княжества.

Ульм—самый большой город придунайского Вюртемберга; но его предместье на правом берегу, основанное в 1821 году, новый Ульм, стоит уже на баварской территории, при начале судоходства по реке. Ульм весьма важный стратегический пункт, вследствие встречи у него всех естественных путей, ведущих в эту местность; поэтому он был часто осаждаем, часто завоевываем: окружающие оба города укрепления, на территории обоих королевств, построенные с 1843 по 1857 год, стоили не менее 62.000.000 франков, а с той поры были еще увеличены до размеров обширного укрепленного лагеря, могущего удобно уместить в себе 100.000 армию и опирающагося на громадную с казематами цитадель Вильгельмсбург, которая стоит на холме, на том самом месте, где австрийский генерал Мак, отрезанный маршалом Неем, после победы при Эльхингене, в 1805 году, сдался французам со всем своим войском. С XIV по XVII век Ульм, центр торговли шелковыми тканями, был городом весьма богатым и самым населенным в Швабии; барыши дозволили ему скупить вне своих стен множество деревень. Вид города, с его развалившимися домами и пустырями, доказывает, что с того времени он пришел в упадок, хотя итог населения, включая Новый Ульм, вероятно, не менее прежнего. От эпохи процветания Ульм сохранил свой кафедральный собор, начатый постройкою каменщиком «мастером Генрихом»; постройка его была приостановлена в конце XV века, и за нее взялись снова лишь в последние годы. Это—мощное здание, с выступающею перед фасадом башнею, еще недоконченною, которая должна быть возведена на 150 метров высоты и с которой уже теперь можно обозревать громадный горизонт равнин и холмов, до гор Тироля и Швейцарии. Внутри здания прежние три нефа увеличены до пяти, чтобы поддержать своды двумя новыми рядами колонн; как в большинстве протестантских церквей, стены собора довольно голые, без образов и изваяний, но хоры украшены великолепной резьбой; замечателен также его орган, самый большой в Германии.

Одна из железных дорог, сходящихся вокруг Ульма, именно дорога в Нюрнберг, прохо-

1 В 1880 г. было 600 актеров и 175.000 посетителей, съехавшихся со всех концов Европы и даже из Америки; сбор превышал 2.500.000 франк. („Allgem. Zeitung", 29 Sept. 1880). В 1889 г. выстроен новый театр, вмещающий 4 000 зрителей.

2 Danh, „Bavaria“ B. II. S. 839.

дит чрез принадлежащий Вюртембергу Гейденгейм, промышленный город с шерстяными фабриками и белильнями; но из удаляющихся от Ульма железных дорог самая важная для общей торговли—та, которая ведет к Констанцскому озеру и соединяет с этим внутренним морем и Швейцариею Вюртемберг и западную Баварию. Она проходит подле древнего города Бибераха, обогащаемого теперь промышленностью и гордящагося тем, что в его округе родился поэт Виланд. Дальше лежит Шуссенрид, городок, прославленный находками, сделанными Оскаром Фраасом в тамошних торфяниках, где доисторические остатки человеческого труда лежат непосредственно на слое ледникового происхождения, вместе с костями северного оленя и других животных. Город Равенсбург, над которым высятся красивые башни различных форм, также стоит на большом торговом пути от Ульма к Констанцскому озеру; Равенсбург и соседний городок Вейнгартен окружены виноградниками. Портом Вюртемберга на Констанцском озере служит Фридрихсгафен (прежде Бухгорн). Это—город незначительный, хотя красота его окрестностей привлекает большое число иностранцев; но его гранитные набережные покрыты вагонами и товарами, и всякий день несколько пароходов приходят туда за грузами зерновых хлебов и других продуктов, отправляемыми в города Швейцарии. Первый пароход появился в этом порте, ныне столь оживленном, только в 1824 г. В Фридрихсгафене ежегодно бывает около 15.000 судов в приходе и отходе.

Главные города Вюртемберга на покатости Дуная, в 1890 году: Ульм 36.000 жит.; с Новым Ульмом (1895 г.) 48.000 жит.; Равенсбург 12.000 жит.; Туттлинген 10.000 жит.; Гейденгейм 8.000 жит.; Эбинген 7.000 жит.; Вейнгартен 6.000 жит.

Бавария также имеет порт на Констанцском озере,—Линдау, порт не искусственный, как Фридрисгафен, а естественный, которым, как полагают, пользовался уже флот римского императора Тиверия, за 15 лет до Р. Х.: здесь, будто-бы, был тот «recept culum Tiberii», о котором говорит Страбон; или, может быть, это—Taxgaetium Птоломея. Во всяком случае, находимые в Линдау следы римских построек и медали доказывают большую древность этого города; построенный на двух островах, соединенных с сушею деревянным мостом и железнодорожной дамбой, длиной около 600 метров, Линдау, прозванный «Швабской Венецией», подобно Фридрихсгафену, ведет большую торговлю зерновым хлебом; по производству же шелковых тканей он входит уже в круг притяжения Цюриха. Линдау принадлежит также к числу городов, охотно посещаемых иностранцами, ради великолепного вида, открывающагося из него на горизонт Альп; вместе с тем это—климатический курорт; в нем есть купальные заведения и прелестные сады, усеянные дачами.

Своеобразное очертание политических границ Баварии, с её узкою полосой земли, направленною на юго-запад, к Констанцскому озеру, заставило железную дорогу из Аугсбурга в Линдау описать извилины, каких не потребовал бы рельеф почвы. Этот путь, очень живописный и между склонами Дуная и Рейна идущий на высоте не менее 792 метров, проходит по нагорной долине Иллера и чрез промышленный город Кемптен, богатый лесопильнями, фабриками прядильными, ткацкими, писчебумажными и другими. Этот город, с именем, происшедшим от древне-галльского Campodunum, в настоящее время—самый значительный в горной области Баварии. Некогда он уступал в населенности и богатстве Меммингену, лежащему в нескольких километрах расстояния от стремительного Иллера, среди деревень, занимающихся разведением хмеля. Подобно Меммингену, был свободным имперским городом и Кауфбейрен, на Вертахе.

В положении баварских городов на Дунае видна замечательная разница. Города западной части Баварии почти все стоят на левом берегу, между тем как начиная с Регенсбурга все значительные группы населения расположены на правом. Это явление объясняется природою почвы. В верхней долине Дуная большие болота тянутся преимущественно вдоль правого берега, где, в покрытых галькой руслах, извиваются стремительные потоки, бегущие с Альп. Поэтому крестьяне, монахи, землевладельцы, горожане предпочли строить себе жилища на берегу более возвышенном и менее изменчивом, образуемом последними уступами Юры. Начиная с Регенсбурга, все изменяется, и жизнь переходит с северного берега на юж-

ный. Слишком стесненные на узкой полосе земли, которая простирается при подошве Байеришер-Вальда, жители долины селятся на другой стороне реки, в более широких и плодородных равнинах альпийского пояса: на правом берегу тянется цепь городов, деревень, монастырей и замков.

Вниз по течению от Нового Ульма и Гюнцбурга, древней Гунции, Диллинген есть первый сколько-нибудь значительный баварский город на левом берегу реки; но в 1804 году он утратил свой университет, основанный в середине XVI столетия. Диллинген часто упоминается в истории войн, так же как и соседний с ним Гохштедт и деревня Блингейм, более известная под исковерканным названием Блиндгейм, данным ей английскими историками после большой победы, одержанной в 1704 году над французами и баварцами герцогом Мальборо и принцем Евгением; в предшествовавшем году на этом месте происходила другая битва, в которой победителем остался французский маршал Виллар; наконец, в 1809 году Моро разбил здесь австрийцев. Эта часть течения Дуная была некогда часто подвержена военным вторжениям, потому что здесь река, снабженная несколькими мостами, представляет легкую переправу, и армии, занимающие оба берега, обойдя укрепления Ульма, могут войти в бассейн Неккара многочисленными проходами швабской Юры, или двинуться на долины Франконии, или большие города Верхней Баварии, Аугсбург и Мюнхен. Донауверт, при слиянии Дуная и Верница, также часто упоминается в истории битв, как сильная стратегическая позиция. Близко отсюда находится древнее аббатство Кейсгейм, преобразованное в исправительный дом; его церковь, построенная в XIV веке и сохранившаяся почти целиком, представляет красивое здание готической архитектуры. В бассейне Верница, вытекающего из Франконии, к северу от Динкельсбюля, находится другой город, стратегическая важность которого констатирована в истории осадами и многими битвами: это—Нёрдлинген. Этот старый город, еще доныне окруженный стенами, укрепленными воротами, над которыми высоко вздымается башня одной церкви, еще сохранил свой средневековой вид. Он лежит в хлебородной равнине Риса и господствует над проходами, отделяющими швабскую Юру от высот Франконии.

Скопление камней и блуждание вод р. Леха, при его впадении в Дунай, не дали возникнуть на месте этого слияния двух рек большому городу; но выше, в равнине южной Баварии, на холме, господствующем над Лехом и его притоком Вертахом, основался один из исторических городов—Аугсбург, древний Augusta Vindelicorum. В этом месте сходились многие римские дороги, продолжавшие служить и в средние века, но теперь частию замененные железными дорогами. Важнейшим из прежних путей был тот, который вел из Италии и подымался по долине Леха к долине Инна, проходя ущельем Ферна; другой путь, от Аугсбурга к Зальцбургу, бывший очень посещаемой дорогой в течение слишком 1.000 лет, еще недавно был известен под именем Salzstrasse (Соляная дорога), и целые обозы с солью тянулись по нем[1]. Аугсбург, несколько раз разрушенный в начале средних веков, в 955 году увидел под своими стенами венгерских завоевателей, и здесь именно этот народ, наводивший страх на Европу, был, наконец, побежден соединенными силами всей Германии и должен был бежать на обширную равнину, ограниченную Карпатами, которую он уже с тех пор не покидал для новых завоеваний.

Аугсбург прославился гораздо более победами в мирных искусствах, чем совершившимися около него военными событиями. С 1368 года ремесленные корпорации в Аугсбурге сделались дотого сильны, что могли свергнуть правление дворянских семей, оставив им лишь часть прежней власти; с этой-то эпохи и начинается период процветания этого швабского города. Обладая тайною приготовления пороха, он своими «громовыми ящиками» в 1372 году отразил войско баварцев, и после того в течение полутораста лет съумел сохранить самоуправление. Аугсбург, благодаря союзу с итальянскими республиками, распространил свою торговлю до Средиземного моря, тогда как союз с другими вольными городами Швабии доставил ему политическое могущество в Германии. В начале XVI века аугсбургские купцы

1 Rockinger, „ Bavaria, Abriss der Ortsgeschichte".

направляли из своих контор торговые сношения с Индиею; в 1327 году банкир Вельзер выхлопотал себе, в уплату долга ему, право колонизовать Венецуэлу, и находившаяся у него на жалованье армия конкистадоров действительно обеспечивала за ним владение этою огромною областию. Другой аугсбургский банкир, первый богач XVI века, Фуггер, был главным кредитором Карла V, ссужавшим его деньгами для ведения войн в Старом и Новом Свете; в Аугсбурге маленький квартал, называемый «Фуггерей», был построен в 1519 году, как городок для рабочих, одним из Фуггеров и служил образцом подобных учреждений филантропам наших дней. Наконец, Аугсбург, родина немецкого ученого Пейтингера и живописца Гольбейна, принимал значительное участие в возрождении наук и искусств: много прекрасных книг вышло из-под его печатных станков, и граждане его уже с 1505 года читали газеты. Он играл также преобладающую роль в истории реформации: лютеранство приняло также название «аугсбургского исповедания», по причине редактированной Меланхтоном формулы веры, торжественно представленной Карлу V в этом городе в 1530 г. Но скоро наступила реакция: Аугсбург был лишен своих муниципальных прав, и в нем было восстановлено правление дворян: затем Тридцатилетняя война, осады, болезни и бедность уменьшили население его более чем на три четверти, так что в Аугсбурге, где в 1624 году было 70.000 жителей, в 1635 году оставалось лишь 16.000.

В городе встречается лишь небольшое число средневековых зданий; но из его исторических памятников многие построены в период возрождения; целые улицы, узкия и извилистые, сохраняют свой вид той эпохи, и на площадях стоят сохранившиеся от великих дней города изящные фонтаны, украшенные статуями и железными решетками с рельефами. Кафедральный собор, построенный на месте римского здания,—памятник весьма древний, приобревший странный вид вследствие неоднократных перестроек его; но некоторые части его весьма замечательны: бронзовые двери на боковой паперти, сохранившиеся, как говорит предание, с конца XI века, и изваянный главный портал хоров, а также цветные стекла в окнах, может быть, самые древние в Германии. Некоторые дома в городе украшены фресками, а художественный музей содержит картины старых мастеров, весьма интересные для истории немецкого искусства в период Возрождения.

Аугсбург мало-по-малу приобретает свое прежнее значение в ряду городов Германии; конечно, ему уже не занять того места, которое принадлежало ему в Европе, как городу торговому и банкирскому; но своими капиталами он господствует над промышленностью большей части Баварии и обладает обширными прядильными фабриками, лучшими красильнями Германии и другими промышленными заведениями, которых воды Леха и Вертаха снабжают двигающею силою, уже в 1862 г. исчислявшеюся в 5.000 лошадиных сил. Население Аугсбурга, со включением Лехгаузена и внешних кварталов, скоро сравняется с населением этого города во времена его наибольшего блеска. Но при этом город мало-по-малу передвигается: между тем, как к востоку, подле Леха, старые стены еще обнимают несколько пустырей, на западном конце города стены снесены, и новые кварталы вытесняют сады. К югу от города, между Лехом и Вертахом, простирается плодоносная местность Лехфельда.

Вниз по течению от устья Леха, первым городом на Дунае является Нейбург, по которому называется и юго-западная провинция Баварии Швабен-и-Нейбург. Он не принадлежит к важным городам королевства, но хорошо расположен при выходе Дуная из расщелины местной плоской возвышенности. Город построен при удобной переправе через реку, вверх по течению от большего «Дунайского болота», Донау-Моос, теперь завоеванного для земледелия. Вниз по течению от этой же болотистой равнины, также при удобной переправе через Дунай, вырос новый город—Ингольштадт, крепость, обращенная правительством в главный арсенал южной Германии. Ингольштадт занимает весьма хорошее военное положение, почти в центре Баварского королевства и на полпути между его двумя главными городами: Мюнхеном и Нюрнбергом. Ингольштадт был убежищем первой основанной в Германии коллегии иезуитов, еще при жизни Лойолы; и местопребыванием большого университета, другого оплота католицизма, в конце XVI века считавшего в себе 4.000 студентов.

Еще выше впадения Альтмюля в Дунай, последний проходит чрез теснину в роде «Железных Ворот», дикое ущелье, ныне обходимое шоссейными и железными дорогами долины и некогда избранное римлянами, как оплот империи против маркоманнов. На обоих берегах находятся остатки древних укреплений, известные под названием «Языческих Стен» (Heidenmauern) и стоящие на утесах, вышиною от 100 до 130 метров; укрепления эти и идущая вдоль них тропинка еще видны, хотя местами поросли кустарником; стоящие на правом берегу укрепления примыкают к длинной оборонительной линии, шедшей на северо-запад, к Неккару. При выходе из ущелья, Альтмюль впадает в Дунай. На вдающемся в реку холме, выше маленького города Кельгейма и его верфей для постройки лодок, стоит род храма, весьма красивый среди окружающей его живописной местности. Эта большая ротонда с колоннами (Befreiungshalle), украшенная статуями и надписями, воздвигнута Лудвигом I, в память германцев, павших в войне за независимость. В долине Альтмюля есть только один важный город, именно Эйхштедт, над которым господствуют высокие скалы; но близ той же реки, между Эйхштедтом и Паппенгеймом, находятся знаменитые Золенгофенские каменоломни.

Регенсбург, древний галльский город Radaspona (откуда французское название Ratisbonne), стоит на самом северном изгибе Дуная, подобно Орлеану на Луаре, но сравнительно с французским городом пользуется тою выгодою, что расположен у выхода нескольких речек, представляющих естественные пути. Маленькая речка Реген, давшая имя городу, впадает здесь в Дунай, и её долина упирается как-раз в удобный проход Бёмервальда к бассейну Богемии. Другая речка, Нааб, вливается в Дунай в небольшом расстоянии выше города, и её долина подымается прямо на север, к той жизненной точке Германии, где Фихтельгебирге касается гор западного угла Богемии и где народам открываются великия ворота между равнинами севера и бассейном Дуная. Более дальняя долина реки Альтмюль представляет Регенсбургу легкую дорогу к области Неккара и нижнего Майна, между тем как соединенные равнины позволяют беспрепятственно достигнуть верхних альпийских долин Изара и Инна. Регенсбург, стоя на том месте Дуная, где плавание по нем гораздо удобнее, чем вверх по течению у Ульма, Донауверта, Ингольштадта, был, следовательно, скрещивающимися у него естественными путями, заранее предназначен стать местом склада и обмена. Оттого-то город этот даже до времен писаной истории был большим рынком.

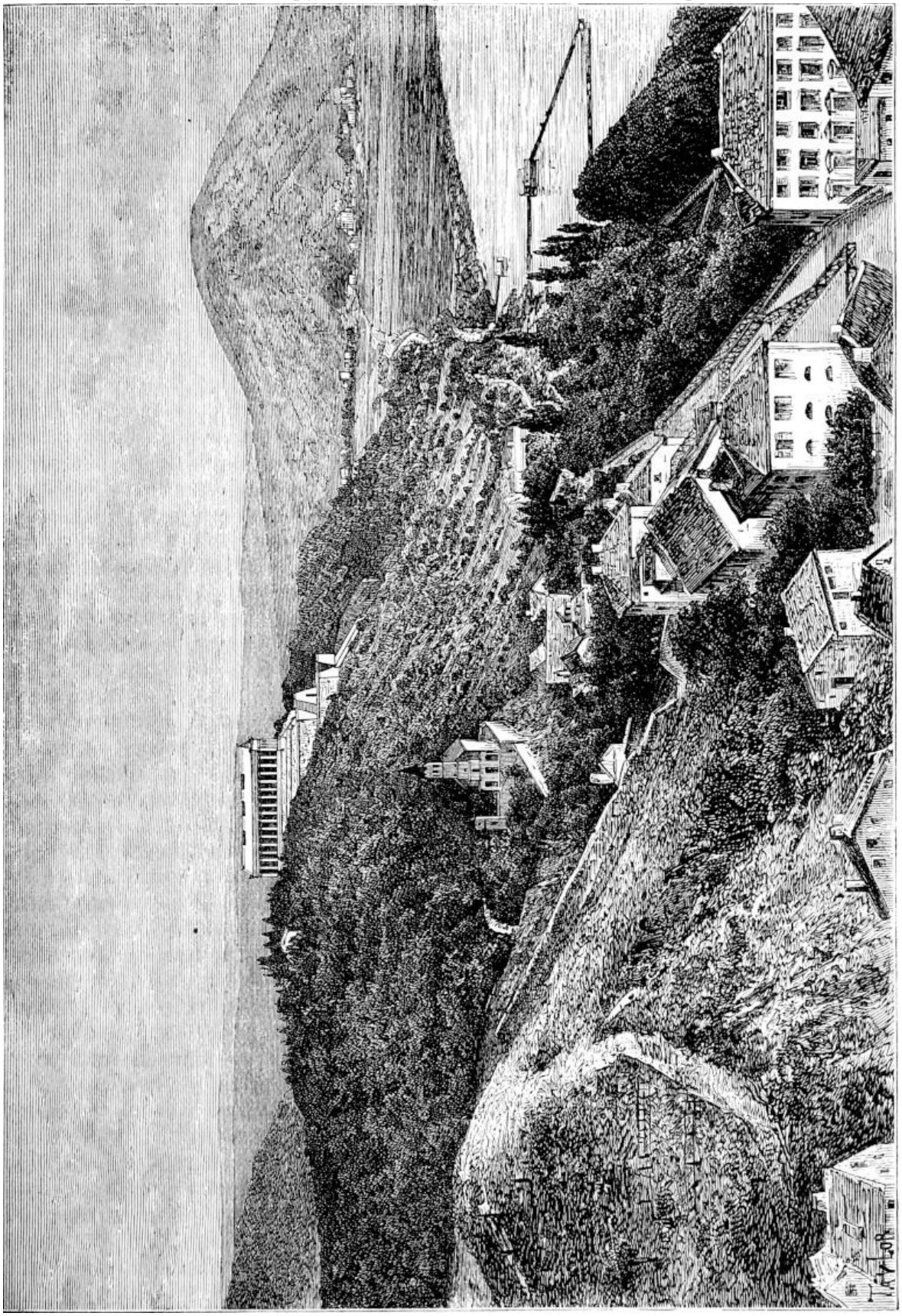
Вдоль древней дороги, направлявшейся на северо-запад, к долине Регница, видно еще множество могильных курганов, содержащих железное оружие и бронзовые украшения. Во времена Карловингов дорога эта называлась «Железною»[1].

Римляне избрали Регенсбург, названный ими Castra Regina, центром своих владений на верхнем Дунае. Карл Великий также сделал из Регенсбурга оплот своей империи, и из всех больших городов Германии—Регенсбург чаще других служил резиденциею императорам. С 887 года он стал, по словам одного реймского аббата, «местом свидания торговцев и фабрикантов, местом стечения золота и серебра, холста и багреца, портом, постоянно наполненным судами[2]. Во времена крестовых походов судовщики Регенсбурга были главными агентами по перевозке товаров на Восток; они играли на Дунае ту же роль, как мореходы Генуи и Венеции на Средиземном море. Благодаря своим громадным торговым оборотам, Регенсбург стал самым богатым городом Германии. Его купцы состояли в прямых сношениях со всеми рынками Европы, от Гента до Москвы и Константинополя, и содержали фактории даже в Малой Азии. Специальный консул сопровождал их флотилии по Дунаю, в Вену, Пешт, Белград, наблюдая за исполнением торговых договоров и за строгим соблюдением сделок. Но зависть Вены и других стоящих на Дунае городов, всякого рода козни и особенно вторжения мусульман, препятствовавшие свободному плаванию по Дунаю и Черному морю, мало-по-малу лишили Регенсбург монополии дунайской торговли. С начала XIV века город стал терять свое значение. То была эпоха наибольшего процветания Венеции и других итальянских рес-

1 Mehlis, „Ansland", 1877, p. 22.

2 См. J. G. Kohl, „Die Donau".

публик: расположенные у моря, они гораздо лучше могли служить торговыми посредниками между Востоком и Западом, чем германский город, затерянный среди континента. Военные события, совершавшиеся вокруг Регенсбурга, столь важные в стратегическом отношении,



Валгалла.

объясняют отчасти и падение этого города; особенно много пришлось страдать ему в 1809

году, после боя при Эккмюле[1], во время отступления австрийцев. Тем не менее, удивительно, как город, столь выгодно расположенный и бывший в течение полутора столетий, с 1663 до 1803, местом заседаний имперских сеймов, уже не занимает одного из первых мест между городами Германии. Еслиб совершенно центральное положение Регенсбурга было выбрано для столицы Баварии, то, вероятно, роль всего этого королевства в истории была бы более значительною. В Регенсбурге родился Дон-Жуан Австрийский, победитель при Лепанто, и умер Кеплер.

Разсматриваемый с того или другого из двух островов Дуная или с построенного в XII веке большого каменного моста, соединяющего город с его предместьем Stadt am Hof, на левом берегу, Регенсбург представляется одним из живописнейших городов Европы. Его глядящиеся в реку дома с высокими фронтонами, его высокие башни, увенчанные колоколенками, и громадная масса кафедрального собора образуют вместе прелестную средневековую картину. Собор, который был начат в 1275 году и дополняем с 1838 г., принадлежит к самым любопытным религиозным памятникам Германии по тысяче оригинальных архитектурных подробностей, особенно по своей треугольной фасадной паперти и грандиозным изваяниям на колодце святой воды, находящемся внутри церкви. Также замечательны ратуша, в которой заседал имперский сейм, древние монастыри, сады, бульвары на прежних городских валах, самые красивые в Германии; но наиболее посещаемый памятник Баварии—это стоящая к востоку от города, на господствующем над Дунаем лесистом холме, знаменитая «Валгалла», храм германской славы. Это роскошное здание, скопированное с Парфенона, наполнено бюстами и статуями, фигурами, изваянными из мрамора и отлитыми из металла, и покрыто множеством надписей золотыми буквами. Впрочем, основателю Валгаллы, королю Лудвигу Баварскому, можно сделать упрек, что он допустил в августейшее собрание многих героев, скорее мифических, чем исторических.

В бассейне Нааба, к северу от Регенсбурга,—единственным значительным городом можно назвать Амберг, древнюю столицу верхнего Пфальца (Ober-Pfalz), еще окруженную старинными стенами с зубчатыми воротами. В главной долине Дуная население гуще и города многочисленнее. На правом берегу Штраубинг, родина оптика Фрауэнгофера, и склад зернового хлеба с черноземной полосы («Dunkelboden»); на левом берегу стоит Деггендорф, главный рынок горцев, спускающихся сюда с Баварского «Леса» (Байеришер-Вальд). Почти против него открывается долина Изара, но при впадении этой реки в Дунай не основалось никакого города, по причине стремительности течения и неплотности почвы. Ниже по течению Дуная в него впадает Инн, и здесь необходимо должен был возникнуть исторически важный город, благодаря твердости горных пород, через которые обе эти реки проложили свои русла, отделенные одно от другого узкою косою. Здесь-то и начинается собственно Дунай из слияния двух больших потоков: во-первых, тихой реки Шварцвальда и швабской Юры и, во-вторых, стремительного потока, бегущего со швейцарских и тирольских Альп. Извилистая и изменчивая линия слияния мутных вод Инна с более светлым течением Дуная известна жителям Пассау под названием «Места» (Ort), обозначающим как бы нечто священное[2]. Третья река, спускающийся с богемской Шумавы Ильц, впадает в Дунай как-раз против Инна, и три мыса, со своими постройками, церковью, крепостью или деревнею, придают своим живописным профилем еще более красивый вид полуострову города, занимающего своими высокими зданиями первый план картины. На правом берегу Инна, там, где в настоящее время стоит предместье Инншадт, находился галльский город Boiodurum; затем образуемый реками мыс был занят римским лагерем Batava Castra, ставшим германским городом Пассау. С VIII века этот город стал центром сопротивления христианского мира аварам, каким впоследствии была против турок Вена, и пассауские епископы старались возвратить городу берега Дуная; по всей нынешней Австрии они строили церкви, и их духовная власть распространялась даже внутрь Венгрии. Но приведенные в полное повиновение епи-

1 Немцы чаще пишут Эгмюль.

2 Pattenkoffer, „Fragen aus der Aetiologie der Cholera", „Peppenheims Monatsschrift", April 1859.

скопам, граждане Пассау никогда не были в состоянии сделать свой город центром торговли и промышленности, подобным Регенсбургу или Нюрнбергу, да и окружающие Пассау со всех сторон горы препятствовали стекаться достаточному населению. В настоящее время Пассау пограничный город: он стоит на пределах Баварии к стороне Австро-Венгрии; также и во времена римлян он обозначал границы двух стран: Винделиции и Норики. Движение судоходства в гавани Пассау в 1893 г.: прибыло 1.720 судов, с грузом 142.660 тонн; вышло 805 судов, с грузом 6.364тонн.

Около середины течения Изара, реки по преимуществу баварской, стоит столица Баварии—Мюнхен. Место расположения его не представляет особенных естественных выгод: подземные притоки Изара делают почву сырою[1]; окрестности покрыты обширными болотами, а остальная равнина не очень плодородна: протекающая через Мюнхен река стремительна и может служить только к сплаву леса; местный климат резок и сыр; окрестные пейзажи однообразны и скрашиваются лишь лоскутами леса и дальними Альпами. Впрочем, Мюнхен разделяет со всем бассейном Изара ту выгоду, что легко доступен и лежит на территории одноплеменного населения, имевшего в течение многих веков одинаковое историческое развитие. На этой плоской возвышенности верхней Баварии всякий выбранный под столицу город развился бы подобно Мюнхену, потому что на пространстве без заметных возвышенностей и без естественных дорог место больших городов определяется проведенными человеком дорогами и точками их пересечения. Каприз герцога Генриха Льва перенес в 1156 году в деревню Мюнхен находившиеся в другом городе склад соли, таможню, монетный двор; затем в середине XIII века Мюнхен стал герцогскою резиденциею, и с тех пор был посещаем торговцами всех частей южной Германии. Но население возрастало медленно: в 1580 году жителей было 20.000, а в 1801 лишь 40.000; но в течение XIX века число жителей упятерилось, особенно благодаря заместившим неверные пути рек железным дорогам, сделавшим Мюнхен одним из больших центров Германии. Мюнхен стал главным хлеботорговым рынком германской Европы; кроме того, он один из городов, привлекающих наибольшее число иностранцев, которые приезжают в него полюбоваться его зданиями и посетить его картинные галлереи.

Король Лудвиг I и его сын Максимилиан понастроили зданий всех стилей и тем обратили свою резиденцию в обширный архитектурный музей. В расположенном на северо-запад от старого города новом квартале, с его пересекающимися под прямым углом улицами, возвышаются здания с греческими колоннами орденов дорического, ионического, коринфского; недалеко от Пропилей, построенных в честь греческой независимости, стоит итальянская базилика в стиле VI века, украшенная византийскими фресками; одна из больших аллей к северу от города кончается триумфальною аркою, составляющею подражание арке Константина; в предместье Ау высится ажурная стрела одной церкви, построенной в подражание зданиям первой готической эпохи; новый королевский дворец напоминает дворец Pitti во Флоренции, между тем как по соседству галлерея в три аркады заставляет вспомнит Loggia dei Lanzi. Площади и улицы-аллеи обставлены многочисленными постройками смешанного стиля, в котором средневековые формы чередуются с формами эпохи Возрождения. Город и его сады украшены мраморными и бронзовыми статуями, из которых некоторые изумительно больших размеров; вне Мюнхена, на холме, подымающемся на широком Терезином Лугу, на котором происходят народные праздники, стоит колоссальная статуя Баварии, наибольший из мюнхенских бронзовых памятников: воздымая голову в небо, оживленная, так сказать, контрастом проносящихся туч, статуя держит в руке лавровый венок. Позади неё, под полукруглою колоннадою, стоят рядом бюсты славных сынов Баварии.

Живопись, как и ваяние, много способствовала украшению города; фрески, изображающие либо аллегории, либо сцены из истории Баварии, украшают комнаты дворца, многих других зданий, и аркады, окаймляющие королевский сад. Но надписи, которыми Лудвиг снабдил произведения своих архитекторов, ваятелей и живописцев, не всегда удачны; между

1 J. G. Kohl, „Die Donau“.

ними есть даже непонятные; такова, например, сделанная у основания бронзового обелиска, воздвигнутого в память баварских солдат, погибших на походе в Россию. В общем, новые здания Мюнхена, каков бы ни был талант воздвигших эти издания архитекторов, кажутся холодными и пустынными: это большие декорации без жизни, хотя свидетельствующие о большой любви короля к искусству. Среди всех этих построек, не представляющих ничего ни баварского, ни германского, приятно остановиться перед старою церковью Божией Матери (Fraunkirche), кирпичным зданием, массивным и лишенным грации, но оригинальным, мощным и по крайней мере соответствующим гению мюнхенских граждан, выполнивших эту работу в течение второй половины XV столетия, для прославления своего города.

В Мюнхене существуют весьма богатые коллекции; после дрезденского музея, старая Пинакотека столицы Баварии есть самая богатая картинная галлерея Германии; в ней представлены все школы: из произведений великих мастеров особенно блещут картины Рубенса и произведения Альберта Дюрера, с изображениями четырех евангелистов; кроме того, она обладает тысячами рисунков и гравюр. В новой Пинакотеке, посвященной новой живописи, сохраняются некоторые ценные произведения между многими другими, еще ждущими оценки от времени. Глиптотека содержит литые статуи, гипсовые работы и знаменитые барельефы Эгейского храма, как самые полные и интересные остатки архаического ваяния; принадлежащая Глиптотеке коллекция античных ваз, с такою ученостью описанная Брюнном, есть одна из самых драгоценных в свете коллекций[1]; в национальном музее встречаются разнородные предметы всех веков, оружия и украшения, эмали и изделия из слоновой кости, ткани и изваяния. Наконец, находящиеся в Мюнхене многие галлереи частных лиц также поддерживают его значение как города искусств; при том же и его школа живописи есть самая знаменитая в Германии. Мюнхенская библиотека содержит миллион томов, множество рукописей и инкунабул (первопечатных книг до 1500 года), из которых самые драгоценные помещены в особых залах. Мюнхен обладает, кроме того, еще важными коллекциями в академии наук, университете[2], политехнической школе[3], географическом и других ученых обществах, между прочим, в палеонтологическом институте, основанном графом Мюнстером. Вне города, на правом берегу Изара, возвышается Богенгаузенская обсерватория, богатая прекрасными инструментами, сделанными в Мюнхене знаменитым Фрауэнгофером.

Город быстро растущий, Мюнхен уже занял видное место в ряду центров промышленности: в нем много мастерских для изготовления изделий из железа, бронзы и других металлов, и весьма искусные мастера занимаются изготовлением аппаратов, необходимых живописцам, математикам, натуралистам; литография, искусство, изобретенное в этом городе в конце XVIII века, все еще процветает там; наконец, в Мюнхене издается большое число журналов, между прочим, почти все католические газеты Баварии, так как город на Изаре есть главный центр католицизма южной Германии. Но из всех отраслей промышленности Мюнхена самая важная, конечно, та, которая всего более прославила его,—это производство пива. Его пивоварни едва могут вместить в своих громадных залах скопляющуюся в них вечером толпу; в праздники, харчевни и крытые аллеи содержат более посетителей, чем стекается в красивых аллеях английского сада, раскинутого вдоль Изара, к северу от города, и в тени аллей Нимфенбурга, этого баварского Версаля. Пивоварни служат центрами местной жизни; различным обществам любителей пива, существующим под странными названиями в Мюнхене и его окрестностях, нет счета.

В конце 1895 г. в Мюнхене было 28 пивоварен, с средним годовым производством около 3 миллионов гектолитров, ценностью, в розничной продаже, не менее 66 миллионов марок.

В лучшую пору года, вокруг Мюнхена населяются временные предместья: маленькие города и деревни на Альпах, Штернберг и Тегернзее, при своих прелестных озерах, Партен-

1 E. Desjardins, „Notes manuscrites".

2 В Мюнхенском университете считалось в 1895 г. 166 профессоров и доцентов, 3.754 студента; его библиотека содержала около 300.000 томов.

3 В политехнической школе было в 1895 году 1.400 учащихся.

кирхен, в нагорной долине Лойзах, Берхтесгаден, Рейхенгалль и другие бальнеологические станции в окрестностях Зальцбурга, расположенные вокруг горы Унтерсберга, каменоломни которой снабдили Мюнхен материалом, потребовавшимся на постройку его громадных зданий. Из курортов наиболее посещается Рейхенгалль, благодаря обилию и действительности его соленых вод. Этот старый город, последний слог имени которого придавался древними галльскими жителями Германии всем соляным источникам, заключает в себе естественные ключи, воды которых протекли по громадным слоям соли, разрабатываемым в Берхтесгадене и в галлереях Галлейна, на противоположных скатах Дюрренберга. Те же соляные пласты, разрабатываемые в горных долинах Зальцаха и Залаха, эксплоатируются также и на равнине, благодаря построенному в 1817 г. водопроводу, несущему соляные воды Рейхенгаля к Трауэнштейну. Водопровод этот идет дальше на запад, по склонам возвышенностей, до города Розенгейма, древнего Pons Oeni римлян, на левом берегу Инна, так что общее его протяжение не менее 96 километров.

Солеварни Рейхенгалля дают соли ежегодно около 100.000 двойн. центнеров.

Вниз по реке от Мюнхена, в долине Изара, только два значительных города: Фрейзинг и Ландсгут. Фрейзинг, некогда резиденция епископа, обладает построенною в XII веке церковью в византийском стиле и дал свое имя Отто фон-Фрейзингу, одному из первых немецких историков; менее древний Ландсгут больше Фрейзинга, он был столицею нижней Баварии и стал, после Ингольштадта, местопребыванием университета, переведенного впоследствии в Мюнхен. Ландсгут один из самых замечательных городов Баварии по своим памятникам, которые все созданы в оригинальном и смелом стиле и окружены домами, сохранившими из прошедших веков свою живописную наружность. Находящаяся в Ландсгуте готическая церковь св. Мартина, строившаяся три века, вздымает свой шпиль более чем на 140 метров, а на господствующем над Ландсгутом холме стоит древний герцогский замок Трауснич, в котором можно видеть изваяния романской часовни первых годов XIII века. В этом замке родился Конрадин, последний из Гогенштауфенов.

Что Мюнхен для Баварии в собственном смысле, то для баварской Франконии Нюрнберг: он стал её главным городом, хотя и не пользовался выгодами, представляемыми резиденциею государя. Нюрнберг стоит уже в рейнском бассейне, на обоих берегах Пегница,— реки, которая чрез Регниц соединяется с Майном. Самое имя реки свидетельствует о славянском происхождении древних обитателей страны; с 1050 года, когда впервые является в летописях название Castrum Norenberc, колонисты-венды жили здесь под охраною крепости, и соседнее с ней поселение мало-по-малу разрослось в германский город, тем легче, что могила св. Зебальда привлекала сюда бесчисленное множество странников. Нюрнберг, благодаря своему счастливому положению в месте пересечения двух больших торговых дорог, от Дуная к Рейну и из Италии в страны северной Германии, быстро сделался одним из главных рынков Германии, так как долина Регница служит, по направлению к Тюрингену, продолжением долины Леха, долго бывшей одною из главных дорог в Италию. Таким образом, Нюрнберг стал на севере Дуная соперником Аугсбурга. О важности его в торговле свидетельствует старинная пословица: «Nurnberger Hand geht durchs ganze Land» (Нюрнберг протянул руку чрез всю страну).

Хотя Нюрнберг стоит на песчаной равнине, в нескольких километрах к западу от покрытых лесом холмов, называемых «Нюрнбергскими горами», он представляется довольно величественным, доминируемый своим древним замком и башнями, которые видны издалека, сквозь дым от заводов. Из больших городов Германии Нюрнберг лучше других сохранил вид старинных вольных городов, в которых, в средние века, сосредоточивалась вся промышленная, артистическая и научная жизнь страны. Разделенный р. Пегницем на две почти равные части, он еще доныне обнесен своими старинными стенами; но место рвов уже занято огородами, аллеями, в амбразурах цветет сирень, а по щелям в стенах ползут вьющиеся растения. Над воротами возвышаются могучия круглые башни, по вершине опоясанные выдающимися валиками, и на самом высоком пригорке в городе стоят массивные здания и башни

укрепленного замка, служившего дворцом германским императорам. Улицы, чистые, но неровные и гористые, обставлены домами с высокими шпицами и крышами, продырявленными несколькими рядами слуховых окон; почти все дома имеют посередине своего фасада выступающее наружу большое окно, украшенное скульптурами и уставленное цветами; рынки и площади украшены прелестными фонтанами, в готическом стиле или в стиле Возрождения, обнесенными резными решетками. Интересны многие церкви Нюрнберга: одна, св. Лаврентия, замечательная особенно своею розеткою, построена вся в готическом стиле; тогда как церковь патрона города, св. Зебальда, имеет романские хоры. Все эти памятники украшены ценными барельефами, гробницами и скиниями (дарохранительницами), которые изваяны великими художниками немецкой эпохи Возрождения, Адамом Крафтом, Фейтом Штоссом, Петром Фишером. Очень красива также часовня в романском стиле, в одной из зал которой хранятся орудия пытки, употреблявшиеся еще в начале XIX столетия. В Нюрнбергском замке находятся индийские коллекции братьев Шлагинтвейт.

Нюрнберг по всей справедливости был выбран как место нахождения для германского музея, основанного в 1852 году бароном Ауфзессом. Это—собрание коллекций, взятых отчасти в одном картезианском и одном августинском монастырях, и увеличивающееся так быстро, что уже не хватает места для расстановки всех накопившихся богатств. Великая эпоха свободных городов представлена в этом музее предметами неоценимыми, тканями, вышивками, раскрашенными рукописями, первопечатными книгами, переплетами, журналами первых времен книгопечатания, гравюрами на дереве и металле, картами, планами городов, математическими инструментами, старинными часами, называвшимися «нюрнбергскими яйцами». Эти драгоценные коллекции, особенно альбомы, учебные и приходорасходные тетради, лучше всяких других документов раскрывают жизнь людей той эпохи и преимущественно граждан Нюрнберга, отличавшихся между жителями других вольных городов своим изобретательным умом. Музей обладает также роскошными новыми церковными оконницами и несколькими картинами, между которыми блистает портрет, подписанный Альбертом Дюрером, знаменитейшим из граждан Нюрнберга. В этом же городе родились живописец Вольгемут, поэт Ганс Сакс и географ Мартин Бегайм.

После Тридцатилетней войны, значение Нюрнберга стало падать; корпорации, опутанные сетью регламентов и формальностей, не могли, по-прежнему, успевать в промышленности, и труд стал слабеть в городе, некогда столь шумном; народонаселение мало-помалу уменьшалось, так что в начале нынешнего века не превышало 26.000. Но с тех пор, как войны и революции сломили устаревшие формы, город возродился, «Нюрнбергская сметка» (Nurnberger Witz), приведшая к стольким изобретениям, проявляется снова. Будучи самым важным фабричным городом Баварии и вторым по количеству населения, Нюрнберг окружен большим числом мануфактурных предместий, из которых лежащий к западу от него Фюрт, при слиянии Регница и Пегница, образует с Нюрнбергом один промышленный центр; эти два города соединены железною дорогою, одною из первых в Европе по времени постройки. В окрестностях теснятся заводы стеклянные, металлургические, зеркальные, фабрики сусального золота, химических продуктов, заведения для постройки локомотивов, вагонов и разных машин. В Штейне находится знаменитейшая во всем свете карандашная фабрика, ставшая собственником Алиберовых графитных копей в Саянских горах. Нюрнберг, стоящий в точке пересечения шести железных дорог, захватил в свои руки и торговлю игрушками, выделываемыми в деревнях Франконии и рассылаемыми во все страны света.

В долине Регница, очень населенной, есть и другие города, кроме Фюрта. На швабском Резате, к югу, стоит Вейссенбург (Weissenburg am Sand), обогащаемый своими пивоварнями; на франконском Резате, образующем с другим Резатом реку Регниц, стоит город Ансбах, или Аншпах, древняя резиденция маркграфов ансбах-байрейтских и родина поэта Платена. Выше Фюрта, на Регнице, стоит старинный город Швабах, где поселилось много французских эмигрантов после отмены Нантского эдикта. Ниже по реке, в песчаной и лесистой

местности, находится Эрланген, своею правильною постройкою напоминающий шахматную доску. Город этот тоже приютил большое число эмигрантов, которые подарили его многими промыслами, перчаточным, чулочным, басонным, кожевенным, и значительными школами; с 1743 года в Эрлангене существует протестантский университет[1]. Ниже находится древний город Форхгейм,служивший резиденциею Карлу Великому и другим императорам, местом заседаний имперских сеймов, а также соборов, и еще в настоящее время окруженный древними стенами. Наконец, в небольшом расстоянии от слияния Регница и Майна, вверх по течению, стоит знаменитый Бамберг, древний Бабенберг X столетия. Раскинутый на пяти холмах, разделенный извилистою рекою Регниц и каналом Лудвига на три части, он занимает большое пространство, и со всех сторон в черту города проникли сады. Высящиеся на холмах церкви придают городу вид большого: одна из них, доминируемая четырьмя башнями, есть кафедральный собор романского стиля, основанный императором Генрихом III в начале XI века и частию перестроенный в период готической архитектуры. В середине величественного внутренняго пространства собора стоит саркофаг Генриха II и его жены Кунигунды, украшенный изваяниями XVI века. Библиотека города содержит драгоценные рукописи, между прочим, библию, писанную Алкуином для Карла Великого. Бамберг считался некогда центральным городом империи, и его положение как-раз в точке раздвоения великого исторического пути из Аугсбурга и Нюрнберга—в одну сторону, через Франкфурт к Рейну, а в другую через Лейпциг к Эльбе, делает Бамберг весьма важным пунктом в отношениях торговом и путей сообщения. Его жители рассылают в громадных количествах плоды и овощи своих садов и огородов; в окрестностях находятся прекрасные леса, озера, загородные дворцы.

Байрейт, в верхней долине Красного Майна, соперничает с Бамбергом и населением, и промышленностью. Байрейт, некогда резиденция маркграфов бранденбургских, сменил соседний с ним Кульмбах, в качестве главного города Верхней Франконии. В окрестностях Байрейта находятся прелестные виллы; на холме, возвышающемся к северу от него, стоит «национальный театр», в котором Рихард Вагнер играл свои оперы. Этот франконский город замечателен и в истории литературы: в нем жил и умер Жан-Поль Рихтер, родившийся в Вунзидле на Фихтельгебирге. Знаменитый живописец Лука Зундер, более известный под именем Кранаха, носил это прозвище по своей родине, называемой в настоящее время Кранахом и лежащей в одной из долин южного склона Тюрингенских гор. Местечко Лихтенфельс на Майне, при соединении трех важных железных дорог, хорошо известно в торговом мире выделкою корзин из прутьев ивы, камыша, индийского тростника и других гибких растений всяких стран.

Ниже впадения Регница в Майн первый значительный город—Швейнфурт. Этот старинный вольный город, родина поэта Рюккерта, отличается весьма деятельною промышленностью: в нем есть фабрики сахарные, обойные и разных красок, особенно так называемой «швейнфуртской зелени». Жители производят имя своего города, означающее по-немецки «брод свиней», от названия Schwabenfurt (брод швабов); если верить этому толкованию, Швейнфурт служил таким же местом перехода древним швабам, каким Франкфурт был для франков. К северо-западу от Швейнфурта, на берегах франконской Заалы, находится курорт Киссинген, посещаемый больными уже с XVI века и в наши дни сделавшийся одним из лечебных мест, привлекающих в летнее время наибольшее число иностранцев[2]. Его воды настолько обильны, что питают значительные солеварни.

Продолжая следовать по течению Майна вниз от Швейнфурта, путешественник проезжает через Китцинген, пивоварни которого принадлежат к важнейшим в стране, хотя Бавария повсюду богата заведениями такого рода; затем через деревню Оксенфурт, имя которой (брод быков) заставляет сомневаться в правильности этимологии, даваемой жителями

1 В Эрлангенском университете числилось в 1893 г.: профессоров 57, студентов 1.100, его библиотека содержала 185.000 томов.

2 В 1893 г. в Киссенте перебывало более 15 т. гостей.

Швейнфурта для наименования своего города. Вютцбург (правильнее Вирцбург),—самый населенный город Франконии, в котором построена первая церковь страны; там в 1749 году была предана казни светскою властью последняя германская колдунья, Рената Зингер. Четыре башенки романского кафедрального собора, красивая стрела часовни Св. Марии, прелестной церкви в готическом стиле, серые колокольни самого древнего памятника в городе, церкви Св. Буркгарда и многие другие здания, вместе с башнею городской стены и высокими шпицами домов, придают Вюрцбургу очень живописный вид. В городе находится дворец королевский, прежде епископский, пышное жилище во французском стиле XVIII века, окруженное садами; но здание, составляющее славу Вюрцбурга не по архитектуре, а по своим коллекциям и богатой библиотеке,—это его университет, основанный в 1582 году и посещаемый преимущественно студентами-медиками, находящими здесь большие подспорья для своих занятий в образцовом госпитале, прекрасных лабораториях и богатом анатомическом музее. Главный город Франконии в то же время имеет значение промышленное и торговое; он обладает большими фабриками, особенно машино-строительными; окрестные горные склоны покрыты чрезвычайно плодородными виноградниками, благодаря климату области, самой теплой в Германии[1]; наиболее ценятся вина, производимые холмом крепостцы Мариенберг, пред которой некогда были изрублены тысячи восставших крестьян. В Вюрцбурге умер знаменитейший миннезингер Германии, Вальтер фон-Фогельвейде; его могила исчезла, но ее заменили плитою с углублениями, в которые местные жители кладут всякое утро запас крошек для птиц. Это просил завещанием сам певец, для оправдания и после смерти своего имени (кормежка птиц).

В Баварии находится еще один город на Майне,—Ашаффенбург, а по народному произношению Ашеборг; но здесь Майн, окончательно покинув горы, течет уже по рейнской равнине. Ашаффенбург с большими бумажными фабриками, принадлежит к одной естественной области с Франкфуртом и рейнскими городами; в течение веков он служил летнею резиденциею архиепископам майнцским, из которых один и построил в ней замок из красного песчаника, господствующий над городом своею внушительной массою и своими четырьмя башнями, и богат гравюрами, картинами и другими ценными предметами. Что касается города Ротенбурга, стоящего на Таубере, южном притоке Майна, то он, казалось бы, должен принадлежать скорее Вюртембергу, так как Таубер орошает во всем своем течении эту страну. Ротенбург, с большим числом средневековых церквей и домов эпохи Возрождения, есть один из городов Германии, наилучше сохранивших свой прежний вид: только весьма немногие новые здания свидетельствуют о переменах, происходивших в нравах населения за последние три века. В окрестностях находятся разнородные каменоломни: гранита, известняка и песчаника.

В том же бассейне Эльбы находится другой важный город Баварии: промышленный Гоф, богатый прядильными и другими фабриками. От него начинается уже мануфактурная область, продолжающаяся на восток в Саксонию и Богемию, по обе стороны Рудных гор.

Главные города Баварии, к востоку от Рейна, с числом жителей в тысячах по переписи 1 дек. 1890 г. (в скобках показана цифра населения по исчислению в 1895 г.): Мюнхен (с Унтерзендлингом) 351 (414); Нюрнберг 143 (168); Аугсбург 76 (85); Вюрцбург 61 (67); Регенсбург 38 (40); Фюрт 43 (50); Бамберг 36 (40); Байрейт 25 (25); Гоф 24 (26); Пассау 18 (18); Ингольштадт 18 (19); Эрланген 18 (19); Амберг 19 (22), Ансбах 14; Кемптен 16 (17); Штраубинг 14; Швейнфурт 12; Ашаффенбург 14; Фрейзинг 9; Меммингген 10; Росенгейм 10.

1 Средняя температура Вюрцбурга $10^{\circ},_{40}$ (Aug. Vogt „Bavaria" B. IV, 216).

Глава VI Горы Тюрингена и Гессена, хребты Гарца

Гессен-Кассель, государства Тюрингенские, Эрфурт, южные округа Ганновера и Брауншвейга

Эта область Германии, отделяющая юг от севера, обширный бассейн Дуная от большой приморской равнины, резко выделяется в отношениях географическом и историческом, хотя и нельзя точно очертить её пределов, так как по окраинам она сливается, с окружающими областями. Представляя проходы, позволяющие движение из долины Майна в долины Везера и Эльбы, область эта, тем не менее, в течение долгого времени составляла особый мирок, вокруг которого жизнь социальная и политическая складывалась иначе, чем в нем. Несмотря на постигавшие область вторжения и войны, она составляла раздельный оплот между двумя частями Германии, тем более надежный, что в этом месте германская территория сжата горами Богемии, выдвинутыми клином к западу. Естественная склонность народов передвигаться с востока на запад или с запада на восток, по градусам широты, еще увеличивала важность Тюрингенских гор, как границы между государствами. С другой стороны, эта посредствующая местность Германии, покрытая неравными высотами, разрезанная на множество речных долин, обращающая свои склоны к противолежащим морям, в своем географическом целом представляет слишком много разнообразия, чтобы её население могло сплотиться в одну политическую группу, разнящуюся от соседних великих государств. Это объясняет странное распадение местности на маленькия княжества, врезывающиеся одно в другое, подобно чередующимся пахатным полям, лугам и лесам. Один Саксен-Веймар состоит из трех главных частей и двадцати четырех меньших, второстепенных[1]. При разделе владений князья, большие землевладельцы и даже крестьяне делили землю так, чтобы каждому получить свою долю различных угодий местности. Два княжества Шварцбурга: Рудольштадт и Зондерсгаузен, состоят оба из владений нагорных и владений на равнине. Так и в Гарце, Брауншвейг делится на две половины, верхнюю и нижнюю. Во многих местах Тюрингии подел земли дошел до того, что почва, покрывающий ее лес и водящаяся в нем дичь принадлежат разным владельцам[2]; но политическое единство устанавливается все сильнее и сильнее. Совершившиеся в течение последних 80 лет реформы в смысле централизации наполовину сгладили границы маленьких государств. Прежния границы обращаются в простые административные межи; для школ и судов границы отдельных владений уже не существуют, потому что Пруссия, обладая частью Тюрингена, уничтожила их к своей выгоде. Поэтому страны средней Германии удобнее изучать не по оффициальной номенклатуре, а по их географическому положению.

Средняя Германия обнимает следующие государства и провинции:

Бывший Гессен-Кассель (ныне прус. Кассельский округ); княжество Вальдек; великое герцогство Саксен-Веймар; герцогство Саксен-Мейнинген; герцогство Саксен-Альтенбург; герцогство Саксен-Кобург-Гота; княжество Шварцбург-Рудольштадт; княжество Шварцбург-Зондерсгаузен; княжество Рейс (линии старшей); княжество Рейс (линии младшей); прусский округ Эрфурт; округи Гарца (пруск. провинция Ганновер); горную часть герцогства Брауншвейгского; княжество Липпе-Детмольд и княжество Шаумбург-Липпе.

Высоты Тюрингена, обозначаемые по-немецки названием Тюрингервальд (Тюрингенский лес), состоят из самых разнообразных горных пород, но по своей внешней форме отличаются замечательной правильностью. В целом, граниты и порфиры Тюрингервальда, нижние склоны которого покрыты осадочными пластами, расположены параллельно второстепенным цепям Нижней Тюрингии, в виде узкого и длинного хребта, тянущагося от северозапада к юго-востоку, от берегов Верры к нагорной площади Франкенвальда. Они не поднимаются очень высоко, и ни одна из их вершин не достигает высоты 1.000 метров. Но за то

1 A Himty, „Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale", I.

2 Bernhard Cotta, „Deutschands Boden", S. 140,155,156.

цепь эта и не прерывается глубокими вырезками: с конца в конец горный вал идет слабыми волнами, и только наружные склоны осадочных пород прорезаны извилистыми ущельями, и тут горные массы обрываются крутою стеною над равниною.

Гребень Тюрингервальда, почти по всей его длине, менее труден для прохода, чем была неровная подошва предгорий до постройки дорог, и было бы весьма легко провести по вершине большую дорогу, если бы интересы местных довольно редких деревень могли уравновесить необходимые издержки. Уже с незапамятных времен проходит по линии хребта, обходя самые высокие вершины, дорога таинственного происхождения, Ренштейг, имя которой означает, вероятно, «Пограничную тропинку» и которая, действительно, служит межою нескольким маленьким государствам и многим частным владениям; эта лесная дорога, длиною больше 200 километров, и по всей своей длине проезжая, есть настоящая граница между Франконией (прежний Грабефельд) и собственною Тюрингией, между Германией южною и северною. Оба склона цепи различаются как наречием населения и названиями местностей, так и нравами и юридическими обычаями, народною пищею и одеждою, наконец, архитектурою домов: для тюрингенцев северный склон—«их страна», южный—чужая. Это-то и есть, вероятно, граница, упоминаемая в одном, помеченном 738 годом, письме папы Григория III к немецким князьям, а также в летописи Фульдского аббатства, начинающейся 750 годом[1]. Во многих местах с дороги и с окамляющих ее там и сям бывших оборонительных валов видны оба склона цепи, прорезающие ее долины, а вдали зеленеющие поля. В настоящее время торговые пути и тропинки переходят цепь во многих местах, но железной дороги еще не проведено через нее. Спешащие путешественники должны огибать ее с запада и востока; но сколько тысяч посетителей останавливаются ежегодно в городах и деревнях Тюрингии для прогулок в тени большого леса, по берегам её рек, вдоль подошвы её скал с пещерами, по узким лугам её долин! Тюрингервальд—это «парк Германии». В немногих странах света деревья, почти исключительно буки, сосны, ели или пихты, так хорошо выхолены и так красивы.

Холмы и возвышенные известковые площади, служащие северным продолжением Тюрингервальду, идут параллельно главной цепи и представляют множество пещер, в которых скопляется с поверхности земли вода, орошающая долины могучими ручьями, на берегу которых возникли города и местечки. Между пещерами Тюрингии ни одна не приобрела такой славы, как «пещера Венеры», или, проще, Герзельлох, в горе Герзельберг, к востоку от Эйзенаха. Некогда считали эту пещеру преддверием ада или чистилища, по раздающемуся в ней от ветра глухому шуму, похожему на гул от дальней битвы; в средние века пещера обозначалась латинским названием «Mons horrisonus» (Гора ужасно звучащая[2]). Легенда представляет ее местом жительства «госпожи Венеры», окруженной очарованными ею рыцарями. Замечательно, что в пещерах Тюрингии, а также Вестфалии и всего севера Европы, не встречается слепых насекомых и других животных, находимых в таких же пещерах Крайны и Пиренеев[3].

Верра, или верхний Везер, вытекающий с южного склона Тюрингенских гор, т.е. в южной Германии, составляет на западе границу Тюрингервальда. В этой бывшей территории херусков простирается богатый соленосный бассейн, подавший, в I-м веке христианского летосчисления, повод к страшной «войне из-за соли», окончившейся победою гермундуров, предков тюрингенцев, над каттами, прародителями гессенцев. К западу подымается горная масса Высокого Рена, стоящая частью на баварской территории, частью на прусско-гессенской. Массив этот состоит из конусов базальта, фонолита, трахита и сходен с кучами лавы на севере Богемии, за исключением разве того, что вершины этих конусов более закруглены, а некоторые из них кончаются почти горизонтальными площадками, на которых растут торфяные мхи. Вокруг главной массы, с теснящимися и воздымающимися друг над другом ко-

1 Bruckner, „Der Rennstieg in seiner historischn Bedeutung“.

2 „Mittheilungen von Petermann“. B. VII, S. 1867.

3 Gustav Joseph, „Die Tropfsteingrotten in Krain“.

нусами, рассеяны меньшие, потухшие вулканы, расположенные, подобно островкам, все реже по мере удаления от главного центрального острова. Возвышения эти рассеяны поверх известняков и других пород, как-бы пригвожденных на песчаниковом плато эруптивными

Типы саксенъ-альтенбургцевъ.

скалами[1]. В равнине, к стороне Баварии, массы лавы, вылившиеся сквозь другие формации, имеют вид стен, построенных рукою человека. Вершины Рёна достигают почти одинаковой

1 Bernhard Cotta, „Deutschlands Boden.“

высоты с вершинами Тюрингена; но долины его, простые овраги между отвердевшими потоками лавы, не глубоки и однообразны по форме. В этом отношении обе помянутые местности резко отличаются: Тюрингервальд мягок в очертаниях, а Хоэ-Рён обрывист и дик; на нем мало деревень, и на его склонах лишь изредка встречаются обработанные поля. Впрочем, во многих местах видны древние террасы, прежде обработанные, а теперь служащие пастбищами: горное население всегда переселяется в соседнюю долину.

Вулканического же происхождения и воздымающийся к западу от Фульды Фогельсберг (птичья гора). Это не группа переплетающихся гор, как Рён, а одиноко стоящая гора, изумительно правильная—притупленный конус, возвышающийся приблизительно на 600 метров над окружающими полями, с средним наклоном не более одного градуса; диаметр круга, служащего основанием этой массе лавы, не меньше 50 километров. Огромный конус изборожден по всей окраине своего основания расходящимися в виде лучей долинами, которые все начинаются простыми складками базальтовой массы; по мере расхождения этих долин отделяющая их почва углубляется посредине и образует второстепенные долины, так что окраина горы представляет подобие плоеного воротника, сходное с вулканом Семеру, на острове Яве. На Рёне нет заметных кратеров: все древние вершины лавы сгладились. Общая правильность Фогельсберга все же не лишает его разнообразия видов; многие придаточные конусы вздымаются, как на Этне, над расселинами скатов; застывшие потоки базальта выветрились меньше и унизывают поверхность лавы башнями и колоннами; в некоторых местах виднеются как бы древние постройки, а на выдающихся отрогах Фогельсберга и на окружающих его отдельных вулканических скалах действительно рассеяно несколько средне-вековых замков. Разложившаяся лава чрезвычайно плодородна, и питаемые ею деревья принадлежат к наиболее могучим и плодоносным в Германии; но значительное среднее возвышение местности и редкость водяных ключей помешали культуре завладеть всеми склонами вулкана: он очень мало заселен, и хотя окружен сетью больших почтовых и железных дорог, но не прорезается ими.

К северу от Фогельсберга холмы Гессена примыкают к шиферным возвышенностям на берегах Рейна. Нигде они не имеют вида цельных хребтов, а возвышаются различными массами, либо совершенно уединенными, либо причудливо перепутанными, но нигде не возвышающимися более чем на 400 метров над окрестными равнинами и не затрудняющими сообщения между бассейнами Везера и Рейна. Только некоторые вершины своею смелою формою напоминают настоящие горы. Так, Габихтсвальд (Ястребиный лес), к западу от Касселя, своими базальтовыми выступами значительно увеличивает красоту перспектив, представляющихся из аллей садов Вильгельмсгее. Между Касселем и Эшвеге возвышается другая гора, наиболее известная в Гессене по своему совершенно уединенному положению: то Мейснер, базальтовый стол, виднеющийся с далекого расстояния. Подобно многим другим вулканическим излияниям, Мейснер, будучи еще в мягком состоянии, залил более древние скалы, которые и предохранил тем от выветривания и разложения; эти слои лавы скрывают под собою большие пласты лигнита, добываемого по всей окраине горы, в высеченных в базальте галлереях[2]. Один из этих пластов медленно горит уже в течение веков.

Высоты, обступающие с востока и запада среднюю долину Везера, отличаются от высот гессенских своею чрезвычайною правильностью. Подобно сходной с ними в геологическом отношении Юре, они расположены цепями, однообразно направленными от юго-востока к северо-западу, параллельно оси Тюрингервальда и Бёмервальда. Знаменитейшая из этих цепей, Тевтобургский Лес, известный поражением в нем легионов Вара, тянется к равнинам Ганновера, и последние выступы цепи упираются в берега Эмса. То была первая цепь гор, встреченная римлянами по переходе через Рейн и при следовании по равнине Вестфалии; тут же был сломлен их первый натиск; но недалеко отсюда Германик отомстил за поражение, нанесенное римскому могуществу, и с этих первых времен истории Германии происходило много битв из-за владения этим внешним оплотом тюрингийцев и саксонцев. Как во

2 Bernhard Cotta, „Deutschlands Boden," S. 130.

времена Арминия, так и теперь, холмы эти, по крайней мере частью, покрыты лесами, но на их западном подножье леса исчезли, и почти всюду серые поля поражают своим контрастом с зеленью высот. Вдоль подошвы Тевтобургских гор, к северу от Падерборна, расстилается настоящая песчаная степь, Сенна, знаменитая своею породою ретивых лошадок, между тем как к югу от того же города тянется Зинтфельд, каменистый, безводный и бесплодный край. Местами возвышенности Тевтобургского Леса прерываются, подобно Юре, проходами, или воротами (Thuren). Сквозь эти ворота проходят торговые пути, по которым и расположились города страны, как бы ожидая проезжих. Чрез одни из этих ворот, у Биллефельда, проходит главная железная дорога северной Германии, от Кёльна до Берлина; затем она же, к югу от Миндена, проходит другими воротами чрез горную цепь, параллельную Тевтобургскому Лесу. В этом месте Везер, который, в третичную эпоху, продолжал течь в северо-западном направлении, чтобы излиться в Эмсский залив, наперед проложил дорогу человеку: тут находятся знаменитые Вестфальские Ворота, Porta Westphalica, величественный вход в которые виднеется путнику еще издали. Широкая брешь Вестфальских Ворот, названная так в XVIII веке, всегда считалась большим путем для народов, и обладание ею подало повод ко многим битвам. На господствующем над ними с запада возвышении Ведеберге видны остатки древнего форта, построенного, как повествует легенда, саксонцем Виттекиндом.

Группа гор Гарца, воздымающаяся к востоку от Везера,—одна из замечательнейших в Германии: её изолированность среди равнины, крутизна боков, сравнительная высота вершин, придают Гарцу, по виду, большее значение, чем каким пользуются высшие против него горные массы. Главную вершину группы, Броккен, возвышающуюся настолько же над плоскогорьем, насколько последнее стоит выше равнины, долго принимали за высшую точку всей Германии. Древние породы, из которых состоит Гарц, прорваны двумя гранитными массами, а в некоторых местах выступили наружу другие эруптивные породы; но, в целом, горы Гарца расположены самым правильным образом, протягиваясь, подобно Тюрингенским, длинными хребтами от юго-востока к северо-западу, при чем все меньшие боковые отроги орьентированы по главной оси, так что вся группа представляет удлиненный овал. Самые крутые скаты и наиболее высокие вершины находятся на северо-восточном фасе, непосредственно над низменной равниной, отчего контраст еще поразительнее. К югу простирается богатая долина Унструтта, бывшего озера, плодородная наносная почва которой дала повод назвать эту местность «Золотым Лугом» (Goldene Au).

Гарц, или Гарт,—как его называли в средние века,—сохранил бывшее известным уже грекам имя древнего «Герцинскаго» леса, покрывавшего все горы центральной Германии. Между тем как другие горы уже утратили свою растительную красу, Гарц сохраняет ее, по крайней мере на нижних склонах и на всей юго-восточной части, называемой Нижним Гарцем (Unter-Harz). Дующие на высоких горных площадях северные и северо-восточные ветры не дозволяют лесам выроста вновь, и вся нагорная растительность состоит лишь из лишаев и торфяных мхов. Во многих местах скалы совсем обнажены, и непогоды оторвали глыбы камня и изваяли поверхность в виде зубцов и шпилей причудливых форм. Местами простираются «моря камней», подобные lapiaz и Karrenfelder на Альпах: то «проклятые камни», между которыми, по народному поверью, плясали колдуньи в шабашные ночи. Гарц—первый оплот Германии от сырых ветров с Северного моря и Атлантического океана, и облака часто скопляются густыми массами вокруг Броккена; дождь ливнями падает на его скаты, и туманы ползают по Гарцу длинными массами, разрывающимися и принимающими многобразнейшие формы. Но, несмотря на обилие дождей, падающих на плоскую возвышенность Гарца, источники на нем редки: влага уходит в щели почвы. Однако, возвышенные торфяники задерживают в своей губчатой массе достаточное количество воды; подобно ледникам Альп, они служат резервуарами воды для ниже лежащих равнин, и ручейки получают из них свои первые воды[1].

Число копей и рудников в Гарце очень велико; между тем как холмы при Везере достав-

1 Kutzen, „Das deutsche Land“, B. II. S. 167.

ляют преимущественно соль, могучая масса Герцинских гор давно славится своими рудниками серебра, свинца, железа. Гарц—та горная местность Германии, в которой разработка рудников началась еще в средние века, и при том раньше, чем в других местах: серебросные пласты Раммельсберга, близ Гослара, открыты, говорят, в конце X века, и исторические свидетельства подтверждают, что в течение следующего века местные города уже богатели от добывания этого благородного металла. Рудокопы с Гарца учили рудокопов Фрейберга и всех саксонских Рудных гор, и с того времени разносили свое искусство по всему свету. В некоторых частях Гарц дотого изрыт рудокопными галлереями, что, по выражению местных горных жителей, здесь «под землею стоит больше древесных стволов, чем поверх неё». Одна из шахт Андреасберга, к юго-западу от Броккена, до углубления шахт в Пржибраме, была глубочайшею в свете: она опускалась на 850 метров под поверхность земли. Именно разработка рудников вызвала как появление больших деревень и городов на возвышенных плоскостях Гарца, так и увеличение населения многочисленных городов, стоящих на его подошве. Подобно Ломбардии, представляющей сельским хозяевам наилучший пример рациональной утилизации вод для орошения полей, металлургическая область Гарца, усеянная множеством искусственных озер, представляет почти совершенную картину употребления движущих сил для приведения в действие заводов: здесь ничего не теряется из даровой силы, доставляемой природою[1]. В настоящее время добывание руд, достигая ежегодно количества свыше 100.000 тонн различных минералов, значительно утратило свою прежнюю экономическую важность в общей промышленности Германии; большое число галлерей, лежащих ниже прорезающих горы подземных стоков, затоплены водою. В наши дни это любовь к природе влечет преимущественно путешественников к горам Гарца. Каждый год жители городов мириадами приходят сюда подышать чистым воздухом вершин и полюбоваться на необъятный горизонт равнин, простирающийся до Северного моря.

Великия воспоминания истории, которой Гарц был некогда один из главных центров в Германии, сохранились в легендах, разрабатываемых новейшими писателями. Подобно искателям кладов, роющимся в развалинах Гарцбургского замка в поисках за короною, брошенною бежавшим императором Генрихом IV, германские поэты собирают предания из уст здешних крестьян и рудокопов, и величайший из немецких поэтов, Гёте, съумел вплести некоторые из этих рассказов в фабулу о Фаусте. Так же богаты легендами и различные хребты гор, расположенные, к югу от Гарца и Гольдене-Ау, в бассейне Тюрингии. Одна из вершин есть знаменитый Киффгейзер, гранитный массив, с развалинами замка. Для купцов, возвращавшихся с лейпцигской ярмарки, этот императорский замок был «Мысом Доброй Надежды», потому что, приблизившись к нему, они избавлялись от страха быть ограбленными каким-либо мелким феодалом. Теперь бывший владетель замка уже не защищает путников: сидя у своего мраморного стола, он ждет, в темных пещерах горы, часа великого пробуждения. Вообще Тюрингия—страна легенд; над всею страною парит таинственная жизнь: скалы, ключи и гроты, развалины замков и аббатств, древние стены, большие, отдельно стоящие, деревья, облака, даже самый ветер,—все облечено в легенду. В Тюрингии люди живут в убеждении, что ночью видно «диких охотников», пролетающих длинными вереницами взапуски с облаками.

Различные высоты средней Германии:

Тюрингервальд. Средняя высота хребта 768 метр.; средняя высота площади основания 350 метр.; большой Беерберг 984 метр.; Шнеекопф 978 метр.; Инзельберг 914 метр.; Вартбург 395 метр.; замок Кобург 458 метр.

Верхний Рён. Большая Вассеркуппе 950 метр.; Фогельсберг Тауфштейн 772 метр.; Габихтсвальд 595 метр.; Мейснер 751 метр.

Гарц. Верхний Гарц (средняя высота) 630 метр.; Нижний Гарц 480 метр.; Броккен или Блоксберг 1.141 метр.; плато Клаусталь 560 метр.; Викторсхёхе (нижний Гарц) 537 метр.

Киффгейзер 740 метр.; Гольдене Ау (Золотой Луг) от 144 до 170 метр.

1 Thome de Gamond, „Memoire sur les eaux courantes“, p. 36.

Славяне племени собров или сорабов проникли до этой области Германии и даже живут отдельным населением в деревнях Саксен-Альтенбурга; они утратили свое славянское наречие, но еще отличаются костюмом и нравами. Подобно большинству своих славянских одноплеменников, сорбы Альтенбурга любят куртки и жилеты с блестящими металлическими пуговицами, широкие штаны, длинные сапоги; женщины следуют совершенно особым модам: узкая шапочка сдерживает косы, соединенные в шиньон, куртки с пестрыми рукавами перекрещиваются лацканами на груди и дополняются короткой юбкой, едва хватающей до колен. По древнему здешнему обычаю, наследство не делится между всеми детьми, а достается младшему сыну, так как большие по возрасту и силе считаются способными прокормиться и без наследства; часто они остаются работниками у младшего брата. Соседние немцы упрекают сорбов в жадности к деньгам и в любви хорошо поесть; но разве сорбы не могли бы обратить этот упрек на самих его авторов?

Тюрингенцы, населяющие не только северные склоны Тюрингервальда, но и верхний бассейн Заалы и её притоков до подошвы гор Гарца, представляют германскую расу по преимуществу. Лютер, тип германца, «величайший из сынов Германии», как его часто называли его поклонники, был родом из Тюрингин, так же, как Франке и Фребель. Населяя одну из богатейших стран Германии, тюрингенцы, как говорят, выделяются между всеми своими соотечественниками веселым характером, способностью увлекаться, любовью к музыке и танцам, резко отличаясь в этом отношении от своих соседей с запада, гессенцев, потомков древних каттов. Их гористая родина неплодородна и холодна, и они едва прокармливаются: «где не заработает гессенец», говорит немецкая поговорка, «там не прокормится никто». Поговорка эта свидетельствует об упорстве гессенцев в труде, но, поглощенные всецело своим делом, они работают невесело, не отличаясь свойственною их соседям в Тюрингии живостью и непринужденностью движений. Правда, в характере многих из них серьезность и даже уныние объяснимы бедностью: картофель и плохая водка не восстановляют достаточно сил крестьянина, и во многих округах племя это, некогда весьма здоровое, день-ото-дня слабеет. Маленькое княжество Вальдек, к западу от Касселя, содержит наибольший процент слепых и идиотов. Говорят, что гессенцы часто отличаются в своих поступках какою-то дикою необузданностью; вследствие этого немцы соседних местностей усвоили выражение «слепые гессенцы».

Слепых на 100.000 жителей: во всей Германии—89; в Вальдеке—151.

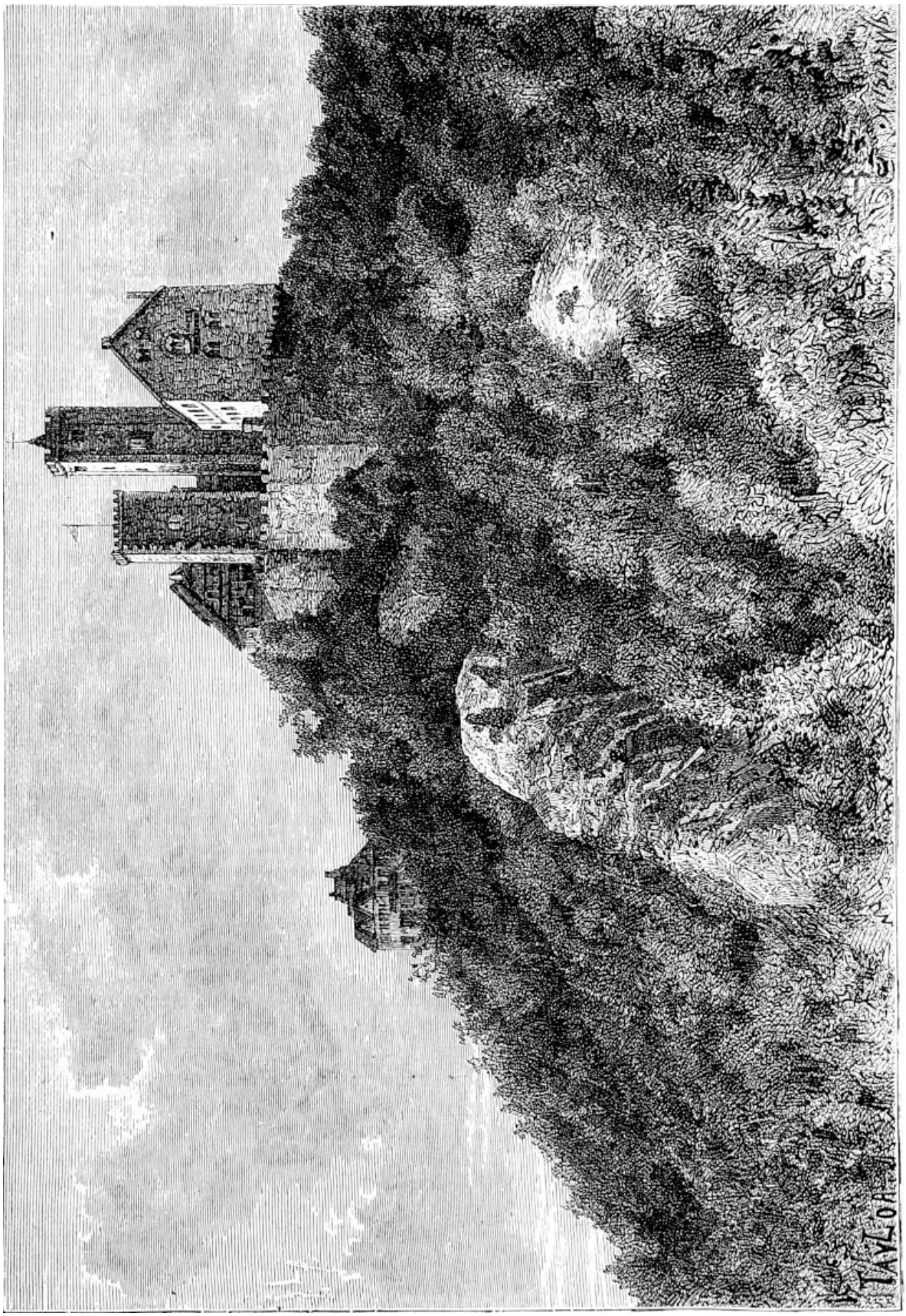
Идиотов на 100.000 жителей: во всей Германии—159; в Вальдеке—217[1].

Самым населенным городом гористой части центральной Германии является гессенский город Кассель. Счастливо расположенный на Фульде, посреди одного из самых широких бассейнов гессенской равнины, на одной из естественных дорог, соединяющих долины Везера с долинами Лана и Майна, Кассель есть, может быть, castellum римской постройки, что подтверждает и его имя; но в истории он упоминается впервые лишь с начала X века. Некогда столица курфиршества Гессенского, а во времена Наполеона главный город королевства Вестфальского, Кассель был пышною резиденцией, красовавшеюся многими зданиями, оплаченными ландграфом Фридрихом II, большею частью, продажею своих подданных Англии. Кассель обладает красивыми дворцами, с библиотеками, музеями, а также широкими площадями, хорошо расположенными садами и, в соседстве, аллеями, лесами, каскадами, статуями; он представляет великолепные виды с Вильгельмсгеэ—замка, величием своей постройки наиболее напоминающего дворец Версальский, но его окрестная природа далеко красивее вычурных ландшафтов, нравившихся Людовику XIV. В то же время Кассель—город труда: переселившиеся в него, во время религиозных преследований, фламандцы и французы водворили здесь многие промыслы, и сходящиеся у кассельского вокзала железные дороги делают из города центр весьма значительной торговли. Главные его промышленные заведения—литейные заводы, фабрики машин, вагонов и фортепиан.

Прелестный Марбург, построенный к юго-западу от Касселя и уже в рейнском бассейне,

1 G. Mayer, „Zeitchrift des Baierischen Statistischen Bureau“, 1876, n° 2.

на берегах Лана, есть университетский город прежнего гессенского курфиршества. Его университет[1]—первый в Европе основанный без разрешения папы в первые годы реформации, хотя Марбург для католиков был священным городом Германии. В окрестностях, на горе



Замокъ Вартбургъ.

1 В Марбургском университете было в 1894-1895 г. около 800 студентов; библиотека его состояла из 150.000 томов.

Кристенберге, или Кестерберге, возвышается древнейшая в стране церковь, построенная, говорят, на остатках языческого храма и посещаемая людьми набожными, с целью приложиться к следу ступни Св. Бонифация. На восток, на уединенной базальтовой скале, подобно Жерговийскому плато в Оверни, стоит Аменебург, разрушенная крепость которого, по сказанию хроникеров, заместила укрепленную деревню языческой эпохи; подле этой крепости находилось в средние века знаменитое аббатство. Марбург был также привлекавшею много странников целью пилигримства, как место погребения Елизаветы Венгерской. Содержавшая её останки церковь XIII столетия поражает изяществом своих размеров и благородною простотою: это один из драгоценнейших памятников первой эпохи готического стиля.

Древний город Фульда, лежащий в верхней долине реки того же имени, главного западного притока Везера, также славится в религиозных летописях Европы. Стоящая в нем статуя Св. Бонифация напоминает обращение в христианство язычников Гессена. Фульдские аббаты именовались «примасами всех аббатств Галлии и Германии». Но средне-вековые памятники почти все исчезли, и настоящим своим значением город обязан своей роли торгового посредника для Франкфурта и бассейна Везера. В одном из окрестных замков родился Ульрих-фон-Гуттен. Между Фульдою и Касселем, во всей долине Фульды, есть только один город с большим населением, чем 5.000 жителей: это—древний Герсфельд.

Главная река верхнего бассейна Везера, сохранившая древнейшую форму имени Верра (Wiraha), в верхнем своем течении не орошает Гессена, а направляется сначала к югу от гор Тюрингии, по саксонским герцогствам Кобург-Гота и Мейнингену. Стоящий при нарождающейся реке Гильдбурггаузен есть один из тех маленьких германских городков, где с удивлением встречаешь обширный «библиографический институт», и где издаются важные сочинения, особенно по истории и землеописанию. Мейнинген—столица одного из эрнестинских герцогств, названных так по родоначальнику владетельной фамилии, Эрнесту Благочестивому, обладает дворцом, художественными коллекциями и парком; но он менее важен, чем соседний с ним прусский город Зул, лежащий среди гор, недалеко от гребня Тюрингервальда. Окруженный железными рудниками, Зул был некогда «арсеналом Германии»: в XVI и XVII веках почти все рыцари дунайской области покупали в нем свои доспехи, а в Семилетнюю войну Зул снабжал шпагами и саблями обе воевавшие державы, Пруссию и Австрию. Да и ныне Зул изготовляет всякого рода оружие, особенно ружья; тем не менее, он лишь скромный соперник Эссена и Золингена.

Подобно Зулу, и город Шмалькальден стоит в долине одного из притоков Верры. Причиною его возникновения и прежнего богатства были железные рудники, снабжающие металлом его многочисленные заводы. Шмалькальден мало изменился в наружности с 1531 года—эпохи знаменитых конференций, на которых состоялся союз протестантских государей против Карла V. Шмалькельден обладает соляными копями; но центр добывания соли в Тюрингене находится в Зальцунгене, на берегах Верры. Недалеко оттуда находятся и наиболее посещаемые в Тюрингене соляные воды Либенштейна, одного из главных исходных пунктов для путешественников, посещающих Инзельсберг и другие горы страны.

Обогнув по узким долинам западный конец Тюрингервальда, Верра принимает в себя реку Нессе, в бассейне которой находятся два знаменитых города: Гота и Эйзенах. Гота—самый многолюдный город в маленьких саксонских герцогствах и, подобно всем другим княжеским резиденциям тюрингенской Германии, обладает драгоценною библиотекою, интересною коллекциею картин и гравюр, помещающеюся в громадном дворце, формою похожем на казарму; но Гота интересует преимущественно географа своим «институтом», которым, благодаря частной инициативе, издается лучший в свете сборник статей по географии, и в котором находятся самые полные и систематические коллекции карт. На кладбище Готы находится с 1878 г. columbarium, в который собирается пепел сожженых людских трупов. Эйзенах, родина Себастиана Баха,—вторая столица Саксен-Веймара. Хорошо расположенный, окруженный садами, Эйзенах далеко не представляет такого интереса в области искусств и

науки, как Гота; но на господствующей над ним скале, вышиною в 200 метров, стоит Вартбург, один из замечательнейших замков Германии по архитектурному стилю и своим легендарным и историческим воспоминаниям; на этой самой скале, говорят, Аттила праздновал свою свадьбу с Кримгильдою. Укрепленный замок построен в 1070 году: это самое старинное из существующих в Германии зданий в древнем романском стиле, но в большей своей части уже перестроенное. Символические изваяния и фрески напоминают историю Елизаветы Тюрингенской, владетельницы Вартбурга, и поэтическое состязание миннезингеров, происходившее в замке в 1207 году. Комната, в которой Лютер перевел большую часть Библии, сохранена в том виде, в каком была в 1521 году. С Вартбурга открываются прелестнейшие виды на окрестность, а в недалеком расстоянии от горы лежит живописная деревня Рула, женщины которой, говорят, самые красивые во всей Германии. Жители Рулы рассылают по всему свету трубки всех родов, портмонне и другие мелкие изделия.

Вступив на гессенскую территорию, Верра протекает мимо Эшверге—города с кожевенными заводами, а затем, приняв в себя текущую с прусской территории речку, на которой стоит Гейлигенштадт, с прядильными фабриками, соединяется с Фульдой и продолжает течь на север уже под именем Везера. В прелестном бассейне, служащем местом схождения двух долин, стоит город Минден, в переводе «Слияние», близ которого, уже на ганноверской территории, начинается пароходство по Везеру. Ниже Везер принимает в себя другой приток, Твисту, вытекающую из княжества Вальдек, близ маленького города Арользена, родины ваятеля Рауха и живописца Каульбаха. Далее вниз по течению следуют города: Гёкстер, теперь прусский, и некогда член Ганзейского Союза, и в настоящее время значительный торговый пункт, в соседстве которого, в Корвее, находится обращенное в замок знаменитое бенедиктинское аббатство; принадлежащий Брауншвейгу Голцминден, с большим складом железа и холстов, приготовляемых для отправки по Везеру; ганноверский Гамельн, также бывший ганзейским городом, и порт которого уже посещается парусными судами. К юго-западу от Гамельна, в красивой долине, окруженной холмами с тенистыми буками, бьют ключи Пирмонта, бывшие в XVIII веке наиболее посещаемыми в Германии, да и в настоящее время привлекающие ежегодно тысячи посетителей; в одной из окрестных пещер выделяется масса угольной кислоты. Несколько менее важных курортов находятся на западе, в княжестве Липпе. В последнем только два города: Детмольд и Лемго. Детмольд, столица и древний город Теотмалли, в переводе «Судилище народа», славился в VIII веке: там, говорят, некогда происходили народные собрания херусков[1]; там же Карл Великий одержал, в 785 году, победу над саксонцами; если верить преданию, то при том же Детмольде Арминий истребил легионы Вара. К юго-западу от Детмольда, на вершине холма Гротенбург, воздвигнута, в память этой страшной битвы, статуя германского героя, которого ваятель, по злобному анахронизму, заставил грозиться не Риму, а современной Франции. С пьедесталом, бронзовая фигура Арминия имеет 57 метров высоты. Еще далее на юго-запад, близ Горна, возвышаются так называемые «Пограничные Столбы» (Externsteine), большие песчаниковые глыбы, заросшие кустарником. Эти камни, предмет обожания для язычников-саксонцев, долго продолжали быть целью странствий для их потомков-христиан, и на одной из скал видны грубые изваяния, самые древние образчики средневекового германского искусства.

Речка Лейне, приток Везера через Аллер, в своем верхнем течении орошает также гористую местность. Недалеко от своего истока, между Гарцом и холмами у Везера, Лейне протекает чрез самый важный город южного клина Ганновера, знаменитый Геттинген. Принадлежав некогда к Ганзейскому Союзу, Геттинген в наше время ведет довольно большую торговлю и обладает ткацкими шерстяных, полотняных и пеньковых материй; но славу его составляет «Georgia Augusta», университет, основанный в XVIII веке. В 1837 году университет этот был наиболее посещаемым в Германии: в нем числилось 1.500 студентов; но тут неожиданно королевский каприз нанес ему удар, от которого он уже не оправился: королевским декретом были смещены 7 профессоров: Дальман, Эвальд, Гервинус, братья Гриммы, Бебер,

1 Poucker, „Das deutshe Kriegswesen der Urzeiten", B. II, 376, 382.

Альбрехт[2]. Из всех германских высших учебных заведений, Геттингенский университет наиболее богат ценными книгами, особенно иностранными историческими сочинениями, и его библиотека составлена «наиболее толково»[3]. Она содержит 500.000 печатных томов и 5.000 рукописей; кроме того, в ней хранится коллекция черепов, изученных Блуменбахом с такою пользою для науки. Геттингенское Ученое Общество, основанное в 1750 году Галлером, издает журнал «Gottingische gelehrte Anzeigen», старейший из существующих сборников научно-критических статей. Геттинген—родина химика Бунзена, вместе с Кирхгофом открывшего спектральный анализ.

Стоящий к северу от Геттингена Нортгейм важен как склад и рынок для горных жителей; он служит исходным пунктом для путешественников, предпринимающих поездки в города Гарца, промышленный Остероде и рудокопный Клаусталь, названный так по замыкающей его долину цепи гор. Клаусталь, с горнозаводскою школою, в прежнее время богател добываемыми из земли серебром и другими металлами; но количество добычи постепенно уменьшалось, а вместе с тем и число жителей Клаусталя и его соседа Целлерфельда, отделенного от него лишь ручьем. Гонит население и суровый климат нагорной площади (6°,11), едва дозволяющий дозревать хлебам.

Выше своего вступления в большую равнину, р. Лейне омывает лишь один город, Эйнбек, из которого пивовары, бежав в Тридцатилетнюю войну, разнесли свой промысел по городам южной Германии. В том же бассейне Лейне, на берегу потока, питаемого снегами и дождями на Гарце, находится старый город Гослар, очень часто упоминаемый в средневековых хрониках. Его ограда и большая часть его башен исчезли; но еще можно видеть его городские ворота, его ратушу, в которой сохраняется несколько интересных предметов, затем его обращенный в отель дом гильдий, императорский дворец, отведенный под магазин, аббатство, обращенное под пансион, и тюрьму, служащую теперь помещением ресторану. Гослар известен преимущественно своими рудниками, серебряными и другими, разрабатываемыми недалеко от него в горе Раммельсберге, славящейся уже несколько веков[3]. На юго-восток от Гослара, на горе Бургберге, возвышается несколько разрушившихся укреплений Гарцбурга, замка императора Генриха IV, смиренного пилигрима, ходившего с повинной в Каноссу. Вершина Бургберга была выбрана местом для установки обелиска Бисмарку, великому канцлеру Германии, который, если верить надписи, «не ходил в Каноссу».

Значительнейшие города верхнего бассейна Везера, с числом жителей по переписи 1890 г. (в скобках показана цифра населения в 1895 г.):

Гессен-Кассель: Кассель 72 (80); Фульда 13; Марбург 15 (16); Эшвеге 10.

Саксен-Мейнинген: Мейнинген 12; Гильдбурггаузен 6.

Саксен-Кобург-Гота: Гота 29 (30); Кобург 17 (18).

Саксен-Веймар-Эйзенах: Эйзенах 21 (23).

Липпе-Детмольд: Детмольд 10; Лемго 7.

Брауншвейг: Гольцминден 9.

Ганновер (провинция Пруссии): Геттинген 24 (26); Гослар 13; Гамельн 14; Клаусталь 9.

Собственно Пруссия: Зуль 12; Гейлигенштадт 6.

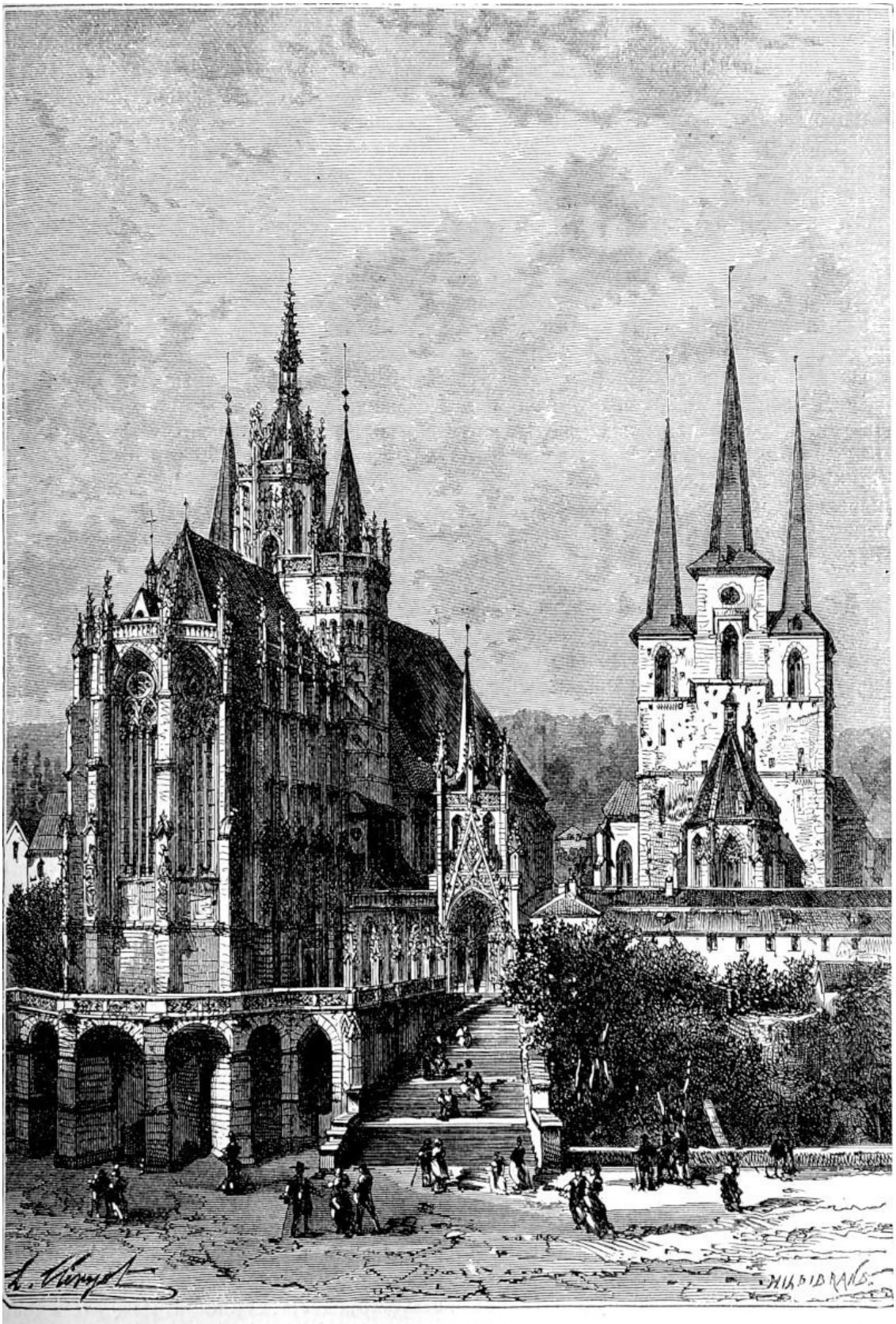
На южном склоне к Майну небольшие тюрингенские государства имеют лишь незначительную территорию; но там находится один из их главных городов, Кобург, с сильною крепостью, считающейся центральным пунктом Германии и частию обращенной в музей гравюр, оружия и различных древностей. Княжеский дворец, известный под названием Эренбурга, есть также настоящий музей, богатый произведениями художеств всех родов. В настоящем столетии из всех владетельных родов Европы, дом герцогов Кобургских посадил на чужеземные престолы наибольшее число своих принцев и принцесс.

2 В 1893-94 г. в Геттингенском университете состояло 115 профессоров и доцентов и 850 студентов.

3 Matter, „De l'etat moral, politique et litteraire de l'Allemagne".

3 В 1873 году в Госларе добыто 181.600 тонн руды, стоимостью на 7.715.700 франков.

К северо-западу от Кобурга, в Саксен-Мейнингене находится город Зоннеберг, славящийся во всей Германии как город труда и мелких отраслей промышленности. Еще со средних веков он составляет центр производства игрушек и мелкой деревянной утвари, извест-



Эрфуртскій соборъ.

ных под названием «нюрнбергских изделий». В средние века все страны Западной Европы покупали эти деревянные изделия Тюрингии, а в настоящее время оптовые торговцы, местные и нюрнбергские, рассылают этот товар во все концы мира. В Зоннеберге и окрестных

деревнях от 6.000 до 8.000 людей живут исключительно производством игрушек, которых существует до 3.000 различных видов. Но с каким же трудом снискивают себе пропитание бедные семьи при низких ценах на эти предметы! Некоторые семьи должны довольствоваться заработком в 60 сантимов в день на человека. Вес всех разнородных игрушек, рассылаемых по железным дорогам фабрикантами Зоннеберга, исчисляется в 3.000 тонн.

Франконские города в области малых государств в 1890 году: Кобург (Саксен-Кобург-Гота) 17.000 жит., Зоннеберг (Саксен-Мейнинген) 11.000 жителей.

К северу и востоку от Тюрингервальда все воды спускаются к Эльбе, чрез посредство Заалы и её притоков. Но выходе из баварской территории, Заала омывает сначала лишь деревни. Первый город в её долине—Заальфельд (Саксен-Мейнинген), бывший некогда цитаделью германцев против славян; затем следует Рудольштадт, столица княжества; восточнее, в боковой долине, находится промышленный городок Песснек (Саксен-Мейнинген). Близ Рудольштадта, в одной из прелестнейших местностей очаровательной Тюрингии, находится деревня Кейльгау, в которой была основана Фридрихом Фребелем в 1817 году школа, ставшая впоследствии столь знаменитою: в этой школе, из которой вышли многие из значительнейших людей Германии, полная свобода должна соединяться с усиленным трудом, и, повидимому, идеал этот был осуществлен в Кейльгау полнее, чем в каком-либо другом заведении. После учебных занятий, из которых изгнаны все обыкновенные учебники, питомцы совершенно свободно располагают своим временем: большую долю учебной программы наполняют физический труд и прогулки близкия и отдаленные.

Иена (Саксен-Веймар), маленький город, стоящий на Заале, среди садов и рассадников плодовых дерев, своею зеленью резко отделяющихся от суровых скал нагорной возвышенности, составляет судебный центр всех тюрингенских государств и герцогства Ангальтского. В других отношениях Иена имеет значение только по своему университету, основанному в средине XVI века. Столетие спустя этот университет, посещаемый 3.000 или 4.000 слушателей, был первым в Германии; в конце истекшего и начале нынешнего века в нем были профессорами Фихте, Шеллинг, Гегель. После войны за независимость, иенские студенты стали во главе патриотического движения и направляли общественное мнение во всем молодом поколении Германии[1]. На запад от Иены, на плоской возвышенности, была дана в 1806 г. та несчастная для Пруссии битва, с которой, однако, началось возвышение этого государства до значения великой державы. Скалы этой плоской возвышенности, состоящие из раковистого известняка, совершенно бесплодны по недостатку воды, так что поражают огромными пустынными пространствами в столь населенной местности; почти везде города и деревни избегали этих пустырей и выстроились на других формациях тюрингенскаго бассейна[2].

В пример этого геологического факта можно привести Веймар, главный город долины Ильма, западного притока Заалы. Это княжеская резиденция, с замком, музеем, библиотекою, парками и садами; но главную славу свою Веймар приобрел тем, что долго служил центром интеллектуальной жизни Германии: когда Гердер, Виланд, Шиллер, Гёте писали в нем свои сочинения, Веймар был как бы храмом, привлекавшим к себе взоры всех писателей. В наши дни «город поэтов», в котором стоят статуи всех этих великих людей, обладает академиями наук и художеств и географическим институтом, и таким образом, хотя в более слабой мере, продолжает свою деятельность в мире мысли.

К северо-востоку от герцогской столицы и на той же реке Ильм стоит промышленный город Апольда, часто называемый «маленьким Манчестером», по причине его чулочных фабрик. Это важный торговый рынок, но далеко уступающий в значении прусскому городу Эрфурту, стоящему к западу, в бассейне реки Геры. Эрфурт, упоминаемый как крепость во времена введения христианства в Германии, стал столицею Тюрингии и главным центром

1 В Йенском университете в 1894-95 году было профессоров 90, студентов 635, в его библиотеке числилось 200.000 томов.

2 Bernhard Cotta, «Deutschlands Boden», B. I, S. 154.

меновой торговли между Нюрнбергом и ганзейскими портами; в XVI столетии в нем было до 60.000 жителей, и тогда Эрфурт был одним из главных городов Германии; Лютер, живший в нем монахом, отзывался, что «Эрфурт вдвое более Нюрнберга». Но положение Эрфурта, как военного пункта, навлекало на него нападения неприятелей; он был почти окончательно разрушен, и в конце прошлого века в нем было только 15.000 жителей. В наши дни его население год от году увеличивается; однако, его прежния стены обнимают еще большие пустыри. Внутри Эрфурт сохраняет свой вид прежних веков; на террасе, господствующей с запада над кварталами старого города, красуются кафедральный собор и другая церковь, также готической архитектуры, напоминающие средние века. Эрфурт окружен огородами, которые прекрасно орошаются каналами из Геры и весьма плодородны; его знаменитые гряды с крессом, введенные в XVIII веке Христианом Рейхардом, служили образцом устройству таких гряд в Германии и Франции, и эрфуртские садовники высылают семена овощей и лекарственных и декоративных растений во все страны света. Снос оборонительных стен позволяет еще более расширить этот промысел[1].

На юг, также по течению Геры, стоит Арнштадт, с красивою церковью переходного стиля, самый населенный город княжества Шварцбург-Зондерсгаузен, привлекающий много иностранцев своими соляными купаньями и красотою окрестной местности. Более к западу, в боковой долине, стоит промышленный город Ордруф (Саксен-Кобург-Гота); но самые значительные группы населения, после Эрфурта и Готы, расположились у подошвы горы, в бассейне, орошаемом рекою Унштруттом. На берегу обильного источника, вытекающего из подошвы горы, немудрено было возникнуть городу; вода тут же приводит в движение многие мельницы, около которых последовательно разместились дома и церкви Мюльгаузена (дома мельниц); в настоящее время этот прусский город, подобно своему одноименнику в Эльзасе, стал весьма деятельным промышленным центром по прядению шерсти и хлопка и по производству всякого рода металлических изделий, от иголки до машин. Во время Реформации Мюльгаузен представлял в Тюрингене наибольшее скопище анабаптистов: тут был обезглавлен Фома Мюнцер.

На части Унштрутта, текущей по области Тюрингии, стоят еще другие промышленные города: Лангензальца и Зёммерда, тот и другой прусские. Второй из них прославился своею оружейною фабрикою, на которой изготовлялись игольчатые ружья. Зондерсгаузен, столица одноименного с ним княжества, стоит не на Унштрутте, а в побочной долине, равно как и Франкенгаузен, принадлежащий княжеству Шварцбург-Рудольштадт. В том же бассейне Унштрутта стоит древний город Нордгаузен, ныне прусский, частью еще окруженный своими старыми стенами. Нордгаузен обладает многочисленными дистилярнымя заводами, уксусными, химических продуктов, машинными; тысячи убиваемых здесь ежегодно быков и свиней, мясо которых рассылается далеко отсюда, дали повод называть Нордгаузен «немецким Цинциннати».

На том же эльбском склоне, но в бассейне Эльстера и его притоков, т.е. на границах Саксонии, много городов, участвующих в промышленной деятельности этой страны. Древний славянский город Грейц, ставший столицею одного из княжеств Рейс, представляет скопление нескольких фабрик, равно как и соседний с ним Цёйленрода. Ниже по Эльстеру стоят: Вейда (Саксен-Веймар), затем Гера, самый многолюдный в стране Рейс: это «маленький Лейпциг» по своей торговле, а также по своим прядильным фабрикам, шерстяным, хлопчатобумажным и по другим своим промышленным заведениям. К востоку, Роннебург и Шмёльн, а к северо-западу, Эйзенберг—также фабричные города, между тем как стоящий на Плейсе Альтенбург, служа столицею маленькому герцогству Саксен-Альтенбургу, обладает красивыми зданиями и прекрасными коллекциями.

Значительнейшие города бассейна верхнего Везера, с числом жителей по переписи 1890 г. (в скобках показана цифра населения в 1895 г.):

Пруссия: Эрфурт 72 (85) ж.; Нордгаузен 27 (27) ж.; Мюльгаузен 28 (29) ж.; Лангензаль-

1 В 1867 году вывезено левкоя 4.550.000 экземпляров.

ца 12 ж.

Саксен-Веймар: Веймар 25 (27) ж.; Апольда 21 (23) ж.; Иена 13.

Саксен-Мейнинген: Заальфельд 10; Пёсснек 9.

Саксен-Гота: Ордруф 6.

Саксен-Альтенбург: Альтенбург 31 (34); Роннебург, с предместьями 6; Эйзенберг 7; Шмёльн 9.

Шварцбург-Рудольштадт: Рудольштадт: 11; Франкенгаузен 6.

Шварцбург-Зондерсгаузен: Арнштадт 13; Зондерсгаузен 7.

Рейс (Старшая линия): Грейц 20 (25); Цёйленрода 9.

Рейс (Младшая линия): Гера 40 (45).

Глава VII Равнины Эльбы и Везера; берега Северного моря

Нижняя Вестфалия, Ганновер, Ольденбург, Нижний Брауншвейг, Бремен

Часть Нижней Германии, простирающаяся к западу от Эльбы и к северу от холмов и гор Зауерланда, Гессена и Гарца, представляет в целом большую географическую единицу: это древнее дно моря, на котором чередуются на необъятном пространстве болота, торфяники, пустоши, луга и поля, во многих местах подобные морской глади. Сходству в природных свойствах соответствует сходство в политическом положении. Между тем как на юге, в Гарце и гористой Тюрингии, маленькия государства и их анклавы представляют на карте сеть переплетающихся границ, северная равнина делится на обширные политические владения с отчетливыми на карте контурами. Даже самая большая площадь этих владений составляла некогда одно королевство, обращенное Пруссиею в свою провинцию, но все еще отличающееся от остальной империи преданиями и нравами. В некоторых классах местного населения сохранился еще остаток «партикуляристского духа, т.е. патриотизм исключительно ганноверский. Ганновер, населенный преимущественно крестьянами, верными прежним нравам и прежнему образу мыслей, примкнул к остальной Германии менее плотно, чем государства центра, застроенные промышленными городами. Кроме того, каста ганноверской знати издавна привыкла обращать взоры на Англию, обязанную ей своим королевским домом и дававшую своим немецким соседям выгодные и почетные должности. Но узы, связывающие Ганновер с остальною Германиею, стали неразрывными. Бывшая королевская резиденция уже не отличается от других провинциальных больших городов Пруссии; Бремен, называющийся и доныне «вольным городом», есть один из городов, в которых всего более преобладает немецкий дух: в соседстве его, на берегу бухты Яде, построен главный арсенал имперского флота.

Политические или административные деления Нижней Германии, к западу от Эльбы:

	Поверхность Кв. клм.	Население в 1880 г. Жителей	Жителей на километр
Нижняя Вестфалия (округи Миндена и Мюнстера)	12.502	960.000	77
Ганновер без округов Гарца (Геттинген, Эйнбек, Остероде, Целлерфельд, Либенбург)	3.547	1.800.000	51
Ольденбург (без княжеств Любека и Биркенфельда)	5.375	337.450	63
Нижний Брауншвейг	2.094	230.000	110
Округ Ритцебюттель (Гамбург)	84	7.500	89
	54.717	3.491.200	64

Выступы Тевтобургского леса и другие массы холмов, окаймлявшие прежний берег до отступления вод,—не единственные высоты, господствующие над ганноверскими равнина-

ми; там и сям возвышается еще несколько малых острововидных массивов. Так, на северо-запад от Мюнстера стоят Шёппингерские горы, высотой более 150 метров, господствующие над Кёсфельдом и Горстмаром. Далее, на границах Голландии, Бентгейские холмы, также поросшие лесом и изрытые при подошве каменоломнями, дающими песчаник для постройки домов и мощения улиц, кажутся островом, от 50 до 80 метров высоты, стоящим среди обширного пространства верещаг и болот. К востоку от ганноверских равнин, поверхность Люнебургской степи подымается невысокими округленными хребтами; но к северу, где общий склон к морю довольно крут, терраса степи обрывается внезапно: издали этот обрыв кажется цепью холмов. Наконец, различные группы высот, именно в Ольденбурге, суть, очевидно, древние приморские песчаные холмы, скрепленные корнями вереска: где только поверхность этих горок бывает содрана или разрыта трудом человека или ногами животных, лежащий под нею песок тотчас же похватывается ветром, и маленькия песчаные волны разгуливают по тощим полям окрестности. Такою же цепью приморских песчаных холмов (дюн) был и ряд высот, возвышающихся к востоку от Эмса, под именем Гюмлинга.

В эпоху медленного обнажения равнин, воды Северного моря, неглубокого и, как и ныне, усеянного песчаными и илистыми мелями, оставляли по себе пространные бухты, из которых выходные ручьи постепенно уносили соленую воду, тогда как дожди наполняли их пресной. Более половины местности было еще долгое время затопляемо; тем не менее, теперь остается лишь небольшое число озер, таковы: Дюммерзе, чрез которое течет Гунта, и Штейнгудермеер, чрез которое протекала река Лейне в то время, когда она еще впадала на западе в Везер, прежде чем броситься, подобно всем рекам северной Германии, на восток и соединиться с рекою Аллер[1]. Все эти озера очень невелики и мелки; даже называющееся морем озеро Штейнгудер не глубже 5 метров, и почва его дна служила материалом для сооружения искусственного островка Вильгельмштейна, образцовой крепости, возведенной некиим князем Бюккебургом, фанатическим любителем военного искусства. В сравнении с расстилавшеюся некогда по стране громадною водною поверхностью, озера эти ничтожны; вся местность занята торфяниками, камышами, мхами; на протяжении многих сотен квадратных километров прежние бухты и проливы у подошвы холмов и дюн замещены торфяниками. Большая часть этого протяжения, еще не окрепшего до твердости земли, но уже не жидкого, называется Буртангер-Моор (Буртангерским болотом) и покрывает площадь в 1.400 квадратных километров, к югу от нижнего Эмса, на территории как Голландии, так и Ганновера. Это огромное болото, быстро съуживаемое культурою, особенно со стороны Голландии, во многих местах еще так же ровно, как поверхность моря, не колеблемого ветром; оно тянется вдаль до самого горизонта, не представляя на огромных протяжениях ни дерева, ни хижины[2]. В частях болота, где на прежнем дне моря уже стоят человеческие жилища, среди небольших березовых рощ, такие клочки кажутся островками среди океана; приближаясь к ним, видишь сначала торфяную крышу, а потом торфяные стены, и, только миновав заслоняющую выпуклость земли, различишь основание. Пускаться без проводника на эти пустыри с дрожащею и коварною почвою опасно. Жители поселений, понемногу завоевывающие торфяники, для перехода через болота запасаются шестами, при помощи которых перескакивают с кочки на кочку; в некоторых местах они вынуждены надевать на ноги «лыжи», похожия на лыжи жителей Канады, но не для движения по снегу, а для перехода через грязь, в которой могут потонуть. Даже животным, чтобы спасти их от «засасыванья» грязью, приходится привязывать к ногам дощечки. Когда Германик, с своими легионами, переходил по Буртангскому болоту из страны батавов в страну германцев, его войска должны были строить длинные мостки (pontes longi), остатки которых были потом находимы. В 1818 году голландский инженер Карстенс открыл под поверхностью болота мостки из досок, положенных плашмя на землю, и проследил их на расстоянии около 10 километров. Лет сорок спустя, найдено было продолжение этих мостков в Германии, по другую сторону Эмса, и с этих

1 J. G. Kohl, „Nordwestdeutsche Skizzen". B. 1.

2 Grisebah, „Ueber die Entstehung und Bildung des Torfes in den Emsomooren".

пор мостки были находимы в различных местах,—в итоге на протяжении до 150 километров, до берегов озера Штейнгудера, где, как полагают, происходила битва при Идиставизе, между Германиком и Арминием. Прокопы для железных дорог и каналов позволили проследить направление этих мостков, построенных из дубового леса, бывших шириною до 3 метров и обнесенных рвами, теперь заполненными торфом. «Длинный мост» на болотах Эмса был во всем сходен с «досчатыми дорогами» (plankroads), какие пролагаются северо-американцами по трясучим лугам в Каролине, Георгии, Луизиане[1]. Не без основания, может быть, приписывают постройку этих мостков римлянам, так как это сооружение гораздо прочнее, чем batten, построенные нынешними жителями страны. Со времени прохода завоевателей торф в болотах Эмса вырос в вышину на один метр.

К востоку от Эмса ни один торфяник не достигает такого огромного протяжения, как Буртангер-Моор; однако и там есть много торфяных болот, занимающих в одной меже до нескольких тысяч гектаров. Так, Сатерланд, и местность Аренберг, занимающие в Ольденбурге и Ганновере большую часть треугольного пространства, образуемого течениями Эмса и Леды, своим протяжением превышают многие княжества Германии. К востоку от Везера, речка Гамма, соединяющаяся к речкою Вуммою, выше Вегезака, протекает по одной из этих болотных местностей,—одной из самых замечательных в Европе, потому что губчатая масса почвы, хотя уже и завоевана земледельцами, однако еще во многих местах плавает на поверхности воды. Во время таяния снегов, когда речка Гамма и многочисленные озерки её бассейна полны водою, все низменности страны Ваакгузена и Санкт-Йёргена вздуваются под напором жидкой массы; но тогда как одни места, прикрепленные к подпочве, покрываются водою разлива, другие, отделяясь от подпочвы, подобно сидящим на мели судам в половодье, мало-по-малу поднимаются на поверхность воды, вместе с деревцами и посевами. Разница в уровнях болотной земли в мелководье и в разлив достигает трех метров, а иногда и превышает эту меру, и в таком случае местные жители вынуждены покидать свои жилища на твердой, но затопленной почве и вместе со скотом переселяться на пловучие лоскуты земли. Продолжительное возделывание нарушает равновесие этих легких земель и окончательно прикрепляет их к дну болота; тем не менее, жители смотрят на уплотнение своей почвы с сожалением, предпочитая землю пловучую, которая никогда не заливается водою и не высыхает. Особенно страшен для них ветер, который часто вырывает деревья с корнем, коверкает почву, а иногда, оторвав от берега целое заросшее лесом место, несет его вдаль, подобно «судну с гигантами гребцами». В суровые зимы земледельцам этой страны грозят другого рода опасности: вода и земля сплочиваются в одну массу, и с наступлением времени таяния огромные глыбы земли отрываются от прежнего берега и сносятся по ветру или течению, оставив по себе наполненные водою ямы (Blanken). В сильные морозы случается иногда, сопровождаемое громовым грохотом, образование трещин (spanjen) на протяжении нескольких километров, через замерзшие озера и их берега, также полные замерзшей воды. Такою трещиной раздвигаются поля, разрушаются жилища и плотины, и зачастую образуются настоящие каналы, по которым могут ходить барки[2].

Способ обработки земли, еще недавно единственный практиковавшийся в торфяниках,—совершенно варварский. Начинают с того, что осушают клочек почвы выкопанными вокруг него канавами; затем разрыхляют поверхность почвы заступом и ждут лета, чтобы выжечь верхний слой, состоящий почти исключительно из растительных остатков. Зажженная почва горит до 8 центиметров в глубину, распространяя едкий дым, высоко поднимающийся в воздух. Селяне сеют зерно в полученный таким способом пепел и получают в первые шесть лет гречу, затем овес и рожь; но сила почвы истощается, и земле приходится дать отдых лет на 30. Итак, это выжигание торфяной почвы доставляет жителям, из поколения в поколение, несколько тощих жатв; но невыгоды пожара дают себя чувствовать далеко по всей окрест-

1 Цитированное сочинение Гризебаха.—J. G. Kohl, „Nordwestdeutsche Skizzen“.

2 J. G. Kobl, „Das schwimmende Land von Waakhusen, Nordwestdeutshe Skizzen”. B. I.

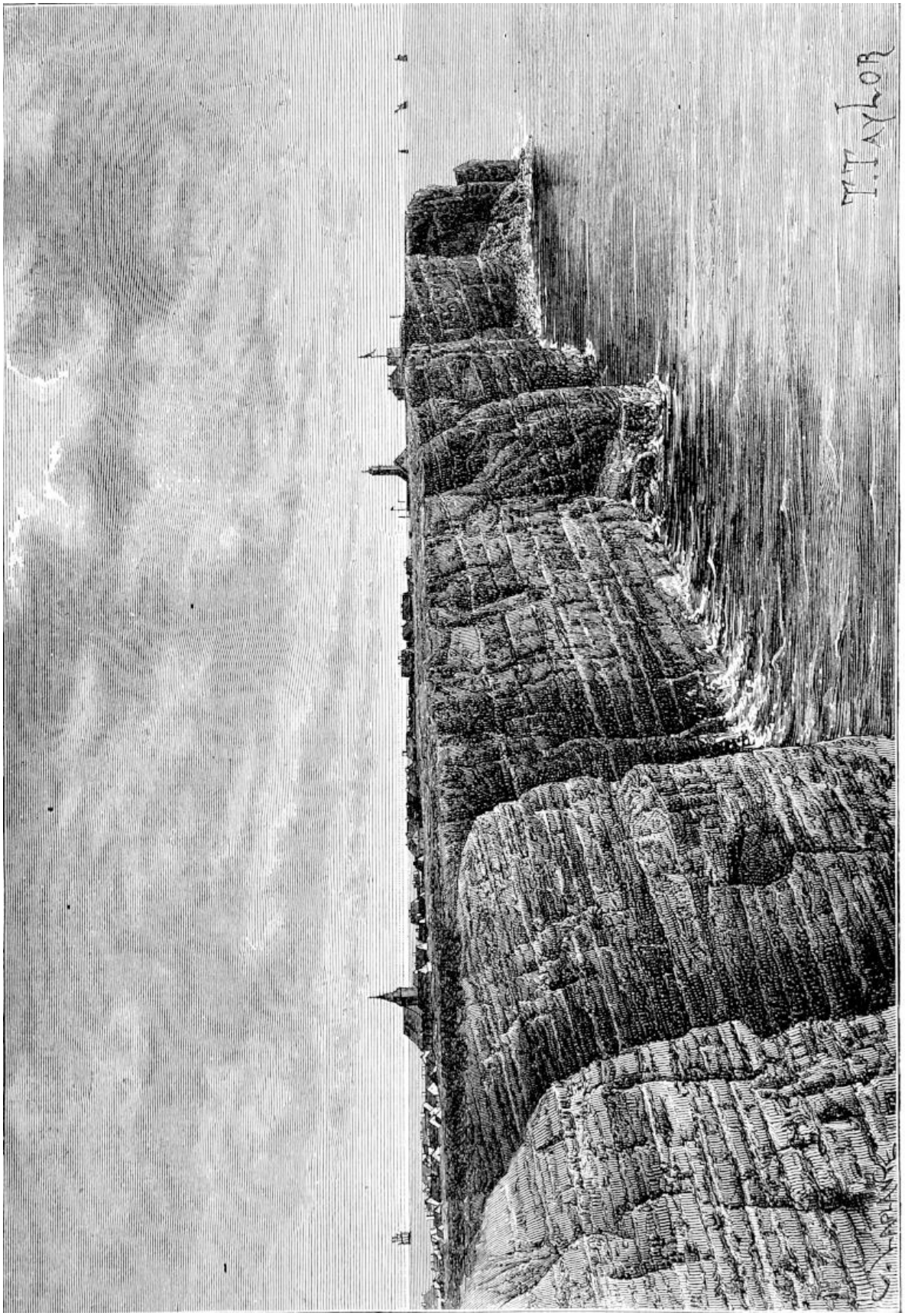
ной стране. Дым, поднимающийся иногда на 3.000 метров[1], уносится ветром и покрывает небо черною или серою завесою на большие пространства; в мае 1857 г. северо-западный ветер разнес этот дым до Вены и Кракова и высушил атмосферу этого огромного пространства, простирающагося от запада к востоку на 900 километров[2], а в июле 1863 года дым доносило до Моржа, на берегу Женевского озера[3]. Исчислено, что на пространстве 12.500 гектаров, в которые определяют площадь земли, выжигаемой ежегодно, количество растительных веществ, разносимое ветром и таким образом утрачиваемое почвою, равняется нескольким тысячам тонн. Вследствие этого образовались общества для предотвращения пожаров, и во многих округах этот обычный способ обработки земли уже не дозволяется. Хорошие земледельцы заменяют его голландским, состоящим в том, что копают широкия и глубокия канавы, как для осушения почвы, так и для перевозки торфа, приобретающего все большее значение в хозяйстве страны, и снимают весь растительный слой до подпочвы, которую и обрабатывают подобно обыкновенным полям. Благодаря этому способу, страна мало-помалу изменяется: хмурая поверхность болот и вересков оживляется веселыми оазисами. Скоро большая часть затапливаемых местностей Ганновера будет напоминать о прежней пустынности края лишь сохранившимися названиями; такова, недалеко от Бремена, к северу от «пловучих» полей Ваакгузена, уже обновившаяся местность, главная деревня которой еще носит название Teufelsmor (Чортово Болото). Близ течения Эмса, в том месте, где в былое время среди бесконечных болот высилась разрушенная башня Папенбург, стоит теперь город, окруженный садами, полями, лугами, на протяжении нескольких километров окаймляющими большой канал, покрытый судами.

Выше болот, еще не тронутых или уже подвергавшихся обработке, простираются толстые слои песку (geest или gast), с примесью глины и мергеля. На больших пространствах пески эти представляют весьма неровную поверхность, а местами даже кажутся жителям болот и берегов холмистыми; но многие углубления в них уже заполнены торфом. Где текучая вода вырыла себе широкия долины, снеся верхний слой песков, там глина и мергель образуют хорошую землю, тем более плодородную, что ручьи примешали к ней вещества, принесенные издалека. В других местах различные составные части почвы настолько сближены, что земледельцу легко произвести смесь, необходимую для образования хорошей земли. Но где пески лежат на подпочве толстым слоем, проходившие сквозь них дожди давно лишили их всех глинистых составных частей; верхний слой стал подвижен, и ветер гоняет его длинными дюнами, похожими на морские волны. Единственная природная растительность этих песчаных местностей состоит из вереска, но, подобно ландам Франции, и песчаные пространства Германии можно завоевать под культуру посадкою хвойного леса. В некоторых округах темные сосновые леса, контрастирующие с белыми дюнами, уже совершенно изменили вид страны[4].

Люнебургские ланды, к востоку от большой Ганноверской равнины, суть не что как восточное продолжение области geest'a. Это одна из наименее живописных местностей Германии, и о ней всегда говорят с иронией, хотя она также имеет свою красу, свои розовые колокольчики, свои лески и овраги, беспредельность своих бесконечных горизонтов. В этой бесплодной области деревни и города редки; владетелями её являются пастухи, пасущие свои стада овец, черных, маленьких, почти диких, известных под именем Heidschnucken[5]. Агрономы много раз пытались ввести на люнебургских ландах большое полеводство, но всегда терпели неудачи, по безводию местности; гречиха прокармливает обитателей нескольких уединенных хуторов, из которых многие остаются в той же семье в течение нескольких поколений: ряд предков выписан на двери белыми буквами по красному полю. Молодые леса и многочисленные земледельческие колонии постепенно завладевают землями, составляв-

1 Prestel, Otto Ule.
2 „Mittheilungen von Petermann", 1858.
3 Dufour,-Prestel, „Mittheilungen von Petermann", t. VI.
4 Otto Ule, „Die Erde bearbeitet nach E. Reclus".
5 Сходным названием, Heedschapen, называются они и в Голландии.

шими некогда общую собственность (meente); в лощинах, березы, буки и тополи растут сильно. На лугах пасутся овцы улучшенной породы. Промышленники начинают утилизировать скрытые в недрах земли запасы минерального масла; некоторые геологи, слишком вос-



Видъ Гельголанда.

торженные, говорили, будто запасы его чрезвычайно обильны в этой области.

На Люнебургском плато, на Гюммлинге и по всей равнине, орошаемой Эмсом и Везером,

встречаются в большом числе эрратические камни, занесенные сюда в доисторические времена льдами Скандинавии. Брешами в выдвинувшихся на север хребтах средней Германии множество камней проникло даже к подошве гор Тюрингии[1] и со всех сторон окружают Киффгейзер; к северу от Гарца, ряды каменных глыб перешли через Везер и, пройдя сквозь одни из ворот Тевтобургского Леса, присоединились к камням, рассеянным раньше по долинам рек Липпе и Рура: валуны скандинавского происхождения встречаются даже на левом берегу Рейна, в окрестностях Крефельда[2]. Это громадное количество камней, в некоторых местах нагроможденных на подобие зданий, возведенных циклопами, позволило древним обитателям страны самим возвести множество грубых построек, дольменов (камней друидов), священных оград, могил «гуннов» или «великанов». Ганноверский археолог Эсторф в 1846 году, в одних только округах Ульцена и Люнебурга насчитал до 7.000 мегалитов, из них 300 хорошо сохранившихся. На одном холме, господствующем над лиманом Везера, находится, среди круга из сложенных камней, скрытая галлерея, три верхних плиты которой весят каждая около 100 тонн. Но большая часть этих памятников прошлых веков уже исчезла. В прошлом столетии жители Ганновера продали много камней своим соседям, голландцам, которые употребляли этот материал на постройку плотин[3].

Профиль немецких берегов Северного моря сильно изменился даже в короткий период истории, протекший от времени борьбы Рима с германцами. Громадный морской нанос, образующий Ганноверскую область к северу от Гессена и Гарца, был изгрызен по краям, и океан вновь захватил часть своих прежних владений, вторгшись далеко внутрь материка. Средневековые летописи рассказывают о страшных бедствиях, произведенных внезапными вторжениями моря. Самое раннее наводнение из упоминаемых хрониками расширило в 1066 году гавань Яде, покинутый рекою Везером лиман,—скрыло укрепленный замок Меллум, имя которого еще сохраняется занявшею его место песчаною мелью; наконец, в 1218 и 1221 годах море вырыло ту часть бухты, где теперь находятся, к югу от Вильгельмсгафена, самые глубокия воды[4]. 1277 год принес еще большее разрушение: движимые бурею воды ворвались в лиман Эмса, поглотили около сорока деревень и образовали тот извилистый залив Долларт, самое имя которого, «Бешеный», уже напоминает картину причиненного зла. В 1570 году, в ночь на 1 ноября, последовал новый натиск воды: по преданию, этот «прилив под праздник Всех Святых», разрушив оградительные плотины, от устьев Мааса до мыса Скаген, потопил 100.000 жителей. С тех пор сколько плотин было прорвано! Сколько было затопленных полей и разрушенных деревень! Кажется, на берегах германской Фрисландии тоже происходит медленное опускание почвы, констатированное на берегах Нидерландов, Померании и восточной Пруссии. Этим и объясняются большие вторжения морских вод. Ежегодные захваты моря определены Престелем, средним числом, в $5^1/_2$ метров по всему берегу от о. Текселя до оконечности Дании. По такому исчислению, континент потерял с XIII века более 6.000 кв. километров.

Но если воды осаждают сушу и готовы поглотить незащищенные береговые земли, то, с другой стороны, естественные причины способствуют расширению владений человека на счет вод и дают ему прекрасные наносные земли, глубиною от 10 до 12 метров. Везде, где пресная вода втекает в соленую, например, в лиманах Эмса и Везера, а также и в устьях маленьких речек этой страны, несомая реками муть осаждается в те часы, когда уравновешивается прилив с отливом. Не только осаждаются мелкие частицы песку и глины, но в соленой воде совершается еще химический процесс: соли извести и магнезии соединяются с составными частями осадков, отложившихся на дне. Кроме того, бесчисленные пресноводные инфузории, умирающие в соленой воде, и мириады морских организмов, убиваемых речною водою, осаждаются пластами на русле лимана и способствуют образованию столь плодород-

1 Bernhard Cotta, „Deutschlands Boden“.
2 H. von Decben, „Die nutzbaren Mineralien und Gebirgsarten im deutschen Reiche, S. 248, 249.
3 J. G. Kohl, „Nordwestdeutsche Skizzen“, B. 1.
4 Bader in Jever, „Aus allen Welttheilen“, 1872, S. 358.

ной земли, что захвативший ее земледелец не в состоянии истощить свое приобретение: земли эти дают урожай за урожаем в течение целого столетия, не требуя восстановления утраченных частиц. По исследованиям знаменитого микрографа Эренберга, тина бухт Фрисландии состоит покрайней мере на двадцатую долю из остатков инфузорий; в порте Эмдене покрывающий дно глубокий слой грязи, или шликка, состоит на $^3/_5$ из животных остатков. Каждые 15 или 20 лет от них приходится очищать частью засоренные ими каналы. В прежнее время янтарь выкидывало и на эти берега, как на балтийские берега Пруссии, но ныне его уже не находят в таком количестве, чтобы он мог быть предметом значительной торговли. Замечательно, что встречающиеся так часто в балтийском янтаре остатки насекомых не были находимы в янтаре Северного моря. Из этого заключают, что фрисландский берег был в упомянутую эпоху так же беден жуками, как и в наши дни[1].

Когда покрытые илом мели начинают выступать из воды, то сначала они поростают солянкой; затем земля, ставши менее соленою, производит осоку и ползучий трилистник; тогда-то человеку следует завладевать этим вновь образовавшимся берегом, который с лихвою вознаградит его за труд. В былое время жители «гееста», являясь для захвата обнажавшагося побережья, старались селиться на прежних островках, не затопляемых приливом, или строить себе искусственные холмы (wurten, warfen, wieren, wierden), настолько пространные, чтобы вмещать жилище, амбары и дать приют скоту[2]. Во время прилива каждая семья походила на толпу потерпевших крушение, поместившихся на одиноком бугорке, требующем ежегодного укрепления почвы, чтобы не быть снесенным приливом: на этих холмах найдены многие развалины, оставленные людьми каменного периода. Но уже с давнего времени, в течение нескольких столетий, оградительные работы, предпринимаемые каждой группой земледельцев за собственный счет, являются маловажными в сравнении с коллективными сооружениями, предпринимаемыми целым обществом для общей защиты. Подражая своим соседям, голландцам, немецкие фрисландцы возвели на всем прибрежье, от устья Эмса до устья Эльбы, непрерывный ряд плотин, и в настоящее время им приходится бояться только исключительных бурь, случающихся не чаще одного раза в столетие. Аренс высчитал, что плотины батаво-германского морского берега представляют длину около 2.475 километров и что сооружение их стоило по меньшей мере 250 миллионов франков. Большая часть этих насыпей среднею высотою от 5 до 10 метров; но иные возвышаются на 12 метров над морским уровнем; и многие из этих «золотых стен» приходилось так часто укреплять и подпирать кольями и второстепенными насыпями, что было бы дешевле пахать серебряным плугом, чем описанным образом защищать свои поля. Но нужно либо ограждать себя плотинами, либо уходить: «De nich will diken, mut wiken», говорит местная пословица. Уже прошло около столетия, как человек одержал победу: насыпи, сомкнувшиеся в один непрерывный вал и сильно укрепленные во всех опасных местах, устояли против натиска бурь; отлагаемая водою у наружного края насыпей плотная глина была присоединяема к континенту и, помощью новых укреплений, обращаема в groden, koege—польдеры. Хотя нельзя проследить за каждый век завоевания местных земледельцев, однако, достоверно, что с исторических времен фрисландский берег постепенно наростал. Так город Иевер, давший свое имя, Иеверланд, территории из морских наносов, лежащей к северо-западу от реки Яде, находится в настоящее время километрах в 15 от моря, между тем как во времена Карла Великого он находился на самом берегу и обладал часто посещавшимся торговым портом. От Виттмунда до моря, на протяжении около 20 километров, насчитывают не менее 9 главных плотин, обозначающих последовательные завоевания морского берега прибрежными жителями; самая древняя из этих плотин относится к 1598 году. Но остается еще многое сделать для оздоровления почвы, для урегулирования каналов и очищения устьев рек, наконец, для того, чтобы обеспечить будущее завоевание прибрежных отмелей, watten, обнажающихся при отливе и сплошь покрытых морскими растениями и слоем раковин.

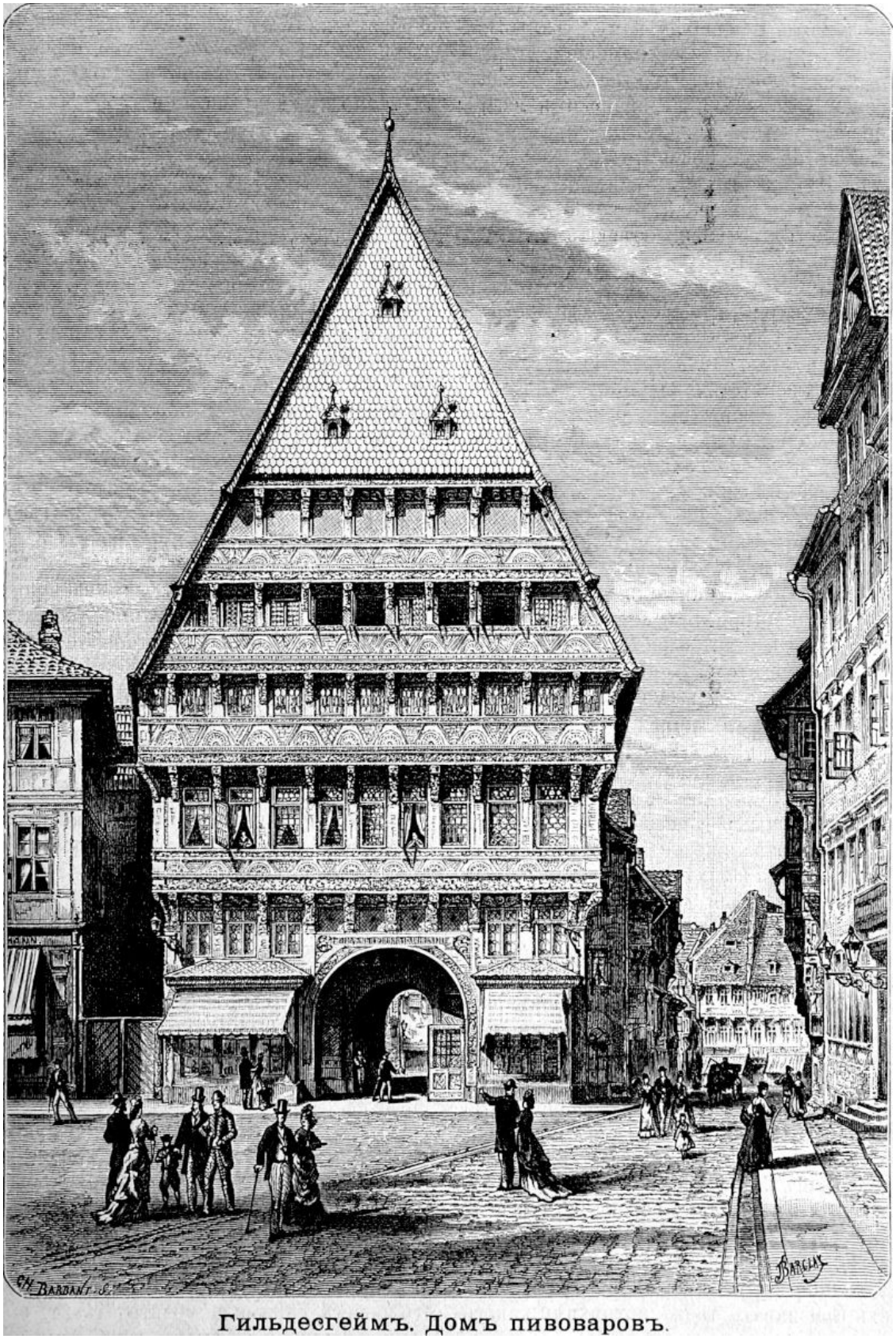
1 Prestel, „Der Boden der Ostfriesischen Halbinsel

2 Prestel,—Kutzen, „Das deutsche Land“, B. I, S. 289 и след.

Сравнительно с своим протяжением, острова испытали большие перемены, чем континент. Цепь островов, составляющая продолжение голландских и образующая вместе с ними как-бы второй, внешний, берег, была некогда, очевидно, непрерывным берегом, который был разорван напором волн и разбит на несколько кусков. Плиний насчитывает вдоль побережья Германии 23 острова; в настоящее время, если не считать песчаных отмелей, изменяющих свою форму при каждом исключительно большом приливе, существует только четырнадцать островов, из которых семь лежат перед немецкою Фрисландиею. Остров Боркум, в древности Бурхана, девятнадцать веков тому назад был большою землею, потому что жители его были достаточно многочисленны, чтобы противиться Друзу с оружием в руках. С XII века, когда остров, как полагают, имел площадь слишком в 1.000 квадр. километров, история упоминает о Боркуме лишь по поводу вторжений моря. Последовательные наводнения разбили Боркум на многие островки, в свою очередь, делящиеся на еще меньшие; далее и эти остатки исчезают и заменяются песчаными отмелями и даже глубокими проливами. Боркум, как изображают нам его карты, изданные в начале XVIII века, и Боркум, каким он существует теперь, делясь на два островка, отнюдь не сходны: тогда, богатый судами, которыми командовали капитаны, уроженцы острова, Боркум обладал портом, деревнями и большими обработанными полями; теперь ему остались только бедные фермы и плоский берег для морских купаний. Точно также и о. Вангерооге, еще в 1840 году плодородный и населенный, обращен ныне вторжениями моря в простую груду песку. В целом эти семь островов: Боркум, Нюист, Нордерней, Бальтрум, Лангерооге, Спикерооге, Вангерооге, представляют лишь цепь дюн, лишенных пьедестала из низменных земель, которыми они некогда были окружены. Обитаемые несколькими рыбаками, острова эти, может быть, сделались бы пустынными, и даже исчезли бы совершенно, еслибы не было приложено заботы защитить их пески посадкою тростника (Arundo arenaria) и других растений с стелющимися корнями. На одном только Нордернее есть деревня, которая в летнее время приобретает оживленный вид континентальных поселений, благодаря посещающим её пляжи купальщикам.

Маленький укрепленный островок Нейверк есть остаток прежнего берега между устьями Везера и Эльбы; но в открытом море существует еще островок,—знаменитая скала Гельголанд. Эта «земля с залитыми мелями» (таков, вероятно, смысл первоначального названия «Hallaglun, т.е. Hallig-Land») лежит, несомненно, в германских водах, так как отделена от песчаных отмелей Эйзера, к востоку, проливами лишь в 16 метров глубины; в 1808 году англичане отняли Гельголанд у Дании, но в 1890 г. уступили его Германии, и с 1892 г. островок этот включен в состав Прусского государства. Во время помянутого захвата Гельголанд имел для Англии большое стратегическое значение, представляя пристанище её судам за рядом подводных скал и дюн, защищающих остров от напора северо-восточного ветра. Эти рифы, расположенные очень длинным серпом, носят старинное название Бруннен, что, по толкованию некоторых этимологов, означает «щит». Здешния подводные скалы, столь опасные для моряков, незнакомых с окрестностью острова, действительно, служат волноразбивателями и образуют со стоящею от них к западу скалою два рейда, из которых один открыт с северо-запада, другой—с юго-востока. Рассказывается много преувеличенного о быстром разрушении Гельголанда; но верно то, что в конце XVII века восточные рифы соединялись с главным островом перешейком и имели на себе Витклоффские утесы, вышиною в 60 метров. Несколько столетий раньше, оба эти острова, соединенные в одну землю, занимали, несомненно, гораздо большее пространство, как то показывают единогласные свидетельства древних летописцев. По словам Адама Бременского, земля эта, занимающая в настоящее время слишком небольшое пространство, чтобы ее стоило обрабатывать, была «очень плодородна, богата хлебами, скотом и живностью», и карты, начертанные без всякой определенности в контурах, представляют поверхность Гельголанда во сто раз больше той, какая показана в точных документах, составленных в наше время. Новейшие ископаемые животных, как сухопутных, так и пресноводных, встречающиеся в глине на морском дне и на окружающих рифах, показывают, что земля эта обладала настоящею материковою фауною. В наше время окружавшие некогда остров Гельголанд меловые пласты исчезли; он сохранил только ядро

из твердого камня, весьма трудно размываемого волнами[1]; это не более, как утес, но утес горделивый, пестрые песчаниковые слои которого, почти горизонтальные и разнообразно изваяные дождями, ветром, солнцем, соленым воздухом, блестят резкими цветами: зеленым,



Гильдесгеймъ. Домъ пивоваровъ.

коричневым, ярко-красным. Находящееся на восточном конце острова местечко, населенное

1 H. Girard, „Die norddeutsohe Ebene“.

лоцманами и купальщиками и мало-по-малу пустеющее[1], занимает узкий лоскут берега и ползет на его крутизны; несколько судов качаются на рейде, тогда как в открытом море корабли часто проходят длинною вереницею по морскому пути из Бремена и Гамбурга. Быть может, вулканические явления были отчасти причиною разрушения древней земли Галлаглун. Рассказывают, что уже два раза, 13 июня 1833 года и 5 июня 1858, море около Гельголанда поднималось, кипя, как бы согреваемое подводным очагом[2].

Равнины, простирающиеся на запад от Эльбы, заняты населением, в целом, наиболее однородным в Германии, в котором антропологи ищут представителей самого чистого германского типа. Однако же еще недавно в Ганновере жила совершенно чуждая германцам раса. Между тем как в прежнем маркграфстве Бранденбургском и почти на всем бассейне Одера славяне сливались мало-по-малу с немецким населением и теряли свой говор,— напротив, на левом берегу Эльбы, во всем Ганноверском округе, орошаемом Иеетцою и известном еще теперь под названием Вендланда, или «Страны Вендов», они сохраняли свое племенное отличие. Еще в начале настоящего столетия большая часть семей говорила на славянском языке; да и теперь в местном наречии осталось более тысячи слов, непонятных соседним немцам. Эта необыкновенная устойчивость вендского языка в среде, столь отдаленной от большинства славян, объясняется положением страны. На запад и север земля вендов граничила с Люнебургскими степями, составлявшими почти непроходимую преграду для немецких колонистов; на юг и восток болота и озера Альтмарка представляли не менее трудное препятствие для прохода. Таким образом, вся страна была более уединена, чем еслибы ее окружали реки и морские заливы. Жители могли сохранять свою речь и свои нравы, как еслибы они обитали на одном из островов океана. К несчастию, владения их были слишком малы, а сами они слишком малочисленны, чтобы сохранить свою независимость: порабощенные владельцами, они должны были претерпеть и все угнетения, каким всегда подвергается побежденный народ со стороны победителей; они долго были лишены всех прав гражданства, и только в конце XVII века некоторые из них были допущены в корпорации и гильдии.

Другие населения, живя небольшими коленами, также долго держались в наиболее уединенных, болотных и песчано-пустынных местностях. Так, еще недавно цыгане кочевали среди дюн Гюмлинга, на востоке Эмса. Рядом с ними жили другие кочевые толпы немецкого происхождения, которых молва называет беглецами из стран, разоренных в Тридцатилетнюю войну, и которые описываются под названием «точильщиков ножниц» (Scheerenschleifer). Непримиримая вражда разделяла два «проклятых» народца, и ни одна их встреча не обходилась без побоища; пленных и раненых страшно изувечивали: победители вырезывали ножные и подколенные связки. В конце концов, облавы крестьян заставили несчастных обеих рас перейти к оседлому образу жизни, и в настоящее время этих племен не осталось и следов[3]. Людей смуглой расы, живущих в стране Меппен, среди белокурого населения, следует признавать также потомками какого-то жившего уединенно народца[4].

Приморские фризы более всех немцев отличаются твердостью характера и возвышенною душою. Долго оставаясь в стороне от остальной нации на своих островах и болотах, часто борясь с яростным морем, живя в суровом климате северных ветров, проливных дождей и туманов, немецкие фризы так же, как и их сородичи в Голландии, походят многими чертами на островитян Великобритании, язык которых, впрочем, имеет столько сходства с их языком; жители некоторых деревень Сатерланда не понимают даже местного немецкого наречия, между тем как очень хорошо понимают язык фризов Голландии. Эти люди имеют право гордиться и верить в свои силы, потому что они сами создали почву, на которой живут: они

1 Народонаселение Гельголанда в 1860 2.860 ж в 1890 г.: 2.086 ж.
2 B. Studer, „Geschichte der physischen Geographie der Schweiz", s. 42.
3 J G. Kohl, „Dummling, Nordwestdeutsche Skizzen", 2 Theil.
4 Rud. Virchow „Versammlung der deutschen Naturforscher zu lena", 1865.

вырвали ее у моря или, потеряв, снова завладели ею; они превратили болота в плодородную землю, собирают жатву на местах, некогда покрытых нездоровою водою и поросших камышом. Всеми этими победами они обязаны наследственной настойчивости и свободе, которою они долго пользовались под защитою песчаных пустырей и непроходимых болот. Некоторые из их племен могли противостоять целым армиям. Так штединги, жившие на правом берегу Гунты, в стране, называемой теперь Ольденбургом, в продолжение тридцати лет сопротивлялись всему христианскому миру, хотевшему отмстить им за смерть одного священника; пришлось послать 40.000 армию крестоносцев против нескольких тысяч фризов; но, не желая уступить, они дали перерезать себя до последнего. На всем остальном берегу много было пролито крови и употреблено усилий, пока графам и баронам соседних земель удалось покорить фризов; но поработители не могли достигнуть того, чтобы порабощенные гордились своим рабством. Потомки приморских республиканцев помнят древнюю независимость и с гордостью повторяют девиз своего герба: Liewer dued us Slaw (скорее смерть, чем рабство)! Встречаясь, они приветствуют друг друга, как подобает свободным людям: Eada frya Fresana! «Привет тебе, свободный фрисландец»[1].

Но, быть может, слишком склонный видеть лишь материальную пользу вещей, житель этого поморья не такой человек, чтобы сочувствовать интересам ближнего. Суровый к самому себе, он таков часто и по отношению к другим, и еще недалеко то время, когда он просил в своих молитвах, чтобы на его берега снизошла «благодать», т.е. чтобы они покрылись разбитыми кораблями и потерпевшими крушение людьми. Натура у фриза совсем не артистическая: Frisia non cantat! (Фрисландия не поет), говорила старинная пословица. Как человек практического ума и здравого смысла, он не теряет времени на пение. Он любит говорить изречениями, приводя точные и определенные слова, выражающие вкратце смысл целого рассказа. В особенности богатого фриза, обитателя болот, упрекают в полном недостатке художественного чутья. Противуположность между жителями польдеров и жителями песчаных равнин (geest) соответствует разнице почв, и поговорки выражают эту разницу более или менее остроумно и верно. Житель болотистой местности, сидя на своей тучной земле, обеспеченный правильным доходом, спокойно-горд; «это грубый бык», говорят соседи. Что же касается до жителя песчаных местностей, то он должен умудряться жить; почва питает его лишь тогда, когда он чрезмерным трудом вынудит ее дать ему хлеб; его способности изощряются; он не так богат, как собственник болотистой местности, но он сметливее, живее и веселее. Путешествует он тоже гораздо больше своего соседа, потому что нужда гонит его далеко от родины. Каждый год, искони обычное эмиграционное движение увлекает в западную Фрисландию и другие нидерландские провинции тысячи ольденбургских рабочих: косарей, резчиков торфа, каменщиков и маляров. Эти кочующие рабочие, известные в стране под названием «голландцев», уходят всегда весною, как перелетные птицы, и возвращаются в конце осени. Местной промышленности недостаточно для их прокормления[2].

В настоящее время горнозаводские и промышленные города Вестфалии, как Бремен, Ганновер, Брауншвейг, привлекают более и более деревенских жителей, почему и народонаселение этой части Германии быстро изменяется; но около истоков Эмса, между Дельбрюком и Мюнстером, вестфальские крестьяне соперничают с фрисландцами, живущими на островах, в верности старинным нравам. Эти вестфальцы, потомки древних западных саксонцев, или West-Falen, представляют собою, в северной Германии, «консерваторов» по преимуществу, ревнивых охранителей предания и древнего писанного права. Очень многие хутора сохранили тот же тип постройки, какой существовал во времена Карла Великого. Уединенное жилище, выходящее одною стороною в сад, а другою на луга и поля, украшено на щите двумя вырезанными из дерева лошадиными головами и разделено на три отделения: одно для семейства, которое спит в койках, размещенных одна над другою вдоль стен помещения;

1 Bose „Das Grossherzogthum Oldenburg";—Kulzen, „Das deutsche Land".

2 Герцогство Ольденбургское есть страна Германии, имеющая наибольший процент идиотов: 204 на 10.000 жителей.

другое для скота, выглядывающего на хозяев поверх своих ясель; третье для сена и рабочих инструментов. В центре дома устроен очаг таким образом, что хозяйка может видеть разом все, что происходит в её владениях, одновременно наблюдать и за домашними животными, и за детьми, играющими в комнате, и за работниками, проходящими из риги к скоту[1]. Замечено, что в тех частях Вестфалии, где крестьяне живут в большом достатке, они особенно заботятся о том, чтобы сохранить нераздельною ту землю, которою владеют, у них мало детей, как и у крестьян богатых департаментов Франции, и большая часть работ на ферме исполняется слугами и поденщиками. Среди этой-то вестфальской расы Пруссия находит своих лучших законоведов: покидая земледельческий труд, крестьянин, жадный к наживе, охотно обращается к изучению юриспруденции.

Река Липпе, хотя и приток Рейна, берет начало в равнине, некогда бывшей Северным морем, и которую географы называют «Вестфальскою губою», как будто бы она и до сих пор была покрыта водою. Происходя из слияния нескольких ручейков, эта река вдруг усиливается водами ключа Липпшпринге (источник Липпе), одною из тех древних «Иорданей», на которых саксонцам, побежденным Карлом Великим, приходилось выбирать между крещением и смертью. Находящийся по близости целебный ключ привлекает теперь много посетителей в Липпшпринге. Ниже, Липпе проходит в соседстве Падерборна (источника реки Падер), также обязанного своим происхождением ключам, выбивающимся из подземных каналов Гелльвега. Город Падерборн, возникший вокруг церкви, построенной Карлом Великим, приобрел большое значение, благодаря своему положению в месте соединения дорог, ведущих от Везера к Рейну, чрез «Горные Двери« (Doren). Здесь Карл Великий впервые после поражения саксонцев собрал свой двор и принимал посланников арабских государей Сарагоссы и Гуэски, а также беглеца папу Льва III; здесь же была решена испанская война, начавшаяся в 778 году. В средние века Падерборн, живший в беспрестанной борьбе со своими епископами, был один из могущественных городов Ганзейского союза. Липпштадт, носящий имя своей реки, и более многолюдный Гамм, некогда столица графства Марк, также были рынками древней Ганзы, да и теперь еще являются промышленными и торговыми местами; но вниз по течению от Гамма, Липпе, приблизившись сначала к плодородной плоской возвышенности Гальвег и каменноугольным копям Дортмунда, направляется оттуда к северо-западу в страны, расположенные менее благоприятно, почему на её берегах и не видно значительных скоплений населения. Промышленные местечки: Рекклинггаузен, Боттроп, Буер, расположены уже на несколько километров южнее. Бохольт, соседний с Голландиею, находится уже в бассейне Исселя.

Значительнейшие города бассейна Липпе с числом жителей, по переписи 1890 г., в тысячах (в скобках показана цифра населения 1895 г.):

Гамм 25 (27); Падерборн 18 (19); Липпштадт 10; Бохольт 13, Боттроп 14; Рекклинггаузен (21); Буер 11.

В Билефельде, находящемся также в Вестфалии, но в другом бассейне, чем Падерборн, сосредоточивается вся торговля области верхнего Эмса; в то же время Билефельд, благодаря счастливому положению на пороге одного из проходов, местами прорывающих цепь Тевтобургского леса, служит промежуточным пунктом проезда от Рейна к Везеру. Уже в XIII веке Билефельд был известен в Германии своими пеньковыми нитками и полотном; но его промышленность сильно развилась только в XVI веке, когда фламандцы, избегая преследования, занесли сюда тайну своего ремесла; они скоро сделали из небольшого вестфальского городка соперника Брюгге и Гента, и билефельдское полотно стало славиться; уже давно производящие его фабрики считаются первыми в Германии; многие из них, устроенные в других городах, работают также для Билефельда. К ткацким мастерским присоединились связанные с этим промыслом заведения: белильни, канатные, парусные и ковровые фабрики, и недавно устроены в Билефельде заводы для обработки железа и постройки машин.

1 Ziminermann;—Justus Moser.

Кроме того, главный промышленный город Тевтобургского леса сделался главным центром рассылки превосходных окороков, мозговой колбасы, сала, различных сортов копченого мяса, приготовляемых преимущественно на юго-западе, в округе Гютерсло.

Мюнстер, административный центр, но не самый многолюдный город Вестфалии, стоит в песчаной равнине, при небольшом притоке Эмса, почти на половине пути между Бременом и Кёльном. Как показывает его название, он вырос вокруг древнего «монастыря». Главные его здания—средневековые церкви, придающие ему и до сих пор очень живописный вид. На наклонной башне одной из его готических церквей, Ламберткирхе, висят еще до сих пор свидетели жестокости древних властителей—три железные клетки, в которые епископ приказал запереть тела анабаптиста Иоанна Лейденского и двух его товарищей, вырвал у них, еще живых, куски мяса каленными щипцами. В ратуше, замечательной своим изящным фасадом XIV века, был подписан в 1648 году Вестфальский мир, быть может, самый желанный из всех, заключенных в Европе после великих войн. Древние городские валы срыты и заменены садами; бастионы замка заключают в настоящее время парк. В академии только два факультета, богословский и философский[1], но она считается на-ряду с университетами. Мюнстер не имеет прежнего значения, и его промышленная деятельность весьма не велика. Он не окружен заводами, как Дортмунд и другие города южной Вестфалии. Самый оживленный мануфактурный центр округа—Ибенбюрен, бывший недавно небольшим городком, почти терявшимся в песках, и быстро обогатившийся своими угольными копями.

Оснабрюк (на нижне-немецком наречии Озенбрюгге), к северо-востоку от Мюнстера, на одном из притоков Эмса, есть также один из епископских городов, основанных Карлом Великим: уполномоченные, заключившие Вестфальский мир, определили, что город этот будет под управлением попеременно епископа протестантского и епископа католического, и эта странная статья договора соблюдалась до 1827 года, когда управление Оснабрюком было уступлено тогдашним епископом Ганноверу. В этом городе, центре пересечения различных путей и шести железных дорог, народонаселение быстро увеличивается; теперь в нем вчетверо больше жителей, чем было в начале столетия.

Ниже Лингена, все города нижнего Эмса и берегов Долларта служат местами морской торговли, благодаря морскому приливу, два раза в день наполняющему их каналы и бассейны. Таковы: Папенбург, возникший посреди болота от стечения в нем резателей торфа и насчитывающий не менее 300 приходящих в него морских судов; Леер, бывший в 1823 году простою деревушкою; Эмден, некогда находившийся на берегу лимана, ныне главный город края и конечный пункт трансатлантического телеграфа; Норден, самый северный город Остфрисландии, как показывает и его название. Порты Эмса имеют прямое сношение не только с Бременом и Гамбургом, но с Нидерландами, Англиею, Норвегиею, Даниею и берегами Балтийского моря.

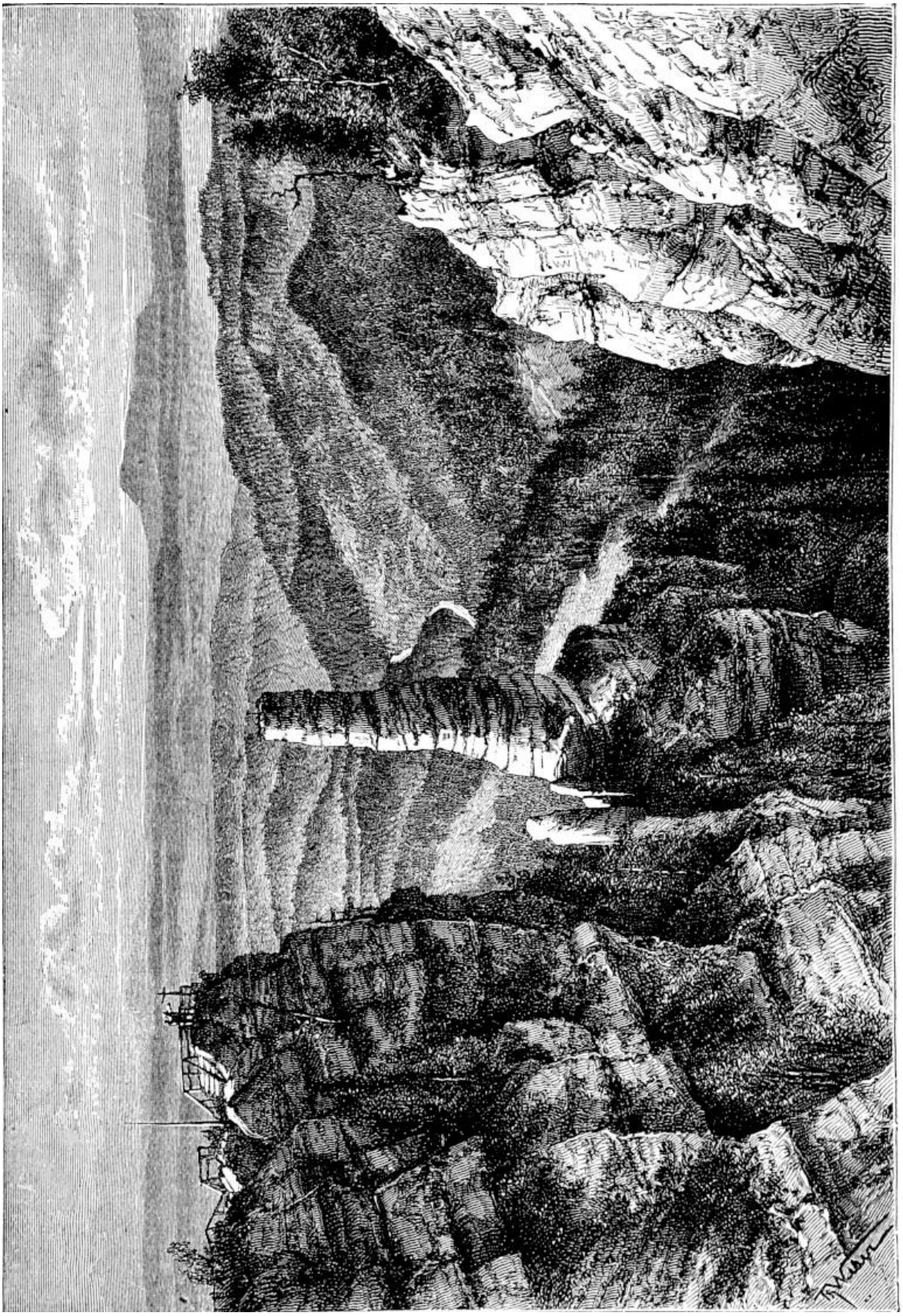
Морское торговое движение в портах Эмса (по приходу и отходу судов):

Папенбург (1894 г.) 446 судов, 61.419 тон.; Леер (1893 г.) 1.060 судов, 79.301 тон.; Эмден (1891 г.) 1.576 судов, 83.912 тонн; Норден (1876 г.) 397 судов, 9.340 тонн.

Эти порты отправляют торф, масло, сыр, скот, различные земледельческие продукты, привозимые из внутренних местечек, Ауриха, Вестерстеда, Апена, и получают из-за границы лес и мануфактурные изделия. Кроме того, Леер и Папенбург, новейшие города страны, имеют значительные мануфактурные фабрики, способствующие их благосостоянию между тем как рыбный промысел удержался в Эмдене. Этот старинный город видом совершенно похож на голландский: его дома из красного кирпича, обращенные к улице своими ступенчатыми шпицами, ратуша с каланчей, пересекающие его во всех направлениях каналы, широкия суда, движущиеся по желтоватой воде, делают этот фрисландский город похожим на его соседей по берегам Исселя и Зюдерзее. Он значительно обогатился во время Тридцатилетней войны, благодаря своему уединенному положению на севере болот; обойденный войною, он стал центром значительной торговли, обегавшей тогда другие порты; общественные

1 В Мюнстерской академии в 1894-95 году было студентов 421

бедствия содействовали его обогащению. В Эмдене или в его окрестности должен оканчиваться устраиваемый ныне, большой судоходный путь, который соединит военный порт Вильгельмсгафен с Доллартом. Таким образом восстановится сообщение, существовавшее



Пребишъ Когель въ Саксонской Швейцаріи.

между Везером и Эмсом до тех пор, пока течение первого, оставив вправо Вестфальские Ворота, не направилось к северо-западу, по равнинам Оснабрюка. В настоящее время занимаются также прорытием канала между Рейном и Эмсом через горнопромышленный район

Вестфалии. Эти значительные гидравлические работы придадут, конечно, большую важность в будущем порту Эмса.

Значительнейшие города бассейна Эмса, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках цифра населения в 1895 г.).

Вестфалия: Мюнстер 49 (54); Билефельд 40 (45); Иббенбюрен, с сельской общиной 10.

Ольденбург: Вестерстеде 8.

Ганновер: Оснабрюк 40 (44); Эмден 14; Леер 11; Норден (7); Папенбург (7); Линген 6.

В бассейне, воды которого изливаются в губу р. Яде, до недавнего времени существовали только маленькие городки Ольденбурга, каковы Варель и Иевер, обогатившиеся торговлею и плодородием окрестных земель; но в немного лет прусское правительство, купивши небольшой пустопорожний и болотистый участок земли, на котором стояла только одинокая хижина, вызвало к жизни, подле старых и спокойных фрисландских колоний, новый город с постоянным шумом машин,—Вильгельмсгафен (Вильгельмсгавен), с его пловучими доками, бассейнами, строительными верфями, громадными казармами, в которых помещается почти все военное и гражданское население, с арсеналами, различного рода мастерскими, с окружающими его укреплениями и военными броненосцами, плавающими по глубокому рейду. В небольшом расстоянии на северо-запад, расположено местечко Книпгаузен, бывшее крохотное княжество, забытое Венским конгрессом, которое до 1854 г. сохраняло самоуправление и право поднимать собственный флаг на своих судах; часто моряки воюющих держав пользовались нейтралитетом Книпгаузена и вывешивали флаг из его национальных цветов[1].

В том месте, где Везер выходит из области холмов, т.е. у Вестфальских «Ворот», стоит город Минден. Еще недавно он был военным городом, укрепления которого охраняли переправу через реку, но, кроме того, он всегда был местом торговли и много посещаемым портом на Везере (в 1894 г. торговые обороты его простирались до 104 мил. марок). К югу от Миндена целые столетия уже разработывается песчаник местности «Ворот», который употребляли для постройки набережных Бремергавена и Вильгельмсгавена, а также для многочисленных плотин в Голландии, где этот песчаник известен под названием «бременского камня». И так, благодаря труду человека, этот вход в центральную Германию теперь значительно расширен. В городе находятся различные заводы; по торговле полотнами Минден, как и его соседи Герфорд и Люббекке, примыкает к группе мануфактурных городов, между которыми первенствует Билефельд. Между Герфордом и Минденом находятся часто посещаемые эйнгаузенские соляные купальни, между тем как на восток от Везера небольшой город Бюккебург, остающийся до сих пор столицею отдельного государства Шаумбург-Липпе, напоминает время, когда Германия делилась на множество княжеств.

Ганновер, некогда столица королевства, а теперь главный город провинции, не пользуется преимуществом стоять при той реке, которая протекает по его территории; он орошается только Лейною, небольшим извилистым притоком Везера; название Ганновера, означающее «Высокий берег», произошло от расположения первых его зданий на высоком берегу, обтекаемом рекою. Упоминаемый в первый раз в XII веке, Ганновер быстро увеличился, как это случилось бы и со всяким другим городом равнины, избранным королевской резиденцией, а сходящиеся ныне к нему со всех сторон дороги обеспечивают ему все большее возрастание. «Старый город» представляется уже теперь лишь небольшим кварталом в сравнении с «новым городом». Кроме того, большие предместья простираются вдоль дорог, и в особенности на запад по другую сторону рукава Лейны, называемого Имою. Здесь у подошвы холма Линднерберг, возник квартал Линден, составляющий отдельную общину. Улицы Ганновера принадлежат к самым пышным улицам немецких городов; старые укрепления срыты под бульвары и тенистые аллеи; от северо-западной части города до замка Герренгаузена, Версаля прежних здешних государей, тянутся сады с лугами, купами кустарников и цветами. Бывшая столица и резиденция имеет прекрасный королевский театр, один из самых

1 H. Meidinger, „Die deutschen Strome“.

больших в Германии, а также музей и коллекции древностей; она обладает библиотекою в 150.000 томов, а некоторые из её учебных заведений, особенно политехническая школа (в 1895 г. 805 слушателей), принадлежат к важнейшим на севере Германии. Но Ганновер все более преуспевает в промышленном отношении: в нем есть большие прядильни, фабрики цветных материй, заводы химические, капсюльные, литейные, строительные мастерские. Окрестные поля, некогда очень болотистые, частью осушены и превращены в хорошую пахатную землю. Благодаря своим железным дорогам, Ганновер имеет, так сказать, порт на Везере—город Ниенбург, а лежащий ниже Бремен служит ему морским портом. Гершель, братья Шлегель, Перц, Гризебах родились в Ганновере; Лейбниц там умер.

При Иннерсте, притоке Лейны, у подошвы холмов, служащих продолжением Гарцу к северо-западу, стоит Гильдесгейм, город, бывший многолюдным и знаменитым гораздо раньше нынешней столицы Ганновера. Древний Гильтинесгейм служил местопребыванием одному из могущественнейших епископов северной Германии, а потом примкнул к Ганзейскому союзу; здания, окружающие его торговую площадь, так же, как и многие дома, украшенные резною столярною работою, извилистые улицы старой части города, напоминают времена средних веков и эпоху Возрождения. Кафедральный собор, основанный во второй половине XI века, перестроенный по частям в различные времена, представляет некрасивое снаружи здание, но внутри заключающее большие сокровища искусства,—бронзовые двери 1025 года, романские барельефы, очень древние люстры и купели, гробницы своеобразного вида. Стоящая перед хорами колонна есть, говорят, тот самый столб Ирминзула, на котором некогда помещался саксонский идол; на наружной стене кладбищенской часовни растет розовой куст, которому не менее 800 лет, потому что многочисленные летописцы упоминают о нем, и легенды повествуют, что он посажен Карлом Великим. Древнее аббатство Св. Михаила обращено под дом умалишенных. Подобно большинству городов северной Германии, Гильдесгейм срыл свои древние укрепления и заменил их прекрасными местами для прогулок, тогда как различные фабрики, прядильни, мастерские машин и пивоварни удалены за черту города.

Столица Брауншвейга (на нижнегерманском наречии Брунсвик) носит с ним общее имя. Расположенный также в бассейне Везера, на небольшом его притоке, Брауншвейг гораздо древнее Ганновера: он существовал уже во времена Карла Великого, и различные германские племена поклонялись в нем идолу, ниспровергнутому франкским императором. Стоя как раз на месте скрещения дороги из Аугсбурга, Нюрнберга и Эрфурта в Гамбург с дорогою, идущею по подошве холмов средней Германии, Брауншвейг сделался в средние века одним из главных торговых рынков Ганзейского союза. Его граждане стали настолько могущественны и богаты, что завоевали себе, при помощи денег и угроз, городское самоуправление. С этой блестящей эпохи в городе сохранились прекрасные здания, церкви, монастыри, общественные дворцы, частные дома, придающие некоторым частям города самый оригинальный вид. Маленькая церковь Магнуса, первой половины XI века, существует почти в своем первоначальном виде; собор, в котором находится замечательная гробница его основателя, Генриха Льва, представляет византийский памятник конца XII века; церкви Св. Екатерины, Св. Андрея и другие суть уже замечательные произведения готической архитектуры. Древняя ратуша, того же времени,—одно из изящнейших зданий, сохранившихся в Германии. Из сооружений новой эпохи в Брауншвейге следует упомянуть замок, музей, особенно богатый картинами голландской школы, и его чудное гульбище, идущее вокруг города и не имеющее соперников по расположению аллей, разнообразию видов и изобилию воды. Брауншвейг есть также и промышленный город, но, как и во времена Ганзейского союза, он преимущественно большой рынок и место отправки жизненных припасов. Брауншвейг—родина знаменитого математика Гаусса,

Вольфенбюттель, расположенный также на Окере, выше столицы, был долгое время резиденциею герцогской фамилии. Число его жителей в то время было гораздо значительнее, чем теперь; оно быстро уменьшилось, как только двор переселился в Брауншвейг, и город на

половину опустел. Он часто посещается германскими учеными, привлекаемыми его драгоценною библиотекою, состоящею из 270.000 томов и 10.000 рукописей, которою некогда заведовал в звании попечителя знаменитый Лессинг. В этой замечательной коллекции, бывшей некогда одною из важнейших в Европе, находится, кроме других драгоценностей, несколько томов, перешедших из древней библиотеки Матвея Корвина.

Близ Вольфенбюттеля, у Кибитцер-Дам, имперцы были разбиты в 1641 году маршалом Гебрианом. Другой город нижнего Брауншвейга, Гельмштедт, считался некогда святым: на соседнем холме возвышаются две гранитные глыбы, Люббенштейне, бывшие, как полагают, жертвенниками идола Водана, часто орошавшимися человеческою кровью; в равнине бьет ключ, на берегу которого апостол Луджер воздвиг алтарь, для крещения новообращенных язычников. К югу от Гельмштедта, все еще на брауншвейгской территории, стоит Шёппинген, артезианской колодезь которого, глубиною в 600 метров, дает ежегодно 6.000 тонн соли. Недалеко отсюда находится местечко Шёппенштедт, название которого часто употребляется германцами в виде насмешки, подобно тому как во Франции служат той же цели имена Карпентра и Кимпер-Корантен.

Из городов, прилегающих к железной дороге из Брауншвейга в Ганновер, наиболее замечателен промышленный и торговый Пейне, с заводами водочными и свеклосахарными. Точно также и древний город Целле, большая промежуточная речная станция между Брауншвейгом и Бременом, есть важный мануфактурный центр, в особенности по своим бумагопрядильным фабрикам и зонтичным мастерским. Целле не имеет равного себе в Германии по производству воска: обширные Люнебургские степи, простирающиеся на север до самого Гамбурга, изобилуют пчелиными роями, дающими стране её самый верный доход[1]. Ниже Целле, по течению Аллера километров на сто, не встречается сколько-нибудь значительного города до самого Вердена, построенного на двух рукавах Аллера, недалеко от слияния этой реки с Везером и места встречи дорог, идущих долинами обеих рек; над небольшим городом господствует громадный собор, очень красивый внутри. Верден уже находится в круге притяжения могущественного Бремена.

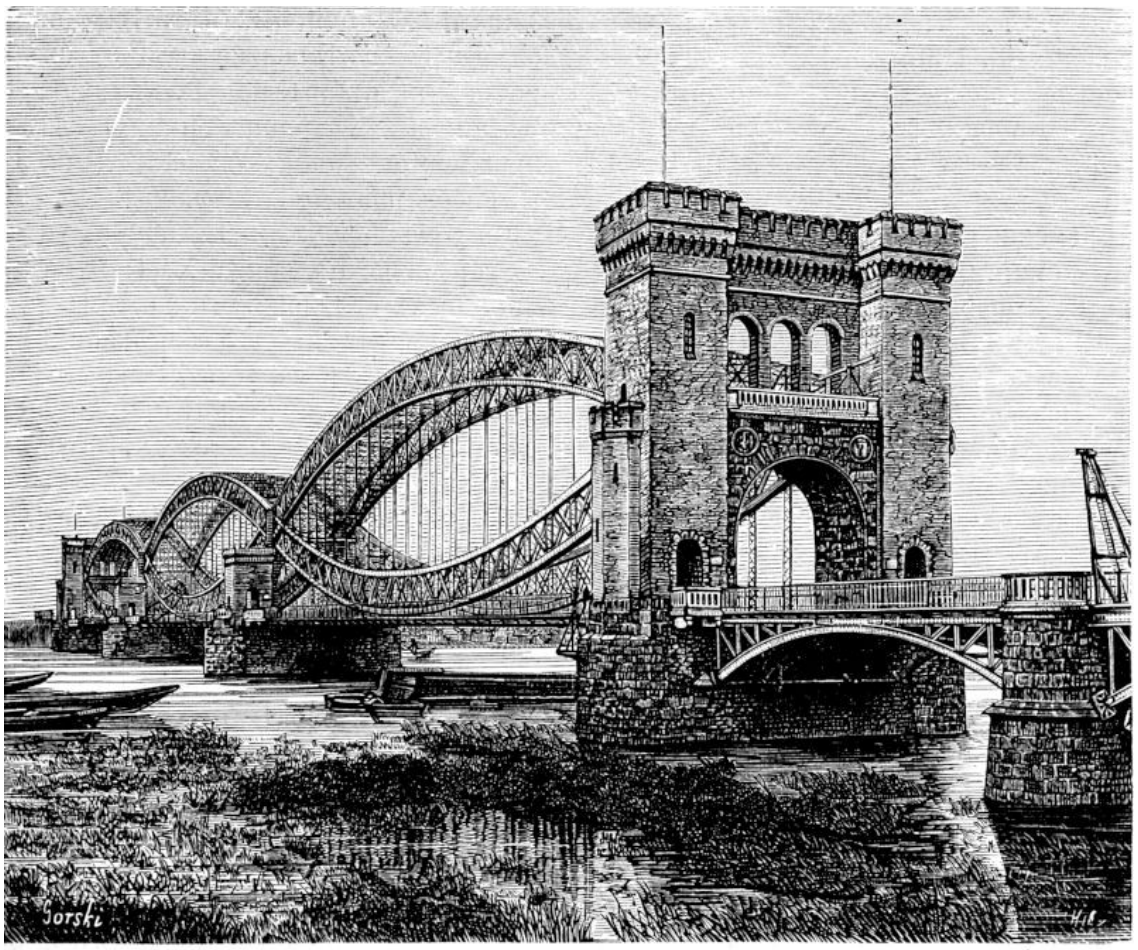
Этот древний город, существовавший еще до Карла Великого, сделавшего его резиденциею епископа, принадлежал в средние века к значительнейшим торговым пунктам Германии. Его моряки разъезжали по Северному и Балтийскому морям; они основали город Ригу в 1158 году и принимали участие в Крестовых походах; греки, арабы, египтяне знали бременских купцов. Однако, город получил право прямого представительства на имперском сейме только в 1640 году. Принятый в Германский Союз, как «вольный город», он по крайней мере сохранил это название при новом режиме империи, и на его большой торговой площади стоит еще Роланд, каких можно видеть и во многих других северо-германских городах. Эти статуи—не изображения паладина, а символические знаки судебных прав, так что имя Роланда употреблялось в смысле «судилища»[2]. Фигура статуи держит в правой руке меч, а у её ног лежат голова и рука казненного, в знак власти бременского суда над жизнью и смертью преступника. Управлявшее городом купеческое сословие крепко держалось старых обычаев; оттого реформы после революции 1848 года могли быть введены лишь с большим трудом; только в эту эпоху были уничтожены в Бремене ремесленные цехи; тогда же евреи получили разрешение селиться на территории города, которая ранее была для них закрыта, чем и объясняется тот факт, что некоторые специальные отрасли торговли были похищены у Бремена евреями Гамбурга. В старом городе, расположенном на правом берегу Везера, стоят памятники, составляющие славу Бремена: кафедральный собор, причудливая на вид, украшенная статуями ратуша времен XV века, новая биржа, построенная в готическом стиле, подобно большинству религиозных и муниципальных зданий города. Укрепления разрушены, а на их месте устроены живописные террасы и долины, орошаемые, в тени больших деревь, водою древних крепостных рвов. Посреди этого окружного парка стоит бюст знаменито-

1 По счислению 1892 года, в Ганновере оказалось 161.815 ульев.

2 H. Zopfl, „Alterthumer des deutschen Reichs und Rechts.

го астронома Ольберса, бременского уроженца. Внешний город, гораздо больше старого, беспрестанно разростается на восток и север, вдоль реки. Тут живет большая часть бременских купцов, конторы которых помещаются в старом городе. Что касается предместья на левом берегу, то оно преимущественно населено рабочими, мелкими торговцами, моряками и садовниками.

Подобно Нанту, Руану и почти всем речным портам, Бремен должен был устроить у себя наружные гавани, где помещаются строительные верфи и пристают корабли для нагрузки и разгрузки. Действительно, река загромождена мелями, которые не позволяют судам, сидящим в воде более чем на 1 или $1^1/_2$ метра, подойти в мелкую воду к Бремену; даже во время прилива фарватер не глубже трех или четырех метров. Некогда большие суда принуждены были бросать якорь среди Везера: либо перед Вегезакком, маленьким городком, окруженным дачами бременских купцов, либо гораздо ниже, перед гаванью Бракке, принадлежащею



Мостъ на Эльбѣ у Гамбурга.

Ольденбургу. В 1827 году Бремен купил у ганноверского королевства, в том месте, где небольшая р. Гееста впадает в Везерский лиман, клочек земли в 159 гектаров и там вырыл доки и устроил набережные своего морского порта Бремергавена. Соседния ганноверские деревни Геестендорф, Геестемюнде и Леэ также приняли участие в торговом движении Бремергавена: совокупность этой новой аггломерации имеет теперь свыше 50.000 жителей.

Движение морской торговли в Геестемюнде в 1892 г.: вошло—614 судов, вместимостью в 267.050 тонн; вышло—703 судна, вместимостью в 294.206 тонн.

Бремен, второй порт Германии по торговому движению своего лимана и по ценности обмена, уступает только Гамбургу по сумме оборотов и почти равняется ему по тоннажу кораблей. Численность бременского торгового флота в 1891 году: 374 морских судна, общею вместимостью в 393.599 тонн, в том числе 156 пароходов. Негоцианты Бремена, известные своею предприимчивостью, отправляют корабли в обе Америки, на крайний Восток, к островам

Южного океана, даже снаряжают китоловные судна в Атлантический океан; но наибольшая торговля ведется ими с Соединенными Штатами. Они основали, в 1827 г., северо-германский Ллойд, флот которого, в 1892 г., состоял из 47 пароходов для трансатлантического и 9 пароходов для европейского сообщения. Этот город недавно был гаванью континента, из которой отправлялось в Новый Свет наибольшее число эмигрантов; в 1872 и 1880 гг., когда эмиграционное движение принимало размеры настоящего переселения народов, более 80.000 лиц покидало Европу из порта на Везере. Сами моряки эмигрировали толпами[1]. С 1870 по 1875 год выселялась ежегодно шестая, даже пятая часть моряков; так что арматоры с большим трудом набирали необходимый экипаж. Правильные рейсы пароходов связывают Бремен с главными портами Северной Европы, Соединенных Штатов, Южной Америки и служат посредниками для постоянно возрастающей заграничной торговли Германии. Бремен—главный рынок в свете по торговле табаком и рисом; по торговле хлопком и индиго—первый рынок на европейском континенте; наконец по ввозу овечьей шерсти и керосина успешно соперничает с Антверпеном и Гамбургом.

Движение морского судоходства в Бремене 1891 г.: Вошло 3.552 судна, вместимостью 2.084.214 тонн. Вышло 3.807 судов, вместимостью 2.397.482 тонн.

Внешняя торговля Бремена в 1891 г. (по ценности): Привоз 759.763.471 мар. Вывоз 714.736.065 мар.

Ценность ввоза важнейших продуктов в 1891 г. (в тысячах марок): хлопок—177.799; шерсть—82.151; табак—60.478; рис—47.901; хлеб—42.187; керосин—13.353.

Большая честь этому городу, что он принял горячее участие в снаряжении двух немецких полярных экспедиций в 1867 и 1869 годах. Он был первым германским городом, воспользовавшимся морским путем, открытым Норденшельдом к устью Енисея, а число его ученых обществ недавно увеличилось географическим обществом, одним из самых деятельных в Европе. Известные путешественники Коль, Рольфс, Бастиан, Мор—уроженцы Бремена.

К западу от Бремена, на небольшом судоходном притоке нижнего Везера, находится Ольденбург, столица великого герцогства того же имени, одна часть которого охватывается Ганновером,—другая рейнскою Пруссиею, третья—Мекленбург-Шверином и Гольштиниею. Ольденбург окружен лугами, на которых коневоды выращивают прекрасную породу лошадей.

Значительнейшие города бассейна нижнего Везера и р. Яде, с числом жителей, по переписи 1890 г., в тысячах (в скобках—цифра населения в 1895 г.):

Ганноверское королевство: Ганновер 174 (191); Гильдесгейм 33 (37); Целле 19 (19); Геестендорф и Геестемюнде 15 (17); Леэ 14 (18); Ниэнбург (9); Пейне (13).

Округ Бремена: Бремен, с предместьями 131 (138); Бремергавен 16 (18).

Королевство Прусское: Минден 20 (22); Герфрод 19 (22); Вильгельмсгафен 15 (17).

Брауншвейгское герцогство: Брауншвейг 101 (116); Вольфенбюттель 14 (16); Гельмстедт 11; Шёппинген (8).

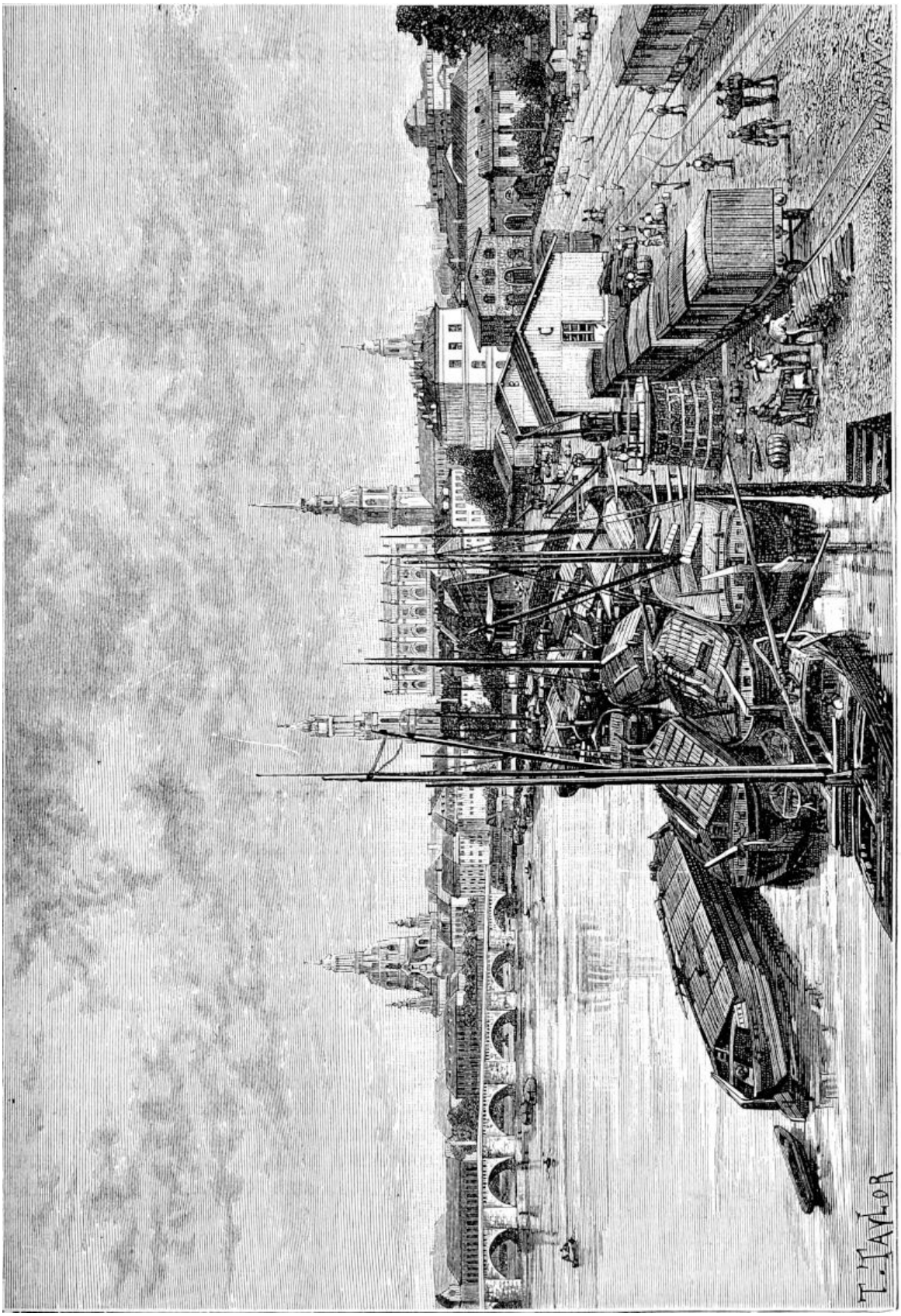
Великое герцогство Ольденбургское: Ольденбург 23 (25); Варель 5.

К востоку от Везера простирается болотистая местность, известная под именем Бременского герцогства, хотя она и расположена в прусской провинции Ганновер. Центральный городок этой области, Бремерферде, был некогда главным пунктом епархии, основанной в 788 году Карлом Великим, и теперь ведет, по своим каналам и искусственно углубленной р. Осте, значительную торговлю торфом и земледельческими продуктами. К югу, в том же бассейне Осте, находится местечко Зевен, называемое также Клостерт-Зевен, по имени одного древнего аббатства; там в 1757 году был подписан договор, по которому герцог Кумберландский, побежденный французами, должен был удалиться за Эльбу.

Восточная часть Ганновера, состоящая из верещаг и лесов, очень мало населена. Только

1 В 1890 г. число эмигрантов, проехавших через Бремен, было 140.410, в 1891 г. 138.457.

несколько городов находятся по берегам небольших рек, впадающих в Эльбу, или вблизи этой реки. Главный город страны—Люнебург, именем которого называется все степное плоскогорье. Здесь—единственное место Нижнего Ганновера, где камень пробил оболочку из



Дрезденъ у Маріенбрюкке.

песку и аллювия. Эта скала, гипсовый утес, называемый Калькбергом, дала повод к основанию города, представляя собою крепкую военную позицию для владельцев страны. В наши дни эта скала, возвышающаяся над долиною Ильменау, составляет одно из главнейших бо-

гатств Люнебурга, потому что она снабжает его камнем, служащим материалом для его многочисленных цементных фабрик. Источник, пробивающийся из почвы у основания этого утеса, дает соль[1] и химические вещества, необходимые для фабрикации соды, хлористой извести, серной кислоты; наконец, посредством гавани Ильменау, Люнебург получает продукты и товары, которыми пользуется на своих металлургических заводах и фабриках: отсюда и поговорка—mons, fons, pons (гора, источник, мост), три главные богатства Люнебурга. В первые столетия средних веков рынком страны, центром меновой торговли между немцами и славянами, был Бардовик, расположенный на несколько километров ниже Люнебурга, по реке Ильменау. Но этот город, имевший в Северной Германии некогда такое же значение, какое теперь имеет Гамбург, был совершенно разрушен, в 1189 году, Генрихом Львом, и Люнебург унаследовал его торговлю. К концу XVII столетия Люнебург был складочным местом всех товаров, отправляемых из Саксонии и Богемии в Ганновер и к устью Эльбы. Теперь он возрастает, как земледельческий центр. Это один из рынков пеньки, которую собирают здесь, в особенности на юге, в окрестностях Юльцена, и которая слывет «лучшей в мире».

Гарбург, расположенный на рукаве Эльбы, называемом Южной Эльбою, на юг от островов, загромождающих течение реки, обязан своею торговлею, промышленностью и движением чрез него путешественников не одному соседству с Гамбургом. Пока этот последний не входил в Германский Таможенный Союз, морские суда приходили прямо в Гарбург; но фарватер его порта местами засорен, и вследствие того морская торговли Гарбурга уменьшилась в пользу большого порта противуположного берега; множество гребных и парусных судов и пароходов ходят от одного берега реки к другому, между двумя городами, которые, кроме того, соединены еще великолепным железнодорожным мостом.

Движение торгового судоходства в Гарбургском порте в 1892 г. Общее число морских судов в приходе и отходе: 899 вмест. 167.869 тонн; речных (на Ю. Эльбе) 36.680 с грузом 1.141.356 тонн.

В Гарбурге много каучуковых и гуттаперчевых фабрик, а также заводов для фабрикации химических продуктов, консервов и машин. Он главный город Ганновера на Нижней Эльбе, чем прежде был город Штаде, когда река протекала вблизи его стен. В Штаде корабли должны были прежде платить весьма обременительную дорожную пошлину, от которой торговая Европа решилась, наконец откупиться в 1861 году[2]: Гамбург и Англия заплатили более двух третей выкупной суммы.

Главные города бассейна Эльбы в Ганноверском королевстве, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 г. (в скобках население в 1895 г.): Люнебург 21 (22) т. жит., Гарбург 35 (43) т. жит.; Штаде 10 т. жит.

Глава VIII Бассейн средней Эльбы

Саксония

Страна, удержавшая за собою название Саксонии, принадлежавшее некогда столь значительной части Германии, занимает в настоящее время сравнительно небольшое пространство. Это самое маленькое из германских «королевств», по величине уступающее даже великому герцогству Баденскому, превосходит все провинции новой Германской империи

1 Добыча соли в Люнебурге от 15.000 до 20.000 тонн, на 220.000 франков.

2 Ежегодный доход Штаде от „дорожной пошлины": 1.125.000 франков; сумма выкупа 10.714.225 франков.

густотою населения, а также умом и промышленностью своих обитателей. Во многих отношениях саксонцы идут впереди всех своих соотечественников.

Пространство Саксонии: 14.993 квад, килом.; народонаселение в конце 1895 г.: 3.783.014 душ; число жителей на километр: 252,3.

Нынешняя Саксония в том виде, как ее урезала могущественная соседка Пруссия, не имеет естественных границ, её территория есть просто склон Рудных гор и боковых массивов. Почти все реки, спускающиеся по этому склону, текут к Эльбе, но впадают в нее уже вне пределов Саксонии. Географическое единство страны устанавливается только шоссейными и железными дорогами, проведенными между различными речными бассейнами.

Со стороны Саксонии Рудные горы представляют длинную отлогость, противоположную кручам, обращенным к Богемии; во многих местах горный хребет имеет вид плоской возвышенности, на которой выступают закругленные вершины с пологими скатами. Эта плоская возвышенность, с её площадками и уступами, обвеваемая холодными северными ветрами, представляет «саксонскую Сибирь», заключая в своих низших слоях богатые рудники, разрабатываемые с XII века и привлекшие большое население вокруг этого изобильного источника руд. Однако, жилы металла часто обманывают надежду рудокопа, а тонкий слой растительной земли дает лишь плохой и сомнительный урожай. Так как произведения земли были недостаточны для прокормления жителей, то последние стали выделывать во время своих длинных зим различные небольшие вещицы для сбыта богатым горожанам равнины. Таково было начало промышленности, сделавшей всю юго-западную Саксонию такою важною в мануфактурном отношении страною. Угольные копи, соединенные в настоящее время железными дорогами с месторождениями металлов, увеличили силу притяжения на окружающее народонаселение: вся страна превратилась в огромный завод. По странной противоположности, горная область населена гуще низменной равнины, покрытой плодородными наносами. Правда, что попадающиеся там и сям слои песку, кремня и даже валунов, занесенных из Скандинавии в ледяной период, во многих местах прерывают плодородную почву северных деревень[1]. Стоящий на поле сражения при Лютцене «Камень Шведов» (Schwedenstein) есть обломок гранита, занесенный из Швеции пловучим льдом. Следы морен заметны также при конце долин Рудных гор. В Саксонии же, по направлению к востоку и к югу, встречаются последние в центральной Европе друидические памятники над могилами галльских воинов; отсюда древние могильные памятники встречаются не ближе Крыма[2].

Хотя общий склон Рудных гор очень правилен и полог по направлению к северу, однако же, стекающие с хребта реки и ручьи, глубоко избороздив почву, образовали живописные долины: видя высокие кручи, составляющие резкую противоположность с гладкою поверхностью полян, можно подумать, что находишься в стране больших гор. Около восточной части горной цепи, там, где Эльба выходит из бассейна Богемии, песчаники, из которых состоят пласты, под действием вод и непогод распались на массы удивительной правильности. Над Эльбою и примыкающими к ней оврагами утесы высятся вертикальными стенами, с виду похожими на архитектурные постройки,—с выдающимися вперед башнями, ступенчатыми площадками и выступами в виде стенных зубцов. Здесь скалистые выступы, соединяющиеся с плоскою возвышенностью узким перешейком, выдвинулись между двумя пропастями, в виде циклопической стены; в другом месте от скалы остались только совершенно отделенные одна от другой глыбы, и случайно разбросанные, словно выкидки моря на берегу: некоторые имеют весьма причудливые формы; многие представляют овальные или четыреугольные массы, как бы вытесанные руками великанов; только к их основанию прилегают откосы из обломков скал, почти совершенно покрытые лесом; на вершине одной из таких глыб, лежащей на левом берегу Эльбы и называемой «Королевским камнем», Кенигштейн, находится крепость, действительно неприступная, разве что осаждающий надумался

1 Bernhard Cotta, „Deutschlands Boden".

2 De Mortillet, „Races humaines et chirurgie religieuse de l'epoque de dolmens".

бы взорвать самую скалу. Большое число других глыб, Квирль, Пфафенштейн, Кегельштейн, Кацштейн разбросаны по долине западного берега Эльбы; только одна из них, Лилиенштейн, быть может, самая красивая, находится на правом берегу Эльбы. Расположенная среди полуострова, она возвышается над всеми извилинами долины, и с колоссальных каменных ступеней, образуемых её верхними плитами, видны повсюду кругом вырисовывающиеся, в виде причудливых перспектив, стены и башни этих исполинских зданий. Там встречаются даже естественные обелиски—тонкие столбы, выдержавшие напор бурь в течение столетий: таков, на территории Богемии, Пребиш-Когель, представляющий странную груду круглых камней, возвышающуюся над широким горизонтом скал и лесов. Не менее горды на вид разбросанные скалы Бастей, к востоку от Велена.

По берегам Эльбы человек усердно трудится над разрушением скал, добывая из них материал для постройки городов, заводов и мостов. Если ехать вверх от Пирны, то видишь каменоломни, открывающиеся в скале непрерывным на нескольких километрах рядом ям: привязанные к набережной, многочисленные шаланды ожидают очереди в нагрузке камня, для доставки его в Дрезден, Мейссен, Магдебург; даже большая часть Гамбурга выстроена из пирнского камня. Недавно, вблизи Велена, подрытая скала обрушилась внезапно глыбою более 80 метров вышины. Эльба была запружена во всю её ширину, и даже простые плоты были задержаны этим препятствием. Понадобилась усиленная работа многих месяцев, чтобы очистить русло. Кроме того, Эльба во многих местах слишком узка для плотов, спускающихся по течению, и для встречающихся на реке пароходов. Русло её было еще съужено искусственно, идущими вдоль берегов плотинами, которые там и сям прерываются отверстиями, расположенными таким образом, чтобы приспособить маленькие порты для барок и шаланд. Собиравшаяся в 1870 году коммисия определила желаемую глубину Эльбы, по течению ниже Богемии, в 84 сантиметра, но, несмотря на все усилия, еще на удалось доставить судам такой глубины; во многих местах в низкую воду встречаются пороги уже на глубине 7 дециметров[1].

Некогда почти вся территория нынешней Саксонии была населена славянами, как это доказывают названия речек, городов и деревень. Некоторые из городов славянского происхождения, каковы, Лейпциг, Плауен, Бауцен, носят имена, кажущиеся немецкими, но документы, позволяющие добраться до первоначального обозначения этих мест, показывают, что помянутые города назывались: «Липецком», «Заливным Лугом», «Кучею Хижин»[2]. Впрочем, существуют сотни городов, пригородов, деревень и поселков, сохранивших, несомненно, вендское название, например: Герлитц, Эльснитц, Блазевитц и т.п.

Вся верхняя часть бассейна р. Шпре, в Саксонии и Пруссии, занята еще населениями вендской речи, остатками великого славянского племени, простиравшагося некогда до самой Эльбы в большой равнине между горами и Балтийским морем. Уменьшившись в численности, племя вендов мало-по-малу теряет всякое значение в равновесии народностей; в настоящее время оно есть не что иное, как этнологическая редкость, долженствующая вскоре исчезнуть. В половине VI века страна вендов, вдвое более нынешней, занимала долину восточной Нейссы до Одера, а на северо-запад простиралась до Сторково, менее чем в 40 километрах от Берлина. Двести лет спустя, в половине XVIII столетия, полоса славянской речи съузилась в своей северной части средним числом до 20 километров. В настоящее время этот этнологический островок занимает гораздо меньшее пространство: обираемый со всех сторон, он походит на песчаную мель, смываемую течением. Даже внутри указанных границ славянское наречие остается в употреблении только в небольших деревнях, а во всех городах преимущественно употребляется язык немецкий. Все венды, исключая некоторых стариков, говорят на обоих языках, и их древнеславянское наречие заключает большую примесь германских слов и оборотов. Множество семей перевели даже свои фамилии с славянского язы-

1 Lohse, „Correction des Elbstromes innerhalb Sachsen", 1871.

2 Forstemann,—Richard Andree, „Globus", 1871. 9

ка на немецкий, и позже, если им заблагоразсудится, они могут, подобно многим кучкам славянского населения Германии, притязать на чисто-тевтонское происхождение.

И здесь, как и в других странах, различные причины способствовали вытеснению языка угнетенного народа языком более могущественного. Относительно малочисленные, венды окружены со всех сторон морем немцев. Для них, как признаваемых за людей низших, был закрыт доступ не только к ученому званию, но и ко многим ремеслам; так, чтобы иметь право варить пиво, они должны были отречься от своего племени и стать германцами. Правительство смотрело на вендский язык как на несуществующий; оно издавало законы на немецком языке; на нем же допрашивало свидетелей и заставляло заключать договоры. Школы не учили детей наречию отцов, а заставляли забывать его; затем молодые люди поступали на военную службу в города с прусскими или саксонскими гарнизонами. Возвратившись домой, они не умели даже говорить со своими родными. Богатые собственники—все немцы и, конечно, не утруждают себя изучением вендского языка, чтобы говорить с рабочими; заводы, устраиваемые в стране, и железные дороги, пересекающие ее в различных направлениях, облегчая движение путешественников, приносят выгоду только германизму. В верхней Лузации, т.е. в окрестностях Бауцена, там, где венды, поселившись близ своих братьев чехов, упираются в высоты, чтобы не быть обойденными немцами, они в продолжение трех столетий довольно хорошо сохранили свои границы.

С 1861 года прусское правительство перестало даже собирать статистические данные о вендах, как бы не желая обращать больше на них внимания, так что и невозможно точно определить число славянского населения в двух Лузациях: Верхней и Нижней; только по приблизительному исчислению, статистика насчитывает в этих областях славянского населения до 136,000 душ, из которых 50.000 приходятся на Саксонию и 86.000 на Пруссию.

Число вендов в Саксонии		Отношение к саксонцам
1849	49.217	26 на 1,000
1861	53.973	24 „
1875	50.737	18 „

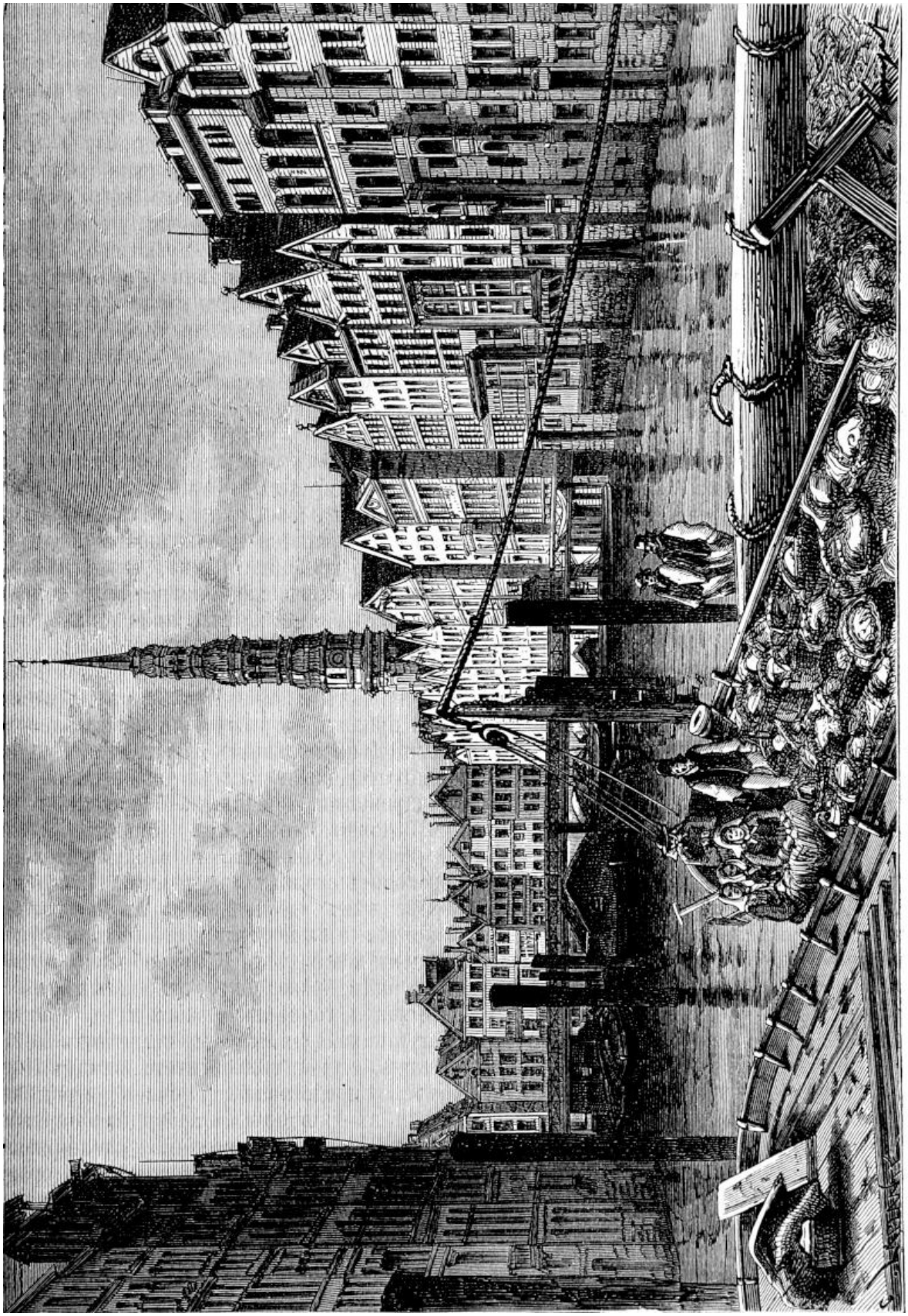
К началу будущего столетия едва-ли останется несколько десятков тысяч, если только непредвиденные политические события не помогут им соединиться с братьями чехами в Богемии. Не имея никакой общей связи между собою, вследствие политического раздела между Пруссиею и Саксониею, различаясь также и в религиозном отношении на протестантов и католиков и даже говоря языком, делящимся на два наречия и поднаречия, они, очевидно, осуждены на исчезновение. Последний остаток западных славян, они усилят, под другим именем, великую германскую армию, способствуя, однако, изменению её характера.

В то время, когда венды жили на равнинах Эльбы, Мульды и Эльстера, часть Саксонии, составляющая холодное плоскогорье Рудных гор, была очень слабо населена, или даже представляла вид пустыни. В этой части большинство названий местностей—германского происхождения, и некоторые из них показывают, что обработка почвы была делом новых пришельцев[1]. Охотники, а за ними земледельцы, поднимались с северных равнин, для занятия сухих и холодных стран, пренебреженных славянским населением, а затем с высших хребтов опять спускались на юг, в богатые долины Богемии. Известно, что нагорным немецким колонистам удалось настойчивым трудом сделать почву плодородною и создать новые отрасли промышленности; но бедность между ними всегда была велика, и только при помощи строгой бережливости и умеренности они могли существовать и основать столь многочисленное общество. Эта плохая жизнь объясняет, почему большинство из них малы ростом, слабы и некрасивы, в противуположность саксонцам равнины. Игрушечники, столь же многочисленные, как и в Тюрингене, здесь, кажется, еще хуже вознаграждаются.

Саксонцы несомненно менее чистой расы в собственно Саксонии, чем в странах, лежащих к северо-западу оттуда, на берегах Эльбы и Везера. По странному контрасту, эта германская нация, имя которой часто дается, хотя по сильному преувеличению, всем населени-

1 Barnahrd Cotta, „Deutschlands Boden".

ям Великобритании, и даже, еще с меньшим правом, населениям Соединенных Штатов, видела свою политическую область все более и более съуживающейся в своей первоначальной родине, и нынешняя Саксония есть только часть древней восточной Саксонии. Долгое вре-



Гамбургъ.

мя, особенно при Карле Великом, этот народ признавался представителем всей германской расы, да и до сих пор еще в Трансильвании потомки немецких переселенцев различного происхождения, преимущественно выходцев из Фламандии и прирейнских стран, не иначе

называются, как саксонцами. И теперь народ, некогда знаменитый, видит свое имя низведенным на степень простого политического термина, которому, быть может, суждено скоро исчезнуть. Но тем не менее раса сохранится, и её влияние всегда будет одним из самых сильных в великой германской общине. Не саксонцы ли более других способствовали образованию немецкого языка, и не считался ли мейсенский диалект образцом хорошей речи? Весьма естественно, что эта середина между наречиями севера и юга мало-по-малу стала литературным языком в странах средней Германии: Саксонии и Тюрингене.

Населенная слишком густо сравнительно с небольшим пространством, занимаемым ею, Саксония, с некоторыми частями прирейнской Пруссии и Силезии,—самая богатая городами страна Германии. Их так много в некоторых округах, как деревушек на полях Тюрингена и Гессена. Мало-по-малу её деревни превращаются в предместья, а поля, покрываясь фабриками, дачами, парками, частными садами, постепенно исчезают. Многие города, усаженные дымящимися трубами, утратили всякую оригинальность вида: проезжая их, кажется, опять видишь повсюду те же улицы, те же заводы.

В Фохтланде, т.е. в углу Саксонии, прилежащем к Богемии, Баварии и Тюрингену, извилистый Белый Эльстер, берущий начало в австрийских владениях и, в дальнейшем своем течении, проходящий по маленьким государствам Тюрингена, орошает уже несколько городов, между прочим Эльсниц и промышленный Плауен, столицу Фохтланда, значительно обогатившуюся в последние годы разработкою копей каменного угля[1] и тканьем кисеи, известной в торговле под названием plaue Waare; раковины соседней реки доставляют небольшое количество жемчуга. На притоках Эльстера стоят тоже промышленные города: Фалькенштейн, Трейен, Ауэрбах, торгующий преимущественно смолою, Рейхенбах, занимающийся в особенности прядением и тканьем. Подле этого города железная дорога проходит чрез долину Гёльч, по мосту на высоте 87 метров.

Вступая вновь на территорию Саксонского королевства, из которой он выходил для орошения тюрингенских государств, Эльстер течет по равнине, на которой стоит большой город Лейпциг, одна из немецких столиц. Этот город находится именно в том месте, где естественный путь между Тюрингервальдом и Богемскими горами пересекает дорогу, соединяющую Рейн с Эльбою, Одером и Вислою, проходя долинами Гессена и Тюрингена. Со времени устройства дорог, удобных для езды в экипажах, последние в большом числе перекрещивались у Лейпцига, а теперь к его станциям со всех сторон горизонта сходятся линии железных дорог. Этот саксонский город был весьма удачно выбран, чтобы сделаться местом торговли, и его три большие ярмарки, на которые и до сих пор восточные купцы съезжаются в большом числе, принадлежат к наиболее посещаемым в Европе; но важность их фатально год от году уменьшается.

Лейпциг занимает первое место между германскими городами по торговле книгами, обозрениями и журналами. Хотя Берлин с некоторого времени превосходит его числом изданий, но Лейпциг сохранил преобладание по своим сношениям с заграницею: сотни книгопродавцев собираются в принадлежащей им специальной бирже, на одной из площадей в центре города. В 1895 году в Лейпциге существовало 750 книготорговых фирм, включая сюда торговлю музыкальными и художественными произведениями и антикварскую. В тесной связи с грандиозной книжной торговлей стоит типографское дело, которым в 1895 году занимались 150 фирм; кроме собственно типографий, было 7 типографий для печатания нот, 136 литографий, 99 ксилографических заведений и пр.

Лейпцигский университет, основанный в начале XV века немецкими профессорами, изгнанными из Праги, еще недавно стоял во главе высших учебных заведений центральной Европы, по крайней мере по числу студентов[2], но теперь его опередили университеты Венский и Берлинский; библиотека его заключает в себе много сокровищ, между прочим знаме-

1 Плауэнские копи дают ежегодно около миллиона тонн угля.

2 Лейпцигский университет в летнем семестре 1895 года имел 2.957 студентов; библиотека его состояла из 450.000 томов.

нитый папирус Эберса. В Лейпциге был основан первый в Германии женский лицей. Одно из многочисленных ученых обществ, какими обладает родина Лейбница, именно географическое, состоит из нескольких сотен членов, и множество материалов, находимых писателями в этом центре книжной торговли, породило в нем огромное число изданий, посвященных научному исследованию земного шара. Лейпциг принадлежит также к числу городов, способствующих развитию музыки в Германии; концерты его Gewandhaus'а пользуются далекою и большою известностью, а консерватория его, основанная Мендельсоном, принимает до 900 учащихся; его академия художеств также имеет большое число воспитанников. Наконец, недавно, Лейпциг сделался главным городом империи в юридическом отношении, как местопребывание имперского верховного суда. Замечено, что жители Лейпцига, в своем соперничестве с Дрезденом, являются преимущественно представителями немецкого духа, между тем как граждане саксонской метрополии сохранили, вместе с сожалением о прошлом, более исключительный местный патриотизм.

Город Лейпциг в собственном смысле еще не так многолюден, как Дрезден; но если принять в рассчет предместья, которые тянутся на большом пространстве и соединяются вдоль дорог с окрестными селами и деревнями: Рейдниц, Шёнефельд, Фолькмарсдорф, Конневиц, Линденау, Голис и другие, то Лейпциг, по числу жителей, превосходит столицу государства: население его более чем удесятерилось в последние два столетия, а в последние сто лет оно увеличилось в шесть раз. Кольцеобразное гульбище, или ряд бульваров, устроенных на месте прежнего городского вала, и в черте которых находятся главные памятники Лейпцига, театр, музей, университет, замок Плейсенбург, представляют очень ограниченный круг в сравнении с громадною окружностью нового города, постоянно расширяющеюся. Часть поля битвы 1813 года, где сражались пятьсот тысяч человек, где зараз гремели две тысячи пушек, уже покрылась домами: место, где погиб Понятовский, сделалось набережною, а река превратилась почти в водосточную канаву. Центр этого страшного трехдневного побоища, великой «битвы народов», Volkerschlacht, как ее называют немцы, был на юго-востоке от Лейпцига, близ деревни Пробстгейда. На севере от города находится Брейтенфельд, где король шведский Густав-Адольф одержал победу над имперским полководцем Тилли, в 1631 году. Страна, в которой лежит Лейпциг, есть естественное место встречи как для купцов, так и для войск, и потому эта равнина часто обагрялась человеческою кровью.

В бассейне Мульды, главная река которого (Мульда образуется из слияния двух рек— собственно Мульды и Фрейбергской Мульды) извивается на востоке от реки Эльстер и параллельно её течению, промышленные города еще многочисленнее, чем во всякой другой части Саксонии. Близ истоков реки находим Эйбенштоk (Eibenstock), центр кружевного производства; далее на север, в одной боковой долине, лежит Шнееберг (Schneeberg), имевший некогда серебряные рудники, самые богатые в Саксонии, и теперь еще в окрестностях его разрабатываются кое-какие металлоносные залежи, между прочим, месторождения кобальтовой руды; в главной церкви города алтарь украшен мастерским произведением кисти знаменитого живописца Луки Кранаха. В небольшом расстоянии от Шнеберга, на востоке от реки Мульды, встречаем город Лёсниц (Lossnitz). Затем на самой реке лежит старинный город Цвиккау (Zwickau), один из тех саксонских городов, где средневековые памятники своим живописным видом несколько разнообразят монотонные и вульгарные группы современных фабрик и заводов. Мануфактурные заведения Цвиккау получают нужное им минеральное топливо из каменноугольного бассейна, который тысячи рудокопов разрабатывают до глубины 800 метров ниже поверхности земли. Один из пластов каменного угля уже триста слишком лет горит медленным огнем, чем издавна пользуются местные садовники, устраивая на сильно нагретой извнутри почве оранжереи для рано поспевающих плодов и для тропических растений. Цвиккау, местопребывание училища горных инженеров, составляет центр обширного промышленного округа, где теснятся многочисленные города: Шедевиц, Кирхберг, Планиц, имеющий большой металлургический завод, Мюльзен, Вердау, Криммицшау, Глаухау, Лихтенштейн и Калленбер, Эльсниц, Оберлунгвиц, Бургштадт, Лесниц, Герсдорф, Меране, богатые прядильнями, ткацкими и разными другими фабриками.

Далее на севере города: Вальденбург, Пениг, Рохлиц, Гримма, Вурцен, следующие один за другим в долине Мульды, находятся уже в круге притяжения Лейпцига, так же, как городок Борна, лежащий на небольшом притоке реки Эльстер.

Другой промышленный центр представляет город Хемниц, сделавшийся теперь третьим городом Саксонии по числу жителей, и которому суждено занять одно из первых мест между многолюдными городами Германии, если население его будет возростать в такой же быстрой пропорции, в какой оно возрастало в эти последние годы: с начала нынешнего столетия Хемниц увеличился вдесятеро, не только захватывая соседния поля, но и превращая в свои предместья окрестные села и деревни. Этот «саксонский Манчестер», как его называют, есть преимущественно город ткачей, фабрикантов и набойщиков; более 200.000 веретен вертятся в его мастерских и в прядильных заведениях окрестностей; кроме того, он имеет много больших фабрик машин; его коммерческое и технологическое училище посещается более чем шестьюстами воспитанников. В 1892 году насчитывалось 179 машиностроительных фабрик, с 12.000 рабочих, и 160 прядильных, ткацких и вязальных заведений, с 13.000 рабочих. Железно-дорожная станция, как подобает такому важному торговому городу, есть самое красивое здание Хемница. Окрестные общины, между которыми самые значительные— Лимбах, Гогенштейн, Габленц, Штольберг, Геленау, Цшоппау, Франкенберг, Гайнихен, Митвейда, Эдеран, Росвейн, Дебельн, Лейсниг, тоже состоят из фабричных заведений и домов рабочих, среди которых там и сям возвышаются общественные здания; Вальдгейм занимается исключительно производством табачных изделий. К югу от Хемница, в верхнем бассейне реки Цшоппау, лежат старинные горно-заводские города Мариенберг и Аннаберг, из которых последний составляет, так сказать, одну городскую агломерацию с его нижним пригородом Бухгольцом. В той же области находятся город Цвениц и большое, красивое село Шенгайда; далее на западе, в горах встречаем местечко Зайда, приобретшее известность своими мастерскими детских игрушек.

В том же бассейне Мульды, близ притока, называемого Фрейбергскою Мульдою, находится знаменитый город Фрейберг, главное место той области Саксонии, которая долгое время была классическою страною горной промышленности. Правда, что в наши дни эта область не может уже претендовать на название европейской Калифорнии, и относительная ценность добываемого в ней количества металлов незначительна в сравнении с сокровищами, которые доставляют сереброискателям Боливия, Мехика, Невада; но она оказала чрезвычайно важную услугу горному делу, так как здесь именно образовались лучшие практики, которые верно угадывают, по внешним признакам, свойство и направление скрытых в недрах земли рудных жил и умеют вести наиболее рациональным способом подземные работы при разработке месторождений металла. Саксонцы были учителями всех горных инженеров и горнопромышленников Европы, от Урала до Испании; точно также между ними да между англичанами Корнваллиса находят лучших рабочих рудокопов. Практический горный институт Фрейберга есть знаменитейшее училище этого рода во всем свете, и молодые люди, посвятившие себя этой специальности, стекаются сюда из всех стран Европы и Америки. В соседстве находятся серебряные рудники, разработка которых ведется наиболее искусными и усовершенствованными способами, при помощи новейших машин и приспособлений, так что по справедливости может быть названа образцовою. Здесь же, можно сказать без преувеличения, наука, чисто практическая, добывания руд и минералов мало-по-малу преобразовалась в обширную отрасль человеческого знания, в науку геологии или истории земного шара: между достопримечательностями Фрейберга ни одна не возбуждает такого глубокого научного интереса, как маленький минералогический музей, собранный знаменитым Вернером, отцом современной геологии.

Рудникам этой страны, на которых работают около 6.000 рудокопов, представляющих, вместе с своими семьями, по меньшей мере 20.000 лиц, грозила опасность быть затопленными водою во всех глубоких частях; на многих рудниках расходы по эксплоатации равнялись или даже превышали доходы от добычи. Чтобы устранить эту опасность, государство пред-

приняло, с 1844 года, обширные землекопные работы, которые, хотя не наделали большого шума в свете, но тем не менее принадлежат к числу важнейших и замечательнейших работ этого рода, упоминаемых в летописях человеческого искусства. В долине Трибиш, на глубине 191 метра ниже уровня моря, начато было бурение в скале водосточной галлереи, которая находится на глубине 152 метров ниже самой низкой из существовавших уже галлерей, но которую нужно было провести на протяжении 13.900 метров, для того, чтобы соединить ее с сетью подземных галлерей. Тридцать три года потребовалось на исполнение этого грандиозного предприятия, которое дает теперь возможность разом удалять воду из всех рудников и располагать, для целей промышленности, движущею силою в 1.100 паровых лошадей, доставляемой подземным потоком. Общая длина всех горизонтальных дорог, дополняющих галлерею, составляет около 51 километра.

В 1876 году добыча из фрейбергских рудников и копей представляла следующие цифры:

Серебра 2,045 тонн; меди 265 тон.; мышьяку 344 тон.; свинцу 3.442 тон.; цинку 153 тон.; серы 3.791 тонн.

В продолжение семи столетий во Фрейбурге было получено серебра в общей сложности на сумму 850.000.000 франков. С 1888 г. все крупные рудники перешли в собственность государства; важнейшие из них—Himmelfahrt и Himmelsfurst, с годовой добычей 17.000 килограм. серебра и 24.000 метрич. центр. свинца.

Вступив в пределы королевства Саксонии, Эльба (Лаба) проходит перед Шандау, центральным городом экскурсий в соседнюю область, известную под именем «саксонской Швейцарии», потом принимает в себя горный ручей, вытекающий из боковых долин, где широко раскинулись предместья промышленного города Зебниц, и затем извивается у подножия крепости Кенигштейн и Веленских каменоломен. Влево, на крутом выступе горы, высится обширный замок Зонштейн, превращенный ныне в дом умалишенных, а под горою расположен город Пирна, находящийся уже в дрезденском бассейне. Далее Эльба течет вдоль подошвы холмов правого берега, на которых все чаще и чаще встречаются дворцы и сады в виде террас, возвещающие путешественнику близость саксонской столицы. Один из этих многочисленных дворцов издавна служит летнею резиденциею саксонских королей: это Пильниц, где в 1791 году была заключена между императором австрийским и королем прусским, в присутствия графа д'Артуа, знаменитая конвенция, которою союзники обязывались восстановить Людовика XVI на престоле Франции.

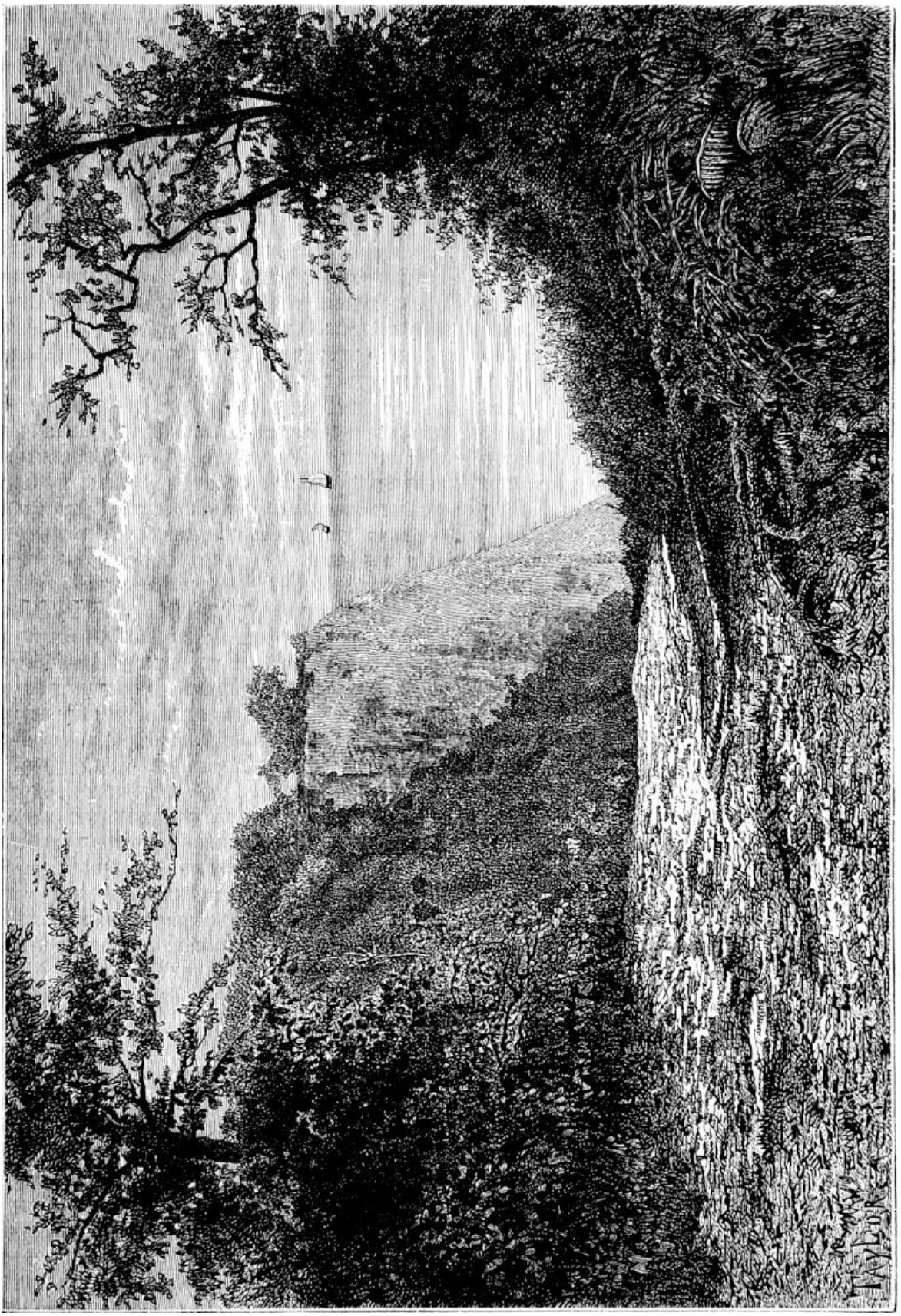
Дрезден—самый приятный город Германии, по его многочисленным музеям, по его художественным богатствам всякого рода, по нравам его жителей. Таково, по крайней мере, общее мнение иностранцев, которые поселяются там на временное или постоянное жительство в гораздо большем числе, чем в других немецких столицах, как видно из следующей сравнительной таблицы, относящейся к 1875 году:

Иностранцев на 1.000 жителей: в Дрездене 41; в Мюнхене 26; в Гамбурге 25; в Лейпциге 23; в Берлине 8.

Весьма значительная доля подвижного приезжего населения Дрездена и даже постоянных его жителей состоит из артистов, поэтов, живописцев, скульпторов, музыкантов, дилетантов, которые находят в этой «германской Флоренции», как называют столицу Саксонии со времен Гердера, приятную для себя среду, и которые самым собранием своим поднимают общий тон дрезденского общества. Уже по внешнему своему виду Дрезден есть один из тех городов, которые свидетельствуют об истинной любви к искусству, одушевлявшей их строителей. Три прекрасных каменных моста, построенные почти в равном расстоянии один от другого, соединяют оба берега широкой реки, которая тянется в форме правильного полумесяца между двумя половинами города. На левом берегу, около середины этого полумесяца, возвышается большая часть больших зданий, которые, если не все замечательны изяществом или чистотою стиля, то по крайней мере не имеют в своей наружности ничего вульгарного и отличаются оригинальностью архитектуры. С высокой террасы, господствующей над Театральною и Дворцовою площадями, город, с его красивыми мостами и набережными, с

его широкою рекою, в которой отражается заходящее солнце, представляет по истине грандиозное зрелище.

Дрезден очень богат музеями и различными художественными и научными коллекция-



Кёнигштуль на островѣ Рюгенѣ.

ми; государство обладает тринадцатью собраниями этого рода, и все они заключают в себе истинные сокровища. Обширная картинная галлерея есть важнейший художественный музей Германии и один из первых в свете, как по числу и ценности собранных в ней картин,

так и по той благоговейной заботливости, которая была приложена для достижения наиболее эффектной выставки этих драгоценных полотен: она содержит замечательные произведения живописи всех школ. Из произведений Корреджио здесь находим пять картин, между прочим, его св. Магдалину и Ночь; Рембрандт представлен целыми двадцатью картинами, из которых особенно выдается его знаменитый Ганимед; из произведений Мурильо дрезденский музей владеет св. Родригом; немецкая живопись находит здесь высшее свое выражение в Пресвятой Деве Гольбейна; но самое почетное место принадлежит знаменитой Сикстинской Мадонне Рафаэля, составляющей перл всей галлереи: «обладать этим образцовым творением в центре немецких государств, замечает Луи Виардо, это—честь и слава для всей Германии»[1]. В том же самом здании, носящем странное название Цвингера[2], помещаются, кроме картинной галлереи, кабинет гравюр и эстампов, содержащий слишком 300.000 рисунков, галлерея гипсовых слепков, музей естественной истории, залы, наполненные предметами, относящимися к антропологии и к этнологии, и другие научные коллекции. Так называемый Японский дворец, прекрасное здание, возвышающееся на правом берегу Эльбы, заключает в себе драгоценный кабинет древностей, богатый бронзами, вазами, статуями, важную коллекцию монет и медалей, и обширную библиотеку, содержащую около 500.000 томов, 180.000 брошюр, 20.000 географических карт, 1.500 инкунабул. Это богатое книгохранилище особенно ценится учеными, занимающимися историею Саксонии, Польши, Франции, Германии во времена реформации; здесь есть также мехиканские иероглифы, еще не вполне разобранные. Другой дворец, состоящий из собрания музеев, так называемый Iohanneum, заключает в себе коллекцию исторических предметов, преимущественно оружия и доспехов (Оружейная Палата) и керамический музей, не только самый полный из существующих в свете по богатству саксонских фарфоров, но и один из важнейших по обилию и ценности фарфоровых изделий Франции, Китая и Японии. Королевский дворец, украшенный снаружи живописью, изображающею историю саксонских государей с баснословных времен, тоже может быть назван музеем; его «Зеленая кладовая», Grune Gewolbe, чрезвычайно богата драгоценностями всякого рода. В другом дворце помещаются модели знаменитого саксонского скульптора Ритшеля. Наконец, и самый город представляет собою храм искусств, благодаря многочисленным статуям и изваянным группам, украшающим площади и фронтоны зданий. Каждый год какое-нибудь новое скульптурное произведение прибавляется к тем, которыми он уже владеет; не довольствуясь своим общепризнанным превосходством над другими городами Германии; как столица искусств, Дрезден неустанно трудится над умножением своих художественных сокровищ.

Дрезден не университетский город, но он имеет специальные высшие учебные заведения, между которыми особенно славится его политехническая школа. Его музыкальные школы, или консерватории, посещаются большим числом учеников и учениц, и дрезденские артисты дают великолепные по исполнению концерты. Ученые общества тоже очень многочисленны в саксонской столице: здесь существуют академии и ассоциации всякого рода, образовавшиеся для споспешествования успехам наук и искусств. Изучение географии пользуется здесь большим почетом: дрезденское географическое общество (Verein fur Erdkunde) насчитывает в своей среде многие сотни членов. Город имеет прекрасный зоологический сад, расположенный рядом с большим королевским садом, который составляет главный парк Дрездена, и который новые кварталы, захватывающие все далее и далее соседния поля, скоро окружат со всех сторон. На песчаном плато, господствующем над столицею и ограничивающем ее с северной стороны, возвышаются, на пространстве более километра в длину и без малого километра в ширину, правильные строения, довольно монументального вида, составляющие особый квартал, который народ прозвал в насмешку Casernopolis'ом, то есть «казарменным городом». В этот громадный новый город переведены все военные заведения Дрездена: кадетский корпус, казармы для войск различного рода оружия, кавалерийские ко-

1 Louis Viardot, „Les Musees d'Allemagne".

2 Название, соответствующее имени некоторых французских городов, la Force или la Ferte.

нюшни, арсеналы, склады аммуниции, лаборатории, госпитали и тюрьмы. Эти здания, прекрасно устроенные в отношении удобств управления ими и общей гигиены, образуют, вместе с их учебными плацами, грозную крепость, которая могла бы, в случае надобности, в несколько часов разрушить город и его предместья.

В 1813 году Дрезден был некоторое время главною квартирою французской армии, и на юге от этого города происходила битва, в которой Моро потерял обе ноги, оторванные французским ядром. Речка Вейстриц, пересекающая поле сражения, проходит по самым живописным местам окрестностей Дрездена. Она протекает, между прочим, мимо пригорода Тарандт, местопребывания лесного института, откуда вышли лучшие лесоводы Германии, и одного из самых любимых загородных мест столичного населения; дрезденцы толпами ездят туда погулять в окрестных лесах, посмотреть старый замок, побывать на минеральных водах. На другом берегу Эльбы, живописные Лёшвицкия высоты, где находится заведение для лечения чахоточных смесью кислорода и азота, тоже привлекают массы гуляющих: виллы и замки рассеяны там во множестве, так же как и на всех выступах плоскогорья, называемого Dresdener-Haide, которое несколько защищает город Дрезден от холодных северных ветров.

Мейссен, следующий за Дрезденом город на левом берегу Эльбы, был некогда столицею Саксонии; он был построен в виде оплота против вторжения соседнего славянского племени вендов или лужичан. Два моста через Эльбу, соединяющие Мейссен с его предместьем—Кёльн, высокая аркада, перекинутая между двумя утесами, господствующими над городом, горделивая готическая церковь, один из приделов которой служил местом погребения прежних государей Саксонии, замок Альбрехтсбург, реставрированный совершенно в том виде, какой он имел в средние века, наконец, тенистые рощи окрестностей—все это придает древней столице Миснии очень живописный вид. Мейссен приобрел громкую известность в истории керамических искусств; в замке Альбрехтсбург находилась та знаменитая фарфоровая фабрика, где Бетхер впервые применил к приготовлению каолина способы, которые он открыл, отыскивая философский камень. С 1863 года фабрика переведена на юг от этого города, в долину Трибиш, где сгруппированы разные другие фабричные заведения; но прежние способы выделки фарфора до сих пор не отысканы, и «старый саксонский фарфор» все еще остается несравненным в отношении чистоты и нежности глины и прочности глазури.

Продолжая спускаться по течению Эльбы, вниз от Мейссена, мы встретим на саксонской территории только один город, Риза, который приобрел довольно важное значение, как место встречи нескольких железнодорожных линий; но промышленные города Ошац и Гроссенгайн, лежащие один на западе, другой на востоке, внутри страны, представляют более значительные пункты. На северо-востоке от Дрездена, в бассейне реки Черной Эльстер, притока средней Эльбы, находятся два другие саксонские города—Радеберг и Каменц, из которых последний замечателен, как родина Лессинга.

Главный город Верхней Лузации (земли лужичан), Будишин древних славян, называемый немцами Бауценом, горделиво возвышается, еще окруженный своими древними стенами, над равниною, по которой извивается река Шпре; старинный замок или кремль, где часто имели резиденцию богемские короли, господствует над городом. Близ Будишина французы, в 1813 году, нанесли поражение пруссакам и русским, тогда как далее, на востоке, деревня Гохкир напоминает кровопролитную битву, которую Фридрих II, король прусский, проиграл в 1758 году. Еще далее, но все в том же бассейне Эльбы, находим город Лебау (повендски или лужицки Libij), расположенный у подножия двуглавой горы, одного из многочисленных потухших вулканов, рассеянных в этой стране. Один из соседних вулканических конусов, сохранивший славянское название «Чернобог», имеет форму Везувия, поднимающагося из полукруга Монте-Соммы.

Циттау, самый многолюдный город Восточной Саксонии, лежит близ реки Нейсе, впадающей в Эльбу. Будучи в очень близком соседстве с границею Богемии, он находится уже в промышленном районе чешского мануфактурного центра, Рейхенберга, и обогащается производством холстов, камчатного полотна и других материй. Точно также Эберсбах, Одер-

виц, Зейфгеннерсдорф, Гросс-Шенау и многие другие местечки и деревни, которые рассеяны на протяжении многих километров в долинах окрестных гор, занимаются преимущественно фабрикациею полотен и сукон.

Важнейшие городские общины королевства Саксонии, с числом жителей в тысячах, по переписи 1 декабря 1890 г. (в скобках показана цифра населения по исчислению в июле 1895 г.):

Дрезден 290 (318), Лейпциг 357 (414), Хемниц 139 (165), Цвиккау 44 (41), Плауен 47 (51), Фрейберг 29 (31), Глаухау 23 (25), Меране 23 (23), Циттау 25 (27), Криммитшау 23 (24), Рейхенбах 21 (24), Будишин (Бауцен) 22 (24), Мейссен 18 (20), Аннаберг 15 (16), Вердау 16 (18), Дебельн 14 (16), Гроссенгайн 12, Пирна 14(16), Франкенберг 11, Мюльзен (фабричный округ) 13, Митвейда 11, Гайнихен 8, Шнееберг (8), Лихтенштейн (с Каллан-бергом) 9, Лейсниг 8, Лимбах 12, Каменц 8, Эберсбах 8, Габленц 10, Эйбеншток 7, Лебау 8, Мариенберг 6, Гогенштейн с Эрнсталем 12, Лесниц 6.

На севере от Циттау находится село Гернгут, центр секты или религиозной ассоциации моравских братьев. Принятые в 1722 году, в качестве колонистов на землях графа Цинцендорфа, эти мистики могли с той поры жить в мире и основывать новые общины в разных частях Германии, в Англии, в Соединенных Штатах; но с тех пор, как их перестали преследовать, они в значительной степени утратили свою первоначальную ревность: теперь у них уже не все общее, как было встарину, и неравенство состояний разделило их на обособленные классы. Моравские братья, или гернгутеры, общее число которых простирается до 50.000, имеют в Германии большое число учебных заведений и содержат в Ост-Индии, на Антильских островах, в Лабрадоре и Гренландии, в Африке и на островах Океании более 300 миссионеров из 2.400, посылаемых протестантами в языческий мир.

Глава IX. Равнины Эльбы, Одера, Вислы

Собственно Пруссия, Ангальт, Лауэнбург, Гамбург, Любек, Мекленбург, прусская Польша

Восточная Германия заключает в себе следующие государства:

	Пространство	Население в 1890 г.	Число жителей на 1 кв. километр
Пруссия (без Эрфуртского округа)	223.423	15 900.000	71
Ангальт	2.347	232.750	99
Лауэнбург	1.172	51.000	43
Гамбург	407	454.050	1.115
Любек	283	63.450	224
Княжество Любекское (Ольденбург)	521	35.000	67
Мекленбург-Шверин	13.304	576.850	43
Мекленбург-Стрелиц	2.929	100.250	37
Итого	244.386	17.413.350	71

Вся область Германии, лежащая на север от Тюрингии, Саксонии и Исполиновых гор, и наклоненная к берегам Балтийского моря, имеет очень однообразный характер в географическом отношении: на западе, предгорья Гарца и степи, почти пустынные, Люнебурга обозначают естественные границы Пруссии, не отделяя ее, однако, от Ганновера, тогда как на востоке, более возвышенные земли, обширные леса, сотни озер образуют широкий пограничный пояс между Германиею и Россиею. Даже климат проводит резкую грань со стороны славянской империи, ибо на востоке остзейской или прибалтийской Пруссии суровость зимних холодов быстро возрастает по направлению к России. От Эльбы до Вислы вся страна

представляет большую равнину, где нет ни одного сколько-нибудь значительного по возвышению кряжа, который бы затруднял сообщения между речными бассейнами. Везде дороги совершенно открыты от одной реки к другой и от подошвы гор к берегам Балтики; сверх того, страна имеет, через Эльбу, текущую в северо-западном направлении, свободный выход к Северному морю: при устье этой реки находится Гамбург, главный приморский рынок Германии. Будучи однообразной по своим географическим условиям, область, о которой мы говорим, достигла также единства и в отношении политического состояния, несмотря на национальное различие и племенную ненависть между занимающими ее населениями, и мало-по-малу в этой равнине выросла большая держава, которая долгое время жила войною, и которая теперь сделалась властительницею Германии. Правда, часть страны занимают еще разные мелкие государства, имеющие некоторую местную автономию, но их политическая независимость существует только по виду; на деле же всякая инициатива исходит из Берлина, как для собственно прусских провинций, так и для якобы независимых княжеств Мекленбурга и Ангальта. Эта естественная область северо-западной Германии не имеет таких благоприятных почвенных и климатических условий, какими пользуются другие немецкия страны, лежащие на юге и на западе Германской империи; оттого недавно она имела очень редкое население, да и теперь еще она гораздо менее населена, чем Саксония, Вюртемберг, прирейнские государства и провинции; однако, в наши дни число жителей там быстро увеличивается, особенно в больших городах.

На западе от Эльбы, высоты, которыми продолжается горная масса Гарц, исчезают, сливаясь с равниною, на берегу реки Заалы, и только в окрестностях города Галле кое-какие холмы и небольшие волнообразные повышения почвы обозначают внутреннее продолжение большой морщины или выпуклости земной поверхности. Исполиновые горы и Судеты в тесном смысле, отделяющие Богемию от прусской Силезии, выделяют из себя в равнины севера более значительное число второстепенных цепей и высоких отрогов. Реку Нейсе на всем её верхнем течении сопровождают крутые холмы, и даже на правом берегу Одера, выше Оппельна, возвышаются горные вершины, достигающие 300 слишком метров высоты. Цепи, служащие границею между Богемиею и немецкими землями, имеют со стороны Германии довольно крутой склон, и контраст, который они составляют с равниною, придает даже второстепенным вершинам величавый вид больших гор: снег, покрывающий их еще долго после того как лежащие внизу поля освободились от своего снежного покрова, холодный ветер, бури и туманы, предательские топи и торфяные болота—все это некогда делало из возвышенных областей Исполиновых гор дикую, угрюмую страну, наводившую ужас на жителей равнины. Еще недавно грозным царем высоких вершин, повелителем ветров и снежных мятелей, которые неожиданно набрасываются на путника, был великан Rubezahl, то-есть «счетчик реп». Рассказывали, что владычество его началось только со времени Тридцатилетней войны, из чего можно заключить, что после страшных побоищ и опустошений, которыми ознаменовалась эта мрачная эпоха, суеверие с новою силою стало властвовать над умами людей, напуганных ужасами кровопролитной и продолжительной борьбы. Этот Рюбецаль, который, может быть, и теперь еще живет в воображении многих обитателей Исполиновых гор, являлся во всевозможных образах и видах; это было крайне своенравное существо, то доброе и великодушное, то злое и свирепое; особенно сердился он на тех, кто позволял себе громко кликать его, выкрикивать его имя на посмешище скалам, которые подхватывали это имя и повторяли его своим гулким эхо.

На северо-западе Исполиновых гор и их передовых холмов тянется однообразная гладкая равнина, кое-где прерываемая песчаными буграми, или дюнами, береговыми утесами, на половину подточенными водою, и едва заметными возвышениями почвы: таково, на юге от Берлина, низкое плато Флеминг, которое ограничивает бассейны средней Эльбы и Шпре; на востоке от прусской столицы небольшие холмы тоже образуют отдельную группу высот, в роде острова, известную в крае под именем бранденбургской «Швейцарии». На севере от Бранденбурга, там, где Эльба и Одер перестают течь параллельно одна другой, появляется каменистое плато, и широкое основание из возвышенных земель, на котором оно стоит, вда-

ется далеко в Балтийское море, выступая за правильную линию побережья. Некоторые вершины этого плато превышают 150 метров; одна из них, гора Примберг, близ Марница, поднимается на 201 метр выше уровня моря. Скаты этих плоских возвышенностей во многих местах представляют живописные формы, так что местные жители сравнивают их с крутизнами Альпийских гор: скалы, леса, озера делают эту страну одною из германских «Швейцарий», хотя такое уподобление, может быть, отнимает у этих очаровательных пейзажей, имеющих свой оригинальный характер, часть их действительной прелести. В этой-то области, орошаемой парами Балтики и многочисленных озер, находятся самые обширные луговые пространства Германии; один из лугов занимает площадь в 100 квадр. километров[1].

Между Одером и Вислою, другое приморское плоскогорье, довольно правильное в своей общей форме и в своем направлении, от юго-запада к северо-востоку, господствует над восточным берегом залива, образуемого устьем первой из названных рек. Это плато оканчивается на востоке другою «Швейцариею»—кашубскою, названною так по имени польского племени кашубов, которое населяет ее. Самая высокая гора Кашубии, Турмберг, имеет 340 метров высоты, хотя большинство вершин не достигают даже 200 метров; несмотря на то, большие тенистые леса, прозрачные озера, заключенные в котловинах между гор, весело журчащие ручьи придают этой стране приветливый и живописный вид. На востоке от Вислы, другое плато, с очень неровною поверхностью, служит водоразделом между притоками, спускающимися на юг к Бугу и Висле, и притоками, текущими на север, к Фриш-Гафу и Прегелю. До самого последнего времени не знали, что эта область Мазуров имеет такое же право на эпитет «Швейцарии», как и холмы Мекленбурга или Померании, и только новейшие тригонометрические измерения обнаружили, что высоты Лёбау, на востоке от Грауденца, поднимаются более чем на 320 метров над уровнем моря.

Значительная часть обширной, слегка вогнутой равнины, по которой протекают три большие реки: Эльба, Одер и Висла, еще покрыта песком, оставшимся здесь с той эпохи, когда воды, покрывавшие эту местность, утекли в море. Оттого провинцию Бранденбург часто называют в насмешку «песочницею» (Sandbuchse). Многие города и деревни этой страны окружены такими массами сыпучих песков, что во время бури совершенно исчезают под густым туманом пыли, наполняющей воздух; когда ветер стихнет, улицы и дома оказываются покрытыми толстым слоем песку; дороги долго приходится расчищать от песчаных заносов[2]. Некоторые местности равнины, даже в соседстве с Берлином, имеют вид песчаной пустыни; во время летних жаров можно бы было подумать, что находишься где-нибудь в Аравии, если бы не сосновые леса, которые виднеются вдали на горизонте.

В давния времена, когда воды Балтики еще покрывали всю страну, сделавшуюся ныне Пруссиею, другие каменные обломки, кроме песку, тоже падали в огромном количестве на равнину, бывшую тогда дном моря: плавающие льды, гонимые ветрами и течениями к южным берегам, задерживались на подводных мелях, где постепенно таяли и роняли на дно свою ношу, состоявшую из камней, которые скатились на них с гор Скандинавии. Во многих местах, равнины нынешней Пруссии усеяны таким множеством этих камней, называемых эрратическими, то-есть блуждающими или странствующими, что песок или глина совершенно скрыты под их сплошным слоем; они скучены здесь, точно в каком нибудь обвале горы. Эти каменистые поля, известные на востоке от Вислы под именем Steinpalwen, находятся по большей части вдали от рек и многолюдных местностей, потому что в равнинах легко доступных, поверхность почвы давно уже очищена людьми от всяких обломков скал. Эти обломки, покрывавшие поля, употреблены на постройку городов и деревень, на мощение улиц и дорог, на сооружение стен, на приготовление замазки и цемента для каменных построек; но и под поверхностью почвы самая масса земли наполнена, до неизвестной глубины, каменными глыбами, падавшими с пловучих льдов во время ледяного периода[3]. В неко-

1 Карл Мюллер, в журн. „Natur“, июля 1867 г.

2 Ранке, „Genesis des deutschen Staates“.

3 Беренд, „Geognostische Blicke in Alt-Preussens Urzeit“.

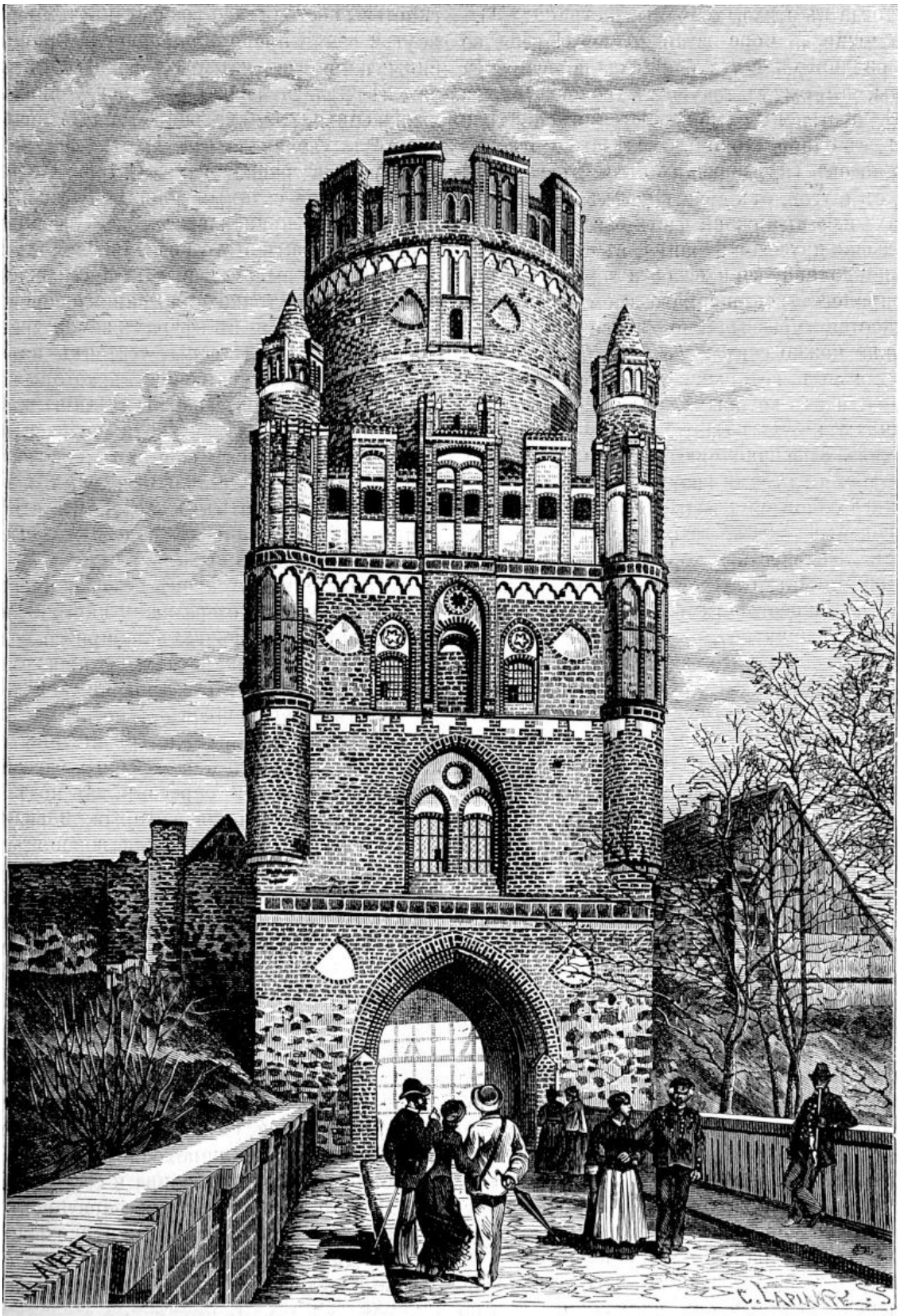
торых местах бурения земли обнаружили, что слои глетчерных камней имеют до 100 метров толщины, тогда как в других местах, где случаи остановки плавающих льдин бывали реже, по причине свойства морского дна или направления течений, в почве осталось лишь небольшое число рассеянных каменных глыб, смешанных с незначительным слоем наносных формаций. Там и сям эти эрратические камни нагромождены в форме пирамид; особенно много таких конусов из глетчерных глыб встречается на полуострове Замланде, и некоторые из них достигают там 12 и даже 15 метров в вышину. Каждая из этих груд камней, очевидно, образовалась вследствие таяния одной ледяной горы: задержанная на какой-нибудь мели, масса льда мало-по-малу исчезла, оставив на том месте каменные обломки, которыми она была нагружена. Другие плавающие льдины не были усеяны кучами мелких камней, а несли одну огромную каменную глыбу, обломок какого-нибудь обвалившагося утеса или выступа горы. Таков, например «Большой Камень», гнейсовая скала, которая лежит в Большом Тыхове, близ Бельгарда в Померании, и наружная масса которой, то-есть часть, выступающая из земли, имеет 13 метров в длину, 10 метров в ширину и более 4 метров в вышину. Но огромные эрратические массы, которые разрабатываются как каменоломни, исчезают всего быстрее, в ущерб, конечно, живописности пейзажа. Отыскивание этих каменных глыб, составляющих драгоценный строительный материал, ведется так деятельно, что породило особый класс промышленников, так называемых «штейнцангеров», которые извлекают эрратические камни со дна вод. Вооруженные длинными клещами, эти ловцы, которые вообще отличаются геркулесовой силой, вытаскивают из заливов или гафов, иногда даже со дна открытого моря, большие камни, которые они потом продают строителям плотин и жете. Этот промысел очень опасен: когда на море поднимается ветер, штейнцангеры должны поспешно удаляться в гавань со своими тяжелыми лодками[1].

Эти обломки Скандинавских гор, граниты, гнейсы, порфиры, силурийские известняки, встречаются не только в соседстве берегов Балтийского моря, но и на всем пространстве обширной Северо-германской равнины. На юге, плавающие ледяные массы ударялись о Судеты и Исполиновые горы, и даже переходили, через бреши или углубления горной цепи, на южный склон, где и оставили после себя принесенные ими с севера каменные обломки; глетчерные отложения покрывают значительную часть Саксонии, до окрестностей Дрездена; наконец, как мы видели выше, они проникли даже в Тюрингию. Замечательно, что эрратические камни не встречаются в Магдебургской равнине, называемой Magdeburger Borde, которая покрыта черною землею, необыкновенно плодородною, похожею на чернозем южной полосы России[2]. Точно так же на западе от Вислы, Куявская плоская возвышенность, столь же плодородная, как и Берде, так бедна валунами, что камень для сооружения шоссейных дорог нужно привозить из соседних округов. Среди наносных формаций находят остатки раковин и других животных, которые, повидимому, указывают на тот факт, что в эпоху рассеяния эрратических камней климат был суровее, чем в наши дни: между остатками этой фауны, отчасти уже вымершей, попадаются кости мамонтов и носорогов, которые тоже жили тогда в этих холодных странах[3].

Удалившись, море оставило после себя во всех впадинах и углублениях почвы озера и пруды, которые в текущем геологическом периоде постепенно уменьшаются в числе и объеме, с одной стороны, вследствие отложения наносов, засыпающих их в верхней части, с другой, от действия рек, опоражнивающих их в нижней части бассейна. Однако, большая прусская равнина, в целом, так мало наклонена к плоскости горизонта, что этот процесс постепенного высыхания озер совершается чрезвычайно медленно, и теперь еще можно считать сотнями и тысячами скопления вод, которыми усеян север Германии[4], и из которых иные по величине напоминают бухты Балтийского моря, другие, напротив, едва наполняют

1 „Aus allen Welttheilen“, март 1873 г.
2 H. Girard, „Norddeutsche Ebene“.
3 Берендт, „Geognostische Blicke in Alt-Preussens Urzeit“.
4 Рихтер и Кувце, „Heimathskunde des Mansfelder See-und Gebirgskreises“.

маленький водоем между двумя глыбами гранита. Вследствие постоянного обновления воды, все эти озера утратили соленый вкус, за исключением одного бассейна, соленость которого составляет около одной сотой: это так называемое «Соляное озеро» в окрестностях Эйслебе-



Унглингенскія ворота въ Штендалѣ.

на, между Гарцом и Тюрингиею, остаток прежнего гораздо более обширного озера, которое еще в шестнадцатом столетии обнимало все окрестные лужи и отмели, осушенные земледельцами. Это «Соляное озеро», без сомнения, питается солеными источниками, ибо оно

находится в соседстве с рекою Заале и по-близости от города Галле, которые оба обязаны своим именем ключам соленой воды[1]. Вся горная масса Гарца, бывшая некогда островом океана, окружена соленосными формациями. Во всем свете нет страны, где бы буровые работы обнаружили более мощные пласты соли, оставленной каким-то высохшим океаном на своих берегах. В Шперенберге, деревне, лежащей недалеко от Ютербока, буровой зонд нашел соль на 89 метрах под поверхностью почвы, и начиная от этого слоя до глубины 1.272 метров, то-есть на толщине более версты, встречали все одну только соль: это такой громадный слой, какой мог быть отложен только морем, имевшим не менее семи верст глубины. Шперенбергская буровая скважина принадлежит, бесспорно, к замечательнейшим работам человека, не только по огромным размерам соляного пласта, через который она проходит, но и по пространству, на которое она опускается во внутренность земли: это самая глубокая яма, вырытая до сих пор человеком в коре земного шара. Наблюдения, произведенные при бурении этого колодца, не подтверждают гипотезы постоянного возрастания температуры внутри земли пропорционально увеличению глубины; напротив, из этих наблюдений, кажется, следует заключить, что на глубинах, превышающих 1.620 метров, теплота почвы перестает увеличиваться[2]. На дне колодца температура равна 48°,91 по Цельзию[3]. Штасфуртские соляные копи, в бассейне реки Заалы, тоже принадлежат к любопытнейшим рудникам этого рода. Разработка этих залежей соли была даже, для промышленного мира, исходною точкою настоящего переворота. Соли, отложенные в недрах земли древним морем северной Европы, состоят из тех же самых соляных веществ, которые дает рассол солончаков (marais salants) во Франции; морская соль, затем соли магнезии и соли кали, содержавшиеся некогда в растворе, отложились последовательными слоями, и теперь стоит только копать их заступом, чтобы получать элементы наиболее полезные для современной промышленности.

На полуденном склоне возвышенных земель Мекленбурга озера очень многочисленны, а в некоторых округах лабиринт вод тянется на столь же значительном пространстве, как и совокупность разделяющих их полуостровов и перешейков. Многие из этих озер не простые каменистые впадины, постепенно отделившиеся от морского бассейна во время выступления берегов из-под воды. Между ними есть такия, которые, повидимому, занимают дно пропастей или воронок, образовавшихся вследствие провала земли, и говорят, глубина некоторых из них превышает 100 и 150 метров; рассказывают даже о промерах, достигавших более 200 метров глубины[4]. Если это так, то эти маленькие прибрежные резервуары Балтики оказываются более глубокими, чем само море, часть которого они некогда составляли. Что касается озер Мекленбурга, лежащих близко от моря, то это фиорды, некогда подобные фиордам Норвегии, Лабрадора, Огненной Земли, но которые ныне находятся в переходном периоде между состоянием морского залива и состоянием реки. Некоторые из этих резервуаров изливают свои воды разом к нескольким рекам. Дикие лебеди прилетают туда стаями, также и выдра еще часто там встречается[5].

На юге от холмов Померании, воды, спукающиеся к равнине, тоже скопляются в углублениях почвы и низинах, в виде озер и прудов; но особенно на востоке от Вислы, в стране Мазуров, земля и вода смешиваются в обширный лабиринт. Если справедливо, что часть территории, населенной мазурами, «богата только камнями», как говорит местная пословица, свидетельствующая о бедности жителей, то большое пространство этой плоской возвышенности, тем не менее, изобилует лугами и лесами, окружающими озера всякой величины, которые сообщаются между собою посредством протоков и проливов, и поверхность которых зимою превращается в гладкия ледяные площади. Между четырьмя стами пятьюдесятью

1 Бернгард Котта, „Deutschlands Boden“.

2 Мор, „Neues Jahrbuch“; Делесс и де-Лаппаран, „Revue de Geologie“, за 1874 и 1875 годы.

3 Берентд, „Physikalisch-Ockonomische Gesellschaft zu Konigsberg“, 1873

4 Мейв, „Zeitschrift der deutsehen geologischen Gesellschaft“, Band IV, S. 584;—Бернгард Котта, „Deutschlands Boden“.

5 „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1866.

озерами этой области многие имеют очень извилистую и очень удлиненную форму: это реки, задержанные в своем течении естественными преградами, и которые, вследствие этого, должны были наполнить свои долины до известной высоты. Многие из них сообщаются между собою через естественные каналы, и даже есть такия, которые изливаются разом в два различные бассейна. Эти озера представляют собою потоки в периоде образования, подобные озерам Финляндии и Скандинавии, и реки регулируют их ложе тем медленнее, чем тверже почва этого ложа, и чем менее крут общий скат данной местности. Смотря по свойству формаций, озера, о которых мы говорим, мало-по-малу уменьшаются то в нижней части, по причине понижения речного русла, то в верхней, вследствие отложения наносов. Каждый бассейн представляет какие-нибудь особенности в явлениях постепенного высыхания. В большинстве случаев боковые долины, более наклонные и более узкия, чем главная долина, в которую изливаются их воды, первые теряют свои озерные резервуары; но встречаются также многочисленные примеры обратного хода в процессе засыпания впадин, наполненных водою: прежде всего вытекают мало-по-малу воды из главной долины, тогда как с той и с другой стороны её каждое боковое углубление содержит еще маленькое озеро-приток. Так, например, река Варта (по-немецки Warthe или Warte, по-славянски Warta), впадающая в Одер, ниже Франкфурта, окаймлена по обе стороны множеством маленьких озер, орьентированных перпендикулярно к её течению и совершенно похожих в миниатюре на озера и лиманы, следующие один за другим вдоль Килийского рукава и Черного моря, на севере Дунайской дельты.

Но не одна только природа работает над осушением рассматриваемой нами страны. Во многих местах крестьяне, живущие по берегам озер, углубляют их истоки, чтобы понизить уровень озерного бассейна и таким образом увеличить площадь прибрежных лугов. Жители озерной области, кроме того, приспособили некоторые из озер для целей судоходства. Благодаря равной высоте (117 метров) главных озерных бассейнов страны Мазуров, нашли возможным соединить их, по направлению с севера на юг, от Ангербурга до Гушанки, каналом без шлюзов, глубиною в 1,25 метров, по которому сплавляют плоты, и где плавают барки и даже буксирные пароходы[1]. Но эта линия судоходства, весьма важная для лесной промышленности края, еще не соединяется посредством рек или каналов достаточной глубины с бассейнами Прегеля и Вислы. На юго-востоке от Эльбинга или Эльблонга, все верхния озера (Oberlandische Seen) соединены между собою посредством сплавного и судоходного канала, который сохраняет совершенно одинаковый уровень (99 метров) на протяжении слишком 124 километров; но для того, чтобы получить это равенство высоты на таком большом расстоянии, принуждены были понизить на 7, даже на $8^1/_2$ метров поверхность многих озер и провести канал в виде водопровода над одним озерным бассейном, менее возвышенным, чем другие резервуары. Чтобы соединить с морем этот судоходный путь верхних озер и устроить для него спуск с высоты около 99 метров, которая отделяет его от устья реки Эльбинг, впадающей в Фриш-Гаф, придумали следующий остроумный способ: шлюзы канала заменили наклонными плоскостями, по которым и плавают суда, при чем те из них, которые спускаются вниз по наклонной плоскости, заставляют в то же время, при помощи особой гидравлической машины, поднимать суда, идущие в обратном направлении. Зимою эти озера, покрытые толстым слоем льда, представляют очень удобное средство сообщения: сани, запряженные маленькими бойкими лошадками, быстро катятся во всех направлениях по гладкой поверхности замерзших озер.

В то время, как многие озера исчезают непосредственно, опоражниваемые мало-по-малу реками, которые через них протекают, другие озерные бассейны постепенно превращаются в торфяные болота. К последней категории принадлежат преимущественно озера больших, почти горизонтальных равнин, где вода течет медленно, задерживаемая там и сям массами травы или каменных обломков. В странах с таким однообразным рельефом, как Бранденбургия, Познань, Восточная Пруссия, малейшее естественное препятствие отклоняло текучия

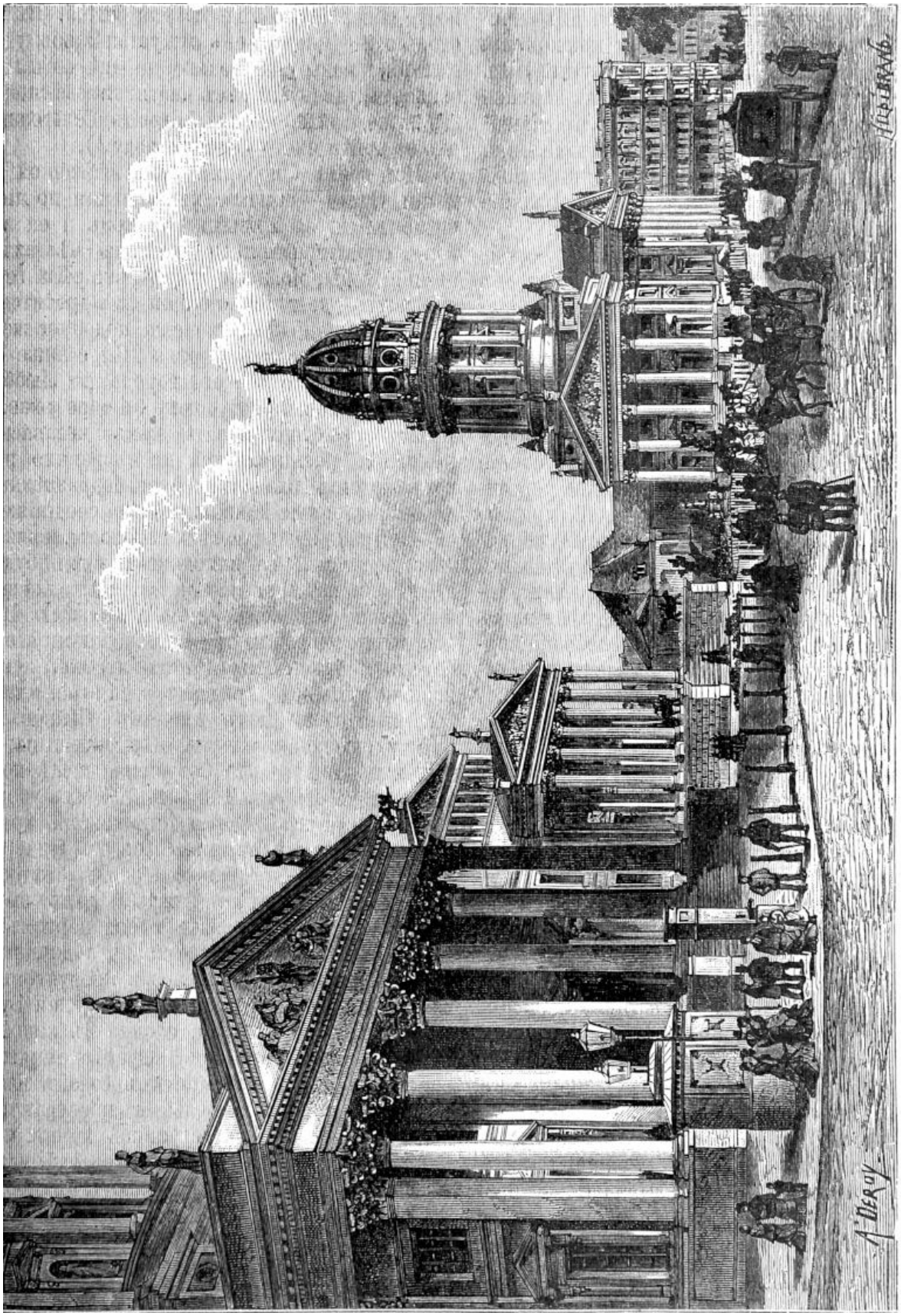
1 Шунке, „Die Schiffahrts-Kanale im Deutsehen, Reiche“, „Mittheilungen von Petermann“, VIII, 1877.

воды в ту или другую сторону и даже иногда заставляло их течь в обратном направлении:—этим и объясняются те странные перемещения Эльбы, Одера, Вислы, Немана, которые привели эти реки в ложа, где в прежния времена текли другие потоки. Но, покидая свои первоначальные долины, реки оставляли после себя стояния воды и прибрежные болота, из которых иные тянутся на огромном пространстве: таковы Фербеллинские торфяные болота, благодаря которым большая часть Бранденбургии долгое время представляла почти недоступную область, и которые прежде были гораздо ниже относительно уровня моря, доказательством чего служат находимые там во множестве остатки морских растений[1]; таковы же берега всех озер, расположенных в форме цепи, через которые последовательно проходит река Гавель, наследница бывшего Одера. Точно также углубление, в котором некогда текла Висла, направляясь к ложу Одера через нынешния долины рек Нетце и Варты, было сплошным непроходимым болотом до тех пор, пока его не ассенизировали, прорыв судоходный канал и водоотводные рвы. Большое торфяное болото, известное в крае под именем das lange Trodel, занимает водораздел, на западе от Бромберга, и, как показали измерения, твердая почва, на которой лежат слои торфа, находится еще на 5 сантиметров ниже среднего уровня Нетце: казалось бы, эта река, вместо того, чтобы спускаться к Одеру, которого она достигает только после 260 километров течения, легко могла повернуть на восток и сойти вниз по скату в 25 метров, который отделяет ее от Вислы[2]; но она продолжает доныне следовать по тому руслу, которое когда-то было вырыто для неё этою великою рекою; мхи, растущие, впрочем, очень быстро, и мириады наливочных животных[3], составляют единственное препятствие, мешающее ей переменить направление; растения обновляются так быстро на водораздельном пороге, что приходится то и дело углублять канал. Другой торфяной бассейн с неопределенным скатом призывает обратно в древнее ложе Немана могучую реку, которая прежде текла туда, и которая впоследствии завладела нынешнею долиною Прегеля[4]. Обозреваемая с высоты, вся эта страна, с её озерами и торфяниками, с её бесконечными лугами, расстилающимися зеленою скатертью на месте бассейнов наводнения, показалась бы лабиринтом каналов, начертанных древними потопами; еще недавно реки переплетались своими водами во всех направлениях. Не далее, как двести лет тому назад, небольшое количество воды из Вислы проникало еще в верхний Одер. Во время больших наводнений Висла соединяется ниже Варшавы с речкою Нер, притоком Варты, а эта последняя, в свою очередь, посылала часть своих вод в Верхний Одер, через болота Обры, ныне уже осушенные; в прежнее время лабиринт сплошных вод продолжался через бассейны Шпре и Гавеля до самой Эльбы[5].

Природа в этой стране не оказывает поддержки инженерам, которые трудятся, посредством расчистки мелей или углубления фарватеров, над увеличением пользы рек, как торговых путей. Известный географ Берггауз[6] давно уже констатировал тот факт, что реки Германии в последние полтораста лет стали менее обильны водой. Выводы его в то время оспаривались многими метеорологами, но все новейшие наблюдения подтверждают их основательность. Эльба, Одер, Висла действительно уменьшились по количеству воды, точно так-же, как Дунай, Рейн, Везер. Истребление лесов, распашка земель, все более и более глубокая и захватывающая все более обширные пространства, устройство новых судоходных и оросительных каналов, постоянно увеличивающееся потребление воды в городах и на фабриках,—таковы главные причины этого уменьшения стока в реках; может быть, произошло также уменьшение в годовом выпадении дождей, ибо количественные разности протекающей в реках жидкой массы составляют весьма значительную пропорцию речных вод. Правда, в исключительных случаях разливы рек бывают теперь выше и опустошительнее, чем в прежния времена, но эта временная прибыль воды гораздо более чем уравновешивается пониже-

1 Леопольд ф. Бух, „Reise durch Norwegen in Lapland", B I. S. 4, 5.
2 H. Girard, „Die Norddeutsche Ebene".
3 H. Girard, там же, стр. 252.
4 Беренд, „Geognostische Blicke in Alt-Prenssens Urzeit".
5 H. Girard, „Die Norddeutsche Ebene".
6 „Allgemeine Lander-und Volkerkunde, Umrisse der Hydrographie".

нием уровня во время мелководий и обыкновенного стояния вод. Сравнительные наблюдения, сделанные над средним количеством воды в Эльбе, которая, может быть, лучше исследована, чем все другие реки Европы, не оставляют никакого сомнения в этом отношении[1].



Жандармская площадь въ Берлинѣ.

Поэтому реки, вода которых утекает ныне почти без всякого полезного употребления, при-

1 Веке, „Ueber die Wasserabnahme in den Quellen, Flussen und Stromen".

дется заменить во многих местах каналами, в которых можно регулировать ежедневный сток. Так, например, вместо мало удобного для судоходства водяного пути, представляемаго рекою Одер, нужно будет провести канал от Бреславля до Франкфурта-на-Одере.

В новейшие времена обедневшие водою реки Северной Германии не представляли в своем течении уклонений, сколько-нибудь похожих на те блуждания вод, о которых повествует геологическая история страны; но достаточно посмотреть на незащищенные плотинами части равнин Эльбы, Одера и Вислы, чтобы составить себе понятие о происходившем здесь некогда непрерывном перемещении потоков: вокруг островов и песчаных мелей речки, затоки, мертвые воды переплетаются в одну причудливую сеть; можно подумать, что видишь перед собою реки, взаимно пересекающиеся своими бесчисленными излучинами и местами пропадающие в почве прибрежных равнин. Но постоянное возрастание народонаселения и успехи земледелия, бывшие естественным следствием этого возрастания, не позволили оставить реки в том положении, при котором они могли свободно блуждать по полям и равнинам, и неопределенные, болотистые пространства их берегов были постепенно закреплены при помощи плотин и завоеваны для целей культуры. Так как равнина Эльбы с самого начала германской истории имела сравнительно более многочисленное и более цивилизованное население, то эта река лучше других дисциплинирована её прибрежными жителями и менее разветвляется на болотистые рукава и затоки.

Из трех больших рек Северной Германии, имеющих каждая около 1.000 километров в длину, самая важная для судоходства—Эльба, в бассейне которой находится Берлин, нынешняя столица Германской империи, и которая проходит перед Гамбургом, важнейшим и самым оживленным торговым портом центральной Европы. Эта река, уже судоходная для пароходов при самом вступлении на немецкую территорию, так хорошо регулирована, что движение судов по ней продолжается почти круглый год; при том же пошлины, которые прежде взимались в различных местах с проходивших судов и значительно стесняли судоходство, отменены с 1870 года, и теперь суда могут свободно спускаться вниз по реке, от Дрездена до Гамбурга, нигде не встречая внутренних таможен.

В приморской части своего течения Эльба существенно отличается от рек, впадающих в Балтийское море. Между тем, как последние не изливаются прямо в море, а смешивают сначала свои воды с волнами внутреннего залива или так называемого гафа, Эльба находится в непосредственном сообщении с морем, и её лиман, где морской прилив поднимается вверх по реке на расстояние 165 километров от устья, постоянно приводится в движение морскою волною. В прежнее время река при устье постепенно расширялась, приближаясь к Балтике, и пространство, покрываемое водою в период больших приливов, имело не менее 20 километров от одного берега до другого; но мало-по-малу человеку удалось завоевать на левом берегу обширную площадь так называемых польдеров; остров Краутзанд, который еще в шестнадцатом столетии был необитаемым, теперь уже покрыт обработанными землями и домами; жители Гамбурга углубили фарватер, по которому ходят суда, и переместили его в более выгодное для них место. В столкновении пресных вод реки с солеными водами моря, последние, как более тяжелые, текут по дну речного ложа, тогда как пресная вода разливается по поверхности. По выходе из устья в открытое море она расстилается в виде слоя, который, чем дальше, тем делается все тоньше и тоньше; но черпая осторожно с поверхности, можно получать в море, на расстоянии 8 слишком километров от берега, воду, совершенно годную для питья. В расстоянии 28 километров от устья Эльбы удельный вес воды еще только на две сотые превышает удельный вес дистиллированной воды; нужно даже пройти остров Гельголанд, чтобы найти чисто морскую воду[1].

Из трех больших рек восточной Германии, Одер—самая замечательная по многочисленности её живых рукавов и её затоков, обратившихся во многих местах в стояния воды; можно подумать, что река готова исчезнуть—до такой степени она дробится на отдельные каналы. Впрочем, подобное же явление представляет и река Шпре ниже Котбуса: начиная от это-

1 Лоренц, „Brackwasser-Studien an der Elbe-Mundung“, Acad. der Wissenschaft in Wien, 1864, 1866.

го города до Люббена, где воды её опять вступают в одно ложе, она перестает существовать как независимая река; она разветвляется на множество рукавов, которые, в свою очередь, подразделяются на бесчисленные каналы и снова соединяются, образуя непрерывную сеть потоков; можно бы было подумать, что находишься где-нибудь в Голландии или Фрисландии, еслибы аллювиальные земли островов не были большею частию покрыты ольховыми лесами и группами ясеней, берез и буков. Контраст лесов, лугов, извилистых вод придает всей этой местности, известной под именем Шпревальда, много сельской прелести, и иностранцы приезжают в довольно большом числе посмотреть этот огромный парк, где их удерживает чисто-голландская опрятность, господствующая в жилищах. Как в Нидерландах, селения Шпревальда пересекаются каналами вместо улиц, и каждый дом имеет свой ров, который служит ему портом; земледельцы здесь в тоже время лодочники, и все поездки, всякая перевозка продуктов совершаются водяным путем. Деревня Бург, куда удалились некогда, словно в какой-нибудь озерный город, преследуемые венды или венеды, состоит из многих сотен домов, рассеянных на значительном пространстве и построенных на искусственной почве, между каналами, берега которых усажены тенистыми деревьями, и которые заключают в своей водяной ограде сады и луга.

До настоящего времени Одер более всякой другой германской реки избег искуственного регулирования. Низменная и чрезвычайно плодородная область, известная под именем Одербруха (прорыв, болото Одера), которая тянется от Подельцига, недалеко от Франкфурта, до Одерберга, на пространстве 56 километров, в виде пояса, шириною от 12 до 30 километров, представляла, лет сто тому назад, громадное болото, среди которого там и сям открывались озера. Самый глубокий фарватер шел тогда вдоль западных высот, в том месте, где ныне извивается поток, называемый Старым Одером. Фридрих II велел прорыть на восточной стороне этого болота канал, известный под именем Нового Одера, который течет параллельно старой реке, но в расстоянии, средним числом, около 25 километров, и который отделен от неё на юге Одерберга островною группою невысоких холмов. Только ниже этого города, близ Штольпе, обе реки, канализированные и обведенные береговыми плотинами, снова соединяются; но промежуточные равнины пересекаются еще большим числом болотистых каналов, воды которых повышаются и понижаются, смотря по обилию дождей и количеству воды, просачивающейся сквозь почву из Нового Одера в эпоху разливов. С 1832 года Старый Одер, с верховой стороны, совершенно отделен от питавшего его потока, и теперь это не более, как приток Нижнего Одера: он был превращен в водосточный канал для земель, находящихся в долине. Варта, главный приток Одера, также протекает через болото или Bruch, около 75 километров длиною и от 12 до 15 километров шириною, где воды её прежде разветвлялись на множество блуждающих каналов. Фридрих II тоже велел регулировать течение реки в этой постоянно затопляемой местности и отбросил Варту в Эльбу, ниже Кюстрина, для того, чтобы заставить вытечь все излишния воды южной части болота; но эта внутренняя провинция, которою прусский завоеватель хотел увеличить свое королевство, еще не присоединена окончательно, и наводнения часто еще опустошают прибрежные поля. Воды Одера имеют довольно пустынный вид. Верхняя часть реки, по причине неровностей дна и неравномерности речного стока, очень неудобна для судоходства. Даже между Глогау и Франкфуртом суда могут ходить с полным грузом, средним числом, только в продолжение сорока двух дней в году; движение судов совершенно прекращается месяца на три, или вследствие замерзания реки и ледохода, или по причине больших разливов. Несмотря на все усилия инженеров и денежную поддержку, оказанную им казною, до сих пор не удалось создать судоходный путь, действительно важный в экономическом отношении, до каменноугольного бассейна Верхней Силезии[1]. Коммерческое движение по Одеру составляет не более десятой части торговых сношений по Эльбе.

Одер, приток моря без приливов, не открывается прямо на Балтику устьем, куда могли бы свободно проникать морские волны. Ниже Штеттина, река впадает в продолговатое озе-

1 Шунке, „Die Schifffahts-Kanale im deutschen Reiche“. „Mithei“ von Petermann. VII, 1877.

ро, площадь которого постепенно уменьшается вследствие образования полуостровов из речных наносов; затем, после нескольких поворотов, это озеро соединяется с обширным пресноводным бассейном треугольной формы, который известен под именем Большого Гафа. Этот внутренний залив, поверхность которого, вместе с площадью всех его бухт и проливов, занимает около 797 квадратных километров, отделен от моря островами, правильные берега которых составляют продолжение побережья континента: только с южной стороны, на внутреннем берегу, обращенном к пресной воде, эти острова иссечены бухточками и полуостровами. Гаф Одера сообщается с Балтийским морем посредством трех извилистых каналов или протоков. Через Дивенов, восточный канал, проведен мост, соединяющий город Воллин и его остров с континентом, и со стороны моря устье его часто засоряется песками. Западный рукав, Пене, также пересечен путеводом и отчасти загражден мелями. Средний пролив, Свине, составляет главный фарватер, по которому и производится судоходство между Балтикою и гафом Одера. В начале нынешнего столетия рукав Свине имел не более двух метров глубины на баре, но, при помощи укрепления берегов реки, которые посредством длинных жете продолжены до самого моря, инженерам удалось дать фарватеру глубину от пяти до шести метров, которая сохранилась до сих пор почти неизменною. Этот счастливый результат, без сомнения, следует приписать чистоте вод Свине, которые оставляют приносимые ими сверху землистые частицы в гафе и достигают бара уже без всякой посторонней примеси. Но самый гаф не имеет достаточной глубины, и теперь занимаются прорытием канала, глубиною около 7 метров, который из Козебурга, на Свине, будет проведен прямо в Одер.

Висла (по-немецки Weichsel, по-французски Vistule) окаймлена, как и две другие главные реки рассматриваемой нами низменности, большими болотами, которые мало-по-малу осушаются посредством сооружения береговых плотин. Однако, эти новые, ассенированные земли по-прежнему подвергаются опасности быть затопленными не только обыкновенными наводнениями, которые могут прорвать плотины, но также внезапными разливами во время вскрытия реки весною. Ни одна река центральной Европы не является, в период ледохода, таким грозным потоком, как Висла. Во время весеннего разлива 1855 года, самого страшного в нынешнем столетии, речные воды, освободившиеся от сковывавшего их ледяного покрова, открыли себе более тридцати пробоин в боковых плотинах, и почти все прибрежные поля и равнины были затоплены. Так как река течет с юга на север, то есть к более холодным географическим широтам, чем та, под которою лежат её истоки, то лед, сломавшийся в верхней части реки, встречает в нижней еще цельные, сопротивляющиеся слои; приплывшие сверху льдины останавливаются, громоздятся буграми одна на другую и задерживают воды, как запруда; затем, когда нижний лед уступает, наконец, напору налегающей сверху массы, они низвергаются со страшною силою, опустошая лежащие на пути берега. Мост, построенный через Вислу у Диршау, в области дельты, вооружен громадными ледорезами, для предупреждения повреждений при ледоходе.

Висла, составляющая естественную границу между двумя равнинами—германскою и славянскою, отделяет, в нижней части своего течения, области, различающиеся между собою по виду и характеру местности. На западе от неё тянутся тощие, песчаные земли, поросшие местами сосновым лесом; на востоке расстилаются поля более плодородные, обильнее орошаемые и покрытые лесами, где смешаны разные породы дерев. Не доходя верст сорок до моря, река прежде делилась на два рукава—западный, или собственно Вислу, и восточный, называемый Ногат. Эта последняя ветвь дельты, более короткая и, следовательно, более наклонная, чем Висла в собственном смысле, грозила сделаться главным каналом, уносящим большую часть речной воды, к великому неудовольствию данцигских мореплавателей. Вследствие этого, устроена была запруда, отделяющая Ногат от прежнего мыса бифуркации, и теперь сообщение между двумя внешними рукавами дельты производится при помощи искусственного канала, который можно регулировать по произволу, и нормальный сток которого составляет около одной трети всего количества протекающей в реке воды. Благодаря косвенному направлению, которое дано этому каналу, вскрытие реки сделалось гораздо менее опасным в Малой Висле или Ногате.

В расстоянии 9 километров от Балтийского моря, Большая Висла опять разветвляется; но эти две новые её ветви, не находя прямого выхода на север через прибрежные дюны, преграждающие им путь, изгибаются под прямым углом: Эльбингский рукав направляется к востоку и впадает в залив Фрише-Гаф многочисленными протоками, по большей части засоренными песком и тиною. В 1874 году Фрише-Гаф принимал в себя сорок четыре реки, выходящие из Вислы или через Ногат, или через Эльбингский рукав; но между всеми этими реками нет ни одной судоходной, так что для прохода судов должны были устраивать искусственные каналы. Что касается главной ветви, Данцигской или Гданской, то она поворачивает на запад, идя вдоль прибрежного пояса, съуживающагося в одном пункте до ширины не более 640 метров. Часто являлась мысль прорыть в этом месте канал, ведущий в море, но еще не была приведена в исполнение, как вдруг река сама, в 1840 году, во время весеннего разлива, открыла себе выход. Сначала этот проток имел более пяти метров глубины, так что через него могли проходить самые большие суда, но потом он мало-по-малу засорился, и теперь инженеры отбрасывают туда, при помощи шлюзов, часть ила, который Висла несет в своих водах. Далее масса речного потока продолжает свое движение по направлению к Данцигу (Гданску), затем, ниже этого города, который остается несколько южнее, она изливается, наконец, в море; прежде она в этом месте опять делилась на два рукава—Нордерфарт, который с семнадцатого столетия сделался неудобным для судоходства и ныне уже не существует, и Нейфарвассер, который составляет истинное устье Вислы, углубленное теперь до пяти с половиною метров.

Дельта Вислы, поверхность которой обнимает ныне около 1.600 квад. километров, видимо увеличивается с каждым десятилетием. Об этом можно судить по быстрому возрастанию области Вестерплатте, между прежним и теперешним устьями реки, и в особенности по плоским тинистым берегам, которые отлагаются в заливе Фрише-Гаф, на севере от Эльбинга. Вследствие постоянного увеличения этих аллювиальных земель, принуждены были построить по обе стороны Эльбингского канала жете длиною около трех километров. Черная глинистая земля, покрывающая дельту Вислы, известна у местных жителей под именем «дегтя» (Pech), которое она получила за свой вид и вязкость: она отличается необычайным плодородием, так что земледельцы считают за счастье, когда им удается увеличить эту богатую почву новым клочком, отвоеванным у области вод. Вся дельта представляла одно обширное болото до постройки плотин, сдерживающих воды низовья Вислы; но в конце тринадцатого столетия тевтонские рыцари ордена Пресвятой Девы Марии, поселившиеся в Пруссии, в укрепленном замке Мариенбурге, начали эту гигантскую работу регулирования устьев реки. В шесть лет Werder (остров), носящий имя их древней столицы (Мариенвердер), был таким образом приобретен для земледелия: он обнимает не менее 900 квад. километров. Между тем, как двести водокачальных мельниц, установленных на окружности этого болотистого острова, работали над вычерпыванием воды, скопившейся в углублениях поверхности, тысячи пленников литовских и славянских воздвигали оборонительные плотины, общее протяжение которых было около 180 километров. Два другие вердера: Гданский и Эльбингский, были подобным же образом обведены плотинами в начале следующего столетия. Эти обширные работы тем более возбуждают удивление, что они были предприняты и успешно выполнены в эпоху, когда инженерное искусство находилось еще в состоянии младенчества.

Залив Фрише-Гаф, нынешняя площадь которого равна 859 квадр. километрам, занимает менее половины прежнего бассейна, так как вся западная часть его уже завалена наносами Вислы. Если бы морские берега Пруссии не были подвержены колебаниям уровня почвы, от которых изменяются в то же время и размеры гафа, то можно бы было вычислить, с погрешностью, не превышающею несколько столетий, во сколько времени этот внутренний залив будет совершенно выполнен отложениями Вислы и отложениями Прегеля, который впадает у северной оконечности бассейна. Дельта этой последней реки также захватила немалое пространство гафа с начала исторической эпохи; но нынешнее увеличение её незначительно в сравнении с захватами, какие она делала в то время, когда Прегель получал все воды Нема-

на через долину Инстера, которая теперь почти совершенно наполнена торфом. При том только часть Прегеля изливается в залив Фрише-Гаф; один рукав реки, называемый Дейме (Дайма), поворачивает вправо и впадает в Курише-Гаф: мы видим здесь один из примеров довольно редкого географического явления—образования речной дельты в местности, состоящей из твердых, хорошо сопротивляющихся формаций; холмы, высотою от 100 до 150 метров, пересекают эту страну, которая за её живописные сельские ландшафты получила название «рая Пруссии». Весь Замланд, плато четыреугольной формы, разделяющее два гафа: Кенигсбергский и Мемельский, превратился таким образом в остров, доступ к которому прежде был очень затруднителен, по причине болот, окаймляющих течение обоих рукавов, собственно Прегеля и Дейме. Замланд есть, вероятно, один из тех «янтарных островов», которые древние географы искали на море, тогда как они находятся на материке[1].

Песчаная коса Фрише-Нерунг, ограничивающая на севере польдеры низовья Вислы и продолжающаяся между гафом и Балтикой, до Пиллауского прохода, замечательна правильностью своей формы. Она развертывается по кривой не менее красивой, чем линия волн, которые разбиваются об её берега: под напором морских вод, она изогнулась в виде висящей цепи. По другую сторону мыса Замланд, к которому примыкает северная часть Данцигской косы, другая коса, Курляндская, или Курише-Нерунг, выступает впереди залива, куда изливается Мемель,—река, составляющая продолжение Немана. Наконец, как бы для того, чтобы довершить контрастом симметрическую группу двух прибрежных поясов Вислы и Мемеля, третья длинная коса или стрелка, еще не доконченная, отделяется от кашубского берега, на севере от Данцига (Гданска), и тянется верст на тридцать в Балтику; эта коса, называемая Пуцигер-Нерунг, в противоположность двум предыдущим, обращена к морю выпуклым берегом, вероятно, потому, что прибой волн, запертых в заливе, заставил постепенно образующийся полуостров изгибаться в сторону открытого моря. Эти длинные и узкия косы балтийского берега, напоминающие lidi венецианских лагун и внешние берега прибрежных прудов или озер французского берега Средиземного моря, известны в Германии под именем Nehrungen,—местное название, которое прежде применялось безразлично ко всем низменным землям (Niederungen), и в особенности к плоским песчаным или тинистым берегам.

В настоящее время коса Фрише-Нерунг представляет только один перерыв, именно у Пиллау, где проход или канал, соединяющий ее с Балтикою, открывается почти против устьев Прегеля и расположенного на них города Кенигсберга (Кролевец или Королевец); но этот перерыв часто менял место. В начале четырнадцатого столетия проход находился на севере от устьев Ногата, у Фогельзанга. После того он открылся в Лохштедте, у северного основания косы. Затем, когда эта брешь была засыпана песком во время сильной бури 1393 года, образовался новый выход около середины косы, в Розенберге; но жители Гданска, желая сохранить за собою торговую монополию, которой угрожала конкурренция со стороны эльбингских купцов, заперли канал, потопив в нем пять кораблей. Это было в 1455 году. В том же году открылся другой канал, немного севернее, близ Балга. Гданские мореплаватели загородили его подобным же образом в 1510 году[2]. Тогда воды искали себе выхода через Пиллаускую брешь, которая тоже много раз перемещалась, но которую теперь достаточно укрепили при помощи обширных гидравлических сооружений. Песчаные бугры или дюны, возвышающиеся на косе Фрише-Нерунг, были в прошлом столетии покрыты большими лесами, которые соблазнили жадность Фридриха Вильгельма I; он велел вырубить их, но песок, освободившись от удерживавшей его лесной растительности, тотчас же стал передвигаться по направлению к заливу, поглотил на пути многие деревни и засыпал порты[3]. С большим трудом успели после того снова прикрепить дюны посредством насаждения сосен и

1 И. Н. Садовский, „Die Handelsstrassen der Griechen und Romer", переведено на немецк. А. Коном, стр. 27, 28.

2 Краузе, „Der Dunenbau".

3 Фосс, „Zeitschrift fur die Erdkunde" 1861.

тростника с расстилающимися по земле корнями.

Курляндский гаф (Курише-Гаф)—самый большой из внутренних заливов на прусском берегу Балтийского моря; он и теперь еще простирается на пространстве около 1.620 квадратных километров, хотя дельта Мемеля, постоянно растущая и захватывающая все новые полосы в области его вод, обнимает уже площадь в 1.430 квадратных километров. Точно также Курише-Нерунг, или «Курляндская коса», отделяющая эту лагуну от моря, есть самая длинная из прибрежных цепей Балтийского поморья, и дюны её достигают сравнительно наибольшей высоты: средним числом верхушки их поднимаются на 30-50 метров, а одна дюна близ Ниддена, около середины косы, имеет даже 62 метра высоты[1], так что после песчаных бугров, возвышающихся в области французских ланд, это—самая высокая дюна в Европе. В начале прошлого столетия коса Курише-Нерунг была еще покрыта лесами; дюны, прикрепленные корнями деревьев, не переходили с места на место под напором ветров, и цветущие деревни, окруженные полями и садами, занимали выходы долин, хорошо защищенных, на краю пресноводной лагуны или внутреннего залива. Внешний берег косы служил тогда большою дорогою путешественникам, отправляющимся из Кёнигсберга в Мемель, и гостинница Зандкруг, на оконечности стрелки, часто бывала наполнена проезжими, которых буря или ледоход задерживали на берегу. Истребление лесов во время Семилетней войны возвратило пескам дюны их подвижность; песчаные холмы пошли странствовать, засыпая по пути нивы и деревни; дорога, которая, впрочем, всегда оставалась голым песчаным пляжем, была совершенно покинута; население исчезло почти все; коса превратилась в печальную пустыню, которую издали можно узнать по её «белым горам», то есть песчаным буграм. Уцелела только часть прежнего леса, в соседстве Шварцорта (Schwarzort, Черное место), деревни с морскими купальнями, которая находится недалеко от северной оконечности длинной косы, и жители которой занимаются рыбною ловлею; но эти остатки некогда обширных лесов, окруженные песком, мало-по-малу уменьшаются: со стороны моря ветер, несущий песчаные частицы, убивает деревья, разрушая их кору постоянным трением об нее песчинок; со стороны лагуны обвалившийся песок засыпает сосны от основания до верхушки, так что впоследствии они снова появляются позади дюны уже в состоянии мертвого дерева. Шварцортский лес, средним числом, каждый год теряет полосу шириною около 11 метров, и если человеку не удастся положить преграду движению тон, то самая деревня будет погребена под грудами песку не позднее, как в начале двадцатого столетия. В настоящее время стараются укрепить песчаные горки при помощи частоколов и насаждений, подобных тем, которые были сделаны на стрелке Зандкруг, для того, чтобы закрепить берега прохода и предупредить засорение фарватера песком; но эта работа одна из самых трудных, по причине огромной массы песку, которую ветер поднимает на берегу и передвигает на 5 или на 6 метров в год к востоку[2]. Эти наносы постоянно расширяют полуостров со стороны его внутреннего берега, и по окраине гафа там и сям видны так называемые «обваливающиеся дюны» (Sturzdunen), выдвинутые своим обрывистым скатом в область вод. Со стороны моря, напротив, берег низменный, чуть волнистый; но у подошвы приморского откоса дюн, в том месте, которое они только что покинули в своем движении на восток, находятся самые опасные топи: вода, которую дожди приносят в изобилии на песчаные горки, опять появляется у их основания, приподнимая мелкий песок; случалось, что люди и лошади были засасываемы в этой топкой почве.

В Курляндской косе (Курише-Нерунг) проходы или каналы, соединяющие внутренний залив с морем, так же, как и в косе Фрише-Нерунг, не раз меняли место. И теперь еще не трудно узнать три слабые точки, бывшие прежде брешами, через которые воды Курише-гафа сообщались с водами Балтики: цепь дюн прерывается в этих трех пунктах; болота и торфяники заменили существовавшие там некогда проходы, и, чтобы помешать морю прорвать еще полуостров, пришлось создать пояс небольших искусственных дюн, при помощи фа-

1 Берендт, „Schriften der Physikalisch-Oekonomischen Gesellschaft zu Konigsberg", XI, 1868

2 Берендт; Шиффердеккер, „Physikalisch-Oekonomische Gesellschaft zu Konigsberg", 1873.

шин, на которых скопляется песок. Близ южного основания полуострова, отели и купальные заведения местечка Кранц, посещаемого многочисленною публикою во время купального сезона, подвергаются опасности быть залитыми волнами Балтики: на многих точках за-

Фирлендерскіе типы.

щитный перешеек имеет всего только около 300 метров в ширину, и если бы не плотины и сваи, которыми он укреплен с обеих сторон, то одной бурной ночи было бы достаточно, чтобы перерезать узкую косу и соединить два моря. Мемельский канал, ныне единственный

проход, значительно изменил свою форму и место в историческую эпоху. Еще в начале текущего столетия канал имел километр в ширину; теперь же ширина этого прохода, называемого Tief (глубокий) или Gatt (ворота), не превышает 400 метров от одного края до другого, а канал в собственном смысле имеет всего только от 30 до 70 метров ширины, вследствие чего суда должны входить в него с величайшею осторожностью.

Берега гафов и берега полуострова Замланд, между двумя косами, Фрише-Нерунг и Курише-Нерунг, уже более двух тысяч лет, или, лучше сказать, с незапамятных времен, служат сборным местом для торговцев, приезжающих туда из разных стран за драгоценною смолою, находимою в песке плоского морского берега. Янтарь, высоко ценимый древними народами, есть то чудесное вещество, которое привлекло этрусков и греков к Балтике и заставляло их пролагать дороги через сарматские пустыни. Многочисленные греческие монеты, собранные в Замланде и на ведущих туда дорогах, свидетельствуют о важности этих рынков. Все эти пути от Черного и Адриатического морей до берегов Замланда были наперед указаны торговым людям бродами и немногочисленными перешейками областей, прежде очень болотистых, по которым протекают Одер и Висла; направление древних дорог можно было с точностью определить при помощи греческих монет, этрусских бронз, даже нескольких финикийских предметов, найденных в разных местах археологами[1]. «Тайники» для хранения янтаря, находимые через известные промежутки на этих торговых трактах, заставляют думать, что меновая торговля этим драгоценным веществом производилась преимущественно чрез посредство путешествующих купцов, в роде нынешних франко-канадцев, меховых торговцев, которые разъезжают от одного индейского племени до другого, скупая, или, вернее, выменивая у них шкуры пушного зверя.

В прежнее время искатели янтаря ограничивались раскопками на поверхности берегов, или даже довольствовались тем, что ждали, когда буря выбросит кусочки этой драгоценной смолы на берег. В наши дни поиски производятся более совершенным способом. В 1872 году начали с большим успехом разработывать правильным образом, как настоящие рудники или копи, «синюю землю», где янтарь встречается почти всегда. Кроме того, явилась мысль попробовать искать янтарь в самых водах внутренних заливов или гафов. В 1864 году два рыбака принялись расчищать дно Курляндского гафа, близ деревни Шварцорт, против того места на берегу, где случалось делать счастливые находки. После долгих поисков, они открыли очень богатое месторождение. Тотчас же была применена сила пара к черпанью земли со дна залива, к просеванию вынутой тины, и бедные рыбаки сделались могущественными капиталистами, платящими одной пошлины за право эксплоатации этих подводных копей до 300.000 франков в год. Рабочие должны рыть песок и ил до глубины шести метров, чтобы добраться до янтаря, который всегда попадается смешанный с маленькими обломками дерева (Sprock). Отборные куски янтаря, которые отличаются или большими размерами, или чистотою, или насекомыми, или листьями исчезнувших древесных пород, сохранившимися в их прозрачной массе, ценятся очень дорого, наравне с жемчугом и драгоценными каменьями. В 1874 году добыча янтаря составляла около 175, в 1876 г. около 270 тонн; цена обыкновенных экземпляров различна—от 25 до 180 франков за килограмм[2]; до сих пор найдено в янтаре 1.200 видов различных предметов, минералов, растений и животных. Самая богатая янтарем часть побережья, собственно так называемый «янтарный берег»,—это Брюстер-Орт, наидалее выдвинувшийся в море мыс полуострова Замланда[3].

Упомянутые раскопки повели к открытию древних лесов, смола которых, сохранившаяся в почве, превратилась в вещество, известное под именем янтаря; ботаники признали в этих растительных остатках тридцать два различных вида хвойных дерев, а также много других

1 Гевте, „Ueber den etruskischen Tauschhandel nach dem Norden“; Садовский, „Die Handelsstrassen der Griechen und Romer... an die Gestade des Baltischen Meeres“, переведено А. Коном.

2 Вундерлих, в журнале „Aus allen Welttheilen", декабрь, 1876.

3 Самый большой найденный доселе кусок янтаря находится в королевском минералогическом кабинете в Берлине; он весит 6.750 грамм, и ценится в 30.000 марок. Прим. ред.

древесных пород, осенявших землю в эоценовую эпоху. Но со времени этого янтарного века сколько других лесов сменилось в этой стране! Повсюду находят остатки их, смешанные с различными предметами человеческого искусства, с изделиями из камня, янтаря, бронзы или железа. Так, например, под нынешним лесом деревни Шварцорт, состоящим преимущественно из хвойных дерев, открыты остатки дубовых и других лиственных пород; слой песка в метр толщиною отделяет живой лес от прежнего леса, погребенного в недрах земли. Еще ниже, под вторым песчаным слоем, найдены следы третьего леса, который также занимал всю длину косы Курише-Нерунг[1]. Там и сям, в песке морского берега, встречаются корни тиса, твердые как камень, и представляющие тем больший интерес для натуралиста, что это дерево почти совсем исчезло из лесов Северной Германии[2].

Древние слои леса, аллювиальных земель, содержащиеся в почве поморья, обнаружили последовательные изменения общего уровня рассматриваемой страны относительно уровня Балтийского моря. Леса, торфяники, лежащие на несколько метров ниже поверхности моря, и в той же местности, морские наносы, поднятые выше крутых берегов, свидетельствуют о противоположных движениях, которые испытывала попеременно почва этой области, находящаяся, так сказать, в постоянном колебательном состоянии. По словам геолога Берендта, одного из самых усердных исследователей морского побережья восточной Пруссии, в наслоениях берега можно ясно различить следы четырех поочередных изменений уровня почвы, именно: два поднятия и два опускания или оседания; но непосредственные наблюдения над морским уровнем, делаемые с начала нынешнего столетия, не позволяют определить с точностью колебания берега: г. Шуман полагает, что твердая земля в этом месте медленно повышается[3]; но другие исследователи приводят цифры, доказывающие противное. Таким образом в настоящую минуту невозможно решить с достоверностью этот вопрос[4].

Как бы то ни было, несомненно однако, что морской берег, о котором идет речь, оседал еще в недавнюю эпоху. Конечно, одно только открытие древних моховых болот ниже морского уровня не дает еще права заключить, без других доказательств, что почва понизилась. Во многих местах побережья Балтики, между прочим, на острове Узедоме, встречаются торфяники в полном росте, лежащие ниже поверхности моря, от которого они отделены высокими берегами или цепями дюн: эти болота заключают в себе остатки лесов, корни которых, оставшиеся в их естественном положении, находятся теперь на один метр и даже на полтора метра ниже уровня Балтики. Если бы пески прибрежья, выдерживающие нападение волн, вдруг исчезли, то эти леса торфяников сделались бы подводными, и геологи, которым пришлось бы наблюдать их, могли бы увидеть в их теперешнем положении признак оседания почвы[5]. Но во многих местах разность уровней так велика, что едва ли может оставаться какое-нибудь сомнение в умах наблюдателей. Древние пепелища были находимы в восточной Пруссии в местах, лежащих на три метра ниже нынешней поверхности моря, а в Курляндском гафе, у основания одного крутого берега, известного под именем Krantas, оказались подводные леса, пни которых, притупленные водами, были замечены судовщиками: эти леса покрыты слоем жидкой массы, имеющим по меньшей мере четыре метра толщины[6].

На берегах Померании, между Штетинским и Данцигским гафами, пруды различной величины, отделенные от моря узкими песчаными полосами или стрелками,—очень многочисленны, и вторжения вод Балтики, происходившие, как полагают, вследствие понижения уровня берега, были довольно часты. Прибрежная полоса, ограничивающая на севере озеро Ямунд, в соседстве города Кёслина, была, в начале четырнадцатого столетия, широким поясом земли, покрытым лесами и лугами: в наши дни это узкий и плоский песчаный берег, на

1 Шуман, „Geologische Wanderungen in Altpreussen“.
2 Б. Денекке, „Globus“, ноябрь 1876 г.
3 Шуман;—Гаген, „Monatsberichte der Berliner Academie“. 1844.
4 „Physikalisch-Oekonomische Gesellschaft zu Konigsberg“, 1868, XI, стр. 270.
5 И. Неггерат, „Der Torf“.
6 Берендт, „Geognostische Blicke in Alt-Preussens Urzeit“.

который море во время бурь выбрасывает стволы деревьев, вырванные на соседнем дне. Озеро, некогда достаточно глубокое для того, чтобы служить портом, было много раз затопляемо морскими водами и частию засыпано песками; деревня Нейст, разрушенная волнами, вновь построена в другом месте, далее на берегу. Регамюнде, прежний порт Трептова, тоже сделался добычею моря; в конце прошлого столетия еще видны были кое-какие остатки его под поверхностью вод. Точно также только с большим трудом удалось защитить, при помощи плотин и свай, от наводнений часть города Кольберга, при выходе реки Персанте. Близ этого города покрывающие морской берег пески, содержащие много железистых частиц, издают музыкальный звук, когда они приводятся в сотрясение каким-либо ударом, после того как поверхность их достаточно высыхает[1]: это—явление, подобное тому, которое было наблюдаемо во французских ландах, на склонах Синая и во многих других странах.

Ни одна часть балтийских берегов Германии не носит на себе таких явных следов громадной работы размыва, совершенной водами моря, как та область побережья, которая обнимает косу Фишланд в Мекленбурге, полуостров Преров или Дарс в Померании и остров Рюген. С первого взгляда видно, что этот остров прежде составлял часть континента, и что истинным берегом твердой земли был ряд прибрежных бугров, которые тянутся, в виде вала, к западу от Штральзундского пролива. Но от этого древнего материка остался только, так сказать, один скелет. Восточные окраины Рюгена, защищенные остатками береговых утесов и дюнами, довольно хорошо выдерживают разрушительное действие морских вод; но западные берега, не имеющие внешней защиты против волн, во многих местах очень быстро размываются, так что часто в период жизни одного поколения профиль их изменяется заметным образом. В ноябре 1872 г., во время сильной бури, волны разбушевавшагося моря прорвали почти все береговые плотины на полуострове Дарс, затопили его поля, и вся эта страна неминуемо превратилась бы в песчаную мель, если бы не были воздвигнуты на берегу моря многочисленные оградительные валы. Точно также жители Рюгена знают, что их остров, или вернее группа островов, тает у них под ногами, и их народные предания, смешанные с баснословными сказаниями, содержат рассказы о том, как, вследствие последовательных наводнений, земля, на которой они обитают, была постепенно отделяема от континента и разрезываема на полуострова, соединенные один с другим узкими перешейками. Говорят, что в историческую эпоху, даже в 1309 году, островок Руден, лежащий теперь близ Узедома, в расстоянии около 10 километров от ближайшего к нему мыса на Рюгене, составлял еще часть этого острова. Еще недавно этот островок был гораздо больше, чем ныне, судя по тому, что в Тридцатилетнюю войну Густав Адольф мог высадиться на нем со всею своею армиею и расположиться там лагерем.

Остров Рюген, замечательный своими странными контурами, не менее любопытен своим геологическим строением. Это, так сказать, немецкая Скандинавия, ибо он состоит большею частью из пластов, образующих на юге продолжение формаций Скании и Зеландии, да и политически он составлял прежде часть Дании и Швеции. В целом, остров Рюген и его полуострова состоят из меловых пластов, которые возвышаются там и сям, преимущественно на восточном берегу, в виде белых утесов, господствующих над волнами Балтики. Скала Кенигсштуль или «Королевский престол», в маленькой горной массе или плоскогорье Штуббенкамер, поднимается почти вертикально на высоту 130 метров над поверхностью моря. Эти крутые стены прерываются узкими оврагами, с таким же крутым скатом, как «valleuses» в Нормандии, но не такими, как они, бесплодными, в непосредственном соседстве с морем. Так как вода Балтики имеет очень слабую соленость, то леса плоскогорья могут продолжаться по оврагам до самого берега моря, и волны без вреда осыпают своими брызгами корни буков. Арконский мыс, на котором теперь стоит маяк, менее возвышен, чем Штуббенкамер; но, выдвигаясь далеко в открытое море, по направлению к Скандинавии, его разорванные, зазубренные скалы, над которыми кружатся темные тучи птиц, имеют более грозный вид: здесь, в городке Арконе, еще в половине двенадцатого столетия стоял храм бога балтийских

1 Гершнер, „Mittheilungen von Petermann“, B. III. 1869. 307

славян, венедов (вендов), Святовида или Святовита, идол которого представлял великана с четырьмя головами, смотревшими в разные стороны. Почти на всем пространстве острова эти известковые пласты, обломки которых дают грузы мелу галеассам Балтики, покрыты наносными формациями, глинами, песками или валунами, большими глыбами скандинавского гранита, принесенными плавающими ледяными горами и полями во времена ледяного периода. Геологические исследования обнаружили, что меловые слои острова Рюгена не совершенно горизонтальны: они согнуты в складки во многих местах и в массе наклонены с северо-запада на юго-восток. Форхгаммер приписывает это наклонное положение пластов мела качательному движению, которое, по его мнению, имело место под почвою; Джонстроп и Бернгард Котта видят в нем следствие громадной тяжести эрратических камней, принесенных пловучими льдами. Маленькия озера, круглые болота, рассеянные в разных частях острова, занимают провалы меловых пластов. Пещеристая почва осела, оставив пустоты в форме воронок, которые затем наполнились водою; некоторые из этих углублений уже засыпаны наносами и заросли мхом, из которого образовался торф.

Между различными областями балтийской Германии, остров Рюген и Мекленбург всего лучше сохранили следы населений, которые обитали там ранее того времени, когда для этой страны началась писаная история. На Рюгене остатки укрепленных станов до того многочисленны, что сложилась легенда о богине-великанше, которая, будто-бы, рассыпала их из своего передника. Исследования археологов показали, что эти крепостцы по времени происхождения относятся к последним векам язычества, и что, по крайней мере, одна из них, Ругард, то-есть «око Рюгена», центральный сторожевой пункт острова, служила укрепленным замком даже в христианскую эпоху. Литературные сказки, сочиненные в семнадцатом столетии некоторыми чересчур усердными комментаторами Тацита, изображают одно из этих древних укрепленных становищ, расположенное под тенью густого букового леса, как остатки храма богини земли Герты, таинства которой совершались, будто бы, на берегу маленькаго соседнего озера[1]. В Мекленбурге укрепленные станы встречаются также в большом числе; но там они находятся по большей части не на крутых холмах, как на острове Рюгене, а среди болот и озер, где защищаться было легче. При первых же разведках исследователи прудов или лагун и моховых болот Мекленбурга открыли около трех сот свайных поселений, которым наследовали нынешние города на тех же самых местах. Так, например, Мекленбург, сообщивший свое имя всей стране, Шверин, Старый Висмар в начале были просто озерными замками или крепостцами. Воллин или Юлин, древняя Винета, прославленная средневековыми хрониками, также занимает местоположение древних свайных построек, как доказали раскопки, предпринятые в 1871 году, под руководством Рудольфа Вирхова. Летописцы рассказывают, что в двенадцатом столетии жители края имели пребывание по большей части «среди болот и озер». По всей вероятности, у них были одновременно хижины на твердой земле и убежища на воде; обыкновенно они проводили время на берегу со своими стадами, а свайными постройками пользовались только в минуты опасности. В лесах и теперь еще встречается множество искусственно-выкопанных ям, которые несомненно служили жилищами, и древности которых, относящиеся, по времени происхождения, к каменному веку, сходны с предметами человеческого искусства, находимыми в древних озерных селениях окрестной местности. В Мекленбурге же особенно многочисленны могильные курганы, и в остатках, которые они содержат, Лиш различил произведения целого ряда доисторических веков, от расколотого камня до железных орудий.

Кто бы ни были языческие народы, воздвигшие эти укрепленные лагери и могильные курганы Северной Германии, во всяком случае не подлежит сомнению, что в ту эпоху, когда для этих областей начинается история в собственном смысле,—славяне занимали почти все равнины, которые тянутся на восток от Эльбы или Лабы; даже по другую сторону этой реки мы находим много славянских городов, которые свидетельствуют о том, как далеко подвину-

1 Бернгард Котт, в журн. „Ausland", № 40, за 1875 г.

лась славянская раса в направлении к западу Европы. Во многих странах, принадлежащих к бассейнам Эльбы, Одера, Вислы и промежуточных рек, все названия мест, за исключением имен, относящихся к ново-основанным поселениям,—славянского происхождения, и некоторые из них доныне сохранились в своей первоначальной чистоте. Некоторые текучия воды Мекленбурга до сих пор носят название Rieka (река), как многие потоки в Австрии и Турции; буковые леса оставили наименование «Буковины» некоторым местностям берегов Балтики, подобно тому, как они дали имя одной провинции Австро-Венгерской империи; в этой северной области тоже есть Белграды и Краковы. При помощи названий мест можно бы было определить, в общих чертах, древнее состояние культуры и самый вид края: мы видим, где стояли крепкие замки и хутора, где находились мельницы и мосты, где тянулись луга, леса, сады и огороды, где преобладали сосны, где бук или дуб.

В эпоху крушения Западной Римской империи и великого переселения народов германцы двинулись к Галлии, а славяне в Германию; но, несколько веков спустя, произошло перемещение в обратном направлении: франки стали теснить назад саксов, а саксы—венедов или вендов. Почти везде различные народцы и племена приходили между собою в столкновение с оружием в руках; победители истребляли побежденных или обращали их в рабство. Страшные войны свирепствовали между двумя расами, славянскою и германскою, в особенности в бассейне Вислы; но во многих местах отлив немцев к прежним германским территориям совершался также и мирным путем: земледельцы, овладевшие необработанными и незаселенными землями, ремесленники, призванные в города или поселившиеся в них в качестве друзей, сделали для германизации страны не менее, чем завоеватели, вооруженные мечем и копьем. Так, например, в Померании (по-немецки Pommern), то-есть балтийском поморье, люди, изменившие мало-по-малу язык и нравы туземного населения края, были не кто иные, как мирные колонисты из Фрисландии и Голландии, вынужденные покинуть родину, вследствие опустошительных наводнений Северного моря[1]. Под давлением, все более и более усиливавшимся, германского элемента, славяне удалились сначала из городов, затем из больших местечек, на берега озер и болот, в глухия уединенные места, где они существовали продуктом рыбной ловли; в бассейне нижнего Одера их жалкия деревушки известны были у немцев под именем Kietzen, от слова, означавшего рыболовные сети. Они исчезли по большей части безвестно: на острове Рюгене в начале пятнадцатого столетия умерла последняя женщина, говорившая еще древним вендским наречием. Нашествие немцев на славянские земли сопровождалось введением в этих землях новой религии. Переселенцы из Вестфалии и саксонских земель, оттеснившие славян в бесплодные области песков и болот, принесли с собою, после Карла Великого и св. Бонифация, христианские обряды и традиции язычества, отличные от преданий и верований, которых держались венеды. Последние чтили вербу и бузину, первые смотрели на дуб, как на самое священное дерево; они почитали других животных, употребляли другие заклинания, чем славяне. Различные ученые сделали любопытный сравнительный этюд заклинательных формул и суеверий, где обнаруживается многоразличное происхождение жителей.

Известно, что в верхнем бассейне реки Шпре существует еще этнографический остров венедов или вендов, окруженный со всех сторон немцами и усеянный внутри германскими поселениями: это единственный видимый остаток славянского мира на скате Эльбы (Лабы), лежащем на севере Исполиновых гор,—цепи, большая часть которой, как кажется, с древнейших времен была населена немецким племенем. Но в бассейне Одера славяне держатся еще сплоченною массою или нациею, граница которой ясно очерчена различием расы и еще более различием религии, ибо славяне, исповедующие католическую веру, окружены немцами-протестантами; около 10.000 чехов образуют в бассейне Глац (Кладско) как бы этнографический полуостров Богемии, а близ восточной оконечности Силезии более пятидесяти тысяч моравов населяют отчасти округи Ратиборский и Леобшюцкий. В Силезии берега верхнего Одера до слияния его с Нейсою, в Познани берега реки Варты до Бирнбаума

1 Р. Вирхов, „Versammlung der deutschen Antropologischen Gesellschaft in Munchen“, 1875.

(Miedzychod), принадлежат к области польского языка, несмотря на все усилия—в последнее время сделавшиеся особенно энергичными—онемечить край при помощи школ, в которых употребление польского языка запрещено. В эти последние годы правительство вычеркнуло на карте польские имена большого числа деревень, и эти последние отныне именуются оффициально немецкими названиями, неизвестными самим жителям. Не говоря уже о Вильгельмсгофах и Бисмаркгофах, неожиданно появившихся в великом герцогстве Познанском, можно указать множество других примеров онемечения названий мест: так, «Каменец» переделан теперь в «Штейндорф»; «Радзеево» превратилось в «Гогензее»; «Ходзеж» перекрещено в «Познанский Кольмар», Kolmar in Posen, как бы для того, чтобы напомнить завоеванным полякам другое присоединение, сделанное на западной окраине немецкой империи. Что еще гораздо более, чем административные мероприятия, способствует доставлению немецкой речи действительного преобладания в промежуточном поясе языков,—это то, что во многих местностях польским наречием говорит только низший класс, простонародье; те же, кто получает воспитание, знакомятся с миром промышленности, торговли, даже с миром мысли чрез немцев. Крестьяне Верхней Силезии, наречие которых отличается от настоящего польского языка отсутствием зубной буквы т, всегда заменяемой шипящим звуком, не знают национальной литературы и, вследствие того, легко поддаются немецкому влиянию; однако, существующие в крае польские журналы и газеты поддерживают употребление национальной речи. Подобно тому, как это было некогда в Мекленбурге и в Померании (Поморье), многие из городов Силезии и великого герцогства Познанского онемечиваются мало-по-малу; новые люди, являющиеся заселять их,—немцы и евреи, которых статистика тоже помещает под рубрикою германцев; ни один из больших городов Познани, не исключая даже священного города Гнезно, церковной столицы Польши, резиденции архиепископа-примаса, не имеет больше половины польских жителей. Славяне, с своей стороны, держатся в деревнях, где в последнее время относительное число их даже значительно увеличилось, вследствие выселения немцев в Россию и Новый Свет. Поляки, хотя у них тоже есть колонии и журналы в Америке, например, в Чикаго, в Нью-Йорке[1], эмигрируют мало, и потому они продолжают составлять главную массу сельского населения. По оффициальной статистике, польское и немецкое население провинции Познань представляло следующие цифры:

	Поляков		Немцев	
1815 г.	615.000	или 79,4%	160.000	или 20.6%
1858 г.	783.000	„ 56 „	620.000	„ 41 „
1871 г.	880.000	„ 54,8 „	725.000	„ 45,2 „
1880 г.	937.000	„ 55 „	766.400	„ 45 „
1890 г.	1.047.409	„ 60,1 „	697.265	„ 39.9 „

При этом, однако, нужно принять во внимание то обстоятельство, что оффициальные статистики, все немцы, не упускают случая порадеть, в своих исчислениях, расе политически-господствующей: этой расе они неизменно приписывают наибольшую часть жителей страны, которые говорят в одно и то же время двумя языками; в прежнее время они считали в числе немцев всех, кто только понимал немецкую речь, даже тех, фамилия которых имела немецкое происхождение или звучала на немецкий лад, хотя бы роды, к которым принадлежали носившие подобные фамилии, уже многие столетия были чисто польскими. Способные и очень искусные в механических работах, поляки, вообще говоря, беднее немцев, и между ними преимущественно вербуются чернорабочие и фабричные мастеровые; однако, около половины крупных имений находится еще в руках польского дворянства. Если Верхнюю Силезию немцы часто называют «прусскою Сибирью», то это не только за её суровый континентальный климат, но, может быть, еще более по причине её польского населения, к которому чужеземные завоеватели края считают себя в праве относиться с нескрываемым презрением.

Наименее цивилизованными между поляками, принадлежащими к прусскому государ-

1 Венцеслав Гаштовт, рукописные заметки.

ству, считаются те, которые известны под именем мазовян или мазуров. Они населяют озерную область на востоке от Вислы и ведут по большей части довольно убогую жизнь. Лет пятьдесят тому назад их деревянные избы были обыкновенно крыты соломою, а пазы между бревнами затыкались мхом. В некоторых местах хижины были наполовину вырыты в скате косогора; обитатели этих местностей вели еще жизнь троглодитов. Пища мазуров состоит главным образом из картофеля, и, к сожалению, нужно прибавить, что огромные количества этих клубней употребляются, кроме того, на фабрикацию водки, и что пьянство составляет общий порок. Даже грудных детей усыпляют при помощи глотка вина, и одним из главных лакомств стола считается вареная смесь меда с водкою—так называемый «крупник», который едят вместо варенья.

Рядом с мазурами, на берегах большого озера Спирдинг и в соседстве с дремучим Иоганнисбургским лесом, который соединяется, по ту сторону границы Царства Польского, с лесами Остроленки, живут русские, покинувшие отечество из-за религиозных причин. Это раскольники секты филиппонов или последователей епископа Филиппа, те самые, которых мы уже встречали в Румынии под именем липованов, сокращенным из «Филиппованы»; их называли также «убийцами» и «поджигателями», хотя это люди очень мирные и даже считающие преступлением ношение оружия. Польша была их первым убежищем; но когда и здесь их стали преследовать, они просили приюта у Пруссии, которая охотно приняла их, имея в виду заселить этими эмигрантами и привести в культурное состояние пустынные местности зенсбургского округа. Филиппоны действительно превратили в цветущие поля прогалины в отведенных им лесах и основали прекрасные, богатые села, тогда как прусское правительство, оставаясь глухо ко всем их жалобам, насильно навязало им воинскую повинность, от которой они во все времена энергически отказывались.

Из двух берегов Нижней Вислы—левый или западный может быть назван по преимуществу славянским, с этнографической точки зрения. На этом берегу находятся земли наименее плодородные; оттого они и были оставлены туземным жителям, полякам, тогда как более плодоносные равнины правого или восточного берега, и особенно аллювиальная страна, завоеванная между Вислою и Ногатом, сделались большею частию земледельческою добычею немецких колонистов, потомки которых и доныне занимают эту область. Вердеранцы, жители вердеров или островов Вислы(по-польски жулавы), суть по большей части правнуки фламандцев и саксонцев, которые были призваны в край тевтонскими рыцарями для осушения их болот: глядя на этих поселян с белокурыми волосами и голубыми глазами, с широкими плечами, с тяжеловатою походкою, с медлительным, но решительным жестом, подумаешь, что видишь перед собою чистых голландцев; и точно—многие из них прямые потомки меннонитов, которые переселились сюда из Нидерландов во второй половине шестнадцатого столетия, чтобы уйти от религиозных преследований испанского правительства. Другие элементы населения рассматриваемой области состоят, правда, из славян, но земля не принадлежит им. Массы польских крепостных, бежавших от своих господ, искали убежища на низовьях Вислы, где неволя была не так тяжела; потомки этих невольных переселенцев и теперь еще доставляют почти весь контингент сельскохозяйственных работников.

Вследствие перехода аллювиальных земель низовья Вислы в руки немцев, поляки Западной Пруссии были, так сказать, отрезаны от туловища польской нации. Они сгруппировались на западе от этой реки в большой этнографический остров, окруженный многочисленными островками, и посредством узкого пояса земли, который продолжается на юг, к Бромбергу, они примыкают к странам, где их соотечественники живут сплоченными массами. На востоке от нижнего течения Вислы мы не встречаем более поляков; пространство прямоугольной формы, которое тянется от низменных земель Мариенбурга и Эльбинга до дельты Мемеля, между морем и Мазовецким плоскогорьем, сплошь населено жителями, говорящими немецким языком. Здесь рыцари тевтонского ордена основали свое государство: истребляя туземцев-язычников, призывая колонистов, своих единоплеменников, для постройки городов и обработки завоеванных земель, они скоро сделали из этой страны область

не менее немецкую, чем Тюрингия или Саксония, и когда, после двухсот сорокалетнего господства, они принуждены были покориться польским королям, сохранив за собою только часть территории на правах вассалов, славянское государство, присоединившее их к своим владениям, ни разу не помышляло о том, чтобы навязывать населению этих областей польский язык. На юге от Курляндского залива (Курише-гаф), епархия Вармия (по-немецки Эрмеланд), епископы которой пользовались королевскими прерогативами, даже правом чеканить монету и произносить смертные приговоры, не переставала быть германскою областью; только мазовяне, населяющие озерное плато, немного распространились по равнине. В собственно так называемой Восточной Пруссии, оставленной в виде польского лена рыцарям тевтонского ордена, поляки занимают узкую полосу земли. После войн и моровых язв, немцы были призываемы с запада, чтобы пополнить убыль народа, произведенную этими бедствиями, и таким образом поддерживалось, между поляками и литвинами, чисто германское население края. По странной случайности, оказывается, что в некоторых округах этой провинции немецкие колонисты были на столько многочисленны, что даже образовали этнографические острова верхне-немецкого диалекта, среди страны, принадлежащей к области нижне-немецкого наречия. Один из таких островов, населенный отчасти потомками протестантов, пришедших сюда из Зальцбурга в 1732 году, находится на самой границе Мазовецкой области. В другом округе, прилегающем к Висле, с первого взгляда узнаешь потомков швабов, призванных Фридрихом Великим; черные волосы, темные глаза, довольно стройный стан отличают их от других жителей этого округа; они предприимчивее, энергичнее, живее, но вместе с тем и суевернее, чем их соседи[1].

Северная часть польской области, ограниченная на востоке дельтою Вислы, известна под именем Кашубии, которое она получила от живущих в ней славян. Несмотря на то, кашубы, которых можно издали узнать по их длиннополым кафтанам, в наши дни менее многочисленны в своей собственной земле, чем поляки и немцы. Может быть, по происхождению, прежняя господствующая раса и теперь еще является первою, но кашубы утратили свою независимость уже давно, около девятисот лет тому назад, и в этот длинный период времени все те из них, которым посчастливилось обогатиться, перешли в ряды сменивших их новых властителей края—немцев или поляков. В трех городах Кашубии, Нейштадте (по-польски Nowemiasto), Пуциге или Пуцке и Бытове, совсем нет кашубов; они живут в убогих деревушках и поселках. Кашубское население составляет не более четверти общего числа жителей, а кашубов, которые еще говорят языком своих предков, едва насчитается дюжина тысяч: старое кашубское наречие, не имеющее литературы, должно было уступить давлению господствующих языков, польского и немецкого. Со стороны запада, в Померании, мало-по малу распространяется немецкий язык, вместе с распространением протестантизма: со стороны востока, в провинции Западной Пруссии, перевес одерживает польская речь, что, впрочем, ей легко, так как кашубский язык есть лишь наречие польского. В 1867 году население Кашубии, состоявшее из 150.000 душ, представляло следующее распределение по расам:

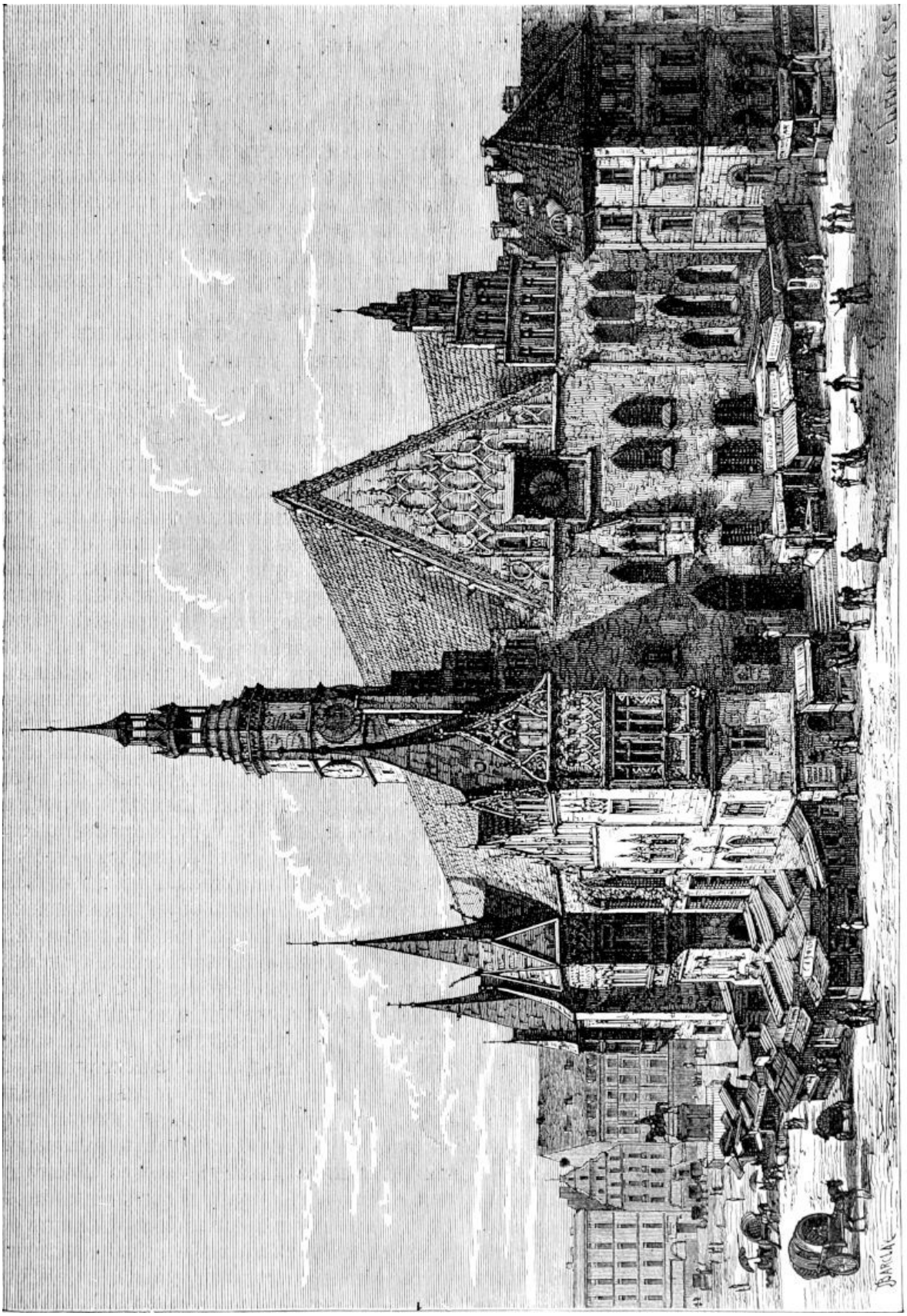
Немцы 54 процент.; поляки 18 процент., кашубы 28 процент.; кашубы, говорящие своим языком, 8 процен.[2]

Однако, даже в округах, совершенно онемеченных, местный язык сохранил немалое число славянских слов, которые, по выражению одного писателя, можно сравнить с «эрратическими камнями, перенесенными в местности, состоящие из других, чуждых им формаций». Впрочем, эти «эрратическия» слова встречаются и в самом сердце Германии, в Тюрингии, и даже в Нюрнберге. Интересно, что кашубы, хотя очень бедные, по большей части почти все потомственные дворяне и очень гордятся своим дворянством, как-бы ни было бедственно их

1 Бегейм - Шварцбах, „Hohenzollernsche Colonisationen“;—Эрнест Навис, „Revue des Deux Mondes“, 1 февр. 1876.

2 Gustav Jacquet, „Bilder aus dem untern Weichselgebiet“, в журн. „Aus allen Welttheilen“, за 1872 г., стр. 20.

материальное положение. По существующему у них обычаю, старший член семейства наследует все имущество, а остальные дети должны довольствоваться кое-какими крохами родительского достояния. Следствием такого порядка вещей является то, что благородная каста



Бреславльская ратуша.

имеет много представителей между служанками, работниками и пастухами. Впрочем, нужно заметить, что здесь на прислугу, в большей части крестьянских домов, смотрят скорее как на гостей или членов семьи, чем как на подчиненных; ничего не делается в доме и хозяйстве

без того, чтобы не посоветоваться с ними. Что касается боруссов или пруссов, народа арийского, но не германского, имя которого перешло на нацию, господствующую ныне в Германии и представляющую ее политически, то они не существуют более как отдельный народ, и язык их совершенно исчез с начала восемнадцатого столетия. Но язык родственного им народа, литовцев, или литвинов, живет еще в крайнем углу германской территории, на обоих берегах Мемеля и между курами, в северной части Курляндской косы (Курише-Нерунг). После истребления прусских и литовских туземцев рыцарями тевтонского ордена, немецкие поселенцы могли без труда доставить преобладание своему языку. Теперь почти все население в нижнем бассейне Прегеля уже онемечилось; точно также оно германизовалось и в городах Мемельского бассейна, и литовская речь держится там с некоторою силою сопротивления только в деревнях. Только на разстоянии 66 километров от Кенигсберга (Кролевца), в восточном направлении, мы находим первый островок литовского языка; далее за этою маленькою группою представители древнего населения рассеяны в виде многочисленных островов, затем, в соседстве с границей, опираясь на своих братьев, живущих в пределах Российской империи, они являются уже в виде сплоченной нации. Известно, что литовский язык из всех арийских диалектов наиболее приближается к первоначальному языку расы, и что он обладает древними песнями, имеющими высокое поэтическое достоинство. Большинство литвинов отличается темноруссыми волосами.

Народонаселение восточных провинций Прусского королевства (Бранденбурга, Померании, Старой Пруссии, великого герцогства Познанского, Силезии), по языкам было распределено в 1875 году следующим образом:

Немецкого языка 10.295.000 жит. Славянских языков: вендов 86.000 жит.; чехов и моравов 64.000 жит.; поляков 2.675.000 жит.; кашубов 12.000 жит., итого славянских языков— 2.975.000 жит. Литовского языка 150.000 жит., а всего—13.420.000 жит.

Между жителями немецкого языка, населяющими Пруссию, есть много таких, предки которых были иноплеменники. Когда, «по счастливому решению судьбы», говорит один немецкий писатель[2], Людовику XIV заблагоразсудилось отменить Нантский эдикт, бежавшие из Франции протестанты явились массами просить убежища у протестантских государей Северной Германии. Благодаря этим выходцам, промышленность, торговля, умственное движение получили новый толчек и сделали быстрые успехи, но тем самым центр германской цивилизации переместился: с этого времени он был уже не в Швабии, как в эпоху возрождения наук и искусств, а далее, на востоке, в Пруссии. Великий курфюрст Фридрих-Вильгельм понял лучше, чем другие немецкие князья, как необходимо восстановить материальное благосостояние государства, которое было разорено войною и частию превратилось в безлюдную пустыню. Он начал с того, что пригласил голландских колонистов и сделал их наставниками крестьян Бранденбурга в деле разведения скота, обработки земель, осушения болот; затем он в широкой мере воспользовался тою статьею вестфальского мирного трактата, которая гласила, что «каждый государь имеет право преобразовывать религию своих подданных, и что каждый гражданин, если он не желает следовать религии государя, может выселиться из государства». Явились толпы просителей, искавших убежища в равнинах бесплодного Бранденбурга. Властитель этой страны был кальвинист среди лютеранских подданных; поэтому он мог принимать к себе в одно и то-же время и лютеран, гонимых кальвинистами, и кальвинистов, гонимых лютеранами. Преследуемые за веру эмигранты пришли из Богемии, с Альпов, из Зальцкаммергута, из Тироля, из Швейцарии; особенно много пришло их из Франции. Специальным эдиктом, копии которого были разосланы во все заинтересованные общины, Фридрих-Вильгельм обещал французским выходцам выдачу денег на проезд, безвозмездную уступку земель и домов, освобождение от податей и налогов, дарование права гражданства, и, когда изгнанники прибыли, он сдержал свои обещания: гостеприимство было полное. Число французских эмигрантов, переселившихся в то время в Бранденбург, определяют приблизительно в двадцать тысяч душ, что составляет десятую

2 „Gliickliche Ausgleichung des Schicksals“ (Левенберг, „Aus allen Welttheilen“, 1872 г., стр. 153).

часть тогдашнего населения этой страны; в Берлине треть жителей, около шести тысяч человек, были бежавшие из Франции гугеноты; они заняли даже особые кварталы, между прочим, прежнюю песчаную пустыню, которую они, тоскуя по своей прекрасной родине, прозвали «землею моавитян»: берлинский квартал Моабит доныне сохранил это название.

Дух партии, с свойственным ему пороком искажения истины и преувеличения фактов, пытался то низводить французскую колонизацию, о которой идет речь, до простого случая, не имевшего серьезного значения, то придавать ей капитальную важность в истории Пруссии, хотя, с точки зрения расы или национальности, эмиграция французов, которые сами мало-по-малу изменились от действия новой среды, куда они вступили, не может быть рассматриваема как явление, оказавшее прочное влияние; однако, прибытие большого числа людей энергических и трудолюбивых, которые почти все по своим знаниям или искусству рук стояли выше окружавшего их населения, было, без сомнения, значительным событием, имевшим весьма важные социальные и политические последствия для Бранденбурга. Эти французские выходцы основали или возобновили в Пруссии шерстяную промышленность, кожевенное производство, часовое мастерство, фабрикацию стеклянных изделий, металлургию; ввели шелковую промышленность, искусство печатания или набивки материй, шляпочное и обойное производства. Эти же эмигранты дали первый толчек заграничной торговле; наконец, многие из них сразу заняли места в рядах высшего класса общества, как медики, инженеры, архитекторы, писатели, ученые. Пропорционально природным жителям, эти пришельцы внесли гораздо больше, чем соответствующую их числу долю в умственное движение своего нового отечества. Впрочем, иначе и быть не могло: люди, у которых достало силы воли покинуть родину и вновь устраивать свою судьбу на чужбине, чтобы остаться верными голосу совести, стояли, конечно, по своим нравственным качествам, вообще говоря, выше туземного населения, которое могло спокойно плыть по течению жизни.

Протестантская эмиграция продолжалась и в царствование двух королей, следовавших за великим курфюрстом: в эту эпоху она состояла главным образом из австрийских выходцев, которые переселялись в Пруссию, способствуя косвенно тем победам, которые впоследствии Фридрих II одержал над имперскими войсками. Зальцбургские и чешские протестанты приходили целыми партиями; первые, посланные в провинцию Пруссию и в прусскую Литву, ввели там некоторые новые отрасли промышленности и лучшие способы земледелия; вторые, расселенные по разным областям королевства, оказали в местах своего поселения подобные же услуги, а в самом Берлине они основали новый квартал, на продолжении улицы Вильгельмштрассе, в котором и теперь живут их потомки. В 1740 году, при восшествии на престол Фридриха II, 600.000 подданных прусского короля, из 2.400.000 жителей, которых он насчитывал в своих владениях, были эмигранты или дети эмигрантов; сам Фридрих поселил в своем государстве еще 300.000 выходцев; в 1786 году прусское население заключало в своей среде около трети иностранцев или их потомков. Из этого видно, какие сокровища силы накопились таким образом к пользе этой завоевательной монархии. И в наши дни влияние этих иностранных семейств еще значительно; но нужно заметить, что в огромном большинстве они хвастают своим немецким патриотизмом; некоторые из них даже сочли совместным с своим достоинством отречься от имени, завещанного им отцами.

Одна раса, не принадлежащая к арийской семье народов, и которая еще недавно подвергалась преследованию, приобрела в это последнее время постоянно возрастающее влияние на судьбы Северной Германии: мы говорим о еврейском племени. Роль, которую там играют ныне евреи, гораздо значительнее, чем можно бы было предполагать по их относительной малочисленности; сплоченными группами они живут только в Познани да в больших городах. Во всех странах Европы смышленость евреев, их разнообразные способности, их уменье вести дела, их дух солидарности, дают семитической расе социальную роль пропорционально более высокую, чем роль арийцев; но нигде они не отличаются такою деятельностью, как в Пруссии. Не говоря уже о том, что большая часть немецких банкиров и капиталистов — евреи, представители этого племени занимают одно из самых видных мест даже в области

наук, искусств и литературы. Большинство актеров принадлежит к их расе; кроме того, они насчитывают в своей среде много музыкантов и поэтов; наконец, и журналистика, по крайней мере весьма значительная часть её, находится в их руках. В берлинской прессе подвизаются преимущественно публицисты еврейского происхождения, берущие на себя задачу быть представителями и руководителями мнений различных партий. Прибавим кстати, что немецкие евреи только со второй половины прошлого столетия получили фамилии. Мера, которую приняла в этом отношении императрица Мария Терезия, и примеру которой вскоре последовали все другие государства Германии, предоставляла им на выбор три категории родовых прозвищ: приятные фамилии, составленные из названия цветов и деревьев и продававшиеся фиском по очень высокой цене; фамилии из имен городов, менее дорогия, и, наконец, названия зверей, которые можно было брать даром[1].

Население очень неравномерно распределено в обширной равнине Северной Германии; но в южной её полосе, на границах Моравии, Богемии, Саксонии, Тюрингии, жители группируются в сравнительно наибольшем числе, привлекаемые разработкою минеральных богатств и мануфактурною промышленностью.

Одна из этих густо населенных областей есть прусская провинция, составлявшая прежде часть Саксонии и орошаемая рекою Заалою. Эта река, вскоре по выходе из пределов Саксен-Веймара и чересполосной территории Саксен-Мейнингена, проходит мимо курорта Кёзен, затем подле знаменитого института Шульпфорта, в котором получили воспитание многие немецкия знаменитости: Фихте, Новаллис, Клопшток, Ранке, Митчерлих, и пересекает поля промышленного Наумбурга, родины Лепсиуса, тоже воспитанника шульпфортского училища. Усиленная рекою Унштурт, на одном из притоков которой находится, в большом расстоянии к северо-западу, горнозаводский город Зангергаузен, тоже прусский, Заала течет у основания холмов, покрытых виноградниками, продукт которых употребляют на фабрикацию «шампанскаго», потом она перерезывает город Вейсенфельс, где мануфактуры не менее многочисленны, чем в Наумбурге и в старинном славянском городе Цейце, лежащем на юго-востоке, на берегах живописной реки Эльстер. Много кровопролитных сражений происходило в этой области, которая, благодаря проходящим через нее дорогам, направляющимся из Саксонии и Пруссии к горным дефилеям Тюрингии, имеет весьма важное значение с стратегической точки зрения. Так, на северо-западе находим Росбах, где Фридрих II, король прусский, разбил в 1757 году французов, под начальством маршала Субиз; на северо-востоке, город Люцен напоминает битву, выигранную в 1632 г. Густавом-Адольфом, который поплатился жизнью за свое торжество, и победу, одержанную Наполеоном в 1813 году; наконец, на севере, при городе Мерзебурге, из зданий которого замечателен старинный собор с четырьмя башнями, император Генрих Птицелов нанес поражение мадьярам, в 933 году. В одиннадцатом столетии Мерзебург был одною из любимых резиденций императоров Германии; его ярмарки, привлекавшие массу народа, имели в центральной Европе такое важное значение, какое впоследствии получили ярмарки Лейпцига. В окрестностях Мерзебурга разработываются большие салины.

Древний город Галле, лежащий ниже на берегу реки Заалы, тоже обязан своим основанием, как и самым названием, соляным источникам: его солевары, или «Halloren», которым одни приписывают славянское происхождение, но которых большинство ученых считают потомками галлов, до сих пор сохранили кое-какие остатки своих старинных нравов и свой корпоративный дух. Солеварни этого города дают значительное количество соли (средняя годовая добыча около 10.000 тонн). В конце семнадцатого столетия Галле, «соляной город», приобрел новую важность, как университетский город; его высшая школа, к которой в 1817 г. присоединен был знаменитый Виттенбергский университет, и теперь еще занимает видное место в ряду германских университетов; студенты, слушающие в ней лекции, имеют в то же время возможность, благодаря близкому соседству Лейпцига, принимать участие в умственном движении этой второй саксонской столицы. В 1892-93 учебном году в Галль-

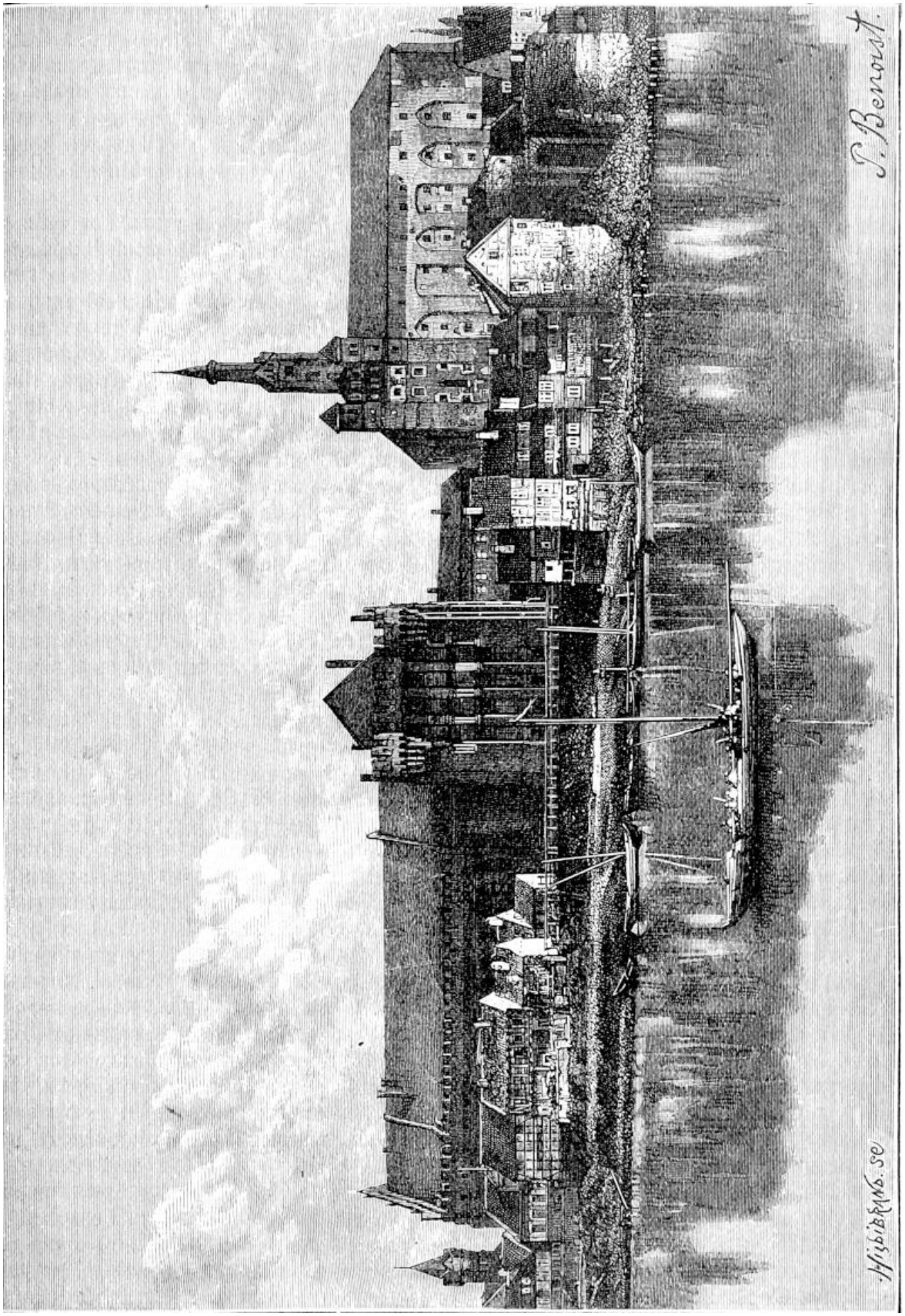
1 Эрнест Дежарден (рукописные заметки).

ском университете было 128 профессоров и доцентов и 1.575 студентов; библиотека его содержала около 180.000 томов. В Галле есть, кроме того, гимназия, пользующаяся большою известностью, и разные другие учебные заведения, а также приюты и сиротские дома, основанные в 1698 году знаменитым Франке и составляющие теперь, с принадлежащими к ним заведениями и постройками, особый город. Наконец, здесь существуют различные ученые общества, между прочим, географическое общество (Verein fur Erdkunde), издающее бюллетени своих трудов. Внутренность Галле, с его старинными церквами, его отдельно стоящею «красною башнею», со статуею Генделя, знаменитейшего из галльских уроженцев, представляет оригинальное зрелище; окраины, или внешние кварталы, имеют, напротив, вульгарный вид, свойственный всем фабричным городам. До развития большой фабричной промышленности Галле рос очень медленно и даже прошел через период упадка и нищеты: около половины нынешнего столетия в нем насчитывалось 15.000 бедных на 30.000 жителей. Существующие в окрестностях копи каменного и бурого угля (дающие ежегодно свыше 2.500.000 тонн минеральнаго топлива), и в особенности счастливое положение города при судоходной реке, в точке пересечения многочисленных дорог и рельсовых путей, способствовали поднятию промышленной деятельности Галле, которая принимает все более и более обширные размеры: его фабрики вагонов принадлежат к числу важнейших заведений этого рода во всей Германии; кроме того, он производит парафин, деготь, стеариновые свечи, и в округе его насчитывается около сорока больших свеклосахарных заводов.

К северо-западу от Галле, река Заала принимает в себя воды, вытекающие из Соляного озера и из долины, где лежит горнозаводский город Эйслебен, место рождения Лютера; затем извивается в северном направлении, пересекая территорию княжества Ангальтского. Она проходит мимо Бернбурга, одного из главных городов этого княжества, после чего, миновав прусский городок Кальбе, соединяется с Эльбою. На востоке от Заалы, в нижней части её течения, встречаем город Кётен, прежнюю резиденцию ангальтских князей, где нашел убежище известный Ганеман, основатель гомеопатической медицины, преследуемый своими собратами по профессии. К западу от той же реки находим несколько промышленных и горнозаводских городов, из которых самые важные—Ашерслебен и Гетштедт, а в равнинах, расстилающихся у северного основания Гарца, рассеяны многие старинные города, приобревшие славу в истории Германии. Там мы встречаем, между прочим, древний город Вернигероде, с замком, горделиво возвышающимся на выступе горы, и над которым господствуют другие, более высокие, вершины Гарца. Там же находится город Гальберштадт, где часто собирались сеймы Германской империи, и который впоследствии сделался литературным центром, так что его называли «маленькими Афинами». Это настоящий средневековой город, построенный афмитеатром, по скату холма; старинные башни, красивые дома с резными панелями, церковь в романском стиле, готический собор, возвышающийся на главной площади,—все это делает Гальберштадт одним из любопытнейших городов центральной Германии. На юг от Гальберштадта, ближе к крутизнам Гарца, лежит Кведлинбург, тоже сохранивший вид средневекового города: основанный в 929 году Генрихом Птицеловом, он был любимым местопребыванием германских императоров из Саксонского дома и принадлежал к Ганзейскому союзу до 1477 г. На западной его стороне возвышается древний замок с базиликою, бывший резиденциею настоятельниц Кведдинбургского монастыря, которые носили титул княгинь империи, зависели непосредственно от папы и заседали на сеймах рядом с епископами. Кведлинбург, промышленный и торговый город, славится также своим садоводством и огородничеством. Сады в окрестностях его занимают пространство около 2.200 гектаров и возделываются многими сотнями огородников, которые снабжают цветами и семенами значительную часть Германии. Кроме того, Кведлинбург замечателен как родина знаменитого немецкого поэта Клопштока; в этом же городе родился, в 1779 году, Карл Риттер, один из преобразователей науки и автор величайшаго географическаго памятника новых времен. В городском парке, раскинутом у подошвы холма, на котором стоит замок, воздвигнуты монументы Риттеру и Клопштоку.

Ниже Гальберштадта, река Боде, вытекающая с Гарца, спускается на севере к Ошерсле-

бену; затем, повернув на восток и далее на юго-восток, проходит через Штасфутр, который еще недавно был безвестною деревнею, а теперь сделался значительным фабричным городом, благодаря своим соляным копям и залежам других минеральных веществ морского



Замокъ Маріенбургъ.

происхождения. Штасфуртская каменная соль, которую буровая машина встретила на глубине 300 слишком метров под поверхностью почвы, залегает пластами неизвестной толщины, но исследованными уже до глубины 630 и более метров от поверхности; соль эта замеча-

тельной чистоты—содержание в ней хлористого натрия составляет 98 процентов; несмотря на то, добывание её имеет ныне лишь второстепенное значение: промышленники, пользуясь новейшими открытиями химии, разработывают с большею выгодою другие соли, образовавшиеся вследствие испарения морской воды, которые отложились поверх каменной соли в виде слоя, толщиною от 50 до 60 метров. Все так называемые «негодныя» верхния соли, которые рудокопы прежде отбрасывали, теперь идут на приготовление поташа, селитры, квасцов и многих других химических веществ, употребляемых в сотнях и тысячах производств разных отраслей промышленности. Первый завод химических продуктов был построен в Штасфурте в 1861 году, а в настоящее время нигде в Германии не встретишь такого большого числа фабрик этого рода, как в двух соседних городах: Штасфурте и Леопольдсгалле, из которых последний принадлежит к княжеству Ангальтскому. В 1880 году добыча различных солей в этих городах составляла 1.028.400 тонн.

Часть прусской территории, сопредельная с Лейпцигом и его предместьями, тоже очень густо населена и очень богата промышленными заведениями. Город Делич прославился своим ссудо-сберегательным банком, который послужил образцом для многих тысяч других учреждений этого рода, основанных почти во всех городах Германии, к большой выгоде мелкой буржуазии. Далее, на востоке, на острове реки Мульды, лежит город Эйленбург, имеющий бумагопрядильни, фабрики материй и другие мануфактуры; другой промышленный город, Биттерфельд, имеет в своем округе каменноугольные копи, откуда получают топливо все окрестные фабрики и заводы. Дессау, главный и самый многолюдный город княжества Ангальт, как столица и резиденция княжеского двора, есть один из красивейших городов этой страны; замок его содержит один из лучших музеев Германии и различные коллекции, а в соседстве раскинут прекрасный парк Верлиц, с столетними дубами, с озером и текучими водами. Еврейская колония, довольно многочисленная в Дессау, дала миру Мендельсона. Этот город играл видную роль в истории немецкой педагогии: известный Базедов основал здесь, в 1774 году, свой Philanthropium, одно из первых воспитательных заведений, где сделана была попытка воспитывать молодых людей посредством свободы и самоуважения, без применения обычных приемов и способов господствовавшей педагогической рутины.

По выходе из королевства Саксонии и по вступлении в пределы Пруссии, Эльба проходит прежде всего перед крепостью Торгау, защищенною с западной и южной сторон довольно обширным озером. Страна, по которой протекает эта река, мало плодородна, и города встречаются там гораздо реже, чем в долине р. Заалы; но один из них, Виттенберг, занимает на Эльбе одно из тех местоположений, где, в силу географических условий, необходимо должен был возникнуть город: он находится в месте естественного перехода через реку, между Лейпцигом и Берлином. Основанный, вероятно, колонистами, пришедшими из Фландрии, Виттенберг был резиденциею саксонских курфюрстов и укрепленным пунктом; но всего более он прославился своим университетом, который, как сказано выше, в 1817 году был соединен с Галльским университетом. В Виттенберге монах Лютер прибил к дверям одной церкви свои знаменитые тезисы против индульгенций; там же он сжег всенародно на костре папскую буллу, осуждавшую его сочинения, как еретические. Статуи, надписи и гробницы Лютера и Меланхтона напоминают потомкам об этих событиях церковной истории.

Недалеко от Дессау, на левом берегу реки, ниже впадения в нее Мульды, встречаем город Акен. Ниже мыса, образуемого слиянием Эльбы и Заалы, лежит город Барби, а на востоке, внутри страны, находится старая княжеская резиденция Цербст (Ангальт), славящаяся своими пивоваренными заводами. Шенебек, следующий за Барби город на западном берегу Эльбы, замечателен в особенности своими салинами, которые принадлежат к числу важнейших в Германии (производят ежегодно свыше 50.000 тонн соли), а также минеральными водами и фабриками химических продуктов. Здесь мы уже вступаем в промышленный округ Магдебурга.

Этот большой город, лежащий ниже всех значительных притоков Эльбы, на прямом пути из Кёльна в Берлин и Данциг, естественно должен был сделаться очень оживленным местом

проезда путешественников и провоза товаров; но самые эти выгоды географического положения были для Магдебурга причиною великих бедствий, давая ему важное значение, как стратегическому пункту. Во время Тридцатилетней войны, в 1631 году, свирепый Тилли взял его приступом и почти весь истребил огнем; двери большей части церквей, куда укрылись жители, были, по его приказанию, заколочены гвоздями, и тридцать тысяч несчастных погибли в пламени; после пожара от города осталось только сто тридцать семь домов, кафедральный собор и еще одна церковь. Собор—прекрасное здание, принадлежащее, по характеру архитектуры, к двум эпохам: эпохе готического стиля и эпохе Возрождения,—вполне реставрирован; из достопримечательностей его назовем гробницу одного архиепископа, изваянную известным скульптором Фишером, и надгробный памятник императора Оттона Великого, которому город, кроме того, воздвиг в десятом столетии монумент на площади Старого рынка. Магдебург—центральная крепость Германской империи, и верки его в последнее время до того усилены, что образуют теперь сплошной укрепленный лагерь вокруг города; внешние кварталы и фабричные форштадты, окружающие Магдебург, принуждены были расположиться на значительном расстоянии от городских укреплений. «Новый город», построенный на севере от крепости, сделался уже «Старым новым городом», а далее, с той же стороны, возник новый «Новый город», который мало-по-малу разростается, захватывая прилегающие поля. Магдебург служит складочным местом для зерновых хлебов, сахарной свеклы и других земледельческих продуктов, производимых плодородными полями равнины Берде; в то же время он главный рынок Германии по торговле сахаром; окрестности его усеяны свеклосахарными и рафинадными заводами, прядильными фабриками, мастерскими машин и металлургическими заводами. Магдебург, прежде всего город промышленности и торговли, гордится, однако, тем, что в стенах его родился Отто Герике, изобретатель воздушного насоса. На городском кладбище, на одном из надгробных памятников вырезано имя Карно, умершего здесь в изгнании, в 1823 году.

В северной части провинции Саксонии главный город—Бург, славящийся своими суконными фабриками, которые основаны французскими выходцами, покинувшими родину, вследствие религиозных гонений. Нейгальденслебен, Гарделеген, Зальцведель, расположенные на небольших притоках или подпритоках Эльбы, тоже замечательны, как фабричные города. Стендаль, население которого в значительной части славянского происхождения, был некогда императорскою резиденциею и сохранил от этой эпохи многие здания, светские и церковные, между прочим, круглую башню и укрепленные ворота. Этот город, родина Винкельмана, есть главный административный пункт области, известной под именем Альтмарка, или «Старой мархии», части Бранденбурга, лежащей на западе от Эльбы.

Важнейшие города прусской провинции Саксонии (за исключением Эрфуртского округа) и княжества Ангальт, с числом жителей в тысячах, по переписи 1 декабря 1890 года (в скобках показана цифра населения в июле 1895 года).

Пруссия: Магдебург, с Буккау и Нейштадтом 202 (241); Галле 101 (119); Гальберштадт 37 (39); Ашерслебен 23 (24); Кведлинбург 21 (22); Вейсенфельс 24 (26); Цейц 22 (23); Наумбург 20 (20); Бург 19 (19); Эйслебен 25 (25); Мерзебург 18 (18); Стендаль 18 (21); Виттенберг 14; Штасфурт 19 (22); Шенебек 14; Торгау 11; Делич 9; Эйленбург 12; Зангергаузен 11; Зальцведель (10); Ошерслебен (12).

Ангальт: Дессау (с городским округом) 35 (41); Бернбург 28 (34); Кётен 18(19): Цербст 16 (17).

Шпре, река прусская по преимуществу, принимает в себя воды обширного бассейна. Усиленная в Саксонии и Силезии всеми ручейками Верхней Лузации, она вступает в пределы Бранденбурга через промышленный городок Шпремберг, затем пересекает Котбус, торговый центр, достигший в последнее время весьма значительной степени благосостояния, благодаря соединению в нем восьми железнодорожных линий: он имеет большие суконные мануфактуры, произведения которых находят сбыт по всей Германии и даже за границею, в Швейцарии и Италии, также мебельные фабрики, копи бурого угля, деятельно разрабатыва-

емые, а рыболовы его отправляют в Берлин тысячи карпов, ловимых в богатых рыбою озерах окрестной местности. Большая часть городов и местечек этого края, в особенности местность Финстервальде, на западе, в бассейне реки Малой Эльстер, тоже занимаются преимущественно фабрикациею сукон.

Достигнув области Шпревальд, река Шпре разветвляется на бесчисленное множество рукавов и каналов, затем близ Люббена опять соединяется в одну реку, далее течет из озера в озеро, при чем сначала следует по направлению к Одеру, а потом вдруг поворачивает на запад. В этой части своего течения она омывает только один город, с населением, превышающим 5.000 душ, именно Фюрстенвальде; но по мере приближения к Берлину, на ней все чаще и чаще встречаются деревни и местечки. Многочисленные отели, рестораны, увеселительные места, которыми усеяны берега реки, возвещают близкое соседство большего города.

Берлин, столица Пруссии и Германии, по числу жителей уже превосходит Вену и уступает в Европе только двум городам—Лондону и Парижу (сравнительное население Вены и Берлина в июле 1895 г.: Вена—1.496.000, Берлин—1.820.000 жителей).

В 1648 году, в конце Тридцатилетней войны, Берлин имел всего только 6.000 жителей; теперь же это один из первых городов мира, и важность его растет с каждым днем; но причины его изумительного возвышения не бросаются прямо в глаза, как это можно сказать, например, о Константинополе, Александрии, Нью-Йорке. Напротив, по общепринятому мнению, которое, так сказать, вошло в пословицу, Берлин занимает местоположение, указанное случаем и капризом. Мнение это, однако, как нельзя более ошибочно: прусская столица не может быть названа искусственно созданным городом; напротив—это совершенно естественный продукт данной географической среды[1].

Конечно, на первый взгляд кажется, что «Афины на Шпре», как величают Берлин, построились в местности, настолько же лишенной естественных выгод географического положения, насколько монотонной по внешнему виду. Окружающая его равнина представляет песчаную и болотистую степь. Чахлые деревья, нагнувшиеся над грязными лужами, мокрые луга, где прыгают мириады лягушек и жаб, песчаные бугры, сероватый кустарник, на половину погребенный в подвижной почве, дороги черные от грязи, или белые от пыли, смотря по времени года, жалкия полуразвалившиеся лачуги, на крышах которых восседают аисты, —вот те невеселые пейзажи, которые видишь вокруг себя, когда приближаешься к нынешней столице Германии не по королевским дорогам, содержание которых так дорого обходится государственной казне. Природа всегда имеет известную красу и прелесть, даже в самых монотонных и печальных местностях; но окрестности Берлина, которые вдобавок обезображены всякими отбросами, извергаемыми большими городами, не могут выдержать самого отдаленного сравнения с окрестностями Вены, Парижа, Лондона и большей части других европейских столиц.

Следовательно, если Берлин возвысился на степень первоклассного города, то этим он обязан отнюдь не живописности или плодородию окружающей его местности. С другой стороны, он не имеет за собою тех выгод, какими пользуются города, лежащие при большой реке, или в соседстве с удобными к разработке богатыми рудниками или копями. Скопление вульгарных домов среди самой скучной и неприветливой равнины, лишенной всяких красот природы, Берлин представляет образцовый город для чиновников и приказных, тип столицы для послушных и убежденных подданных. Однако, быстрое заселение Берлина не может быть приписано ни воле деспота, ни постоянному призыву централизующей администрации. Без сомнения, эти причины тоже действовали в известной мере. Государи призывали в свою резиденцию из других мест лучших мастеров и ремесленников, учителей и ученых, и канцелярии наполнились чиновниками, наехавшими из всех частей быстро увеличившагося государства; но эта доля возрастания города, зависевшая от действия правительственной власти, незначительна в сравнении с добровольным переселением в столицу жителей провинции,—переселением, которое с каждым годом принимает все более и более обширные

1 I. G. Kohl, „Die Lage der Hauptstadte Europas“.

размеры. Если преимущества, которыми пользуется Берлин по своему географическому положению, и не бросаются в глаза с первого взгляда, то они тем не менее существуют в действительности.

Разсматриваемый с точки зрения отношений к ближайшим, непосредственно прилегающим к нему округам, Берлин, бесспорно, занимает как нельзя более выгодное местоположение. В самом деле, древнейшая часть города, называвшаяся некогда «Кёльн» или «Келлин» (Kolln, Collin—может быть, горка?), расположена на островке, образуемом двумя рукавами Шпре. Ни одно место, во всем этом крае, не было более благоприятно для того, чтобы служить безопасным и удобным местопребыванием населению, занимавшемуся преимущественно рыболовством. По обе стороны реки невысокие холмы, прерывающие прибрежный пояс болотистых местностей, давали жителям возможность воздвигать сторожевые башни и оборонительные укрепления; в то же время на двух, близко один от другого идущих, рукавах реки находились наиболее удобные места для постройки мельниц и устройства мостов и переправ. Таким образом маленький остров между двумя рукавами Шпре, напоминающий «cite» Парижа, только в меньшем виде, был, так сказать, предназначен самою природою, как место для основания деревни. Хотя имя Берлина впервые упоминается в летописях только в начале тринадцатого столетия, но, вероятно, он существовал уже с первых времен заселения края. Некоторые этимологи полагают, что самое название Берлина указывает на древнее происхождение города, ибо слово «Берлин», по их толкованию, означает «паром, —место переправы», из чего можно заключить о существовании тут с давних пор дороги; но другие ученые утверждают, не менее положительно, что истинное значение этого слова —«медленно текущая вода с тинистым дном». Наконец, по мнению Эбеля, Берлин означает «гусиное поле».

Маленький рыбацкий городок, очевидно, не мог бы рассчитывать на более счастливую долю, чем многие другие селения и местечки Северной Германии, если бы он был только легко обороняемым местом переправы; при отсутствии других естественных преимуществ, ему никогда не пришлось бы играть сколько-нибудь видной исторической роли. Но Берлин лежит почти в середине области, заключающейся между течением Эльбы и течением Одера, и, благодаря озерам и рекам, пересекающим во всех направлениях этот континентальный перешеек, он сделался необходимым складочным пунктом для земледельческих произведений и товаров между двумя названными реками. Конечно, ни Шпре, ни Гавель нельзя назвать значительною рекою, но обе они имеют одно важное преимущество, которого недостает, например, великолепной Луаре в верхней части её течения, или быстрой Дюрансе на всем её протяжении: они глубоки и судоходны. Гидрографическая система р. Шпре, даже в то время, когда она еще не была дополнена искусственною сетью водяных путей, имела большое торговое значение, и естественный центр всего этого движения находился в Берлине. С конца тринадцатого столетия этот город, бывший тогда республикою и главным местом федерации, сделался центральным пунктом всей Бранденбургской мархии или марки: здесь большею частию происходили народные собрания этой страны. Город рыбаков, судовщиков и торговцев, Берлин поставил себя тогда под покровительство св. Николая, патрона мореплавателей.

Выбранный в половине пятнадцатого века столицею государства, Берлин мало-по-малу увеличивал круг своего действия, пользуясь таким образом географическими выгодами более обширной области. Тогда обнаружился тот факт, что Берлин не только главная торговая станция между Одером и Эльбою, но что он в то же время центр тяжести между целыми бассейнами этих двух рек: оказалось, что из этого пункта всего удобнее управлять коммерческими сношениями между двумя областями. По остроумному сравнению Коля, Берлин расположил свою сеть между Эльбою и Одером, как паук, протягивающий паутину между двумя деревьями. Естественный путь от главного рынка верхнего Одера к важнейшему городу нижней Эльбы, от Бреславля к Гамбургу, проходит через Берлин и пересекается там с другою диагональю, ведущею из Лейпцига в Штеттин и Свинемюнде. Первый из этих торговых

трактов следует как-раз по древней долине, которая соединяла Одер с Эльбою посредством нынешнего ложа Шпре, слишком широкого для маленькой речки, заключенной теперь в его берегах.

Занимая такое благоприятное местоположение в отношении рек Северной Германии и их бассейнов, Берлин пользуется не меньшими выгодами положения относительно двух морей, омывающих немецкие берега. Хотя прусская столица находится на одном меридиане с островом Рюгеном и с полуостровом Сканиею на Балтийском море,—она принадлежит, вместе с тем, по направлению течения Эльбы к скату Северного моря; она имеет столь же удобное сообщение с Гамбургом, главным немецким портом, лежащим при устье Эльбы, как и с Штеттином, важнейшим рынком на устьях Одера; она командует в одно и то же время прибрежьем того и другого моря, и лучше всякого другого города может управлять совокупностью коммерческих операций, совершающихся в приморских портах, от Эмдена до Кёнигсберга и Мемеля.

Употребляя сравнение, приличествующее резиденции немецкого главного штаба, Берлин можно уподобить генералу, стоящему на господствующей позиции позади своей армии и заставляющему маневрировать свои полки вправо и влево на поле сражения. На западе, на востоке, на юге, во всех частях огромной равнины, простирающейся от устьев Эмса до вод Немана, города Германии занимают, как в торговом, так в политическом и военном отношениях, точно такое же подчиненное положение по отношению к центральному городу, который надзирает и командует над ними. Его сеть каналов и железных дорог с каждым днем увеличивает его силу притяжения и расширяет сферу её действия. Толпа эмигрантов всякого рода, праздных и трудящихся, чиновных и нечиновных, богатых и бедных, людей капитала и развлечения, авантюристов и искателей наживы, неудержимо стремится в столицу на берегах Шпре. Успехи этого города в отношении увеличения населения, развития промышленности и сосредоточения богатств еще гораздо быстрее, чем были успехи самой Пруссии в деле возвышения её политического могущества: с 1833 по 1883 г. число жителей его учетверилось; правда, что и муниципальные расходы за тот же период времени увеличились в 15 раз (бюджет Берлина за 1893-94 финансовый год: 84 с половиной миллион. марок, кроме расходов по городским общественным сооружениям). Исключительные выгоды, которые Берлин представлял господствовавшею в нем свободою промыслов тем, кто был стеснен в остальной Германии ограничительными законами относительно пребывания и ремесл, имели следствием увеличение берлинского населения в пропорции, далеко превосходящей процент нормального приращения числа жителей. Оттого-то прусская столица есть один из тех городов, где пришлый элемент, то-есть жители, родившиеся вне города, имеет значительный численный перевес над местными уроженцами: в этом отношении Берлин походит на большие города Америки и Австралии. Но между этими массами эмигрантов, сколько тысяч, пришедших с надеждою нажить состояние, или счастливо устроить свою судьбу, нашли только голод и нищету![1] Цена на все жизненные припасы и товары возрастала с ужасающею быстротою, и часто целые населения принуждены были искать приюта за городом, в палатках, в сараях, кое-как сколоченных из досок, в старых сломанных вагонах. Плотность населения возрасла, в ущерб общественному здравию, и сады исчезли: тогда как в 1860 г. среднее число жильцов на дом было 45, в 1875 г. оно уже поднялось до 58. В 12.000 подвальных помещениях ютится около 100.000 берлинцев, смертность между которыми тоже относительно весьма значительна. Непрерывный прилив и отлив холостого люда, нищета, превратности судьбы имели следствием страшный упадок нравственности в среде столичного населения.

Внутри Берлин не представляет никаких грандиозных видов, которые хоть немного выкупали бы унылое однообразие окружающих равнин. При входе в город, Шпре—довольно широкая река, имеющая средним числом 250 метров от одного берега до другого, но, ослабленная судоходными каналами, она мало-по-малу съуживается, затем делится на два рукава, пересекающие старый город, дробится на рвы, которые прежде шли вокруг городского

1 На 355.000 плательщиков было 95.000 преследований за неплатеж налогов (речь кн. Бисмарка).

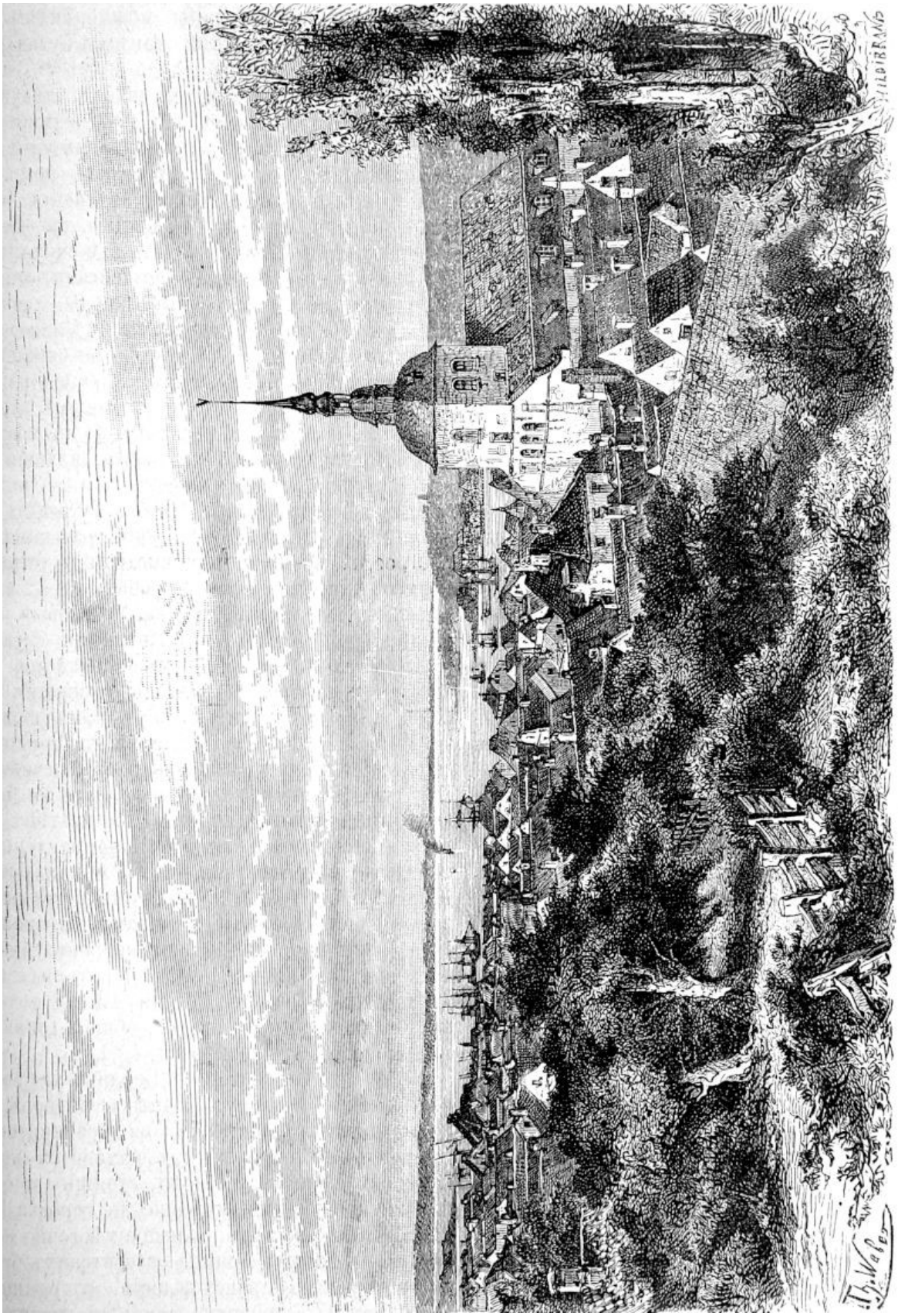
вала, так что в том месте, где воды реки опять вступают в общее ложе, Шпре представляет уже не более, как водосточную канаву. Почва по берегам её по большей части топкая, а местами даже состоит из мириад инфузорий, вследствие чего нужно было укреплять ее многочисленными сваями, поддерживающими строения.

Главные здания находятся в центре Берлина, в островном квартале, где был старый город, и по обе стороны прекрасной аллеи или проспекта Unter den Linden («Под Липами»), который идет от Дворцовой площади до западного парка, известного под именем Тиргартена. На квадрате, имеющем около полутора километра в стороне, сгруппированы: городская ратуша, королевский замок, арсенал, университет, академия, музеи, публичная библиотека, опера, большой театр, биржа, главные дворцы и самые красивые церкви. Некоторые из этих монументальных зданий заключают в себе художественные или исторические сокровища. Королевский замок обладает многочисленными предметами искусства. В арсенале, который преобразован в «Храм Славы», находится собрание оружия всякого рода и всех времен. Старый музей,—перистиль которого Корнелиус украсил мифологическими фресками, к сожалению, непонятными,—не может похвалиться капитальными произведениями в числе собранных в нем картин и статуй, но богатства его хорошо расположены; новый музей, содержащий различные коллекции в своих залах и галлереях, египетских, греческих, римских, скандинавских, германских, славится в особенности шестью большими фресками работы Каульбаха, изображающими всемирную историю так, как понимал ее сам художник и его покровитель Фридрих-Вильгельм IV, строитель дворца, «царственный орел Солнца, любимое детище Тофа и Сафы», как гласит одна надпись. На фресках Каульбаха Моисей открывает шествие истории, а Фридрих II замыкает его; на этом государе, судя по картине, и останавливается течение времен.

«Город интеллигенции», как немцы любят титуловать Берлин, обладает очень богатою библиотекою, которая в настоящее время содержит до 1.000.000 томов и около 20.000 рукописей; многочисленные ученые общества, между которыми есть также географическое общество, поддерживают в населении любовь к науке. Газеты и журналы выходят в огромном количестве, и каждый год родятся и умирают десятками.

Университет, где также находятся многие специальные музеи, превосходные лаборатории и большая библиотека, есть самый богатый в Германии (сумма, отпускаемая на содержание его из государственного казначейства, в 1877 году составляла 1.668.370 франков), и по числу слушателей, посещающих его курсы, занимает первое место между германскими университетами, хотя студентов, в собственном смысле, он еще недавно имел меньше, чем Лейпцигский университет. В 1892-93 году в Берлинском университете было: профессоров 360, имматрикулированных студентов—4.356; университетская библиотека заключает в себе около 300.000 томов. К научным учреждениям прусской столицы следует еще прибавить ботанические сады, зоологический сад, великолепный аквариум и частные коллекции всякого рода. В Политехнической школе в 1891-92 г. было 1.380 студентов и 511 вольных слушателей. В Берлине родились многие знаменитые люди: братья Александр и Вильгельм Гумбольдты, Рихард Бек, Клапрот, Бругш, Медлер и другие, историки, астрономы, живописцы, литераторы; но почти все статуи, украшающие площади и мосты, изображают полководцев, или напоминают победы, одержанные прусскими армиями. При входе в улицу «Под Липами», перед императорским дворцом, красуется колоссальная бронзовая статуя Фридриха II, отлитая по модели Рауха, и стоящая на великолепном пьедестале, который окружают, словно телохранители, герои Семилетней войны; другие статуи Рауха, представляющие генералов: Блюхера, Йорка, Гнейзенау, Бюлова, Шарнгорста, разставлены по обе стороны площади, в соседстве с дворцом и с арсеналом; группы, украшающие дворцовый мост, изображают воспитание военного героя, а на другом конце проспекта, на Пропилеях Бранденбургских ворот, возвышается бронзовая статуя победы в колеснице, запряженной четырьмя конями. Впрочем, кое-где можно встретить также прекрасные скульптурные произведения не военного характера; таковы, например, произведения Кисса, св. Георгий Победоносец, поражаю-

щий дракона, во дворе королевского замка, и Амазонка, атакованная тигром, перед зданием старого музея.



Фленсбургъ.

Что касается промышленной деятельности, то хотя Берлин не имеет по этой части никакой специальности, как Эссен, Эльберфельд, Золинген, Ахен или Хемниц, но в нем есть много больших фабричных заведений и существуют всевозможные отрасли промышленно-

сти. Один из его механических заводов считает уже тысячами построенные им локомотивы; другие заводы поставляют вагоны, машины всякого рода, приготовляют медь, цинк, разные металлические сплавы; мануфактуры бумажных, шелковых, шерстяных материй работают не только для Пруссии, но и для заграничных рынков; фарфоровая фабрика в Шарлоттенбурге, принадлежащая казне, считается одною из хороших фабрик этого рода; громадные пивоваренные заводы едва поспевают удовлетворять потребление обширного города; наконец, известковые каменоломни в Рюдерсдорфе, на восток от Кепеника, отправляют известь и цемент не только во все места Бранденбургской мархии, но также во многие другие области Северной Германии и даже на африканские берега Средиземного моря: широкие каналы дают доступ большим габарам до самого центра каменоломен. Когда Берлин, уже столь богатый железными дорогами, которые приводят его в непосредственное сообщение со всеми важнейшими городами империи[1], будет соединен по прямой линии с Балтийским морем посредством канала, доступного для больших судов; когда столица Пруссии сделается таким образом, «приморским портом», тогда, без всякого сомнения, местная промышленность, и теперь уже весьма значительная, примет такие обширные размеры, что у Берлина не будет более ни одного соперника в Германии. Более половины берлинского населения занимается в мастерских и на фабриках.

Город, оффициальное пространство которого, со включением парка Тиргартен[2], равнялось в 1872 году 5.674 гектарам (гектар немного более девяти десятых десятины), быстро разростается; новые кварталы его распространяются все далее по окружающим пустыням. Но эти постепенные приращения столицы ничтожны в сравнении с теми, о которых мечтало честолюбие строителей в эпоху финансовой горячки: в то время был выдвинут на сцену грандиозный план—сделать из Берлина в несколько лет обширнейший город в мире; и теперь еще в окрестных деревнях, далеко от столицы, можно видеть, рядом с убогими лачугами, наметки бульваров, с распланировкою площадей и мест, предназначенных для церквей, школ, статуй будущих великих людей. Но, даже не принимая в рассчет этих внешних предместий, существующих лишь в проектах компаний, нельзя не заметить быстрого увеличения городского района: нынешний Берлин уже далеко выдвинулся за пределы пояса, где около половины текущего столетия воздвигали станции железных дорог, газовые заводы, тюрьмы, казармы, госпитали, словом, все те заведения, которые обыкновенно строятся по окраинам городов. Парки, кладбища, учебные плацы, еще недавно находившиеся за городом, теперь очутились уже в городской черте; на некоторых пунктах железная дорога, идущая вокруг столицы, уже перейдена быстро растущими предместьями. Чтобы избегнуть постоянных захватов со стороны гражданских построек, военная администрация устроила полигон гарнизона в Цоссене, в 32 километрах к югу от Берлина. Рельсовый путь, соединяющий город с полигоном, служит исключительно для военных надобностей; он был весь построен железнодорожным полком, и все служащие на нем принадлежат к армии. «Центральная станция на Фридрихсштрассе есть один из центров могущества Пруссии и империи; когда посмотришь на линии, выходящие из этого пункта, чтобы затем разбегаться зигзагами по всем направлениям, невольно приходят на ум громы в руках Юпитера: бог может метать свои громы направо и налево»[3]. Столичная железная дорога, длиной свыше 11 километров, имеет четыре пути; она проходит через весь Берлин, следуя почти по течению Шпре, и соединяется с окружной дорогой, общая длина которой около 68 километров.

Всего медленнее растет Берлин на северо-востоке, со стороны холодных ветров. На востоке узкий форштат скоро соединится с деревней Лихтенберг, где находится новый кадетский корпус; но дома, стоящие по берегам Шпре, не доходят еще до городка Кепник. На юго-востоке, большое местечко Рикдорф, где живет община «гусситских братьев», чешского происхождения, сохранившая еще несколько чешских слов в своем нынешнем немецком языке,

1 Берлин-центр северо-германской сети и узловой пункт 12 железнодорожных линий.

2 Площадь Тиргартена, 255 гектар.; площадь других парков и общественных садов, 155 гектар.

3 „National-Zeitung“, Febr. 1882.

отделена от Берлина парком Газенгайде. Но со стороны теплых ветров и заходящего солнца распространение города идет особенно быстро. На юго-западе, передовые предместья продолжаются до Шенеберга, Вильмерсдорфа, Штеглица; на северо-западе, улица, длиною в несколько верст, тянется до Рейникендорфа; на западе, изящные кварталы окрестностей Тиргартена соединяют Берлин с Шарлоттенбургом и с виллами Вест-Энда. В парке королевского замка, в Шарлоттенбурге, возвышается мавзолей, заключающий одно из образцовых произведений известного скульптора Рауха, лежачую статую королевы Луизы.

Шпандау или Шпандов, лежащий при слиянии Шпре и Гавеля, среди болот и озер, в местности очень удобной для обороны, по справедливости может быть назван цитаделью Берлина; почти все его фабричные заведения принадлежат военному ведомству, таковы: ружейные фабрики, пороховые заводы, патронные мастерские, пушечно-литейные заводы, где куются или отливаются все немецкия орудия, кроме пушек из литой стали. У северной оконечности Шпандауского озера стоит замок Тегель—бывшее жилище братьев Гумбольдтов, которые там и похоронены. На юго-западе, другое озеро, очень живописное, то расширяющееся в виде заливов, то съуживающееся в тесные проливы, окаймленное там и сям лесистыми дюнами, отражает в своих водах купол и башни Потсдама, летней резиденции прусских королей. Обширные парки и замки, замечательные своею архитектурою, своими садами, произведениями искусства, которые в них хранятся, или историческими воспоминаниями, которые с ними связаны, знаменитый Сан-Суси, прелестный и живописный замок Бабельсберг, Клейн-Глинике, украшают окрестности этого города, почти всегда печального и безмолвного. В Потсдаме нет никакой собственной промышленности, никакой самостоятельной жизни; он существует только благодаря принцам, генералам, высшим сановникам, которые живут в нем, и гражданское население его состоит отчасти из лакеев. Низменные земли окрестностей, бывшие некогда топкими болотами, так что придворные принуждены были взбираться на ходули, чтобы попасть во дворец, теперь покрыты огородами; в колонии Новавес, которую Фридрих II заселил чехами, жители занимаются бумагопрядильною и шелкопрядильною промышленностью. Потсдам—родина антрополога Геккеля и физика Гельмгольца. В этом городе отец Фридриха Великого, Вильгельм I, заставлял парадировать свои полки, набранные из красивых и рослых молодцов, и до сих пор еще высокий рост составляет отличительный признак большинства потсдамского населения. Здесь мы видим следствие подбора рас, так как прусский король заботился о том, чтобы самые огромные солдаты вступали в брак с женщинами самого высокого роста[1].

Город Бернау, на штеттинской железной дороге, город Науен, на гамбургской линии, и, в направлении к Лейпцигу, три города, занимающиеся фабрикациею сукон: Луккенвальде, Ютербок и Трейенбрицен, могут быть рассматриваемы, как принадлежащие к берлинскому городскому округу. То же самое можно сказать и о Бранденбурге, древнем Бренниборе венедов, сделавшемся столицею мархии, отвоеванной у славян-язычников. Несмотря на утрату своей относительной важности, Бранденбург—цветущий и постепенно увеличивающийся город; в 1848 году он был в продолжение двух месяцев резиденцией прусского национального собрания. Построенный, подобно Потсдаму, среди лабиринта озер и медленно текущих вод, образуемых рекою Гавел, Бранденбург лежит почти на полдороге между Берлином и Магдебургом, недалеко от того места, где Гавел, переменив течение, спускается к Эльбе, по направлению на север; поэтому движение судов на бранденбургской пристани весьма значительно.

Кроме того, в бассейне Гавеля и Эльбы, на территории Бранденбургской мархии, находим еще несколько городов, имеющих более или менее важное значение в торговом или промышленном отношениях. Городок Ратенов, на Гавеле, славится своими кирпичными заводами, поставляющими превосходный кирпич, известный в крае под именем «ратеновского камня», а также несметными стаями лебедей, населяющих соседния озера, и с которых весною собирают массы пуху; Гавельберг, лежащий на острове реки Гавел, близ впадения её в

1 Lagneau, „Bulletin de la Societe anthropologique de Paris", t. V, 1864.

Эльбу, ведет деятельную торговлю; город Виттенберг важен, как пристань для пароходов, идущих вниз по реке в Гамбург; Перлеберг, Притцвальк, Витток, Ней-Руппин, построенный на берегу озера, замечательны, как рынки, снабжающие сукнами население окрестных деревень.

Значительнейшие города провинции Бранденбург в бассейне Эльбы, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках—цифры населения по исчислению в 1895 году):

Берлин—1579 (1820); Потсдам—54 (57); Бранденбург—38 (42); Шпандау—45 (58); Котбус—35 (42); Луккенвальде—18 (20); Ней-Руппин—15; Шпремберг—11; Ратенов—16 (19); Фюрстенфальде—13; Кальбе—8; Виттенберге—14; Перлеберг—(8); Науен—(8); Финстервальде—8; Гавельберг—7; Прицвальк—6.

Ниже городка Виттенберге, Эльба, текущая через местности мало плодородные, каковы на западе степи Люнебурга, а на востоке плоские возвышенности Мекленбурга, не имеет на своих берегах ни одного значительного города, на пространстве около 150 верст. Даже Лауэнбург, сообщивший свое имя владетельному герцогству, похож более на деревню, чем на город. Но при повороте одного большого острова путешественник, плывущий вниз по реке, вдруг видит вдоль правого берега целый лес мачт стоящих на якоре судов, из-за которого выглядывают дома, дворцы, башни огромного города: перед ним развертывается бесконечная картина Гамбурга.

Этот город, второй в Германской империи по числу жителей, занимает первое место между немецкими городами по обширности своей торговли, обороты которой учетверились с половины текущего столетия. Хотя удаленный от моря на сто верст (110 километров), он имеет свободное морское сообщение со всеми странами мира через широкий фарватер Эльбы, по которому поднимаются с приливом суда наибольшего водоуглубления. Вследствие косвенного направления Эльбы относительно Северного моря, Гамбург находится у естественного выхода большей части стран восточной Германии, которая, однако, лежит ближе к Балтийскому морю; кроме того, Гамбургу принадлежит значительная доля торговли немецких стран, обращенных к Северному морю: торговая область главного ганзейского города образует в центре Европы обширный треугольник, основанием которого служит линия, проведенная из Кракова в Базель. Вообще на континенте Европы Гамбург не имеет соперников, кроме Антверпена; по обширности торговых оборотов он стоит выше Марсели, даже если мы примем в соображение то обстоятельство, что коммерческие сношения Гамбурга с остальною Германиею, вне территории «вольного города», до недавнего времени оффициально составляли часть внешней торговли.

Своим счастливым географическим положением Гамбург обязан не одной только природе. Древний Гаммабург, основанный, как говорят, Карлом Великим, стоял даже не при Эльбе: он был построен на реке Альстер, в расстоянии около 2 километров от одного рукава Эльбы, от которого она была отделена болотами Брук (Brook, то-есть Brush). Но в половине шестнадцатого столетия гамбуржцы, не довольствуясь более «глубью» (Deep, Tief) Альстера, которая служила им портом, прорыли через болото Брук канал, соединивший их место якорной стоянки с водами Эльбы. Пятьдесят лет спустя, именно в 1605 году, они открыли «новый ров» или канал с таким успехом, что главный поток Северной Эльбы устремился в этот канал. Таким образом, благодаря энергии и настойчивости граждан, город очутился, наконец, на берегу большой реки. С той поры Эльба у Гамбурга была значительно исправлена рукою человека для целей судоходства: она теперь шире, глубже и обведена набережными, где суда могут быстро и удобно выгружать привозимые ими продукты и принимать новый груз; кроме того, эти работы и искусственные сооружения изменили очертание берегов и превратили всю нижнюю часть лимана в передовой порт Гамбурга. Но это еще не все: чтобы воспрепятствовать столкновению приливов, происходившему прежде перед рейдом, в месте соединения двух рукавов Эльбы—южного и северного, в настоящее время трудятся над укорочением лимана посредством уничтожения мысов. Когда спрямление реки, исполняемое по планам инженера Дальмана, будет окончено, кривая берегов везде получит нормальный

профиль; с этой целью уничтожали даже скалистые полуострова, срытие которых обошлось в 3 или 4 миллиона франков. Во внутренней части города лабиринт каналов или Flethen, делающий некоторые кварталы Гамбурга похожими на города Нидерландов, не увеличился, так как он вполне достаточен для перевозки товаров между рекою и складами негоциантов; но в эти последние годы принуждены были прибавить к внешним гаваням большие проточные бассейны, окруженные набережными, откуда железнодорожные поезда прямо забирают предназначенную для них кладь. Лабиринт всех этих новых портов, где распределяются суда по их величине, месту назначения и грузу, находится в верхней стороне города. Чтобы дать понятие о размерах судоходства и торговли Гамбурга, приводим цифры, относящиеся к 1894 г.

Движение судоходства в Гамбургском порте:

В морском сообщении: в приходе 2.662 парусных судна, вместимостью 647.506 тонн, и 6.503 паров. судна, вмест. 5.581.315 тонн; в отходе—2.685 парусн. суд., вмест. 665.901 тонн, и 6.490 паровых судов, вместимостью 5.582.874 тонн.

В речном сообщении (по Верхней Эльбе): в приходе 14.647 суд., вместимостью 3.227.728 тонн; в отходе 14.466 судов, вместимостью 3.147.554 тонн.

Ценность привоза морем, по реке и по железным дорогам: 2.824.300.000 марок; ценность вывоза—2.358.600.000 марок.

Суда, принадлежащие гамбургским негоциантам, перевозят товары во все части света; коммерческий флот Гамбурга в конце 1894 г. состоял из:

289 парусн. судов, вместимостью 189.719 тонн; 355 пароходов, вмест. 473.984 тонн; итого 644 судна, вместимостью 663.703 тонны.

Львиная доля в морской торговле Гамбурга принадлежит Англии, как показывает процентное отношение флагов различных наций, участвовавших в этой торговле в 1893 г.:

Британский флаг—47 процентов; Гамбургский—35; другие германские—6,5; Норвежский—3,9; Датский—2; Голландский—1,8; Французский—1,1; Шведский—1,1; Испанский—0,6; прочие флаги 1,6 процентов.

Пароходы, совершающие правильные рейсы, соединяют порт Эльбы с Россией, с городами скандинавского побережья, со всеми приморскими городами Западной Европы, с Северо-Американскими Соединенными Штатами и с Южною Америкою. Торговые сношения Гамбурга с портами крайнего Востока весьма значительны, и некоторые из гамбургских судохозяев пользуются монополиею коммерческой эксплоатации во многих архипелагах Южного моря. Наконец, эмигранты ежегодно отправляются из Гамбурга за океан почти в столь же большом числе, как и из Бремена; так, с 1882 по 1891 г. из гамбургского порта отплыло 365.360 переселенцев.

Благородный ганзейский город, гордящийся своими древними вольностями и своим богатством, долгое время смотрел на себя, как на совершенно самостоятельную республику, как на отдельное государство, не входящее в состав Германской империи; жители его называли «имперцами» или чужестранцами (Buten Minschen) всех, кто не имел счастия родиться в пределах их «вольного города». До 1888 г. гамбургский порт не принадлежал к Немецкому Таможенному Союзу, и граждане его энергично, но без успеха, противились включению их города в пояс таможен империи. Гамбург, главный город маленького государства в государстве, сохранил свою административную автономию и управление частью окружающей его территории. Бюджет его в 1895 году представлял следующие цифры:

Доходы—77.489.262 марки; расходы—83.959.674 марки; сумма долга—310.000.000 марок.

Многие из уроженцев Гамбурга достигли известности в ученом мире, между прочим, физик Поггендорф, астрономы Боде и Энке, путешественники Генрих Барт и Овервег.

Город в собственном смысле, перерезанный во всех направлениях каналами, через которые устроено шестьдесят мостов, и окруженный поясом бульваров, заменивших старый го-

родской вал, составляет лишь незначительную часть гамбургской агломерации; но в этой части сосредоточено торговое движение и возвышаются главные здания: биржа, дворец искусств, здание Johanneum (где помещаются учебные заведения, гимназии и реальное училище, а также публичная библиотека, состоящая из 300.000 томов, и различные музеи и коллекции), церкви св. Михаила и св. Николая, из которых последняя построена недавно в готическом стиле тринадцатого века, и с колокольни которой открывается обширный вид на Гамбург (изящный шпиц этого храма поднимается на высоту 147 метров); здесь же, вокруг большого бассейна, известного под именем «Внутренней Альстер», находятся самые краси-

Гамбургъ.

вые кварталы, выстроенные после страшного пожара 1842 года, истребившего треть внутреннего города. Ученые общества, между которыми есть также географическое общество, банки и торговые компании имеют местопребывание в старом городе, тогда как внешния предместья наполнены фабриками и верфями. На северной стороне Гамбурга резервуар, или, вернее, озеро, называемое «Большой Альстер», уже совершенно окружено группами домов, которые составляют общины: Гогенфельде, Уленгорст, Эйльбек, Бармбек, Гарвстегуде, Ротербаум; на восточной—предместье св. Георгия скоро сольется с Гаммом и другими передовыми кварталами; на западной—ботанический сад и зоологический сад, один из луч-

ших в Европе, образуют сплошной остров зелени; в соседстве с Эльбою, предместье св. Павла соединяет Гамбург с прусским городом Альтоною, который, без сомнения, играл бы видную роль между портовыми городами Германии, если бы не имел такого соседа, как Гамбург. Альтона продолжается по берегу реки предместьями или подгородными селениями Неймюлен и Оттензен; а на северной стороне деревнею Эймсбюттель. Другое предместье Гамбурга, Штейнвердер, построенное с большим трудом на топкой, почти жидкой почве, продолжается на болотистых островах вдоль левого берега Северной Эльбы. Ганноверский городок Гарбург, соединенный с Гамбургом великолепным железнодорожным мостом, и голштинское местечко Вандсбек тоже находятся в торговой зависимости от вольного города, а хорошенькия деревни, Нинштедтен, Бланкенезе, расположенные на холмах правого берега, ниже Альтоны, состоят большею частию из вилл, принадлежащих гамбургским жителям. Острова Эльбы покрыты роскошными лугами, с которых «течет молоко» для громадного города, а Фирланды или «Четыре земли», которые тянутся на юго-востоке, вокруг местечка Бергедорф, усеяны садами и огородами, и снабжают Гамбург плодами и овощами. Фирландцы, красивый и сильный народ, суть потомки голландских колонистов, поселившихся в двенадцатом столетии в болотистой местности, которую они съумели преобразовать в цветущую, плодородную равнину, какую мы видим там в настоящее время; До 1867 года Фирландский округ принадлежал совместно Любеку и Гамбургу; теперь же он состоит в исключительном владении последнего из этих двух государств.

На берегу моря и рейда, где корабли ждут попутного ветра, чтобы пуститься в морское плавание, Гамбургская республика имеет передовой порт Куксгафен, очень полезный в зимнее время, когда Эльба замерзает ниже Гамбурга: теперь там строят обширные доки, набережные и жете. На западе от Куксгафена выступает в море мыс Рицебюттель, где видны еще древние могилы и следы каких-то доисторических укреплений, и где возвышается старинный замок или крепостца, построенная лет пятьсот тому назад и превращенная ныне в гражданскую резиденцию. Общее население республики в декабре 1895 года: 681.632 жит.

Любек, лежащий, как и Гамбург, в одном из южных углов полуострова Голштинии, был некогда важнейшим торговым городом Германии и главным членом Ганзейского союза; знаменитое «Любское право» было известно и уважаемо во всей средней Европе, от Кракова до Кёльна, от Новгорода до Амстердама. Флоты, собиравшиеся в лимане реки Траве, могли меряться силами с флотами Дании и Швеции; в большой зале городской ратуши Любека заседали одновременно представители восьмидесяти слишком городов, членов Ганзейского союза: без завоеваний, единственно посредством торговых связей, республика, образовавшаяся из многочисленных, рассеянных в разных странах, общин, сделалась одним из могущественных государств нашей части света. Впрочем, города, входившие в состав союза, не имели в отношении друг друга никакой непосредственной власти, никакого политического влияния; сейм или общее собрание представителей Ганзы могло только исключать (verhansen) из среды Союза города, интересы которых расходились с интересами федерации. Процветание Ганзейского союза и его главы или столицы, Любека, относится к той эпохе, когда Балтийское море было еще сравнительно одним из главных бассейнов всемирного мореходства; в то время корабли еще не знали пути ни в Индию, ни в Америку, и переход от Любека до Риги составлял для них уже дальнее плавание. Но с той поры, как морской горизонт расширился, и океан был открыт для мореплавателей на всем его пространстве, Балтика, представляющая не более как залив, на половину замкнутый, утратила свою исключительную важность, и Любек мало-по-малу снизошел на степень второклассного города. К этому присоединились еще другие причины, способствовавшие его упадку: сельди исчезли из мелей Скании и перешли на западные берега Швеции, в Северное море. Религиозные войны разорили все ганзейские города внутренней Германии, и местное самоуправление было совершенно подавлено господствующей буржуазией. В 1669 году собирался последний сейм Ганзы, но он не мог уже возродить отжившей республиканской федерации: начался новый порядок вещей.

В наши дни Любек гораздо менее важен, чем его сосед Гамбург, над которым он прежде первенствовал по роли в Ганзейском союзе и по размерам торговли, и который он и теперь еще превосходит юридическим достоинством, так как в нем имеет пребывание высший апелляционный суд Ганзы, а по делам о государственной измене юрисдикция его распространяется на всю Германию. В отношении торговли, Любек отчасти находится в зависимости от своего бывшего соперника и может быть рассматриваем как его порт на Балтийском море; но, с другой стороны, именно благодаря своему упадку, он гораздо лучше сохранился, чем Гамбург, и его памятники, башни, укрепления, еще не совсем разрушенные временем, придают ему более оригинальный вид; некоторые из его кварталов имеют еще чисто средневековую физиономию. Городская ратуша, готическая церковь Пресвятой Девы Марии, кафедральный собор, Голштинские ворота свидетельствуют о богатстве и могуществе прежнего Любека, равно как и о любви его жителей к архитектурной роскоши. Бывшая столица Ганзы замечательна, как место рождения живописцев Кнеллера и Овербека и историка Курциуса. В настоящее время город опять растет в отношении населения и торговли; он имеет верфи, фабрики, металлургические заводы; его морские бассейны или доки, которые, вместе с старыми рвами и прудами, делают его островным городом, наполнены большими барками, парусными судами и пароходами. Глубоко сидящие в воде суда, которые прежде должны были останавливаться в Травемюнде, т.е. в лимане реки Траве, теперь могут подниматься до самого Любека, по судоходному каналу, который идет извилистою линиею из озера в озеро и в излучистой реке.

В 1894 г. в любекский порт прибыло 2.465 морских судов, вместимостью 1.520.023 куб. метр. Общая ценность привоза—295.500.000 марок.

Торговый флот Любека в конце 1894 г.: 33 судна, из них 29 паровых; общая вместимость 35.218 куб. метров.

Самую деятельную торговлю Любек ведет с Швециею (лес) и Россиею (хлеб): любекский флаг, в его собственном порте, по количеству судов, занимает третье место после флагов этих двух северных государств.

Висмар, другой порт Балтики, имеет над своим соседом, Любеком, то преимущество, что он расположен на берегу моря, при лимане, где вода во время прилива поднимается, средним числом, на 60 сантиметров, и который защищен островом Пель от ветров, дующих с открытого моря; но суда, имеющие больше 3 метров водоуглубления, не могут переходить через бар. Висмарский порт посещается преимущественно судами, нагруженными английским углем и лесом из северных стран. Висмар долгое время (с 1648 до 1803 года) принадлежал Швеции, вследствие чего на жителей его еще недавно смотрели, как на иностранцев; и теперь еще они не пользуются одинаковыми избирательными правами с другими жителями Мекленбурга. А между тем Висмар есть порт столичного города. Город этот Шверин, столица главного из двух Мекленбургских великих герцогств, есть один из тех, многочисленных на севере Германии, городов, которые разделены озерами на несколько отдельно лежащих частей или кварталов; но между этими озерными городами мало найдется таких, где дома были бы так живописно сгруппированы на перешейках и полуостровах, как это мы видим в Шверине. Великогерцогский замок, построенный на острове, на месте древней славянской крепостцы, по красоте архитектуры и великолепию внутреннего убранства, принадлежит к лучшим дворцам Германии. Посредством своих озер, ручьев, вытекающих из этих озер и впадающих в них, и искусственных каналов, Шверин сообщается с Висмаром, с Любеком и с городами, стоящими на Эльбе. На этом же скате находятся Пархим, родина генерала Мольтке, и Лудвигслуст, летняя резиденция великого герцога. Древний замок славянского племени венедов, Микилинборг или Мекленбург, от которого получила название вся эта страна, не существует уже с четырнадцатого столетия: заменившая его деревня лежит в 6 километрах к югу от Висмара.

Портовый город Росток расположен, как и Висмар, у южной оконечности одного лимана Балтики, куда изливается река Варнов; но суда с водоизмещением более, чем в 300 тонн, не

могут подниматься до самого города и принуждены останавливаться при входе в лиман, в рейде Варнемюнда. Росток—самый оживленный порт и самый значительный город Мекленбурга; несколько лет тому назад его торговый флот был первый в Германии и превосходил численностью судов даже флоты Гамбурга и Бремена. В настоящее время Росток занимает уже лишь третье место, но судов у него все еще гораздо более, чем сколько нужно для его собственной торговли, и потому судохозяева употребляют их большею частью для перевозки грузов иностранных негоциантов.

Флот Мекленбург-Шверина (принадлежащий главным образом Ростоку и отчасти Висмару), в конце 1894 г.: в Ростоке 136 морских судов (из них 27 пароходов) в 64.832 тонны; в Висмаре 44 морских судов в 3.187 тонн.

Впрочем, Росток отправляет за границу большое количество хлебного товара, доставляемого ему из Гюстрова, Тетерова и других внутренних городов.

Росток, имеющий много старинных зданий, которые придают городу очень живописный вид, и окруженный прекрасными гульбищами, отличается также, между городами Мекленбурга, своим университетом, который гордится тем, что имел в числе своих профессоров знаменитого Кеплера. В 1894-95 году в Ростокском университете числилось 420 студентов, а библиотека его состояла из 145.000 томов. На одной из внешних площадей стоит статуя Блюхера, который родился в этом городе. В летнее время Варнемюнде, передовой порт Ростока, посещается многочисленною публикою, пользующеюся купаньем в море, так же, как и Хейлиге-Дамм (т.е. «Священная плотина»), лежащий несколько западнее, на прекрасном морском берегу, защищенном плотинами. Хейлиге-Дамм замечателен, как первая, по времени основания, морская купальня Германии, чему он обязан соседству велико-герцогского замка Добберанн, который расположен подле великолепной готической церкви, построенной в четырнадцатом столетии.

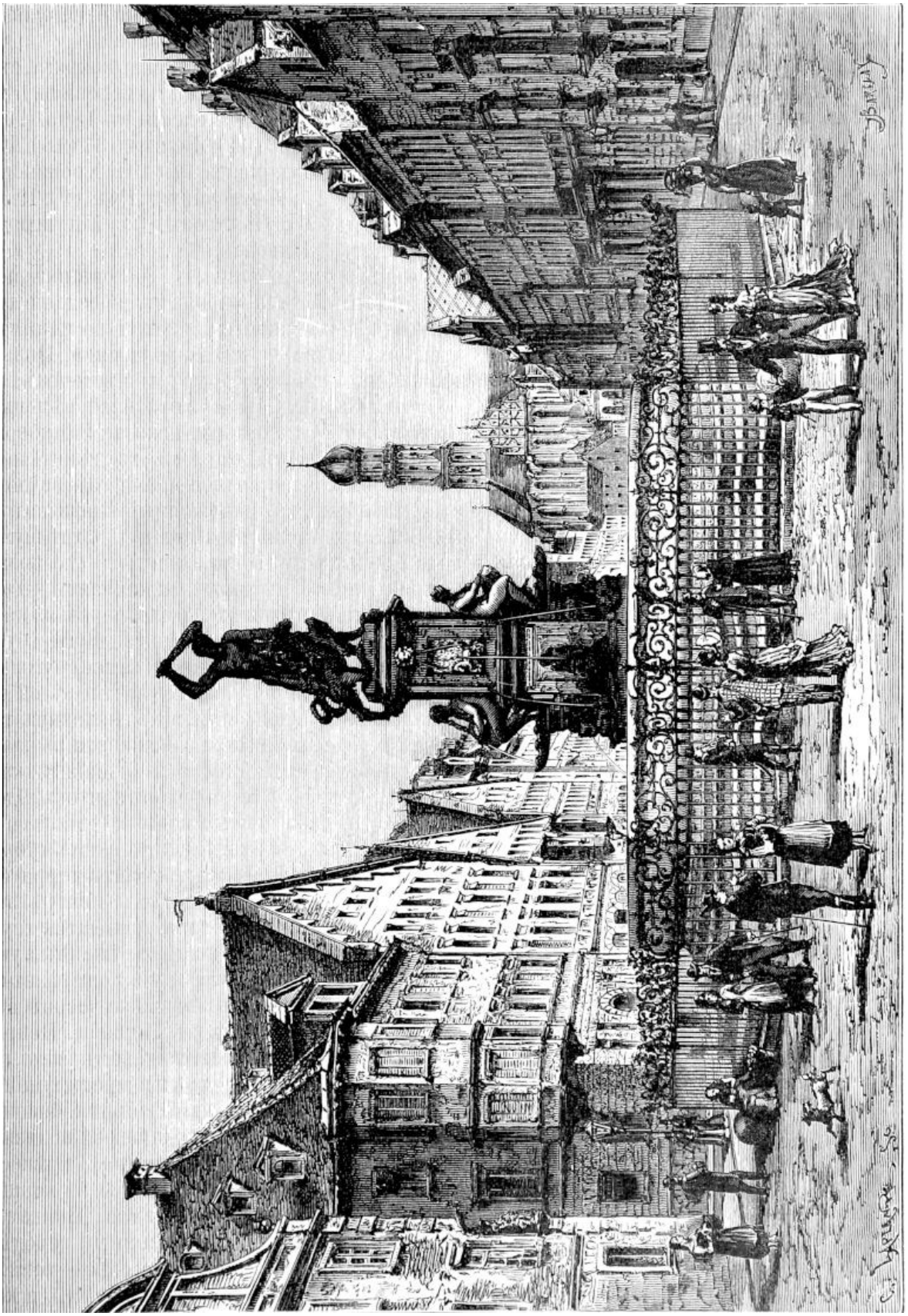
К востоку от реки Рекниц, которая служит границею между Мекленбург-Шверином и прусскою провинциею Померанией, встречаем портовый город Барт, лежащий на берегу маленького внутреннего моря или залива Бартер-Бодден и почти не уступающий своему соседу, знаменитому Штральзунду, по важности своей торговой флотилии, заключающей свыше 200 судов, вместимостью в 50.000 тонн.

Штральзунд, окруженный со всех сторон водою и построенный на берегу пролива, отделяющего остров Рюген от Померанского побережья, есть один из тех укрепленных пунктов, обладание которыми составляло предмет постоянных споров между соседними державами: более полутораста лет, с 1648 до 1815 года, он был, так сказать, тет-депоном шведов на континенте Европы. В прежнее время это был важный торговый город, так что в четырнадцатом столетии из членов Ганзейского союза один только Любек превосходил его размерами торговых оборотов; да и теперь еще он ведет довольно обширную торговлю с другими портами Балтийского моря. Небольшие портовые города Грейфсвальд, Вольгаст, Анклам, следующие один за другим вдоль морского берега, по направлению к Одеру, имеют гораздо менее значительную торговую деятельность, чем Штральзунд.

Город Грейфсвальд так-же, как и Анклам, лежит в некотором расстоянии от моря, на судоходном канале; порт его находится против бывшего аббатства Эльдена. Обширные имения и леса этого монастыря были подарены в 1634 году Грейфсвальдскому университету, который с той поры сделался одною из богатейших главных школ Германии, если не одною из первых по числу слушателей. В 1893-94 году в этом университете было 75 профессоров и 747 студентов, а библиотека его состояла из 150.000 томов. Земледельческая академия в Эльдене, помещающаяся в зданиях аббатства и соединенная с университетом, имеет в своем распоряжении более 300 гектаров пахатной земли.

Некоторые города, лежащие внутри страны, на восточном скате плоской возвышенности, тоже заслуживают внимания, как значительные торговые пункты или центры населения: таковы, в бассейне реки Пене, впадающей в море у Анклама: Малхин в Мекленбурге, славящийся своими конскими ярмарками, и Деммин прусский, древнейший город Померании;

таковы же в великом герцогстве Мекленбург-Стрелицком: столица Ней-Стрелиц, построенная вокруг велико-герцогского замка, в форме звезды с восемью расходящимися лучами; Новый Бранденбург, живописно расположенный среди озер, лесов и текущих вод; Фрид-



Максимиліановская улица въ Аугсбургѣ.

ланд, самый богатый город великого герцогства. На юге от Штеттинского Гафа, в прусской долине реки Уккер, называемой Уккермарк или «мархией по Уккеру», главные города— Пренцлау, Пазевальк и Страсбург.

Важнейшие общины побережья и Мекленбургской плоской возвышенности, между Эльбою и Одером, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 г. (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Любек (вольный город с его областью) 64 (71).

Мекленбург-Шверин: Росток 44 (50); Шверин 34 (36); Висмар 17 (17); Гюстров 15 (16); Пархим 10; Людвигслюст 7; Малхин 7; Тетеров (7).

Мекленбург-Стрелиц: Ней-Стрелиц 9; Новый-Бранденбург 9; Фридланд 6.

Пруссия: Штральзунд 28 (27); Грейфсвальд 22 (23); Пренцлау 18 (19); Анклам 13; Деммин 11; Пазевальк (10); Вольгаст 8; Барт 6; Страсбург в Укермаке 7.

Прусская Силезия почти вся принадлежит к верхнему бассейну Одера; только на границах Польши и Галиции тянется небольшая цепь холмов, на восточном скате которой берут начало ручьи, текущие через реку Пржемшу в Вислу. Эта водораздельная область между двумя большими реками заключает в себе богатый каменноугольный бассейн Верхней Силезии, вследствие чего там возникли многочисленные промышленные города, группы фабрик, и железные дороги перерезывают край во всех направлениях; месторождения свинца, содержащего серебро, цинка, железа, еще более увеличивают важность этой страны, где сырые материалы промышленности находятся рядом с минеральным топливом, употребляемым для их обработки. Пласты каменного угля разрабатываются только с 1784 года; в первые годы текущего столетия количество добываемого угля не превышало 20.000 тонн; теперь же оно достигает многих миллионов тонн, и ежегодная добыча может держаться на этой цифре еще целые сотни веков, потому что залежи продолжаются на большую глубину, как обнаружили бурения почвы: масса годного к разработке угля, залегающая до глубины 600 метров и на пространстве 1.375 квадратных километров, исчисляется в 500 миллиардов тонн. Общая добыча каменного угля в бассейне Верхней Силезии составляла в 1895 году около 22 миллионов тонн, на сумму 126 миллион. марок. К сожалению, силезский уголь, вообще говоря, далеко не так хорош, как уголь, получаемый с берегов Рура; только некоторые шахты дают уголь, который в отношении качества может выдержать сравнение с углями западной Пруссии и Англии. Что касается цинковых рудников, то они доставляют четыре пятых всего количества этой руды, переплавляемой в металлургических заводах Германии.

Добыча на цинковых рудниках Верхней Силезии:

В 1812 году 678 тонн руды; в 1872 г. 289.922 т.; в 1895 г. 579.977 т. (ценностью 5.622.000 мар.).

Города каменноугольного бассейна, еще недавно простые деревни, все похожи друг на друга, или, лучше сказать, все они составляют один широко раскинутый город, с бесчисленными фабриками и заводами, с грудами шлака, с группами домиков рабочих, над которыми господствует, с вершины какой-нибудь горки, замок владельца фабрики. В течение последних ста лет население края увеличилось более чем в двадцать раз; но оно периодически страдает от финансовых кризисов, и часто голодный тиф производит большие опустошения в рядах жителей. Силезия, как Ирландия, есть «царство нищеты». Самое значительное между населенными местами этой страны—Кенигсхютте, который только в 1869 году возведен на степень города; Бейтен, Каттовиц, Глейвиц, Тарновиц тоже имеют важное значение, как фабричные центры и как административные пункты; Мысловиц важен как место соединения железнодорожных линий и как большая таможенная станция между тремя империями-Германской, Российской и Австро-Венгерской.

Главные общины Бейтенского округа, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 г. (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Кенигсхютте 37 (41); Бейтен 37 (46); Глейвиц 20 (22); Катговиц 17 (19); Хропачов 5; Лаурахютте 11; Мысловиц 9; Руда (9); Немецкий Пекар (6); Оржегов (3); Богушюц 8; Бискупиц 7; Николай (6).

Но в этих общинах, состоящих почти исключительно из рабочих, население год-от-году перемещается, смотря по ценам на уголь и железо и условиям рынка. Польские имена мно-

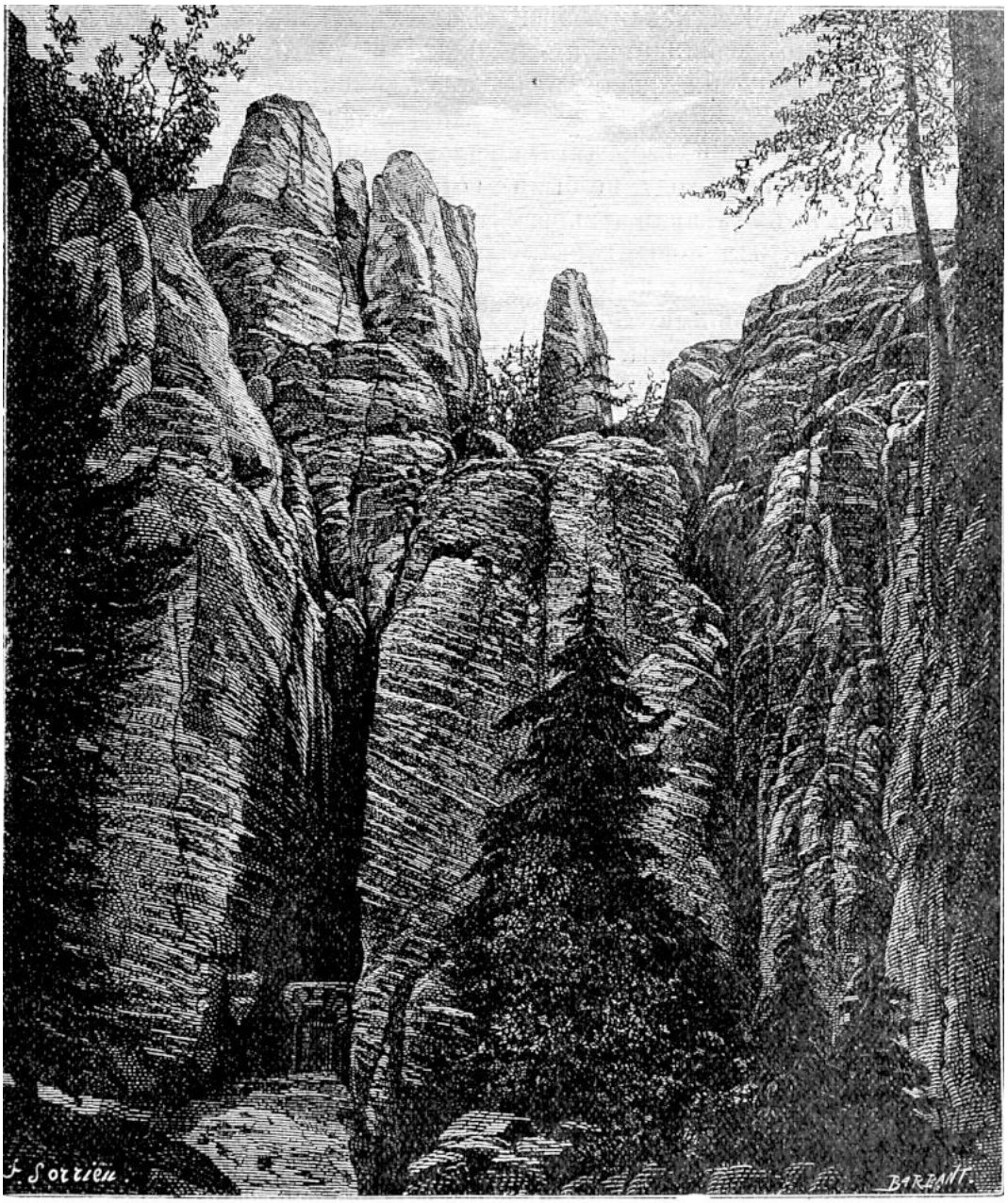
гих городов и местечек этой области Силезии были заменены немецкими названиями. Ратибор (по-польски Рациборж), стоящий на Одере, в том месте, где начинается, в благоприятное время года, судоходство; Леобшютц, окруженный амфитеатром живописных холмов; Нейштадт, где шумит вода горных ручьев; Оппельн (по-польски Ополе), через который протекает Одер, отражающий в своих водах деревья, растущие на его островах, и многие другие города, хотя лежащие вне главной каменноугольной области, тоже принимают участие в её промышленной деятельности, и мы находим там всякого рода фабрики и заводы для выплавки руд, производства стекла, прядения и тканья материй. Река Нейса, большой приток Одера, собирающий свои первые воды в одной котловине Судетов, окруженной со всех сторон горами и холмами, также омывает территорию многих городов. В самом центре этого обширного амфитеатра гор находится город Глац (по-чешски Кладско), окруженный укреплениями, откуда прусская армия может, в случае надобности, через несколько часов вторгнуться в Богемию или в Моравию. Нейроде, стоящий при ручье, вытекающем из гор Эйленгебирге, имеет, как и предыдущий город, прядильные и ткацкия фабрики. Франкенштейн замечателен находящеюся вблизи его знаменитою, хотя и бесполезною, крепостью Зильберберг, отчасти иссеченной в вершине скалы и совершенно неодолимой. Пачкау, на Нейсе, важен как промышленный город; но самый деятельный город бассейна—тот, который носит имя самой реки (Нейсе), и который находится уже в равнине, ниже слияния Нейсе с Белою. Это сильно укрепленный пункт, и гарнизон его легко может, в случае надобности, наводнить все окрестности.

Ниже слияния с Нейсою, Одер, увеличившийся почти вдвое, принимает справа реку Штобер, которая, недалеко от своего истока, проходит через город Крейцбург. Далее, Одер протекает мимо Брига (по-польски Бржег), родины Отфрида Мюллера, и близ города Олавы (по-немецки Олау) подходит к реке того же имени, воды которой, берущие начало в горах Эйленгебирге, орошают территорию городов Мюнстерберг и Стрелен. Деревни попадаются все чаще и чаще и, наконец, соединяются в длинные улицы: мы вступаем в Бреславль, столицу Силезии и третий город Германской империи по числу жителей.

Бреславль, древняя «Вратислава» славян (по-польски—Вроцлав), занимает очень выгодное в торговом отношении местоположение на Одере, при впадении в него Олавы (Оле или Олау), почти в географическом центре большой Силезской низменности, которая вдается в виде бухты между Судетами и лесистыми возвышенностями западной Польши. К этому центральному пункту сходятся естественные пути, идущие из долины Дуная, через горные проходы Судетов, и из равнин России, через Днестр и верхний бассейн Вислы. Бреславль был одним из главных рынков Ганзейского союза, и русские, даже татары, приезжали на его ярмарки обменивать свои продукты на фабричные произведения запада. Многочисленные железные дороги, которые теперь соединяются на бреславльской станции, обеспечивают главному городу Силезии сохранение его торгового преобладания; различные каменноугольные бассейны края, области рудных месторождений, так же, как и местности, занимающиеся земледельческою промышленностью, находят в Бреславле естественный рынок для сбыта своих продуктов, и никакой пункт рассматриваемой страны не представляет более благоприятных условий для переработки сырья в разного рода фабрикаты. Бреславль, один из главных складочных мест на континенте Европы для хлебной торговли, есть в то же время, после Берлина, первостепенный центр шерстяной торговли в Германии, хотя относительная важность его по этой последней отрасли торговли уменьшилась в последние сорок лет, с тех пор, как производство шерсти в Силезии сократилось против прежнего, и на первый план выступили южная Африка, Аргентинская республика, Австралия. Промышленные заведения всякого рода, в особенности металлургические заводы, прядильные фабрики, свеклосахарные заводы, фабрики химических продуктов, образуют вокруг Бреславля второй город, который постоянно расширяется и все далее захватывает окружающие поля вдоль больших дорог.

Старые городские укрепления, взорванные на воздух французами в 1807 году, не были

восстановлены, и теперь их заменили прекрасные бульвары. Некоторые из новых кварталов, выстроившиеся вдоль этих аллей, могут поспорить с красивейшими городами Германии: колоннады, резные балконы, скульптурные группы из мрамора и бронзы, цветы и деревья, украшающие эти кварталы, составляют приятный контраст с закоптелыми громадами фабрик и заводов, которые дымятся за городскою чертою. Старый город тоже имеет довольно красивый вид: главная площадь (Ring) его есть бесспорно замечательнейшая из площадей, завещанных славянами германцам; городская ратуша, построенная в четырнадцатом столетии, отличается очень оригинальною архитектурою: она увенчана высокою каланчою или



Фельзенштадскій проходъ въ Богеміи.

дозорною башнею и украшена резными орнаментами, гербами и фресками; готический собор, сооружение которого относится к концу двенадцатого века, есть один из любопытнейших памятников той эпохи. Бреславль, родина нескольких знаменитых людей, как-то: математика Вольфа, философа Шлейермахера, публициста Генца, живописца Лессинга, Лассаля —замечателен как один из центров умственного движения и научной деятельности. Университет его (Леопольдинский), основанный в 1702 году иезуитами, как католическая главная школа, сделался с 1811 года полным высшим учебным заведением, вследствие присоединения к нему кафедр упраздненного университета во Франкфурте на Одере; он обладает

многочисленными коллекциями и драгоценною библиотекою. В 1892-93 году в Бреславльском университете числились 142 профессора и 1.252 студента, а библиотека его состояла из 300.000 томов. Городская публичная библиотека тоже очень богата: в 1877 году она содержала около 200.000 томов. В окрестностях Бреславля, в 7 километрах к северо-востоку от города, находится знаменитый Гундсфельд (Собачье поле), где немцы, под предводительством императора Генриха V, были изрублены в куски польским королем Болеславом III, в 1109 году.

В небольшом расстоянии ниже Бреславля три реки впадают в Одер—справа Вейда, слева Лоэ и Вейстриц (по-польски Выстржица), долины которых сходятся по направлению к Одеру. Города бассейна первого из этих притоков, Вейды, Эльс, Намслау, имеют некоторую важность, но население сгруппировалось в более многочисленные и более значительные города в южных долинах, у подножия гор Эйленгебирге и других разветвлений Судетов, вокруг каменноугольных залежей, которые разрабатываются уже около ста лет. Хотя эти пласты минерального топлива, общая толщина которых местами доходит до 33 метров, далеко не имеют такого обширного протяжения, как верхне-силезские залежи, тем не менее ценность их в общей экономии Пруссии весьма значительна, и вокруг копей сгруппировано множество фабрик и заводов.

Самый многолюдный город этого каменноугольного округа, Швейдниц, древнего происхождения, имеет фабрики всякого рода, но он славится в особенности своими перчатками, которые отправляются даже за пределы Германии, в Россию и в Голландию. Вальденбург, лежащий в центре бассейна, известен главным образом своими фаянсовыми и фарфоровыми изделиями. Все большие общины края, Рейхенбах, Лангенбилау, Диттерсбах, Альтвассер, Готтесберг, Нидер-Гермсдорф, Вейсштейн, Фрейбург, Стригау, отличаются каким-нибудь специальным промышленным производством, рынком для которого служит Бреславль. Но эта область копей и мануфактур есть в то же время страна экскурсий и летнего пребывания; больные и досужие люди приезжают сюда в большом числе, или за тем, чтобы пользоваться минеральными водами в городах Альтвассер, Обер-Зальцбрунн, Шарлоттенбрунн, или затем, чтобы посетить живописные местности в окружающих горах, Исполиновы горы, группы Эйленгебирге, Гейшейр, то поднимающиеся в виде высоких вершин, то продолжающиеся своими хребтами в кажущемся беспорядке, соединяются одни с другими посредством неправильных гребней, усеянных зубчатыми скалами, перерезанных тесными ущельями, поросших лесами; вообще пейзажи разнообразны до бесконечности в этих горных цепях, составляющих границу края со стороны Богемии. Там есть даже так называемый «каменный город», Felsenstadt:—группы иссеченных самою природою обелисков и пирамид, лабиринты камней, по которым ходишь словно по улицам какого-то покинутого города.

Важный город Лигниц находится не на берегу Одера,—главной реки Силезии; он представляет одну из естественных станций на дороге, которая во все времена шла вдоль основания возвышенных земель, из Бреславльской низменности в Лейпцигскую равнину: тотчас же за Бреславлем, на западе от него, эта дорога, параллельно которой теперь проведен рельсовый путь, удаляется от Одера, и через город Неймаркт направляется к Лигницу. Тут проходили как торговые караваны, так и армии, и эта местность прославилась в истории многочисленными битвами, происходившими в ней в разные времена; между прочим, здесь происходила битва 1241 года, в которой было сокрушено могущество монголов. Две башни аббатства Вальштат, лежащего в восьми километрах к юго-востоку от города, указывают место, где сразились армии. Лигниц,—родина знаменитого метеоролога Дове,—очень промышленный и деятельный город; он имеет многочисленные фабрики, так же, как его соседи Яуер, Гольдберг, Гайнау, но специальный его промысел составляет культура овощей, декоративных растений и фруктовых деревь. Лигниц—один из центров огородничества в Германии.

Ниже Бреславля, первый значительный город на берегах Одера—Глогау или Грос-Глогау, крепость, наблюдающая на юге за польским населением Познани. Глогау замечателен,

между прочим, как один из городов Германии, где издаются карты и сочинения по географии. Недалеко от этого города с Одером соединяется болотистая река Барч (по-польски Барыча), разделенная на бесчисленное множество рукавов, в роде тех, которыми перерезан Шпревальд и так называемый «Польский ров», водоотводный канал, проведенный из болот, некогда окружавших реку Обру. В этой области силезской Польши главные города: Кротошин и Равич, где очень много евреев; Лешно (по-немецки Лисса), наследственное владение рода Лещинских, у которых нашли убежище протестанты, изгнанные, в шестнадцатом столетии, из Богемии, Силезии, Австрии, которые, взамен оказанного им гостеприимства, принесли в край свои технические знания и основали в городе различные фабрики, суконные, полотняные, канатные; Всхова (по-немецки Фрауштадт), окруженный дюнами, на которых там и сям виднеются ветряные мельницы.

Нейзальц и Грюнберг, богатые виноградниками, которые производят ликер, прославившийся своим терпким вкусом,—последние силезские города на берегах Одера; Цюллихау и Швибус, лежащие в боковых долинах, и Кросно (по-немецки Кроссен), построенный на Одере, находятся уже в провинции Бранденбург; но река Бобер, впадающая в Одер у Кросно, и западная Нейса, соединяющаяся с Одером несколько ниже этого города, проходят в своем течении через многие города, принадлежащие еще к Силезии. Так, в долине Бобера следуют один за другим: живописный Лансгут, Гиршберг, славящийся своими фабриками «турецких» ковров, которые идут даже в Америку; Вармбрунн, город с минеральными водами и исходный пункт при восхождениях на вершины Исполиновых гор; Левенберг, Бунцлау, Шпроттау, окруженный деревнями, из которых каждая представляет лишь одну длинную улицу, Жегань (по-немецки Саган или Заган); город Лаубан лежит на одном из притоков этой реки, а Горлиц (по-славянски Solerz)—на Нейсе. Этот последний город, одна часть которого носит название вендского квартала, занимает, по числу жителей, второе место между населенными пунктами Силезии; подобно Лигницу, он пользуется, в отношении географического положения, тою выгодою, что находится на естественном пути, который идет вдоль основания гор, из Польши в Тюрингию, и притом как-раз в том месте, где этот пункт пересекается низменностью, соединяющею равнину Одера с равниною верхней Эльбы, на западе от цепи Исполиновых гор: достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что в этой точке пересечения дорог должен был возникнуть важный город. Герлиц—родина известного мистика Якова Беме. В окрестностях его видны еще остатки каких-то древних укреплений, круговых оград и так называемых «тунских могил».

Главные города Силезии (исключая городов Бейтенского каменноугольного бассейна), с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках цифра населения в 1895 года):

Бреславль—335 (368); Герлиц—62 (68); Лигниц—47 (50); Швейдниц—26 (26); Нейсе—22 (23); Глогау—21 (21); Ратибор (Рациборж)—21 (22); Бриг (Бржег)—20 (21); Гиршберг—16 (17); Лангенбилау (4 общины)—16 (17); Глац (Кладско)—14; Нейштадт—18 (19); Оппельн (Ополе)—19 (22); Грюнберг—16 (18); Леобшюц—13; Вальденбург—14; Стригау—12; Жегань (Саган)—13; Яуер—12; Лаубан—12; Бунцлау—13; Эльс—10; Фрейбург—9; Альтвассер—10; Франкенштейн—8; Рейхенбах—(14).

Главную промышленность западной Силезии составляет фабрикация тканей, преимущественно полотен и сукон. Города смежной области в Бранденбурге: Зорау, Зоммерфельд, Форст, Губен, так же, как города южной Познани, принимают участие в этой ткацкой промышленности, и их произведения находят сбыт не только во всей Германии, но даже в Америке и на крайнем Востоке. В первом из этих городов, Зорау, в 1875 г. было выделано сукон на сумму 5.625.000 франков, полотен на сумму 9.375.000 франков.

Франкфурт-на-Одере не может равняться ни числом жителей, ни богатством со своим одноименником на берегах Майна; но, тем не менее, он принадлежит к числу важных городов Северной Германии и с каждым годом заметно увеличивается. Промышленность его значительна; его ярмарки, на которые прежде приезжали во множестве поляки и русские обменивать свои продукты на товары промышленной Европы, теперь гораздо менее посещаются

славянскими купцами, но ценность торговых сношений с рынками внутренней Германии не перестает увеличиваться. Франкфурт может быть рассматриваем как пристань Берлина на среднем Одере, и потому его коммерческая деятельность извлекает пользу из постоянного возрастания метрополии. На востоке от столицы он играет почти такую же роль, как Магдебург на западе; но между тем как этот последний город есть в одно и то же время большой рынок и передовая крепость Берлина на берегах Эльбы, Франкфурт исполняет совершенно мирное назначение: в наши дни это город открытый, и существовавшие в нем некогда укрепления давно заменены красивыми домами и бульварами. Город Кюстрин, лежащий севернее Франкфурта, на той же реке, при оконечности низменного, перерезанного каналами, полуострова, образуемого мысом Одера и Варты, служит для Берлина военным прикрытием с востока, по сю сторону Познани. В окрестностях Франкфурта и Кюстрина многие места замечательны по происходившим в соседстве их битвам; так, здесь находятся деревни Цорндорф, где Фридрих II одержал победу над русскими в 1758 году, и Куннерсдорф, где он был разбит на голову в следующем году, так что считал себя окончательно погибшим.

Река Варта почти равна Одеру, если не обилием вод, то по крайней мере длиною своего течения: но она орошает область гораздо менее богатую в отношении развития земледелия и промышленности,—область, где многолюдные общины встречаются очень редко. В бассейне её южного притока, Просны, которая составляет границу между прусскою Польшею и Царством Польским, следуют один за другим небольшие города: Кемпно (по-немецки Кемпен), Острово, Плешев (Плешен); далее встречаем город Шрем (Шрим), лежащий в главной долине, на берегах Варты; вблизи соседнего городка, Курника, находится старинный замок, памятник четырнадцатого столетия, обладающий очень богатою библиотекою. Познань, столица великого герцогства Познанского, тоже стоит на Варте, которая судоходна только для маленьких судов. В наши дни более немецкий, чем польский город, Познань не имеет той важности, какую имела в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, когда ярмарки её посещались купцами, приезжавшими из России. В те времена население города, как говорят, доходило до 75.000 душ; но войны, иноземное нашествие, завоевание обратили его почти в пустыню: всего каких-нибудь пять тысяч жителей оставалось в обширном пространстве, занимаемом городом, когда Пруссия учредила там местопребывание своей администрации в присоединенной Польше. В настоящее время город Познань важен преимущественно как складочное место для земледельческих произведений края; вместе с тем он имеет первостепенное значение с военной точки зрения, так как это сильная крепость, защищающая немецкую границу на западе от Варшавы. Между достопримечательностями города заслуживают внимания музей графов Мельжинских, драгоценная библиотека Рачинских и библиотека общества друзей науки. В Познанском кафедральном соборе замечательны гробницы древних королей Польши и прекрасная капелла в византийском стиле. На северо-востоке от Познани, в области озер и лесов, находится «священный» город Гнезно (по-немецки Гнезен), который легенда, основанная на сомнительной этимологии, называет «гнездом», откуда вылетел белый орел, представляющий польский национальный герб. Имя города, происходящее от слова knez, kniaz (князь), означает «княжеский или стольный город»[1], и, действительно, Гнезно долгое время был столицею Польши, до 1320 года он был местом коронования польских королей.

Ниже Познани, Варта, поворачивающая мало-по-малу в западном направлении, принимает в себя приток Велну, омывающий стены городка Рогожно (по-немецки Рогазен), затем, на пространстве 100 слишком километров, орошает лишь территории незначительных местечек. За городом Скверженой (по-немецки Шверин), она вступает в пределы провинции Бранденбург и проходит через промышленный город Ландсберг. Здесь Варта течет уже усиленная водами реки Нотеца (по-немецки Нетце), которая и сама, ниже городка Накло (по-немецки Накель), на протяжении около 200 километров, не касается ни одного города с населением свыше 4.000 душ, но которая на померанском склоне своего бассейна заключает

1 Альбин Кон;—Садовский, „Торговые пути греков и римлян”

две большие городские общины—Шнейдемюль и Дейтш-Кроне. К западу от Ландсберга страна делается гуще населенною; на севере от Варты, в области, известной под именем Нейморка или «Новой мархии», главные города—Фридеберг, Сольдин, Арснвальде, Кёнигсберг, родина Адальберта Куна, а на юге—Циленциг, Дроссен, Зонненбург.

По окраине высоких берегов, господствующих над болотистыми, но очень плодородными равнинами Одербруха, встречаем города Врицен, Фрейенвальде, Нейштадт-Эберсвальде, которые отчасти обязаны своим относительным многолюдством и оживленною деятельностью соседству Берлина. На севере от низменности, по которой идет канал Финов, город Ангермюнде тоже расположен на западной террасе, но далеко от реки. Шведт, более важный город, стоит на левом берегу Одера; Грейфенгаген, лежащий уже в соседстве со Штеттином находится на правом берегу реки Реглиц, восточного рукава Одера.

Штетин, главный порт нижнего Одера и важнейший приморский город Пруссии в собственном смысле, расположен на западной стороне дельты этой реки, опираясь о скат плато, откуда видны расстилающиеся внизу болотистые пространства, извилистые воды Одера и аллювиальные косы, выступающие далеко в озеро Дамше-Зее, остаток древнего залива. Штетин служит портом Берлина на Балтике, подобно тому, как Гамбург может считаться портом его на Северном море; но первый имеет в этом отношении то преимущество, что он вдвое ближе к столице, чем вольный город Ганзы. Коммерческий флот Штетина: 118 парусных судов и 80 пароходов; общая вместимость тех и других 41.675 тонн.

Движение судоходства в Штетинском порте в 1895 году:

В приходе: 4.129 судов, вместимостью 1.335.664 тонн; в отходе: 1.163 судов, вместимостью 1.339.363 тонн; всего 8.292 груженых судов вместимостью 2.674.927 тонн.

Движение судоходства в порте Свинемюнде в 1894 году:

В приходе: 606 морских судов, вместимостью 303.103 тонн; в отходе: 601 морских судов, вместимостью 296.960 тонн; всего 1.207 морских судов, вместимостью 600.063 тонн.

Благодаря своему счастливому географическому положению, Штетин быстро увеличивается; но расширению его мешают окружающие его укрепления, и многие промышленные кварталы принуждены были расположиться в некотором расстоянии от городских стен с южной и с северной сторон, на внешних скатах плато. Одно только предместье заключено в городской черте—это Ластади, или «город баласта», построенный, по другую сторону Одера, на топкой земле, укрепление которой потребовало больших трудов и расходов. Чтобы устроить сообщение с городом Дамм, лежащим на востоке от дельты, принуждены были сделать насыпь в несколько верст длиною. По всей вероятности, форты Штетина скоро будут перенесены на другое место, чтобы дать больше простора распространению города. Впрочем, хотя и запертый укреплениями, Штетин довольно хорошо построен. В замке, образующем одну из сторон главной городской площади, родилась императрица Екатерина II.

Как промышленный центр, Штетин занимает одно из первых мест между городами Германии; он имеет кораблестроительные верфи, фабрики локомотивов и машин всякого рода; другие его фабричные заведения производят цемент, глиняную посуду, печи, стеарин, мыло, свекловичный сахар; кроме того, здесь есть водочные и пивоваренные заводы и большие мельницы, перемалывающие зерновой хлеб в огромных количествах. Суда, сидящие в воде не глубже 5 метров, могут подниматься до самого Штетина, выгружать привезенные продукты или товары в склады и брать новый груз на набережной. Пароходы, отправляющиеся в балтийские порты, в некоторые портовые города Англии и даже в Нью-Йорк, отходят из городской гавани; но самые большие суда должны останавливаться в Свинемюнде, передовом порте Штетина и его главной станции морских купален. Города Воллин и Каммин, на Дивенове, восточном протоке Большого гафа, тоже могут быть рассматриваемы, как маленькия передовые гавани Штетина. Воллин или Юлин есть древняя славянская Винета (или Венета, то-есть «город венедов»), о которой летописец Адам Бременский говорит, во второй половине одиннадцатого века, что это «по истине величайший из всех городов Европы». Каково бы ни было истинное его значение между европейскими городами того времени, уцелевшие

следы городских стен и других строений несомненно свидетельствуют, что прежде Воллин занимал в тридцать раз более значительное пространство, чем в наши дни; в нем найдены, между прочим, арабские монеты в большом количестве[1].

На востоке от Штетина несколько рек изливают свои воды в Большой гаф. Одна из них орошает хлебородные поля, окружающие город Старгарт, который некогда был членом Ганзы, и город Гольнов, до которого свободно могут подниматься пароходы. Гольнов тоже принадлежал к Ганзейскому союзу.

Важнейшие города бассейна Одера, на севере от Силезии, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 г. (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Великое герцогство Познанское: Познань 70 (71); Гнезно 18 (20); Равич 12 (12); Лешно (Лисса) 13; Шнейдемюль 14 (16); Острово (10); Кротошин 11; Всхова (Фрауштадт) 7; Плешев (Плешен) (6); Кемпно (Кемпен) 5; Накло (Накель) 7; Рогожно (Рогазен) (5).

Бранденбург: Франкфурт-на-Одере 56 (57); Губен 29 (31); Ландсберг 28 (30); Форст 24 (28); Зорау 14; Кюстрин 17 (18); Зоммерфельд 11; Нейштадт-Эберсвальде 16 (19); Шведт (10); Швибус (8); Арнсвальде 8; Кросно (Кроссен) 7; Ангермюнде 7; Кёнигсберг (в Неймарке) 6; Фрейенвальде-на-Одере 7; Фридеберг 6.

Померания: Штетин 116 (132); Старгард 24 (25); Свинемюнде 9; Гольнов 8; Пириц (8); Грейфенгаген 7.

Западная Пруссия: Дейтш-Кроне 7.

Морской склон восточно-померанской плоской возвышенности не благоприятствовал возникновению значительных городов. Берег, обращенный к северо-западным ветрам, опасен для судов и не представляет для них надежного, хорошо защищенного убежища; реки, устья которых служат портами, отчасти заграждены при входе песчаными мелями, да и течение их слишком коротко для того, чтобы на них могли основаться важные рынки; наконец, и плодородные местности встречаются редко; климат там суровый, и посевы медленно зреют. Несмотря на то, постоянно увеличивающееся заселение края и успехи местной промышленности способствовали, совокупно с административною централизациею, превращению незначительных местечек в настоящие города. Шифельбейн, Лабес, Регенвальде, Грейфенберг, Трептов—главные города области, через которую протекает река Рега, между Штетином и Кольбергом (Колобржег); этот последний город, лежащий при устье реки Персанте, и Кеслин или Цеслин, близ прибрежного озера или лагуны Ямунд, тоже достигли значительной степени благосостояния; Рюгенвальде, при устье реки Виппер, которая перед тем протекает через городок Шлаве и его округ, есть самый оживленный и наиболее торговый порт на всем этом побережье; Штольп или Штольпе, стоящий на реке того же имени, замечателен как самый многолюдный город восточной Померании; Белгард, древний Бялыгрод или Белгород славянских поморов, сохранил до сих пор свое относительно важное значение между городами внутренней части края; Драмбург, Новый Штетин стоят на водораздельном кряже между скатом прибрежья и скатом, обращенным к Варте; наконец, на востоке встречаем город Лауенбург, лежащий уже в круге притяжения Данцига.

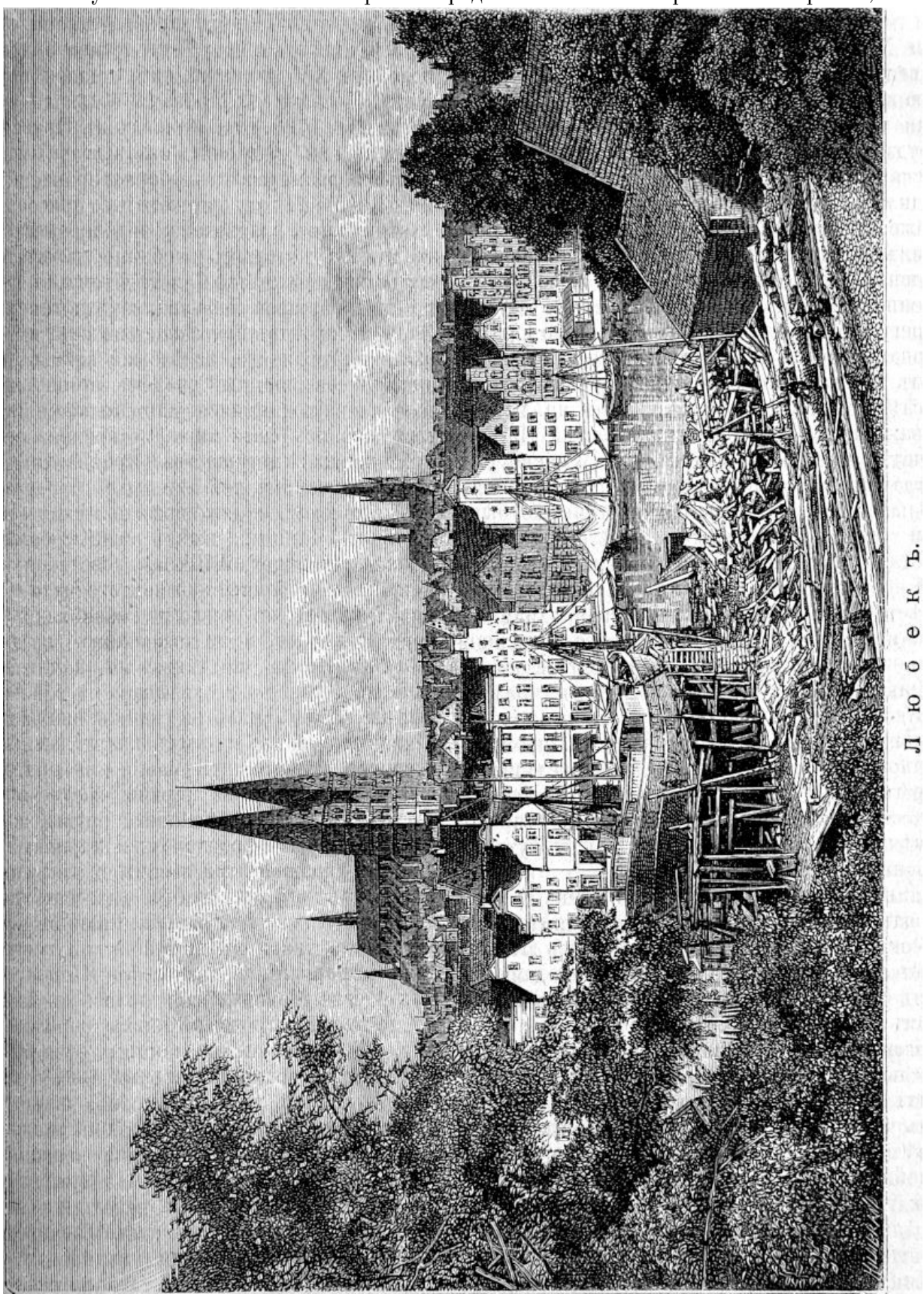
Значительнейшие города восточной Померании, между Одером и Вислою, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Штольп (Штольпе) 24 (25); Кеслин (Цеслин) 18 (18); Кольберг (Колобржег) 17 (17); Лауенбург 8; Бельгард (Белград) 7; Грейфенберг 5.

Торн, древний Торунь поляков, стоит на правом берегу Вислы, в том месте, где эта великая река вступает на территорию нынешней Пруссии; его старый деревянный мост, недавно сгоревший, был единственный постоянный мост на нижнем течении Вислы; теперь Торн имеет великолепный железнодорожный путевод, длиною около 800 метров, один из самых длинных мостов, построенных через могучую реку. Торн был театром одного из чудовищных преступлений, внушенных религиозною ненавистью,—театром избиения протестантов в

1 Шафарик;—Руд. Вихров и др.

1724 году; но этот город имеет и другие, более светлые, исторические воспоминания: на одном из его домов начертано имя одного из тех гениев, которым человечество наиболее обязано своим умственным величием: Торн есть родина польского астронома Коперника, «terrae



Л ю б е к ъ.

motor, solis stator» («двинувшего землю и остановившего солнце»). «Царица Вислы», как прозвали Торн, не играет, как прежде, роли посредника торговых сношений, но как стратегический пункт, наблюдающий за границами русской Польши, он все еще имеет для Герма-

нии первостепенную важность. Река Дрвенца (по-немецки Древенц), впадающая у этого города в Вислу, служит общею границею двух империй в большей части своего течения, между Торном и Страсбургом (по-польски Бродница). На юго-западе, Иноврацлав, бывший главный город польского Палатината, занимает вершину гипсовой скалы, которую недавно пробуравили в окрестностях до глубины 130 метров, где оказались огромные пласты каменной соли Этот город важен, как земледельческий центр Куявии, одной из самых хлебородных областей центральной Европы.

Бромберг (по-польски Быдгощ), самый многолюдный город в бассейне Вислы, между Варшавою и Данцигом (Гданском), стоит не на главной реке, а на её притоке, Браге (Брда), боковой речке, которая захватывает в нижней части своего течения поперечную низменность, где текут Нотец (Нетце), затем Варта, главный приток Одера. Таким образом, Бромберг находится как-раз у оконечности естественного пути, который идет из Магдебурга и Берлина к Висле. Основанный рыцарями Тевтонского ордена, которые вообще умели удачно выбирать местоположение для своих замков, укрепленных и торговых пунктов, Бромберг, благодаря своему счастливому географическому положению, скоро сделался центром очень деятельных торговых сношений; особенно в четырнадцатом столетии он пользовался большим значением, как один из складов хлебного товара, для гданских хлеботорговцев. В новейшее время проходящие через него железные дороги и соединительный канал между бассейнами Вислы и Одера (канал этот проведен из р. Нотец или Нетце в р. Браге или Браа, от города Накло до Бромберга) возвратили ему его прежнюю важность. Кониц, который тоже был одною из крепостей Тевтонского ордена в верхнем бассейне реки Браге, занял видное место между городами Пруссии.

Ниже колена, где Висла принимает в себя приток Браге, она извивается вдоль основания террасы, на которой стоит город Кульм или Хелмно, затем, у городка Свец или Швец, получает новый приток, реку Черную или Шварцвассер, и омывает набережные торгового города Грауденца (по-польски Грудзионж), стоящего на месте древнего языческого города Радзынь, и близ которого находилась крепость, выдержавшая много осад. Ниже встречаем Мариенвердер (Квидзынь), один из древнейших городов Тевтонского ордена, расположенный вокруг своей укрепленной церкви; он построен не на самом берегу Вислы, но на скатах высокого или нагорного берега, господствующего, на западе, над аллювиальною равниною реки. Вскоре после того, могучий поток делится на два рукава: меньший из них, называемый Ногат, течет на северо-восток к Мариенбургу, тогда как главный, известный под именем Большой Вислы, ударяется о массивные быки или устои диршауского железнодорожного моста, одного из колоссальнейших сооружений новых времен; этот громадный путевод имеет шесть пролетов, а общая длина его 837 метров. Город Диршау, хотя зависящий от округа, в котором на степень главного административного пункта возведен городок Прусский Старгард, быстро увеличивается в отношении числа жителей и развития промышленной деятельности; благодаря железным дорогам, которые сходятся на его станции, он сделался фабричным городом. Диршау замечателен как родина известного путешественника Рейнгольда Форстера.

Данциг, по-польски Гданск. очень древний город, стоит при устье Вислы, опираясь на высокие холмы, у основания которых расстилаются равнины речной дельты, и с давних пор служит естественным складочным местом для товаров, составляющих предмет торговых сношений между областью низовья Вислы и заморскими странами. С окружающих гор данцигские жители могут обозревать часть своей территории, извилистые воды могучей реки, блистающие там и сям среди зелени деревни, группы домов, рассеянные между деревьями, правильную цепь дюн, которая тянется на северо-востоке в виде бесконечной кривой, и по ту сторону залива, усеянного судами, длинный белый полуостров или косу Гола. «Вид Данцигского залива—говорят жители—один из семи первых видов в свете». И точно, вид этот необыкновенно красив, особенно с лесистых высот, обрамляющих его на западе. На одной из этих возвышенностей находится древнее аббатство Олива, прославившееся своею знаме-

нитою хроникою, которая составляет один из драгоценнейших письменных памятников для местной истории.

Именно по причине своей важности, Данциг испытал много превратностей судьбы. После отделения от Тевтонского ордена, в половине XV столетия, он отдался под защиту Польши, на правах вольного города, затем в 1793 году отошел к Пруссии, потом в 1807 году опять стал вольным городом, с французским губернатором, и, наконец, в 1814 году окончательно присоединен к прусским владениям. Он перенес много осад, из которых особенно замечательны осады, выдержанные Калькрейтом, в 1807 г., против маршала Лефевра, затем генералом Раппом против пруссаков в 1812 и 1813 г.: часто торговля его, вследствие войны, приходила в совершенный упадок, но он каждый раз снова поднимался, как только населению возвращались блага мира. Во времена его республиканского могущества и процветания, когда он был одним из главных городов Ганзейского союза, и даже под польским владычеством, Данциг имел свои собственные законы (Danziger Willkur), собственную монету, свои особенные обычаи; это была «Северная Венеция», не только по каналам, которые пересекают ее, и по строениям, воздвигнутым на сваях, но также по значительному влиянию, которое она оказывала, на все окрестные населения. От этой славной эпохи город сохранил еще во многих кварталах многочисленные здания, придающие ему оригинальный вид: старинные церкви, средневековая ратуша с дозорною башнею, биржа, высокие дома с резными фронтонами и широкими лестницами, украшенными львами и другими статуями, из которых многие вывезены из Венеции и других мест Италии. Филипп Клювье, один из творцов исторической географии, физик Фаренгейт, философ Шопенгауэр, живописец Мейергейм родились в Данциге.

Один из островов старого города, окруженный рукавами медленно текущей реки Мотлавы, которая впадает в Вислу за чертою укреплений, застроен колоссальными хлебными амбарами в шесть и семь этажей; в этих-то громадах помещается большая часть богатства Данцига. Прежде из боязни пожаров, ни надзиратели, ни работники никогда не оставались на этом острове в ночное время; там никогда не зажигали никакого огня, ни даже лампы; мосты через Мотлаву вечером запирались, и свирепые цепные собаки бродили на воле вокруг амбаров. Вообще хлебная торговля во все времена была главным источником обогащения для жителей Данцига. С наступлением весны начинается подвоз к порту хлебного товара из внутренних местностей. По различным судоходным рекам бассейна Вислы, немецкой, польской, даже галицийской, спускаются плоскодонные суда, нагруженные хлебом, которые иногда употребляют целые месяцы на плавание по течению главной реки; если лето жаркое и сырое, то зерно нередко пускает ростки в поверхностном слое, что придает баркам вид плавучих лугов. По прибытии к месту назначения, экипажи—немецкие, польские или русинские —этих флотилий выбрасывают в реку попорченное зерно, выгружают свои ладьи, затем рубят их на дрова и возвращаются пешком на родину[1]. Но, понятно, этот первобытный способ перевозки должен исчезнуть рано или поздно; пароходы и железные дороги, заменяющие прежния барки, привозят зерно в лучшем состоянии и тем самым дают возможность негоциантам скорее и выгоднее сбывать товар. В последние годы эта отрасль торговых сношений Данцига стала даже уменьшаться, потому что рельсовые пути отчасти дали хлебной торговле более западное направление; в 1862 г. он вывез слишком 300.000 тонн хлеба, а десять лет спустя уже только треть этого количества.

Но город, который прежде был вторым приморским портом Германии, а теперь сделался уже только пятым, сохраняет еще важное значение по торговле лесом, которого он отправляет ежегодно на сумму около 30 миллионов франков. Кроме того, он ввозит в большом количестве колониальные товары, мелкие железные и медные изделия, каменный уголь, в обмен на продукты, отправляемые им в английские порты, с которыми его судохозяева ведут наиболее обширные сношения.

Торговый флот Данцига в 1892 году состоял из 45 парусных судов и 36 пароходов, общей

1 Антов ф. Этцель, „Die Ostsee und ihre Kustenlander".

вместимостью 31.096 тонн.

Обороты морской торговля в 1891 г.:

Привоз—на сумму $62^1/_4$ миллионов марок, вывоз—на сумму $109^1/_2$ миллионов марок. Движение судоходства: в приходе 1.836 судов, вместимостью 640.032 тонн; в отходе 1.831 судно, вместимостью 634.117 тонн.

Промышленность Данцига возрастает с каждым годом; фабрики суконные, бумажные, химических продуктов, водочные заводы, приготовляющие знаменитые данцигские ликеры, мастерские машин, верфи всякого рода все более и более увеличивают пояс предместий за чертою городских валов.

Старинный город Мариенбург (Мальборг), стоящий на правом берегу Малой Вислы или Ногата, никогда не имел такого важного торгового значения, как Данциг, но зато он был столицею обширного владения, границы которого беспрестанно менялись, смотря по результатам бесконечных войн. Тевтонский орден, владевший этою державою, в 1400 г., в эпоху своего наибольшего могущества и процветания, насчитывал в своей среде более 3.000 рыцарей и слишком 6.000 оруженосцев, не считая армий из крестьян, и имел 55 городов, 48 крепких замков, 18.368 сел и деревень. Орденская крепость, бывшая в то же время церковью и дворцом, и теперь еще господствует над городом своею громадною массою. Эта мариенбургская крепость-монастырь, несмотря на свой мрачный и грозный вид, по некоторым из её зал может быть причислена к лучшим зданиям готической архитектуры в Германии; особенно замечательна аудиенц-зала, свод которой держится на одной колонне. Орнаменты дворца принадлежат к разнообразнейшим стилям, что объясняется участием в постройке рыцарей-зодчих, пришедших из всех частей Германии; но общий вид отличается замечательною гармониею. Впрочем, в новейшее время пришлось реставрировать почти всю внутренность здания, которая была повреждена и обезображена всякими манерами, особенно в первый период прусской оккупации, с 1772 по 1804 год[1]. Мариенбург имеет еще другой памятник внушительного вида: это—прекрасный железно-дорожный мост о двух пролетах, перекинутый через Ногат.

Эльбинг, древний Трузо,—чисто немецкий город; основанный в 1237 году, среди славянских племен и боруссов или пруссов, он получил своих первых обитателей из Любека и Мейсена; сделавшись, два века спустя, маленькою республикою под протекторатом Польши, он называл себя соперником Данцига. И, действительно, местоположение его имеет много сходства с географическим положением Данцига; подобно городу, с которым он часто враждовал, Эльбинг стоит в одном из нижних углов аллювиальной равнины, не на самой Висле, а при соседней боковой реке, носящей одинаковое с ним имя; к несчастию, мелководность его порта не позволяет ему более бороться с «Северною Венециею» в отношении морской торговли. Он принужден был обратиться к промышленности, и теперь в нем существует большое число фабричных заведений всякого рода. Эльбинг—естественный рынок всей озерной области, которая тянется на юго-востоке по направлению к городу Остероде, и которую пересекают каналы, очень полезные для лесной промышленности. На юге от Остероде, у деревни Танненберг, произошла, в 1410 г., решительная битва, сокрушившая могущество Тевтонского ордена: грозная девяностотысячная армия немецких рыцарей была почти совсем истреблена войском польского короля Ягелло или Владислава II. В этой кровопролитной сече пал сам великий магистр, или гросмейстер ордена, с шестьюстами рыцарей и оруженосцев и 40.000 орденских солдат.

Главные города прусской области бассейна Вислы, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Данциг (Гданск) 120 (125); Эльбинг (Эльблонг) 42 (45); Бромберг (Быдгощ) 41 (46); Торн (Торунь) 27 (30); Грауденц (Грудзионж 20 (23); Диршау 12; Кульм (Хелмно) 10; Иноврoцлав 17 (19); Мариенбург (Мальборг) 10; Кониц 10; Мариенвердер (Квидзынь) 9; Остероде (11).

1 P. Бергау, „Das Ordenhaupthaus Marienburg”

Браунсберг, на северо-востоке от Эльбинга, лежит, как и этот последний, близ берегов залива Фришгаф, при судоходной реке Пассарге, по обе стороны которой тянутся превосходно возделанные сады; фарватер его порта недостаточно глубок и потому недоступен для больших судов. Этот город есть главная станция между Эльбингом и столицею Восточной Пруссии, растущим городом Кёнигсбергом, основанным в 1255 г. тевтонскими рыцарями, которые дали ему это имя (Konigsberg—королевская гора) в честь богемского короля Оттокара.

Кёнигсберг (по-польски Кролевец, по-литовски Каралаучиус), состоящий из трех отдельных городов, слившихся в один, сохранил в своем королевском замке кое-какие остатки древней крепости тевтонских рыцарей. Великое имя Канта все еще парит над университетом, где читал свои лекции автор «Критики чистого разума». Под аркой собора, в «Stoa Kantiana», стоит бюст философа, с надписью: «Звездное небо над моей головой, а нравственный закон в моей совести». Кёнигсбергский университет (Collegium Albertinum)—одна из богатейших главных школ Германии, одно из тех высших учебных заведений, которые пользуются наибольшим пособием из прусской государственной казны, хотя по числу слушателей он далеко не из первых между немецкими университетами. В 1882 году в Кёнигсбергском университете числилось 90 профессоров и 876 студентов; библиотека его состояла из 220.000 томов; годовой бюджет университета составлял около 800.000 франков. Кроме того, в этом городе существуют различные ученые общества; но самое многочисленное общество—это торговая корпорация, которой город обязан постройкою биржи и основанием коммерческого училища. Торговая деятельность Кёнигсберга весьма обширна; по размерам, она почти вдвое превосходит торговые обороты Данцига. Глубоко сидящие в воде суда не могут подниматься до самого города, потому что река Прегель не имеет более 3 метров глубины; тем не менее, парусные суда и пароходы толпятся вдоль набережных и в доках. Будучи складочным пунктом для произведений земледельческих и лесных стран, Кёнигсберг отправляет за границу преимущественно лен, пеньку, паклю, лес; здесь же локализировалась торговля янтарем. Многочисленные фабрики и заводы рассеяны в самом городе и во внешних предместьях, вокруг сильных укреплений, которые ставят Кёнигсберг на степень первоклассной крепости. К несчастию, столица Восточной Пруссии есть один из тех городов Германии, где бедность делает наиболее жертв: целая четверть городского населения считает по 6 жителей на комнату; эта скученность является следствием нищеты[1]. Двое из прусских королей, Фридрих I и Вильгельм I, короновались в Кёнигсберге.

Порт Пиллау, лежащий при протоке залива Фришгаф, может быть рассматриваем как предместье или пригород Кёнигсберга, хотя он находится в расстоянии около 40 километров по прямой линии, в западном направлении; почти все суда, приходящие в этот порт с берегов Балтики и океана, нагружены товарами, предназначенными для негоциантов соседнего большого города; Пиллау есть не более, как передовая гавань Кёнигсберга; сам же по себе этот городок не имеет независимого существования. С той поры, как русская железнодорожная сеть соединена с Кёнигсбергом и Пиллау рельсовым путем, торговля этого порта Балтики учетверилась. Так как Пиллау не бывает зимою заперт льдом, как порты Риги, Ревеля, Петербурга, и следовательно в продолжение всего года открыт для судоходства, то это важное преимущество давало ему все шансы сделаться главным местом для отправления морем произведений России. В виду этого, должны были предпринять обширные работы, чтобы увеличить площадь доков; но, с другой стороны, обустройство Либавского порта позволило русским перевести большую часть торгового сообщения на свою территорию.

Движение судоходства в портах кёнигсбергском и пиллаусском в 1893 году:

В Кенигсберге: прибыло 1.320 морских судов, вместимостью 371.719 тонн, в том числе 913 пароходов, вместимостью 336.372 тонны; вышло 1.545 морских судов, вместимостью 451.394 тон., в том числе 1.078 пароходов, вместимостью 411.753 тонны.

Товарное движение в портах и на станциях железных дорог в 1893 году представляло в

1 „Ausland", №72, 1872.

сложности ценность:

По привозу—191.943.863 марок, по вывозу—151.894.359 марок.

В Пиллау: прибыло 370 морских судов, вместимостью 179.700 тонн; вышло 279 морских судов, вместимостью 180.832 тон.

Многие городки и деревни побережья также обязаны своим важным значением городу, стоящему при устьях Прегеля: это станции для морского купанья, рассеянные по берегу моря. Из этих станций жители Кёнигсберга всего более посещают, во время купального сезона, деревню Кранц, расположенную на великолепном пляже Курляндской косы (Курише-Нерунг).

Города, рассеянные на юге от Кёнигсберга, среди лесов и озер, Алленштейн, Гейльсберг, Бартенштейн, Растенбург, замечательны как маленькие рынки для окрестных деревень; Лык, обогащается контрабандой; но торговая жизнь устремилась главным образом на восток, в долину Прегеля, по которой поднимается железная дорога, разветвляющаяся по другую сторону границы,—к Петербургу и Москве; в этой долине следуют один за другим, на прусской территории, города Веллау, Инстербург, Гумбиннен; далее встречаем станцию Эйдкунен, сделавшуюся одним из богатейших местечек края. Форт Бойен, имеющий назначение защищать границу со стороны России, стоит на узком перешейке среди Мазовецкой области: из многочисленных укрепленных мест Германии—это единственная крепость, не заключающая гражданских жителей в своих стенах.

Один важный город лежит на берегу реки Мемеля или Немана, уже в аллювиальной равнине дельты, но выше точки разделения многочисленных рукавов, текущих к заливу Курише-гаф: это Тильзит (по-литовски Тыльжа), вблизи которого возвышается Ромбинус, некогда священная гора литовцев. Тильзит, славящийся ныне своими ярмарками, приобрел в 1807 году всемирную известность, как место подписания трактата, создавшего два новые государства—королевство Вестфалию и герцогство Варшавское, из земель, принадлежавших до того времени Пруссии и России. Две великия битвы подготовили этот трактат: одна при Прейсиш-Эйлау, в 38 километрах к югу от Кёнигсберга, другая при Фридланде на р. Алле, почти в таком же расстоянии на юго-востоке от главного города края.

В узкой полосе прусской территории, продолжающейся на север, между русскими владениями и водами Балтики, Мемель (по-литовски Клайпеда) есть единственный город, заслуживающий этого названия. Расположенный далеко от реки того же имени, при протоке или узком проливе, через который воды Курляндского залива (Курише-гаф) изливаются в Балтийское море, Мемель представляет скорее русский, чем немецкий порт по месту происхождения и месту назначения продуктов, складываемых в его амбарах и перевозимых на его судах. Он отправляет преимущественно лесной товар, привозимый из лесов внутренней части страны (леса вывозятся, ежегодно, на сумму от 20 до 25 миллионов франков), хлеб, лен, пеньку, присылаемые ему земледельцами Литвы и Самогитии. Его заводы, лесопильные и литейные, фабрики машин и искусственных удобрений тоже работают главным образом для жителей соседней империи.

Торговый флот Мемеля в 1893 году: 33 морских судна, в том числе 13 пароходов; общая вместимость: 12.993 тонны.

Движение судоходства в 1893 году: в приходе: 801 морское судно, 229.550 тонн; в отходе: 824 судно, вмест. 234.195 тонн; торговый оборот: 134 миллиона марок.

Тильзит и Мемель замечательны, кроме того, как самые значительные складочные места для контрабандных товаров, которые прусские купцы переправляют, при помощи посредников еврейского племени, через тройной кордон русских таможень. Почти все предметы, принадлежащие к произведениям мануфактурной промышленности, которые вы увидите в русской Литве и Самогитии, пришли через немецкую границу без уплаты таможенной пошлины. Мемель—родина астронома Аргеландера.

На севере от Мемеля тянутся до русской границы низменные земли мало плодородные, покрытые песком и валунами, где растут кучками слабосильные сосны. Деревня Ниммерзат

(ненасытный) есть последняя группа немецких домов, окруженная настоящею пустынею.

Важнейшие города Пруссии, на восточной стороне бассейна Вислы, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 г. (в скобках цифры населения в 1895 г.):

Кёнигсберг (Кролевец) 162 (171); Мемель 19 (20); Тильзит 25 (26); Инстербург 22 (23); Браунсберг 11; Гумбиннен 12; Бартенштейн 6; Алленштейн 19; Растенбург (8); Лык 10.

Глава X Кимврский полуостров

Шлезвиг-Голштейн

Длинный полуостров, отделенный лиманом Эльбы от Ганновера и связанный с Германиею только узенькою полоскою из возвышенных земель, представляет такую местность Европы, которая, по отчетливости её контуров, казалось бы, должна была сделаться областью одного народа. Однако, этот полуостров, слишком удлиненный сравнительно с шириною, разделился между двумя народами—датчанами на севере и немцами на юге; от одной оконечности страны до другой язык, нравы, политические традиции—все различно. Недавно территория, подвластная датскому правительству, заключала значительную часть страны, принадлежащей германским населениям. Но со времени войны 1866 года роли переменились. Теперь Пруссия, овладев Голштейном и южным Шлезвигом, присоединила, сверх того, к своим владениям часть полуострова бесспорно-датскую: не довольствуясь захватом самой плодородной, самой населенной, самой богатой половины страны, она присвоила себе, вместе с тем, сильные стратегические позиции в самом сердце Датского государства. Правда, в силу пятой статьи Пражского трактата, населения датского племени и языка могут вернуться в лоно скандинавского отечества, когда они выразят свою волю посредством свободно произнесенного народного голосования; однако, до сих пор народ еще не был созываем для заявления этого желания, но, в ожидании такого созыва, он не пропускает ни одного случая, чтобы протестовать против навязанного ему режима. К северу от линии Фленсборг—Тондерн, от 80 до 90 процентов голосов, подаваемых на выборах, не оставляют никакого сомнения насчет датского патриотизма жителей.

Пространство и население Шлезвиг-Голштейна:

Пространство 18.903 кв. километра; население в 1895 г.: 1.286.416 жит.; километрическое население 68 жит.

Мекленбургская плоская возвышенность продолжается и в пределах Голштейна, где некоторые из вершин, представляющие прекрасные обсерватории, откуда можно разом видеть два моря—Северное и Балтийское, переходят в высоту за 100 метров; одна из вершин, Бунгсберг, на несколько метров выше шпица колокольни церкви св. Николая в Гамбурге. На севере Голштинии плато совершенно прерывается низменностью, на дне которой течет извилистая река Эйдер, и которая соединяется на востоке, у города Шлезвига, с фиордом реки Шлей, огибая небольшую группу гор Гюттен; но за этою низменностью опять начинается цепь холмов и продолжается даже в пределах датской территории до северной части Ютландии, где она достигает наибольшей высоты.

Различные высоты в Шлезвиг-Голштейне:

Гора Бунгсберг, между Любеком и Килем, 159 метр.; горы Хюттен 110 метр.; Коберг (на севере от Гадерслева) 98 метр.

Самая древняя из встречающихся в этих местах формаций—гипсовые и соляные породы, принадлежащие к слоям магнезистого известняка; но почти на всем своем протяжении страна покрыта новейшими образованиями. Все признаки указывают на то, что Кимврский полуостров принял форму и очертания, которые он теперь имеет, в относительно очень недав-

нюю эпоху геологической истории земного шара.

В то время, как высоты восточной части Голштинии и Шлезвига продолжают собою возвышенности Мекленбурга, земли западной полосы полуострова являются продолжением Фрисландии и нижнего Ганновера. Острова, образующие внешний береговой пояс Шлезвига, напоминают своими дюнами, плоскими песчаными берегами, отмелями, попеременно затопляемыми и выступающими из-под воды, цепь прибрежных островков Голландии и Фрисландии; болотистые пространства, превращенные на западе от Эльбы в замечательно плодородные земли, называемые по-местному Koge, не менее плодоносны и на севере от лимана этой реки; ганноверский гест существует также в Голштинии и Шлезвиге, где этого рода почва известна под именем Ahl; мы встречаем там обширные, поросшие вереском, пустыни, как и в степях Люнебурга; наконец, и моховые или торфяные болота в этой стране тоже очень многочисленны. Некоторые из этих болот могут быть даже рассматриваемы, как тип подобных образований по явлениям вздутия или вспучивания, производимого водою, содержащеюся в скважистой массе мхов; так, например, Дозенския торфяные болота, лежащие во внутренней части Голштинии, близ Неймюнстера, представляют выпуклую поверхность, середина которой на 8 или 9 метров поднимается выше краев, так что с одного берега нельзя видеть ни деревьев, ни домов, находящихся на другом берегу.

Несмотря на малую ширину полуострова, мы замечаем полный контраст между полосою, сопредельною с Балтикою, и полосою, прилегающей к Северному морю. С одной стороны, живописные холмы и прекрасные озера, окруженные лесами, крутые склоны, обращенные к морю, с другой—пологие, неопределенные скаты, болота, вересковые пространства, плоские песчаные берега, продолжающиеся далеко под волнами моря. На востоке—растительность великолепная; на западе «отравленный» ветер моря убивает деревья, или губит их в зародыше, если только рост их не защищен каким-нибудь высоким прикрытием. Контраст также ясно виден и в очертании морских берегов. Берега восточного моря очерчены отчетливо: их выступы или мысы и острова, возвышающиеся в соседстве с побережьем, заливы, проникающие далеко в глубь материка, отличаются смелою, так сказать, законченною формою, как будто борьба стихий давно уже установила их контуры; мы находим там даже настоящие фиорды, в роде норвежских, врезывающиеся в самое сердце страны, и речные наносы не в состоянии были заполнить эти узкие и глубокие заливы: так, фиорд Шлей продолжается, переходя из пролива в пролив, на сорок верст внутрь полуострова. Без сомнения, в период исторических времен произошли некоторые перемены в этом очертании морских берегов; но эта геологическая работа совершилась очень медленно. Напротив того, на западном море, острова, мели, берега твердой земли все имеет неопределенный, изменчивый профиль; волны наводнения столько раз смывали поверхность низменных земель, отлагали такия массы наносов, перемещали такое множество островов и островков, что две стихии—вода и земля—здесь, повидимому, смешиваются между собою—так еще неопределенны их границы. Морской берег представляет недоконченный вид; он постоянно находится в процессе разрушения и обновления. Во всем свете не существует более резкого геологического контраста, чем противоположность, замечаемая между берегами Норвегии и берегами западного Шлезвига, хотя и те и другие обращены к одному и тому же морю, подвержены одним и тем же атмосферным влияниям. Между тем, как скалистые берега Финмарка и Норвегии прочно иссечены фиордами и их лабиринтами каналов, берега, омываемые заливом Эльбы, неопределенны, непостоянны, изменяются в своих очертаниях при каждой буре. Причину этого нужно искать в древних ледниках. Эти замерзшие реки, наполнявшие все бухты западной Скандинавии, сохранили им первоначальную форму; но обломки их, отделявшиеся в виде ледяных гор, были уносимы течениями на южные берега, где они сгладили все выдающиеся точки и засыпали все впадины каменными осколками, принесенными с места отправления. Что касается восточного берега Шлезвиг-Голштинии, то он частию был защищен от напора плавающих льдов полуостровом Сканией и архипелагом Датских островов.

Океаническое побережье Шлезвига, известное под именем Утланда или «внешней зем-

ли», есть одно из тех береговых пространств, которые в исторические времена особенно часто и сильно страдали от вторжения морских вод. Прежде правильный берег Ютландии, как это достоверно известно, продолжался в южном направлении до отмелей Эльбского лимана. Внешний берег острова Сильт и теперь еще указывает линию древнего прибрежья; но позади этого, еще не разрушенного морем, вала, бурные волны разрезали, искромсали берег по всем направлениям; уцелели лишь кое-какие отдельные отрывки прежних земель. По словам легенд, которые, впрочем, повторяются на всех берегах северной Европы, эти обломки континента были некогда отделены от берега только узким рвом или проливом, через который легко было перескочить, став одною ногою на голову коня, введенного на середину воды. Вторжения моря иногда бывали гак сильны, что потопляли целые населения. Кимвры, как говорят, бежали от выступившего из берегов моря, когда начали, две тысячи лет тому назад, свое странствование по Европе, которое привело их к роковому Версейльскому полю. Форхгаммерг полагает, что крупная поверхностная галька, встречающаяся во всей долине реки Эйдер на 20 метрах выше морского уровня, может служить доказательством этого большого наводнения, разлившагося с запада; разлив моря, по мнению других исследователей, достигал восточного берега полуострова, и город Киль большею частию построен на почве, образовавшейся из отложений, оставленных этим разливом[1]. Как бы то ни было, достоверно известно, что так-называемые Watten, обнажающиеся при отливе на пространстве по меньшей мере 220 квадратных километров, были, лет шестьсот тому назад, плодородными и населенными равнинами. Около половины тринадцатого столетия большое наводнение залило деревни и целые острова, и с той эпохи летописи упоминают о многих других потопах. Последняя катастрофа этого рода имела место в 1634 году, когда морские волны смыли многие острова в окрестностях Нордштранда и потопили их обитателей. То, что уцелело от острова, оставалось целые восемнадцать лет в состоянии пустыни, и, наконец, было заселено бельгийскими эмигрантами, пришедшими из окрестностей Мехельна. С той поры наводнения делали еще частые опустошения, поглотили много островков, но общего разрушения берегов не было ни разу. Архипелаг защищен двумя внешними островами, Амрум и Сильт, на которых находится цепь дюн, достигающая в некоторых местах 40 и даже 46 метров высоты; сверх того, несколько скал, принадлежащих к тому же подводному плато, как и скалы Гельголанда, защищают в открытом море глубокие каменные пласты, служащие пьедесталом острову Сильт. Устрицы с соседних мелей очень ценятся в Германии.

Большая часть земель шлезвигского прибрежья были бы давно снесены водою, если бы труд человека не вел неустанной борьбы с разрушительною силою морских волн. Прибрежное население возвело на каждом острове оборонительную ограду, поддерживаемую с внутренней стороны другими искусственными укреплениями. Берег твердой земли, благодаря усилиям человека, покрылся непрерывным рядом плотин и избавился от естественных каналов, дававших доступ морю. Так, полуостров Эйдерштедт, занимавший прежде вдвое большее пространство, был постепенно ассенизирован и защищен от вторжений морских вод плотинами, общая длина которых около 300 километров. Эти плотины, имеющие 8 метров средней высоты и от 6 до 8 метров ширины при основании, были построены после страшного наводнения 1634 года, и с той поры их постоянно укрепляли и подпирали контр-плотинами, чтобы спасти обширные Koge или польдеры и находящиеся на них селения. Только изменчивые островки, известные под именем Halligen, остаются еще в полной власти моря, которое то заливает их отчасти, то увеличивает их площадь наносами песку и ила. Эти ныряющие островки не обведены плотинами, и домики их жителей построены на искусственных горках, которые так малы и так часто орошаются солеными брызгами морских волн, что на них нельзя даже устроить чего-либо в роде сада или огорода, не говоря уже о полях; иногда хижины островитян окружены со всех сторон пеною; мореплаватели, увлекаемые приливом, подходя к такому островку, видят только соломенные крыши, торчащие из желтоватых волн, точно выкидки моря. В часы отлива, эти Halligen окружены тинистыми отмелями, которые

1 Фак, „Die Cimbrische Fluth“; „Mittheilungen des Naturwissenschafilichen Vereins in Kiel“, 1868.

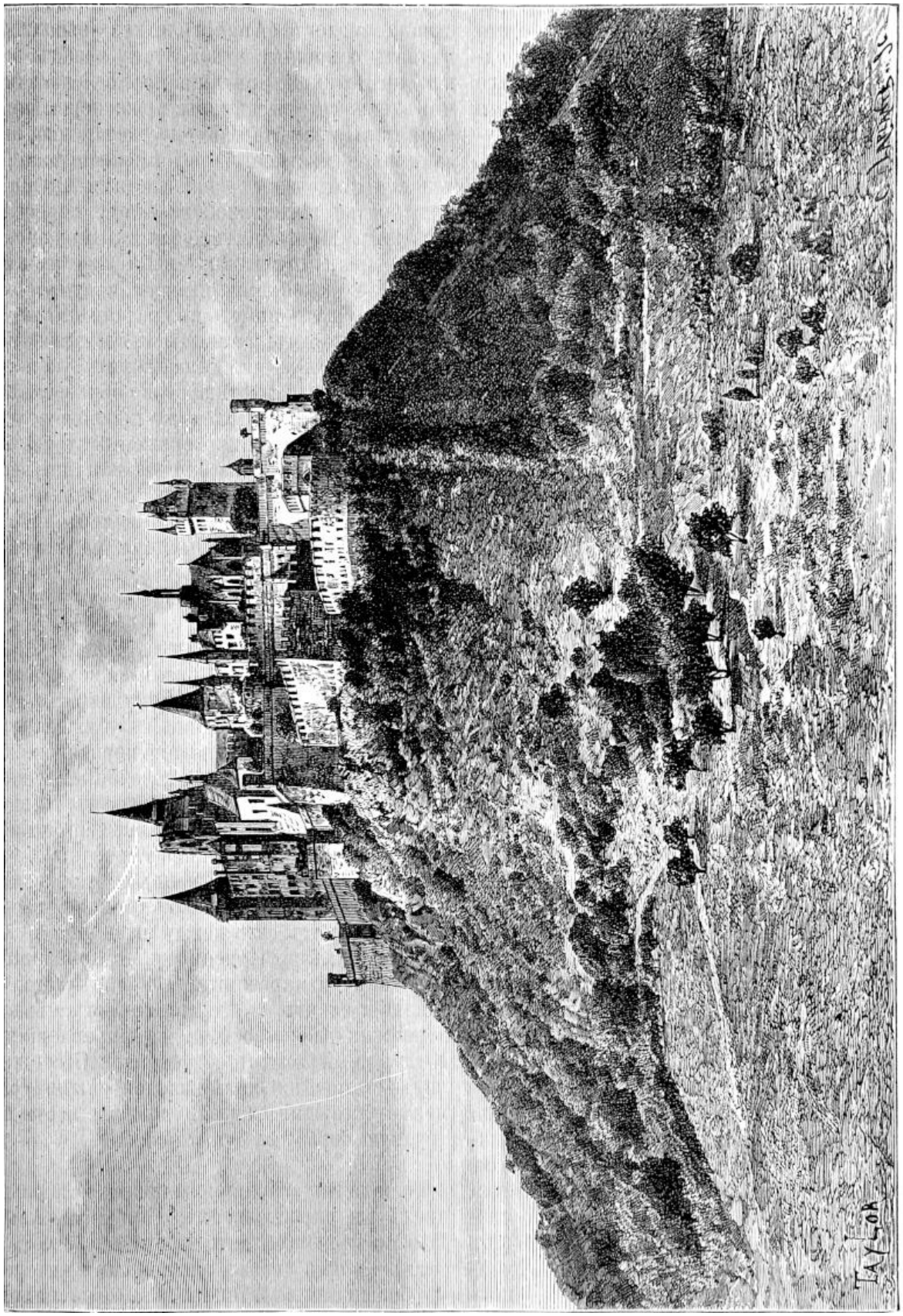
тянутся на необозримое пространство: островитяне с трудом могут разглядеть вдали на горизонте беловатые полоски морских волн, разбивающихся о внешние берега. Даже и тогда переход через ваттены, отделяющие острова от материка, опасно предпринимать без помощи искусного проводника, знающего все пески, все топкия мели, где можно утонуть в вязком и жирном иле; не раз случалось несчастие с самыми опытными «странствователями по топям». Поэтому нет ничего удивительного, что население все более и более покидает Halligen: рано или поздно они совсем опустеют и будут служить разве только для выгона скота, если их не обведут особыми плотинами, или не соединят с сетью плотин соседнего континента. Лет сто назад, насчитывалось около 2.000 лиц, имевших постоянное жительство на этих островах, постоянно осаждаемых морем; теперь же там едва наберется несколько сот постоянных жителей.

Так как водораздельный хребет Шлезвиг-Голштейна мало удален от морского берега, то почти все реки полуострова текут к Гельголандскому заливу, следуя по длинному западному скату: наибольшая часть дождевой воды, приносимой западными ветрами, возвращается в Северное море, откуда она поднялась в виде паров. Но из всех этих параллельных потоков, спускающихся к Фризскому заливу, только один имеет некоторую важность по размерам своего бассейна и по объему жидкой массы: это Эйдер. Эта река, в которой морской прилив поднимается до Рендсбурга, то-есть далее, чем до половины расстояния, отделяющего Северное море от Балтийского, течет по дну низменности, ограничивающей Шлезвиг с южной стороны; один из её притоков, Трене, куда тоже проникает прилив, и которая протекает через обширные болота, остаток древнего озера, принимает в себя приток, берущий начало всего только в пяти километрах от одной маленькой бухты фиорда Шлей. Чтобы преобразовать Шлезвиг и Ютландию в один большой остров, достаточно было прорыть ров, Когрaбен, между заливом и болотами. Позади этого рва вал, длиною около пятнадцати километров, образовал вторую линию обороны: это был знаменитый Данневерк, воздвигнутый в девятом столетии. В войну 1864 года он задержал на некоторое время вторжение прусских войск.

Когрaбен имел некогда для Дании только оборонительное значение, но, кроме того, давно уже возникла мысль о прорытии судоходного канала между двумя морями, Северным и Балтийским. В конце четырнадцатого столетия (с 1380 по 1398 год), Любек впервые устроил путь речного сообщения с Эльбою, через Штеккениц и Дельвенау—реку, впадающую в Эльбу выше Лауэнбурга: эта соединительная река водяного пути существует до сих пор. В следующем столетии Гамбург и Любек установили между собою прямое сообщение посредством канала, соединявшего реки Альстер, Бесте и Траве; но этот канал был завален в 1550 году врагами двух вольных городов. Наконец, в 1784 году от верхняго Эйдера провели к Кильскому заливу искусственную реку, с шестью рядами шлюзов. Таким образом, судоходный путь, глубиною около трех с половиною метров (средняя глубина), соединял два названные моря, избавляя небольшие суда от необходимости делать обход в 650 километров вокруг Датских островов и длинного полуострова Ютландии. Но этот канал, где шлюзы, мели, крутые повороты при извилинах, трудно переходимый бар, замедляли судоходство, так что плавание иногда продолжалось две недели, неудобен для движения больших судов, и для нынешнего правительства Германии он не имел никакой цены в стратегическом отношении. Поэтому в новейшее время было предпринято и осуществлено сооружение большого судоходного канала, соединяющего Северное и Балтийское моря при самом основании полуострова. Этот искусственный водный путь, оффициально называемый «каналом императора Вильгельма», был начат постройкой в 1887 г. и 18 июня 1895 г. открыт для движения. Он начинается у Брунсбюттеля, в устье Эльбы, и впадает в 4 километрах к северо-востоку от Киля, у Гольтенау, в Кильскую бухту. Общая длина его 98,$_{65}$ килом., глубина 9, ширина на дне 22, на поверхности 60 метров.

Население Голштейна, повидимому, одно из наименее смешанных: во всей Германии нет ни одного населения, которое бы по своим физическим чертам больше походило на древних германцев, какими нам изображают их римские писатели. Голштинцы или гольсаты, то-есть

«лесные жители», занимали прогалины среди лесов и болот, где чужеземцы редко нападали на них, тогда как на западе, дитмарши или дитмарсены и северные фризы, живя на террасах или островках, окруженных топкими болотами, где прежде не было никаких дорог, не боя-



Замокъ Гогенцоллерновъ.

лись никаких врагов и могли сохранять свое независимое существование. Берега Балтийского моря, изрезанные заливами и бухтами, были, напротив того, легко доступны, и потому эмигранты могли без труда селиться там по берегам бухточек и в небольших долинах внутри

страны. Так, славяне (венеды или венды) колонизовали остров Фемарн и весь полуостров Вагрию, который тянется от Кильской бухты до Любекского залива. В половине двенадцатого века они не были еще покорены и пребывали в язычестве; в наши дни их потомки еще встречаются в стране, хотя там были поселены в большом числе колонисты из Фрисландии, Голландии, Вестфалии.

История Шлезвига есть история постоянной борьбы датчан против немцев и непрерывного прилива и отлива этих народностей. В настоящее время вся южная часть края является уже онемеченною, тогда как датчане по племени и по языку сохранились в северных округах. Не считая датского и верхне-немецкого, теперь три языка существуют один возле другого в архипелаге низменных островов Северного моря и вдоль прибрежья: жители двух южных островов, Пельворна и Нордстранда, говорят нижне-немецким наречием (plattdeusch); обитатели острова Фер употребляют еще свое местное наречие, forhinger; наконец, на островах Амрум и Сильт, так же, как в деревнях соседнего берега, сохранился фризский язык. На балтийском склоне, область, которая тянется на севере от фиорда Шлей, есть та знаменитая страна англов (Angeln), откуда вышли, тринадцать слишком веков тому назад, завоеватели Великой Британии, более счастливые, чем их соседи кимвры, тоже переменившие родину. По замечательному совпадению, англы занимают местность, представляющую поразительное сходство с теми частями Англии, где их братья поселились в эпоху переселения народов. Проезжая ту область Шлезвига, откуда вышли дружины, давшие свое имя величайшей морской империи мира, подумаешь, что находишься где-нибудь в графстве Кентском или Соррейском: равнины представляют такую же приятную для глаза волнистую поверхность; поля так же тщательно обработаны; деревья, луга одеты такою же пышною зеленью; скот, пасущийся в огороженных местах, запертых живою изгородью или шпалерами из деревьев, имеет такой же сильный и здоровый вид; страна представляет такое же разнообразие в непрерывном ряде следующих один за другим городов, деревень, уединенных ферм; повсюду видно довольство и благосостояние.

Однако, когда сравнишь, в общих чертах, оба ската Шлезвиг-Голштинии, из которых один обращен к Северному морю, а другой к Балтике, то приходишь к убеждению, что, с точки зрения цивилизации, первенство должно быть отдано стороне, населенной фризами. Крестьяне западной полосы пользуются, вообще говоря, высокою степенью благосостояния; они живут в домах, хорошо построенных, очень красивых даже, окруженных прекрасными садами; дети их получают солидное воспитание, и говорят, что между ними еще не угас древний дух независимости, отличавший их предков дитмарсенов. По мере того, как удаляешься от этой цветущей страны в северном и северо-восточном направлениях, к Ютландии, Датским островам и Швеции, равнины становятся менее плодоносными, селения менее богатыми, жители должны вести более трудную борьбу за существование.

Голштинцы сгруппировались в наибольшем числе в окрестностях Гамбурга. Альтона, Вандсбек, Оттензен, Неймюлен, хотя связанные всеми своими жизненными интересами с большим соседним городом, находятся на территории Шлезвиг-Голштейна. Эльмсгорн, стоящий при судоходной реке, которая течет к Эльбе, и Глюкштадт, построенный на самом берегу Эльбского лимана, тоже могут быть рассматриваемы как маленькие передовые порты Гамбурга. Но вдали от этого города и от берегов Эльбы население становится редким, и в бассейне реки Штер, самом обширном во всем Голштейне, находим только два города, имеющие некоторую важность: Неймюнстер, в котором сосредоточена большая часть фабрик внутренней части провинции, и Итцегоэ, где прежде собирались политические делегаты страны. В бассейне реки Траве, который склоняется на восток к Любеку, замечателен городок Зегеберг, построенный на берегу озера; в окрестностях его ломают известь и гипс; кроме того, там в последнее время открыты, на глубине 158 метров, мощные залежи каменной соли.

На севере от Эльбы встречаем несколько многолюдных местечек, следующих одно за дру-

гим в соседстве с морским берегом, как-то: Марне—родина историка и географа Мюлленгофа; Гейде—главный пункт области дитмарсенов; Вессельбурен, окруженный плодороднейшими землями; Теллингштедт, отделенный от долины Эйдера обширными болотами; Рендсбург, главный город бассейна Эйдера, расположенный на самом берегу реки, которую он прежде защищал против немцев; это была самая сильная крепость Дании. Теперь укрепления Рендсбурга срыты, и город обязан своим важным значением исключительно торговле по Эйдеру и по каналу, соединяющему Северное море с Балтийским. Теннинг и Гузум—города, лежащие, один на юге, другой на севере полуострова Эйдерштедт, на западном берегу Голштинии, с половины нынешнего столетия начали играть значительную роль в торговом движении края; из их портов отправляются в Англию земледельческие произведения страны и преимущественно скот, откармливаемый на роскошных лугах морского прибрежья; в среднем, экспорт крупного рогатого скота составляет около 40.000 голов в год. В польдерах западной полосы домашняя животные разводятся главным образом на мясо: скот же, пасущийся на холмах восточной области, дает много молока, из которого приготовляют масло и сыр. Городок Гардинг, лежащий в середине полуострова Эйдерштедт, замечателен как место рождения историка-эпиграфиста Момзена.

Киль, столица Голштейна,—многолюдный и промышленный город. Он расположен у южной оконечности залива Балтики, среди очень живописной местности, усеянной рощами и лесами, маленькими озерами, холмами, с которых открывается обширный вид на море. Кильский университет недавно был одним из наименее посещаемых в Германии; теперь же число слушателей в нем постоянно возрастает: в 1894-95 г. он имел 74 профессоров и 540 студентов, а библиотека его состояла из 200.000 томов. Кроме того, в Киле существует морское училище и много ученых обществ, из которых одно занимается главным образом изучением и разработкою вопросов, относящихся к области географии и естественных наук. Несколько времени тому назад, сюда же переведена астрономическая обсерватория из Альтоны. Но особенно как торговый пункт, главный город Голштинии быстро растет и возвышается, благодаря своему счастливому приморскому положению. Как обширно его судоходство—можно видеть из следующих статистических данных:

Торговый флот Киля в 1894 г. состоял из 74 морских судов, в 27.654 тонны, в том числе 57 пароходов, в 26.653 тонны.

Движение судов в Кильском порте в 1893 году:

В приходе: 3.322 судна, вмест. 531.303 тонны, в том числе 1.863 парохода; в отходе: 3.360 суд., вмест. 532.649 тонн, в том числе 1.858 пароходов.

Киль сделался главным рынком страны, как прежде был, под именем Старгарда (т.е. «старого города»), Ольденбург, лежащий восточнее, на полуострове Вагрия. Кильский залив представляет весьма важные выгоды, тем более ценимые мореплавателями, что хорошие порты вообще редки на немецких берегах Балтики. Бухта, или вернее, фиорд Киля врезывается приблизительно на 15 километров внутрь материка, имея среднюю ширину от 3 до 4 километров. Глубина в нем везде настолько значительна, что суда могут приближаться к тому или другому берегу, лавируя по заливу; входный фарватер имеет не менее 16-18 метров, тогда как в собственно так называемом порте глубина изменяется от 11 до 18 метров, и даже перед городом, на оконечности бухты, она равняется девяти с половиною метрам. При входе фиорд открыт северо-западным ветрам, но теснина, образуемая двумя мысами, не позволяет этим атмосферным токам проникать в самый порт, так что суда совершенно защищены от ветра. Эти благоприятные гидрографические условия, соединенные с удобствами обороны, побудили прусское правительство основать в Кильской бухте свой главный военный порт на Балтийском море. Для этой цели в Эллербеке, на восточном берегу залива, как-раз против Киля, были выкопаны обширные доки и стапели, имеющие нормальную глубину более 10 метров; вдоль морского берега построен арсенал около версты длиною; на всех удобных для обороны пунктах воздвигнуты форты и батареи; Фридрихсорт, стоящий на мысе бухты, сделался прусскою цитаделью. Но в сравнении с Вильгельмсгафеном, главным воен-

ным портом Германии на Северном море, Кильский порт представляет то важное неудобство, что он замерзает зимою.

На северо-западе от Киля, городок Эккернферде, в Шлезвиге, тоже обладает портом и превосходным рейдом, но, к несчастию, и тот, и другой открыты восточным и северо-восточным ветрам. Далее, на севере, город Шлезвиг, лежащий тоже у оконечности фиорда, называемого Шлей, почти совершенно утратил свою морскую торговлю, по причине обмеления залива, который имеет не более 2 метров глубины при входе. В средние века барки поднимались по фиорду до самого Шлезвига, и оттуда товары перевозились сухим путем в город Голлингштедт, расположенный при реке Трене, притоке Эйдера: это была волоковая торговля, в роде той, какую и теперь еще ведут индейцы и так называемые «путешественники», т.е. скупщики шкур пушного зверя в верхней Канаде. Шлезвиг, прежняя столица края, защищенная некогда валом Дании, сгруппировал свои дома, обильно украшенные зеленью и цветами, вокруг островка, на котором стоит замок Готторп, прославившийся в истории царствующих фамилий северной Европы.

Фленсбург, город более важный, чем Шлезвиг, также занимает оконечность фиорда, вполне доступного большим судам и хорошо защищенного от ветров, дующих с моря; вследствие этого, Фленсбург—цветущий и постоянно увеличивающийся город (торговый флот в 1892 году: 63 судна, в 34.146 392 тонн; в 1891 г. вошло в порт: 1.338 судов, в 172.858 тонн; вышло: 1.038 судов в 172.088 тонн). Недалеко от него находим другой оживленный торговый город, Зондербург, лежащий на острове Альз или Альзен, и соединенный с материком постоянным мостом в 250 метров длиною. Против Зондербурга, на берегу твердой земли, находились Дюппельские (Дибельские) редуты, которые датчане так храбро защищали в 1849 и в 1864 годах. Апенраде расположен, как все почти города этого прибрежья, на берегу залива Балтики, в месте, наиболее вдающемся в глубь земли; но этот залив открыт морским ветрам. Далее, на севере, фиорд,, омывающий город Гадерслебен, очень извилист, узок и мелководен. В северном Шлезвиге главный порт Северного моря, Тандерн, тоже лежит внутри материка, на берегу канала, который сообщается с морем только во время прилива.

Важнейшие общины Шлезвиг-Голштейна, с числом жителей в тысячах, по переписи 1890 года (в скобках цифра населения в 1895 г.):

Альтона с Оттензен—143 (159); Киль—69 (85); Фленсбург (Фленсборг)—37 (40); Шлезвиг (Слесвиг)—15 (15); Рендсбург (Рендсборг)—13; Неймюнстер—18 (22); Итцегоэ—12; Гадерслебен (Гадерслев)—8; Марне—8; Гейде—7; Апенраде—5; Зондербург (Зондерборг)—5; Гузум—7; Эльмсгорн—10; Глюкштадт—6.

Глава XI Общее состояние Германии

Каково бы ни было истинное место немецкой нации в ряду так называемых цивилизованных народов, она во всяком случае одна из первых по численности или по количественной силе. В Европе одна только Российская империя имеет больше жителей, но они не соединены в такую компактную, скученную массу, как немцы и не имеют такой национальной связи. В 1816 году различные немецкия государства, входящие ныне в состав Германской империи, насчитывали все вместе только 24.800.000 жителей; по последней же народной переписи (1 декабря 1890 г.) оказалось, что на германской территории живет слишком 49 миллионов людей.

Население Германии в 1871 году было: 41.058.792 жит.; в 1875 г. 42.723.242 жит.; в 1880 г. 45.234.061 ж.; в 1885 г; 46.855.704 жит.; в 1890 г. 49.428.470 жит.

Пропорционально пространству, немцы менее многочисленны, чем англичане, итальянцы, бельгийцы и голландцы; но они занимают землю более скученными группами, чем дру-

гие народы Европы.

Пространство Германии—540.419 кв. километров. Километрическое население (среднее число жителей на 1 километр)—91 житель.

Как во всех странах арийского мира, где производились правильные народные переписи, женщины составляют большинство населения в различных германских государствах; однако, в Германии эта разность особенно велика. Числовое отношение мужского пола к женскому (по переписи 1890 г.): как 100 к 104, именно: мужчин 24.230.832, женщин 25.197.638.

Эту значительную разность между мужским и женским населением приписывают не только большей смертности мужчин, но также эмиграции, которая удаляет преимущественно мужской элемент.

Приращение немецкого населения происходит почти исключительно от избытка рождений над смертностью.

В период 1882-91 гг. средний годовой процент рождаемости (на 1.000 жителей) составлял 38,16; процент смертности 26,25. Браков заключено в 1891 г. 399.398, т.е. 8,03 на 1.000 жителей.

Германия воспитывает ежегодный избыток от пяти до шести сотен тысяч детей[1]; в семилетний период, следовавший за войной 1870 г., ежегодный прирост превышал полмиллиона. Правда, пропорционально населению, число взрослых во Франции больше, именно по причине меньшей плодовитости её семейств; еще недавно она имела почти столько же молодых людей и способных к работе мужчин, как и Германская империя; но теперь этого уже нет: разность цифры населения между этими двумя странами сделалась слишком велика. Впрочем, нужно заметить, что не все жители Германии немцы; между ними несколько миллионов принадлежат к другим национальностям, отличающимся еще по языку.

Различные национальности Германской империи, по языкам, в 1880 году (числа приблизительные):

Немцев и евреев (540.000 евреев) 41.530.000; славян 3.050.000; литовцев и куров 145.000; датчан 150.000; французов и валлонов 350.000.

Увеличение народонаселения Германии служит в пользу почти исключительно городам, и особенно самым большим из них. Мало найдется городских общин, где число жителей уменьшилось в последние десятилетия: напротив, все столицы и главные города, все промышленные и торговые центры получили новые массы иммигрантов. До постройки сети железных дорог, каждая народная перепись в Пруссии, в период между 1815 годом и срединой текущего столетия, давала для городского населения немного больше четверти общего числа жителей королевства, именно от 27 до 28 процентов; в настоящее же время горожане составляют уже гораздо более трети нации, и это отношение с каждым годом изменяется в их пользу. По переписи 1890 г., городское и сельское население Германии было распределено следующим образом:

2.869 городских общин, имеющих свыше 2.000 ж.: 23.241.992 жит., или 47 проц.; сельское население: 26.186.478 жит., или 53 проц.

В некоторых округах, как например в Дюссельдорфском, деревенские жители составляют уже только шестую часть общего населения края. Процент приращения городского населения отличается изумительною правильностью: чем значительнее города, тем быстрее увеличивается их население, и абсолютно, и относительно, как это можно видеть из следующих цифр, относящихся к периоду времени с 1871 по 1875 год:

1 Бертильов, „La natalite francaise“,—„Revue Scientifique“, 24 mars 1875.

		Приращение населения	
В 12	нем. город., имеющ.	свыше 100.000 ж.	14,83%
„ 88	„	от 20.000 до 100.000 „	12.41%
„ 503	„	от 5.000 до 20.000 „	10,74%
„ 1.835	„	от 2.000 до 5.000 „	5,50%
„ местечк. и деревн., имеющ.		менее 2.000 „	0,79%

В сельских округах население, напротив того, уменьшилось, и убыль его происходит в пользу торговых и промышленных центров. Интересно видеть на статистических картах, как столицы, фабричные и торговые города: Берлин, Дрезден, Мюнхен, Гамбург, Бремен, Хемниц, Эссен, Дюссельдорф, Кёльн, Франкфурт, Штутгарт притягивают к себе население из окрестных местностей, так сказать, высасывают их жизненные соки. Между тем как Берлин растет через меру, Мекленбург, часть Бранденбургской мархии и Померании мало-по-малу теряют свое население и пустеют.

Недавно сильное эмиграционное движение деревенских жителей в чужие края грозило превратить в безлюдные пустыни некоторые округа, особенно в Гессене, в Пфальце или Палатинате, в Баденском великом герцогстве, в прибрежных областях Балтики. Движение это распространялось с запада на восток: прирейнские жители и вестфальцы подали пример гессенцам и ганноверцам, которые, в свою очередь, предшествовали эмигрантам из Познани, Померании и собственно Пруссии. С эпохи Венского конгресса до начала восьмидесятых годов число эмигрантов, отплывших из германских портов, превышало пять миллионов душ (именно с 1815 по 1883 год из немецких портов отправилось всего около 5.107.000 переселенцев), из которых по меньшей мере три четверти были лица немецкого происхождения, и большинство которых направилось в Новый Свет. В год, непосредственно следовавший за франко-прусскою войною 1870-71 гг., переселение приняло необычайные размеры; более 128.000 лиц—по большей части людей в полном цвете силы—покинули отечество и отправились в Северную Америку и другие заатлантические страны; немецкая эмиграция превзошла даже ирландскую. Но промышленный кризис в Новом Свете, постепенно усиливающийся пауперизм в американских городах, и до некоторой степени также меры, принятые прусским правительством в видах воспрепятствования молодым людям уклоняться от исполнения воинской повинности, замедлили на время эмиграционный поток, но затем переселение возобновилось.

Эмиграция из Германии: в 1881 г. 220.798 чел.; в 1890 г. 97.103 чел.; в 1891 г. 120.089 чел.; в 1894 г. 39.204 чел.

В период сильного развития эмиграционной горячки можно было наблюдать перемещения населения, напоминавшие переселения первых веков нашей эры. В то время, как молодые люди из Мекленбурга и Померании эмигрировали массами, шведы, тоже спасавшиеся бегством от вербовщиков, переплывали Балтийское море, чтобы воспользоваться повышением заработной платы, явившейся следствием убыли рабочих рук. Эмиграционное движение частию направляется также в Польшу и Россию: с 1857 по 1876 г. около полмиллиона немцев эмигрировало на восток.

Как ни уменьшилась в последнее время эмиграция немцев, она все еще в десять раз превосходит переселение иностранцев в их отечество. Соседи Германии не чувствуют большого влечения к этой стране, несмотря на то, что она лежит в географическом центре Европы; их можно встретить маленькими колониями только по берегам Рейна, на минеральных водах, в Гейдельберге, в Штутгарте, в Дрездене, в Берлине; но зато есть целые провинции, какова, например,восточная Померания, где вид француза, даже англичанина, приводит в волнение все население—так редко представляется там этот феномен. Между тысячами посетителей, приезжающих каждый год на минеральные воды Силезии, иногда не встретишь ни одного западноевропейца. Число иностранцев, проживающих в Германии, считая тут же австрийцев, говорящих немецким языком, не достигает и четверти числа иностранцев, живущих во Франции, а между тем первое из этих государств и обширнее, и многолюднее.

По происхождению, жители Германии в 1875 году располагались в следующем порядке:

Немцы, родившиеся в государствах, где они внесены в перепись 41.498.970, или 97,2%; немцы, родившиеся в других государствах, 955.915, или 2,2%; иностранцы 290.800, или 0,6%.

Число французов, живущих в Германии, очень не велико; в некоторых провинциях их совсем нет и даже во многих больших городах они насчитываются только десятками; это почти все профессора и учителя языков, или отборные рабочие, в особенности декораторы и живописцы, или, наконец, шляпочники, куаферы, повара.

Переселение миллионов сельских жителей в большие города, промышленные и торговые центры, повредило в некоторых странах Германии успехам земледелия; однако, взятая в целом, эта часть народного труда не перестает развиваться и принимать более обширные размеры. Хотя ныне она не составляет уже занятие девяти-десятых народонаселения, но, вспомоществуемое наукою и новыми способами культуры, на половину меньшее число жителей заставляет землю производить более обильные урожаи, чем какие она давала прежде. Некоторые части Германии очень хорошо обработаны: особенно любо смотреть на превосходно возделанные поля берегов Неккара, Баденской равнины, Саксонии; даже в некоторых местностях, которые, повидимому, должны бы были навсегда остаться бесплодною пустынею, земледельцам удалось одеть почву богатою растительностью.

Значительная часть северной равнины, в Ганновере, Мекленбурге, Померании, Бранденбургской мархии, собственно так называемой Пруссии, Познани, состоит из земель, от природы мало плодородных.

Пространство Пруссии, за исключением Гогенцоллерна и некоторых других округов: 33.988.632 гектара.

По качеству почвы это пространство распределено следующим образом:

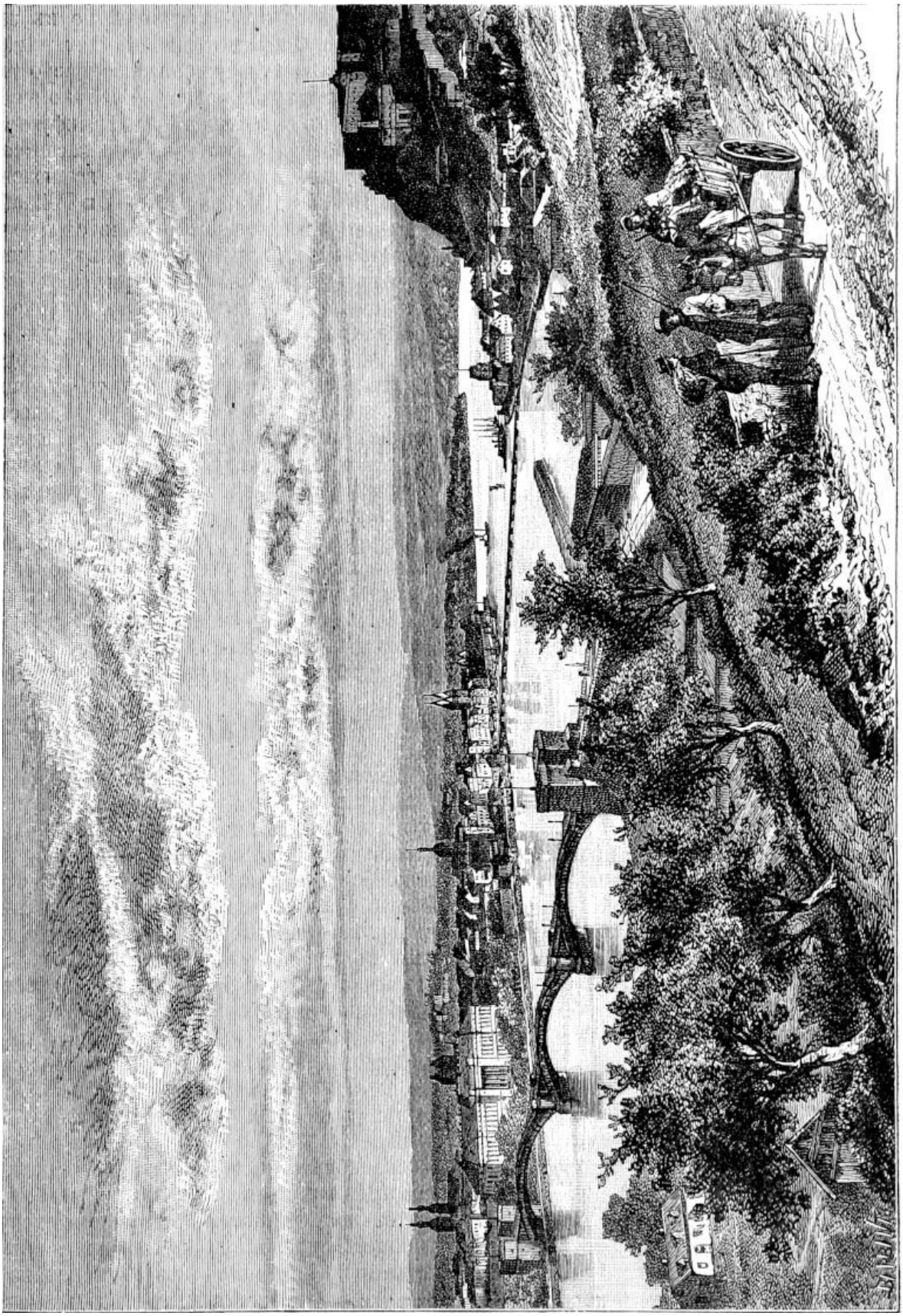
Глинистая почва (хорошая)	гект.	9.743.146	28,67%
Глинисто-песчаная (посредственная)	„	10.912.369	32,11%
Песчаная (худая)	„	10.432.671	30,81%
Болота	„	2.162.580	6,36%
Воды	„	697.706	2,05%[1]

Прусский земледелец должен был употребить много труда и усилий, чтобы улучшить эту неподдающуюся культуре землю на столь обширной части её протяжения, и нельзя удивляться, если большое число поселян, утомившись постоянно борьбою с неблагодарною, скупою природою, отправились искать более плодородной почвы в новом отечестве, или даже увеличить городское население, с целью найти себе какой-нибудь другой промысел. Но, несмотря на то, приспособление почвы к земледелию мало-по-малу совершилось повсеместно. В настоящее время пространство, обнимающее девять-десятых Германии, состоит из производительных земель. Общая площадь пахатных земель и лугов в 1891 году составляла 27.331.240 гектаров.

Более четверти утилизируемого пространства страны покрыто лесами, общая площадь которых составляет около 13.900.000 гектаров. Политическая раздробленность Германии, рядом со многими дурными сторонами, имела то хорошее последствие, что она помешала совершенному истреблению лесов. Каждый мелкий государь, каждый владетельный князек хотел иметь большой парк, леса для охоты в окрестностях своих замков; часто он велел огораживать для этой цели пространства, которые давно уже обработывались. Теперь научились ценить деревья ради их самих, а не только ради убежища, которое они дают дичи. Известно, что климат делается более резким, что горные ручьи опустошают свои долины, что реки становятся менее равномерными в отношении стока воды там, где горные скаты обезлесены; и большая часть гор центральной Германии сохранила свой растительный убор из буков и сосен. Также и в равнинах обширные пространства песчаных степей и дюн покрылись высокоствольным лесом: в таких местах, где хлеб едва-ли бы стал родиться, сеют деревья. Немецкие лесничие, большие мастера в искусстве лесоводства, никогда не делают порубок

1 А. Легуа, „Forces materielles de l'empire d'Allemagne".

без того, чтобы не заменять тотчас же срубленные деревья новыми насаждениями. Несмотря на необыкновенное богатство страны лесами, Германия каждый год ввозит из-за границы строевой и дровяной лес для того, чтобы сберечь свои лесные запасы.



Кобленцъ и Эренбрейтштейнъ.

Из хлебных злаков в центральной Европе сеют преимущественно не пшеницу, как во Франции и Англии, а рожь. Средний урожай хлебов и мучнистых плодов в Германии представляет следующие цифры (по Брахелли и Нейману-Спалларту).

Пшеница 34.000.000 гектолитров; полба 15.000.000 гектолитров; рожь 94.000.000 гектолитров; ячмень 30.000.000 гектолитров; овес 87.000.000 гектолитров; картофель 272.000.000 гектолитров.

Недавно пшеница возделывалась только для вывоза заграницу, и жители употребляли почти исключительно рожь для приготовления себе хлеба: черный вестфальский Pumpernickel может дать понятие о том, какова была пища немецкого крестьянина. Но в эти последние годы Германия перестала быть для Англии и Франции хлебным рынком, как была прежде. Постепенное превращение её из земледельческого государства в промышленное имеет, между прочим, то следствие, что она сама потребляет более значительное количество своих сельскохозяйственных произведений; она покупает теперь за границею больше хлеба в зерне и муке, чем сколько сама продает туда. В среднем, за трехлетие 1890-1892 года ежегодный ввоз пшеницы составлял около 958.000 тонн; ржи 757.000 тонн; ячменя 681.000 тонн; овса 132.000 тонн; кукурузы 563.000 тонн; гречи 30.000 тонн.

По многим другим земледельческим продуктам Германия занимает одно из первых мест между европейскими государствами. Культура конопли и льна очень распространена в этой стране, особенно в равнинах Ганновера, а также в равнинах Познани и Пруссии в собственном смысле. Свекла сеется в большом количестве и дает материал для многочисленных свеклосахарных заводов бассейна Эльбы, Одера и других областей; хмель, равно как и солод, получаются в количестве, достаточном для покрытия потребностей бесчисленного множества пивоваренных заводов, которые существуют на всех пунктах территории; но табаку местного производства, хотя он собирается в большом количестве в различных провинциях Германии, далеко не хватает для удовлетворения миллионов курильщиков. Фруктовые и цветочные сады и огороды также имеют весьма важное экономическое значение в земледельческой производительности Германии, и эта «интенсивная» культура быстро разростается вокруг больших городов, особенно в Вюртемберге и в окрестностях Франкфурта, Эрфурта, Бамберга, Гамбурга. Что касается виноградников, то известно, что за исключением долин Неккара, Майна, Мозеля и Рейна, они покрывают лишь весьма незначительную часть территории: общий климат страны слишком холоден для этого плода, и при том скат её в целом обращен к северу. Однако, высокие таможенные пошлины, которыми обложены произведения иностранного виноделия, служат косвенным поощрением немецким виноградарям и виноделам, и путешественник не без удивления встречает виноград даже в окрестностях Берлина и во многих других местностях, где это растение может жить, так сказать, только наперекор стихиям. В Бранденбурге виноград созревает почти всякий год, под защитою домов; в Штетине же и на берегах нижней Вислы, жители считают себя счастливыми, если случается получить съедобные гроздья два или три раза в десять лет. Среднее производство всех виноградников в Германии за десятилетие 1881-1890 годов составляло 2.659.039 гектолитров в год.

Различные виды домашних животных, за исключением овец (и не считая мулов и ослов, которых почти совсем нет), представлены в Германии, пропорционально населению, более значительным числом особей, чем во Франции, и некоторые породы немецкого скота принадлежат к наиболее ценимым в Европе. Общее количество домашних животных в Германии по переписи скота, произведенной 1-го декабря 1892 г., оказалось следующее:

Лошадей 3.836.346 голов; крупного рогатого скота 17.555.818 голов; овец 13.589.759 голов; свиней 12.174.513 гол.; коз 3.077.772 головы.

Мекленбургские и шлезвинг-голштинские лошади во все времена очень ценились, и, действительно, они отличаются силою мускулов и изяществом движений. Многочисленные легенды, относящиеся к коню Одина, доказывают, что в этих странах лошадь считалась священным животным; древнейшие хроники свидетельствуют, что с самого начала средних веков жители края, пребывавшие еще в состоянии грубого варварства, устраивали «священные ограды», называвшиеся Schwerin, где они держали отборных жеребцов. В настоящее время самый большой из конских заводов Германии находится в Тракенене, в бассейне Мемеля или Немана, недалеко от русской границы. Восточная Пруссия поставляет прекрасных

лошадей для армии. Крестьянские телеги обыкновенно запряжены четверкой крепких, ретивых коней, с лоснящеюся шерстью, так что любо смотреть; фигура лошади вырезана на фронтоне всех литовских домов. Вестфальские крестьяне, хотя принадлежащие к другому племени, следуют такому же преданию, и так же, как и литвины, имеют превосходных лошадей, которые, впрочем, менее ценятся, чем ганноверские и ольденбургские кони, которые отлично ходят и под седлом, и в упряжи.

Немецкия породы рогатого скота менее известны за границею, чем породы лошадей; однако и между первыми есть замечательные, как, например, порода в баварских Альпах и порода Фогтланда, в Саксонии; маленькия альгаусские коровы дают превосходное молоко. Что касается овец, то почти все они принадлежат к тонкорунным породам; испанские мериносы гораздо лучше сохранили свои качества в Тюрингии, в Саксонии, в Силезии, в Мекленбурге, чем в своем отечестве. Но хотя немецкая шерсть отличается превосходным качеством, производство её уменьшается с каждым годом: в выгонах для пастьбы овец начинает уже ощущаться недостаток; почва все более и более переходит во власть земледелия в собственном смысле; с другой стороны, шерсть, привозимая в огромном количестве из Австралии и Южной Америки, не позволяет поддерживать цены на туземный продукт. Свиноводство сохранило всю свою важность в Северной Германии и особенно в Вестфалии,—стране знаменитых окороков, известных в торговле под именем «майнцских» или «вестфальских».

В прежнее время мелкая земельная собственность была очень малочисленна в Германии; почти везде территория была разделена между большими имениями, и политическая власть принадлежала крупным землевладельцам; они были в одно и то же время господа, судьи, хозяева, раздававшие работу и жалованье. Случалось даже, в некоторых провинциях, особенно в Померании, что мелкая земельная собственность, принадлежавшая вольным крестьянам, постепенно скупалась богатыми помещиками; эти последние, опираясь на законодательство, ими же сочиненное в свою пользу, успели во многих местах наложить руку на маленькие окрестные участки, чтобы превратить поселян, до того времени независимых собственников, в батраков и работников. Но затем последовало экономическое движение, гораздо более могущественное, в обратном направлении. Большие имения, принадлежащие помещикам, которые почти все не живут в своих поместьях и тратят больше, чем сколько получают доходов, заложены в пропорции от половины до трех четвертей их стоимости. Хотя учреждения поземельного кредита приходят на помощь преимущественно владельцам самых обширных имений[1], однако, настает день, когда платежные средства заемщиков оказываются недостаточными, и большие поместья, продаваемые за долги с публичного торга, дробятся на многочисленные мелкие имения. В Прусском королевстве общее пространство дворянских земель или поместий представляло, в 1872 году, по различным провинциям, следующее процентное отношение в сравнении с другими имениями и земельными участками.

В Силезии и Познани—49 процентов; в Померании—48; в Бранденбурге—28; в Восточной Пруссии—26 и прусской Саксонии—18 процентов.

Теперь земледельческие местности Германии разделены, подобно тому, как и во Франции, на владения всякой величины; однако, дробление земли в первой из этих стран далеко еще не так велико, как во второй. Так, в Пруссии мелкое землевладение распространено только в прирейнских провинциях, где долгое время преобладало французское законодательство, и половина почвы всего королевства принадлежит еще землевладельцам, имеющим по меньшей мере 75, а средним числом 344 гектара; иной помещик владеет 3.000 кв. километров; многие имения занимают площадь в 2 миллиона гектаров. По Энгелю, землевладение в Пруссии (без западных провинций), по величине земельных участков и имений, распределялось, в 1869 году, следующим образом:

1 А. Легуа, „Forces materielles de l'empire d'Allemagne".

Землевладельцев	Имеющих гектаров	Всего гектаров
18.289	150 и более	10.443.265
15.076	от 75 до 150	1.047.317
391.58	„ 7,50 „ 75	9.169.071
617.774	„ 1,25 „ 7,50	2.150.935
1.099.261	„ менее 1.25	568.800
2.141.986		23.379.388

С другой стороны, более половины земельных собственников, все вместе, не имеют в своем владении даже сороковой части территории. Замечено также во всех плодородных местностях Германии, что доходность земли гораздо значительнее в мелких имениях, чем в крупных: государство или казна, самый могущественный землевладелец, получает со своих земель, или так называемых государственных имуществ, сравнительно наименьший доход. На берегах Рейна, в Саксонии, в Вюртемберге, где преобладает раздробленность земель или мелкое землевладение, доходность гораздо выше, чем, например, в великом герцогстве Познанском, где две-пятых почвы составляют еще дворянские имения и где получаемых от хозяйства доходов не хватает даже на содержание голодной армии работников и поденщиков.

Средняя заработная плата семьи сельских рабочих в западной Пруссии в 1882 г. была 900 франк. Средняя годовая плата всяких рабочих в 1881 г.: в северной Германии 619, в южной 840 фр.

Чтобы предупредить на будущее время дробление земельной собственности на участки всякой величины,—дробление, которое обусловливает необходимость устройства многочисленных побочных дорог и тропинок, сопряженного с бесполезною тратою земли и времени земледельца,—был издан закон, почти революционный, по которому владельцам чрезполосных земель разрешается обменивать друг у друга свои участки, и который делает это соединение участков обязательным, когда его требуют три-четверти заинтересованных лиц.

Прошение относительно обмена чересполосных владений, раз поданное, может быть взято назад не иначе, как по единодушному желанию всех просителей, а о возврате обмененных недвижимых имуществ можно ходатайствовать только в случае ошибки или обмана; по прошествии четырех лет со дня постановления судебного решения, право требования возврата земельных участков совершенно теряется[1]. Эти законодательные меры имели значительные результаты, особенно в центральной Германии, где они были применены в обширных размерах. Пространство, занятое изгородями и тропинками и составлявшее около шестидесятой части почвы, было возвращено земледелию; но гораздо больше выиграли лучшим распределением земель, к которым теперь удобнее можно применять усовершенствованные способы современной земледельческой промышленности.

Относительно разработки ископаемых богатств, Германия занимает второе место между государствами Европы: она следует непосредственно за Англиею и значительно превосходит все другие страны нашей части света, хотя, конечно, она стоит гораздо ниже Испании по количеству минеральных сокровищ, еще непочатых в глубинах земли. Германия уже не превосходит Соединенные Штаты Северной Америки по добыче каменного угля; минеральное топливо, извлекаемое из её копей, составляет лишь около шести-седьмых американского угля и лишь около половины количества, производимого Британскими островами.

Добыча каменного угля и антрацита в 1880 году (по Нейману-Спалларту):

Во всем свете 350.000.000 тонн; в Великобритании 149.300.000 т.; в Германии 59.200.000 т.; в Соединенных Штатах 70.300.000 т. Добыча каменного угля в Германии в 1892 г. 92.306.000 т. (в Великобритании 181.786.871 т.).

Но количество угля, добываемое ныне в Германии, представляет уже шестую часть потребляемого во всем свете минерального топлива, и геологическое исследование обширных германских каменноугольных бассейнов, сарбрюкенского, рурского (по реке Рур), верхнесилезского, показало, что нынешние размеры добывания угля могут сохраниться и даже

1 A. Легуа, „Forces materielles de l'empire d'Allemagne".

увеличиться еще в течение многих веков. Во всей почти промышленной Германии, в Прирейнской Пруссии, в Саксонии, на берегах прусской Эльбы, в Силезской равнине, движущая сила, употребляемая для приведения в действие машин на фабриках, есть пар и, следовательно, требует значительного количества угля; сила воды утилизируется в больших размерах только в долинах Вогезов и Шварцвальда, у подножия Рудных и Исполиновых гор и на берегах баварских горных ручьев, особенно в Аугсбурге, городе фонтанов, занимающем очень выгодное местоположение между двумя реками.

Точно также и по количеству добываемой железной руды, которая тоже играет весьма важную роль в современной промышленности, Германия одна из первых стран в мире; в этом отношении она занимает третье место, после Великобритании и Соединенных Штатов Северной Америки; по добыче серебра она следует после Невады, Мексики, Боливии; по добыче меди уступает только Чили, Соединенным Штатам и Англии. Вообще в Германии имеются почти все металлы и всякого рода земли, какие нужны для её промышленности, и мы знаем из предыдущего, что северные равнины заключают в глубоких слоях почвы мощные залежи соли, составляющие отложения обширных высохших заливов древнего моря. Горная промышленность Германии в 1892 г.: добыча золота составляла 2.877 кило, серебра 487.784 кило, меди 24.778 тонн, железа 4.953.000 тонн, минерального топлива 92.306.000 тонн, соли 659.300 тонн.

Промышленность в Германии, как и во Франции, сделала громадные успехи в течение девятнадцатого столетия. Германия утилизирует почти все минеральное топливо, доставляемое её копями каменного угля и антрацита. Из своих металлов она отпускает заграницу только излишек свинца и цинка; все первоначальные или сырые материалы употребляются на её собственных фабриках и заводах, и, сверх того, она покупает еще значительные количества сырья за границею. Так, из Англии она ввозит много чугуна, который немецкие фабриканты употребляют на выделку стали, по способу Бессемера. Главная национальная промышленность, но вместе с тем и одна из наиболее подверженных колебаниям,—это металлургия железа, которая вообще достигла здесь более значительного развития, чем во Франции. Во всей Германии существует более 1.000 заводов чугуннолитейных, железоделательных и проч., на которых слишком 150.000 рабочих занимаются приготовлением чугуна, железа или стали. Ценность общего производства простирается, средним числом, до 800 или 850 миллионов франков. По Нейману-Спалларту, фабрикация железа в 1880 году представляла следующие цифры:

Во всем свете 17.600.000 тонн; Британские острова 7.432.000 тонн.; Соединенные Штаты 3.897.000 тон.; Германия 2.665.000 тон.; Франция 1.733.000 тонн.

Присоединением Эльзаса-Лотарингии Германская империя разом увеличила более, чем на половину, размеры своей хлопчатобумажной промышленности, как показывают следующие цифры, относящиеся к 1875 году:

Прядильные фабрики: в Имперской области 1.700.000 веретен; в остальной Германии 2.950.000 верет.; всего 4.650.000 верет. (Ныне общее число веретен простирается до 5-ти с половиной миллионов).

Кроме того, тонкость пряжи и тканей, выделываемых эльзасцами, позволила немцам приписывать себе, хотя без всякого на то права, совершенство произведений; но резкое изменение таможенных условий и торговых сношений глубоко потрясло эту отрасль промышленности и причинило большие бедствия. Фабрикация шерстяных материй, хотя весьма значительная, особенно в Берлине и в Силезии, поставляет, однако, на рынок количество товара на половину меньшее, чем сколько производят французские суконные и шерстяные фабрики; так, в 1879 году потребление шерсти во Франции было 16.900 тон.; в Германии 8.300 тонн.

Германия издавна первенствовала над Францией по размерам производства тканей из пеньки и льна, составляющего старинную национальную промышленность немцев; но ныне она уступает в этом отношении своей зарейнской соседке; так, в 1879 году, на французских

фабриках пеньковых, льняных и джутовых было 762.000 веретен; на немецких же только 318.000 веретен.

Но и в самой стране теперь идет ожесточенная борьба между большими полотняными фабриками, с одной стороны, и с другой—отдельными ткачами, имеющими собственный ткацкий станок, и деревенскими пряхами, работающими на своих самопрялках в длинные осенние и зимние вечера: нет сомнения, что в конце концов победит крупная механическая промышленность, хотя в настоящее время мелкое домашнее производство представляет еще около трех пятых общего количества выделываемых в немецких государствах полотняных тканей. Что касается шелковых материй, фабрикация которых сосредоточена главным образом в двух мануфактурных центрах, Крефельде и Эльберфельд-Бармене, то они имеют гораздо менее важное значение в совокупности немецкого народного труда, чем ткани из бумаги, шерсти, льна и пеньки, и далеко уступают по размерам шелковой мануфактурной промышленности Франции.

Потребление шелка в Лионе в 1880 году составляло 6.847.730 кило; в Германии же только около 700.000 кило.

По приблизительному исчислению, Германия производит всякого рода тканей на сумму около двух миллиардов франков.

Эту цифру нужно по меньшей мере удвоить, чтобы получить общую ценность всего, что выходит из германских мануфактур. Что касается писчебумажного производства, то Германия уступает только Англии по количеству выделываемой бумаги; но в отношении качества фабрикатов она не может сравниться с Францией. Ныне в Германии насчитывается свыше 500 бумажных и около 350 картонных фабрик. Стеклянные заводы и фабрики глиняной посуды тоже играют весьма важную роль в германской промышленности; кожевенное производство достигло таких обширных размеров, что для покрытия его потребностей оказываются недостаточными кожи миллионов животных, доставляемые сельскими хозяевами. Вообще Германия фабрикует и отправляет за границу предметы всякого рода, от самых мелких и хрупких, до самых огромных и массивных, от филиграновой работы, золотой, серебряной или стальной, до паровой машины и до пушки весом в 3.000 пудов, её химические заводы, достигшие цветущего состояния и находящие неисчерпаемый запас сырого материала в залегающих под почвою мощных соляных пластах, имеют многочисленный персонал инженеров и ученых мастеров, умеющих приготовлять по дешевой цене продукты, необходимые для различных отраслей промышленности. По размерам свеклосахарнаго производства, Германия превосходит Австро-Венгрию и Францию (в 1892 г. производство 403 германских заводов: 11.444.000 двойных центнеров сахарного песка и 2.450.000 двойн. центн. патоки).

Кроме того, немецкая промышленность производит слишком 10.000 тонн крахмального сахара. Общее количество пива, приготовляемого на двадцати пяти тысячах пивоваренных заводов Германии, исчисляют приблизительно в 50 миллионов гектолитров, что составит по 1 гектолитру на каждого жителя. Десятки тысяч винокуренных и водочных заводов поставляют около 3-х или 4-х миллионов гектолитров водки в год, так что, следовательно, на каждого немца приходится почти по 10 литров, представляющих половинное количество чистого алкоголя. Фабрикация этих пагубных напитков возрастает с каждым годом, хотя число пивоваренных и винокуренных заводов уменьшается: в этом производстве, как и во всех других, мелкая промышленность не может выдерживать конкурренции против больших капиталов. Точно также теперь все более и более сосредоточивается в обширных заведениях фабрикация сигар и табаку, которая играет очень видную роль в народном хозяйстве, доказательством чего служит тот факт, что ценность ежегодного привоза этих произведений в Германию простирается от 100 до 130 миллионов франков.

Обмен всякого рода туземных произведений, земледельческих и мануфактурных, между различными частями Германии и с иностранными государствами порождает торговлю, которая по обширности оборотов уступает только торговле Англии и Соединенных Штатов.

Смотря по годам и колебаниям коммерческого положения, германская торговля то превосходит французскую, то уступает ей, как видно из следующих сравнительных цифр:

Общая торговля Франции и Германии, без транзита:

	Франция	Германия
1872 г.	7.331.000.000 фран.	6.979.000.000 фран.
1873 г.	7.342.000.000 „	7.572.000.000 „
1881 г.	8.424.900.000 „	7.538.059.000 „

В 1895 году внешняя специальная торговля Германии в миллионах марок: привоз 4.216,6; вывоз 3.416,1.

Пропорционально числу жителей, германская торговля меньше французской, даже в те годы, когда обстоятельства рынка были особенно благоприятны первой. Что касается взаимных коммерческих сношений двух названных наций, то эти сношения неопровержимо доказывают превосходство французской промышленности в отношении качества произведений; если не принимать в рассчет вина и пива, которые принадлежат к главным предметам торгового обмена между двумя странами, то оказывается, что Германия посылает во Францию преимущественно скот, каменный уголь, лес и сырые материалы, а получает оттуда главным образом мануфактурные произведения.

В общем ходе германской внешней торговли, которая производится главным образом с Англиею, привоз обыкновенно превышает отпуск; но позволительно усомниться в точности оффициальных сведений по этому предмету, так как ценность отправляемых за границу товаров никогда не объявляется верно: купец всегда убавляет ее, или для того, чтобы уменьшить этим средством издержки перевозки товара, или для того, чтобы ввести в заблуждение иностранные таможни и заплатить меньше пошлин при входе.

Внутри Германии грунтовые дороги, по которым производится значительная часть огромного торгового движения страны, пропорционально пространству и населению, менее многочисленны, чем во Франции, хотя на севере империи устройство их, благодаря горизонтальности почвы, не представляет никаких особенных затруднений.

Точно также Германия, вступившая позднее Англии и Франции в эру крупной фабричной промышленности, имела, в эпоху сооружения первых железных дорог, сеть судоходных каналов, далеко уступавшую по длине сети двух держав Западной Европы, которые и до сих пор превосходят ее в этом отношении. Почти вся совокупность торговых сношений водою внутри Германии производится еще по движущимся путям рек. Для внутреннего судоходства было в конце 1887 г. 20.390 судов, в том числе 1.153 паровых. Общая длина судоходных путей, считая в том числе и реки: 12.411 километров. Если Рейн соединен с Дунаем через притоки Майн, Регниц и Альтмюль, то соединения этих двух великих рек через Неккар, вероятно, придется еще долго ждать; бассейны Рейна и Эмса, Эмса и Везера, Везера и Эльбы не связаны одни с другими посредством поперечного водяного пути, хотя равнина Северной Германии представляет как нельзя более удобную местность для прорытия каналов; точно также не устроено еще и сообщение Одера с Дунаем через Моравский порог; кроме того, немецкие каналы по большей части очень мелки; только пятая часть судоходных путей имеет глубину в полтора метра, в остальных же глубина почти вдвое меньше, и между этими путями, дающими проход только плоскодонным судам, находится и столь важный канал, соединяющий Рейн с Дунаем. Всех судоходных каналов в Германии около 70, и общая длина их около 2.000 километров, при чем не приняты в рассчет каналы, проведенные через болота. Из различных провинций Германии всего богаче искусственными судоходными путями восточная Фрисландия и Бранденбургская мархия; впрочем, почва в этих областях до того ровная, что во многих местах шлюзы служат лишь к тому, чтобы устранять временные неравенства уровня в бассейнах, приведенных в сообщение при помощи каналов.

В деле постройки железных дорог Германия тоже долго оставалась позади западноевропейских государств, и за исключением линий из Нюрнберга в Фюрт и из Дрездена в Лейпциг, в начале занимались только сооружением горнозаводских дорог и дорог, ведущих к уве-

селительным местам в окрестностях больших городов. Но с половины нынешнего столетия, и особенно с 1866 года, составляющего решительную эпоху в истории Пруссии, железнодорожная сеть Германии стала развиваться с изумительною быстротою. В настоящее время немецкая территория, по многочисленности рельсовых путей, пересекающих ее во всех направлениях, занимает первое место в Европе, так что абсолютно она опередила в этом отношении даже Британские острова; однако, пропорционально пространству и числу жителей, Германия все еще уступает Великобритании, Бельгии и Швейцарии по количеству железно-паровых путей сообщения. Общая длина железных дорог в Германской империи в 1895 г.: 45.985 километров.

Постройка немецких железных дорог, вообще говоря, не представляла затруднений, зависящих от свойства местности; но пришлось, однако, перекидывать мосты большой длины на Рейне, Эльбе и Висле, прорывать многочисленные туннели в гористых областях Гессена, Тюрингии, Вюртемберга, выкапывать глубокия выемки в каменистых местностях Баварии; хотя более обширная, железнодорожная сеть Германии обошлась не дороже французской сети.

Средняя стоимость километра железной дороги во Франции в 1880 г. 450.000 франков; в Германии 320.000 франков.

Но годовой валовой доход железных дорог в Германии достигает более значительной суммы, чем во Франции, именно он составляет более миллиарда франков. По германским железным дорогам в 1891 г. было перевезено 464.013.000 пассажиров и 228.977.000 тонн грузов.

Понятно, что частная промышленность собственными силами не могла бы дать германской железнодорожной сети такого обширного развития: большая часть дела была выполнена средствами государства, которое взяло на себя постройку стратегических путей и главных линий международного сообщения. Около половины текущего столетия рельсовая сеть Германии, начатая без общего плана в различных мелких государствах, представляла резкий контраст с сетью Франции своею беспорядочностью и запутанностью. Но если французская сеть и теперь, как прежде, сохраняет геометрическую правильность круга, где радиусы сходятся от окружности к общему центру, то она не дополнена, как совокупность немецких железных дорог, поперечными линиями и соединительными путями на всех важных пунктах территории. Кроме того, эта сеть менее богата линиями международного транзита: географическое положение Германии в центре континента делает ее страною обязательного прохода в товарном и пассажирском сообщении между севером и югом, востоком и западом Европы.

По своему флоту парусных и паровых судов, Германия тоже возвысилась на степень одной из первоклассных наций: по общей вместимости торговых судов она теперь уступает только Англии, Северной Америке, Норвегии и Италии. Число парусных судов остается неизменным и даже уменьшается в больших портах, каковы Гамбург и Бремен: увеличение коммерческого флота ограничивается почти исключительно пароходами. Замечено, что успехи немецкого купеческого флота принесли пользу исключительно портам Северного моря; балтийские же порты испытали даже некоторый упадок в этом отношении. Любек, древняя столица Ганзейского союза, был бы теперь не более, как одним из второстепенных его городов, так как главные компании морского судоходства учредили свое местопребывание в Гамбурге и в Бремене. Общая численность торгового флота Германии (за исключением судов вместимостью менее 50 кубических метров): 3.635 судов, тоннаж 1.553.902, экипаж 40.984; в том числе 1.043 парохода в 893.046 тонн.

Движение судоходства во всех немецких портах в 1893 году:

В приходе 66.655 судов, вместимостью около 14.621.000 тонн (из них груженых 57.224 судна, тоннаж 13.582.967); в том числе паровых 31.032, вместимостью 12.406.770 тонн. В отходе: 67.219 судов, вместимостью 14.734.653 (из них груженых 49.815, тоннаж 10.008.581); в том числе паровых 31.189, вместимостью 12.482.780 тонн.

Наплыв купеческих кораблей в немецких приморских портах, движение пассажиров и товаров на станциях железных дорог, великолепие зданий, воздвигаемых в больших городах, важность общественных работ и сооружений всякого рода,—все это наглядно доказывает, как сильно ошибаются те, кто говорит о Германии, как о стране «бедной». Страховые общества имеют на страхе от огня имущество на сумму свыше 50 миллиардов. Империя и отдельные государства имеют относительно мало долгов; пассив их более чем покрыт активом, состоящим из железных дорог, земель, лесов, рудников, заводов, процентных бумаг и денег. Хотя оффициальные цифры, служащие основанием при установлении налогов, гораздо ниже исчислений экономистов, последние определяют годовой доход всего населения Германской империи в 17 или 18 миллиардов франков [общий доход Пруссии в 1871 году равнялся 9.875.000.000 франков[1]], что составит по 2.100 франков на каждое семейство, состоящее из пяти лиц; списки подоходного налога насчитывают 2.400 миллионеров, но число их, вероятно, не менее 3.000. В благоприятные для торговли годы общая сумма народного сбережения простирается до миллиарда франков и более. Обращение денежных знаков достигает 3 миллиардов, но обороты, совершающиеся через посредство кредитных учреждений, достигают гораздо более значительных сумм; так, общий оборот имперского банка в 1892 году составлял 104.489 миллионов марок. Всех банковых учреждений в 1892 году было 134, из них 9 эмиссионных, 31 ипотечных и 94 кредитных банков.

Даже в так называемых «народных» банках, куда ремесленники, рабочие, служащие помещают свои маленькие вклады, движение капиталов считается миллиардами. В 1881 году 3.421 народных банков (Credit-und Vorschuss Vereine) насчитывали 1.200.000 членов; они оперировали на складочный капитал в 150 миллионов, на 600 миллионов занятого капитала, и сумма их операций равнялась 2.250 миллионов франков. Сберегательных касс в Пруссии в 1894 г. было 1.485; помещенные в них вклады составляли, в сложности, свыше 1.007 миллионов марок. Обширная деятельность почтовых и телеграфных учреждений тоже свидетельствует о возрастающей важности торговых дел в стране. Следующие цифры дают понятие о размерах почтовой и телеграфной корреспонденции:

В 1894 году переслано по почте: простых писем закрытых: в империи (кроме Баварии и Вюртемберга, имеющих свое особое почтово-телеграфное управление) 3.052.730.373; в Баварии 319.445.216; в Вюртемберге 135.295.497; открытых писем соответственно: 407 миллионов, 26 миллионов, 15 миллионов; газет и журналов соответственно: 862 милл., 121 милл., 46 милл.

Длина телеграфных линий к 1894 г. в Баварии 12.724, в Вюртемберге 4.912, в остальной империи 109.604 километров; телеграмм передано соответственно: 2.373.000; 1.238.000; 30.431.000.

Но если справедливо, что Германия принадлежит к числу богатейших государств во всем свете, то не менее верно и то, что богатство распределено между её населением очень неравномерно; эта страна не может сравниться с Францией числом состояний средней величины; материальное довольство или зажиточность не составляют там общего явления. Миллионы немецких крестьян имеют еще недостаточную пищу, живут впроголодь, и голодный тиф часто свирепствует среди рабочих населений в Шпессарте, в Саксонии, в Силезии, в бассейне Рейна. По заявлению имперского министра финансов, в 1874 г., слишком 6.250.000 лиц были освобождены, по причине бедности, от платежа всяких налогов или сборов; если принять в рассчет женщин и детей, не вписываемых в податные списки, то оказывается, что около половины жителей так бедны, что не в состоянии участвовать непосредственно в покрытии расходов государства. Около двухсот тысяч бродяг просят милостыню вдоль больших дорог. Более четырех-пятых прусского населения имели, в 1871 году, всего только 750 франков годового дохода на семью[2], и эта пропорция почти одинакова во всей Германии, за исключением разве стран, где собственность очень раздроблена, как например, в

1 Samter, „Physikalisch-Oekunomisclie Gesellsehaft zu Konigsberg“, 1873.

2 Samter, „Physikalisch-Oekunomisclie Gesellsehaft zu Konigsberg“, 1873.

Саксонии, в Вюртемберге, в Прирейнских провинциях. Доходы Саксонии, по Бемерту, в 1882 г. составляли 1.323.474.000 франк., т.е. около 1.140 франк, на плательщика.

Известно, что общий уровень образования довольно высок в Германии; даже, если верить некоторым панегиристам, можно, пожалуй, вообразить, что немецкая нация состоит из ученых; так, например, о прусской армии, переходившей через Рейн во время последней войны с Францией, говорили, как об армии географов. Но говорившие так делали ей слишком много чести. Даже первоначальное обучение детей не составляет еще в Германской империи одной из тех общих мер, которые не допускают никаких изъятий. Между тем, как в Вюртембергском королевстве все молодые люди, вступающие в армию, прошли через школу, значительное число молодых пруссаков, особенно из восточных провинций государства, незнакомы даже с первыми начатками обучения, не умеют ни читать, ни писать. Во всей Пруссии процент неграмотных новобранцев в 1893 г. был 0,69% (против 2,34% в 1882 г.); в Баварии 0,03%; во всей Германии 0,38%. Процент неграмотных в империи 0,54%.

Правда, по требованию закона, все общины имеют школы; но многие из этих школ не имеют учителей, или учителя обременены непомерным трудом, и во многих округах наставники имеют помощников, не обладающих достаточными знаниями.

Определенное уставом число наставников в Бранденбурге в 1876 году было 1.604; вакантных мест 114.

Вообще содержание, получаемое школьными наставниками, далеко не достаточно для того, чтобы обеспечить сколько-нибудь их материальное положение.

С другой стороны, работа, которая возложена на учителей начальных школ, до такой степени непосильна, что они принуждены заменять всякое серьезное обучение жалкою рутиною: в некоторых округах один наставник имеет на своих руках не менее 100 и 116 воспитанников.

По Нейману, среднее число детей на 1 наставн. в 1882 г. 72; число наставн. 61.134.

Между различными странами Германии первое место, по степени народного образования, занимает Швабия, где около одной пятой населения посещает школы. В Познани, в собственно Пруссии, восточной и западной, число учащихся в элементарных школах гораздо меньше, и невежество народа там еще велико.

Элементарных школ во всей империи в 1892 г. было 58.300 с 8.120.000 учащихся.

Средние и высшие учебные заведения получают еще очень малый процент молодых людей, хотя, впрочем, все-таки больший, чем соответствующие им заведения во Франции — институты, лицеи или коллежи; только двестипятидесятая часть жителей империи посещает эти средние школы, известные под разными наименованиями и различающиеся программою преподавания. В 1891 году всех средних учебных заведений (гимназий, прогимназий, реальных училищ, высших городских училищ и пр.) было 1.358. Что касается двадцати университетов, то в 1893 г. в них было 2.461 преподаватель и 31.575 слушателей. Кроме того, существуют различные специальные высшие учебные заведения. Подобно тому, как во Франции и в Австро-Венгрии, евреи, пропорционально, гораздо многочисленнее в высших учебных заведениях Германии, чем христиане: они в два с половиною раза превосходят, по численности, протестантов и в четыре раза католиков. Медицинские факультеты имеют меньшее число слушателей, чем во Франции; но специальное изучение естественной истории, науки сельского хозяйства, политической экономии, философии привлекает много молодых людей в университеты. Совокупность произведений литературной и научной деятельности, где главную роль играют профессора, писатели, артисты, ученые, вышедшие из высших учебных заведений, простирается ежегодно от 12.000 до 16.000 томов; в этом отношении Германия несколько превосходит Францию, если присчитывать к германской литературе сочинения, издаваемые в Австрии и в Швейцарии немецкого языка. В 1891 году общее число вновь вышедших литературных произведений в Германии, Австрии и немецкой Швейцарии было 22.570 (в 1893 г. в одной Германии вышло новых книг около 16.000). Газет и журналов в Германской империи в 1892 г. выходило 5.630. К учреждениям, делающим честь Гер-

мании, следует причислить её музыкальные общества, а также союзы гимнастов, более многочисленные, чем в какой-либо другой стране, союзы, которые много делают для силы и здоровья расы. Уже в 1881 г. ассоциация гимнастов Германии и Австрии насчитывала 2.150 групп, с 186.514 членами, тогда как во Франции в то же время было всего только 180 групп с 18.000 членов.

Чтобы вполне ознакомиться с современным состоянием Германии, следует изучить также её нравственную статистику; но для этого недостаточно одних цифр. Без сомнения, баланс пороков, статистика преступлений в больших городах, каковы Мюнхен, Берлин, Гамбург, составляют один из элементов вопроса, но, может быть, один из наименее важных: мы были бы несправедливы в отношении нации, если бы стали искать основания для беспристрастной оценки её нравственного характера в подобных средах, где алчность и разврат возбуждаются на тысячи манеров, где нищета и роскошь, перемешиваясь до бесконечности, одинаково деморализируют людскую толпу. Нужно выйти из этого шумного и растлевающего водоворота и проникнуть в самую жизнь народа, чтобы составить верное понятие об его нравственных качествах и его идеалах, чтобы оценить его в том, что он имеет великого и хорошего, и чтобы осудить вместе с тем его обыкновенные недостатки, его слабости и пороки. Когда этим путем изучаешь немецкий народ, то очень трудно узнать его в том умышленно-искаженном портрете, который нам рисуют по заказу оффициальные писаки, в одно и то же время чересчур восхваляющие и без вины презирающие своих соотечественников. О немце вообще можно сказать, не будучи несправедливым к нему, что он не всегда заслуживает похвал, расточаемых его прямодушию, мужеству, неиспорченности; но его не следует также обвинять, как это делают его панегиристы, в том, что он якобы одарен душой совершенного подданного, полагающего все свое честолюбие в служении верою и правдою своим господам.

Глава XII Правительство и администрация

Немецкая империя, учрежденная версальским декретом, в январе 1871 года, есть парламентарная или представительная монархия, состоящая из различных, больших и малых, государств, имеющих по большей части подобное же политическое устройство. В состав этой империи входят четыре королевства, шесть великих герцогств, пять герцогств, семь княжеств, три «вольные города» и одна завоеванная территория, «имперская область» или Эльзас-Лотарингия. Но только одно из этих многочисленных государств может быть названо действительно сильным и вполне независимым: это Пруссия, государь которой, принадлежащий к младшей ветви Гогенцоллернского дома, есть в то же время император всего Германского союза; больше половины немцев вдвойне его подданные: как пруссаки и как жители империи.

Император «германский», король прусский «Божиею милостию», имеет высшую власть в государстве, не только как глава исполнительной власти, но также как управитель или руководитель законодательных собраний. Он представляет нацию в сношениях с иностранными державами; ему принадлежит право объявлять войну и заключать мир, подписывать трактаты и вступать в союзы с другими государствами. Он назначает канцлера империи, выбирает сановников и чиновников, заставляет их приносить присягу, сменяет их по своему усмотрению. Он может силою принудить непокорные государства к «исполнению их долга».

Представителем государств, входящих в состав Германской империи, служит Союзный совет (Bundesrath), в котором заседают 58 членов, назначаемых непосредственно каждый своим правительством. В этом совете Пруссия имеет 17 голосов, Бавария 6, Саксония 4, Вюртемберг 4, Баден 3, Гессен 3, Мекленбург-Шверин 2, Брауншвейг 2; остальные семнадцать мелких государств пользуются каждое одним голосом; Эльзас-Лотарингия, которая считается принадлежащею коллективно всем государствам Германского союза, вовсе не име-

ет голоса в федеральном совете. Теоретически Пруссия могла бы очутиться в меньшинстве; но на деле большинство всегда на её стороне, потому что она располагает, кроме своих, голосами всех мелких государств, заключенных в пределах её территории, и которые она держит в зависимости посредством особых конвенций относительно управления их делами. Таким образом, правительство Германии по виду служит как будто представителем общих интересов страны, на самом же деле оно является преимущественно блюстителем частных интересов одного государства, играющего первенствующую роль в империи; Германский союз в действительности состоит из нескольких держав полу-независимых и из одной державы, истинно независимой и господствующей[1]. В среде союзного совета ежегодно выбираются, для специального заведывания различными отраслями государственного управления, семь коммисий: 1) по делам, касающимся сухопутных военных сил и укреплений; 2) военного флота и морских сил; 3) таможенных сборов и налогов; 4) торговли; 5) железных дорог; 6) почт и телеграфов; 7) юстиции. Император оставил за собою право назначать членов двух важнейших коммисий—военной и морской; однако, в первой из них одно место предоставлено баварскому представителю. Коммисия иностранных дел и дипломатических сношений состоит из представителей трех королевств: Баварии, Вюртемберга и Саксонии, при чем председательство принадлежит Баварии. Назначение союзного совета состоит преимущественно в изучении законопроектов, долженствующих быть внесенными в имперский парламент, и в регулировании применения уже вотированных законов. Никакая перемена не может быть сделана в конституционном договоре в случае несогласия на то (veto) четырнадцати голосов в союзном совете. Председательство в этом совете принадлежит канцлеру империи, который, кроме того, в настоящее время есть имперский министр иностранных дел и главный начальник почт, телеграфов, статистики Германии и управления завоеванною провинциею Эльзас-Лотарингиею.

Члены имперского сейма, или рейхстага, который имеет свои заседания, как и союзный совет, в Берлине, выбираются, посредством тайной, или закрытой подачи голосов, всеми жителями империи, достигшими двадцатипятилетнего возраста; следовательно, число избирателей здесь менее значительно, чем во Франции, и история парламентских выборов показывает, что между немцами охота участвовать в избирательных народных собраниях не так велика.

Каждое государство посылает в рейхстаг одного депутата на среднее население в 100.000 душ. Право избираемости в депутаты, так же, как и право быть избирателем, не ограничено никакими условиями относительно имущества или ценза; но на практике только богатые имеют доступ в парламент, исключая тот случай, когда избиратели сами дают содержание своему уполномоченному, так как члены рейхстага не получают из казны ни жалованья, ни суточных денег. Следствием такого порядка является то, что многие депутаты, предпочитая заниматься своими собственными делами, не посещают законодательного собрания; очень часто случается, что рейхстаг не может приступить к прениям по неимению достаточного числа депутатов, ибо, по закону, никакое решение палаты не считается действительным, если не констатировано присутствие больше чем половины членов. Рейхстаг избирает свое бюро (президента, вице-президента, секретарей), определяет порядок или очередь обсуждения дел, предлагает законы, подлежащие его ведению. Нормальный период законодательной сессии пятилетний; собрание может быть распущено не иначе, как по постановлению союзного совета и с согласия императора. В этом случае избиратели должны собраться в двухмесячный срок со дня распущения палаты, и вновь выбранный рейхстаг должен открыть свои заседания не позже, как через три месяца со времени закрытия прежнего. Император не может приостанавливать сессию более, чем на тридцать дней, вопреки желанию палаты, и в течение одного и того же года приостановка заседаний не должна быть делаема более одного раза.

Уже во время войны 1870 и 1871 годов установлено было военное единство Германии; с

1 Функ Брентано и Альберт Сорель, „Precis, du droit des gens“.

той поры почты и телеграфы тоже перестали принадлежать различным государствам и сделались достоянием империи (за исключением Баварии и Вюртемберга, сохранивших отдельное почтово-телеграфное управление); далее, во всей Германии введена однообразная система мер и весов, тождественная с употребляемою во Франции (метрическая); монеты, первичною единицею которых принята марка (номинальная ценность 1 фр. 25 сантим., действительная—немного меньше) или треть талера, одни и те же во всей империи, и торговое объединение, подготовлявшееся уже в течение полу столетия, достигнуто окончательно. Таможенный союз или цольферейн, который, будучи под управлением Пруссии, много содействовал политическому объединению Германии и установлению империи, ведет свое начало с 1828 года, когда Прусское королевство вступило в торговое соглашение с лежащим среди его владений великим герцогством Гессенским; в начале некоторые части королевства, тоже заключенные между иностранными территориями, не входили в состав этого союза: таможенный кордон обнимал в то время пространство около 288.500 квадр. километров, населенное 13.300.000 жителей. Мало-по-малу другие мелкие государства, сопредельные с Пруссиею, присоединились к союзу, а в 1851 году уступил, наконец, и Ганновер, особенно энергично сопротивлявшийся прусской политике присоединений в области международной торговли. Таким образом таможенная Германия была создана двадцатью годами ранее того момента, когда она образовала из себя политическую державу. На севере некоторые территории, возведенные на степень вольных портов (порто-франко), остались вне таможенного союза, именно: различные кварталы Гамбурга и Бремена, Альтона и Вандсбек, Куксгафен и остров Нейверк, Бремергафен, Гестемюнде, Фегезак и Браке; взамен того, великое герцогство Люксембургское, хотя не принадлежащее к Германской империи, составляет часть цольферейна, может быть, как материал для будущих присоединений. Таможенные сборы (по бюджету 1895-96 г.: 348.572.000 марок), вместе с доходами от почт и телеграфов и акцизом на свекловичный сахар, соль, пиво, водку, табак, поступают в бюджет Германского союза. В случае недостаточности доходов, империя может заключать прямые займы, или разлагать излишек расходов пропорционально между различными государствами союза.

Берлин, местопребывание имперского правительства, есть вместе с тем столица Пруссии, и две законодательные палаты королевства, совокупность которых составляет прусский государственный сейм, или ландтаг, имеют свои заседания в этом городе, так же, как и два высшие учреждения Германской империи—союзный совет и рейхстаг. Палата господ (Herrenhaus), заключающая более трех сот членов, состоит из герцогов, князей, графов и баронов, заседающих по праву рождения, и из лиц, назначаемых королем или по своему собственному усмотрению, или по ходатайству дворянских обществ, богатых землевладельцев, университетов и городов; но очень многие из членов этой палаты слишком большие господа, чтобы пользоваться своими парламентскими правами, и присутствие шестидесяти членов считается достаточным для того, чтобы постановления её имели законную силу. Что касается другой палаты прусского сейма, палаты представителей или депутатов (Haus der Abgeordneten), то члены её, в числе четырехсот тридцати трех, выбираются не всеобщею подачею голосов, как члены имперского сейма, но посредством голосования о двух степенях и с соблюдением известных условий относительно избирательного ценза. Избиратели первой степени, или первоначальные (Urwahler), разделены на три класса, очень неравные по численности, но равные по количеству платимого налога, и выбирающие столько же избирателей второй степени, так называемых Wahlmanner, которые уже выбирают депутатов в сейм. Подобно соответственным представительным собраниям других европейских государств, прусская палата депутатов занимается рассмотрением государственного бюджета, или росписи доходов и расходов, вносимой ответственными министрами, и обсуждением законопроектов, представляемых или правительством, или группою, по меньшей мере, пятнадцати членов палаты. Государь может распустить палату; в этом случае производятся новые выборы, и палата в новом составе членов должна открыть свои заседания во дворце ландтага не позже, как через три месяца после распущенна старой. Никакой закон не может вступить в действие, если он не был вотирован обеими палатами сейма и не получил королевской

санкции.

Государь, облеченный исполнительною властью, разделяет труды по управлению с государственным советом, в котором заседают принцы, высшие сановники, члены, назначаемые непосредственно королем, и с министерством, состоящим из девяти членов: президента совета министров, министра иностранных дел, министра финансов, министра духовных дел, народного просвещения и общественного здравия, министра торговли, промышленности и публичных работ, министра внутренних дел, министра юстиции, военного министра и министра земледелия. Министр королевского двора не заседает в совете; но влияние его очень велико: иногда оно уравновешивало власть других министров и подавало повод к важным столкновением. Тайный совет короля не принимает никакого оффициального участия в управлении государством.

Три другие королевства Германской империи, Бавария, Саксония и Вюртемберг, имеют почти такое же государственное устройство, как и Пруссия: это тоже представительные монархии, имеющие совет министров, в числе которых существует даже военный министр, и две законодательные палаты, из которых первая, или верхняя, состоит частию из членов, заседающих по праву рождения, частию из членов, назначаемых королевскою властью, а вторая, или нижняя—из депутатов, выбираемых народом по различным способам избирательной системы. Из второстепенных государств Германии в одном только Вюртемберге введена всеобщая подача голосов, но и там она применяется только при выборе представителей больших городов и уездов, и в палате, кроме того, присутствуют делегаты от дворянства, от церквей и от университета. Впрочем, законодательные собрания этих королевств созываются только раз в два года, для вотирования бюджета; в промежутки же между сессиями заседает делегация из двенадцати членов, состоящая из представителей обеих палат. В великом герцогстве Баденском бюджет вотируется на два года. Это государство так же, как и сосед его, великое герцогство Гессен-Дармштадтское, подражают королевствам Германии своим парламентским механизмом, состоящим из двух палат и ответственного министерства.

Мелкие государства Тюрингенские или Саксонские, равно как Брауншвейг и Ольденбург, имеют по одной палате, собирающейся через большие промежутки времени и состоящей из пятнадцати до сорока трех членов, смотря по величине государства; палата герцогства Саксен-Кобург-Гота, заседающая попеременно в городах Кобурге и Готе, состоит из членов, назначаемых на одну треть Кобургским сеймом и на две трети Готским сеймом, отдельными собраниями, которые, в свою очередь, выбираются посредством двух-степенной системы подачи голосов. Что касается Вальдека, то это княжество имеет свой особенный сейм, назначаемый непосредственно всею совокупностью народа; но управление краем принадлежит Пруссии, и из всех немецких государств эта земелька наименее сохранила действительной независимости. Ландтаг княжества Липпе-Детмольд состоит из двух «курий», из которых одна выбирается «рыцарством», а в другой заседают делегаты от городов и сельских землевладельцев; но эти курии пользуются лишь совещательным голосом и не имеют никакого права заниматься финансами княжеских удельных имуществ. В княжестве Шаумбург-Липпе конституция отличается более либеральным характером: из пятнадцати членов сейма—пять представителей городов и пять депутатов сельских обществ выбираются посредством всеобщей и непосредственной подачи голосов; из остальных пяти членов—один избирается крупными земельными собственниками, другой—духовенством, третий—лицами судебного сословия, медиками и профессорами; наконец, два назначаются самим князем. Герцогство Ангальт, управляемое правительством, более недоверчивым к народному представительству, имеет совещательную палату, заседания которой, при том же, происходят при закрытых дверях. Два Мекленбургские великия герцогства, оставшиеся вне всякого конституционного лицемерия, представляют еще полуфеодальные государства, где вся политическая власть принадлежит дворянству. Крестьянское сословие не имеет даже представителей в ландтаге Мекленбург-Шверина; пятьсот «рыцарей», или владельцев дворянских имений, пользуются правом голоса на сейме, но этому собранию придается так мало значения, что

присутствия четырех членов, двух рыцарей и двух бургомистров, достаточно для того, чтобы совещания его имели законную силу. В Мекленбург-Стрелице шведское влияние, некогда преобладавшее, заметно и до сих пор в политическом и социальном быте: разграничение сословий установлено там яснее и определеннее, чем во всяком другом государстве Германии, составом ландтага, где три владельца дворянских имений, три пастора, три бюргера заседают купно с тремя арендаторами и девятью крестьянскими выборными; но этот сейм, так хорошо подобранный, не имеет никакой власти, так как его совещания не могут вести к вотированию законов. Три вольные города, Бремен, Гамбург, Любек, составляют яркий контраст с Мекленбургскими великими герцогствами: правительственная власть принадлежит там представительным собраниям, сенату и городскому совету. Однако, форма правления в этих республиканских городах есть, в сущности, денежная аристократия: сенат, состоящий, во всех трех городах, из юристов и негоциантов, выбирает из своей среды бургомистров, заведует администрациею и назначает должностных лиц.

Из этого видно, что в Германии число политических деятелей, заседающих в совещательных и законодательных собраниях и принимающих участие, по крайней мере оффициально, в управлении делами своих государств, весьма значительно. Считая только членов палат, выбираемых большею частию народным голосованием, непосредственным или двух-степенным, всеобщим или ограниченным условиями имущественного ценза, находим, для всей Германской империи, громадный итог законодателей, слишком две тысячи. По различным немецким государствам это число распределяется следующим образом: имперский сейм или рейхстаг—397 членов; Пруссия—433; Бавария—159; Саксония—82; Вюртемберг—93; Баден—63; Гессен-Дармштадт—50; Саксен-Веймар—31; Саксен-Мейнинген—24; Саксен-Кобург-Гота—30; Саксен-Альтенбург—30; Шварцбург-Рудольштадт—16; Шварцбург-Зондерсгаузен—15; Рейс, старшая линия—12; Рейс, младшая линия—16; Вальдек—15; Липпе-Детмольд—21; Шаумбург-Липпе—15; Ангальт—36; Брауншвейг—46; Ольденбург—34; Бремен—166; Гамбург—178, Любек—120. Эта огромная цифра законодателей, правда, уменьшается отчасти вследствие совмещения должностей в одном лице. Большая часть членов рейхстага заседают вместе с тем или в одной из прусских палат, или в представительных собраниях других немецких государств. Следствием этого является то, что в эпоху, когда различные законодательные собрания открывают свои сессии одновременно, многие из политических деятелей, наиболее авторитетные, не могут присутствовать на заседаниях которой-либо из палат, к которым они принадлежат, или должны перебегать из одной палаты в другую, только для того, чтобы подавать голос, не принимая участия в прениях. Но в то время, как государства Германии кишат законодателями, считая их сотнями, Эльзас-Лотарингия, пожалованная титулом «имперской земли», только с 1881 г. имеет собрание, облеченное кое-какими законодательными правами. Эта территория управляется губернатором или обер-президентом, подчиненным непосредственно канцлеру империи и долженствующим представлять в своем лице интересы и нужды края перед имперским советом. При этом должностном лице, которое может располагать чрезвычайными рессурсами, предоставляемыми законом об осадном положении, состоит административный совет, решения которого подлежат исполнению, когда, по меньшей мере, пятеро из его членов принимали участие в совещаниях по данному вопросу. Ниже обер-президента, в административной иерархии, следуют президенты и директоры, заменившие французских префектов и подпрефектов, но облеченные более широкою властью, чем какою пользовались эти последние. Вообще эта завоеванная провинция управляется «по всей строгости»; оттого и администрация стоит там сравнительно гораздо дороже, чем во всей зарейнской Германии[1].

Преобладающее положение Пруссии в империи, без сомнения, поведет к тому, что рано или поздно вся Германия будет иметь бюрократический механизм, подобный механизму Прусского королевства. Королевство это разделено на двенадцать провинций, подразделяющихся на области или губернии (Regierungs-Bezirgen, в Ганновере Landdrosteien), которые,

1 Ш. Град, „Considerations sur les finances et l'administration de l'Alsace-Lorraine“, 1877.

в свою очередь, делятся на округи (Kreise), в числе которых находятся города с населением свыше 25.000 душ, требующие выделения из их городских округов.

Прусское общинное устройство еще далеко не однообразно, несмотря на новые законы, изданные по этому предмету со времени учреждения империи. Различные традиции каждой из провинций, последовательно присоединенных к Прусскому государству, различие законодательств, относящихся к городам, к деревням, к большим имениям, многочисленные исключения, освященные местными обычаями, наконец, статуты, составленные по инициативе некоторых муниципальных учреждений,—все это способствовало сохранению разнообразия в управлении общинами. Города управляются или выборным советом, магистратом, или бургомистром (городским головой), который назначается собранием избирателей и утверждается в должности центральным правительством; подобно тому, как и для выбора депутатов в прусский парламент, городские избиратели разделены на три группы, представляющие каждая не треть населения, но треть общей суммы налогов. Что касается сельских общин, то еще недавно они управлялись, при содействии или без содействия муниципального совета, наследственным старшиною, шульцом, или просто уполномоченным помещика; в настоящее время это должностное лицо и его помощники выбираются на десять лет и утверждаются в должности амтманом и ландратом. Государство признает общинные права также и за большими имениями или поместьями; в этом случае помещик должен отправлять обязанности полиции, конечно, не своим именем, а как уполномоченный правительства, и все общинные расходы покрывает из собственных средств.

Кантон или уезд (Amt) организован таким образом, чтобы прочно группировать маленькия общины в одну большую. Уезды состоят по большей части из маленького города и окрестных сел и деревень; они управляются амтманом, который всегда выбирается из почетных обывателей уезда, но не избирателями, а окружным сеймом или земским собранием и утверждается в должности главным начальником провинции. Это настоящий мер, с очень обширными правами; при нем состоит уездный комитет, в состав которого входят старшины общин, помощники и некоторые другие выборные представители. В общинах достаточно больших, чтобы образовать отдельный кантон, старшина исполняет обязанности амтмана, и его муниципальный совет делается уездным комитетом.

Округ составляет политическую группу, по виду более независимую, чем кантон. Он имеет представительство, крейстаг, или окружное земское собрание, выбираемое тремя категориями избирателей, принадлежащих к городам, к классу крупных землевладельцев, к сельским общинам, но с тою разницею, что в деревнях подача голосов на выборах проходит через две степени; впрочем, выборы производятся не пропорционально числу жителей, но в соразмерности с величиною имуществ. Орган или агент исполнительной власти в округе, называемый ландратом, назначается королем, по представлению крейстага: это нечто в роде французского подпрефекта; он облечен большою властью. Ландрат председательствует в постоянной коммисии или управе, выбираемой окружным собранием и заменяющей его в промежутки между сессиями. Эта коммисия, состоящая из шести членов, назначается на шестилетний период, или из среды самого крейстага, или из лиц, не принадлежащих к этому собранию, и обновляется посредством последовательной замены трети личного состава; священнослужители, школьные наставники и лица судебного ведомства не могут быть выбираемы в коммисию. Она назначает должностных лиц окружного управления и, по уполномочию государства, заведует общественными работами, путями сообщения, богоугодными заведениями, санитарною полициею. Кроме того, она пользуется опекунскою властью над общинами, составляет суд первой инстанции по делам, касающимся администрации, и распоряжается фондами, отпускаемыми государством на управление округа.

Области представляют деления преимущественно административные,—те деления, посредством которых государственная власть с наибольшею силою проявляет свое действие на страну. Областное правление состоит из президента, директоров и ассесоров, которые все назначаются королем, и составляют вместе совет или коллегию. Эта коллегия подразделяется

на несколько второстепенных комитетов, заведующих специально административными, духовными, фискальными делами, и в особенно важных случаях собирается в полном составе для обсуждения данного вопроса; когда президент оказывается в меньшинстве в этих общих собраниях, он может представить дело на разрешение главного начальника провинции.

Во главе каждого из главных административных делений королевства, так-называемых провинций, из которых многие суть бывшие государства, присоединенные к Пруссии, стоят две власти, одна, пекущаяся непосредственно об интересах провинции—это провинциальный сейм, другая, представляющая интересы правительства,—это главный начальник провинции или обер-президент, при котором состоит совет главного управления. Провинциальный сейм должен быть созываем королем, по меньшей мере, через каждые два года, но может быть созываем и чаще, если того потребуют дела. Сейм назначает свое бюро (председателя и секретарей), вотирует свой бюджет, покупает или отчуждает имущества, установляет налоги, заключает займы, дает свое мнение о законопроектах, представляемых на его рассмотрение, выбирает директора и членов постоянной коммисии, долженствующей приводить в действие принадлежащую ему долю исполнительной власти в провинции. Провинциальное представительство участвует также в назначении личного состава совета главного управления, состоящего при обер-президенте провинции, и который может быть уподоблен французскому совету префектуры; из семи членов этого совета—пять выбираются провинциальным сеймом и из его среды, а остальные два назначаются правительством. Но, хотя выборное начало, повидимому, играет довольно важную роль в политическом устройстве Прусского королевства, государственная власть нисколько не теряет от этого своей силы и могущества. Высшая административная юрисдикция, составленная исключительно из судей, назначаемых королем, произносит безапелляционное решение во всех случаях столкновения или пререканий о пределах власти и круге ведомства между избирательными учреждениями и представителями или органами государства; кроме того, главный начальник провинции (обер-президент) и министр внутренних дел имеют право безусловно воспротивиться всякому решению собраний или их делегатов, которое им покажется противным законам или интересам правительства.

Во всем мире нет страны, где это отвлеченное существо, называемое государством, пользовалось бы таким благоговейным почитанием, как в Германии, и особенно в Пруссии. Государство—это не государь, не отечество; нация, с её языком, её нравами, её внутреннею жизнью, не играет тут никакой роли, не имеет никакой цены. Государство—это совокупность бюрократии, с её таинственными пружинами, с её секретным механизмом, со всею её бесконечною иерархиею, идущею от короля до последнего кандидата в мундире; нечиновный же народ представляет для неё лишь массу, подлежащую переписи, обложению податями и повинностями, управлению, обработыванию на все манеры.

Прусская бюрократия отличается между всеми бюрократиями единством и дисциплиною: это армия, маневрирующая как на смотрах, предшествующих сражениям. Прусские чиновники ни мало не похожи на чиновников других стран; про них никак нельзя сказать, что они первые готовы злословить свое правительство, разоблачать его слабые стороны, поднимать на смех своих начальников. Они, напротив, глубоко убеждены в своей миссии; они слепо веруют в государство, которого являются служителями и истолкователями; видя его неизменным, независящим поочередно от одной или другой политической партии, они и сами не изменяются и опираются на него с полным доверием; они вверяют ему всю свою судьбу. Впрочем, труд, который от них требуется, весьма серьезен, и, разумеется, они тем преданнее, чем труднее их работа. Не говоря уже об обыкновенных экзаменах, требуемых при выходе из гимназии, они должны еще сначала выдержать первое испытание по юридическим предметам после трехлетнего пребывания на университетской скамье, затем с трудом подниматься, со ступеньки на ступеньку и от экзамена к экзамену, до административных должностей; даже протекция может доставлять места только кандидатам, уже подготовленным многотрудным ученьем к их будущему посту. Но раз усевшись на месте, прусский чи-

новник может считать свое положение почти окончательно обеспеченным; он не может быть уволен от службы иначе, как по приговору дисциплинарного суда и после отказа на апелляционную жалобу, принесенную им на это решение в совет министров. Облеченные большою властью, чиновники могут принимать важные решения по собственному усмотрению, без предварительного сношения с центральным правительством; им рекомендуется приучаться действовать по собственной инициативе: каждый из них должен сознавать себя частью государства. Поэтому они смотрят на свою роль очень серьезно; чиновники до мозга костей, они остаются таковыми даже в семейной жизни, и мужнина слава озаряет своими лучами и супругу: жены чиновников везде украшают себя титулом мужей, придавая ему окончание женского рода, и когда они встречаются в обществе или на улице, оффициальный этикет требует, чтобы при разговоре, к фамилиям собеседниц каждый раз прибавлялся курьезный ряд рангов или титулов, на которые мужья имеют право по своему служебному положению.

В последнее время охватившая всех бешеная страсть к биржевой игре и соблазн, производимый примерами быстрого обогащения, деморализовали многих чиновников; но, не принимая в рассчет этих исключений, можно сказать, что вообще прусские чиновники вносят большую экономию в управление общественными суммами и много методы в свою работу. Приводимая ими в действие административная машина идет ровным ходом, без тряски и толчков; граждане жалуются, правда, на их высокомерный тон, но тем не менее повинуются; бывшие унтер-офицеры, приученные в военной службе к строгой субординации, к беспрекословному исполнению приказаний начальства, к почитанию установленных формул, занимают все должности подначальных чиновников и приучают администрируемых к порядку и дисциплине. При таких условиях весьма естественно, что бюрократия, то-есть государство, хочет забрать в свои оффициальные кадры все, что еще ускользает от неё: «один король, один закон»— таков её девиз.

Что касается религии, то она пользуется свободою, и уже два столетия все христианские вероисповедания признаются, как «терпимыя», «дозволенные законом» или «привилегированныя»; но государство взяло на себя заботу устроить управление церковью, к которой оффициально принадлежат две трети жителей Пруссии. Так, с 1830 года правительству удалось слить в одно исповедание, называемое евангелическим, лютеран и реформатов; имущества, уставы, все теперь общее у этих двух церквей, и их организация соответствует организации провинций: в главном городе каждого из этих административных делений королевства существует духовная консистория, во главе которой стоит суперинтендент, и члены которой назначаются королем, совмещающим в своей особе верховную власть церкви и государства. Эта консистория назначает пасторов в приходы, состоящие под королевским покровительством, утверждает других выбираемых священнослужителей, наблюдает за преподаванием закона Божия в школах, управляет церковными имуществами. Духовные чиновники так же, как и гражданские, пользуются большою независимостью, но они употребляют свою инициативу в пользу государства. Вообще протестантская церковь в своей совокупности есть лишь одно из колес административного механизма; уже задолго до провозглашения империи она подготовляла политическое объединение, доставляя кадры, где протестанты двух главных сект Германии соединились в одно вероисповедание, приятное государству. Но католическая церковь, государь которой находится в Риме, обязана к двойному повиновению —папе и императору: отсюда эта возобновленная средневековая борьба между папством и императорскою властью, называемая ныне «борьбою за цивилизацию», Kulturkampf. Закон, изданный в апреле 1873 года, отменил выдачу какого бы то ни было денежного содержания священнослужителям, каких бы то ни было вспомоществований католической церкви со стороны государства во многих епархиях, как равно в прусских частях епархий майнцской, ольмюцской и пражской; многие прелаты или высшие духовные сановники были, сверх того, подвергнуты денежным штрафам и тюремному заключению. Римско-католическая церковь в Германии делится на следующие архиепископства и епископства:

Архиепископства	*Епископства*
Познань и Гнезно	Кульм, Эрмеланд.
Бреславль (княжеское епископство)	
(Ольмюц) (Прага)	Силезские католики
Кёльн	Гильдесгейм, Оснабрюк, Мюнстер, Падерборн, Фульда, Лимбург, Трир, Майнц
Фрейбург-Брейзгау	Фрейбург.
Мюнхен и Фрейзинг	Аугсбург, Пассау, Регенсбург.
Бамберг	Вюрцбург, Эйхштедт, Шпейер.
	Дрезденский викариат (епископство Леонтопольское in partibus).
(Безансон)	Страсбург, Мец.

Что касается секты старокатоликов, значение которой сильно преувеличивали, выставляя ее как новую церковь, то число её последователей уменьшается с каждым днем, и можно сказать, что это скорее политическая партия, чем религиозная секта: старокатолики в Германии сравнительно еще малочисленнее, чем в Швейцарии; в 1890 году насчитывалось во всех немецких государствах только 79 старокатолических общин, с 30.000 членов. Большинство лиц, оставляющих установленные церкви, покидают их вследствие религиозного индифферентизма и присоединяются к массе, все более и более увеличивающейся, людей, для которых религия есть не более, как оффициальный ярлык, показываемый в дни народной переписи. По вероисповеданиям, население Германии в 1890 году распределялось следующим образом:

Протестантов 31.026.810; католиков 17.671.929; евреев 567.884; последователей других исповеданий, или без указания религии 13.315.

Большая часть тех, которых статистика показывает исповедующими ту или другую обрядность, не посещает храмов Божиих. Деревни вообще более привязаны, чем города, к обрядностям культа, и католики более, чем протестанты.

Подобно церкви, и школа находится в руках государства, хотя на первый взгляд, судя по независимости, которою по закону пользуются училищные коммисии и университетские профессора, можно подумать, что существует полная свобода преподавания. Все учителя и наставники—чиновники государства, все получили от него свои должности, прямо или косвенно, все были узко приучены к беспрекословному повиновению службою в армии, прежде, чем вступили на поприще педагогической деятельности. Программы учебных курсов сочиняются высшими чиновниками и пасторами, которым принадлежит также и контроль за ходом преподавания. Что касается университетов, то они образуют, но только по виду, своего рода государство в государстве. Совокупность профессоров составляет отдельную административную корпорацию, пользующуюся самоуправлением; она избирает периодически из своей среды ректора и членов «академического сената», установляет порядок лекций, наблюдает за дисциплиною студентов, рассматривает аттестаты кандидатов, дает собственною властью ученые степени лицам, прослушавшим университетский курс. Студенты тоже образуют признанную корпорацию, правильно организованную. Они считаются «академическими гражданами»; прежде, чем быть подданными государства, они подсудны университетскому сенату. Но все эти привилегии нисколько не изменяют сущности дела; профессора тем лучше служат правительству, чем меньше им приходится терпеть от его вмешательства; студенты, с своей стороны, не могут забывать, что они приготовляются к чиновничьей карьере. «Университет почитает за честь и славу быть стражем интеллектуальной корпорации Гогенцоллернов»—так выразился в своей речи один прусский rector magnificus, Дюбуа-Реймон. Тем не менее, высшие учебные заведения остаются центрами научной жизни, весьма важными по своему влиянию как для Германии, так и для всего мира. Свобода мысли и научного исследования гарантирована в этих высших школах институтом так называемых приватдоцентов, или профессоров без оффициальной зависимости, которые имеют право преподавать науки, избирая по своему желанию тот или другой предмет и метод изложения для своих лекций; единственное условие, которое от них требуется,—это то, чтобы они получили образование в одном из немецких университетов. «Полная свобода учить, полная свобода учиться» (Lehr-und Lernfreiheit)—таков принцип, представляемый этими вольными профес-

сорами. Не вербуемые своими собратами, не приверженные к рутине, не связанные оффициальною программою, они оспаривают слушателей у преподавателей, назначаемых правительством, и тем заставляют ординарных профессоров внимательнее относиться к своему преподаванию; правда, что и между ними есть много таких, которые не имеют другого честолюбия, кроме желания добиться казенного места, и пользуются вольною кафедрою только как ступенью к кафедре оффициальной. Институт приват-доцентов вполне обеспечивал бы свободу слова в университетах, еслибы высшие советы не оставили за собою права обуздывать «непристойныя» речи предостережениями и запрещением читать лекции; говорят, что они не раз пользовались этим правом для удовлетворения личного соперничества или вражды, внушенной духом партии.

Пресса так же, как и высшее образование, пользуется в Германии, повидимому, большою свободою; известно, однако, что правительство не только употребляет огромное влияние, которое дает ему власть, для того, чтобы дирижировать по своему произволу так называемым общественным мнением, но оно, кроме того, тратит на дело пруссификации часть бюджета, именуемую оффициально «фондом гвельфов», обыкновенное же её название, обязанное своим происхождением тому самому министру, который первый дал этим деньгам такое назначение,—«фонд пресмыкающихся». Так как частные имущества короля ганноверского и курфюрста гессен-кассельского были конфискованы в 1866 году, то правительство, благодаря этому обстоятельству, располагает ежегодно суммою более двух с половиною миллионов, которая употребляется главным образом на плату за низкие услуги продажных «пресмыкающихся» прессы.

До недавнего времени в различных государствах, соединенных теперь под именем Германской империи, законодательство отличалось большою разнохарактерностью. Пруссия имела свой свод законов, но более или менее видоизмененный, смотря по провинциям, старинными обычаями и местными привилегиями. Саксония тоже ввела у себя особенный кодекс в 1863 году. Ганновер, Мекленбург, курфюршество Гессен-Кассель, Бавария, Вюртемберг принадлежали к области обычного права, различно видоизмененного правом римским, правом каноническим, правом феодальным, древними законами священной Римско-Германской империи. Наконец, прирейнские провинции Пруссии и Баварии сохранили французский гражданский кодекс; Баден тоже слегка видоизменил его, сообразно местным условиям и потребностям. Понятно, что Прусское государство должно было стремиться к введению единства в этот хаос разнообразных, нередко даже противоречивых, законов, и действительно, с каждым годом оно постепенно расширяло пределы территории, где господствует прусское право. Однако, ему остается еще много сделать, чтобы изгладить совершенно следы прежних законодательств, и теперь оно осторожно приступает к отмене в Эльзас-Лотарингии французского гражданского кодекса. Вообще говоря, границы провинций, областей и округов совпадают в административном и судебном делении. Иерархия трибуналов в Пруссии следующая: 13 высших судов (Oberlandsgerichte) и 89 областных судов (Landgerichte). Многие чересполосные территории исчезнут со введением нового положения, и централизация будет действовать беспрепятственно. Нет сомнения, что мало-по-малу вся остальная, не прусская Германия последует, добровольно или против воли, примеру, данному господствующею державою, и Берлин сделается рано или поздно юридическою столицею империи, как он уже сделался её главным пунктом политическим и военным. Однако, две из высших судебных властей находятся не в Берлине: высший апелляционный трибунал Любека ведает не только дела, касающиеся трех вольных городов, но также, по отношению ко всей Германии, дела о государственной измене, о преступлениях против государства и против отечества; Лейпциг есть местопребывание верховного кассационного суда и высшего коммерческого суда, и от этого же города непосредственно зависят судебные учреждения Эльзаса-Лотарингии.

Все усилия государства направлены к тому, чтобы достигнуть возможно большего и разностороннего вмешательства во взаимные отношения граждан, с целью давать совокупности

общества более правильный, более урегулированный ход и таким образом увеличивать число тех, которые находятся в непосредственной зависимости от правительства, как чиновники, получающие от него жалованье. Оно располагает уже очень обширным прямым влиянием посредством всех своих инспекторов и советов по части земледелия, промышленности, статистики, гигиены, народного здравия; но по отношению к весьма значительной части народного труда оно больше чем советник и надзиратель, оно—хозяин и распорядитель. Владея большею частию рудников и копей, оно разрабатывает их само или отдает в арендное содержание откупщикам: оно прямо заинтересовано в разведке рудных месторождений, в хорошем устройстве шахт и галлерей, в применении усовершенствованных способов разработки, в употреблении добываемых руд для целей промышленности, в создании большого числа горных заводов, для которых оно является заказчиком или покровителем. Его преобладающее положение позволяет ему управлять по своей воле рынком металлов, останавливать всякую конкурренцию, принимать на себя роль патрона в отношении частных лиц и компаний, которые еще обладают кое-какими рудниками рядом с казенными.

Правительство Германской империи постепенно приобрело господство над главными путями сообщения, над товарным и пассажирским движением, что позволяет ему регулировать, по своему произволу, отношения между производителями: оно хочет овладеть всеми железными дорогами, пересекающими немецкую территорию, и, несмотря на оппозицию конкуррирующих компаний и государств, владения которых не заключены в пределах Пруссии, оно все более и более приближается к своей цели. Уже большая часть рельсовых путей германской сети принадлежат империи или состоят под её непосредственным управлением. Общая длина германских железных дорог в 1895 году: 45.985 килом.; линии, принадлежащие государству, 41.066 килом.; линии компаний, управляемые государством, 304 килом.; линии, управляемые компаниями, 4.615 килом.

Благодаря обладанию главными железно-дорожными линиями, империя может привлекать движение на свои рельсовые пути, установила дифференциальные тарифы; она может разорить в конец соперничающие с нею компании; частные железнодорожные общества, одно за другим, принуждены уступать, и акционеры их увеличивают против воли толпу владельцев государственных бумаг. Овладевая железными путями сообщения, правительство умножает вместе с тем громадную армию своих чиновников и служащих. Горнозаводские рабочие, механики, сторожа, стрелочники, весь персонал железных дорог, почт и телеграфов, публичных работ и т.д. составляют весьма значительную часть населения империи: если считать семейства всего этого служащего люда, получающего жалованье из государственной казны, то нужно класть по малой мере в полтора миллиона число лиц, судьба которых зависит от правительства. Таким образом, могущество государства опирается на мир работников, которые не могут угрожать ему стачками, потому что всякое прекращение работы было бы в то же время бунтом, за которым следовало бы неминуемое поражение участников стачки. Так значительна теперь часть народа, которую правительство держит в прямой зависимости посредством жалованья или заработной платы, так велико число подданных, привлекаемых промышленно-торговыми предприятиями государства в ряды его непосредственных слуг, что нет ничего удивительного, если правителям приписывают мысль закрепостить постепенно всю нацию. Во всяком случае, несомненно то, что покупка сети железных дорог даст правителям возможность располагать, для мирных работ, армиею гораздо более многочисленною, чем та, которая служит им для защиты территории или для нападения на другие государства. В обеих этих армиях дисциплина будет одна и та же, потому что правительство набирает почти исключительно между военными всех служащих, в которых оно нуждается для своих железных дорог, рудников, фабрик и лесов.

Пруссия—и через нее Германия—есть, как известно, держава по преимуществу военная. «Война составляет национальный промысел Пруссии», говаривал Мирабо, и эти слова, очень верные в век Фридриха II, опять сделались отчасти справедливыми в наше время. В Германской империи военная служба обязательна для всех молодых людей, достигших два-

дцатилетнего возраста, хотя только седьмая часть их призывается под знамена. От исполнения воинской повинности избавлены только князья, священнослужители и кандидаты богословия, а также единственные и необходимые опоры семьи; но рекруты, недостигающие узаконенной меры (1,57 метров), бракуются и заменяются другими; так как число годных все-таки значительно превышает требуемый контингент, то выбор делается посредством жеребья. Заместительство, то-есть поставка вместо себя другого лица, не допускается. Молодые люди, признанные годными к службе, но освобожденные жеребьем, остаются в распоряжении военного начальства, которое сохраняет право зачислить их на службу в один из двух следующих годов, если нужный контингент не может быть пополнен иным способом. Но этот случай представляется редко, и жребий решает в действительности, своими «счастливыми» и «несчастливыми» нумерами, участь людей, внесенных в рекрутские списки. Средним числом, две трети годных к службе конскриптов получают двухгодичную отсрочку в отношении призыва, как вынувшие счастливые нумера. Но более одной пятой, а в некоторые годы даже более четверти подлежащих исполнению воинской повинности, не чувствуя особенной любви к военной славе, успевают скрыться от агентов конскрипции: это по большей части молодые люди, бегущие из отечества искать счастья в какой-нибудь из европейских стран или в Новом Свете. Молодой солдат должен оставаться три года под знаменами, то-есть на действительной службе, затем четыре года в запасе и, наконец, пять лет в ландвере или ополчении.

Кроме того, существует еще третий запас, ландштурм (народное ополчение), который должен быть призываем к охранению крепостей и укрепленных лагерей в случае вторжения неприятельской армии в пределы государства. По закону 3 августа 1893 г., мирный состав армии в период от 1 октября 1893 года по 31 марта 1899 года определен в 179.229 человек (без офицеров, унтер-офицеров и вольноопределяющихся), как средний годовой состав. В 1894 году наличный состав армии по штатам мирного времени: 22.618 офицеров, 557.210 унтер-офицеров и рядовых; 97.280 лошадей; по штатам военного времени: 2.549.918 человек; с прибавкой же 6 классов 2 призыва ландштурма 1870-1875 годов и 12 классов запасного резерва 1883-1894 годов получится почти вдвое большая цифра.

Молодые люди от семнадцати до двадцатилетнего возраста, которым состояние позволяет экипироваться и содержать себя на собственные средства, и которые выдержат перед экзаменационною коммисиею испытание по установленной программе, могут получить позволение служить только один год. Большому числу из них разрешается слушать лекции в университете в продолжение их года службы, и многие продолжают потом свое военное образование, чтобы получить право поступления в общество офицеров. Кроме того, существуют специальные военные школы или кадетские корпуса, имеющие все вместе, средним числом, около 1.700 воспитанников. Молодые люди, окончившие курс в этих учебных заведениях и успешно выдержавшие экзамен, поступают в полк и должны прослужить полгода до чина портупей-прапорщика. Затем, прежде чем быть произведенными в офицеры, они должны пробыть год в военном училище и сдать новый экзамен; да и после исполнения этого условия, они могут получить офицерский чин только в таком случае, если будут единогласно приняты их будущими товарищами в общество офицеров. Молодые офицеры, желающие поступить в артиллерию или инженерный корпус, должны получить специальное образование в училищах артиллерийском или инженерном. Наконец, выше всех помянутых учебных заведений существует еще военная академия, настоящий университет, где курс продолжается три года, и куда имеют доступ только те из офицеров, которые обладают большими способностями, хорошим здоровьем и хорошим состоянием; каждый год, офицеры, слушающие академический курс, должны составлять записки по различным военным вопросам, и о тех из них, которые представляют наиболее замечательные работы, докладывают, в конце третьего года, начальнику главного штаба; между ними-то последний обыкновенно и выбирает офицеров, долженствующих служить ему помощниками. Но на всех ступенях военной иерархии, офицеры генерального штаба могут быть произведены в высший чин не иначе, как по пробытии по меньшей мере года на действительной службе. Из этого видно, как серьезен труд, требуемый

от офицеров в прусской армии: оттого-то простому солдату там очень трудно, даже почти невозможно в мирное время возвыситься до офицерского чина; только во время войны какие-нибудь из ряда выходящие подвиги или отличия позволяют ему перешагнуть первые ступени военной иерархии, но и в этом случае он должен приобрести образование, которого ему не доставало в начале. Точно также разночинцы, даже вышедшие из военных школ, не находят такой легкой дороги, как лица привилегированного сословия, исключая разве специальных родов оружия, артиллерии и корпуса инженеров: в настоящее время корпусные командиры и дивизионные генералы все из дворян. Вообще в прусской армии господствует тот принцип, что дисциплина облегчается высоким общественным положением фамилий, к которым принадлежат начальники; солдат должен видеть в них высшие существа, составляющие часть касты, отличной от его касты. При том же дисциплина там чрезвычайно строгая, почти жестокая; число самоубийств в этой армии очень велико; так, например, в 1868 году 1 самоубийство приходилось на 2.238 солдат.

Германская армия, за исключением гвардии, набираемой во всех частях империи, делится на двадцать корпусов (2 в Баварии, по 1 в Саксонии и Вюртемберге, 16 в Пруссии и остальных государствах), из которых каждый расположен гарнизоном в городах той самой провинции, откуда поступили солдаты. Германия разделена территориально на полки, батальоны и роты ландвера; столбы, поставленные у входа в деревни, как будто у дверей казармы, указывают нумера всех военных делений и подразделений, к которым причислена данная сельская община. Эта областная организация в значительной степени облегчает мобилизацию войск, а главное—она гораздо экономичнее.

Крепости в Германии не многочисленны: в это последнее время многие из них, даже весьма важные, как например, эрфуртская, были упразднены. Правительство желает иметь небольшое число крепостей, но достаточно обширных для того, чтобы они могли служить большими укрепленными лагерями и облегчать наступательную войну. Теперь по всей империи, считая тут и морские берега, только 38 крепостей, которые делятся на первоклассные и второклассные. К первой категории принадлежат: Страсбург и Мец, Раштат, Майнц, Гермерсгейм, Кобленц, Кёльн, Везель, Ульм, Ингольштадт, Магдебург, Глогау, Нейсе, Кюстрин, Шпандау, Торн, Познань, Данциг, Кёнигсберг. Второклассные крепости суть: Новый Бризах или Брейзах, Бич, Тионвиль, Сарлуи, Торгау, Кёнигштейн, Глац, Мариенбург и Бойен. Кроме того, Германия имеет следующие укрепления на морском берегу: Вильгемсгафен, укрепления при устьях Везера и Эльбы, Зондербург, Фридрихсорт (Киль), Пиллау, Мемель, Кольберг, Свинемюнде, Штральзунд.

Военный флот Германии довольно значителен, не только для защиты берегов, но даже для наступательной войны против какого-нибудь второстепенного государства. Состав флота в 1895 году: 89 судов в 260.937 тонн и в 294.970 индикаторных сил; экипаж—22.314 человек. Немецкий флот состоит из судов троякого типа: боевых кораблей, фрегатов или корветов; крейсеров и станционеров; вестовых судов. Главные порты германского военного флота —Киль на Балтике и Вильгельмсгафен на Северном море. Так как набор экипажей сделался очень затруднителен, по причине дезертирования матросов, которых не привлекает даже довольно высокое жалованье в виду страшной дисциплины, господствующей на военных судах, то правительство принуждено пополнять нужный ему контингент, набирая людей для флота не только между моряками, но также между земледельцами прибрежных провинций.

Военное могущество Германии, превосходящее могущество всякого другого государства хорошею организациею войска и исправным содержанием вооружения, не рискует быть скомпрометтированным от расстройства финансов. Без сомнения, различные государства, входящие в состав Германской империи, имеют, как и все европейские державы, долги, совокупность которых нужно считать миллиардами. Следующая таблица показывает вотированные бюджеты и долги империи и отдельных государств, принадлежащих к Германскому союзу, при чем цифры выражены в франках (считая немецкую марку равною 1 фр. 25 сантимам);

	Доходы	Расходы	Долги	
Империя (1895-96 г.)	1.239.250.441	1.239.250.441	2.182.048.000	
Пруссия (1895-96 г.)	1.899.473.497	1.899.473.497	6.353.866.318	
Бавария (1894-95 г.)	328.341.269	328.341.269	1.388.856.567	
Саксония (1895 г.)	100.684.389	100.684.389	701.734.850	
Вюртемберг (1896-97 г.)	71.363.601	71.744.325	463.714.000	(94 г.)
Баден (1895 г.)	67.118.039	67.118.039	333.000.000	
Гессен (1896-97 г.)	27.652.964	27.563.830	40.181.846	(95 г.)
Ольденбург (1895 г.)	9.451.966	10.846.507	46.800.000	(94 г.)
Два Мекленбурга (1895 г.)	20.670.000	-	116.000.000	
Брауншвейг (1894-95 г.)	14.171.000	14.171.000	104.938.099	
Ангальт (1895-96 г.)	22.487.900	22.487.900	1.038.000	(94 г.)
Липпе (1895-96 г.)	1.190.514	1.190.514	810.000	(94 г.)
Эльзас-Лотарингия (1895-96 г.)	50.909.323	50.909.323	740.286	
Бремен (1894-95 г.)	17.123.182	25.535.763	114.000.000	
Гамбург (1895 г.)	65.762.638	71.839.150	326.000.000	(94 г.)
Любек (1895-96 г.)	4.616.194	4.616.194	9.549.407	(93 г.)

Но нужно заметить, что очень большая часть этого долга обеспечена имуществами различных государств и в особенности железными дорогами. Многие из государств Германии, и прежде всего Пруссия, имеют актив в рельсовых путях и в государственных имуществах всякого рода, далеко превышающий их пассив. В качестве господствующего в империи государства, Пруссия съумела частию свалить на имперский бюджет, и следовательно на другие союзные государства, огромное бремя содержания армий: её финансы, питаемые не только разного рода налогами и сборами, но также прибылями от торговли, промышленности и банкового дела, наконец, и лоттерейною игрою, приобрели весьма большую эластичность вследствие уменьшения военного бюджета, и государственный долг её убавился на многие сотни миллионов, тогда как её богатство увеличилось в еще более значительный пропорции.

Другие немецкия государства менее состоятельны, и именно Бавария, государство, которое особенно неохотно подчиняется приказаниям, исходящим из Берлина, находится в наиболее затруднительном финансовом положении сравнительно с другими членами Германского союза; Пруссия может во многих случаях, пользуясь выгодами своего финансового положения, диктовать свои условия этому главному королевству южной Германии. Что касается бюджета империи, то он каждый год представляет равновесие доходов с расходами. Но так как нормальные источники, предназначенные для этого бюджета, как-то: таможенный сбор, пошлины с некоторых предметов потребления, гербовый сбор, доходы от почт, телеграфов, железных дорог, монетного двора, оказываются недостаточными для покрытия расходов на армию и флот, которые содержатся на счет империи, то правительство достигает равновесия в бюджете посредством матрикулярных взносов: так называется добавочная сумма к ежегодному налогу, взимаемому с каждого из государств союза. Этот дополнительный взнос год от году увеличивается, и все указывает на то, что, вследствие усиления централизации, общий бюджет империи будет постепенно разростаться, в ущерб частным бюджетам союзных государств.

Принимая во внимание все обстоятельства, можно сказать, что налоги в Германии менее тяжелы, чем в других больших государствах Европы и Нового Света, и хотя кредит Пруссии еще гораздо слабее кредита Англии и Франции, однако, бремя долга, лежащее на её будущем, не может сравниться по тяжести с бременем, которое должна нести большая часть соседних народов, как видно из следующей сравнительной таблицы, показывающей пропорциональную величину налогов в главных государствах.

Доля налога и долга на каждого жителя в 1880 году:

	Налог, франков	или на 1 ж.	Долг, франков	или на 1 ж.
Франция	2.980.000.000	80	25.000.000.000	675
Великобритания	2.137.500.000	61	18.910.000.000	530
Соед. Штаты	1.525.000.000	31	9.120.000.000	179
Австро-Венгрия	1.530.000.000	40	11.150.000.000	293
Россия	2.687.500.000	37	15.000.000.000	206
Италия	1.412.000.000	49	11.820.000.000	422
Испания	752.000.000	45	12.920.000.000	808
Голландия	255.000.000	63	1.974.000.000	490
Бельгия	271.000.000	49	2.041.000.000	354
Германия	2.335.000.000	53	6.026.000.000	136

Кроме того, германское правительство, как известно, всегда готово к войне; не только его армия, даже на мирном положении, всегда снаряжена как будто накануне открытия неприятельских действий, но и главные крепости увеличены или перестроены, арсеналы наполнены оружием. Специальная военная казна, хранимая в Шпандау, и так называемый «фонд инвалидов», из французского военного вознаграждения, превышавшего пять миллиардов (5.715.550.000 фр.), составляет запасный капитал около миллиарда франков, который постоянно растет от накопления процентов, и которым правительство может располагать при первой тревоге. Из этого видно, как прочно материальное положение немецкой империи среди других государств. Большие политические тела растут и умирают, как отдельные люди; организм же, занимающий центр Европы, находится теперь в периоде развития, и, судя по всему, он еще долго сохранит одушевляющую его силу движения вперед: внутри у него нет опасных врагов, с которыми нужно было бы вести упорную борьбу, и если он не имеет естественных друзей за пределами своих границ, то, по крайней мере, на его стороне все поклонники победы, все куртизаны успеха, все те, кого боязнь будущего заставляет быть благоразумными. Эра присоединений, кажется, еще не кончилась, и миллионы людей, особенно на юге, в направлении к Дунаю и Адриатическому морю, задают себе вопрос: суждено ли им вскоре переменить господина и увеличить толпу подданных в новой империи. Так будет расти и возвышаться роль Германии в политическом мире до тех пор, пока скипетр не перейдет к другому государству, может быть, к России, центру более обширного круга стран и народов, который обнимает разом большую часть Европы и континента Азии.

Но в то время, как Германское государство будет следовать стезею своих судеб, какова будет участь самих немцев? Будут ли они иметь больше свободы? Управляемые столь высокою властью, выиграют ли они в счастьи, в человеческом достоинстве, в нравственной цене? Мечта их исполнилась: «священная Римская империя», которую они старались воскресить, возродилась, наконец, менее обширная, но более могущественная, чем прежде. Удовлетворятся ли они этим осуществлением их идеала, или, перестав обращать взор к временам давно минувшим, для того, чтобы направить его к грядущей эпохе, они научат соседние народы, так как верят в свою гегемонию, что истинная слава состоит не в том, чтобы величать себя подданными могущественного повелителя и заставить себя бояться, а в том, чтобы быть свободными и заставить себя любить?

Нижеследующая таблица дает список немецких государств, с главными территориальными делениями, их пространством и населением по переписи 1 декабря 1890 г.:

ПРУССИЯ

Провинции	Области	Пространство		Население в 1890 г.	
		По областям кв. клм.	По провинциям кв. клм.	По областям жителей	По провинциям жителей
I. Вост. Пруссия	Кенигсберг	21.106 11	36.974 87	1.172.149	1.958.663
	Гумбинен	15.868 76		786.514	
II. Запад. Пруссия	Данциг (Гданск)	7.954 69	25.482 99	589.176	1.433.681
	Мариенвердер	17.528 30		844.505	
III. Познань	Познань	17.503 24	28.951 53	1.126.591	1.751.642
	Бромберг	11.448 29		625.051	

Провинции	Области	Пространство		Население в 1890 г.	
		По областям кв. клм.	По провинциям кв. клм.	По областям жителей	По провинциям жителей
IV. Бранденбург	Город Берлин	59 23		1.578.794	
	Потсдам	20.640 295	39.888 785	1.404.626	4.120.577
	Франкфурт н. О.	19.189 26		1.137.757	
V. Силезия	Бреславль	13.475 28		1.599.322	
	Оппельн	13.213 43	40.289 16	1.577.731	4.224.458
	Лигниц	13.600 45		1.047.405	
VI. Померания	Кеслин (Цеслин)	14.039 81		563.569	
	Штетин	12.076 46	30.121 81	749.017	1.520.889
	Штральзунд	4.005 54		208.303	
VII. Саксония	Магдебург	11.503 835		1.071.421	
	Мерзебург	10.209 75	25.245 255	1.075.569	2.580.010
	Эрфурт	3.531 67		433.020	
VIII. Шлезвиг-Голштейн	Шлезвиг	17.522 86	18.695 15		1.219.513
	Лауенбург	1.172 29			
IX. Ганновер	Ганновер	5.805 80		562.212	
	Гильдесгейм	5.154 10		476.263	
	Люнебург	11.622 80	38.478 20	420.093	2.278.361
	Штаде	6.629 20		338.195	
	Оснабрюк	6.262 20		299.478	
	Аурих	3.004 10		218.120	
X. Гессен-Нассау	Кассель	10.439 27	15.895 48	820.988	1.664.426
	Висбаден	5.456 21		843.438	
XI. Вестфалия	Мюнстер	7.249 04		536.241	
	Миндель	5.253 16	20.199 10	549.709	2.428.661
	Арнсберг	7.296 90		1.342.711	
XII. Прирейнская Пруссия	Кельн	3.974 36		827.074	
	Дюссельдорф	5.467 09		1.973.115	
	Кобленц	6.197 54	26.974 88	633.638	4.710.391
	Трир	7.182 14		711.998	
	Ахен	4.153 75		564.566	
XIII. Гогенцоллерн	Гогенцоллерн	1.142 05	1.142 05	66.085	66.085
			348.339 29	29.957.367	29.957.367

ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНИИ

Государства	Территориальные деления	Пространство		Население в 1890 году	
		По округам кв. клм.	По государствам кв. клм.	По округам жителей	По государствам жителей
Королевство Бавария	Верхняя Бавария	17.046 53		1.103.160	
	Нижняя Бавария	10.767 57		664.798	
	Прирейнский палатинат	5.937 06		728.339	
	Верхний паланинат и Регенсбург	9.964 76	76.863 49	537.954	5.594.982
	Верхняя Франкония	6.999 15		573.320	
	Средняя Франкония	7.559 23		700.606	
	Нижняя Франкония	8.398 39		618.489	
	Швабия и Нейбург	9.490 80		668.316	
Королевство Саксония	Дрезденский округ	4.336 86		950.530	
	Лейпцигский	3.567 36	14.992 97	871.132	3.502.684
	Цвиккауский	4.619 01		1.310.283	
	Бауценский	2.469 74		370.739	
Королевство Вюртемберг	Неккарский	3.326 79		665.049	
	Шварцвальдский	4.773 21	19.503 69	481.334	2.036.522
	Дунайский	6.264 77		487.148	
	Ягстский	5.138 92		402.991	
Великое герцогство Баденское	Констанцский	4.168 82	15.075 69	281.770	1.657.867
	Фрейбургский	4.739 69		469.515	

Государства	Территориальные деления	Пространство		Население в 1890 году	
		По округам кв. клм.	По государствам кв. клм.	По округам жителей	По государствам жителей
	Калсруэский	2.572 58		445.156	
	Мангеймский	3.593 91		461.426	
Великое герцогство Гессенское	Штаркенбург	3.018 42		419.642	
	Прирейнский Гессен	3.285 41	7.677 65	307.329	992.883
	Верхний Гессен	1.373 81		265.912	
Великое герцогство Мекленбург-Шверин	Мекленбург-Шверин	13.303 77	13.303 77	578.342	578.342
Великое герцогство Мекленбург-Стрелиц	Герцогство Мекленбург-Стрелиц	2.547 56	2.929 50		97.978
	Княжество Рацебург	381 94			
Великое герцогство Саксен-Веймар	Веймар	1.771 37			
	Эйзенах	1.221 85	3.635 80		326.091
	Нейштадт	642 58			
Великое герцогство Ольденбург	Герцогство Ольденбург	5.375 40	6.399 60	279.008	354.968
	Княжество Любек	521 34		34.718	
	„ Биркенфельд	502 86		41.242	
Герцогство Брауншвейг	Брауншвейг	543 09			
	Вольфенбюттель	763 01			
	Гельмштадт	788 06	3.690 43		403.773
	Гандерсгейм	547 71			
	Гольцминден	573 87			
	Бланкенбург	470 70			
Герцогство Саксен-Мейнинген	Мейнинген	736 36			
	Гильдбурггаузен	786 34	2.468 41		223.832
	Зоннеберг	347 20			
	Зальфельд	598 51			
Герцогство Саксен-Альтенбург	Восточный округ	658 51	1.321 50		170.864
	Западный округ	663 50			
Герцогство Саксен-Кобург-Гота	Герцогство Кобург	561 99	1.967 75	59.287	206.513
	„ Гота	1.405 76		147.226	
Герцогство Ангальт	Дессау				
	Кетен				
	Цербст		2.347 35		271.963
	Бернбург				
	Балленштедт				
Княжество Шварцбург-Рудольштадт	Оберланд	735 09	942 13		85.863
	Нидерланд	207 04			
Княжество Шварцбург-Зондерсгаузен	Оберланд	342 77	862 11		75.510
	Нидерланд	519 34			
Княжество Вальдек	Вальдек	1.068 75	1.135 10		57.281
	Пирмонт	66 35			
Княжество Рейс старшая линия	Княжество Рейс	316 39	316 39	62.754	62.754
Княжество Рейс младшая линия	Оберланд	543 91	829 25		119.811
	Нидерланд	285 34			
Княжество Шаумбург-Липпе	Шаумбург-Липпе	340 02	340 02	39.163	39.163
Княжество Липпе-Детмольд	Липпе-Детмольд	1.134 30	1.134 30	128.495	128.495
Любек	Любек	299 00	299 00	76.485	76.485
Бремен	Город и городской округ	248 70	259 29		180.443
	Бременгафен	1 59			
Гамбург	Город и городской округ	323 47	407 22		622.530

Государства	Территориальные деления	Пространство По округам кв. клм.	Пространство По государствам кв. клм.	Население в 1890 году По округам жителей	Население в 1890 году По государствам жителей
	Ритцебюттель	83 75			
Эльзас-Лотарингия, имперская область	Верхний Эльзас	3.504 69	14.511 74	471.609	1.603.506
	Нижний Эльзас	4.774 34		621.505	
	Лотарингия	6.232 68		510.392	

Глава XIII. Швейцария

I

Швейцарская республика, название которой заимствовано от Швица, одного из самых малых её кантонов, занимает и вся очень незначительную территорию в сравнении с пространством окружающих ее государств. Занимаемая ею площадь менее одной двухсотой части Европы или одной двенадцатитысячной части земной поверхности: в громадной империи, какова Россия или Бразилия, округ таких размеров считался бы незаслуживающим внимания и даже не был бы поименован на большей части карт.

Однако, Швейцария, как она ни мала, есть одна из важнейших стран Европы по своему географическому положению. Взятая в совокупности с теми политическими очертаниями, которые дали ей превратности войн и трактатов, она должна быть рассматриваема как середина истинной Европы. Здесь возвышается, на цоколе из плоскогорий, если не самая высокая вершина, то группа самых могучих горных узлов Альпийской системы, наиболее покрытых снегом и льдом[1]; здесь реки центральной Европы получают относительно наибольшее обилие своих вод и проходят через глубокие и обширные бассейны, громадные резервуары, где регулируется их дебит или объем текущей воды. Швейцария в своих ледниках и озерах содержит значительную часть воды, оплодотворяющей соседния равнины; покрытые снегом и льдом вершины Гельветических Альп служат отчасти источником богатств Ломбардии, приронской Франции и южной Германии.

В былые времена эти горы внушали не малый страх. Путешественники обегали Швейцарию по причине дикого характера её ущелий и трудности её дорог; большая часть торговых трактов делали большие обходы для того только, чтобы не пересекать высокие горные узлы Альп. Теперь, напротив, иностранцы толпами устремляются в Швейцарию, чтобы созерцать её ледники, её кручи, её водопады, так что страна, от которой прежде всего более сторонились, в наши дни сделалась самою любимою и наиболее посещаемою из всех стран земного шара. У современного человека родилась новая страсть—любовь к горам: этим и объясняется непрерывный прилив туристов, едущих насладиться зрелищем Женевского озера, ледников Роны, водопада Гандек, вечных снегов величественной Юнгфрау. Швейцария сделалась как бы общим отечеством, сборным пунктом для всех любителей грандиозных картин природы; в наши дни жизнь кажется неполной, если ей не достает высокого наслаждения, доставляемого поездкою на Альпы. Самое имя Швейцарии вызывает в уме идею несравненных пейзажей, и все области Европы усеяны «маленькими швейцариями», т.е. местностями, названными так потому, что в их местоположении, величественном или очаровательном, находят некоторое сходство с этою прекрасною страною.

Швейцария, кроме того, представляет глубокий научный интерес по своей истории, по своему политическому устройству и по группировке входящих в её состав национальностей. В силу её географического положения, судьбы этой земельки значительно разнились от исторической жизни государств, прилегающих к её горам, т.е. Италии, Франции, Германии;

1 Средняя высота Швейцарии над уровнем моря, по Лейпольдту, 1299,9 метров.

различные народности, составляющие швейцарскую федерацию, могли лучше, чем обитатели равнин, сохранить свои античные предания, свои нравы и обычаи, и в то же время они съумели, благодаря большей политической свободе и большей местной инициативе, занять почетное место в ряду европейских народов, пользующихся сравнительно наибольшим материальным благосостоянием и всеобщим образованием; как показывает статистика, Швейцария во многих отношениях есть одна из первых между цивилизованными нациями. География должна помочь истории в разъяснении причин этого высокого положения, достигнутого Швейцариею.

Пространство Швейцарии (с принадлежащею ей частью Констанцского озера)—41.419 кв. километров; обитаемое пространство, по Денцлеру,—26.830 кв. килом.; население 1 декабря 1888 г.—2.933.334 души; среднее число жителей на 1 кв. километр—71.

II

Горы Швейцарии состоят из множества групп, хребтов, острогов, расположенных, повидимому, без всякого определенного порядка. Их первоначальная форма ускользает от взора геологов, по причине изменений всякого рода, которым они подвергались в течение веков, вследствие боковых давлений, колебаний уровня почвы, лавин, обвалов, размывов. Однако, при более внимательном исследовании, и теперь еще легко убедиться, что эти горы составляют систему узлов, расходящихся в виде радиусов вокруг средней или центральной группы.

Эта группа гор, служащая, так сказать, венцом свода для всех других, есть Сен-Готард; здесь соединяются сходящиеся гряды главных возвышенностей Швейцарии: Тессинские Альпы, горная масса Симплона, Бернский Оберланд, Титлис, Тёди, горы Граубюндена. Еще в половине прошлого столетия вершины Сен-Готарда считались самыми высокими горами Швейцарии и Европы; даже в 1755 году полковник Мишели дю-Кре, смешивавший эту группу с группою Титлис, определял высоту её в 5.500 метр.; в то время полагали, что горы, откуда вытекает такое обилие воды, должны иметь и возвышение, соответствующее их гидрографической важности; в Сен-Готарде видели нечто в роде макушки или конька крыши Европы, подобного той «кровле мира», которая высится в центре азиятского континента. Изучение рельефа земной поверхности показало, однако, что высота истоков и величина рек —географические факты, не имеющие между собою непосредственной связи; но, тем не менее, можно сказать с достоверностью, что Сен-Готард некогда был гораздо выше, чем ныне. Доказательством этого, по словам геологов, служит теперешняя форма этой группы, в которой внутренняя гранитная масса и верхний покров, состоящий из сланцев и известняков, разрушены на вершине, как развалившийся купол громадного здания. Даже в текущем геологическом периоде природа много потрудилась над понижением этой горной массы, и собственно плоскогорье Сен-Готарда, с его округленными и обнаженными скалами, с его маленькими впадинами или рытвинами, наполненными, смотря по времени года, водою или льдом, носят на себе очевидные следы разрушительного действия стихий. Потоки, берущие начало в снегах этого массива, унесли все обломки, которыми они наполнили соседния озера и покрыли ниже лежащие равнины.

В настоящее время группа Сен-Готарда не только не самая высокая, но, напротив, самая низкая между группами Центральных Альп: средняя высота её вершин не достигает 3.000 метр., т.е. едва доходит до нижнего предела вечного снега. Даже если расширить границы этой группы и включить в нее все вершины исполинского каменного вала, который тянется полукругом с востока на запад на пространстве 33 килом., от ущелья Нуфенен до прохода Лукманьер, то и в таком случае мы находим здесь лишь горы второстепенной высоты, в сравнении с другими вершинами Альп; точно также и ледники, выходящие из их верхних цирков, имеют относительно незначительные размеры.

Средняя высота вершин этого массива, по Штудеру,—2.870 метр.; самая высокая вершина, Пиццо-Ротондо—3.189 метр.; Сен-Готардский проход—2.114 метр.; проход Нуфенен—

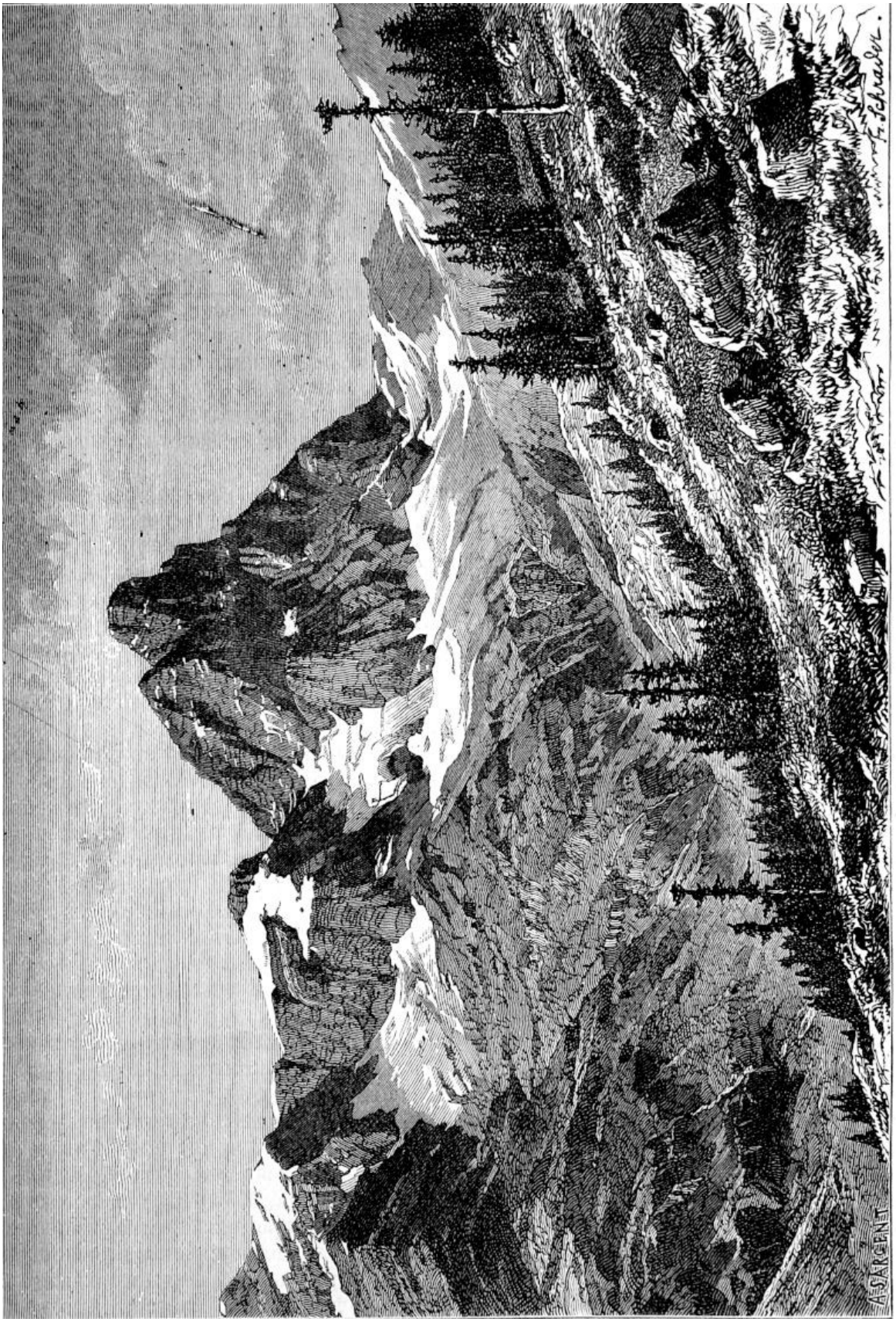
2.440 метр.; проход Лукманьер—1.917 метров.

Благодаря этому понижению главного альпийского гребня и схождению долин, область Сен-Готарда сделалась необходимым перекрестком между различными частями Швейцарии. Огромные борозды, вырытые в толще гор долинами Роны и Рейна, сходятся здесь своими концами и пересекаются с поперечным разрезом, где протекает с одной стороны р. Рейса, с другой—р. Тессин. Высокая долина Андермат, бывший озерной бассейн, сухое дно которого теперь покрыто летом зеленеющим ковром, а зимою снежным саваном, обозначает истинный орографический центр Гельвеции, чем и объясняется тот факт, что здесь сходятся четыре главные дороги Альпийских гор. Если бы не суровый климат, эта точка встречи главных путей, без сомнения, сделалась бы важным центром населения. Но города, даже местечки могли возникнуть только на гораздо меньшей высоте, в более теплом климате. И действительно, ниже, при выходе из ущелий Сен-Готарда, образовался политический центр, вокруг которого последовательно сгруппировались все другие кантоны Швейцарии. Там находится знаменитая деревня Альторф, главное место гордого, сурового населения Ури, которое избрало себе гербом дикого быка и которое в стольких славных битвах шло всегда во главе своих союзников.

Долины, открывающиеся на юге Сен-Готарда и по которым текут притоки реки По, были одним из первых завоеваний, сделанных урийцами на иностранной территории. В политическом отношении и, без сомнения, согласно с желанием жителей, этот край принадлежит к Швейцарии; но по своему положению, климату, растительности, по происхождению и нравам населения Тессин бесспорно составляет часть Италии, точно так же, как Вальтелина и другие области пиемонтского и ломбардского склона. Как огромный межевой ров, возвышенная долина Тессина, вырытая на юге Сен-Готарда, ясно обозначает естественную границу: горы центральной группы Швейцарии обращены в эту сторону крутым склоном, тогда как на севере они имеют более отлогий скат. Впрочем, одна часть южного склона образует широкое плато, прежде чем спуститься обрывом к долине Тессина: это чудный бассейн долины Валь-Пиора, с очаровательными озерами, окруженными в летнее время цветущими лугами. Продолжаясь на восток, это плоскогорье соединяется с пастбищами Лукманьера, где центральный гребень Альп, повидимому, исчезает совершенно: от него остались только отдельные скалы,—геологические «свидетели» гор, уничтоженных всесокрушающей рукою времени.

Группа Тессина, состоящая главным образом из тех же кристаллических пород, как и Сен-Готард, выше последнего в одной из своих вершин, именно Базодино (3.276 метр.), но только немногие из ее пиков достигают высоты более 2.500 метр. Обращенные к полуденному солнцу и получая, вследствие частых гроз, весьма значительное количество атмосферной влаги, Тессинские Альпы подвержены, более других гор Швейцарии, размывающему действию дождевой воды, которое свершается здесь сравнительно с наибольшею быстротою: каждая вершина, изрезанная широкими оврагами и глубокими рытвинами, окруженная откосами из осыпавшихся обломков, есть не что иное, как развалина; во многих местах в долинах видны следы прежних озер, удерживаемых некогда в своих бассейнах естественными плотинами из обвалившегося камня, которые с течением времени должны были уступить напору вод; в других местах показывают остатки селений, раздавленных падавшими с горы каменными глыбами; известны также примеры деревень, которые скатились по склону гор вместе с поверхностным слоем почвы. Одна из долин, которая соединяется с долиною реки Маджиа, впадающей в Лаго-Маджиоре, близ Локарно, обязана своим названием Ченто-Валли (Cento Valli, Сто долин) множеству оврагов и груд каменных обломков, образовавшихся в ней от разрушительного действия снега и дождя. Капризы горных ручьев, несущих массы песку и камня, тем опаснее для живущего по берегам их населения, что ложа этих потоков сильно наклонены к стороне Италии. Долины их, имеющие более крутой спуск, чем долины Роны и Рейна, на северном склоне Альп, должны естественно катить свои выступившие из берегов воды с большею стремительностью. Кроме того, тессинцы и сами в большей мере,

чем северные швейцарцы, помогают разрушительному действию горных потоков истреблением леса на склонах гор: жадные к выгодам, которые можно получить в настоящем, не заботясь о бедствиях, приготовляемых для будущего, они вырубают последовательно все леса,



Маттергорнъ и долина Турнаншъ.

и обнаженная растительная земля смывается и уносится дождевою и снежною водою. Понятно, что, при таких условиях, жизнь горца в этих краях очень трудная: на возвышенных склонах климат слишком суров, земля слишком непроизводительна; внизу, по берегам гор-

ных потоков, его домам и нивам постоянно грозит опасность обвалов и наводнений.

Одна часть итальянской Швейцарии находится в более благоприятных условиях, чем долины, впадающие в долину Тессина: мы говорим об области странной формы, далеко вдающейся в итальянскую территорию, и которую называют Сотто-Ченере, по имени цепи, защищающей ее на севере от холодных ветров. Это одна из замечательнейших областей по разнообразию ее геологических формаций: мы находим здесь гранит, гнейс, порфир красный и черный, веррукан, доломит, мел, юру, третичные образования. Ниже верхних пастбищ склоны покрыты дубом, буком, орешником, ракитником; каштановые лески окружают селения, разбросанные по предгорьям и передним холмам; ниже идут тутовые рощи и виноградники на поросших травою террасах, расположенных уступами по косогорам; обширный амфитеатр гор представляет сплошную массу зелени, за исключением нескольких отвесных скал, отражающихся в водах Черезио. Словом, мы уже в Италии, далеко от северных гор.

Между тем как политическая Швейцария продолжается вглубь Ломбардии, возвышенная итальянская долина Точе проникает до самого Сен-Готарда: в этом месте реки Точе, Тессина, Рона текут в разные стороны горизонта на пространстве менее 12 клм. шириною. Этот узкий перешеек гор, продолжением которого служат Монте-Леоне и другие вершины Симплона, есть гребень, соединяющий Сен-Готард с могучею группою Монте-Розы и и с группою Мон-Блана, непосредственным продолжением той же цепи. Наружный вид кряжей, соединяющих эти группы, сильно изменился в течение предыдущих геологических эпох земли. Когда эти горы имели еще свою первоначальную форму, главные гряды направлялись с северо-востока на юго-запад, по нормальной оси Швейцарских Альп. Линия, проведенная мысленно в этом направлении, и теперь еще встречает очень высокие горы, между прочим, Мишабель (Mischabelhorner), самые возвышенные вершины, лежащие целиком на швейцарской территории. Соединяющий эти исполинские каменные пирамиды главный гребень, состоящий из легко выветривающихся слюдяных сланцев, известняков, полевошпатных пород, был постепенно размыт горными потоками. Линия раздела вод должна была отодвинуться к югу до кристаллических склонов Монте-Розы, и величавые массы вершин Мишабель, составлявшие некогда часть главной цепи, возвышаются теперь лишь над побочными кряжами. Таким образом, капля воды своей продолжительною неустанною работою может с течением времени переместить даже ось горных цепей.

Разрушение этих горных масс, усиливаемое истреблением лесов, идет так быстро, что путешественник, едущий по долине Роны, видит на каждом повороте дороги груды каменных обломков, скатившиеся или принесенные водами с соседних гор. Местами Рона съуживается, проходя между обвалами, имеющими вид настоящих гор, и когда мы взберемся с большими усилиями на эти обвалы, то увидим за ними в массе гор огромные котловины, образовавшиеся путем размыва и с каждым годом увеличивающиеся от действия дождей и тающего снега. Таков, например, знаменитый кратер Ильграбена, имеющий не менее трех километров в поперечнике по направлению с севера на юг, и с которым очень немногие жерла вулканов могут сравняться по величине. Точно так же прекрасная гора Пьер-а-Вуа (Pierre-a-Voie), получившая это название[1] от старинной дороги богомольцев, плиты которой восходят до самой вершины, обращена на юго-запад, к Санбраншеселу, полукруглым, изрезанным оврагами, склоном, похожим на выщербленный кратер огнедышащей горы. Чтобы составить себе понятие о процессе разрушения, совершающемся постоянно на наших глазах, достаточно взглянуть на две грандиозные горы: Дан-дю-Миди и Дан-де-Моркль, стоящие одна против другой, по обе стороны Ронской долины. Этот великолепный портал в 3 клм. высотою, колонны которого обозначают восточную границу прежнего бассейна Женевского озера, был весь изъсечен метеорами. Прежде цепь Бюэ и зубчатый гребень, составляющий ее продолжение под именем Дан-дю-Миди, тянулись далее на северо-восток и соединялись с Бернскими Альпами посредством Дан-де-Моркль; теперь эти две горы представляют постепенно разрушающиеся руины. В новейшие времена часто случалось, что с Дан-дю-Миди, от

1 Жавель, „Notes manuscrites". Многие ошибочно называют эту гору Pierre-a-Voir.

действия дождей, таяния снегов или землетрясений, сыпались в долины целые потоки скал и камней, в роде того, какой упал в 563 г. с соседней горы Грамон или Дерошиас на замок Тауретунум, и вследствие которого воды озера Леман выступили из берегов и затопили все прибрежные города[1]. Не раз Рона, задержанная в своем течении постепенно накопившимися массами грязи и камней, превращалась в временное озеро, разливаясь километров на пять в ширину выше этой естественной запруды. В таких случаях поспешно отправляли партии рабочих прочистить речное русло и тем предупредить страшное наводнение. В 1855 г. падение камней продолжалось целые недели, даже месяцы, и во все это время рабочие и жители равнины были предупреждены посредством особых сигналов: артиллеристы, поставленные на выступе горы, наблюдали обрушивающийся бок вершины; как только они замечали, что один камень отделился от скалы и полетел вниз, прыгая с уступа на уступ, выстрел из пушки, гром которого разносился далеко по долине, возвещал о начинающемся обвале.

По глубокой впадине, большей частью безплодной, усеянной булыжником или покрытой болотами, в которой течет Рона, невозможно составить себе понятия о поразительной красоте пейзажей, скрывающихся наверху, в зеленеющих долинах и наполненных снегом котловинах гор главного хребта. Стены скал, бугры обломков, крутые повороты закрывают перспективу почти всех боковых долин, поднимающихся к югу. Во многих местах невольно задаешь себе вопрос: каким образом жители высоко лежащих селений могут взбираться по кручам до своих шале и спускаться с продуктами на дно долины. Многие долины до такой степени замкнуты, что даже ветер едва проникает в них; бури в таких долинах почти неизвестны, и дожди, отчасти задерживаемые окружающими горами, выпадают там не так обильно, как в больших открытых долинах. Но стоит только перешагнуть все эти препятствия, встречаемые при входе, откуда с шумом вырываются, через узкие трещины в скалах, горные потоки, бегущие каскадами по камням,—и мы разом очутимся среди совершенно другой природы, как будто в новом мире.

Между этими боковыми долинами, поднимающимися к главному хребту, одни приятно ласкают взор своими зеленеющими лужайками, группами деревьев, живописными маленькими озерами, ручейками, извивающимися среди цветов; другие, более широкие, постепенно раздвигая свои склоны в виде чудных перспектив, показывают вдали амфитеатр высоких вершин с их голыми скалами, фирновыми полями, ледяными языками, высунувшимися почти до самых полей. Одна из этих долин, по которой протекает р. Вьеж или Виспах, принадлежит к прекраснейшим долинам в мире; это одна из тех долин, где можно созерцать, так сказать, резюме всего величия Альп; турист отправляется туда с чувством благоговения, точно в священное место,—и действительно, это место освященно восторгом, который испытывают все посетившие его. Внизу расстилается широким ковром приятная зелень лугов и лесов, среди которой теряются группы хижин, приютившихся у подножия крутых скатов; вверху громоздятся снежные вершины гор, высокие склоны которых покрыты струящимися ледяными массами. С какой-нибудь центральной скалы, всего лучше с знаменитого Горнерграта, можно обозревать разом весь цирк, образуемый Монте-Розою, Маттергорном и боковыми хребтами, изгибающимися к северу; у самого основания скалы расстилается ледяное море, продолжающееся далее в виде реки, которая увлекает в своем течении шесть параллельных морен совершенно правильной формы. Над высокими ледниками поднимаются верхняя макушки Монте-Розы и других гор с их зубчатыми утесами, оттеняемыми контрастом снегов, а прямо против наблюдателя высится величавая пирамида Мон-Сервен или Маттергорн, как будто нависшая над ледяными полями, лежащими метров на тысячу ниже; вершина этой пирамиды представляет голый камень; только кое-где видны полоски снега, задержавшагося в углублениях скал. Менее высокий, но более изолированный, чем вершины Монте-Розы, Маттергорн есть одна из главных лабораторий гроз, и ветры, только-что про-

1 Григорий Турский и Марий Аваншский. См. мемуары Фореля, Даваля, Вальера, напечатанные в „Bulletin vandois des sciences naturelles".

несшиеся над окружающими его снежными полями, встречаются на самом повороте его ребер с током теплого воздуха, который поднимается с равнин Италии. Часто водяные пары воздушного пространства сгущаются на углах горы в снег и, подхваченные ветром, кружатся около вершины, словно дым вулкана. Но нередко бывает также, что эта великолепная гора красуется во всем своем величии, ярко обрисовываясь на темно-синем фоне неба, и тогда фанатические поклонники Маттергорна (и он имеет своих обожателей, также как и свои жертвы) могут различать снизу узкие проходы, по которым смельчаки взбираются на крутизны. Вокруг громоздится целый кортеж других вершин, которые тоже привлекают туристов своими кручами, глетчерами и пропастями; но как ни велика отвага и ловкость путешественников, предпринимающих эти смелые восхождения, есть еще много высот в этой группе, по которым никогда не ступала нога человека.

Высота вершин Пеннинских Альп: Дюфур, высшая вершина Монте-Розы, 4.638 метр.; Мишабель (который весь лежит в пределах Швейцарии) 4.554 метр.; Мон-Сервен или Маттергорн 4.482 метр.

Цепь Бернских Альп или так называемый Бернский Оберланд, лежащий против вершин Монте-Розы, по другую сторону глубокой впадины Валлиса, тоже соединяется с горным узлом Сен-Готарда или, по крайней мере, отделен от него лишь проходом Гримзель и снежными полями, питающими Ронский ледник. В расположении отдельных частей этой группы мы видим явление, замечаемое во всех горных областях, именно высшие вершины Оберланда расположены как раз против выемки или бреши Симплона, т.е. самой низкой части южной цепи, тогда как против таких колоссов, как Монте-Роза, Дан-Бланш, Комбен, стоят лишь второстепенные вершины; но в целом, Бернский Оберланд лучше, чем Валлисские Альпы, сохранил свое нормальное направление с северо-востока на юго-запад, так что он представляет собою настоящую цепь, самую правильную из швейцарских цепей. Впрочем, Бернские Альпы не уступают горам, прилегающим к итальянской границе, по высоте своих вершин, из которых Финстерааргорн, Юнгфрау и многие другие пользуются всемирною известностью. Мейринген, Интерлакен, Лаутербруннен, Гриндельвальд составляют, подобно Цермату, своего рода святые места для любителей природы; наблюдаемые с равнины или с предгорий, возвышающихся до половины их высоты, эти могучие колоссы поражают зрителя своею правильною, величавою красотою: линии и контуры побочных долин и скал, ледников, лавин и фирновых полей сливаются в одно гармоническое целое, и над всем нижним миром, куда падают снежные массы и низвергаются горные потоки, отчетливо обрисовывается на голубом небе чистый гребень неподвижных вершин. Виды Юнгфрау, Веттергорна (вершина гроз) и Вельгорна, возвышающихся на северном углу этой группы Альп, принадлежат к грандиознейшим картинам природы[1].

Ни одна группа Альпийских гор в Европе не имеет таких обширных ледяных полей, как Оберланд. От долины р. Аар до Лётшенского прохода, на протяжении 50 клм., можно все время идти по ледникам и фирновым полям; далее, на западном продолжении цепи, каждая вершина до Дан-де-Моркль содержит по нескольку ледяных потоков, спускающихся к поясу пажитей на склонах. Замечательно, что на южной стороне рассматриваемой нами группы, т.е. на стороне, наиболее подверженной действию солнечных лучей, находится самый большой ледник Оберланда и даже всей Европы, глетчер Алеч, приток Роны: этот ледяной поток громадное замерзшее озеро, висящее над равнинами, занимает площадь в сто слишком квадр. километров, а объем его исчисляют (Шарль-Град) в 30 миллиардов кубических метров, так что, следовательно, он содержит массу воды, достаточную для того, чтобы поддерживать в продолжение 18 месяцев средний расход такой реки, как Сена. В сравнении с этим исполинским ледником, глетчеры северного склона Оберланда являются лишь второстепенными ледяными реками; они не представляют такого спокойно-величавого зрелища,

1 По Гатшету („Annuaire du Club Alpin", 1867-68, p. 543), название Wetterhorn происходит от старинного немецкого слова Wetaro, означающего вилы или брешь.

как необозримая масса льда Алечского глетчера; но, будучи более обрывистыми, более шероховатыми на поверхности, скользя по гораздо более наклонному скату и спускаясь ниже в ущелья, они имеют более поразительный вид. Можно подумать, что это огромные куски льда, свалившиеся с вершины гор; их белая или синеватая масса резко отделяется от зелени лугов и лесов; многие из них врезываются в самую средину полей и садов; жители Гриндельвальда рассказывают случаи, когда вишни цвели и приносили плоды рядом с грудами ледяных глыб. Недавно нижний ледник Гриндельвальда спускался в долину до высоты менее чем 1.000 метров. После того, вследствие таяния своего нижнего конца, он, так сказать, опять поднялся вверх по склонам гор; но и теперь еще это самый близкий к уровню моря из всех существующих на Альпах потоков кристаллизованной воды.

На восточной оконечности группы Оберланда ледники р. Аар, уступающие по величине многим другим глетчерам и местами даже исчезающие под слоем грязи и грудами камня, представляют интерес другого рода. Здесь знаменитый Агассиз и его многочисленные ученые спутники несколько годов подряд располагались на лето с целью наблюдать преобразование снега в кристаллы, движение морен, медленное течение ледяных масс и вообще все явления жизни снежных Альп. Скала, служившая пристанищем этим добросовестным исследователям, «Отель нефшательцев», как они называли ее в шутку, давно уже не существует: увлеченная окружающею ее ледяною массою, эта огромная каменная глыба раскололась на множество обломков, которые все упали к подошве морены, где они будут дробиться далее до тех пор, пока горный поток не унесет их и не превратит в песок. Но пункт, где производились эти важные изыскания о ледниках, всегда будет для ученых классическим местом научных исследований.

Высокие сланцевые вершины Бернского Оберланда, чрезвычайно крутые и долгое время считавшиеся совершенно недоступными, теперь сделались благороднейшею целью для любителей восхождения на высокие горы; но известковые макушки, гораздо более низкие, которые возвышаются на западе, на продолжении цепи Бернских Альп, и особенно предгорья северных отраслей этой группы, Фаульгорн, Низен, Штокгорн представляют не менее красивые виды, хотя для смельчаков они имеют ту невыгодную сторону, что слишком легко доступны; на них всходили уже в XVI столетии, тогда как на Юнгфрау, одну из первых «взятых приступом» вершин Оберланда, первое восхождение было совершено только в 1811 году[1]. На этих сравнительно скромных обсерваториях, лежащих на высоте от 2.200 до 2.700 метров, наблюдатель как-бы висит между снежными колоссами и долиною, и потому может составить себе более верное понятие о размерах целого. Отсюда он видит разом горделивый профиль гор, фирновые и снежные поля, пастбища и леса, веселые долины и очаровательные голубые озера, местами отражающие в своей зеркальной поверхности отвесные скалы, местами окаймленные цветущими садами и зеленеющими лугами. Великолепны также пейзажи, которые можно созерцать с берегов Аара,—или в верхней долине, где горный поток образует прекрасный водопад Гандек, или ниже, в очаровательном бассейне Гасли, где у подножия скал, с которых бегут каскадами тысячи ручейков, приютились в тени резные Мейрингенские шале, или наконец, в равнине Бёдели, где находится Интерлакен, главное увеселительное место всей Европы.

Что касается гор западной части Бернской цепи, то они почти везде состоят из юрских и меловых известняков, и потому местами представляют страшную картину разрушения. Так, например, вершины Диаблере, горделиво поднимающиеся над пастбищами, лишились в прошлом столетии двух из своих серых башень, и обломки, упавшие на 1.800 метров ниже вершины, образуют, в котловине Дерборанс, на пространстве нескольких километров, настоящий хаос, где ручьи, заваленные падавшими с горы камнями, превратились в озера и лужи. К северу от группы Диаблере, без сомнения, тоже бывали обвалы, но в такую эпоху, от которой у местных жителей не сохранилось никаких преданий; так например, обширный амфитеатр, называемый Кре-дю-Шан, есть не что иное, как пропасть, вырытая в массе горы;

1 Г. Штудер, „Ueber Eis und Schnee“.

но образовавшиеся при этом обломки были в течение веков унесены горными потоками. Кре-дю-Шан напоминает знаменитый цирк Гаварни в Пиренеях: это такой же громадный, поросший травою, бассейн, где мог бы поместиться целый народ, и который окружен высокими стенами, с уступами в виде лестницы, которая ведет на плато, покрытое льдом, откуда струятся бесчисленные каскады.

Вершины Бернской цепи: Финстерааргорн 4.275 метр.; Юнгфрау 4.167 метр.; Мёнх 4.096 метр.; Шрекгорн 4.080 метр.; Диаблере 3.251 метр.

Предгорья: Фаульгорн 2.683 метр.; Низен 2.366 метр.; Штокгорн 2.193 метр.

На западе и севере, горы бернской системы разветвляются на бесконечное множество кряжей, отрогов, предгорий, постепенно понижающихся к равнине. Это обширная область пастбищ, где на обломках известняка растет чрезвычайно сочная трава: вместе с тем это царство цветов; поля нарцисов, покрывающие склоны гор Монтрё, хорошо видны с расстояния 20 и более километров, и неопытный глаз путешественника принимает их издали за полосы снега, забытые солнцем. Ветер, проходящий над этими цветами, далеко разносит их аромат, почти столь же сильный, как благоухание, распространяемое апельсинными рощами на берегах Сицилии.

Возвращаясь опять к Сен-Готарду, как к естественному центру Швейцарских Альп, мы встречаем, к северо-востоку от Оберланда, на продолжении той же оси, группу гор, которая питает ледник Роны, и которую можно рассматривать, как самостоятельный горный узел. Этот узел, главная вершина которого, Даммашток, окружена глетчерами, продолжается на север, принимая вид горной цепи. Здесь высятся замечательнейшие вершины, между прочим, знаменитый Титлис, с обширными пажитями, и Ури-Ротшток, оканчивающийся на верху слегка покатою равниною, окруженною со всех сторон пропастями. В целом, эти горы Унтервальдена и Ури, состоящие из различных каменных пород: гранита, юры, мела, эоценовых пластов, представляют настоящий хаос взаимно переплетающихся разветвлений; странная форма озера Четырех Кантонов (Фирвальдштедтское), с его неправильными очертаниями, вполне соответствует беспорядочному расположению окружающих гор. На севере этого маленького внутреннего моря возвышаются другие вершины, повидимому, составлявшие часть той же горной системы, и между которыми первое место занимает Риги, самый знаменитый и наиболее посещаемый бельведер во всем свете. В самом деле, благодаря своему совершенно изолированному положению, благодаря озерам и равнинам, расстилающимся у его основания, и полукругу снежных вершин, окружающих его с востока и юга, Риги представляет великолепный пункт для наблюдения, превосходную естественную обсерваторию, вследствие чего путешественники каждый год стекаются сюда десятками тысяч, чтобы любоваться, при восходе солнца, грандиозным зрелищем амфитеатра исполинских горных масс и второстепенных цепей. Целая сеть железных дорог, особого устройства, проложена здесь по кручам и дает возможность даже людям физически слабым наслаждаться созерцанием прекраснейших картин природы. Летом вершина этой горы имеет более оживленный вид, чем многие города, и телеграфные проволоки, проведенные из её отелей в ближайшие из окрестных населенных пунктов, поддерживают непрерывное сообщение между путешественниками и обитателями равнины. Риги был первою вершиною в Европе (но не на земном шаре), на которую инженерам удалось провести железную дорогу с сильным уклоном; но после того в продолжение нескольких лет многие другие вершины тоже были соединены посредством рельсовых путей с железнодорожною сетью равнин. Нет сомнения, что, рано или поздно, каждая из высоких вершин, привлекающих толпы туристов, будет таким же образом приведена в легкое сообщение с городами, лежащими у её подошвы. Пилат, бывший Fract-Mont[1], которого две остроконечные пирамиды обрисовываются на горизонте к югу от Люцерна, уже имеет с 1889 г. зубчато колесную дорогу, проведенную из Альпнаха.

1 Название Пилат, по Гатшету, происходит от древнегерманского слова billota и тоже означает треснувшую гору. „Ortsetymologische Forschungen".

Огромная масса Риги, покрывающая своим основанием площадь в 40 квадр. килом., состоит главным образом из брекчии, т.е. валунов, слипшихся обломков предыдущих формаций. Происхождение этой громады, объем которой определяют в несколько миллиардов кубических метров, как кажется, следует искать не на Альпах, а в Шварцвальде[1]. Полагают, что в миоценовую эпоху воды унесли и отложили правильными слоями эти чудовищные массы обломков, которых Риги составляет лишь незначительную часть. Таким образом, рельеф земной поверхности изменяется в течение веков, и горы перемещаются из одной цепи в другую, где их опять ожидает разрушительное действие стихий. На север от Риги возвышается другая аггломерация валунов, гора Росберг, которая частью обвалилась в 1806 г. Деревня Гольдау (Золотая долина), окруженная некогда богатыми нивами, от которых и получила свое название, была погребена под грудами обвалившихся камней; часть соседнего озера Ловерц была засыпана обломками, и прибрежные поля исчезли под массою камней, объем которой исчисляют в 40 миллионов кубических метров. Повышенный этими обломками, раздельный порог между озерами Цуг и Ловерц на 100 метров выше уровня первого из этих озер.

Высоты вершин: Даммашток 3.638 метр.; Ронешток 3.603 метр.; Галеншток 3.598 метр.; Титлис 3.239 метр.; Ури-Ротшток 2.930 метр.; Пилат 2.070 метр.; Риги 1.800 метр.; Росберг 1.582 метр.

Массив Тёди, или Деди, продолжающийся на восток от долины Рейсы, по направлению той же оси, на которой лежат Бернские Альпы и группа Прионских гор, принадлежит к числу тех областей Швейцарии, которые подвергались особенно сильным геологическим переворотам: перемещение и свертывание пластов, подробно исследованные Альбертом Геймом, приняли здесь более грандиозные размеры, чем в какой-либо другой части света, изученной до сих пор геологами. Так, в одном месте между Глернишем и Гаусштоком, земные слои были опрокинуты на пространстве около 15 килом., и обнаженные остатки их являются теперь в виде зазубренных вершин: по другую сторону Гаусштока, в долине Рейна, видны следы других не менее значительных взбросов, и вообще мощность пластов, опрокинутых друг на друга, следует считать тысячами метров. Один из замечательнейших примеров заворачивания пластов представляет гора Виндгелле, господствующая над долиною Альторф; макушка этой горы, состоящая из порфира, была загнута боковым давлением вместе со всеми осадочными слоями, на которых она лежит; еще недавно эту порфировую вершину принимали, согласно с объяснением Штудера, которое, при более тщательном исследовании, оказалось ошибочным, за эруптивную массу, пробившую верхние пласты[2]. Та часть этого массива, которая прилегает к Сен-Готарду, есть единственная принадлежащая еще целиком к поясу кристаллических каменных пород; горы, опирающиеся на Тёди с севера, состоят уже, подобно Альпам Унтервальдена, из юрских и меловых образований. Кроме того, там встречаются формации флиша (Flysch), аспида, т.е. сланцы эоценовой эпохи, которые, по всей вероятности, отлагались в очень глубоком море, судя потому, что в них находят множество ископаемых рыб, тогда как молюсков и иглокожих там совсем нет[3]. Горы, состоящие из этих сланцев, отличаются пологостью скатов и плодородием долин, где скопляются обломки верхних каменных пород. Напротив того, известковые скалы местами возвышаются в виде вертикальных стен, заграждающих выход промежуточным долинам. Впрочем, Глерниш, колоссальные стены которого поднимаются ярусами над городом Гларусом, принадлежит еще к области высоких Альп, ибо верхния его плато покрыты настоящими глетчерами. Это последние ледники центральной Швейцарии в северном направлении; но в северо-восточном направлении мы находим еще несколько ледников на горной цепи, составляющей продолжение массива Тёди, и которая оканчивается выше Кура и долины Рейна длинною горою Каланда, замечательною своими обширными обвалами. Эта гора состоит из растрескавшаго-

1 Освальд Геер, „Le monde primitif de la Suisse“, trad. par Is. Demole, p. 273.

2 Альберт Гейм, „Todi-Windgallen-Gruppe”.

3 Освальд Геер, „Le monde primitif de la Suisse”, trad. par Is. Demole, p. 273.

ся доломита, который лежит на легко разрушающихся слоях.

Высота: Теди 3.623 метр.; Гаусштока 3.156 метр.; Глерниша 2.913 метр.; Каланды 2.808 метров.

Вода, проходящая через известняк, разрыхляет эти пласты. Обнаженные концы их, находящиеся на вольном воздухе, обрушиваются и образуют у основания горы откосы, постепенно увеличивающиеся; падение камней не прекращается до тех пор, пока откос не поднимается выше пояса осыпания горы. Известно, что деревня Фельдсберг, у подошвы Каланды, была частью засыпана обвалившимися с горы камнями; новое селение было построено по близости, в месте, безопасном от обвалов, но зато не защищенном от ветра. Тогда жители предпочли вернуться в старую деревню, менее опасаясь возможной катастрофы, чем действительных и постоянных неудобств[1].

Каланда уже с давних пор служит целью многочисленных восхождений. Горы Аппенцеля и Санкт-Галлена, занимающие угол швейцарской территории между Рейном и Констанцским озером, тоже пользуются большою известностью, по причине великолепного вида, который открывается с их вершин. Одна из этих гор, называемая Шпеер, состоит, также, как и Риги, из слепившихся галек или конгломератов. Другая гора, знаменитый Сентис, возвышающийся на два с половиною километра над уровнем моря, принадлежит к прекраснейшим Альпам Швейцарии: широкия предгорья, обширные пажити, груды каменных глыб и маленькия озера в высоких долинах, все это разнообразит до бесконечности живописные ландшафты этой горы. Южнее, зазубренный хребет Курфирстен (Churfirsten), наблюдаемый с берегов Валленштедского озера, представляет по истине величественное зрелище; одна только деревня могла приютиться у подножия его скал, возвышающихся на 1.000 и 1.500 метров над поверхностью воды.

Высота Сентиса 2.504 метр.; главной вершины Курфирстена 2.303 метр.; Шпеера 1.956 метров.

Альпы Граубюндена представляют настоящий хаос гор, разделенных потоками на неравные группы, и потому здесь труднее, чем где-либо, определить первоначальный порядок; различные формации здесь более перепутаны, профиль гребней извилистее, чем в других цепях, и две сотни долин, разветвляющихся в толще этой системы, обрисовывают бесконечный лабиринт. Однако, совокупность этих массивов тоже соединяется с узлом Сен-Готарда посредством одной из своих самых высоких групп, той, в которой берет начало задний Рейн (Hinter-Rhein). Эти граничные массы, покрытые льдом и усаженные остроконечными вершинами (которые суть самые высокие на пространстве между долинами Рейсы и Инна), образуют группу Адула, единственную гору Центральных Альп, сохранившую до сих пор свое античное название[2]: это Adulas Страбона. Другие, очень высокие горы, вершины которых покрыты ледниками, составляют северо-восточное продолжение главного хребта, ограничивающего на юге верхние долины Рейна.

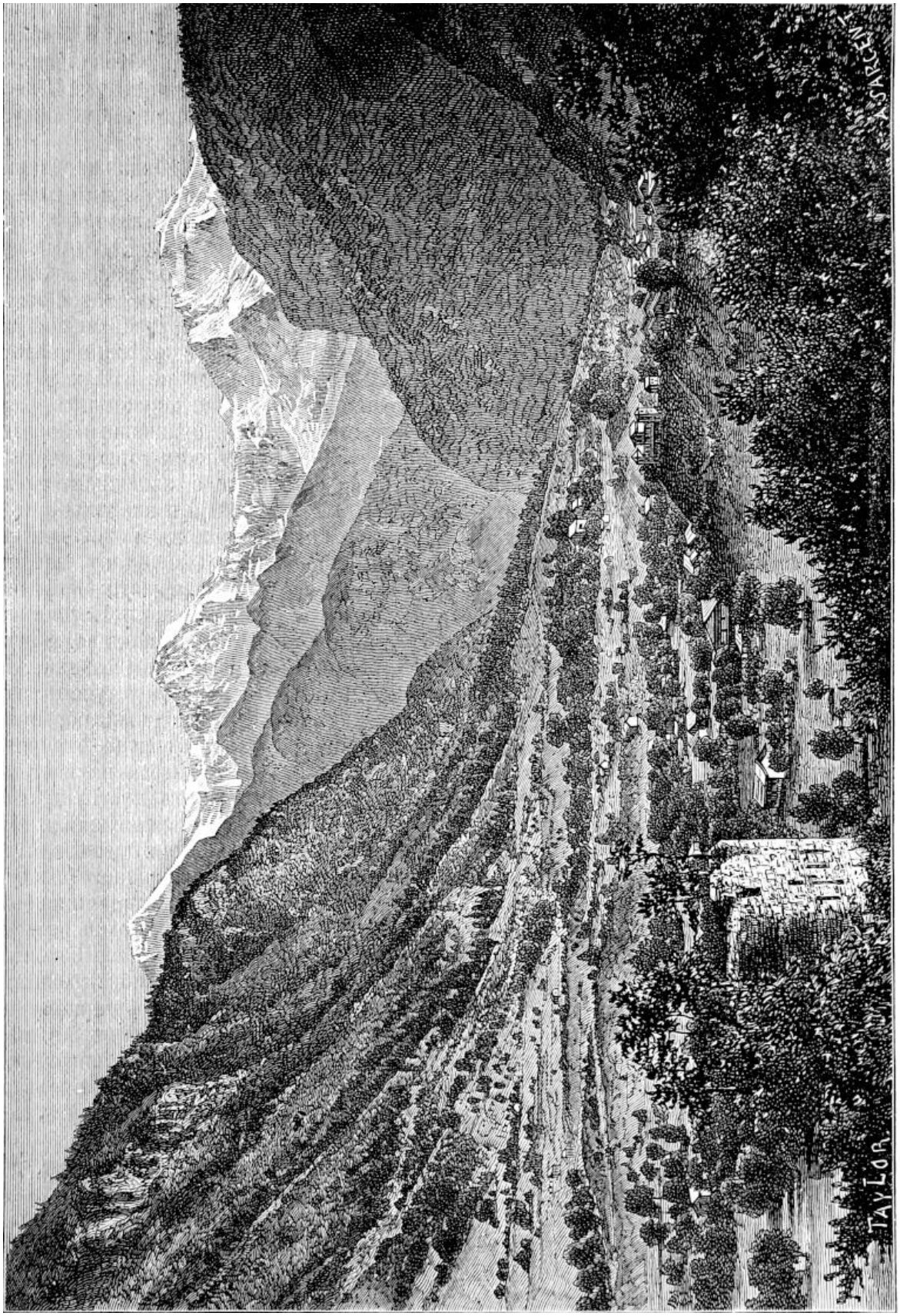
Далее, мы вступаем в естественную область Альп, принадлежащих к бассейну Дуная. Глубокая вырезка, в которой текут воды Инна и которая продолжается на юго-запад долиною Адды, есть одна из замечательнейших брешей в исполинской стене Альп: среди хаоса бесчисленных вершин, частью скалистых, частью покрытых льдом, которые поднимаются на различную высоту, она сохраняет почти совершенную горизонтальность, и воды, останавливаясь, разливаются по поверхности в виде озер, так что обвал в несколько метров заставил бы их ринуться великолепными каскадами на итальянскую сторону, в долину Брегалья (Bregaglia), вместо того, чтобы течь тихою, едва движущеюся рекою по северному склону. Брешь Верхнего Энгадина тоже очень замечательна своим направлением: в то время, как большинство горных проходов перерезывают главный хребет перпендикулярно, здесь пересечение, совпадая большею частью с линиею раздела геологических формаций, происходит

1 Теобальд, „Naturbilder aus den rhatischen Alpen". 463

2 Эрнест Дежарден, „Notes manuscrites".

как-раз по направлению оси Швейцарских Альп, т.е. с северо-востока на юго-запад.

Один из величайших массивов Европы, Бернинский, стоит на цоколе Энгадина к востоку от верхней долины Инна. Эта группа, по разнообразию формы и контуров её гранитных скал



и по обширности её ледников, спускающихся низко в долины, может быть поставлена наряду даже с горами Бернского Оберланда; леса, зеленеющие луга, водопады, озера разнообразят до бесконечности эту великолепную картину. С вершин Бернинской группы, с Розега,

с Мортерача, особенно восхваляемых любителями восхождений на высокие горы за их неприступность, можно обозревать обширное пространство, покрытое снегом и льдом, которое тянется километров на тридцать с востока на запад и оканчивается в долинах необыкновенно красивыми реками кристаллической воды. Но особенно красив вид, открывающийся с отдельных вершин, возвышающихся против глетчеров к северу от глубокой долины Понтрезина. С макушки пика Лангард (Piz Languard или «Long Regard» видны не только группа Бернины и все Альпы Граубюндена, горы Тироля и севера Швейцарии, но еще, через группу Сен-Готарда, вершины Монте-Розы и даже неопределенный профиль Французских Альп. С вершины пика Линар (Piz Linard), возвышающагося на севере, по другую строну долины Инна и на границах австрийского Форарльберга, тоже открывается очень обширная панорама. Пик-Линар стоить среди многих гор почти равной высоты, которые все вместе образуют группу Сельвретта, заключающую в себе самые разнообразные каменные породы, от гнейса и кристаллических сланцев до эоценовых формаций. Здесь, близ Шуольса и Тараспа, в долине Инна, существуют источники углекислого газа, единственные известные до сих пор источники этого рода, ибо углекислота выделяется здесь не из застывшей лавы, но из разложившихся сланцевых пород, и, вероятно, находится в связи с кислыми источниками, текущими ниже; вокруг одной из этих моффет мелкие животные, суставчатые и позвоночные, убиваемые смертоносным газом, иногда до того многочисленны, что покрывают почву толстым слоем насыпи[1]. Кроме того, землетрясения довольно часты в Энгадине, хотя и менее часты, чем в двух других областях Швейцарии, именно в долине Вьеж (Висперталь), у подошвы Монте-Розы, и в окрестностях Эглизау, между Шафгаузеном и слиянием Аара с Рейном.

Высота Граубюнденских гор: пик Вальрен (массив Адула) 3.398 метр.; Бернина 4.052 метр.; Розег 3.927 метр.; Монтерач 3.754 метр.; Лангард 3.266 метр.; пик Линард 3.416 метр.

В Граубюндене и в соседней австрийской провинции, Тироле, Центральные Альпы имеют наибольшую мощность и наибольшую ширину. Эти Альпы не представляют собою цепи гор, как их ошибочно изображали на прежних картах; они даже не образуют отдельной системы массивов, расположенных по одной правильной оси. Область Граубюнденских Альп есть не что иное, как плоскогорье, на котором возвышаются группы и маленькия цепи гор, разветвляющиеся, повидимому, без всякого определенного порядка, на бесконечное множество кряжей и отрогов. Вся часть Швейцарии, находящаяся к востоку от Рейна, лежит на фундаменте, имеющем по меньшей мере до 1.000 метр, высоты, даже на дне долин, и который продолжается далеко за пределами Швейцарского союза, с одной стороны в Германии, с другой—на итальянской территории. На западной границе контраст полный; с этой стороны Швейцария даже не касается области Альп: здесь она покрыта другими горами, не хаотическою горною массою, в роде переплетающихся массивов Граубюндена, но плоскогорьями с параллельными сводами.

III

Горы Юры, однообразные цепи которых тянутся к западу от западных равнин Швейцарии, составляют лишь второстепенную систему в сравнении с громадною массою Альп, бесчисленные вершины которых поднимаются гораздо выше пояса вечного снега. Тем не менее, и эти горы имеют важное значение в общем строении Европы и, благодаря своему влиянию на климат, на экономию вод и группировку народов, они играли очень видную роль в истории.

В Швейцарии мы видим поразительный контраст между двумя системами гор: Альпами и Юрою. С промежуточных равнин гребень Бернских гор кажется усаженным остроконечными вершинами, отделенными одна от другой выемками разной величины; резко очерченные грани гор ограничивают снежные поля и глетчеры; несмотря на большое расстояние, можно явственно различать разнообразные противоположности каменных громад, ледяных

1 Муссон, Теобальд, Герман Голль, „Bull. soc. vaud. des Sciences naturelles", XIV, 1875.

масс, пажитей и лесов. Предгорья тоже различаются между собою до бесконечности по очертаниям и высоте, а широкия долины, открывающиеся в толще горных масс, еще более увеличивают разнообразие видов своими селениями, садами, нивами и извивающимися на дне их речками и ручьями. Напротив того, горы Юры имеют вид вала с крутыми скатами. У основания их тянется узкая белая лента городов и местечек; засеянные поля и виноградники покрывают первые крутизны; выше идет однообразный сосновый лес, занимающий весь склон горы до верхних пажитей, подернутых голубоватою дымкою. Во многих местах длинные макушки вершин усажены зубчатыми утесами, которые, однако, издали едва заметны и почти нисколько не нарушают прямолинейную форму гребня. В Юрской цепи есть вершины, сохраняющие на больших расстояниях одну и ту же кажущуюся высоту: можно бы было подумать, что эти горы повсюду представляют зрелище мрачного однообразия, если бы прорезы этой громадной каменной стены, едва приметные с равнины, через которые вытекают горные потоки, не открывали доступа к очаровательными внутренним долинам.

Впрочем, Юра только со стороны Швейцарии представляется в виде сплошного вала; французский скат её ниже и очертания его гораздо менее правильны. Самые высокие вершины Юры находятся в южной части хребта, которая вся лежит на французской территории; но и швейцарские вершины очень мало уступают французским, а средняя высота первых даже значительнее. Между Безансоном и Нефшателем параллельные кряжи Юрской цепи тянутся по направлению с запада на восток, и последний их вал, тот, который господствует над швейцарскими равнинами, самый высокий: так точно между волнами морской зыби, следующими одна за другою, самая высокая—та, которая разбивается на песке, покрывающем берег. Но к северу от Золотурна горы постепенно понижаются до 1.000 и даже 600 метров высоты. К востоку от реки Аар, Юра является еще в виде небольшой цепи Легерн; затем, по другую сторону Рейна она образует, еще кряж Ранден и, наконец, постепенно теряется в плоских возвышенностях Швабских гор (Rauhe Alp).

Высота главных вершин Юрской цепи: Мон-Тандр 1.680 метр.; Мон-Доль 1.678 метр.; Шассерон 1.611 метров; Шассераль 1.609 метр.; Вейсенштейн 1.396 метр.; Легерн 862 метр.

Швейцарская часть Юры представляет большое сходство с французскими горами, лежащими по другую сторону границы; в этой части мы находим такия же длинные долины между параллельными кряжами, такие же круглые провалы или котловины, такия же поперечные долины (cluses), рассекающие сверху до низу ряд скал и соединяющие продольные долины, которые прежде не имели между собою сообщения. Взаимно пересекаясь, расселины, ущелья и большие правильные борозды горы придают внутренности горной массы изумительное разнообразие живописных пейзажей. Все эти углубления и впадины суть древние бухты, которые еще в миоценовом периоде были наполнены водою[1]; так, например, долина Валь-де-Травер, по которой протекает река Рез или Арез, приток Нефшательского озера, принимает на западе воды продольной расселины (combe) Сен-Сюльпис, открывающейся в виде цирка с уступами; затем, продолжаясь на север у подножия обрывистых скал, повидимому, она должна оканчиваться подле вала, возвышающагося на востоке, но непрерывное действие вод и стихий, а также обвалы с течением времени одолели эту стену: образовалась извилистая брешь, где горный поток, отбрасываемый от одного выступа горы к другому, бежит водопадами на большой глубине, под колесною дорогою и рельсовым путем, висящими на одном из боков горы. Далее, южные стены скал, образующих клюзу, вдруг уступают место обширному цирку, имеющему форму полукратера в 300 метров глубиною и более километра шириною: это так называемый Кре-дю-Ван. Исследование геологического рельефа показало, что это бывшая комба. К северу от Валь-де-Травер, другая долина, которая, повидимому, должна бы быть естественным продолжением первой, представляет совершенно противуположное зрелище: это широкий правильный бассейн, из которого проточные воды давно уже исчезли; теперь там остались только торфяные болота. Таким образом, мы здесь ви-

1 Жаккара. „Materiaux pour l'historie geologique Suisse", 6 vol. „Description du Jura neuchatelois et vandous"; Alexandre Vezian, „Etudes geologique sur le Jura".

дим на небольшом пространстве долину, оживляемую проточными водами водами, «мертвую» долину, разрушенную комбу и извилистые ущелья клюзы.

Во многих других округах Швейцарии параллельные кряжи Юры перерезаны ущельями, стены которых тянутся то в виде неправильных откосов, то в виде обширных амфитеатров, и в которых текут воды, сопровождаемые по берегу колесною дорогою или рельсовым путем: таковы ущелья, посредством которых Биенн сообщается с долиною Сент-Имье; далее, ущелья, соединяющие долину Кур с Делемоном, через Мутье; Ундервелирские ущелья, по которым протекает Сорна, впадающая в Бирсу; таково в особенности грандиозное ущелье, которое позволяет реке Дуб (Dubs), текущей сначала к Рейну, сделать крутой поворот и вернуться во Францию, где она соединяется с Соною, а через нее с Роною и с Средиземным морем. Есть даже неполные или невполне развившиеся ущелья, которым окончательная отделка дана уже человеком; так, например, дефиле Пьер-Пертюи было почти окончено природою на обоих склонах, но римляне должны были пробуравить венец свода при помощи галлереи, которою и теперь пользуются путешественники.

За исключением зимних месяцев и первых недель весны, Юра не украшена, как Альпы, контрастом снега и зелени; но за то она почти везде покрыта великолепными сосновыми лесами, от которых, как говорят, и получила свое название, однозначащее с словом «Заповедный Лес»; на ней есть также и пажити, густая трава которых обрамляет своею зеленью воды маленьких продолговатых озер, находящихся на дне долин; только эти озера, вообще мелководные по причине незначительного углубления дна долин, в которых они лежат, часто продолжаются на верхнем и нижнем конце болотами, постепенно расширяющимися; многие озера даже совершенно исчезли: вода их была, так сказать, выпита болотным мхом (Sphagnum) и другими растениями, жадно всасывающими в себя влагу.

Дождевые воды, падающие на Юру, не ограничиваются наполнением озерных бассейнов и поверхностных потоков; от действия их образуются, кроме того, во внутренности скал многочисленные пещеры (creux или emposieux), служащия подземными резервуарами. Дождевая и снеговая вода просачивается по многочисленным трещинам камня и течет под горою, затем на нижних склонах снова выходит на поверхность в виде обильных ключей. Между этими потоками, спускающимися в недра земли, самый замечательный есть река Орба, главный приток, направляющийся с Юры к рейнскому бассейну, Эта река, самый отдаленный исток которой находится во Франции, в небольшом озере Русс (lac des Rousses), протекает последовательно через два другие озера, лежащие на швейцарской территории, озеро Жу (Jux) и озеро Брене (Brenet), затем, у подошвы высокой стены гор вдруг исчезает в естественном воронкообразном углублении, образуя водопады, которыми местные жители остроумно воспользовались для устройства мельниц. В 3 километрах к северо-востоку оттуда и 224 метр. ниже уровня упомянутой воронки скрывшаяся под землею река опять появляется на поверхность, и при том настолько обильною, что воды её приводят в движение все заводы прибрежнего фабричного села Валлорб. К северу от долины реки Рез вода, собирающаяся в обширных пещерах (emposieux) де-Пон, вытекает 274 метрами ниже, под именем речки Нуарег (Noiraigue). В других местах источники, только-что появившиеся, опять пропадают под землею и затем снова выходят на поверхность; таким образом, течение их совершается попеременно то при свете, то во мраке. Как на пример этих ручьев, частью поверхностных, частью подземных, можно указать на ручьи, соединяющие свои воды в пропасти, называемой Крё-Жена (Creux Jenat), в окрестностях Поррантрюи (Прунтрут). Наконец, множество скрытых потоков вытекают у подножия Юры, в самых бассейнах озер Нефшательского и Биенского. Эти естественные фонтаны, озерные источники, очень обильные, хорошо известны лодочникам, рыбакам и охотникам, потому что зимою, когда поверхность озера покрывается ледяною корою, вода, находящаяся над таким фонтаном, остается незамерзшей. Подобные полыньи всегда изобилуют рыбою и служат сборным местом для диких уток: отсюда и произошло название Entner (утятники), которое обыкновенно дают этим подводным источникам; многие из них, с понижением уровня озер, вероятно, превратятся в ру-

чьи, текущие по твердой земле[1].

IV

Юра, которая дала возможность изучить многия, чрезвычайно любопытные явления геологии и гидрологии, замечательна, вместе с тем, как область, где было найдено самое решительное доказательство обширного распространения ледников в предшедствующую геологическую эпоху. Совершая экскурсии по этим горам, ученые, так сказать, получили первое предчувствие о тех веках, когда большая часть Европы была покрыта движущимися льдами. С вершин Юры тоже спускались глетчеры[2], содержавшие камни и целые каменные глыбы; но, кроме этих обломков, по восточному скату Юрского хребта рассеяны другие камни, не имеющие ничего общего с пластами, на которых они лежат. «Откуда взялись эти странные обломки?» спрашивали себя прежние геологи, не будучи в состоянии разрешить проблему. «Принадлежали ли они к исчезнувшим горам? Занесены ли они сюда с Альп, гребень которых, однако, отстоит от Юры, по меньшей мере, километров на двести?» Теперь мы знаем, что истина была на стороне этой последней гипотезы. Эти громадные эрратические валуны действительно спустились с Альп, и для многих из них даже можно с точностью указать горы, от которых они оторвались. Например, вот эта гранитная масса некогда составляла часть Монте-Розы, а вон та глыба слюдяного сланца упала с Сен-Готарда: нам хорошо известны и её происхождение, и путь, по которому она следовала в своем движении. В отдаленную эпоху весь северный склон Альп был окаймлен исполинским ледяным поясом, образовавшимся из слияния пяти громадных глетчеров, наполнявших долины, где ныне текут реки Рона, Аар, Рейс, Линта и Рейн. Камни, падавшие с гор на фирновые поля, мало-помалу спускались вместе с движущеюся ледяною рекою; но вместо того, чтобы остановиться у подножия верхних долин, они продолжали свой путь через низменные равнины и глубокия впадины, которые теперь наполнены озерами; они, без со мнения, продолжали бы свое поступательное движение и за пределами Швейцарии, если бы Юра не преградила им дороги. Встретив этот барьер, они должны были остановиться и остались на тех местах, где мы находим их и теперь, после сотен, может быть, даже тысячи веков. Некоторые из этих глыб, лежавшие на леднике Роны, были занесены до высоты 1.400 метр., на бока горы Шассерон. Между этими громадами встречаются такия, которые могут быть разрабатываемы, как каменоломни, и объем которых не менее 3.000 и даже 5.000 куб. метр.; замечено, что наибольшая высота, на которой остановились эрратические валуны на склонах Юры, лежит как-раз против долины Роны, между Мартиньи и Вильнёвом. Это объясняется тем, что здесь именно, на отвесах горы Шассерон, ударялся о каменную преграду главный центральный поток ледяной реки; по обе стороны этого места, к северу и к югу, странствующие камни останавливались на скатах Юры, на менее значительных высотах, и при том тем ниже, чем далее от сейчас указанного нами центрального пункта[3].

Подобные эрратические камни находят не только на горах, о которые ударялись глетчеры при своем движении, но также и на склонах альпийских долин, где были движущиеся льды; так, например, огромные каменные глыбы встречаются в долине Лиммата, в долине Рейсы, на берегах Аара. Недалеко от Интерлакена лежит эрратический камень Люгибоден, громадная гранитная скала, объем которой и теперь еще исчисляют в 13.000 куб. метр., хотя она уже разрабывалалась как каменоломня, и порядочный осколок от неё был послан в Америку для памятника Вашингтону. На холме Монте (Montet), близ Бекса, под равниною, засыпанную наносами Роны, возвышается чудовищный камень—«bloc monstre», как его прозвали местные жители,—объем которого не менее 15.000 куб. метров. По берегам Женевского озера тоже встречается множество больших валунов глетчерного происхождения; даже в Женевской гавани есть огромная каменная глыба, известная под названием «Нептунова

1 Дезор, Жакар, Оксенбейн, Ла-Никка, Бридель,

2 Арнольд Гюйо. „Bulletin de la Societe des Sciences naturelles de Neuchatel".

3 Освальд Геер, „Le monde primitif de la Suisse", trad. par Demole, p. 631.

камня» (Pierre-a-Niton), и которая, вероятно, была посвящена римлянами Нептуну; в настоящее время им пользуются для обозначения изменений уровня озера и для триангуляции всей Швейцарии. Но что значат эти большие камни в сравнении с громадными массами гальки, песку и грязи, унесенными древними ледяными потоками, и с грудами обломков, которые были увлекаемы водами во время таяния снегов и льдов? Исполинский куб, представляемый пустотами котловин, оврагов и долин, находится теперь большею частью в слоях обломков, покрывающих нижние равнины. Во многих местах лед таял так быстро, что размытая и разжиженная им земля текла целыми потоками грязи, в роде тех, какие изливаются из некоторых Андских вулканов, когда внутренния озера прорвут сдерживающие их плотины; иногда, вместе с грязью, разливом вод уносились осколки льда, и пустоты, находимые ныне в отвердевшем конгломерате, указывают место, которое занимали некогда эти льдины[1]. О громадности размеров этих рек грязи можно судить по тому факту, что местами они заполнили до краев глубокия долины. Выше Санбраншена, в долине Дрансы, древний резервуар грязи, следы которого остались на склонах, имел не менее 430 метров толщины. Давление такой огромной массы разломало естественную плотину из скал, соединявшую великолепную пирамиду Катонь с горой Ванс; обломки от нее разсеяны далеко по долине[2].

Морены, оставшиеся в долинах от древних ледников, хотя в действительности далеко не имеют такого важного значения, как глетчерные формации, расположенные горизонтальными слоями, но на первый взгляд они являются самыми поразительными свидетелями так называемого ледяного периода, по причине их гористого вида и разнообразия, вводимого ими в пейзаж. Долина р. Лиммат заключает в себе шесть больших зазубренных валов, из которых один был оставлен среди озера передним концом ледника: это Раппершвильский перешеек, которым уже в средние века воспользовались для постройки моста длиною в 1.600 метров. Город Цюрих стоит на древней морене. Многие другие города, лежащие у нижней оконечности озер, и некоторые из городов, находящихся на собственно так называемой Швейцарской плоской возвышенности, построены на грудах камня, нанесенного глетчерами; даже Берн, столица Швейцарии, частью стоит на таком грунте[3]. К северо-западу от Люцерна, в области, где находятся озера Земпах, Бальдег, Гальвиль и болота, пересекаемые р. Рейсою, и которая, в случае большого наводнения, превратилась бы в ряд параллельных островов, до сих пор сохранились следы огромных наносов глетчерной грязи. Значительная часть волнистой равнины, отделяющей Альпы от Юры, тоже обязана моренам своим рельефом и видом своих ландшафтов. Правда, ни одна из этих груд камня теперь уже не имеет того хаотического вида, какой они представляли в первое время их появления. С течением времени они покрылись слоем растительной земли и теперь почти все заросли лесом, составляя приятный контраст с разделяющими их озерами, с речками и ручьями, которые извиваются у подножия их откосов, и с зеленеющими нивами окрестных деревень. Прелестнейшие пейзажи при выходе озер Тунского, Цюрихского и Биенского, обязаны своим происхождением именно этому разнообразию повышений и углублений почвы, произведенному прохождением через эти места древних ледников[4].

Флора местностей, где встречаются морены, доказывает, что в эпоху вторжений ледяных масс произошла резкая перемена в климатических условиях страны. Большая равнина, отделяющая Альпы от Юры, была еще в миоценовом периоде покрыта водами океана; образовавшиеся в то время осадочные пласты, состоящие из песчаника и слепленного мелкого камня (конгломерата), очень богаты ископаемыми животными и растениями, виды которых свидетельствуют о существовании в ту эпоху средней температуры не менее 18° или 20° стоградусного термометра, т.е. такой температуры, какая ныне свойственна Луизиане и Флори-

1 Вьоле-де-Дюк, „Le massif de Mont-Blanc", p. 135
2 Вьоле-де-Дюк, „Le massif de Mont-Blanc", p. 137, 138
3 Эшер де-ла-Линт, Освальд Геер
4 Дезор, „Paysages morainiqnes".

де[1]. Но за этим теплым климатом следовал климат Гренландии. Альпийские растения, те же самые, какие характеризуют лапландскую флору, спустились с вершин в долины, а из долин перешли на равнину; теперь мы встречаем их во всех тех частях Швейцарии, где рассеяны эрратические валуны; границы наносов камней везде совпадают с существованием растительности полярного характера. Мартен, специально изучивший как северную флору, так и флору высоких Альпийских гор, говорит, что долина де-Пон, в Нефшательской Юре, лежащая на высоте 1.000 метр. над уровнем моря, своею растительностью совершенно напоминает лапландские пейзажи. Но альпийские растения в долине де-Пон растут на почве, совершенно покрытой глетчерною грязью, перенесенною туда с Альп[2].

Благодаря всем этим остаткам прошлаго—эрратическим валунам, глетчерной грязи, альпийским растениям,—геологи получили возможность составить карту древних ледников. Самый колоссальный из них был ледник Роны. Занимая весь обширный бассейн Женевского озера и покрывая Швейцарскую равнину слоем льда, толщиною более 1.000 метр., этот исполинский ледник тянулся на север до нынешнего кантона Ааргау и принимал в себя глетчер р. Аар, как простой приток; но он не проникал в Фрейбургские Альпы, которые оставались изолированными, как большой остров, имеющий собственную систему ледников. На этом громадном пространстве рассеяны эрратические материалы, происходящие большею частью с гребня Альп, заключающегося между Сен-Бернардом и Симплоном[3]. Ледники Рейсы и Линты тоже ударялись о стены Юрского хребта, но только на восточной его оконечности, тогда как льды, выходившие из долины Рейна, среди которых группа Сентиса составляла отдельный остров, подобный группе Фрейбургских Альп[4], расстилались широкой скатертью по Южной Германии. Точно также и на итальянском склоне существовали великолепные ледники, проходившие над озерами, или, по крайней мере, наполнявшие их частью. Озеро Лугано представляет, подобно Цюрихскому, любопытное зрелище озерного бассейна, разделенного на две части естественною плотиною из валунов, которая была оставлена отступившими в горы ледяными массами, и которою теперь воспользовались для проведения шоссейной и железной дорог.

V

В сравнении с этими гигантскими ледниками прежнего времени, воспроизведение которых на геологических картах привело ученых на путь многих других важных открытий в истории земного шара, нынешние глетчеры Швейцарии кажутся очень незначительными. Они покрывают всего только пять сотых швейцарской территории, и средняя их толщина, конечно, гораздо менее толщины древних ледяных полей, которые делали из Швейцарии вторую Гренландию. Однако, если бы дожди вдруг прекратились, и еслибы ледники, висящие над Европою, точно воздушные резервуары, стали таять постоянно, для того, чтобы питать правильным образом реки, вытекающие из Швейцарии, то этих масс замерзшей воды, средняя глубина которых не менее 100 метр., было бы вполне достаточно, чтобы поддерживать нормальный уровень вод Роны, Рейна, Тессина и т.д. в продолжение, по крайней мере, пяти лет.

Поверхность швейцарских ледников, в 1871 г., по измерениям федеральной коммисии, равнялась 2.096 кв. килом., именно: в бассейне Роны 1.037 кв. килом.; Рейна 750 кв. килом.; Инна 183 кв. килом.; По 126 кв. килом.

Но, как известно, разница между зимними и летними размерами ледников, вообще говоря, весьма незначительна в сравнении с их массою: реки питаются главным образом дождевою водою и водою, происходящею от таяния снега на горах, при чем питание совершается или косвенно, посредством источников и ключей, или прямо, посредством снежных лавин,

1 Освальд Геер, „Le monde primitif de la Suisse", trad. par Demle.
2 „Bulletin de la societe botanique de France", 22 dec. 1871, t. XVIII
3 Арнольд Гюйо, „Bulletin de la Societe des Sciences naturelles de Neuchatel", 1874.
4 Арнольд Гюйо, Дезор и др.

дождевых ручьев, поверхностных потоков. Самая значительная из швейцарских рек, по величине бассейна истечения, Тессин, получает наименьшее количество воды от тающего льда; хотя название главной долины, Бедретто, есть синоним слова глетчер, однако, спускающиеся в нее ледяные потоки растаивают от действия южного солнца прежде, чем успеют наполнить обширные цирки. Тессин, несущий обыкновенно, средним числом, слишком 100 кубич. метр. воды в секунду перед впадением в Лаго-Маджиоре, иногда, во время сильных дождей, катит в сорок и пятьдесят раз большее количество; в этих случаях он представляет большую реку, которая вдвое многоводнее Роны в ущелье Ард. Другой приток Лаго-Маджиоре, Верзаска, тоже порядочная река; по выходе из дикого ущелья, где воды её шлифуют стены скал, она разливается по широкому ложу, покрытому мелкими камешками, которые уносятся течением и отлагаются в озере впереди песка, наносимого Тессином. Затем, следует могучая Маджиа (Maggia), которая в обыкновенное время имеет такую же ширину, как Адур, а в разливы не уступает по размерам великой Роне[1]. Наносы этих трех притоков Лаго-Маджиоре быстро захватывают ближайшие к их устьям части озера. Сравнение письменных памятников средневековой эпохи с нынешними картами показывает, что завал озерных вод речными наносами, которому теперь помогает также истребление лесов на соседних горах, идет все быстрее и быстрее. Так, например, село Гордола, бывшее лет за семьсот до нашего времени главною пристанью в верхней части озера, теперь лежит в 2 километрах от нынешняго берега, тогда как новый порт, Магадино, домам которого постоянно грозят обвалы и дождевые ручьи с соседних гор, принужден передвигаться на сотни метров в десятилетие, догоняя, так сказать, постоянно убегающий от него берег. Точно также в Локарно, который стоит близ устьев р. Маджиа, в угле дельты, замечательной своею правильною фигурою, гавань, стоившая городу большие суммы, постепенно мелеет, заносимая пееском, осаждающимся из вод Маджии. Предполагая, что ил и обломки, приносимые Тессином, Верзаской и Маджиа, составляют только одну тысячную жидкой массы, и что половина этих наносов отлагается в открытом озере, далеко от берегов, оказывается, что достаточно 350 лет для того, чтобы Локарнская бухта, средняя глубина которой 50 метров, была вся засыпана песком, после чего три названные реки, соединясь в одну дельту, стали бы общими силами трудиться над завоеванием нижнего озера. Но земли, обазующиеся из наносов этих горных потоков, представляют очень нездоровые местности, пока человек не очистит их заступом и плугом. Миазмы, поднимающиеся с болот низменной равнины Тессина, летом производят убийственное действие на организм, вследствие чего жители многих прибрежных деревень во время жаров удаляются в хижины, построенные в высоких горных долинах. Гораздо здоровее берега Черезио или озера Лугано, этого двойного бассейна, где некогда соединялись своими нижними концами колоссальные ледники Тессина и Адды. Эти ледники, после своего отступления в горы, оставили притокам Черезио очень небольшие бассейны; годовой объем речных наносов незначитетелен в сравнения с вместимостью озерного бассейна, а потому поверхность озера уменьшается весьма медленно. Благодаря правильности притока вод и счастливому географическому положению в соседстве ломбардских равнин, озеро Лугано очень легко могло бы быть превращено в обширный ирригационный резервуар. По проекту инженера Виллорези, посредством галлереи, длиною около 3 килом., можно бы было провести воды на склон, обращенный к озеру Комо, а оттуда направить их на ланды Соммы, еще необработанные и нуждающиеся в искусственном орошении. Жидкая масса, которою можно бы было располагать, составляла бы от 16 до 32 куб. метр., смотря по времени года.

Если Тессин получает в свой бассейн очень мало тающего льда, то Рона, напротив, занимает в этом отношении первое место между европейскими реками, и её верхняя долина представляет сравнительно наибольшую поверхность ледников: половина швейцарских глеичеров изливают продукт своего таяния в Рону. В этой долине находятся самае значительные отрывки древнего ледяного поля, покрывавшего некогда Альпы; Алечский ледник и ле-

1 По исследованиям федеральной комиссии:
Среднее количество воды, протекающей в секунду в Тессине 105 куб. метр.; в Верласке 10 куб. метр., в Маджие 62 куб. метр.

дяные реки, спускающиеся с Монте-Розы, не имеют себе равных. Собственно так называемый Ронский ледник тоже очень обширен; вместе с тем это одна из самых красивых ледяных рек; особенно замечателен его нижний поток с огромными расходящимися трещинами. Еще недавно края его были окаймлены голыми скалами и пажитями, но инженер Госсе обсадил их деревьями скандинавского происхождения, и теперь лес растет подле самых льдов. Из оцепенелой реки, медленно спускающейся в виде кристаллической массы, бьёт поток, который и сам есть не что иное, как освободившийся, растаявший ледник; впрочем, горцы не считают этот глетчерный поток настоящею Роною: они дают это название маленькому тепловатому источнику, вытекающему у подошвы соседней скалы. Кроме главного или собственно так называемого Ронского ледника, средний уровень Роны регулируется еще 260 другими глетчерами или «biegnos», которые сильнее всего тают в летние месяцы, во время жаров, когда река, следовательно, теряет наибольшее количество воды путем испарения. Иногда это ледники производят наводнения. В некоторых возвышенных долинах встречаются естественные запруды, образовавшиеся из льдин и морен, за которыми и скопляются текущие сверху воды. Если такой вал уступит напору жидкой массы, то вырвавшаяся на волю вода, увлекая с собою камни и обломки, низвергается страшною лавиною в долину Роны и уносит или разрушает все, что попадется на пути—дома, леса, даже землю с полей! Чтобы предупредить повторение подобных катастроф на будущее время, прорыли в скале, под запрудами ледников, каналы для спуска воды: таким образом, например, озеро Мериль или Мерьелен, лежащее в бреши, к востоку от Алечского глетчера, постоянно поддерживается, как и озера равнины, в своем нормальном уровне. И сама Рона обведена плотинами; площадь земель, огражденных этими плотинами, исчисляют в 71 кв. километр.

Приблизившись к Дрансе (которая в 1818 г. была запружена спустившимися с гор льдинами глетчера Гетроз и превратилась в обширное озеро, затем, по прорытии жителями этой ледяной плотины, хлынула в нижнюю долину чудовищным потоком, увлекавшим за собою целые скалы и леса), Рона вдруг поворачивает на северо-запад и протекает через узкую расселину, открывающуюся между двух высоких гор: Дан-дю-Миди и Дан-дю-Моркль. Тотчас же по выходе реки из ворот Сен-Морис начинается аллювиальная равнина, которая некогда была занята водами Женевского озера; обширный бассейн, пространством около 88 кв. кил. и неизвестной глубины, был постепенно завален песком и каменными обломками, приносимыми течением Роны; и теперь еще местами возвышаются на полях бугры из остатков морен, опустившихся некогда на дно озера. Деревня Порт-Вале, которая, как полагают (основываясь, впрочем, только на её названии, без всяких других указаний), прежде стояла на самом берегу, находится теперь в двух километрах от ближайшего пункта берега; таким образом, если это предположение верно, оказывается, что Рона, в течение тринадцати столетий, принесла по песчинке всю почву промежуточных полей. Говорят также, что в продолжение жизни одного поколения устья Роны настолько выдвинулись вперед, что из Вильнёва теперь уже не видно селения Бувере, расположенного напротив, на южном берегу: между этими двумя деревнями образовался полуостров, постоянно увеличивающийся, на котором растут тополи и ивы. Самые тяжелые наносы, задерживаемые относительно неподвижными водами озера, отлагаются у самого края озерного бассейна в виде плоских песчаных берегов и отмелей, тогда как более мелкие материалы уносятся далеко в озеро и способствуют возвышению ложа бассейна. Промеры показали, что середина дна представляет легкую выпуклость в восточной части озера, на продолжении речных устий; по всей вероятности, эта неровность ложа есть следствие отложения ила, осаждаемого верхними слоями воды, и, следовательно, составляет продолжение конуса наносов Роны[1].

Несмотря на значительное уменьшение первоначальных его размеров, Леман и до сих пор остается самым большим озером Западной Европы.

Средняя высота положения над уровнем моря 371 метр.; средняя поверхность Женевского озера 578 кв. клм.; наибольшая глубина 334 метр.; средняя 150 метр.; приблизительная

1 Форель, «Carte hydrgraphique du lac Leman».

вместимость 86.700.000.000 куб. метр.

Вместе с тем это одно из самых глубоких озер, и наиболее впалая часть его ложа почти достигает уровня моря. Если бы оно по какой-либо причине вдруг лишилось всех своих притоков, продолжая изливаться в океан рекою такой же величины, как Рона, то для осушения его бассейна потребовалось бы не менее десяти лет. Подобно морю, Женевское озеро имеет свои бури и шквалы, свои зыби и страшные волны, но до сих пор на нем не было замечено ни малейшего изменения уровня, которое напоминало бы явление прилива и отлива. На поверхности этого озера особенно тщательно исследованы так называемые «les seiches», т.е. внезапные поднятия воды, достигающие иногда высоты одного и даже двух слишком метров. На основании этих исследований открыты и законы этого явления. Les seiches—это «волны качания», производимые нарушением равновесия в атмосферном давлении и правильно следующие одна за другою в резервуаре озера[1].

Женевское озеро принадлежит частью к Альпийской, частью к Юрской Швейцарии. Красиво изогнутое в виде полумесяца, оно состоит в действительности из двух озер:—восточного, окруженного предгорьями Альп, и западного, у которого оканчиваются последние склоны Юрских гор. Самое направление этих двух соединенных озер указывает пояс гор, от которого они зависят: восточное озеро изгибается к северо-западу, подобно другим озерам Альп, тогда как параллельные берега западного озера тянутся с северо-востока на юго-запад так же, как берега Нефшательского озера и всех других озерных бассейнов Юрской цепи. Далее, все впадины Лемана различаются между собою и формою своего ложа: малые глубины начинаются как раз к западу от порога, соединяющего мыс д'Ивуар с мысом Проманту, между большим и малым озерами. Последнее, очевидно, другого происхождения, чем восточный бассейн, постепенно съуживается книзу и мало-по-малу превращается в реку: нечувствительное близ входа в Женевский порт, течение его становится все быстрее; дно речного ложа опять показалось со своими украшениями из плавающих водяных растений, Рона появляется в прежней своей форме, и её голубые воды устремляются на-встречу мутной воде Арвы. Нельзя не пожалеть, что до сих пор не устроена в Женеве запруда, которая позволяла бы регулировать по произволу уровень озерных вод, передавать силу их расположенным по берегам озера заводам[2] и размерять, во время наводнений, жидкую массу, какая может быть пропущена без вреда к равнинам Франции. Наблюдения, производившиеся в Лионе во время сорока разливов, дают право заключить, что уровень наводнения мог бы быть понижен на 40-60 сантиметр., если бы Рона была задержана у выхода её из Женевского озера[3]. Между тем полная задержка реки в продолжение восьми дней повысила бы уровень озера только на 50 сантиметр.[4] Заметим, однако, что, отбросив Арву в озеро, можно бы было, правда, ослабить силу наводнений, но вместе с тем, в видах предупреждения наносов речного ила, нужно бы было вырыть для этого горного потока новое русло, которое впадало бы в Леман на большом расстоянии выше Женевской гавани.

Уровень Женевского озера прежде был выше: древние берега, относящиеся к концу ледяного периода, видны теперь на высоте 30 и даже 40 метр, по окружности озера[5]; но не подлежит сомнению, что в геологическую эпоху плиоценовых формаций, предшествовавшую двум ледяным эпохам, цепь Юры продолжалась до Савойи; в то время воды Лемана, задерживаемые на западе исполинским барьером гор, простирались на севере до порога Антр-Рош, который отделял это озеро от бассейна Нефшательского озера. На этом пороге, высота которого соответствует высоте древних берегов, теперь находят, близ форта дел'Еклюз, над Роною, груды обломков, нанесенных прежними реками и содержащих, между

1 Ф. А. Форель, многочисленные мемуары. См. в особенности «Bull de la Societe vaud. des sciences naturelles».

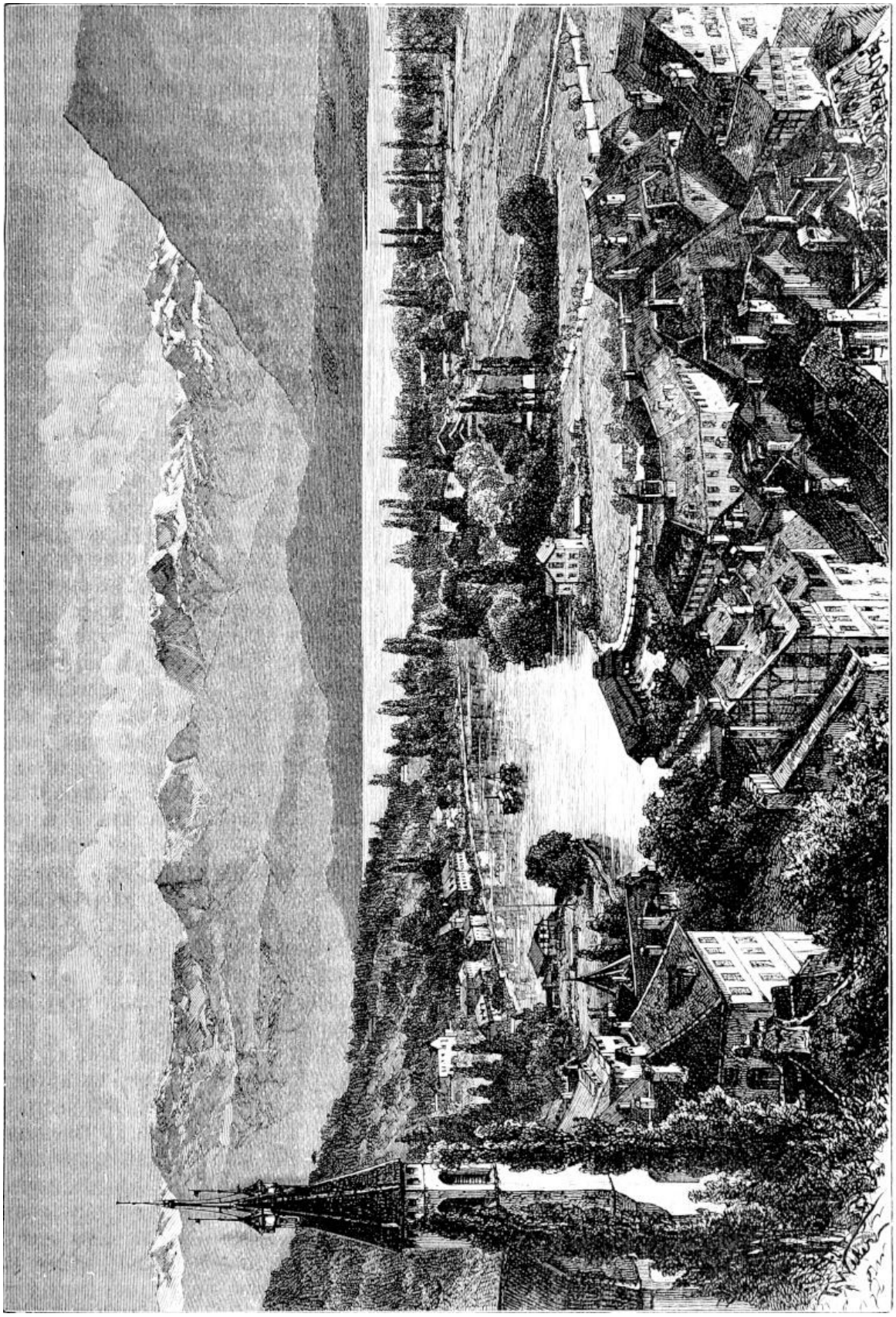
2 Среднее падение Роны между озером и Арвскою косою 3,212 метр.; сила воды, могущая быть утилизированною, равна 7.000 лошадин. сил; сила воды, утилизированная до сих пор,—400 лошадин. сил

3 Л. Валле, Э. Валле, „Barrage du lac de Geneve"

4 Риттер, „Reglementation du niveau du lac Leman"

5 Морло, А. Фавр, Ф. А. Форель, А. Жаккар.

прочим, беспорядочно перемешанные гальки из Валлиса и из Бернского Оберланда[1]. Через какую долину или клюзу изливался в то время излишек вод Женевского озера, этого остатка древнего третичного моря, которое продолжалось, в виде залива, от Средиземного моря до



Тунское озеро.

Баварии,—при настоящем состоянии наших знаний сказать невозможно. Следов древнего

1 Рютимейер, „Thal-und See-Bildung".

канала истечения до сих пор нигде не замечено[1].

Между озерами, которые на всем своем протяжении лежат в пределах Швейцарии, первое место по величине занимает Нефшательское. Этот бассейн тоже есть не что иное, как остаток древнего внутреннего моря, гораздо более обширного. Он обнимал не только два соседния озера, Биенское, или Бильское, и Муртенское (Morat), но, кроме, того, всю южную равнину до порога Антр-Рош, и обширные равнины, ныне болотистые, которые тянутся на восток, до долины р. Аар; даже в текущем столетии случалось, что в очень дождливые годы эти три озера сливались в одну водную поверхность.

Озера Швейцарской равнины	Высота в 1881 г	Поверхность	Наиб. глубина	Средн. глубина	Вместимость
	метр	к. клм.	метр	метр	куб. метр
Нефшательское	434	240	143	74	17.500.000.000
Биенское (Бильское)	431	42	74	37	1.550.000.000
Муртенское (Мора)	434	27	41	29	78.000.000

Сырые земли, отделяющие названные бассейны один от другого и среди которых возвышаются лесистые холмы, бывшие некогда островами и полуостровами, до сих пор носят название «озерной страны», Seeland, и человеку стоит немалого труда осушать эти земли с помощью дренажа и водосточных канав, для того, чтобы присоединить их к своим земледельческим владениям. Впрочем, незначительное возвышение берегов соответствует относительно малой глубине бассейнов: в то время, как большинство швейцарских озер представляют впадины с крутыми берегами, но с ложем, почти везде горизонтальным, три озера равнины отличаются тем, что берега их большею частью состоят из «белых отмелей» (blancs fonds), названных так по цвету воды, сквозь которую виднеется белый ил, покрывающий дно ложа; во многих местах камыши занимают обширные пространства берегов, и покрытые тиною полосы берега принадлежат, смотря по времени года, то к обсохшей равнине, то к области вод. Что касается дна Нефшательского озера, то оно представляет цепь холмов, параллельную кряжам Юры и продолжающуюся на северо-восток двумя островами, из которых один, Жолимон, уже совершенно выступил из воды, а другой, холм Сен-Пьер, еще окружен водами Биенского озера. Основание Жолимона соединяется с основанием Сен-Пьера посредством перешейка, состоящего из отмелей и камышей. В маленьком Муртенском озере дно тоже повышается к середине, в виде хребта, параллельного оси Юрской цепи.

Три Юрские моря ужо в исторические времена значительно уменьшились в протяжении, как по причине накопления наносов, т.е. песку и каменных обломков, приносимых с гор их притоками, так и вследствие наростания торфа на их берегах. У моста через р. Тиель (Thiele), между Нефшательским и Биенским озерами, на расстоянии 4.300 метров от нынешних берегов нижнего озера, найдены остатки свай, которые, по всем признакам, были некогда вбиты на самом дне озерного бассейна. Точно также одно аббатство, основанное в 1100 г. на берегу озера, удалено от него теперь на 375 метров[2]. Ныне эти озера еще более уменьшились, вследствие «исправления» выходных каналов; средний их уровень понизился метра на три, вместе с тем приобретено много новых земель, годных для заселения и обработки. Верхняя Тиель, впадающая в Нефшательское озеро, и р. Бруа, изливающаяся в Муртенское озеро, часто затопляли прибрежные поля; но благодаря бассейнам, которые принимают их воды и регулируют их расход, разливы этих рек правильно замедляются и ослабляются. Нефшательское озеро, когда его притоки выступят из берегов, получает около 600 кубических метров воды в секунду, а отдает Биенскому озеру только шестую часть этого количества[3]: таким образом, его обширный бассейн послужил регулятором наводнений. Но могучая река Аар тоже протекает через болотистую равнину озерной земли (Seeland или Seeboden), не встречая здесь на своем пути озерного резервуара, который бы регулировал её разливы и поглощал её наносы. Поэтому в новейшее время прорыли канал, который, начинаясь от старого ложа реки, у Аарберга, пересекает равнину, и по которому вода, во время

1 А. Жаккар, „Notes manuscrites“.

2 Жильерон, „Archives des sciences physique et naturelle”. Geneve, 1861.

3 Бридель и Никка, различные мемуары о „водах Юры”.

разливов, изливается в Биенское озеро, тогда как на нижней оконечности озера р. Тиель, превращенная в судоходный канал, уносит излишния воды в нижнее русло Аара. Торфяники, лежавшие в поясе наводнений реки Бруа, близ Муртенскаго озера, превращены в пахатные земли; там и сям появились новые фермы, и деревня Вицвиль словно выросла из земли среди равнины, еще недавно представлявшей пустынную болотистую местность. Прорытие канала, о котором мы говорим, сопровождалось, между прочим, и одним интересным открытием: копая, близ сельца Гагенек, эту огромную траншею в 100 метр, глубины, чрез которую Аар изливается в Биенское озеро, нашли римский туннель, длиною около 850 метр., вход и выход которого были уже много веков тому назад засыпаны горными обвалами.

Грозный Аар, превращаемый ныне в приток Биенского озера, которое регулирует его нижнее течение, в верхней своей части тоже регулируется двумя озерами-близнецами—Бриенцским и Тунским. Прежде эти две водные площади составляли одно озеро, изогнутое в виде полумесяца, против середины которого открывается долина р. Лючины, несущая воды и камни с главной горной группы Оберланда. В ту эпоху, когда глетчерная грязь текла с гор огромными массами, выход долины был запружен грудами обломков, и озеро разделилось на два бассейна, поверхность которых с тех пор постоянно уменьшается, вследствие накопления речных наносов.

	Бриенцское озеро	Тунское озеро
Средняя высота над уровнен моря	565 метр.	560 метр.
Средняя поверхность	30 кв. кил.	48 кв. кил.
Наибольшая глубина	261 метр.	217 метр.
Средняя глубина	200 метр.	? метр.

Приблизительная вместимость Бриенцского озера 6.000.000.000 куб. метр.; Тунского озера—6.940.000.000 куб. метр.

На верхней оконечности первого из этих озер впадает канализованный и уже разросшийся в многоводную реку Аар, неся с собою обломки, получаемые им с гор своего бассейна, особенно с Нижнеаарского ледника, и спускающиеся вместе с ним в долину через великолепный водопад Гандек; в нижней же части Бриенцское озеро принимает в себя Лючину, которую питают обширные глетчеры Оберланда, в особенности ледники Гриндельвальда. Река Лючина, бешеный горный поток, прежде опустошала поля и равнины Интерлакена; но в половине XII столетия русло её было отведено прямо в озеро. В Тунское озеро, в нижней его части, изливается река Кандер, тоже очень богатая галькою и мелкими каменными обломками. В начале прошлого столетия эта речка соединялась с Ааром в расстоянии около одной версты ниже города Туна; но и здесь внезапные разливы были так опасны, что жители принуждены были прорыть цепь холмов для того, чтобы отбросить воды Кандера в обширный регулирующий бассейн озера. Первоначально в скале была пробита галлерея, которую силою течения размыло метров на 15; но впоследствии крыша её обрушилась, и теперь этот канал имеет около 120 метров глубины. Из наносов Кандера в озере образовался полуостров, частью уже заросший лесом, и площадь котораго в 1870 г. равнялась 58 гектарам; так как средняя глубина воды на окружности этого полуострова составляет около 60 метров, то массу скопившихся здесь наносов можно полагать приблизительно в 32 миллиона куб. метров[1].

Ниже слияния рек Аара и Тиель все озерные бассейны, находившиеся некогда у подножия Юры, уже исчезли. Наносы горных потопов, наростание торфа, труд человека мало-помалу превратили их в обширные луга. Все существующие еще озера северной части Швейцарии, маленькие бассейны: Земпах, Бальдег, Гальвиль. Грейфен, Пфеффикон, и большие озера: Люцернское, Цугское, Цюрихское, принадлежат к гидрографической области Альп и их предгорий. Соединение двух речных систем, Альпийской и Юрской, совершается посредством тройного слияния Аара, Рейсы и Лиммата. В предшествующую геологическую эпоху эти три реки, следуя параллельно подошве юрских высот Легерна, текли на восток к Констанцскому или Боденскому озеру;, но с течением времени напор их вод пробил вал

1 Siegfried, „Allgemeine Beschreibung und Statistik der Schweiz", von Max Wirth. T. 1, p. 76.

Юры; маленькая равнина, где происходит слияние рек, была завоевана ими на горе, остатки которой до сих пор видны по обе стороны этой равнины. В географическом смысле проход, который открыли себе три соединенные реки, представляет, со стороны Германии, настоящие ворота Швейцарии.

Средняя из этих рек, Рейса, выходит из озера Четырех Кантонов (Фирвальштедтское или Люцернское), котовое своими заливами и проливами более, чем какой-либо другой из швейцарских озерных бассейнов, напоминает фиорды и озера Норвегии. Хотя это внутреннее море представляет от Люцерна и Бруннена и от Кюснахта до Штада одну сплошную водяную поверхность, но в действительности оно состоит из нескольких бассейнов, из которых одни соединены между собою посредством узких проливов, а другие пересекаются под прямым углом. В предшествующую геологическую эпоху, когда озера Цугское, Ловерцское, Сарненское, Лунгернское (уровень которого, благодаря деятельности человека, понизился против прежнего времени на 40 метров) составляли еще часть бассейна озера Четырех Кантонов, этот лабиринт вод образовал еще более многочисленные изгибы и разветвления. Глубокия извилины, обрывистые, далеко выступающие мысы, обширные заливы, усеянные по берегам деревнями, виллами, лесами и нивами, возвышающиеся вдали громады гор,—все это придает Люцернскому озеру необыкновенно живописный вид, и многие даже находят его самым красивым из швейцарских озер; кроме того, оно имеет ту поэтическую прелесть, какую сообщают данной местности события истории. Еще недавно народное воображение приписывало озеру Четырех Кантонов страшную, почти неизмеримую глубину; рыболовы серьезно рассказывали, что будто в этом озере существуют пучины в версту и полторы глубиною; они были уверены, что крутые утесы берегов продолжаются отвесно под водою[1]. Эти утесы действительно продолжаются, но только до подводной равнины, совершенно горизонтальной, которая в бассейне Ури лежит на 205 метров ниже поверхности озера. В большом бассейне дно находится на глубине 260 метр., а в Цугском озере—на глубине 218 метр. В четырнадцать с половиной лет количество гальки и крупного песку, приносимое течением Рейсы, составляет, по Гейму, один миллион кубич. метров.

	Фирвальдшедтское озеро	Цугское озеро
Средняя высота над уровнем моря	437 метр.	417 метр.
Средняя поверхность.	113 кв. кил.	38 кв. кил.
Наибольшая глубина	260 метр.	218 метр.
Средняя глубина	150 »	120 »

Приблизительный объем Фирвальдштедтского озера 16.950.000.000 кубич. метров; Цугского озера—4.560.000.000 куб. метров.

Что касается озер, вода которых вытекает через реку Лиммат, то их геологическая история похожа на историю озер-близнецов Бриенцского и Тунского: это тоже бассейны, составлявшие некогда одно озеро, но затем разделившиеся, вследствие наплыва глетчерной грязи и скопления речных наносов. Валенштадское озеро более, чем всякое другое из швейцарских озер, походит на пропасть. Окруженное крутыми стенами гор Курфирстен, это узкое и мрачное озеро имеет вид ущелья, на дне которого течет широкая река. Таким действительно оно и было в геологической древности. Рейн, который теперь течет на восток от Аппенцельской горной группы и впадает в Боденское озеро, прежде вступал в проход между горами, открывающийся у подножия Курфирстена, и через реку Линту, Цюрихское озеро и нынешнее русло р. Лиммат соединялся с Ааром. Низкий аллювиальный порог, шириною от 4 до 5 килом. и вышиною не более 5 метр., отделяет Рейн от его древнего ложа. Правда, горные потоки своими наносами мало-по-малу повышают этот порог, но средний скат долины, спускающейся к Валенштадскому озеру, более наклонен к горизонту, чем скат Рейнской долины; следовательно, еслибы Рейн, во время разлива, перешел через это незначительное препятствие, то могло бы случиться, что течение его окончательно бы приняло свой прежний

1 А. Гейм, „Notes manuscrites“.

путь. И действительно, в 1817 г. воды Рейна едва не перешли через Сарганский порог. Вот почему город Цюрих до сих пор всегда противился прорытию канала из Рейна в Линт, и инженеры, строившие железную дорогу, не получили разрешения сделать прокоп в названном пороге для проведения своего пути.

	Валеаштадское озеро	Цюрихское озеро
Средняя высота над уровнем моря	425 метр.	409 метр.
Средняя поверхность	28 кв. кил.	88 кв. кил.
Наибольшая глубина	144 метр.	142 метр.
Средняя глубина	120 „	100 „

Приблизительный объем: Валенштадского озера—3.360,000.000 куб. метр.; Цюрихского озера—8.800.000.000 куб. метр.

Вниз от Валенштадского озера начинается долина реки Линты, образованная из обломков с Альп кантона Гларус и прежде имеющая болотистый характер. Этот стремительный горный поток, несущий массу песку и крупных каменных обломков, которые отлагались среди болот, вокруг древних морен, еще недавно был очень опасен: разливы его вод опустошали окрестную местность, а миазмы его болот похищали бесчисленны жертвы из прибрежного населения. Под руководством знаменитого Эшера, к имени которого впоследствии прибавили название регулированной им реки Линты, она была отведена на восток в бассейн Валенштадскаго озера, где теперь отлагаются её гальки и очищаются её воды. Что касается речки Маг, которая очень медленно текла через болота между двумя озерами, то ее совсем уничтожили, заменив каналом, но имя её сохранилось в названии реки Лиммат (или Линт-Маг), протекающей из Цюрихского озера. Странно, что жители Цюриха до сих пор не регулируют течения реки Зиль так же, как они регулировали течение Линты. Река Зиль (Zihl), ложе которой идет параллельно южному берегу Цюрихского озера, на протяжении 30 слишком километров по прямой линии, соединяется с Лиммatом в предместьях Цюриха, и наводнения её, конечно, причиняют городу немалый вреда; между тем легко было бы прорыть в каком-нибудь месте цепь холмов, отделяющих Зиль от Цюрихского озера, и таким образом избавляться во время разливов от опустошительных вод этого горного потока. Раз регулированные, реки Зиль и Лиммат могли бы быть гораздо вернее, чем это возможно в настоящее время, утилизированы для целей промышленности[1].

В точке слияния с Рейном Аар, усиленный перед тем водами Рейсы и Лиммата, шире и многоводнее реки, вытекающей из Констанцского озера[2]; но так как долина его слишком извилиста и бассейн его играл менее важную роль, как путь для переселения народов, то он и не сообщил своего имени соединенным водам: название меньшей из двух рек одержало верх в этом случае. В общем своем направлении, река, сохраняющая название Рейна, от истоков до дельты, представляет большое сходство с Роною. Подобно этой последней, Рейн берет начало близ Сен-Готарда, в главной поперечной гряде Центральных Альп; как и Рона, он очищает свои воды в большом озере, переходит водопадами и стремнинами туже самую цепь гор, которую Рона перерезывает 300 километрами ниже, затем, начиная от изгиба при Базеле, соответствующего повороту Роны у Лиона, окончательно избирает путь к Северному морю, как Рона к Средиземному; наконец, и жидкая масса, изливаемая им в океан, почти равна объему воды, который несет к море его соперница, Рона.

Главным истоком Рейна следует считать не Передний Рейн (Vorder-Rhein), начинающийся в соседстве Андерматта, а задний (Hinter-Rhein), который выходит из массива Адула. Здесь, в этой группе центральных Альп, зарождается могучая река, не в море камышей, а под сводами ледяной пещеры, среди хаоса каменных глыб, который горцы прозвали «адом». Ниже она проходит через многие другие, не менее «адския», местности, между прочим, через страшное ущелье Via-Mala, где отвесные каменные стены, высотою в 400 и 500 метров, так близко придвинуты одна к другой, что для вод бегущего на дне пропасти потока едва остает-

1 Карл Бюркли, „Steinkohle und Wasserkraft", Tagwacht, 1875.

2 Средний расход (количество воды, протекающее в секунду), по исследованиям федеральной гидрографической коммисии: Рейна—425 куб. метр.; Аара—512 куб. метр.

ся пространство шириною от 8 до 10 метров. Мало, вероятно, найдется горных дефилей, которые бы так походили на огромную трещину, как эта щель, открывшаяся в толще горы, и по которой некогда двигалась колоссальная масса ледника[1]. Тотчас по выходе из этой теснины, Рейн соединяется с двумя другими ручьями: Нуллою, вода которого часто принимает цвет чернил от примеси множества сланцевых обломков, и Альбулою (Albula, т.е. беловатая), которая многоводнее самого Рейна. Последний из этих ручьев выходит из ущелья Шин или Мальпас, почти такого же дикого, как и Via-Mala, и замечательного своим геологическим строением. В прежнее время долина, спускающаяся с Юлиера и Септимера, продолжалась прямо на север посредством долины (ныне болотистой) Ленца и Парпана; но боковые размывы постепенно открыли дефиле в западных стенах долины, и Альбула, вырывая себе все более и более глубокое русло, бросилась на запал к Тузису; на месте нижней части прежнего её ложа осталась только «мертвая долина»[2], которою в наши дни воспользовались для большой колесной дороги.

Сделавшись внушительной рекой после слиянияя своих двух главных ветвей, Рейн проходит у подошвы горных обвалов Каланды, затем принимает в себя несколько значительных притоков, между прочим, Плессуру, Ландкварт, Тамину, замечательную своею трещиною в скалах с нависшими стенами, из которых бьют известные Пфефферские ключи. Рейн течет затем по обширной аллювиальной равнине, но собственно его наносный бассейн начинается ниже, за Сарганскою равниною, в которую открывается прежняя Рейнская долина, занимаемая ныне Валенштадским озером, р. Пинтою, Цюрихским озером и р. Лиммат.

Этот аллювиальный бассейн Рейна, более обширный, чем подобный же бассейн Роны между Сен-Морисом и Вильнёвом, занимает площадь в 300 кв. килом. и постоянно увеличивается новыми полуостровами из наносов, которые река отлагает в Констанцском озере; кое-какие отрывки холмов, которые вода еще не успела стереть с лица земли, виднеются там и сям среди равнины, покрытой речными наносами. Эта река, один берег которой принадлежит политически Швейцарии, а другой составляет территорию Лихтенштейна и Австрии, часто выступает из берегов, и содержание плотин, регулирование русла, осушение затопленных земель требуют постоянного труда, и не раз приходилось начинать все съизнова, когда боковые плотины уступали напору вод и река вырывала себе новое ложе через поля: во многих частях долины средний уровень Рейна на 2 и даже на 3 метра выше уровня прибрежной местности[3]. При постройке моста Бухс, близ Вадуца, нашли старинную каменную плотину на глубине 5 метров под поверхностным слоем речных наносов: так возвышается постепенно грунт долины.

Боденское, или Констанцское озеро,—остаток обширной водной площади, которая расстилалась некогда между Швабскою Юрою и горами Тироля,—принадлежит более к Германии, чем к Швейцарии; оба его названия происходят от двух немецких мест— Констанца, находящагося в пределах швейцарской территории, и Бодмана, стоящего близ северо-западной оконечности озера, в пределах великого герцогства Баденского. Этот озерной бассейн имеет много сходства с Женевским озером и составляет, так сказать, географический pendant последнего; только он не так обширен и не так глубок, как Леман. Воды его тоже представляют явление внезапных колебаний уровня (les seiches), которое местные жители называют Ruhssen. По причине своего более возвышенного и более северного положения, Боденское озеро, которое к тому же менее защищено от холодных ветров, чем Леман, в суровые зимы замерзает у берегов; в последние четыре столетия даже вся его поверхность шесть раз покрывалась сплошным льдом.

Констанцское озеро: высота над уровнем моря—398 метров; средняя поверхность—539 кв. килом.; наибольшая глубина—276 метров; средняя глубина—150 метр.; приблизительный объем—80.850.000.000 куб. метров.

1 „Massif du Mont-Blanc“, par Viollet-le-Duc.

2 Альберт Гейм, „Notes manuscrites“.

3 Lauterburg, „Allgemeine Beschreibung und Statistik der Schweiz“, von Max Wirth, vol. I, p. 95

Как Женевское озеро некогда изливалось в Рейн, так и Констанцское было прежде притоком Дуная. Впоследствии, сделавшись притоком Рейна, оно имело сток на северо-восток, через залив, называемый ныне Юберлингенским озером. В настоящее время излишек вод главного бассейна вытекает, через канал длиною около 4 килом., в Нижнее озеро (Untersee), которое можно бы было рассматривать как особый резервуар, так как уровень его на целый метр ниже поверхности Боденского озера; но прибрежные государства предприняли работы, которые понизят на 60-70 сантим, уровень большого озера. Это Нижнее озеро, гораздо менее глубокое, чем первое, тоже переменило свой исток; сначала оно изливалось на северо-запад, через углубление, по которому теперь бегут ручьи Аах и Бибер. Нынешняя его долина открылась в Штейне и перерезывает группу юрских холмов, но текущая в ней вода еще не успела выровнять дно своего ложа. Пройдя Шафгаузен, близ которого прежде начиналось другое речное русло, занимавшее долину, известную под именем Клетгау, Рейн ударяется о холм, на котором стоит древний замок Лауфен, и низвергается красивым водопадом или, вернее, рядом стремнин, с высоты 20 метр. По средине изогнутой поверхности льющагося потока, между бурливых пенящихся волн, возвышаются две громадные скалы, поросшие кустарником, с вечно мокрою, забрызганною листвою; в одной из этих скал пробита аркада, через которую устремляются воды реки во время разлива; с водопада постоянно поднимаются столбы водяной пыли, которую ветер разносит в виде радужных облачков. Этот Рейнский или Лауфенский водопад, дающий даровую движущую силу многим важным заводам, есть, бесспорно, после Гломлинского в Норвегии, самый большой в Европе по объему низвергающейся жидкой массы; средний сток реки в этом месте превышает 33 кубич. метра в секунду. Прежде чем соединиться с Ааром, Рейн принимает в себя еще р. Тур, которая причиняет немало вреда своими частыми разливами и которую поэтому полезно было бы регулировать, отведя её русло в Констанцское озеро.

Ниже слияния с Ааром, Рейн все еще встречает препятствия на своем пути; сначала он образует ряд порогов, kleine Laufen, по которым суда еще могут спускаться, а затем настоящий водопад, grosse Laufen. где уже судоходство окончательно прерывается. Но в этом месте река уже совершенно оставила позади себя систему Юры; она проходит через гранитный порог, принадлежащий к Шварцвальду, и вступает в естественную область, отличную от областей Швейцарии. Вскоре после того, у изгиба при Базеле, Рейн, изменив направление, убегает на север, через равнины Бадена и Эльзаса. Между арками Базельского моста уходят две трети воды, изливаемой Швейцариею в соседния страны. Один Рейн, даже за вычетом из него количества жидкой массы, доставляемой его австрийскими и германскими притоками Форарльберга, Баварии, Вюртемберга и Бадена, несет, средним числом, вдвое больший объем воды, чем все другие реки: Рона, Тессин, Маджиа и Инн, при выходе из швейцарской территории.

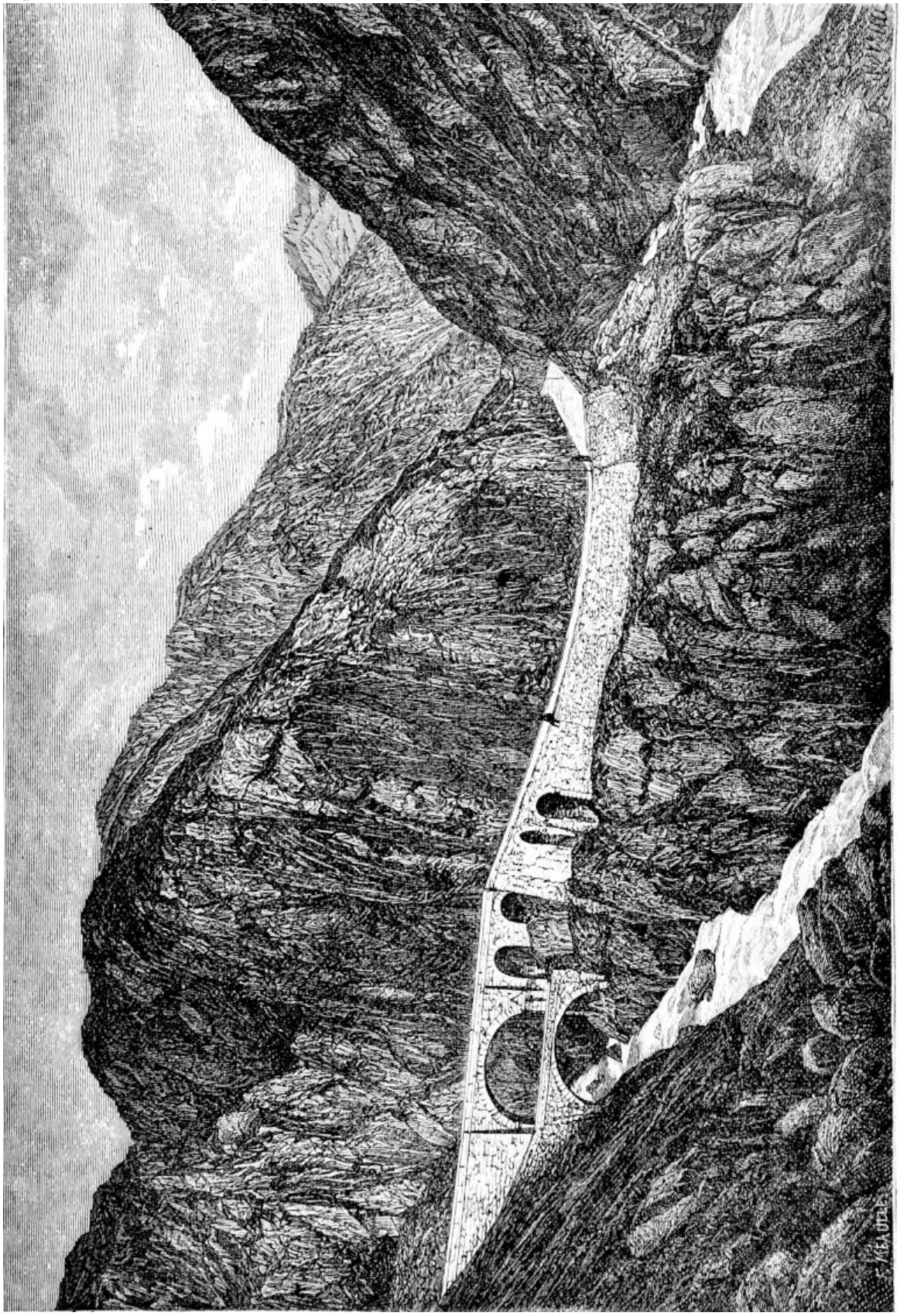
Объем воды, протекающей в секунду для всех швейцарских рек, по измерениям федеральной гидрографической коммисии (1871 г.), 1.326 кубич. метр. Рейн (без германских притоков) несет 817 кубич. метр., всего же 1.000 метров; Рона 270 куб. метр.; Тессин 105 куб. метр.; Маджиа 62 куб. метр.; Верзаска 110 куб. метр.: Инн 50 куб. метр.; другие реки 12 куб. метров.

VI

Климатические условия Швейцарии, по причине гористого характера страны, разнообразны до бесконечности; каждая долина, каждый склон горы имеют свой особенный климат. Одно только можно сказать, в виде общего правила, что на Юре и на северном склоне Альп климат холоднее и суровее, чем следовало бы ожидать, судя по широте места, тогда как на южном скате гор города, защищенные от северного ветра, пользуются более высокою температурою, чем населенные места гладких равнин, лежащих в таком же расстоянии от экватора. Так, например, в то время, как в Локарно, на берегах Лаго-Маджиоре, средняя температура 13°Ц, температура Швейцарской равнины, между Женевским и Констанцским озерами,

не превышает, средним числом, 8 или 9 градусов; каждая из метеорологических станций Швейцарии имеет свой особенный климат.

Средняя температура городов Швейцарской равнины:



Чортовъ мостъ и Bia-Мала.

Санкт-Галлен 7,7°Ц.; Берн 8,1°Ц.; Люцерн 8,6°Ц.; Цюрих 9,0°Ц.; Нефшатель 9,3°Ц.; Женева 9,7°Ц.; Лозанна 9,8°Ц.; Монтрё 10,5°Ц.

На склонах гор средняя температура постепенно уменьшается на один градус с увеличе-

нием высоты на 165 до 230 метров, смотря по различным условиям местного климата: в среднем выводе это уменьшение составляет 1 градус на каждые 186 метров высоты. На Сен-Готарде и Симплоне средняя температура года соответствует точке замерзания; на Сен-Бернарде она колеблется между 1 и 2 градусами ниже 0; на вершинах Монте-Розы и Оберланда средняя годовая температура, выведенная на основании имеющихся наблюдений, равна -15°: это уже климат Гренландии и полярных архипелагов. Нижняя граница постоянных снегов на горах Швейцарии лежит на высоте 2.800 метров над уровнем океана, но в исключительных случаях, при очень жарком лете, бывает, что вершины в 3.400 метров высоты, даже с широкими боками, совершенно обнажены от снегов, и на утесах Мишабеля, громоздящихся на высоте 4.300 метров, иногда не видно ни одного белого пятна.

Благодаря своим высоким горам, задерживающим воздушные течения и облака, Швейцария получает гораздо большее количество атмосферной влаги, чем окружающие ее страны. В болотистых раввинах, на озерах, в долинах, не имеющих выхода, часто стоят туманы; но, вообще говоря, на половине высоты гор небо менее чисто, чем внизу на равнинах и вверху на вершинах[1]; на скатах гор, особенно около высоты 1.500 метров, облака ударяются о каменную стену и разрешаются проливным дождем; выше воздушная влага падает в виде кристаллов снега, но она менее обильна, чем на полусклоне гор, где находится главный пояс туч. В Швейцарской равнине среднее годовое падение дождя составляет от 800 миллиметров до 1 метра,—количество, которое уже превышает дождепад Франции на одну пятую или даже на целую четверть; но эта средняя величина атмосферной влаги, получаемой равнинами, еще далеко не достигает годового объема вод, падающих в виде ливней на высоких склонах гор. На Сен-Бернарде годовой слой дождевой воды, включая сюда и эквивалент снегов, имеет около 2 метров толщины. По наблюдениям Агассиза, на хребтах иногда в продолжение одной зимы выпадает слой снега до 17 метров толщиною. На южном склоне Альп, в долинах Тессина и его притоков, где теплые южные ветры, ударяясь о холодные горы, разрешаются ливнями, годовой слой атмосферной влаги еще значительнее; в дождливые годы он превышает 3 метра.

Пропорционально пространству территории, Швейцария из всех европейских стран получает наибольшее количество дождевой воды и отдает ее морю в наибольшем обилии, её реки, текущие на север, на запад и на юг, к Германии, Франции и Италии, представляют в совокупности массу воды, вчетверо большую, при равных поверхностях, чем та, какую изливает в море французская территория, которая, однако, пользуется очень обильным орошением. Кроме своих многоводных рек, разносящих плодородие по соседним странам, Швейцария обладает еще, как мы видели, огромным запасом озерных вод и не менее богатым запасом кристаллической воды в форме исполинских ледников и обширных фирновых и снежных полей, покрывающих вершины и склоны её высоких гор.

В Швейцарии так же, как во Франции и Германии, общее движение ветров совершается по направлению с юго-запада на северо-восток и с северо-востока на юго-запад. Полярное и экваториальное воздушные течения постоянно сталкиваются между собою, и то одно, то другое из них одерживает верх в этой борьбе. Но резкия неровности рельефа, пересекающие страну во всех направлениях цепи гор с их долинами, задерживающие или видоизменяющие правильный ход ветров, обусловливают бесчисленные уклонения атмосферных токов. На хребте или горном проходе может дуть сильный ветер, тогда как внизу, в долине, воздух спокоен или движется в противуположном направлении. Нередко случается, что северный ветер проникает в долину с юга, или западный с востока. Впрочем, во всякой долине, хорошо замкнутой, т.е. заключенной между двух высоких гор, движение воздуха возможно только по двум направлениям—снизу вверх или сверху вниз; так, например, Валлис не знает других ветров, кроме западного и восточного; долина Рейна, от Кура до Констанцского озера, и долина Тессина от Сен-Готарда до Лого-Маджиоре, доступны только воздушным волнам, идущим с севера и с юга.

1 H. C. Lombard, «Les climats de montagnes".

Общий закон колебания воздушных частиц, по которому атмосферные токи днем движутся с раввин к вершинам гор, а ночью и утром наоборот, с гор в долины, замечен во всех частях Швейцарии, и особенности на озерах, где потребности судоходства заставляют наблюдать регулярно эти явления. Когда нормальный порядок местных бриз не нарушается общими воздушными течениями, ветер после полудня всегда дует с нижней части озера, потому что действием солнечных лучей в это время образуется сборный фокус на вершине гор; ночью же ветер опять спускается на озеро с быстро-охладившихся гор. Только этот поворот бриз не везде наступает в одно и же время: на одних озерах он замечается ранее, на других позднее, что, без сомнения, зависит от рельефа почвы, климата, положения в отношении солнечного освещения и нагревания, различных для каждого озерного бассейна. Так, например, в Тессинском кантоне, крутые горы которого обращены на юг, так что лучи полуденного солнца падают прямо на их склоны, breva, или веющая снизу бриза уже в одиннадцать часов утра начинает подниматься к высотам, а обратное, т.е. нисходящее воздушное течение, иногда образуется с самого вечера. Напротив того, на озерах Цюрихском и Боденском, долины которых идут на запад и которые окружены горами, менее высокими и менее подверженными действию солнечного жара, все атмосферные движения опаздывают на несколько часов сравнительно с наступлением их на южном склоне Альп.

Из ветров, свойственных Швейцарии, особенно замечателен знаменитый фён (Fohn), favonius древних римлян, производящий наиболее быстрые перемены в температуре и общем равновесии атмосферы. Это воздушное течение, в одно и то же время благодетельное и грозное, издавна составляет предмет изучения и спора для метеорологов. Одни из их, вместе с Дове и Мюри, считают его тропическим противо-течением пассатов; другие, вместе с Эшером Линтским и Дезором, видят в нем ветер Сахары, немного уклоняющийся от своего первоначального направления к северо-востоку под влиянием барометрического понижения, т.е. уменьшения атмосферного давления, в Западной Европе; достоверно то, что во время фёна 23 сентября 1866 г., как показали тщательные наблюдения Л. Дюфура, метеорологические условия Алжирии и Швейцарии были совершенно одинаковы, так что, очевидно, над обеими странами пронеслась одна и та же буря[1]. Фён дует преимущественно зимою и в начале весны, когда средний пояс ветров находится еще близ экватора; характер его значительно разнится, смотря по свойству долин и времени года, но вообще это сухой, горячий, расслабляющий ветер; правда, проходя над высоким гребнем Альп, он охлаждается и часто орошает Монте-Розу и вершины Тессинских гор сильными дождями; однако, погружаясь в долины, он снова нагревается, вследствие сгущения воздуха, и дует теплым ветром; он-то главным образом способствует таянию снегов весною: иногда в несколько часов этот ветер очищает обширные склоны от снежного покрова, задерживающего рост трав. «Без фёна, говорят граубюнденцы, ни Бог, ни золотое солнце ничего не могут сделать». Но этот благодетельный воздушный поток по временам является в виде страшной бури. Горе судам, застигнутым тогда по середине озер, вдали от безопасной пристани. Волны, подхватываемые вихрем, сталкиваются в хаотическом беспорядке; ветер яростно рвет пену, которая несется над водой столбами, кружась как настоящие смерчи; бушующее озеро походит на громадный кратер, наполненный кипящею водою.

Вместе с понижением средней годовой температуры на склонах гор, по мере увеличения высоты, замечается постепенное исчезновение всего живущаго—растений, животных и людей. Почти все население Швейцарии сгруппировалось в равнине, на низких холмах и на дне долин, между высокими горными цепями; кривые, проведенные по скату гор, могли бы во многих областях Швейцарии обозначить точную границу человеческих жилищ. Из городов один только Шо-де-Фон (la Chaux-de-Fonds), в Нефшательской Юре, поднялся на высоту 1.000 метр., но и то, так сказать, наперекор климату. В возвышенных долинах есть несколько деревень, построенных на высоте от 1.200 до 1.500 метров, и даже в печальной

1 „Recherches sur le fohn du 23 sept. 1866 en Suisse.“ „Bullet de la Societe vaud. des Sciences naturelles“, vol. IX. 1868.

Аверской долине, впадающей в долину Нижнего Рейна, в той области, где, как говорят в шутку,—«год состоит из девяти зимних и трех холодных месяцев», существует кучка хижин, приютившаяся на высоте 2.042 метр.: это сельцо Жюф, построенное колонистами германского происхождения, и которое можно считать высшим населенным пунктом нашей части света, так как во всей Европе нет другой деревни с постоянным населением, которая бы находилась на такой большой высоте. Еще выше лежит Сен-Бернардский странноприимный дом (на высоте 2.472 метров), который круглый год открыт для путешественников, совершающих переход через Большой Сен-Бернар. Наконец, есть много хижин, приютившихся в углублениях между скалами, выше линии вечного снега: это убежища, устроенные обществами любителей восхождения на высокие горы. Самое возвышенное из этих убежищ есть хижина на Мон-Сервене, или Маттергорне, построенная на высоте 3.900 метров.

Всем известно, какое могущественное влияние оказывает климат на жителей высоких долин. Вообще говоря, горцы имеют торс более сильный, ногу более твердую, чем обитатели равнины; благодаря чистоте и легкости воздуха, которым они дышат, горные жители менее подвержены различным болезням, в особенности чахотке, этому страшному недугу, который похищает так много жертв в Западной Европе. В этом отношении благотворное действие горного климата подтверждено опытом, и теперь каждый год сотни чахоточных с успехом для своего здоровья проводят зиму среди снегов и льдов, в деревнях Граубюнденской долины Давос, на высоте 1.550 метров[1]. Напротив того, процент легочных и грудных болезней заметно возрастает с увеличением высоты; эти недуги развиваются между населением гор в заразительной и очень опасной форме: тогда их называют в Немецкой Швейцарии Alpenstich (альпийский удар). Одышка, золотуха, ревматизм тоже чаще встречаются в высоких долинах, чем на равнине[2]. Наконец, на сыром дне узких долин, мало освещаемых солнцем, и особенно там, где воды текут по почве, содержащей горькозем, между жителями очень распространены зоб и кретинизм, которые, впрочем, постепенно ослабевают по мере увеличения опрятности и благосостояния, так что теперь число зобатых и кретинов с каждым годом уменьшается.

Вообще говоря, немощных телом или духом, исключая слепых, в Швейцарии более, чем в соседних государствах[3]; более половины свидетельствуемых молодых людей признаются негодными к военной службе. Но, к счастью, эта страна, благодаря различному положению разных её частей над уровнем моря и зависящему от того бесконечному разнообразию климатов, имеет могущественное средство, при помощи которого можно успешно бороться с болезнями, увеличивая по произволу, посредством простого переселения из одной местности в другую, легкость или тяжесть воздуха, жар или холод, сухость или сырость климата. Уже Жан-Жак Руссо выражал удивление, что «ванны из живительного благотворного воздуха гор до сих пор не сделались одним из главных средств для врачевания плоти и духа» («Новая Элоиза»), Это желание великого писателя-реформатора теперь исполнилось, и каждый год тысячи городских жителей приезжают укреплять, если не «дух», то по крайней мере здоровье тела в обширных отелях, построенных на горах и в высоких долинах, каковы: Риги-Кальтбад, Риги-Фирст, Риги-Кульм, Зелисберг, Муверан, Бельальц и в множестве других дворцов, воздвигнутых в соседстве с царством вечного снега, откуда можно любоваться вели-

1 Умирающие от чахотки (в Англии их приходится 124 на 1.000 смертных случаев) составляют: во всей Швейцарии 77 на 1.000; в Базеле (на высоте 255 метров) 106 на 1.000; в Женеве (выс. 375 метр.) 101 на 1.000; в Валлисе (средняя высота 500 метр.) 49 на 1.000; в Фрейбурге (выс. 628 метр.) 37 на 1.000, в Цуге (выс. 475 метр.) 17 на 1.000. (Lombard, „Societe helvetique des Sciences naturelles". Reun. de Bale).

2 Ломбар, „Les climats des montagnes".

3 В Бернском кантоне, по исследованиям доктора Фетчерина, в 1871 году было: Сумасшедших 1.292 или 1:391; идиотов 1.512 или 1:335; душевно-больных 2.804 или 1:180.

Во всей Швейцарии, по переписи 1870 года, оказалось: идиотов 7.764, т. е. 1 на 344 жит.; глухонемых 6.544, т. е. 1 на 408 жител.; слепых 2.032, т. е. 1 на 1.313 жит.

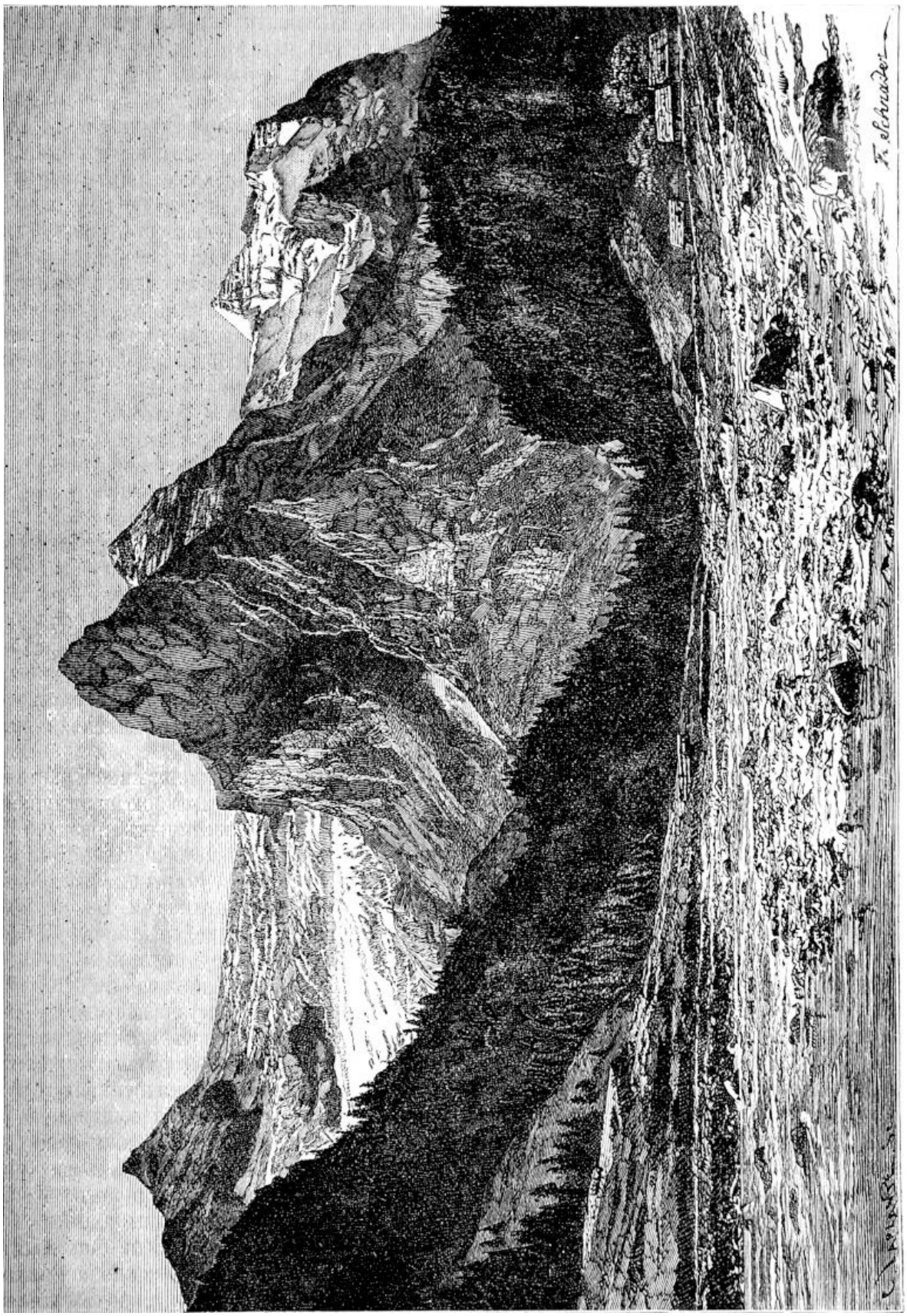
Во Франции число глухо-немых в пять раз менее, а число слепых несколько значительнее (пропорционально цифре населения), чем в Швейцарии.

колепным видом на Монте-Розу или на колоссальные вершины Бернского Оберланда. Знаменитейшие и наиболее посещаемые бальнеологические заведения Швейцарии, Шинцнах, Баден, Пфефферс, Луэш или Лейк (Loueche, Leuker Bad), Санкт-Мориц Поскиаво, без сомнения, обязаны наплывом больных столько же чистоте воздуха, сколько и целебному свойству их вод. Что касается самих горцев, то они во все времена имели привычку постоянно менять воздух или климат, хотя делают это не ради поправления или укрепления здоровья, а в силу требований своего хозяйства: для косьбы травы и уборки сена они поднимаются к лугам, покрывающим высшие части гор; для возделывания виноградников спускаются на самые нижние склоны; наконец, для жнитвы овса или для сбора картофеля располагаются на средней высоте. В Валлисе есть множество сельских общин, имеющих каждая по три деревни, поочередно обитаемые и покидаемые.

Обозначить точные границы распространения различных растений швейцарской флоры довольно трудно, так как человеческая промышленность, бесконечное разнообразие почв и местных климатов, более или менее благоприятное положение местности относительно действия солнца (экспозиция) производят значительные контрасты в этом отношении. Даже в упомянутом сельце Жюф, гораздо выше среднего пояса лесов, упорный труд горцев заставил почву родить некоторые овощи. На южном склоне Альп и в высоких долинах Граубюндена, защищенных от северных ветров, растительность достигает несравненно больших высот, чем на горах Немецкой Швейцарии. Так, например виноград растет на южной стороне Монте-Розы до высоты 900 метров, тогда как в кантоне С.-Галлен он нигде не поднимается выше 520 метров. Точно также верхняя граница хлебных злаков на севере Швейцарии лежит на высоте около 1.100 метров, между тем как в Граубюндене ячмень родится еще на высоте 1.800 метров, а на Монте-Розе на высоте почти 2.000 метров. Не принимая в рассчет этих исключительных случаев, можно сказать, что запашки прекращаются на высоте 1.200 метров. Из этого следует, что около половины Швейцарии находится выше пояса земледелия; но и ниже лежащие склоны гор далеко не все удобны к обраработке: леса, озера и скалы занимают большую часть территории; поля в собственном смысле составляют лишь одну-седьмую всего пространства республики, да и те постепенно уменьшаются, будучи частью превращаемы в луга. После Норвегии, Швейцария из всех европейских стран имеет наименьшее количество пахатных земель, вследствие чего собственное её производство далеко недостаточно для покрытия потребления, и почти половина хлеба, потребляемого её жителями, привозится из-за границы.

Главное естественное богатство края состоит в лесах, лугах и пажитях, ибо деревья покрывают здесь более одной-шестой, а травы более одной трети территории. Хотя многие высоты, преимущественно в Валлисе, Граубюндене, Тессине, лишены растительного покрова, но в целом горы Швейцарии принадлежат к наиболее зеленеющим, к самым богатым растительностью возвышенностям Европы; покрытые лесом на нижних склонах, опоясанные лугами на вершинах, эти горы производят приятное впечатление своею свежестью и красотою контуров, особенно если их сравнить с разрушающимися стенами Альп Дофине, с выжженными солнцем и поросшими чахлым кустарником утесами Апеннин, с печальными сиеррами Испании однообразного пепельно-серого или ярко-красного цвета. За исключением дуба, который довольно редок в Швейцарии, почти все породы деревьев, свойственные равнинам Европы, украшают швейцарские долины и первые предгория Альп. В самом низу преобладает великолепный грецкий орешник, широко раскидывающий свои ветви; лежащие над ним склоны покрыты буковым или каштановым лесом; выше тянется чернолесье, сосна и пихта,—деревья по преимуществу швейцарские; еще выше, в холодном воздухе вершин, растут лиственница и сибирский кедр, дающие драгоценное дерево; наконец, выше всех царит ползучая альпийская сосна (pinus mugho), самое смелое из швейцарских деревьев, которое одно борется с морозом; правда, оно разростается более в корни, чем в ветви, и ветви его вьются по земле, между кустами рододендронов, чтобы укрыться от ярости бурь, часто бушующих на этих огромных высотах. В горах Швейцарии, так же. как на Альпах Дофине и Савойи, верхний фронт лесов в продолжение текущего геологического периода спустился

ниже, или по причине понижения средней температуры, как полагают некоторые метеорологи, или, что гораздо вероятнее, вследствие истребления лесов рукою человека и меньшей силы сопротивления, которую могут противопоставить суровости зим отдельные кучки дере-



Вельгорнъ и ледникъ Розенлауи.

вьев: известно, что одинокое дерево скоро погибает там, где еще без труда существовал бы целый лес. В прежнее время, как о том свидетельствуют древесные стволы, погребенные в торфяных болотах, леса покрывали склоны Валь-Пиора и Люкманьера, где теперь можно

встретить только пажити. Верхняя граница лесной растительности проходила тогда, по меньшей мере, на высоте 2.200 метр., тогда как в наши дни она лежит 400 метрами ниже[1].

Подобно лесам разных пород, и травяная растительность на склонах гор представляет последовательные переходы, обусловливаемые постепенным понижением температуры, с увеличением высоты. Внизу перед нами расстилаются богатые, тучные луга, удобряемые искусственно и дающие обильный сбор сена; но по мере того, как мы поднимаемся в лощинах и нагорных равнинах, трава на полянах становится все мельче и ниже, и растения полярного пояса все более и более вытесняют виды, свойственные умеренной Европе. С наступлением весны стада коров покидают свои хлевы, где проведена длинная зима, и под предводительством коровы-матки, которая важно выступает впереди, украшенная венком и потрясая своим колокольчиком, караван отправляется на Альпы. Сначала он останавливается на нижних пастбищах, затем, когда верхние склоны освободятся от снежного покрова, поднимается на высокие Альпы, где растет та сочная душистая трава, которой швейцарские коровы обязаны своим чудесным молоком. Ни одна поляна, ни одна лужайка не пропадает здесь даром; куда не могут взобраться коровы, туда лазят козы и овцы; куда даже бараны не в состоянии вскарабкаться, туда горец переносит их на спине. Есть пажити, окруженные со всех сторон снегом и льдом, и где, при малейшем неосторожном движении, животное легко может свалиться в пропасть. Поэтому, с приближением зимнего времени, стада уходят с этих опасных высот и спускаются обратно в равнины к своим скотным двора

Животная жизнь прекращается на горах Швейцарии гораздо ниже того пояса, где еще прозябают мхи, лишаи и кое-какие другие растения. В области постоянных снегов, т.е. на высоте более 2.800 метр., единственными представителями животного царства являются насекомые и паукообразные, всего около тридцати видов; на высоте от 3.000 до 3.300 метр., остаются только пауки. Встречали также один вид полевой мыши (arvicola nivalis) на высоте почти 4.000 метр.; но еще не известно, живет ли этот маленький грызун, роющий себе норы под снегом, постоянно на этих высотах, или он только заходит туда летом[2]. Подобно четвероногим и другим животным, рыбы альпийских озер тоже постепенно уменьшаются в числе и разнообразии видов вместе с понижением температуры на горах. Встречающиеся выше 2.100 метр., маленькия озера, скованные льдом в продолжение значительной части года, очень бедны рыбою.

В исторические времена многие растения исчезли, вытесненные культурою, преимущественно виды, росшие на песчаных пространствах по берегам озер и на болотах; точно также многие животные швейцарских лесов и гор были истреблены охотниками. Бизон и бобр, которые еще в средние века существовали в большом числе, теперь вывелись совершенно. Ланей в Швейцарии не видали уже лет сто, оленей—лет шестьдесят; козулю и кабана тоже, кажется, можно исключить из числа представителей швейцарской фауны; черепахи также, вероятно, исчезли, хотя и уверяют, что их видели еще недавно. Дикия кошки попадаются еще в лесах, но и они стали очень редки. Волки довольно обыкновенны, и все еще производят опустошения в стадах. Последний медведь в Аппенцелле был убит в 1673 г.; в настоящее время медведи еще водятся в Граубюндене, Альпах Тессина и Валлиса, но и там они, без сомнения, исчезнут в недалеком будущем; Берну скоро придется выписывать из дальних стран своих символических животных. Горам Швейцарии грозила опасность не иметь вскоре никаких гостей из больших животных, кроме пригоняемых на лето стад домашнего скота, но теперь стали охранять серн, и заботятся о разведении вновь каменного барана.

Хищные птицы, как например, страшный ягнятник (gypaetos barbatus), нападающий даже на детей, тоже уменьшаются в числе; но, на сколько известно, еще ни один вид не истреблен совершенно в исторические времена. Птицы втрое многочисленнее, чем все другия позвоночные животные швейцарской фауны; правда, три четверти встречаемых здесь видов этого класса—перелетные птицы, или птицы, прилетающие сюда только на лето или на

1 Рютимейер. „Jahrbuch des Schweizer Alpen-Clubs", т. III.

2 Чуди, «Альпийский мир»; Мартен, „Du Spitzberg au Sahara".

зиму: для пернатых так же, как и для людей, Швейцария сделалась любимою целью путешествий. её географическое положение в середине умеренного пояса и рельеф её гор, поднимающихся за облака, делают понятным, почему её долины служат временными станциями для такого большего числа видов. Само собою разумеется, что птицы перелетают с одного склона альпийских цепей на другой через самые низкие впадины горных масс. В особенности Сен-Готардский проход служит главным трактом для крылатых эмигрантов, по причине прямого направления с севера на юг, которому следуют долины рек Рейсы и Тессина. Поэтому возвышенный бассейн Урзеренский и Андерматский, очень удобно расположенный как промежуточное место роздыха, есть одна из тех местностей Швейцарии, где орнитологи находят особенно богатую и важную добычу[1]. Во все времена полет птиц ясно указывал человеку то место в цепи гор, где всего удобнее и естественнее проложить путь через систему Центральных Альп.

VII

Равнины Гельвеции были населены задолго до того времени, когда для них началась история. Даже века, протекшие между двумя ледяными периодами, видели человека бродившим и устраивавшим свои становища в долинах Альп. На итальянском склоне, в Вицциконе, мореновые слои, принадлежащие к различным эпохам, разделены пластом лигнита, где нашли циновку, сплетенную из тростника. Точно также по обрезанным еловым ветвям, открытым близ восточной оконечности Цюрихского озера, в одном из слоев междуледяного периода, Рютимейер заключает о существовании человека в ту эпоху; ветви эти, без сомнения, употреблялись для плетней или корзин[2]. Когда римляне познакомились с краем, он уже пережил много последовательных периодов цивилизации, которые не оставили после себя никаких письменных памятников, и только в текущем столетии были открыты следы этих минувших эпох в гротах, на дне озер, под мохом торфяных болот. Первые остатки гельветического человека и первые его орудия были найдены в пещерах. В Верье, близ горы Мон-Салев, исследователи Госс и Тиоли собрали человеческие кости, а также орудия из оленьего рога, по которым можно составить понятие об образе жизни тогдашних троглодитов[3].

В Тайнгене, недалеко от Шафгаузена, тоже открыты гроты, служившие человеческим жилищем в эпоху северного оленя, и подробное исследование этих пещер дало в результате богатые сокровища, между которыми особенно замечательна одна кость с изображением северного оленя, вырезанным каким-то великим художником той отдаленной эпохи[4]; из живших тогда млекопитающих теперь остались в Швейцарии только три вида: дикая кошка, волк и красный олень[5]. На южном склоне Альп, где население, как кажется, было другое, отличное от жителей северного ската (может быть этрусское), тоже найдены многочисленные следы существования доисторических людей. Одна из нагорных долин, впадающих в Валь-Маджиа, «долина Горшечников» (Val Lavizzara), названа так по имени горшечного камня (lavezzo), который встречается в этой долине и из которого прежде делали котелки и горшки. Весьма вероятно, что это название напоминает одну из эпох первобытной цивилизации, когда человек, еще не умевший обделывать и обжигать глину, должен был употреблять каменные сосуды[6].

После исчезновения северного оленя, когда ледники давно уже отступили к верхним долинам и когда на равнинах лапландский мох заменился лесами и луговыми травами, население Швейцарии составляли другие люди—так называемые озерные жители, или обитатели свайных построек. Швейцарские рыболовы давно уже знали о существовании в неглубоких

1 Чуди, „Альпийский мир“.
2 „Archiven fur Anthropologie“, achter Band, S. 134.
3 „Bulletin de l’Institut genevois“, tome XV.
4 Альберт Гейн, „Fund aus des Rennthier-Zeit“.
5 Рютимейер. Veranderungen der Thierwelt in der Shweiz“.
6 Ф. Келлер Герстерт, „Ausland”, 1876, № 24

бухтах некоторых озер целых рядов каких-то свай, но не интересовались познакомиться с их происхождением, а местные археологи считали эти сваи просто остатками древних римских плотин. В конце прошлого столетия Разумовский[1] уже предугадывал происхождение этих развалин; но его объяснения были забыты, и только в недавнее время одно неожиданное открытие навело ученых на след истины. Зимою 1853-54 гг. уровень Цюрихского озера понизился гораздо более обыкновенного, и прибрежные жители Обер-Мейлена воспользовались этим обстоятельством, чтобы построить плотины перед старым берегом, с целью присоединить к своим пахатным землям широкую береговую полосу. При производстве работ по устройству плотин нашли, под слоем ила, уголья, почерневшие от огня камни, обделанные кости, разного рода домашнюю утварь, свидетельствовавшие о существовании в этом месте древнего поселения. Проф. Фердинанд Келлер тотчас же приступил к изучению этих любопытных остатков, и вскоре после того напечатал результат своих исследований «об озерных жилищах» и их обитателях, («Кельтские свайные постройки в швейцарских горах», 1854 г.). Это было исходною точкою целого ряда других раскопок и исследований, которые много способствовали основанию новой науки—антропологии доисторического человека.

По найденным остаткам нетрудно реставрировать мысленно озерные хижины тех отдаленных эпох. Обугленные бревна, лежащие теперь между сваями, по всей вероятности, составляли часть платформы или помоста, который был устроен на высоте нескольких футов над поверхностью озера; переплетенные ветви деревьев, куски обожженной глины, очевидно, принадлежали к круглым стенам; слои тростника, соломы и древесной коры, без сомнения, представляют остатки конических крыш этих озерных жилищ. Камни, составлявшие очаг, упали на дно отвесно и лежат прямо под тем местом, которое некогда занимали. Глиняные сосуды, кучи листьев и мха, вероятно, служившие постелями, оружие, трофеи охоты: большие оленьи рога и головы бизонов, украшавшие стены,—все эти предметы, очевидно, должны быть рассматриваемы, как утварь и мебель озерных хижин; в торфяниках, составлявших прежде часть Пфеффиконского озера, нашли даже ткани из пеньки и льна, и куски обугливавшегося пшеничного хлеба[2]. Подле свай можно различить остатки выдолбленных колод, служивших челноками, а ряд столбов указывает место, где был мост, соединявший эспланады озерной колонии с твердою землею. В некоторых местах можно было даже определить число домов, и, на основании его, вычислить приблизительно цифру населения деревни. До сих пор в озерах Швейцарских Альп открыли уже более двухсот групп человеческих жилищ, и некоторые из этих групп заключали в себе по пятисот хижин. Следовательно, общее население этих водяных городков, принадлежащих, впрочем, к различным векам, могло простираться одновременно до сотни тысяч душ[3]. Очевидно, озерные люди центральной Европы вели постоянную войну между собою, и, как папуасы Новой Гвинеи или дайяки острова Борнео, строили свои жилища посреди вод, чтобы обеспечить себя от внезапных нападений неприятеля.

Остатки свайных построек находят почти во всех швейцарских озерах, кроме тех только, которые очень глубоки на всем своем протяжении, каково, например, озеро Лугано, или которые находятся уже в холодной области гор, каковы озера Тунское и Бриенцское. Озерные городки, из которых одни были построены на сваях, другие на грудах камней или дамбах (Steinberg), тянулись почти по всему побережью озер Нефшательского, Биенского (Бильского) и Муртенского; здесь найдена почти половина всех открытых до сих пор в Швейцарии доисторических свайных сооружений. Но эти поселения, кажется, нельзя считать самыми древними. Остатки жилищ, построенных в эпоху каменного века, когда туземцы еще не были знакомы с искусством обработки металлов, находят преимущественно на берегах Цюрихского и Констанцского (Боденского) озер. По вычислению Тройона, основанному на вековом увеличении наносов между шамблонскими свайными постройками и нынешним юж-

1 „Histoire naturelle du Jura et des trois lacs de Neuchatel, Bienne et Murat". Lausanne, 1789.

2 Мессикомер, Ф. Келлер.

3 Тройон, „Habitations lacustres des temps anciens et moderne".

ным берегом Нефшательского озера, эти времена, предшествовавшие истории, удалены от нас, приблизительно на 3.300 лет[1]. Климат и флора Швейцарии были тогда почти такие же, как в наши дни, за исключением разве того, что чилим или водяной орех (trapa natans) и малый кувшинчик, ныне уже не существующие в этих озерах, тогда еще росли там во множестве[2]. Культурные растения все принадлежали к видам, которые и теперь еще возделываются в этой стране, но разновидности их были тогда менее производительны с того времени породы или сорты хлебных злаков и бобовых растений значительно усовершенствованы: зерна их стали крупнее и тяжелее[3]. Животные этой доисторической эпохи были те же, как и представители нынешней фауны Швейцарии, исключая первобытного быка и болотной свиньи, совершенно исчезнувших с тех пор, и бизона, лося и бобра, которые еще встречаются в некоторых частях Европы[4]. Домашния куры, родиною которых, как известно, считают Восток, еще не были введены. Странно, что нигде не найдено костей зайца, может быть, потому, что озерные жители не употребляли мяса этого животного в пищу, считая его нечистым[5] (известно, что, например, лопари и теперь еще считают зайца поганым). Обитатели Тайнгенского грота, кажется, не имели этого предразсудка, судя по обилию заячьих костей, найденных в этой пещере[6].

Переход от каменного века к другим периодам: к бронзовому, затем к железному, совершился в различных долинах или постепенно, путем мирных сношений и торговли, или посредством вторжения других враждебных народов. Находимые в свайных постройках остатки грубой глиняной посуды, происхождение которой относится к римской эпохе, доказывают, что водяные жилища были еще обитаемы в начале нашей эры[7]. Впрочем, многие из этих озерных селений, благодаря своему счастливому географическому положению, продолжали существовать целые века, и население их не только не уменьшалось, но даже, напротив, постоянно возростало. Так, например, город Цюрих, где до сих пор есть еще озерный квартал, построен на месте водяного города каменного века; точно также там, где теперь стоит Женева, в бронзовом веке существовала деревня, построенная на сваях в самом озере.

К каким расам принадлежали первые населения швейцарских озер? При настоящем состоянии наших знаний, этот вопрос еще не может быть решен. Рютимейер и Келлер, ученые, наиболее авторитетные относительно этого предмета, полагают, что озерные жители были, просто, предки нынешних швейцарцев. Другие скорее склоняются в пользу того мнения, что первые из этих аутохтонов были финского, или, может быть, иберийского племени. Кельты, вероятно, пришли позднее, или в бронзовом, или в железном веке, истребляя туземцев своим острым вооружением. От этих завоевателей, называвшихся гельветами (Elvi или Elveti), что означало, вероятно, пастухи[8], страна, занимаемая Центральными Альпами, и получила имя Гельвеции, сохранившееся за ней до нашего времени. Кельтские названия их деревень, форма их оружия, изображения полумесяца, служившие им амулетами, наконец, существовавший у них обычай сжигать тела умерших,—все это подтверждает их галльское происхождение. Культурные растения и домашния животные, найденные в их свайных постройках, доказывают, что они вели торговые сношения преимущественно с народами, жившими по берегам Средиземного моря.

Кельтские племена—гельветы в равнинах и раураки на Юре—занимали только западные области Швейцарии; восточные же земли, более гористые, были населены другими народностями. Очень многие названия мест доказывают, что реты или ретийцы (может быть, тоже

1 Тройон, „Habitations lacustres des temps anciens et moderne".
2 Фердинанд Келлер, „Dritter Bericht uber die Pfahlquten".
3 Оасвальд Геер, „Die Pflanzen der Pfahlbauten".
4 Рютимейер, „Untersuchungen der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz".
5 Мерло, Рютимейер.
6 Альберт Гейм, „Fund aus der Rennthier-Zeit".
7 Страбон, книга IV, гл. III, 5
8 Пиктет, „Aryas", tome II, p. 37.

одно из кельтских племен, может быть, сородичи этрусков) населяли ту часть нынешней Швейцарии, которая лежит к востоку от извилистой линии, проведенной от Бернских Альп и Сен-Готарда к горам Санкт-Галлена и Аппенцеля. Во время великого переселения варваров германские завоеватели были достаточно многочисленны в области Альп для того, чтобы навязать свой язык и свои нравы жившему там кельтскому населению. Из территорий, которыми завладели эти иноземцы, франки и аллеманы, образовалась нынешняя немецкая Швейцария; часть Гельвеции, называемая теперь французскою Швейцариею, была покорена бургундами, которые скоро смешались с массою народа, совершенно романизовавшеюся. Река Аар составляет приблизительно естественную границу между аллеманами и бургундцами. Гис (His), пытавшийся определить типы человеческих черепов, найденных на древних кладбищах и в костниках, различает следующие четыре формы, названные им по месту нахождения: сионскую, гохбергскую, дисентийскую и белерскую. Эти формы черепов совершенно похожи на головы нынешних жителей Швейцарии. Первый тип, сионский, принадлежит кельтским могилам; он замечателен формою головы—в одно и то же время длинною и широкою, с округленным сводом. Второй тип, гохбергский, характеризуемый длинною и узкою головою, составляют черепа, находимые на римских кладбищах. Белерские головы, отличающиеся посредственною длиною, вырыты из бургундских могил, тогда как дисентийский череп—короткий и широкий, почти кубической формы, принадлежит аллеманам. Этот последний тип головы и теперь еще преобладает в Швейцарии, точно так же, как и во всей Южной Германии[1]. Брюнеты там более многочисленны, чем блондины.

Со времени великого переселения народов не произошло сколько-нибудь значительных перемен в составе населения Гельвеции; только это население несколько переместилось, вследствие распространения земледелия в высшей части долин и на плоских возвышенностях. Потомки древних ретов, занимавших нижния равнины, как кажется, были постепенно оттеснены в горы чужеземными завоевателями, аллеманами и франками. Говорят, что земли в области Ури, по берегам Сен-Готардской Рейсы, были распаханы германцами не ранее осьмого столетия нашей эры. Некоторые плоскогорья на Юре оставались еще долее пустынными и невозделанными: только в конце десятого века монастырские крестьяне начали селиться на этих возвышенностях, покрытых дремучими лесами, или «Noires Joux», как их называли в то время. Еще позднее, в XIII и XIV столетиях, так называемые «вольные хлебопашцы», по большей части женевцы, genovaisans, уходили в горы, где они пользовались относительною свободою: чтобы вознаградить их за труды по расчистке земель под пашни, помещики избавляли их от главных повинностей и барщины, а также и от палочной расправы, rude baton, как тогда выражались[2].

Средневековые легенды рассказывают еще об одном этнографическом элементе, который будто-бы примешался к народностям, составляющим главную массу или ядро швейцарской нации. Во многих местностях Валлиса встречаются древние постройки, приписываемые сарацинам, и говорят, что эти завоеватели, происшедшие от смешения арабов с берберами, оставили заметные следы в наружности жителей некоторых возвышенных долин. Действительно, в десятом веке, именно между 939 и 960 годами, мусульмане часто вторгались в пределы Швейцарии, простирая свои набеги до С.-Галлена и даже до Констанцского озера. Чтобы задерживать путешественников и брать с них выкуп, они заняли хребет Юпитера Пеннинского, или Большой Сен-Бернард, и другие горные проходы, ведущие из Швейцарии в Италию; многие из них даже женились на природных жительницах края и сделались мирными земледельцами[3]; но эти пришельцы были слишком малочисленны для того, чтобы их этнологическое влияние могло иметь сколько-нибудь значительные результаты. Некоторые ученые даже сомневаются в арабском происхождении названий многих гор, принадлежащих к группе Монте-Розы, каковы например Альмаджель, Аллалин, Мишабель, и полагают, что

1 „Bulletin de la Societe d'anthropologie“ t. V, 1864, p. 868. 869.

2 Жакар, „Notes manuscrites“,—„Itineraire des montagnes neuchateloises“, 1863.

3 Reinaud, „Invasions des Sarrazins“, p. 172 et suiv.

объяснение этих названий скорее следует искать в областном итальянском наречии[1]. С другой стороны, одна легенда, сообщаемая первыми историками Швейцарии и переложенная Шиллером в прекрасные стихи, говорит, будто-бы восточные фризы, вышедшие первоначально из Скандинавии, покинули берега Балтийского моря и поселились в области названной по имени их Швицем[2]. О долине Гасли тоже рассказывается, что земледелие введено в ней колонистами, пришедшими с севера. Но эта легенда не подтверждается никакими историческими памятниками, и областные немецкия наречия, которыми теперь говорят в некоторых кантонах Швейцарского союза, не содержат ни малейшего следа языков Фрисландии или Скандинавии. Во всяком случае, есть ли Вильгельм Тель лицо, действительно существовавшее или только вымышленное, поэтические подробности его истории несомненно были заимствованы из преданий, дошедших с севера, и свидетельствуют о существовании общей сокровищницы легенд у аллеманов Гельвеции, фризов и скандинавов.

Немецкия наречия Швейцарии, которые, по мере ознакомления массы народа с литературным языком, преподаваемым в школах, все более приближаются к верхненемецкому диалекту, представляют большое сходство с народною речью соседних стран, Бадена, Юрской Швабии, Эльзаса; подобно этой речи, они обладают большею живостью, большею меткостью и силою, более простым, безъискусственным складом, чем литературный язык; но они значительно разнятся между собою или выговором, или старинными выражениями и множеством иностранных слов латинского, французского или итальянского происхождения. Вообще эти наречия отличаются жесткостью гортанных и силою зубных и шипящих звуков[3].

В средние века область германских наречий была обширнее на западе Швейцарии и в Верхнем Валлисе; но зато во всей центральной части альпийской системы эти наречия были гораздо менее распространены, чем в наши дни. Названия мест показывают, что романские и латинские диалекты олатинившихся ретов господствовали не только во всем Граубюндене, но также на берегах Валенштадского озера (las des Velches, Walensee) и в горах Аппенцелля, в Форарльберге и в Тироле. Вытесненные мало-по-малу немецким языком, эти диалекты латинского происхождения, в которых сохранилось несколько ретийских слов и которые имеют письменную литературу с шестнадцатого столетия[4], теперь держатся еще только силою привычки или, как это можно сказать о многих граубюнденских деревнях, только чувством местного патриотизма. Впрочем, почти все жители края говорят по-немецки или поитальянски, кроме того или другого из трех областных наречий, употребляемых в обеих верхних долинах Рейна и в Энгадине. Несколько чисто германских общин находятся на романской территории: это колонии, основанные императором Фридрихом Барбароссою в высоких долинах, для охранения проходов через Альпы. Кроме того, немецкий язык, без сомнения, в эпоху великого переселения народов, перешел через гребень Бернских Альп и занял весь восточный пояс Валлиса; он даже спустился вниз по южному склону Альп, в группах Монте-Розы и Сен-Готарда; этим языком до сих пор говорят в маленькой тессинской общине Боско, так же, как и в нагорной итальянской долине Помат. Взамен того, итальянский язык проник на север от хребта Юлиер, где им говорят жители двух общин, Сталла и Мармельс, лежащих на одном из притоков Рейна.

Граница пояса французского языка не совпадает, как граница итальянской речи, с гребнем гор. Напротив, этот язык почти везде переходит за Юрскую цепь, которая, казалось бы, должна быть его естественным рубежом; в Нефшательском кантоне и на Бернской Юре диалект Франш-Контэ сделался народною речью, тогда как на юге одержали верх провансальские областные наречия. В Валлисе романский язык, очень похожий на овернскую речь

1 Gatschet, „Noms de lieux suisses“, „Annuaire du Club-Alpin“, 1867-1868.

2 „Вильгельм Тель“, Шиллера, акт II, сцена 3.

3 Gatschet, „Sprachen und Dialecte der Sehweiz; Allgemeine Beschreibung und Statistik der Schweiz“, von Max Wirth, vol. II.

4 Gaullieur, „Suisse historique“, t. II, p. 49.

обилием шипящих звуков и глухих гласных, проникает до отрога, господствующего, на востоке, над долиною Эран (val d'Herens), или Эрин; в Фрейбургском кантоне он распространен до первых предгорий Альп, лежащих к востоку от р. Сарины или Сарнен; в Бернской Юре им говорят до берегов Биенского или Бильского озера, за исключением узкой полосы земли, которая тянется к северу от Шавана, у подошвы Юрского хребта. Процентное отношение швейцарцев, говорящих французским языком, увеличившееся-было в течение этого столетия, с 1870 г. несколько уменьшилось, вследствие постоянной иммиграции с севера на юг; однако кое-где граница языков несколько переместилась в пользу французского диалекта. 1 декабря 1888 г. насчитывали: швейцарцев немецкого языка 2.083.097, т.е. 71,4% населения; швейцарцев французского языка 634.613, т.е. 21,8% населения; швейцарцев итальянского языка 155.113, т.е. 5,3% населения; рето-романов 38.357, т.е. 1,3% населения. Фрейбург (Фрибург), который был построен на романской земле одним из церингенских графов и в котором господствующим языком сделался немецкий, теперь по диалекту своих жителей имеет гораздо более латинский, чем германский характер. Весь верхний город говорит французским языком, и только в подгорных кварталах чаще слышится немецкая речь старинного Фрейбурга. Замечено, что в семействах, где дети одинаково хорошо знают оба языка, французский скоро делается преобладающим, без сомнения, потому, что этот язык самый ясный, и что на нем всего легче выражать свои мысли. Нужно также принять во внимание то обстоятельство, что областными французскими наречиями в Швейцарии говорят только жители деревень; в городах же везде господствует литературный язык, более или менее чистый, тогда как в немецких кантонах большая часть провинциальных наречий имеют собственную литературу, и до сих пор еще употребляются в городах на-ряду с верхне-немецким диалектом; следовательно, французский язык имеет над последними то преимущество, какое дает вообще большая сила сцепления.

Что бы ни говорили некоторые писатели, различия национальности и языка играли весьма значительную роль в географическом распределении вероисповеданий между различными областями Швейцарского союза. Феодальные влияния, взаимное соперничество городов, различие их интересов и войны одних кантонов с другими—вот те главные факторы, которые участвовали в борьбе двух религий во времена реформации и обусловливали победу той или другой из них в данной области. Так, французские кантоны Во (pays de Vaud), или Ваатланд. и Нефшатель имеют почти исключительно протестантское население; Женевский кантон разделен почти поровну между двумя вероисповеданиями; Фрейбург и Валлис населены католиками. Один из городов французской Швейцарии, Женева, долгое время справедливо пользовался названием «протестантского Рима», тогда как другой город в области того же языка, Фрейбург, долго был убежищем иезуитов, да и теперь еще он, вместе с Люцерном, является одним из главных центров швейцарского католицизма. Подобный же контраст мы замечаем и в немецкой Швейцарии: в то время, как население кантонов Бернского, Базельского, Цюрихского и других состоит из протестантов, в Санкт-Галлене господствуют оба главные вероисповедания—римско-католическое и реформатское, перемешиваясь между собою соответственно пересечению границ десятка мелких государств, слившихся в один кантон; а старые, так называемые лесные кантоны сделались совершенно католическими. Говорят, однако, что в Аппенцельском кантоне заметна большая разница в физических качествах между протестантами Ауссерродена и католиками Иннерродена: последние ниже ростом, чем другие жители немецкой Швейцарии; черты лица у них более тонкия, глаза более живые, манеры более свободные; при том все они имеют большое родовое сходство[1]. Что касается романцев (Roumanches) Граубюндена, то они распределены группами деревень между двумя господствующими религиями. Наконец, если тессинцы принадлежат к католической церкви, то взамен того итальянские швейцарцы долины Брегалья исповедуют реформатскую веру. Численный перевес на стороне протестантов, которые составляют около трех пятых населения Швейцарии; три важнейшие кантона, Бернский,

1 Eug. Rambert, „Les Landsgemeindes de la Suisse".

Цюрихский и Ваатландский (Во), принадлежат к реформатскому вероисповеданию. Последователей Моисеева закона в Швейцарии насчитывается всего только несколько тысяч: они сгруппированы преимущественно в кантоне Ааргау, в Авенше и в Шо-де-Фон[1].

Несмотря на различие рас, национальностей, языков, религий, нравов и местных конституций, швейцарцы различных кантонов имеют много общих черт, отличающих их от других народов Европы. В сравнении с своими соседями, особенно с соседями южного склона Альп, они не могут похвалиться ни красотою лица, ни изяществом манер; у них нет чарующей прелести, нет блестящих качеств, но они обладают силою. Самый обыкновенный тип швейцарца—это человек с крупными чертами лица, широкоплечий, с тяжеловатою походкою, но с ясными глазами и с твердою рукою. Швейцарец медлителен, но настойчив в преследовании раз задуманной цели. Он не способен увлекаться всякою фантазиею, какая придет в голову, и бросать для неё свое дело, но, в случае надобности, он отлично умеет утилизировать чужую хорошую мысль. Во всяком деле он имеет в виду практическую пользу, и одна из важнейших завоеванных им выгод состоит в том, что он пользуется более широкою материальною свободою, чем всякий другой европеец. Из всех наций швейцарский народ наиболее приблизился к идеалу политического устройства, при котором общественными делами управляют непосредственно сами граждане.

VIII

Своею политическою свободой и сохранением своей национальной независимости швейцарцы много обязаны природе: высокие горы, озера, извилистые долины, среди которых они живут, столько же, сколько их храбрость и сила их рук, способствовали возведению Швейцарского союза на первую степень между свободными государствами. В средние века почти все народности, защищенные поясом болот, большими лесами или трудно доступными скалами, умели пользоваться этим благоприятным местоположением для того, чтобы управляться самим собою; но нигде, кроме Швейцарии, подобный естественный оплот не был достаточно надежен для того, чтобы под охраной его можно было сохранять раз приобретенную независимость.

По единогласному свидетельству легенды и положительной истории, начало Гельветической конфедерации следует искать в центральной области Швейцарских Альп, защищенной с трех сторон горами, покрытыми снегом и льдом, и через которые прежде никто не отваживался переходить, а с севера огражденной бурными водами большего озера, с крутыми скалистыми берегами. В этой-то естественной крепости происходили все события, о которых рассказывает известная легенда, сложившаяся про Вильгельма Телля; здесь, на лугу Рютли, три швейцарца, отцы отечества, поклялись, будто бы, во что бы то ни стало завоевать своей родине независимость. Жители Ури, Швица и Унтервальдена не только пользовались выгодами положения своей страны, которую им легко было защищать, но вместе с тем обладали большою нравственною силою, которою они были обязаны своему образу жизни: потомки поселенцев, проникших далеко вглубь долин для распашки новых земель, они отличались тою отвагою и тем духом свободы, какими одушевлены все выходцы, которым приходится вести борьбу с природою и устраивать свое счастье на чужбине. Самое слово Швиц, сделавшееся впоследствии названием всей Швейцарии, означает, как кажется, расчистку земли под пашни посредством выжигания растущего на ней леса[2]: это слово напоминает завоевание девственной почвы людьми, сумевшими сохранить её за собою против всех.

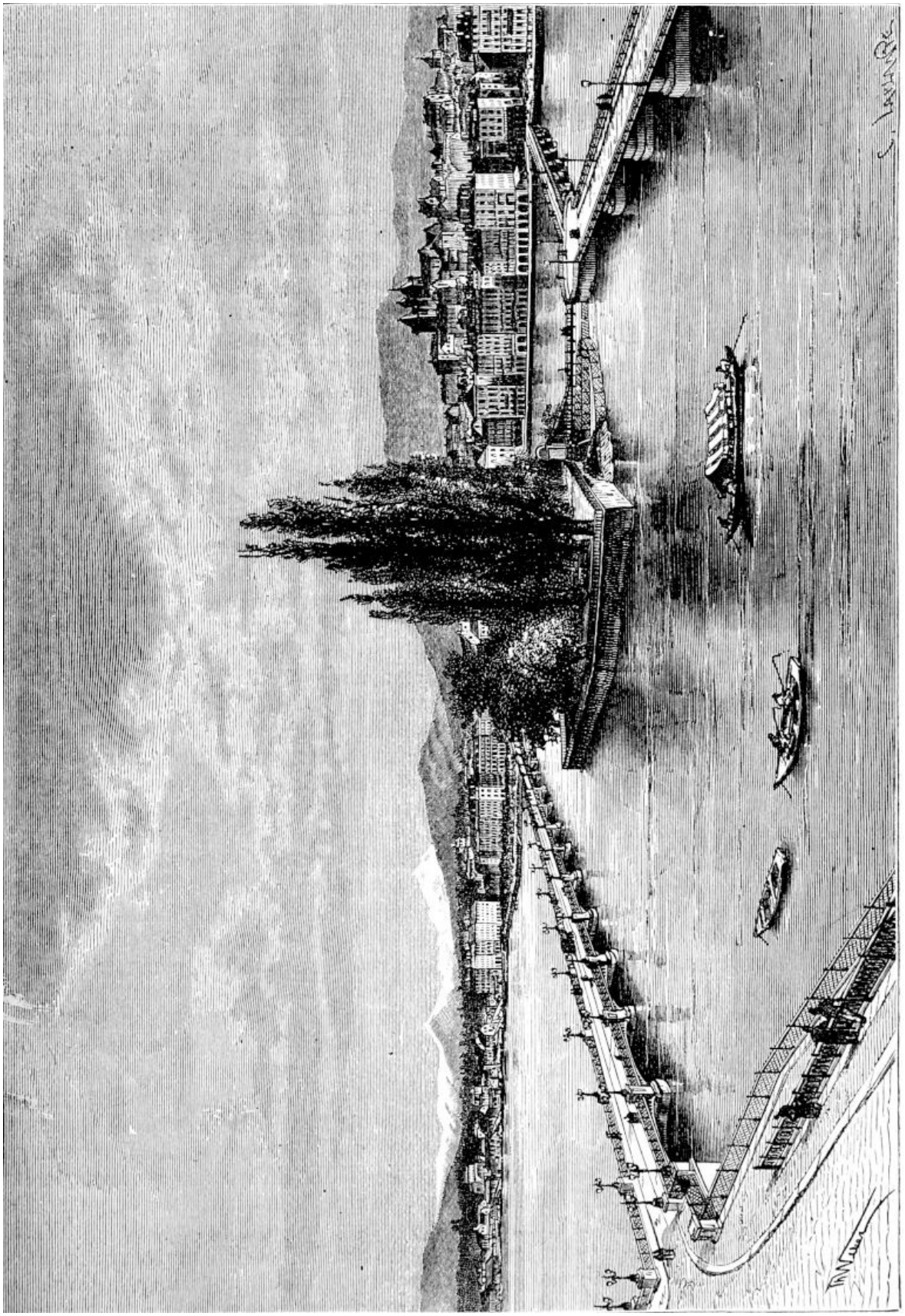
Одержав победу в трех или четырех, по выражению Мишле[3], «вечно памятных» битвах, альпийские горцы без труда нашли себе союзников между общинами и сеньериями предго-

1 По вероисповеданиям население Швейцарского союза 1 декабря 1888 года было распределено следующим образом:
Протестантов 1.716.548, католиков 1.183.828, евреев 8.069; других исповеданий 9.039.

2 Gatschet, „Interpretatum des noms de lieux Suisses".

3 Michelet, „Histoire de France".

рий и равнины, тогда как на южном склоне Альп они увеличивали свою территорию посредством завоеваний. Союзные кантоны, соединившись в одно географическое и политическое целое, образовали область, совершенно защищенную с трех сторон: на юге и востоке могучи-



Женева.

ми кряжами Альп, на западе—параллельными стенами Юры. Только на севере естественная граница ложа Рейна представляла легко переходимую преграду; но с этой стороны Шварцвальд и плоскогорья Швабии оставляли очень мало путей для иностранного нашествия, и

при том внутренние раздоры, царствовавшие в Германии, были во все времена вернейшею защитою швейцарских кантонов. Владея высокими склонами Италии, Франции, Германии, швейцарцы имели возможность, смотря по обстоятельствам, оказывать услуги своим соседям, или вооружать их друг против друга.

Хотя швейцарцы обязаны своею свободою горам, однако, главная масса населения республики живет не в горах, а на равнинах. Область, простирающаяся от Лемана до Констанцского озера, между Юрою и высокими Альпами, составляет по пространству только четверть Швейцарии; но по числу жителей, по промышленности и богатству она может быть рассматриваема почти как вся страна: здесь находятся важнейшие города и проходят главные торговые тракты. Различия национальностей и нравов сглаживаются здесь быстрее, чем в возвышенных долинах; однако, эти различия еще существуют. Из всех европейских государств Швейцария представляет наибольшее разнообразие в физиономии своих городов, которые по большей части отличаются оригинальным стилем, и по наружному виду ни мало не похожи один на другой.

Города полуденного склона Альп, с их ярко разрисованными домами, имеют совершенно итальянский тип. Беллинцона, граждане которой некогда жили, как подданные Габсбургов, у подножия трех укрепленных замков Ури, Швица и Унтервальдена, есть наименее веселый из трех городов, служивших поочередно столицею Тессина; благодаря, однако, своему центральному положению, она сделалась окончательно главным городом кантона. Другой из этих городов, хорошенький Локарно, расположен на берегу озера Лаго-Маджиоре, между горными ручьями, которые иногда размывают его сады и покрывают его улицы каменными обломками. Берег, на котором стоит этот городок, есть наименее возвышенная почва (выс. 199 метр.) во всей Швейцарии, и воздух в нем теплее, чем в других городах. Третий из больших городов Тессинского кантона, Лугано, лежит 70 метр. выше предъидущего; но, будучи окружен плодоносными равнинами Сотто-Ченере и занимая выгодное положение в торговом отношении, он естественно сделался важнейшим центром населения в итальянской Швейцарии. Это один из тех городов, куда приезжает масса иностранцев искать здоровья; во всяком случае, они находят здесь очаровательные пейзажи, голубые воды, зелень, живописные деревни, висящие на скалах.

На французском склоне Швейцарии, в верхней долине Роны, население группируется небольшими местечками. Из этих местечек Бриг, лежащий у подошвы Симплона, замечателен своими старинными зданиями с блестящими куполами, напоминающими главы византийских церквей; Вьеж—своею прекрасною рекою; Луэш—своими источниками, находящимися в долине Дала; Сион, древняя столица народа Seduni, нынешний главный город Валлиса, есть старинный галло-римский городок, с развалинами двух замков, из которых один, хотя построенный в средние века, носит еще римское название Valeria. Городок Мартиньи, древний Octodurum, был весьма важным военным постом в то время, когда хребет Большого Сен-Бернарда служил, вместе с Мон-Женевр и Малым Сен-Бернардом, главным проходом между Италиею и Галлиею. Древний Agaunum, получивший с третьего столетия название Сен-Морис, тоже был некогда стратегическим пунктом, имевшим весьма важное значение, по причине положения его в последнем дефиле Роны, при входе в аллювиальную равнину. Здесь постоянно слышен шум ветра, ударяющагося об отвесную стену скал, готовых обрушиться на расположенный при подошве их город.

Недалеко от Сен-Мориса, но уже на равнине и в кантоне Во (Vaud), или Ваатланд, лежит богатый городок Бекс, разбогатевший от своих соляных источников и еще более от наплыва иностранцев, которые приезжают сюда в большом числе пользоваться минеральными водами, или, просто, подышать чистым воздухом окрестных лесов. Города, лежащие на северном берегу Женевского озера, против устья Роны, Монтрё, Кларан, Веве, которые быстро разростаются и скоро сольются в один сплошной город, тоже обязаны своим благосостоянием богатым иностранным посетителям—англичанам, русским, американцам, французам. Великолепный вид на озеро и на круг гор, отражающихся в его голубых водах, грандиозная

вершина Дан-дю-Миди, сверкающая под лучами заходящего солнца, более теплый климат, чем в соседних странах, сделали из этого благодатного, защищенного горами, уголка Швейцарии одно из самых любимых мест путешественников,—одно из тех мест, где они останавливаются на долгое время. Монтрё и Веве, по своему космополитическому населению, сделались, так сказать, собственностью человеческого рода.

В Лозанне, с боков холма и особенно с террасы кафедрального собора, открывается обширный вид, не менее живописный, чем панорама верховьев озера; поэтому этот город тоже привлекает множество иностранцев, но он, кроме того, важен как деятельный торговый пункт, лежащий при соединении нескольких железных дорог; будучи главным распределительным рынком для всего бассейна Женевского озера, Лозанна есть в то же время политический центр, как главный город кантона Во и судебная столица всего Швейцарского союза; она быстро разростается и в близком будущем образует один город с пристанью Уши, с которою теперь соединена посредством рельсового пути, с сильным уклоном, проходящего у подошвы обширной горки, бывшей морены.

Самый большой город Швейцарии, Женева, тоже стоит на берегу Лемана и пользуется превосходным географическим положением. Она расположена при выходе Роны из Женевского озера, в точке встречи двух важных долин и, вдобавок, на вершине обширного треугольного пространства, ограниченного Альпами и Юрою, в том месте, где естественно сходятся дороги, направляющиеся из центра Германии к южной Франции. Для Лиона, лежащего по другую сторону Юры, при слиянии Роны и Соны, Женева служит неизбежным посредником в сношениях его с Швейцариею и с центральною Европою. На первый взгляд покажется удивительным, что, несмотря на такое выгодное географическое положение, Женева, так часто выбираемая местом для международных съездов и конференций, до сих пор остается на степени третье-классного города между европейскими столицами, являясь лишь «самым большим из малых городов», имеет, вместе со всем кантоном, всего только около сотни тысяч жителей. Но это обстоятельство объясняется некоторыми другими неблагоприятными условиями, замедляющими рост её населения, а именно: относительною суровостью климата, господством в известное время года холодного северного ветра, частыми туманами, скопляющимися между Мон-Салев и Юрою, слишком малым пространством земледельческой территории в окрестностях города.

При том, Женева, бывщая в четвертом столетии главным пунктом римской civitas, очутилась в исключительных исторических условиях.

Это был совершенно особенный город, обязанный изгнанникам и эмигрантам своим возвеличением. Женевцы показали, что значат сильные убеждения, поддерживаемые твердой волей и нравственной мощью, которые дает мужественно переносимое несчастие. Эти преследования, избиения и «драгонады» вызвали к жизни Женеву; то, что теряла Франция, находило себе приют в этом доблестном городе. «Ни территории, ни армии; ничего для пространства, времени и материи; город духа, построенный из стоицизма, на скале предопределения»[1]. «Эта республика, говорит Вольтер, в десять раз меньшая Афин, в течение полутораста лет привлекала взоры Европы, и имя её стало на-ряду с именем Рима тех времен, когда Рим властвовал над царями».

Замкнутая в своей маленькой области под тенью горы, которая даже не ей принадлежит, Женева долгое время оставалась республикою изгнанников. Приученная суровым Кальвином к строгой дисциплине, она встречала недружелюбно всякого иностранца, как человека с другими нравами, непохожими на нравы её граждан. Люди, управлявшие этою маленькою республикою, по большей части потомки французских или итальянских выходцев, изгнанных из отечества за веру, заботились всего более о поддержании в своем замкнутом обществе энергии и нравственности, унаследованных ими от отцов и дедов. Но эта маленькая группа людей, замечательная своею внутреннею связью, отличалась также любовью к просвещению и высоким умственным развитием. В течение трех столетий, Женева соперничала с главны-

1 Michelet, „Histoire de France. Reforme“.

ми городами Европы числом и заслугами своих ученых и литературных знаменитостей: это была родина Жан-Жака Руссо, Ораса Соссюра, Неккера, Сисмонди, Тёпфера, Прадье, Пиктетов; многие женевские роды представляют в целом ряде поколений настоящие династии ученых[1]. Правда, что, благодаря легкости сношений, многие женевцы сделались в то же время парижанами, так что теперь трудно было бы определить их истинное отечество. Но, тем не менее, Женева, по части просвещения и теперь еще один из первых городов в свете; школы её смело могут быть поставлены наряду с лучшими заведениями этого рода в других странах; Женевский университет, недавно основанный, занял уже почетное место среди европейских университетов; кроме того, она имеет богатые коллекции по различным отраслям естествознания и многочисленные ученые общества, между прочим, географическое общество. Здесь, кстати, можно бы спросить: когда же «город Кальвина», который, в благодарность за завещанное ему наследство, соорудил пышный мавзолей герцогу Карлу Брауншвейгскому, воздвигнет искупительный памятник на том месте, где был сожжен на костре Мигуэль Серве, знаменитый испанец, открывший ранее Гарвея процесс кровообращения и бывший предтечей д'Анвиля в области сравнительной географии.

Женева давно уже перестала быть «протестантским Римом». Старинные стены её срыты, и на месте городского вала теперь красуются великолепные здания и общественные гульбища; новые улицы, продолжающиеся далеко за городом, между рядами вилл и обширными парками, тянутся до окрестных местечек, которые еще недавно составляли отдельные городки. Пленпале, Каруж в наши дни уже соединяются с Женевою, и нет сомнения, что в близком будущем весь аллювиальный полуостров, ограниченный двумя реками, Роною и Арвою, покроется строениями. «Старые женевцы» составляют ныне слабое меньшинство в своем собственном городе, который, по происхождению своего населения, сделался одним из самых космополитических городов Европы: здесь живет не менее четверти всех иностранцев, пребывающих в Швейцарии. Однако, удвоив число своих жителей, Женева в то же время имела несчастье лишиться в значительной части двух главных отраслей промышленности, которыми она некогда славилась—фабрикации часов и выделки галантерейных вещей. Франция и Соединенные Штаты Северной Америки, запасавшиеся прежде этим товаром из женевских мастерских, теперь приготовляют сами почти все нужное им количество часов и галантерейных изделий, вследствие чего многие из женевских фабрикантов разорились[2]. Реки Рона и Арва, как мы видели, еще могут дать огромные движущие силы промышленностям, которые пожелают воспользоваться ими, и, как торговый город, Женева обладает громадными рессурсами, происходящими от оборота капиталов.

Число иностранцев в Женеве:

Французов, савояров и эльзасцев 11.579 в 1860 г., 30.316 в 1880 г.; германцев и австровенгров 1.509 в 1860 г., 3.428 в 1880 г.; итальянцев 600 в 1860 г., 2.534 в 1880 г.; других национальностей 500 в 1860 г., 1.629 в 1880 г.; всего 14.188 в 1860 г., 37.907 в 1880 г.

Соседство Франции выдвинуло на первый план между швейцарскими городами Женеву; но прежде, когда главный фокус цивилизации был в Италии, самый многолюдный город естественно должен был находиться в другой части Швейцарии. Таким главным центром сделался Авентикум, кельтский городок, покровительницею которого считалась богиня Авенция, откуда и произошло его название[3]; и действительно, географическое положение этого пункта вполне оправдывало ту первенствующую роль, которую он играл некогда между населенными местами Гельвеции. Авентикум находился на берегу Муртенского озера, в то время несравненно более обширного, среди впадины большой волнистой равнины, отделяющей Альпы от Юры, но гораздо ближе к Леману, чем к северной границе, так что римляне, спустившись с гор, могли доходить туда из Агаунума (ныне Сен-Морис) в два или три

1 Альфонс де-Кандоль, „Histoire des Sciences et des savants depuis deux siecles".

2 Ювелиров и часовых дел мастеров в Женеве было: в 1865 г. 225, в 1875 г. 205; подмастерьев у них в 1865 т. 1.586; в 1875 г. 1.028.

3 Vulliemin, „Histoire de la Confederation Suisse", t. I, p. 34.

дневных перехода. В торговом отношении он имел важное значение, как центральная таможня на восточной границе Галлии[1]. Авентикум был разрушен аллеманами; от него остались только стены, поросшие кустарником, две башни, бесформенные полы его терм и театра, статуэтки, мозаики, надписи, и вся соседняя область, принадлежавшая некогда к самым богатым местностям Гельвеции, превратилась в бесплодную пустыню; в средние века этот край известен был под именем Uchtland (земля под паром, новь). Впоследствии возник новый город Аванш (Avenches), на косогоре, по соседству с древним Авентикумом, и в окрестностях последнего образовались многочисленные группы населения; в бывшей столице Гельветов поселилась колония Эльзасских евреев. На северо-востоке, на берегу Муртенского озера, близ знаменитого поля битвы, где швейцарцы в 1476 г. одержали блистательную победу над войском Карла Смелого, герцога Бургундского, лежит город Муртен или Морат, окруженный еще старинною каменною стеною с башнями и крытою галлереею. На юго-востоке Фрибург или Фрейбург, главный город кантона того же имени, лежащий, как и Морат, на границе двух языков, господствует над глубокою рекою Сариною своею готической церковью и своими зубчатыми башнями. Висячий мост, длиною около 300 метров, перекинутый через реку, с холма на холм, соединяет дома, поля и луга обоих берегов; другой мост, натянутый, как струна, на высоте 97 метров, ведет через овраг Готтерон. В Фрибурге есть интересный музей, завещанный городу его уроженцем—скульптором Марчелло.

У южной оконечности Нёфшательского озера лежит город Ивердон, где сходятся, как в вершине треугольника, все дороги, идущие с берегов Лемана. Это древний галльский город Ebrodunum, который еще в V столетии после Р. Х. стоял на самом берегу озера, тогда как теперь он уже расположен далеко от озера, в болотистой равнине, на обоих берегах канализованной реки Тиель. В четырех километрах к северу от Ивердона стоит замок Грандсон, близ которого Карл Смелый потерпел страшное поражение в 1476 г., и который некогда охранял дорогу, идущую вдоль подошвы Юры, по западному берегу Нёфшательского озера.

Нёфшатель, главный город кантона того же имени, лежит близ соединения обыкновенных и железных дорог, идущих вдоль озера и из Франции через долину Валь-де-Травер. Это красивый город, новые кварталы которого, построенные большею частью из желтого камня, называемого неокомским, расположены на земле, отвоеванной у озера, в том самом месте, где прежде впадал горный ручей Сейон, который теперь отведен и течет под холмом, где пробита галлерея. На холме стоит замок, Нёфшатель, где богатые и знатные собственники составляют маленькое аристократическое общество, славится своими школами, хорошо организованными, своим музеем и библиотекою; но в отношении промышленной деятельности и числа жителей он значительно уступает городу Шо-де-Фон (la Chaux-de-Fonds), построенному в одной из верхних долин Юры, близ французской границы, на высоте около 1.000 метров. На этих диких горах, где земля не может прокормить возделывающего ее населения, по необходимости, надо было прибегнуть к промышленности; первые часы были здесь сделаны в 1680 г.; с тех пор часовое мастерство прочно укоренилось как в самом Шо-де-Фон, так в Локле, Сент-Имье и во всех окрестных долинах, и с течением времени, постоянно усиливаясь, приняло, наконец, обширные размеры. Округ этот доныне остается главным центром этой отрасли промышленности во всем свете и фабрикует ежегодно средним числом около 300.000 штук часов, представляющих ценность от 32 до 36 миллионов франков. Поэтому, «деревня» Шо-деФон, родина Леопольда Роберта, любит сравнивать себя иронически с «городом» Нёфшателем.

Часть промышленной Юры находится уже в пределах Бернского кантона, который тянется от Больших Альп до границ Франции. Старинный город Берн, главный город этого обширного кантона и столица всего Швейцарского союза, занимает прекрасное торговое положение, на полпути между долиною Роны и долиною Рейна, и на поперечной линии, образуемой долиною Аара и идущей от озер Оберланда к озерам Юры. В средние века этот пункт имел, кроме того, весьма важное стратегическое значение, чему много способствовала форма

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

полуострова, на котором построен город: река Аар огибает Берн в виде глубокого рва, образуя крутой изгиб, менее полный, впрочем, чем замечательная Бремгатенская лука, находящаяся севернее; с четвертой стороны, при основании полуострова или мыса, была построена короткая стена, которой, при таком выгодном положении, было вполне достаточно для того, чтобы защищать жителей от всяких нападений. К сожалению, Берн не может похвалиться своим климатом: крайности тепла и холода здесь резче, чем в других городах Швейцарии[1]; он мало защищен от ветра, и смертность в нем весьма значительна, особенно в бедных кварталах: обращенная на север сырая улица, которая тянется вдоль берега реки Аар, принадлежит к числу самых нездоровых в Европе населенных мест, и болезни господствуют в ней постоянно, точно в каком-нибудь госпитале. Этот низменный квартал составляет печальный контраст с дворцами и отелями, которые возвышаются в западной части города, среди садов, и обитатели которых наслаждаются великолепною панорамою живописной Аарской луки и величественных, покрытых снегом Альп, поднимающихся вдали, за лугами и лесами, в виде полосы белых облаков, с отчетливо обрисованными контурами[2].

Берн, кельтское название которого, по мнению одних этимологов, тождественно с названием Вероны, а по мнению других означает «Медвежий город», до сих пор сохранил свою средневековую физиономию. Огромные стены домов, подпертые контр-форсами, широкия арки, поддерживающие выступающую часть зданий, висячие гербы с железными орнаментами, фонтаны с их статуями грубой топорной работы, но полными жизни и отваги в позах и выражении лиц,—все это живо напоминает старую феодальную Швейцарию в полном цвете её силы и гордыни. Воображение переносит нас в ту эпоху, когда по этим улицам шумно двигались, с развевающимися знаменами и при звуке труб и литавр, толпы вооруженных людей, возвращавшихся с победы и грабежа. Кроме фабрик и заводов на берегу Аара, Берн имеет промышленные предместья, которые лежат за бульварами, устроенными на месте бывшего городского вала, и обширные каменоломни моласса в окрестностях (Остермундинген); но главные отрасли туземной промышленности, приготовление сыров, тканье полотен и сукон, сосредоточены преимущественно в богатых общинах Эмменталя, Лангнау, Сумисвальда, Бургдорфа (вернее французское название Berthoud, данное по имени основателя этого промышленного города, Берхтольда), промышленные заведения которых имеют большое число филиальных отделений в остальной Швейцарии и даже заграницею. В городе Тун тоже есть несколько фабрик и заводов, приводимых в движение водою реки Аар, выходящей здесь из нижнего озера Оберланда; но своим значением этот городок обязан в особенности наплыву путешественников, отправляющихся отсюда в Интерлакен, в Мейринген, в горы Оберланда; кроме того, он важен как операционный центр для швейцарской армии; здесь же находится федеральное военное училище. В окрестностях Берна и в альпийских долинах Бернскаго кантона есть много больших деревень, богатых и многолюдных, как города, и отличающихся своими огромными домами в форме шале, с крышами в роде навеса и с вычурными резными украшениями. Таковы, например, села Кёниц и Валерн.

Город Биль или Биенн (Biel, по-французски Bienne), служащий посредником между бернскою Юрою и остальною частью кантона, занимает очень выгодное положение у северной оконечности Бильского или Биенского озера и при выходе Юрской долины реки Сузы, на берегу канализованного Аара. Как один из главных центров стечения путешественников и товаров, Биль быстро разростается, и жители его до того уверены в блестящей будущности, ожидающей их город, что прозвали его «городом будущаго», Zukunftstadt. Старый Золотурн (по-франц. Soleure), главный город кантона того же имени, стоящий при реке Аар и обнесенный зубчатыми стенами, кажется, по своему виду, скорее городом прошлого, чем настоящего, тогда как лежащий ниже, в той же долине, город Ольтен, сделавшийся главным цен-

1 Максимум тепла +36°,2; максимум холода -30°,0; разность 66°,2; средняя температура целого года 7°,76; средняя температура зимы—0°,09; средняя температура лета—22°08. H. C. Lombard, „Les climats de montagnes“.

2 В период с 1855 по 1867 гг., по А. Фохту, смертность во всем Берне составляла 35,2 на 1.000; в возвышенных кварталах 12,6 на 1.000: в Аарбергергассе (низменная часть) 74,8 на 1.000.

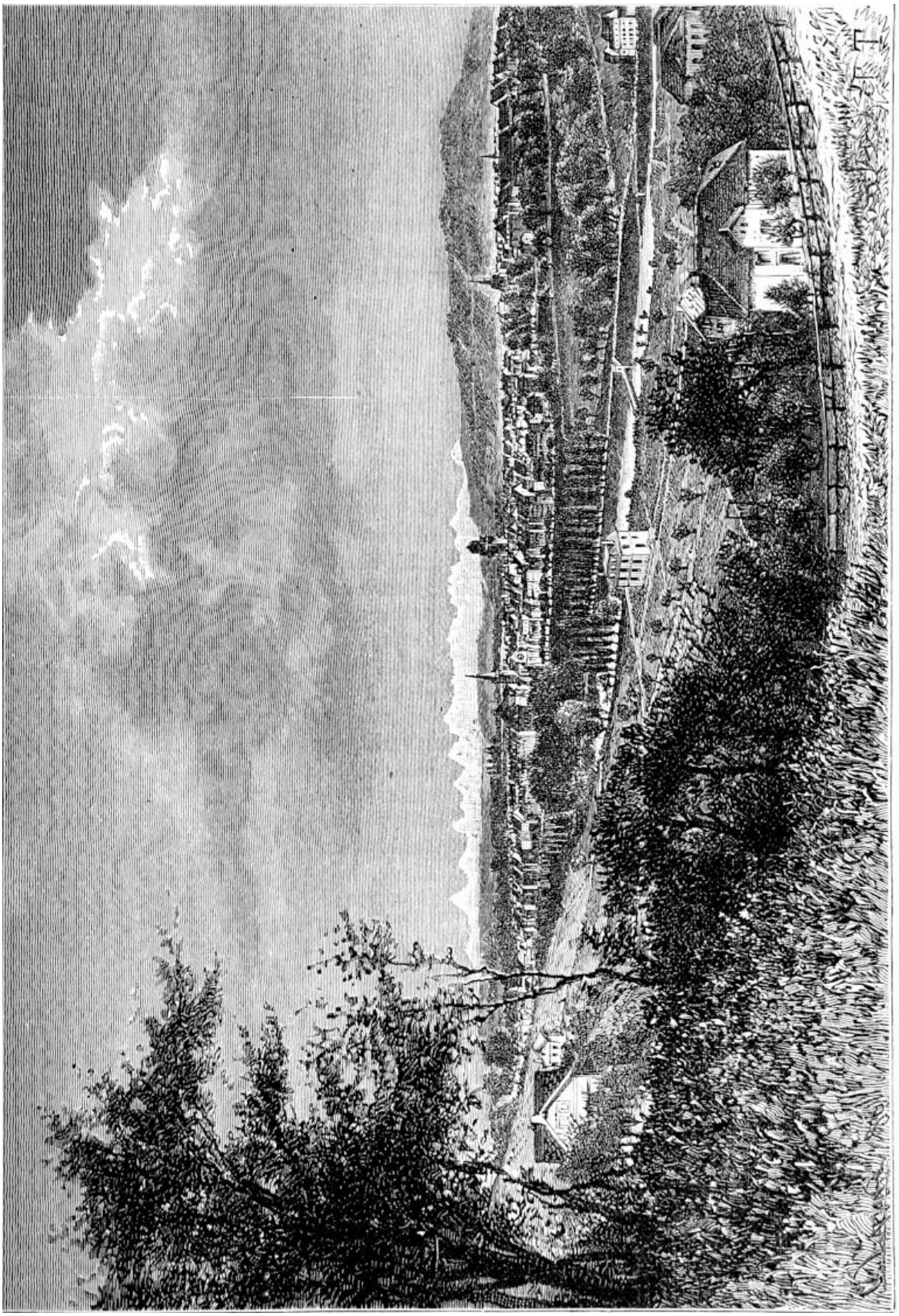
тром швейцарской сети железных дорог, с каждым годом приобретает все большее торговое и промышленное значение. В Ольтене разветвляется железная дорога, пересекающая Юру посредством Гауэнштейнского туннеля и идущая в Базель, через Листаль, главный пункт Базельского сельского кантона (Baselland, Bale-Campagne).

Город Базель представляет замечательное сходство с Женевою по своему торговому положению, по своей истории и, наконец, по своей относительной важности в экономическом движении Швейцарии. Занимая прекрасное положение на террасе, господствующей над большим коленом Рейна, при входе последнего в Эльзасскую равнину, этот город составляет, так сказать, торговые ворота Швейцарии со стороны Германии, Эльзаса и Северной Франции, подобно тому, как Женева служит дверью, открывающеюся в южную часть Франции; рынок его даже обширнее женевского, так как почти две-трети всего количества привозных товаров, получаемого Швейцарским союзом, идет на Базель; кроме того, и произведения собственной его промышленности, шелковые ткани, ленты, химические продукты и пр. дают материал для оживленных сношений с заграничными рынками. Базель, достигший цветущего состояния гораздо ранее Женевы, сделался, как и этот город, местом убежища для гонимых за веру в эпоху реформации и одним из главных центров науки и просвещения: Эразм, Эколампадий занимали здесь кафедры, Гольбейн долгое время жил в этом городе. Некоторые из уроженцев Базеля, Эйлер, братья Бернульи, принадлежат к знаменитейшим светилам швейцарской науки, и многие базельские семейства соперничают с женевскими учеными «династиями» числом данных ими замечательных деятелей на поприще наук и искусств. Старинные нравы и обычаи сохранились здесь лучше, чем в «городе Кальвина». Иностранцы, для которых Базель представляет мало привлекательного, не изменили еще своим влиянием физиономии города, и большинство его населения все еще проникнуто строгим протестантизмом. Базель славится также обилием капиталов, привлеченных деятельными торговыми и денежными оборотами, и общим числом миллионеров в среде его граждан (в 1875 г. было 82 семейства, плативших подоходный налог с капитала, средним числом, в 2 миллиона франков); но как университетский город, он обладает в то же время богатыми сокровищами искусства и науки, между которыми главное место занимают: городской музей, где особенно замечательны картины знаменитого Ганса Гольбейна, публичная библиотека, богатая инкунабулами и драгоценными рукописями, и чрезвычайно важные коллекции по части естественной истории и археологии; общество естествоиспытателей получило в дар от географа Циглера одну из лучших в Европе географических коллекций. Из зданий особенного внимания заслуживает готический кафедральный собор, построенный из красивого вогезского камня и господствующий над великолепною панорамою Рейна, через который построены три моста, соединяющие Большой Базель, расположенный на левом берегу реки, с Малым Базелем, занимающим правый берег. Недалеко от соборной церкви находится знаменитая зала собора, сохраненная в том виде, какой она имела в XV столетии, когда в ней собирались прелаты для обсуждения вопроса о церковной реформе.

Базель служит естественным рынком для всей этой части Бернского кантона, главный пункт которой составляет городок Прунтрут или Поррантрюи, где долгое время имели пребывание базельские князья-епископы. Поднимаясь вверх по Рейну, мы вступаем в изобилующую солью область, где находятся соляные варницы Швейцергаль (важнейшие во всей Швейцарии), Аугуст, Рейнфельден, Рибург. Аугуст или Аугст стоит на месте древнего Augusta Rauracorum, основанного Луцием Мунацием Планком. Этот город раураков пользовался в торговом отношении теми же выгодами, какие впоследствии были унаследованы Базелем, или Базилеей, т.е. «Царственным городом».

Половина деревни Аугст находится уже в кантоне Ааргау (по-французски Argovie), главный город которого, Аарау, лежит, как показывает самое его название, в равнине, орошаемой р. Аар. По числу населения Аарау не может быть причислен даже к второстепенным городам Швейцарии, но за то он занимает одно из самых видных мест между городами, отличающимися образованностью жителей и разнообразием отраслей промышленности, требу-

ющих большего искусства, ума или даже научных познаний; так, например, здесь фабрикуют в большом количестве точные математические инструменты. За восемнадцать столетий до нашего времени главным военным центром края был город Виндонисса, занимавший



Берн ъ.

необыкновенно выгодное стратегическое положение: в этом пункте, лежавшем при слиянии трех значительных рек: Аара, Рейсы и Лиммата, сходились римские дороги, шедшие из Ита-

лии, с одной стороны, через хребет Юпитера Пеннинского и Аванш (Авентикум), с другой—через горные проходы Шплюгена, Септимера или Юлиера и верхнюю долину Рейна; кроме того, легионы, стоявшие в Виндониссе, могли легко поддерживать сообщение с войсками, охранявшими линии Рейна и Дуная[1]. Но важность этого города и была причиною его гибели. Разрушенная несколько раз в последние годы существования Западной Римской империи, Виндонисса оставила после себя только незначительные развалины, да свое имя, которое сохранилось до сих пор в названии Виндиш. Так как войны средних веков помешали основанию нового города при слиянии трех названных рек, то наследниками Виндониссы сделались различные соседние города и местечки—Аарау, Бруг, построенный при выходе Бецбергского туннеля, самой длинной подземной галлереи на швейцарской Юре, Шинцнах, славящийся своими серными водами, очень целительными, Баден, замечательный своими термами, которые посещались уже римлянами, и торговый город Цюрих. Но тем не менее нельзя не удивляться, что на таком выгодном месте, какое занимала Виндонисса, не возник новый значительный центр населения. К юго-западу оттуда, на одном холме видны остатки Габсбургского замка, прославленного счастливою политическою судьбою его владельцев, сделавшихся императорами Германии.

Река Рейса, протекающая у подошвы крутого берега, на котором стоят сельцо Виндиш и старинное аббатство Кенигсфельден, несет в Аар излишек вод Люцернского (Фирвальдштедского) и Цугского озер. В этой области лесных кантонов (Waldstatten), откуда прежде не было почти никакого выхода к стороне Италии, города редки, и даже главные пункты кантонов похожи скорее на деревни, чем на города. Альторф (вернее Альтдорф, т.е. старая деревня) до сих пор остался таким же неважным местечком, каким был в легендарные времена Вильгельма Телля; Станц и Сарнен, главные пункты двух унтервальденских полукантонов Обвальдена и Нидвальдена, тоже представляют незначительные местечки; Герзау, бывший некогда самостоятельною республикою, теперь не более как большая деревня, куда иногда приезжают выздоравливающие иностранцы, ищущие хорошо закрытой от ветров местности; Швиц, лежащий у подошвы двуглавого колосса Митен, по величине, превосходит Альторф и Герзау, но и его община заключает в себе лишь несколько отдельных деревень. Эйнзидельн, родина великого Парацельса, тоже состоит из многих групп домов, из которых главная расположена вокруг знаменитого аббатства, посещаемого ежегодно 150.000 богомольцев и любопытных. Эйнзидельнская типография, печатающая преимущественно образа и божественные книги, есть одно из величайших заведений этого рода в Европе. Главная заслуга и слава этого старинного монастыря состоит в том, что он собрал в девятом столетии древнейшие известные до сих пор копии надписей, бывших на памятниках Рима и Павии. На юго-западе от Эйнзидельна находим гору и дефиле Моргартен, которые напоминают решительную победу, одержанную швейцарскими конфедератами в 1315 г. над австрийскими рыцарями,—победу, которая исполнила швейцарцев справедливым доверием к собственным силам.

Люцерн, политическая и торговая метрополия территории, составлявшей первоначальную Швейцарию, и главный город большого кантона, занимает такое же выгодное положение, как Женева, Биль или Биен, Цюрих, Констанц: он построен у нижней оконечности Люцернского или Фирвальдштетского озера, на берегу вытекающей из него реки Рейсы; другая река, Эмме, текущая по прекрасной широкой долине, соединяется с Рейсою в небольшом расстоянии от городских стен. Крепостные башни, господствующие над нижним городом, старый маяк, фонарь которого (lucerna, откуда произошло и самое название города) освещал путь озерным судам, быстрые лазурные воды Рейсы, обширное озеро и убегающая вдаль перспектива гор,—все это, взятое вместе, образует необыкновенно эффектную картину и делает Люцерн одним из интереснейших городов Швейцарии; оттого в летнее время здесь постоянно бывает масса туристов. Люцерн—город чисто католический и даже был в продолжение двух лет, с 1845 по 1847 г., главным центром так называемого Зондербунда,

1 Т. Момзев, „Die Schweiz in romischer Zeit“.

т.е. отдельного союза кантонов, покровительствовавших иезуитам. Замечательнейший из его памятников—лев, иссеченный в живой скале, по модели знаменитого ваятеля Торвальдсена, напоминает то время, когда швейцарцы продавали себя, в качестве солдат, европейским государям. Несмотря на свое выгодное географическое положение, Люцерн не может похвалиться большим развитием промышленной деятельности; он надеется так же, как Цюрих, хотя, может быть, с меньшим правом, чем этот последний, что прорытие туннеля через Сен-Готард доставит ему значительную долю участия в торговых сношениях между Германиею и Италиею.

Цюрих, ныне самый многолюдный город Швейцарии, стоит у подошвы горы Итлиберг, через которую проходит железная дорога с сильным уклоном; расположенный на берегу Цюрихского озера и при слиянии двух рек, Диммата и Зиль, он открыл себе дороги по всем направлениям и господствует над многочисленными естественными путями, чем и обусловливается его важное стратегическое значение, доказательством которого может служить, между прочим, тот факт, что здесь 3 вандемьера VIII г. Массена спас Францию, задержав и разбив русскую армию, шедшую на Базель. «Город Цвингли» едва-ли не превосходит «город Кальвина» удобствами по части просвещения, какие представляют все его ученые и учебные заведения: федеральная политехническая школа, университет, образцовые институты, библиотеки, общества чтения и распространения полезных знаний. Вообще Цюрих старается заслужить данное им себе прозвище «Швейцарских Афин»; Шейхцер, который первый изучил научным образом естественную географию Швейцарии, был цюрихский уроженец, так же, как и знаменитый физиономист Лафатер. Вместе с тем это важный торговый и промышленный город; особенно развито здесь производство шелковых материй, бумажных тканей и металлических изделий; цюрихские машины для пароходов идут даже в Англию, Соединенные Штаты, Бразилию; более половины сделок по торговле хлебом, потребляемым в Швейцарии, совершается в Цюрихе; движение почтовой и телеграфной корреспонденции здесь значительнее, чем во всяком другом городе Швейцарии; канал, идущий вдоль р. Лиммат, доставляет жителям питьевую воду и движущую силу. Шелковая и хлопчатобумажная промышленность Цюриха обогащает, кроме того, многочисленные сельские общины в его окрестностях и даже в кантоне Цуг, по близости городка этого имени. На восток от Цюриха, местечки Вальд и Устер тоже представляют важные фабричные центры; один ручей Аа, имеющий не более 3 метр, ширины и менее 100 метр. падения, на протяжении каких-нибудь 8 километров от озера Пфеффикон до озера Грейфен, приводит в движение тридцать фабрик и заводов, построенных на его берегах, так что народная речь дала ему название ручья «миллионов». После Цюриха важнейший город в этом кантоне—Винтертур, древняя римская станция Витодурум. Мало найдется в Европе городов, которые бы, при равном числе жителей, имели такой полный промышленный механизм, так много школ и общественных учреждений, как Винтертур, который в этом отношении, по справедливости, можно назвать образцовым городом; в его мастерских, между прочим, гравируются превосходные географические карты.

На юго-восток от Цюрихского кантона находим еще один промышленный город, Гларус (по-франц. Glaris), главное место кантона, границы которого совпадают с границами верхней долины р. Линты; далее же, в гористой стране Граубюндена, уже не встречается больших фабричных пунктов. Однако, Кур (Chur, по-франц. Coire), столица Граубюнденского кантона и единственный настоящий город во всей этой обширной области, имеет важное торговое значение, которым он обязан тому обстоятельству, что в нем сходятся дороги, идущие из Италии через хребты Шплюген, Бернардин, и из Энгадина, через горные проходы Юлиер, Альбула, Флюэла. Зимой, он снабжает продовольствием многочисленную колонию слабогрудых, имеющую пребывание в Давосе.

Спускаясь вниз по течению Рейна, мы переходим из Граубюндена в Санктгалленский кантон, начинающийся немного выше Рагаца, который славится своими минеральными водами, проведенными туда из Пфеффферса. В аллювиальной долине Рейна находим только

один швейцарский город—Альдштедтен. Главный пункт кантона, древний город Санкт-Галлен (по-франц. Saint-Gall), лежит к западу от Аппенцельской группы гор, в долине, спускающейся к Констанцкому озеру. Тысячу лет тому назад, во времена Карловингов, санктгалленский монастырь был знаменитейшим университетом Европы: в нем была написана известная хроника «Санктгалленского монаха» о «деяниях Карла Великаго», и задолго до Лютера немецкий язык получил здесь значительную литературную обработку посредством многочисленных сочинений, имевших обширное распространение; библиотека С.-Галлена очень богата древними рукописями и инкунабулами. С тринадцатого столетия этот город, несмотря на свое возвышенное положение (он стоит на высоте 660 метр.) и суровый климат, сделался очень деятельным промышленным центром. Главную отрасль его промышленности составляли полотна и вообще льняные ткани, производство которых с каждым веком принимало все более обширные размеры. В наши дни санктгалленцы занимаются преимущественно выделкою вышитой кисеи: вокруг города и главного его предместья, Таблата, обширные луга сплошь покрыты полосами ткани, расстилаемыми для беленья на солнце. Санктгалленские негоцианты известны своею предприимчивостью; во всех странах мира они имеют своих корреспондентов, заботящихся об открытии для них новых рынков сбыта. К западу от Санкт-Галлена, долина Тоггенбург, орошаемая рекою Тур, и в которой главное местечко—Ватвиль, представляет длинный ряд мануфактур, которые все вместе производят восьмую часть всего количества бумажных материй, фабрикуемых в Швейцарии. Геризау, самый многолюдный город внешнего Родена (Ауссерродена), тоже принадлежит к санктгалленской промышленной группе. Что касается центрального пункта внутреннего Родена (Иннеррodина), города Аппенцелля, то он более замечателен остатками прошлого, чем работою своих мастерских; на стене его городской ратуши до сих пор висит железная цепь позорного столба, свидетельствующая о былых временах и старых нравах.

Тургау, т.е. область по реке Тур (по-франц. Thurgovie), далеко не отличается тою оживленною промышленною, фабричною и торговою деятельностью, какую мы находим в долинах Санкт-Галлена, Цюриха, нижнего Аппенцелля. Главный город Тургаусского кантона Фрауенфельд, и другие селения этой области славятся преимущественно своими садами и огородами, отлично содержимыми, и их продуктами. Одна из пристаней этого кантона на Боденском озере, Романсгорн, ведет, так же, как и санктгалленский порт Роршах, обширную торговлю привозным хлебом. Движение судов от швейцарского берега Констанцкого озера к немецкому гораздо деятельнее, чем судоходство между противоположными берегами Лемана. Это объясняется тем, что на Женевском озере пароходы должны плавать вдоль правого берега, параллельно железной дороге; другой же берег на половину состоит из горной страны, почти пустынной, тогда как на Боденском озере пароходное сообщение производится главным образом в поперечном направлении, от одной железнодорожной станции до другой, находящейся на противуположном берегу.

Констанцское или Боденское озеро и Рейн составляют на севере естественную границу Швейцарии; однако, один маленький кантон, Шафгаузенский (по-франц. Schaffhouse), лежит за этой границей. Главный пункт этого округа, Шафгаузен, есть один из самых странных и вместе с тем один из самых благоустроенных городов швейцарской конфедерации: здесь, рядом с средневековыми башнями, потернами, старинными городскими стенами, возвышаются современные фабрики и заводы; вода Рейна, превращенная в движущую силу, проведена даже в обыкновенные дома, где ее заставляют исполнять различные домашния работы. Местоположение этого оригинального города очень живописно, и в окрестностях его на каждом шагу встречаются прелестнейшие пейзажи.

Население главных общин Швейцарского союза в конце 1889 г. (в круглых числах):

Женева (французская Швейцария) 53.000 жителей; с предместьями 79.500; Базель (немецкая Швейцария) 78.000; Цюрих (немецкая Швейцария) 35.000; с предместьями 120.000; Берн (немецкая Швейцария) 48.000; Лозанна (французская Швейцария) 36 000; Ла-Шоде-Фон (французская Швейцария) 30.000; Санкт-Галлен (немецкая Швейцария) 32.000;

Люцерн (немецкая Швейцария) 22.000; Нёфшатель (французская Швейцария) 18.000; Фрейбург (французская Швейцария) 13.000; Локль (французская Швейцария) 12.000 (1894 г.); Шафгаузен (немецкая Швейцария) 13.000; Биль или Биен (немецкая Швейцария) 18.000; Геризау (немецкая Швейцария) 14.000; Винтертур (немецкая Швейцария) 17.000; Веве (французская Швейцария) 8.000; Кур (немецкая Швейцария) 9.000; Монтре (французская Швейцария) 11.000; Эйнзидельн (немецкая Швейцария) 9.000; Золотурн (немецкая Швейцария) 8.000; Лангнау (немецкая Швейцария) 8.000; Швиц (немецкая Швейцария) 9.000; Лугано (итальянская Швейцария) 7.000; Аарау (немецкая Швейцария) 7.000; Гларус (немецкая Швейцария) 6.000 жителей.

IX

Хотя половина Швейцарии совершенно неудобна для какой бы то ни было культуры, а из другой половины значительная доля, все еще слишком возвышенная для того, чтобы человек легко мог селиться на ней, должна быть оставлена для лесов и лугов,—постоянное население этой страны ежегодно возрастает на двенадцать-пятнадцать тысяч душ. Несмотря на свои обширные снежные пустыни, Швейцария, пропорционально её территории, не менее населена, чем Франция.

Однако, получаемые в крае урожаи недостаточны для прокормления его жителей. Равнины, засеянные хлебными злаками, могут производить только половину необходимой пищи, и каждый год значительная доля промышленных прибылей страны должна быть употребляема на покупку хлеба заграницей—в Германии, в Венгрии, в придунайских провинциях (ежегодный ввоз зернового хлеба, муки и стручковых около 5 миллионов квинталов). Виноград возделывается с большим старанием, и косогоры, хорошо освещенные солнцем, особенно холмы по берегам Женевского и Нёфшательского озер, а также в Нижнем Валлисе, образуют, во многих округах, один сплошной виноградник, где до сих пор лозы еще не страдают от филоксеры; однако, производимого в крае виноградного вина, которое многие швейцарцы, особенно жители кантона Во или Ваатланда, пьют без меры, не хватает для местного потребления, и ежегодный дефицит по этой статье пополняется привозом из Франции. То же самое нужно сказать о большей части продуктов земледелия в собственном смысле, исключая фруктов, которые в некоторых кантонах швейцарской равнины, особенно в северных кантонах Ааргау, Цюрихе, Шафгаузене, Тургау, родятся в изобилии.

Самая природа края, не позволяющая Швейцарии соперничать с соседними странами размерами своего хлебопашества и виноделия, дает ей взамен того преимущество над этими странами в отношении лугов и пажитей. Точно также лесные богатства Швейцарии еще в сравнительно недавнее время были с избытком достаточны.

Земельные угодья, утилизируемые для производства, в 1880 г., составляли 2.963.750 гектаров, именно: пашни, луга и пастбища—2.161.308 гектар., виноградники—30.500 г., леса—771.420 гект.

С начала нынешнего столетия площадь лесов значительно убавилась: в некоторых кантонах, преимущественно в Тессине и Валлисе, истребление лесов совершилось очень быстро и, как известно, сопровождалось дурными последствиями для климата и нормального порядка циркуляции проточных вод. В наши дни, так называемые лесные кантоны (Waldstatten) не заслуживают уже этого названия, и знаменитый лес, составляющий границу между двумя половинами старого лесного кантона по преимуществу, Унтервальдена, до такой степени уменьшился, что во многих местах то, что осталось от него, едва заслуживает названия рощи или леска. Изданные в разное время законы, имеющие в виду охранение федеральных и кантональных лесов, не принесли большой практической пользы, так как значительная часть лесов сделалась частною собственностью, хотя в актах о раздаче лесных участков частным лицам было включено условие, что эти участки, по истечении шести или девятилетнего срока, должны быть возвращаемы общине. Таким образом, площадь лесов в Швейцарии с каждым десятилетием уменьшается, тогда как цены на строевой и дровяной лес постоянно

поднимаются, и при том в гораздо более сильной пропорции. Швейцарцы теперь уже принуждены покупать лес и уголь заграницею, хотя они обладают огромными торфяниками, залежами лигнита и, кроме того, в Валлисе мощными пластами антрацита. Каменоломни в Сальоне представляют большое разнообразие прекрасных мраморов.

Луга и альпийские пастбища, главное богатство края, к счастью, не могут быть уничтожены, как леса, хищничеством или небрежностью человека; единственный вред, которому они могут подвергаться случайно в том или другом месте,—это размыв более или менее значительного пространства временными водами, или нанос каменных обломков с выше лежащих гор. Горные пастбища и теперь еще составляют либо альменды, т.е. общественное достояние всего города или селения, либо земли, принадлежащие товариществам, и масло и сыр приготовляются здесь, как и на французской Юре, общими трудами и на общий счет. В 1894 г. было вывезено заграницу 215.890.000 килограм. разного рода сыров. Альпийские пастухи особенно отличаются в сыроварении, и для того, чтобы получить поболее сыров, между которыми славятся грюэрнский, эментальский, мадеранский, они пренебрегают производством масла; кроме сыра, они посылают заграницу много сгущенного молока (в 1894 г. вывезено около 192.000 квинталов). Швейцарский рогатый скот, вообще замечательный своею крепостью и большою молочностью, принадлежит к двум главным породам, различаемым по цвету шерсти: бурой, лучшими представителями которой является швицский скот, и пегой (с мордою тельного цвета), которая пасется на альпажах Бернского и Фрейбургского кантонов. Эта порода, называемая в Савойе породою «Изобилия», по имени долины, где можно встретить самые красивые экземпляры её, похожа, как говорят, на рогатый скот Ютландии и островов Балтийского моря; полагают, что она была введена в Гельвецию бургундами в эпоху великого переселения народов.

По переписи 1896 года, во всей Швейцарии насчитывали следующее количество домашняго скота:

Крупного рогатого скота 1.304.788 голов; лошадей 108.529; овец 271.432; коз 414.968; свиней 565.781; пчелиных ульев 253.108.

В прежнее время край, не имеющий никаких рессурсов, кроме лесов, альпийских пастбищ, да небольшого количества обработываемых земель, не в состоянии был прокармливать всех своих жителей, число которых с каждым годом возрастало, вследствие естественного прироста населения. Поэтому швейцарский горец, если хотел достигнуть благосостояния или богатства, должен был покидать страну и жить долгие годы в городах соседних стран. И теперь еще многие общины горных кантонов, владеющие большею частью или даже всею совокупностью лесов и пастбищ своей территории, ревниво наблюдают за тем, чтобы население не сделалось слишком многочисленным для находящагося в распоряжении общества небольшого пространства земли. Неся ответственность за тех из своих членов, которые впадают в нищету, и будучи обязана кормить их на собственный счет, или отдавать с торгов на содержание частным лицам, община разрешает браки между своими членами с большою осторожностью, и когда семейства слишком плодовиты, она избавляется от излишка молодых людей, давая им небольшую сумму денег на дорогу и совет идти искать счастья в обширном Божьем мире. В былое время эти выходцы, если только они были рослы и сильны, находили себе легкое ремесло—военную службу. Уже за две тысячи лет до нашей эпохи, как рассказывает Полибий, кельты, приходившие с Альп и с верхней долины Роны, нанимались в солдаты к римлянам, чтобы идти воевать с другими кельтами, жившими на равнинах по реке По. После блистательных побед швейцарцев над австрийцами и бургундцами, война стала любимым ремеслом альпийских горцев; многие кантоны даже сделали из этого ремесла государственный промысел, заключив с Францией, Веною, папою и различными итальянскими государями трактаты, которыми обязывались поставлять им для парадов или для сражений полки наемных воинов.

Quand on veut des heros, il faut les bien payer.

(Если хочешь иметь героев, должен хорошо платить им)[1]

Только в 1855 г. прекратился последний договор этого рода, заключенный одним швейцарским кантоном с Римом и Неаполем, и в настоящее время ни Люцерн, ни другие маленькия государства Швейцарских гор не торгуют более кровью своих сынов; теперь молодые выходцы, отправляющиеся на чужбину искать счастья, не могут уже рассчитывать на военное ремесло и должны придумывать другие источники заработков и способы обогащения.

Вследствие долгого опыта эмиграции, большинство горных деревень избрали себе известную специальность труда и вступили в постоянные сношения с иностранными городами, где всегда охотно принимают их молодых людей. Одна община посылает заграницу исключительно печников, другая только стекольщиков или каменщиков. Есть селения, все выходцы которых—точильщики, торговцы красным товаром, цветочники или угольщики. Жители долины Бленьо, в Тессине, сделали своею специальностью профессию жарильщиков каштанов, хотя в их долине, лежащей высоко в горах, нет более каштановых деревьев. Энгадин и другие части Граубюндена снабжают Европу пирожниками, а южные долины Тессина дают Италии большое число архитекторов, чертежников и живописцев. Эти эмигранты большею частью так же берегут свою трудовую копейку, как их общины берегут свою территориальную собственность. Они довольствуются самою простою и скудною пищею, откладывают в копилку всякий лишний грош и, сделавшись, наконец, обладателями маленького капитальца, возвращаются в родимые места, чтобы построить там себе дом, видимый издалека, и зажить «господами» среди своих земляков. Прогуливаясь в самых отдаленных долинах высоких гор, иностранец нередко встречает с удивлением людей, заговаривающих с ним на его родном языке. Четверть жителей Тессина говорит по-французски, многие знают немецкий язык; сотни бывалых швейцарцев объясняются, хотя с грехом пополам, на языках испанском, арабском, греческом, болгарском. По возвращении в отечество, многие из этих временных эмигрантов поддерживают свои торговые сношения с странами, где они обогатились. Таким образом, швейцарцы из Гларуса, С.-Галлена, Тоггенбурга основали конторы во всех больших городах Европы, даже в Скандинавии. Восток, Китай, Бразилия, Соединенные Северо-Американские Штаты принадлежат к числу главных покупателей предметов, фабрикуемых в нагорных долинах Альп и Юры. Число швейцарцев, живущих за границею, по переписи 1870 года, очень не полной, оказалось около 72.500; в действительности же это число, как полагают, не менее 250.000, из которых около 100.000 в Соединенных Штатах.

Вообще промышленность составляет в Швейцарии весьма важный источник народного богатства,—источник, который дает населению этой страны возможность существовать собственными средствами, несмотря на относительно малые размеры её земледелия и слабое развитие её горного промысла, направленного преимущественно на добывание соли, асфальта и антрацита[2]. Побуждаемые суровою необходимостью, заставлявшею многих швейцарцев уходить на заработки заграницу, те из деревенских жителей, которые оставались дома, употребляли свои длинные зимы на приготовление разных изделий из дерева или грубых тканей, которые они продавали по дешевой цене: это и было скромное начало той мануфактурной деятельности, которая поставила Швейцарию на такую высокую степень между европейскими странами-производителями. Хотя сырой материал для фабричной и мануфактурной промышленности получается из-за границы, и доставка его обходится очень дорого, этот край может производить изделия по более дешевой цене, чем большинство соседних государств, благодаря, с одной стороны, меньшему размеру существующей здесь платы рабочим, а с другой—изобилию движущей силы воды, которою здесь пользуются большие механические промышленные заведения, для приведения в действие своих машин. Но положение Швейцарии сравнительно с другими европейскими нациями чрезвычайно невыгодно тем, что она не имеет прямого выхода к морю и зависит, в отношении провоза её товаров, от своих соседей: стоит только этим соседям воздвигнуть вокруг неё барьер из таможенных та-

1 Le regiment da baron Madruce.

2 Ежегодное производство соли в швейцарских копях около 40.000 тонн.

рифов, и торговля её быстро придет в упадок. Кроме того, важнейшие отрасли её промышленности имеют тот недостаток, что они не привязаны к почве, на которой в данную минуту достигли цветущего состояния, как привязаны, например, мануфактуры, возникшие в соседстве с каменноугольными копями и железными рудниками; эти отрасли могут легко перемещаться, равновесие их неустойчивое: стачка, спекуляция, мода могут легко перенести центр известной промышленности из одной страны в другую. Так, например, в эти последние годы сбыт швейцарских часов на рынки Франции и Соединенных Штатов значительно уменьшился. Чтобы дать понятие о размерах промышленной деятельности Швейцарии, приводим статистику главных отраслей её мануфактурной промышленности, относящуюся к 1888 г.:

Общее число промышленных заведений, подчиненных федеральному закону 23 марта 1877 г. (установившему максимум продолжительности рабочего дня в 11 часов и воспретившему работу в праздники)—3.786; сила двигателей: водяных—54.243; паровых—27.432; газовых—394; электрических—323 лошадиных сил; число рабочих: мужчин—86.532; женщин —73.011.

Несмотря на упомянутое уменьшение вывоза часов во Францию и Соединенные Штаты, Женева и Швейцарская Юра все еще занимают первое место в свете по обширности своей часовой промышленности, как показывает следующее сравнение количества часов, которое было приготовлено в 1875 г. главными странами, производящими этот товар:

Швейцария—1.600.000 штук, ценностью—88.000.000 франков; Франция—400.000 шт., ценностью—25.000.000 фр.; Англия—200.000 штук, ценностью—16.000.000 фр.; Соединенные Штаты—200.000 штук, ценностью—15.000.000 франков.

Ныне швейцарская часовая промышленность, производящаяся в 170 заведениях, с 12.000 рабочих, поставляет ежегодно, средним числом, около 3 миллионов штук; в 1895 году было вывезено заграницу часов и частей часового механизма на сумму 90 миллионов франков.

Женева и Швейцарская Юра все еще занимают первое место в свете по производству часов и ящиков с музыкой, составляющих специальность округов французской Швейцарии. Немецкие кантоны швейцарской равнины и передних Альп, особенно Ааргау, Цюрих, С.-Галлен, Аппенцелль, занимаются прядением хлопка; в настоящее время число веретен в действии доходит до двух миллионов. Базель и Цюрих фабрикуют значительные количества шелковых тканей и являются по этой отрасли промышленности опасными конкуррентами Лиона. Механическое вышивание материй, сосредоточенное в С.-Галлене, Аппенцелле, Тургау, тоже составляет одну из главных отраслей швейцарской промышленности; в 1890 г. было в действии 18.500 вышивальных машин и 37.000 рабочих; кроме того, ручным вышиваньем было занято 2.000 рабочих. Ольтен и Шененверт ежегодно выделывают на 6 или 8 миллионов обуви, отправляемой в Америку. Кроме того, в этой стране занимаются тканьем полотен, плетением разных вещей из соломы, производством ликеров и многими другими второстепенными отраслями промышленности, между прочим, резьбою на дереве и фабрикациею тех красивых фигурок, которые так нравятся посетителям Оберланда. Указывали, как на большое социальное и экономическое преимущество швейцарского промыслового населения в сравнении с положением фабричного люда в других странах, на то обстоятельство, что в Швейцарии большое число рабочих остаются вместе с тем и земельными собственниками. Правда, в Гларусе, в Цюрихе многие рабочие, уроженцы края, имеют кусок луга, поле, засеянное картофелем, одну или две коровы, за которыми ходят жена и дети; но вообще в Швейцарии, как и во всех промышленных государствах, большинство рабочих живет исключительно на жалованье или плату, получаемую за личный труд. Для примера, укажем на промышленный кантон Гларус, где сумма общественного богатства учетверилась, начиная с половины текущего столетия. Две трети всего населения состоит из не-собственников, и половина земли находится в руках тридцатой части жителей.

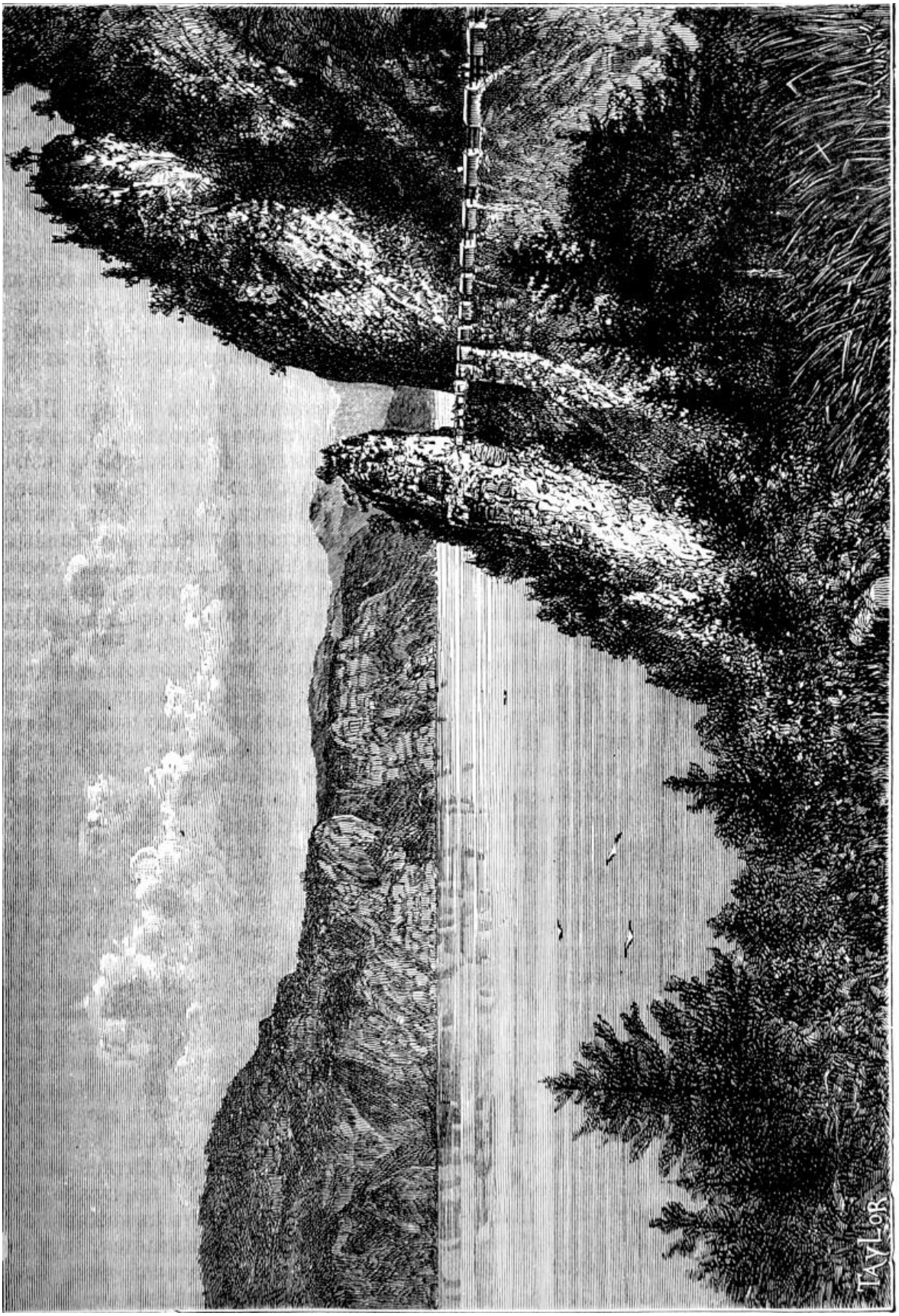
Благодаря обширному развитию своей промышленной деятельности, которое дает заня-

тие почти целой трети нации, Швейцария сделалась, пропорционально размерам территории и численности населения, одной из самых торговых и богатейших стран Европы. Товарный обмен Швейцарии в 1895 году, по внешней специальной торговле, составлял 1.579.212.591 фр., именно: ввоз—915.852.416 франков, вывоз—663.360.175 франков. Из Франции она получает главным образом бумажные и шелковые ткани, виноградные вина, крупичатую муку, хлопок, галантерейные вещи и металлические изделия; Италия доставляет ей почти только шелк-сырец; у Германии она покупает хлеб в зерне и муке, и мануфактурные изделия всякого рода. Сама природа противопоставляла в Швейцарии огромные, почти неодолимые препятствия развитию торговых сношений. В этой стране высоких гор, бурных потоков, снежных лавин, горных обвалов строить торговые пути было чрезвычайно трудно, и содержание их в порядке обходится очень дорого: известно, что в некоторых горных ущельях путешественники ступают со страхом и разговаривают между собою не иначе, как в полголоса; при первых теплых лучах весеннего солнца, громадные массы снега, висящие на высоких вершинах гор, ждут только легкого колебания воздуха, чтобы обрушиться на дно долины или котловины. Несмотря, однако, на все эти естественные препятствия, Швейцария мало-по-малу создала на равнинах и в области низких гор сеть больших дорог, которая почти ничего не оставляет желать. На Юре с одного склона на другой проложено уже, как мы видели, более двадцати колесных путей. Все озера окаймлены по берегам широкими дорогами, из которых многие, как например, Аксенштрассе, высечены в самой скале. На второстепенных цепях Альп, тоже проведены большие дороги через все главные хребты и ущелья, и по некоторым из этих путей, как например по Брюнигу, соединяющему Интерлакен с озером Четырех Кантонов, каждый год бывает весьма значительный прилив и отлив путешественников. Что касается больших горных проходов в Центральных Альпах, то они еще не все переменили свои первобытные тропы на колесные дороги. Так, например, знаменитый хребет, который во времена римского владычества путешественники поставили под покровительство Юпитера Пенинского (Jupiter Poeninus), и на котором некогда стоял храм этого бога, замененный впоследствии странноприимным домом сен-бернардских монахов, до сих пор не имеет гужевой дороги, и торговое сообщение между Швейцариею и Италиею, попрежнему, производится здесь посредством извилистой тропы, по которой могут ходить только мулы. Точно также Лукманье, самый низкий, после энгадинской Малоджии, хребет центрального гребня Альп, все еще ожидает проведения колесного пути. На Септимере во времена римлян существовала большая дорога, которая соединялась с дорогою через Бернардино, с одной стороны в Курии (нынешний Кур), с другой—в Клавенне (Chiavenna, Киавенна), тогда как в наши дни на этот хребет взбираются по простой тропинке. Но зато в новейшее время человеком были завоеваны новые проходы, по которым прежде бродили только медведи. Важнейшая дорога через швейцарские Альпы, сен-готардская, проникает в долины, которые не были известны римским легионам[1]; в первый раз об этой дороге упоминается в 1612 г. Кроме сен-готардской дороги, существуют еще четыре международные пути, ведущие с одного склона швейцарских Альп на другой, именно—дороги через хребты Симплон, Шплюген, Бернардино и Малоджиа (движение на всех альпийских дорогах в 1876 году: около 286.000 проезжих и по меньшей мере столько же прохожих).

Но в наши дни торговля уже не довольствуется обыкновенными колесными дорогами, сооружение которых потребовало таких огромных издержек: ей нужны рельсовые пути, которые бы соединялись посредством многочисленных звеньев с общею железнодорожною сетью Европы. Швейцарская равнина и теперь уже принадлежит к числу стран, обладающих наибольшим количеством рельсовых путей, пропорционально величине территории; она даже имеет их более, чем сколько ей необходимо для прибыльного пользования при настоящих условиях. Общее протяжение швейцарской железнодорожной сети в конце 1894 г. равнялось 3.523 километр. Швейцарской сети не доставало только прямого выхода к равнинам Италии, но теперь пробит туннель, длиною около 15 километров, через скалы Сен-Готарда.

1 Planta, „Das alte Raetien staatlich und kulturhistorisch dargestellt“. Berlin, 1872.

Швейцария и две соседния нации, Германия и особенно Италия, доставили необходимые капиталы для исполнения этой великой работы. Между всеми предприятиями, какие выполнены современною индустрией), Сен-Готардский туннель есть, бесспорно, одно из самых



Аксенштрассе на Фирвальштедтскомъ озерѣ.

грандиозных, но вместе с тем и одно из самых необходимых. Швейцария сделалась бы чем-то в роде глуха го закоулка, если бы не имела железно-парового пути для транзитной тор-

говли. Теперь же, когда прорыт подземный ход через Сен-Готард, Швейцария приобрела первостепенную важность для международной торговли. Этот переворот в движении торгового обмена не может не сопровождаться важными политическими последствиями, ибо самая география Швейцарии изменится: с проведением Сен-Готардской дороги, эта страна, вместо того, чтобы быть раздельным хребтом между народами, становится, напротив, проходным местом, и население её, отличавшееся прежде, благодаря изолированному положению своего отечества, оригинальными нравами и своеобразным политическим бытом, будет неизбежно увлечено общим потоком жизни европейских наций. Но промышленное движение идет своим обычным ходом. Несмотря на громадные препятствия, представляемые свойством местности, несмотря на финансовые затруднения, зависевшие от ошибочно составленных смет и предварительных рассчетов, дело прорытия Сен-Готардского туннеля было в 1880 г. благополучно доведено до конца.

Но это еще не все. Если немецкая Швейцария пробивает Альпы, отделяющие ее от Италии, то и французская Швейцария тоже хочет прорыть себе выход на юг под горами, и её интересы в этом случае совпадают с интересами северной Франции. В самом деле, прямой путь из Парижа к Милану, т.е. к Бриндизи, Александрии, Индии, очевидно, должен бы был идти через долину валлисской Роны. Но где пробить исполинский каменный вал, образуемый громадами гор? Инженеры пришли к тому заключению, что всего удобнее провести этот путь под Симплоном. Там находятся истинные ворота Италии. Перед всеми другими альпийскими линиями, моданской, сен-готардской, бреннерской, земмерингской, железная дорога через Симплон будет иметь то неоцененное преимущество, что она пройдет через горы на сравнительно незначительной высоте: начинаясь у Брига, на высоте 687 метров, туннель будет оканчиваться на итальянской стороне у Изелли, на высоте 857 метров, и будет иметь 19.731 метров длины; расходы сооружения исчислены в 54 с половиной миллионов франков; работы по прорытию должны быть окончены к 1900 г. Очевидно, устранение крутых подъемов представляет, для удобства железнодорожного движения, точно такую же выгоду, как и сокращение расстояний: в том и другом случае усилия тяги и трата времени одинаково уменьшаются. Вот сравнение туннелей:

	Фрежюс	Симплон	Сен-Готард
Длина	12.233 метр.	18.743 метр.	14.920 метр.
Высота	1.250 „	720 „	1.154 „

Предлагали также прорытие Мон-Блана, но едва-ли это дело осуществимое: в середине туннеля температура превышала бы 50°.

На другом конце Швейцарии тоже есть брешь между горами, повидимому, ожидающая проложения рельсового пути: это возвышенная долина р. Инн. На первый взгляд кажется, что линия, пересекающая Альпы наискось, как естественный путь между долиною Дуная и Генуэзским заливом, была бы удобна для постройки железной дороги; но дело в том, что эта дорога, в противоположность симплонской, проходила бы на высоте 1.800 метров по всему раздельному плоскогорью; затем, достигнув порога хребта Малоджиа, должна бы была круто спускаться в долину Брегалья, как на дно пропасти.

Сколько бы лет ни протекло еще до постройки всех этих путей, наплыв путешественников в громадную гостиницу, какою является нам современная Гельвеция, без сомнения, не перестанет увеличиваться с каждым годом. Во время летнего сезона железные дороги привозят более миллиона гостей в отели и на минеральные воды Швейцарии, где прилив иностранцев беспрестанно обновляется, и где можно услышать в одно и то же время разговор на всех употребительных в Европе языках и наречиях. Например, в Интерлакене ежегодное число иностранных посетителей колеблется между 75.000 и 100.000. Большое число этих туристов, прельщенные здоровым климатом и выгодами материальной свободы, задерживаются здесь на более или менее продолжительный срок, и даже зимою население иностранного происхождения составляет весьма значительный процент; так, например, в 1870 г. число иностранцев, проживавших в Швейцарии, простиралось до ста пятидесяти тысяч слишком. Промышленные города: Женева, Базель, Цюрих, Санкт-Галлен, привлекают, кроме того, не-

малое число французских и немецких рабочих, которые способствуют благосостоянию края, и везде, где строится дом, где производятся земляные работы, вы непременно услышите итальянскую речь. Перемещение населений таково, что, в среднем, каждая община имеет меньше природных граждан, нежели эмигрантов.

Жители общин, на 1.000 лиц, по Куммеру («Recensement federal»):

Граждане—645 в 1850 г., 493 в 1880 г.; иммигранты из других общин того же кантона—259 в 1850 г., 300 в 1880 г.; иммигранты из других кантонов—66 в 1850 г., 133 в 1880 г.; иностранцы—30 в 1850 г., 74 в 1880 г.

Нельзя сказать, чтобы жители Швейцарии являлись в самом выгодном свете путешественнику, быстро переезжающему из одного места в другое, или вернее из одного отеля в другой. Действительно, «эксплоатация иностранцев» составляет один из главных промыслов страны; в одном только Бернском Оберланде путешественники ежегодно оставляют не менее 30.000.000 франков. Содержатели гостиниц, носильщики, проводники, трубачи, играющие в рожок, поднимальщики шлагбаумов, или отворяльщики ворот, сторожа при водопадах, караульные при гротах, подкладывальщики досок через ручьи, нищие всякого рода, подстерегающие добычу из-за заборов, словом, все паразиты, живущие на счет иностранного посетителя, эксплоатируют его без малейшего стыда и совести. Здесь во многих местах, особенно в Бернском кантоне, за все берут деньги, даже за стакан воды, даже за знак, который сделают рукою, чтобы указать вам дорогу. Крупные эксплоататоры стараются приобрести в свою собственность живописные места для того, чтобы взимать с публики дорогую плату за право смотреть на них, и многие водопады изуродованы чудовищными оградами, заслоняющими красивый вид от взоров бедняка. Нет ничего удивительного, что эта черта алчности оставляет неприятное впечатление в уме путешественника; но нужно заметить, что в среде, где страсть к наживе постоянно возбуждается и поддерживается, трудно судить справедливо о нравственной цене населения, с которым приходишь временно в соприкосновение.

Кроме этого тактирного мира, который один только и известен многим иностранцам, есть другой, социальный мир, мир нормальной жизни, где и нужно изучать настоящую Швейцарию. Но при этом изучении, кроме, разумеется, личного опыта и наблюдения, можно руководиться только статистическими данными, более или менее точными, которые публикуются кантонами и частными обществами. Принимая во внимание средний уровень образования, как важнейшее мерило для классификации народов по степени их цивилизации, мы должны признать, что швейцарцы занимают в этом отношении одно из первых мест между европейскими нациями. В большей части кантонов все дети правильно посещают элементарные школы, и число учащихся в средних учебных заведениях составляет значительную долю юного поколения, хотя в горных кантонах есть еще много неграмотных. Во многих деревнях лучшее здание—это дом сельской школы, а во многих городах для помещения училищ воздвигают настоящие дворцы. Общее число начальных школ (1891 г.): 4.510, с 492.800 учащихся; средних учебных заведений, лицеев, коллежей и проч. (1890 г.): 673, с 468.600 учащихся; университетов 5: в Цюрихе, Берне, Базеле, Женеве и Лозанне; 2 академии—в Нёфшателе и Фрейбурге—и политехникум; студентов (1893 г.)свыше 4.000; средняя неграмотных (1892 г.) 3,2 проц. Самые образованные кантоны—Базель (городской округ), Цюрих и Во; наименее образованные кантоны—Нидвальден, Фрейбург, Валлис, Швиц, Аппенцелль (внутренний Роден). Учителя и профессора в Швейцарии вознаграждаются сравнительно гораздо лучше, чем в соседних странах, и пользуются большим уважением со стороны граждан. Так, например, наставники начальных школ в городе Цюрихе получают от 2.300 до 3.500 франк., а в кантоне минимум 1.200 фр. жалованья и квартиру. Наконец, и по выходе из школ швейцарцы читают и пишут больше, чем их соседи за Юрою, Сен-Готардом или Рейном, как о том можно заключить по количеству периодических изданий, библиотек, различных обществ и союзов, ученых, артистических, гимнастических и пр., и по размерам почтовой и телеграфной корреспонденции. Периодическая пресса: из 900 слишком газет и журналов 352 политических листка (253 немецких, 79 французских, 15 итальянских, 2 ро-

манских и 3 на нескольких языках). Число публичных библиотек: свыше 2.000, с 2 с половиной миллионами томов. Обществ и союзов разного рода (1875 г.) 5.552, с 230.000 членов.

В 1895 г. переслано по почте, в круглых числах: во внутреннем сообщении: писем закрытых 82.000.000, открытых 16.000.000, газет и журналов 91.000.000, и пр.; в заграничном сообщении: писем закрытых 16.000.000, открытых 5.000.000, и пр.

Длина государственной телеграфной сети в 1895 г.: 7.152,$_6$ километра; число переданных депеш: 3.807.412.

Телефон в конце 1895 г.: 225 сетей, с 23.446 станций; длина линий: 8.911,$_4$ километр., длина проволок: 53.075 километр.

В так называемом «европейском концерте», швейцарцы, бесспорно, самая передовая нация, как по среднему уровню их образованности, так и по степени их местной свободы. Но их ораторы не злоупотребляют ли своим красноречием? Корпорации и партии не слишком ли склоны справлять свои годовщины и праздники банкетами, где обильный поток слов слишком часто сопровождается чересчур обильными возлияниями? Пьянство—очень распространенный порок в большинстве кантонов, и отчеты медиков, относящиеся к рекрутскому набору, свидетельствуют о печальном санитарном состоянии. В некоторых сельских округах Берна четыре пятых населения состоит из людей чахлых или болезненных. Швейцария—одна из стран, где разводы особенно часты; в среднем, они доходят до одной двадцатой числа браков; в Шафгаузене они составляют 14 проц. В 1876 г. число прошений о разводе в Иннерродене равнялось 23 проц., почти четверти заключенных браков.

X

Швейцарский народ, представляющий пеструю смесь племен, наречий и религий, управляется не так, как большие государства, во главе которых стоит или единоличный правитель, монарх, или одна политическая партия. Несмотря на успехи централизации, которая и в Швейцарии постоянно усиливается с начала текущего столетия, каждый из швейцарских кантонов представляет федерацию самостоятельных общин, имеющих собственное, совершенно независимое, управление, и сама республика есть не что иное, как союз кантонов, пользующихся широкою автономиею в своих внутренних делах. В прежнее время, при бесконечном разнообразии политических форм, Швейцария распадалась на многие сотни маленьких государств, территории которых, взаимно переплетаясь, образовали настоящий лабиринт чересполосных владений, и которые группировались в государства высшего порядка посредством делегаций разных степеней. Согласно законам географии, долина составила, в общем государственном организме, первую республиканскую клеточку или ячейку, поразительным примером чего служит Граубюнден. Благодаря особенным условиям местности, где общины отделены одна от другой барьерами из скал и снежных масс, жителям этой области легко было сохранить в каждой долине и котловине свою местную автономию. Эти различные группы соединялись, для управления общими делами, в юрисдикции и высшие юрисдикции, власть которых имела некогда символом виселицу, а юрисдикции, в свою очередь, образовали лигу, в видах защиты своей территории от внешнего врага. Три такия лиги («серая», «лига Дома Божия» и «лига Десяти судов»), общая федерация всех соединившихся общин, и составляли самостоятельный политический союз, известный под именем Граубюндена.

В целом, Швейцарская республика нисколько не походила на тот идеальный тип, который обыкновенно соединяют с понятием о подобном политическом устройстве. Злоупотребления феодальной системы и насилия завоевания уживались в этой стране рядом с широкими местными вольностями. Крепостное право тоже существовало в Швейцарии; в Золотурне оно сохранялось еще в 1782 г. Жители равнин и низких холмов, не защищенные естественными преградами от нашествия вооруженных шаек, сделались домашним скотом господ или монастырей. В каждом месте были свои особые законы и права; привилегии везде менялись, смотря по превратностям войн и союзов. Между городами некоторые пользовались титулом

союзников, без всякой самостоятельности; другие только состояли под покровительством; но большинство из них составляли просто добычу победителя и должны были повиноваться или одному из кантонов, или всей совокупности швейцарского народа. Нужно было страшное потрясение, произведенное французскою революциею, чтобы изменить этот анормальный порядок вещей и заставить швейцарцев вступить на путь равенства гражданского и политического. Распределение вероисповеданий в Швейцарии служит наглядным доказательством того деспотического насилия, с которым некогда каждое маленькое государство вторгалось в духовную жизнь своих граждан; религиозные обряды, так же, как церемониал празднеств, составляли предмет строгой регламентации, насильно навязывались всем и каждому без исключения. Смотря по исходу религиозной борьбы, завязавшейся после реформации, все жители, принадлежавшие к известному политическому обществу, обязаны были исповедывать одну и ту же обрядность, какова бы ни была их тайная вера: этим и объясняется господствующее в Швейцарии странное смешение религий, не зависящее ни от области языков или национальностей, ни от положения горных склонов, но которое теперь все более и более сглаживается, благодаря современной веротерпимости, оживленным сношениям между различными кантонами и иммиграции иностранцев. Кроме того, в последнее время образовалось новое вероисповедание: мы говорим о культе так называемых «старо-католиков», которые группируются преимущественно в кантонах Золотурн, Берн, Ааргау.

Некоторые малые кантоны: Гларус, Ури, оба Аппенцельские и оба Унтервальденские полукантоны, до сих пор сохранили свои старинные народные собрания, где все граждане сообща рассуждают об общественных делах. При начале образования швейцарской конфедерации эти собрания имели весьма важное значение, и на них-то, без сомнения, были принимаемы все великия национальные решения: об одном из таких всенародных сходов, или Landsgemeinden, упоминается в письменных памятниках конца тринадцатого столетия. Народные собрания кантонов Швиц и Цуг были отменены—первое вследствие французского нашествия в 1798 г., а второе после истории Зондербунда. Что касается народных собраний двух лесных кантонов, Ури и Унтервальдена, то они все еще устраиваются периодически с большим торжеством и представляют очень любопытное зрелище, как явление минувших веков, украшенное чудным пейзажем окружающей местности. Но в действительности это одна устарелая форма, служащая только к тому, чтобы замаскировать перемещение власти, перешедшей в руки нескольких влиятельных родов. Особенно внушительный вид по многолюдству имеет эта средневековая Landsgemeinde в Трогене, в Ауссерродене (Аппенцельский кантон), где иногда собирается более десяти тысяч граждан. Народное собрание Гларуса замечательно тем, что оно более других сохранило свои старинные прерогативы; кроме того, оно отличается одним оригинальным обычаем: на этом собрании присутствуют и дети; сгруппировавшись вокруг эстрады, они слушают речи взрослых и таким образом постепенно приучаются к обсуждению общественных дел (Eug. Rambert, «Les Landsgemeindes de la Suisse, les Alpes», V vol.).

Законодательство не во всех кантонах одинаково, по крайней мере по вопросам, не подлежащим ведению конфедерации. Смертная казнь и телесные наказания, отмененные, было, повсюду, теперь восстановлены в некоторых кантонах, преимущественно центральных; под новым правом во многих кантонах проглядывают еще следы средневековой юриспруденции. В других кантонах, напротив, в особенности в Тессине, уголовный закон опирается на том гуманном начале, что наказание должно иметь единственною целью нравственное исправление преступника, и что совершенная им вина может быть искуплена его последующим поведением. Старые законы кантонов, различно толкуемые, смотря по столкновениям интересов, часто подают повод к юридическим спорам и пререканиям; но можно надеяться, что под давлением федеральных законов, истолкователем которых является высший союзный трибунал, заседающий в Лозанне, отдельные кантоны, в конце концов, примут одинаковый для всех национальный кодекс.

Главное различие между областями, входящими в состав Швейцарского союза, состоит в

неравенстве их территории и цифры населения. Самый большой из швейцарских кантонов, Граубюнден, почти в двести раз обширнее Базельского городского полукантона, тогда как Бернский кантон в сорок шесть раз превосходит числом жителей полукантон Нидвальден. Тем не менее, девятнадцать кантонов и шесть полукантонов, столь различные между собою по степени действительной важности, все одинаково равны по праву, все независимы и самостоятельны в делах местного управления, и полукантоны, в отношении государственной полноправности, отличаются от целых кантонов только тем, что они имеют по одному представителю в федеральном совете, тогда как кантоны посылают каждый по два депутата в это собрание. Относительная величина кантонов по пространству и населению видна из нижеследующей таблицы, где показаны также господствующие язык и религия.

КАНТОНЫ		Площадь в кв. килом.	Население в 1888 г.	Число жител. на 1 кв. килом.	Главный город	Язык	Религия
Цюрих		1.725	337.183	197	Цюрих	Немецкий	Протестан.
Берн		6.888	536.679	78	Берн	Нем., Франц.	Прот., Катол.
Люцерн		1.501	135.360	90	Люцерн	Немецкий	Католич.
Ури		1.076	17.249	16	Альторф	„	„
Швиц		908	50.307	55	Швиц	„	„
Унтенвальден	Обвальден	475	15.043	32	Сарнен	„	„
	Нидвальден	290	12.538	43	Станц	„	„
Гларус		691	33.825	49	Гларус	„	Протестан.
Цуг		239	23.029	97	Цуг	„	Католич.
Фрейбург		1.669	119.155	72	Фрейбург	Франц., Нем.	„
Золотурн		792	85.621	108	Золотурн	Немецкий	„
Базель	городской полукантон	36	73.749	2.049	Базель	„	Протестан.
	сельский полукантон	422	61.941	147	Листаль	„	„
Шафгаузен		294	37.783	129	Шафгаузен	„	„
Аппенцелль	Ауссероден	242	54.109	224	Гернзау, Троген	„	„
	Иннерроден	178	12.888	73	Аппенцелль	„	Католич.
Санкт-Галлен		2.019	228.174	114	С.-Галлен	Немецкий	Прот., Катол.
Граубюнден		7.133	94.810	13	Кур	Нем., роман., итальян.	„
Ааргау		1.404	193.580	138	Ааргау	Немецкий	„
Тургау		988	104.698	106	Фрауенфельд	„	„
Тессин		2.818	126.751	45	Локарно	Итальян.	Католич.
Во или Ваадтланд		3.223	247.655	78	Лозанна	Французск.	Протестан.
Валлис		5.248	101.985	19	Сион	Франц., Нем., Итал.	Католич.
Нефшатель		808	108.153	135	Нефшатель	Французск.	Протестан.
Женева		279	105.509	383	Женева	„	Прот., Катол.
Вся Швейцария		41.346	2.917.754	71			

Из всех ныне существующих меленьких федеративных республик Швейцария наиболее приближается к идеалу народного правления. По её конституции, «государственная власть принадлежит всей совокупности граждан»; она приводится в действие прямо чрез избирателей и косвенно чрез посредство должностных лиц. Народ пользуется также законодательною властью или посредством прямого почина со стороны граждан, подающих голоса, или посредством одобрения или неодобрения всех актов законодательства, имеющих действительную важность. Даже отдельно всякий гражданин имеет право предлагать законы, и если он получит согласие тринадцатой части общего числа избирателей, то может требовать, чтобы его проект был представлен на обсуждение всего кантона. Таким образом, вся страна составляет один большой парламент, в котором каждый швейцарец есть член по праву рождения.

По смыслу федерального договора, заключенного в 1848 году и пересмотренного в 1874 г.

в духе более сильной централизации, ни один кантон не имеет более права вступать в политические союзы с другими кантонами или с иностранными государствами; все державные права отдельных кантонов перешли к нации, взятой во всей совокупности граждан. Одна только конфедерация может заключать трактаты с иностранными государствами и объявлять войну; ей подчинены союзные военные силы, образующиеся из контингентов, поставляемых отдельными кантонами; она же чеканит монету, установляет весы и меры, управляет почтами и телеграфами, взимает таможенные пошлины на границе. Вместе с тем, на конфедерации лежит обязанность защищать права и свободу гражданина и наблюдать за тем, чтобы кантоны сами не позволяли себе нарушать эту свободу.

Столица Швейцарии есть Берн, город, избранный также центром всеобщего почтового союза, который теперь обнимает почти весь цивилизованный мир. Высшая власть республики, представляемая федеральным собранием, которое имеет пребывание в Берне, состоит из двух отделений: национального или народного совета, члены которого выбираются на три года и в числе пропорциональном количеству населения, именно по одному депутату на каждые 20.000 жителей; и совета кантонов, в который каждый полукантон посылает по одному, а каждый полный кантон по два уполномоченных. Члены национального совета, который является непосредственным представителем народа, получают жалованье от конфедерации, тогда как депутаты кантонального совета вознаграждаются за свои труды самими кантонами. Союзное собрание, состоящее из двух палат, выбирает из своей среды исполнительный федеральный совет в составе семи членов, из которых один назначается президентом конфедерации только на один год: вторично он уже не может быть избран на эту должность. Годовое содержание президента республики, выдаваемое ему, как и другим членам исполнительного федерального совета, из союзной казны, определено в 13.500 франков; товарищи его получают по 12.000 франков. Во всех почти кантонах местное управление организовано так же, как и центральное правительство, но централизация усиливается. В 1849 году число федеральных чиновников было около 500, в 1880 же году оно уже переходило за 7.000.

Каждый швейцарский гражданин, по достижении 20-ти-летнего возраста, делается избирателем и сам может быть выбираем на общественные должности; только лица из духовного звания не пользуются последним правом, т.е. правом служить по выборам. Все швейцарцы, имеющие от 20 до 45 лет от роду, обязаны нести воинскую повинность, или лично, или посредством взноса выкупной суммы, в случаях, определенных законом. Постоянного войска в Швейцарии не существует; но союзное правительство каждый год призывает под ружье, на несколько недель, граждан, принадлежащих к федеральной армии. Эта армия состоит: из «отборнаго войска», для которого каждый кантон поставляет по три человека с каждой сотни жителей, из ландвера, к которому причислены все граждане в возрасте от 34 до 44 лет, и из ландштурма, в который входят все граждане в возрасте от 17 до 50 (офицеры до 55) лет, не принадлежащие к отборному войску и ландверу. Состав армии в 1895 г. (по штатам военного времени): отборное войско,—137.649, ландвер—80.602, ландштурм—230.000 (61.000 вооруженных) человек.

Армия, хотя она и непостоянная, с каждым годом требует все больших расходов и ложится все более тяжелым бременем на бюджет Швейцарии. Уже около половины текущего столетия для большинства кантонов началась эра дефицитов; теперь она пришла и для всей республики, вступившей отныне на путь централизации. Первый заем был сделан в 1871 г.; потребуются и новые займы, если последуют совету некоторых офицеров—окружить Швейцарию укреплениями для «обезпечения её нейтралитета», и загородить фортами все проходы Юры (так как со стороны Германии Швейцария совершенно открыта, то считают бесполезным воздвигать какия-либо укрепления на этом «стратегическом фронте»). Многие кантоны имеют уже весьма значительный долг, и к тому же в кантонах большая часть налогов взимается в виде прямой подати, так что, следовательно, плательщики чувствуют все бремя лежащих на них денежных повинностей. Что касается действительных доходов государства,

то почти единственным источником их служит таможенный сбор, так как доход от почты и телеграфов почти целиком употребляется на покрытие издержек по содержанию этих учреждений. Хотя Швейцария есть государство нейтральное по преимуществу, она тем не менее тратит большие суммы на военные силы; увлекаясь примером соседних держав, она уже переделала и пополнила все вооружение своей армии, пушки, ружья и карабины, но до сих пор еще не создала, если не считать Цюрихской Политехнической школы,—того центрального союзного университета, учреждение которого было возвещено уже конституциею 1848 г. и затем снова обещано в пересмотренной конституции.

Федеральный бюджет Швейцарского союза (по исполнению росписи 1895 г.):

Доходы—81.005.586 франков; расходы—76.402.630 франк, (из этого числа 23.012.361 франк. на военное ведомство).

Состояние имущества Союза 1 января 1895 г.:

Актив государства: 156.326.189 франков. Пассив: 85.203.586 франк. Проценты и погашение по государственному долгу: 4.276.595 франков.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА

Оглавление

Том III. Германия и Швейцария....3
Глава I Общий обзор....3
Глава II Область Вогезов....17
Эльзас-Лотарингия....17
Глава III Рейн и Мозель....38
Глава IV Швабская Юра и долина Неккара....80
Глава V Верхний Дунай и Майн....89
Глава VI Горы Тюрингена и Гессена, хребты Гарца....114
Глава VII Равнины Эльбы и Везера; берега Северного моря....128
Глава VIII Бассейн средней Эльбы....148
Саксония....148
Глава IX. Равнины Эльбы, Одера, Вислы....160
Глава X Кимврский полуостров....220
Глава XI Общее состояние Германии....227
Глава XII Правительство и администрация....241
Глава XIII. Швейцария....258
I....258
II....259
III....270
IV....273
V....275
VI....285
VII....293
VIII....299
IX....311
X....319